Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Серегин Николай Николаевич

ТЮРКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОЦИОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V – XI ВВ. Н.Э.)

Том 1

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Тишкин Алексей Алексеевич

Барнаул – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

Введение 2

Глава I. История изучения археологических памятников тюрок Центральной Азии 20

1.1. Открытие первых памятников и начало их осмысления (XVIII в. – начало XX в.) 21

1.2. Результаты изучения и интерпретации археологических комплексов раннего средневековья в 1920-е – 1940-е гг. 35

1.3. Целенаправленные исследования археологических памятников тюрок (1950-е – начало 1990-х гг.) 55

1.4. Современный этап исследования и интерпретации тюркских памятников (вторая половина 1990-х гг. – начало XXI в.) 108

Глава II. Погребальный обряд тюрок: общие и локальные черты, формирование и эволюция 134

2.1. Погребальные сооружения 134

2.1.1. «Околокурганные» объекты 135

2.1.2. Наземные и внутримогильные конструкции 141

2.1.3. Погребения в подбое 150

2.1.4. Впускные погребения 160

2.1.5. Скальные захоронения 163

2.2. Погребальный ритуал 171

2.2.1. Захоронения с лошадью 174

2.2.2. «Одиночные» погребения 180

2.2.3. Кенотафы как особый вариант реализации погребального ритуала 185

2.3. Объекты погребально-поминального характера 191

2.3.1. «Ритуальные» курганы 191

2.3.2. Отдельные захоронения лошадей 192
2.4. Сопроводительный инвентарь в системе погребальной обрядности 205
2.5. Формирование и динамика погребального обряда тюрок 215

Глава III. Становление и трансформации традиций сооружения тюркских «поминальных» комплексов 227
3.1. Особенности распространения и планиграфии «поминальных» комплексов 227
3.2. Классификация «поминальных» сооружений 232
3.3. Ранний комплекс «поминальных» объектов 247
3.4. Эволюция традиций сооружения «поминальных» комплексов 256
3.5. Основные аспекты интерпретации «поминальных» сооружений 260

Глава IV. Социогенез тюрок Центральной Азии (опыт интерпретации археологических материалов) 270
4.1. Гендерный анализ 275
4.2. Возрастная дифференциация 286
4.3. «Социальные маркеры» археологических комплексов 298
4.4. Структура социума 314
4.5. Возможности реконструкции социальной организации по материалам археологических памятников 321
4.6. Сложение и трансформации социальной системы тюрок 344

Глава V. Этнокультурная история тюрок Центральной Азии (по материалам археологических комплексов) 363
5.1. Формирование культуры тюрок: компоненты, исторический контекст 363
5.2. Исторические судьбы населения сяньбийско-жужанского времени в контексте процессов культурогенеза тюрок 372

5.3. Кочевники в эпоху Тюркских каганатов (вторая половина VI – первая половина VIII вв. н.э.) 383
5.4. Тюрки в составе каганатов уйгуров и кыргызов (вторая половина VIII – XI вв. н.э.)..... 398

Заключение..... 404
Список источников и литературы 412
Список сокращений..... 518

Том 2

Приложение I. Своды памятников и текстовые материалы 3
Приложение II. Таблицы и схемы 139
Приложение III. Иллюстрации 148

Введение

Актуальность темы. Период раннего средневековья стал важным этапом в истории номадов центрально-азиатского региона. К тому времени относится сложение, развитие и упадок ряда крупнейших кочевых империй, оказавших значительное влияние на исторические судьбы многих народов Евразии. Одной из наиболее ярких общностей номадов являлись тюрки, создавшие первые политические объединения рассматриваемого периода и в значительной степени определившие особенности развития кочевой цивилизации Центральной Азии эпохи средневековья. К настоящему времени в большинстве исследований основой для реконструкции различных аспектов истории тюрок остаются письменные источники – главным образом, рунические тексты и китайские династийные хроники. Вместе с тем, фрагментарность имеющихся сведений, а также известная неточность приводимой информации определяет необходимость использования других материалов. Наиболее объективным источником в данном случае следует считать результаты раскопок археологических памятников, прежде всего погребальных и «поминальных» комплексов тюрок, раскопанных в различных частях центрально-азиатского региона. Обращение к археологическим материалам весьма важно в свете многочисленных спекуляций и искажений истории тюрок, поисков их «прародины» для обоснования политических прав отдельных групп населения на конкретные территории, фиксирующихся в последние десятилетия.

Основной тенденцией в области интерпретации результатов раскопок археологических комплексов тюрок является преимущественное развитие региональной тематики. В рамках такого подхода осуществляется рассмотрение какой-либо группы памятников, изученных на конкретной ограниченной территории (Алтай, Тува, Минусинская котловина, Монголия). Более эффективным на данном этапе развития знаний об археологии тюрок Центральной Азии представляется осуществление исследования,

предполагающего целостный анализ всех комплексов в одной системе координат. Это позволит не только решить частные вопросы истории номадов, но и выйти на уровень обобщений и реконструкции историко-культурных процессов в регионе.

Отдельным направлением исследований, представляющим большое значение для понимания феномена цивилизации кочевников, является социальная интерпретация материалов раскопок археологических комплексов тюрок Центральной Азии. Проведение такой работы позволит не только оценить уровень развития общества номадов и осуществить реконструкцию процессов социогенеза, но также станет основанием для определения факторов, оказывавших воздействие на социальную систему тюрок в различные хронологические периоды.

Актуальность системного обобщения результатов исследований археологических памятников тюрок определяется сохраняющейся дискуссионностью многих вопросов в области интерпретации материалов раскопок погребальных и «поминальных» комплексов. Многие из таких проблем могут быть решены с привлечением всего объема имеющихся данных, в том числе новых сведений, не введенных в научный оборот или опубликованных лишь частично.

Степень разработанности темы. История изучения археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии охватывает период с XVIII в. до настоящего времени. За это время сформирован значительный объем материалов и продемонстрированы возможности исследования различных аспектов истории номадов на основании результатов раскопок. В большинстве крупных работ по данной тематике представлены итоги анализа конкретных групп памятников, расположенных на отдельных территориях рассматриваемого обширного региона (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Кызласов Л.Р., 1969, с. 18–55; Васютин А.С., 1983б; Кубарев В.Д., 1984; Войтов В.Е., 1996; Худяков Ю.С., 2004; Кубарев Г.В., 2005; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009; и др.). Имеются исследования обобщающего характера, посвященные изучению

различных категорий вещевого комплекса из погребальных и «поминальных» комплексов тюрок (Худяков Ю.С., 1986а, с. 137–168; Добжанский В.Н., 1990, с. 30–44; Овчинникова Б.Б., 1990; Горбунов В.В., 2003, 2006; Горбунова Т.Г., 2004; и др.). Накопленный опыт стал основанием для создания нескольких культурно-хронологических и периодизационных схем как общего, так и локального характера (Гаврилова А.А., 1965, с. 58–72; Вайнштейн С.И., 1966а; Савинов Д.Г., 1984, с. 48–76; 2005а, с. 195–250; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 129–139; Тишкин А.А., 2007, с. 185–204). Нельзя не отметить неразработанность вопросов социальной интерпретации материалов раскопок археологических тюрок Центральной Азии, которой посвящены лишь отдельные публикации (Длужневская Г.В., 1976; Тетерин Ю.В., 1999; Васютин С.А., 2007). Кроме того, отсутствуют обобщающие исследования, направленные на реконструкцию сложных процессов формирования и эволюции погребальной и поминальной обрядности раннесредневековых кочевников в контексте ключевых этнокультурных процессов в регионе. Подробная характеристика историографии различных аспектов изучения и интерпретации археологических комплексов тюрок представлена в Главе I диссертации.

Цель работы – на основе комплексного анализа материалов раскопок археологических памятников осуществить реконструкцию процессов социогенеза тюрок Центральной Азии в контексте ключевых этапов их этнокультурной истории во второй половине V – XI вв.

Для ее выполнения поставлены следующие *задачи:*

1) обобщить и систематизировать накопленные сведения по изучению и интерпретации археологических памятников тюрок Центральной Азии;

2) осуществить анализ всех элементов погребального обряда тюрок (провести классификацию наземных и внутримогильных конструкций, выделить и дать характеристику основных компонентов ритуала погребения, определить место инвентаря в обрядовой практике, осуществить интерпретацию кенотафов, «ритуальных» курганов и отдельных захоронений лошадей);

3) определить особенности формирования и эволюции погребальной обрядности тюрок в различных частях Центральной Азии на протяжении второй половины V – XI вв.;

4) провести системный анализ материалов раскопок «поминальных» комплексов тюрок (определить особенности распространения и планиграфии объектов, осуществить классификацию зафиксированных конструкций);

5) выделить и охарактеризовать раннюю группу «поминальных» комплексов тюрок, определить основные направления эволюции традиций сооружения объектов на протяжении второй половины V – XI вв.;

6) определить признаки гендерной и возрастной дифференциации в обществе тюрок по материалам археологических комплексов, представить их интерпретацию;

7) осуществить реконструкцию структуры и организации общества тюрок Центральной Азии, получившую отражение в погребальной и поминальной обрядности;

8) охарактеризовать основные этапы этнокультурной и социальной истории тюрок на основе анализа материалов раскопок археологических памятников.

Объектом исследования выступает раннесредневековая культура тюрок Центральной Азии.

Предметом работы являются археологические комплексы, в которых нашли отражение процессы социогенеза и этнокультурная история тюрок.

Территориальные рамки исследования определяются особенностями распространения археологических памятников тюрок в Центральной Азии. В научно-справочной литературе представлены различные определения границ обозначенного региона (Советская историческая энциклопедия, Т. 1, 1961, с. 272; Энциклопедический словарь географических названий, 1973, с. 732; Большая российская энциклопедия, Т. 1, 2005, с. 292–293; и др.). В настоящей работе под «Центральной Азией» понимается обширный географический регион, включающий Монголию, Южную Сибирь (Алтай, Тува, Минусинская

котловина, Прибайкалье и Забайкалье), территории входящих в состав Китайской народной Республики административных единиц – автономных районов Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйский, провинций Цинхай и Ганьсу, а также Восточного Туркестана (Грач А.Д., 1984, с. 113–115; Дробышев Ю.И., 2014, с. 19–54). Основной массив археологических памятников раннесредневековых тюрок в обозначенном регионе исследован на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Монголии.

Учитывая распространение племен тюрок на различных этапах их истории за пределы обозначенной области, в работе также используются сравнительно немногочисленные археологические материалы, полученные в ходе работ на территории Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Хронологические рамки работы включают период со второй половины V в. до XI в. н.э. и определяются временем сооружения археологических комплексов тюрками в различных частях Центральной Азии. В диссертации учитывались культурно-хронологические и периодизационные схемы, разработанные А.А. Гавриловой, С.И. Вайнштейном, Л.Р. Кызласовым, А.Д. Грачом, Б.Б. Овчинниковой и др. Наиболее подробной и обоснованной представляется концепция, сформированная на основе анализа памятников Алтая и учитывающая результаты работ обозначенных исследователей (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; Тишкин А.А., 2007; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011). Данная схема предполагает выделение следующих этапов в существовании археологической культуры тюрок: кызыл-ташский (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.), кудыргинский (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.), катандинский (вторая половина VII – первая половина VIII вв. н.э.), туэктинский (вторая половина VIII – первая половина IX вв. н.э.), курайский (вторая половина IX – первая половина X вв. н.э.), балтарганский (вторая половина X – XI вв. н.э.). С учетом специфики памятников тюрок в других частях Центральной Азии, данная схема может быть использована в качестве основы при осуществлении различного рода реконструкций. Формирование общности тюрок относится ко

времени заката культурных традиций, связанных с гегемонией в Центральной Азии объединения кочевников, известных в китайских хрониках как жуаньжуани (Кляшторный С.Г., 2005, с. 49–50) или жужани (Крадин Н.Н., 2000, с. 80). Наиболее поздние памятники тюрок относятся к началу II тыс. н.э., традиционно обозначаемому как предмонгольское время, и демонстрируют влияние различных групп номадов.

Методология и методы исследования. Теоретической основой исследования выступали рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность). В рамках данной парадигмы рассматривались процессы формирования и разнопланового развития традиций погребально-поминальной обрядности тюрок Центральной Азии, а также эволюция социальной системы кочевников (Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., 2002, с. 6–15). Определенное значение имели отдельные положения диффузионизма (заимствование, перенос и смешение), предоставляющие основания для оценки внешних факторов, определявших трансформации различных сфер общества номадов – влияние традиций других групп населения, контакты с крупнейшими оседло-земледельческими центрами и др. (Крадин Н.Н., 2001, с. 95–137; Хазанов А.М., 2008, с. 224–249).

Работа основана на системном подходе, базирующемся на принципе диалектической взаимосвязи части и целого, а также частей в целом, при изучении объектов как динамичных, эволюционирующих систем. Его предметный аспект предполагает проведение структурно-компонентного анализа посредством корреляции результатов использования различных методов (Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н., 2001, с. 559; Блауберг И.В., 1997, с. 235; Каган М.С., 1991, с. 19–20). Применение данных методологических положений на конкретном археологическом материале исходило из восприятия погребально-поминальной обрядности и социальной организации тюрок Центральной Азии как упорядоченных, целостных, динамичных систем взаимосвязанных элементов, обладающих для целого определенной значимостью.

В работе использовались отдельные положения мир-системного подхода, предполагающего возможность исторической динамики в существовании ядра, периферии и полупериферии (Гринин Л.Е., Коротаев А.В., 2008, с. 7–35). В рамках данного подхода рассматривались процессы смены центра и окраины в истории тюрок Центральной Азии, а также определялись локальные черты археологической культуры на конкретных территориях, получившие отражение в материалах раскопок погребальных и «поминальных» комплексов.

В ходе реализации палеосоциологического анализа исходным было положение о том, что общество – это многоуровневая система, в горизонтальной проекции которой находится половозрастная, семейно-брачная, а в вертикальной – социальная, имущественная, профессиональная, властная генетические структуры (Сорокин П.С., 1992, с. 300–302). Важной методологической посылкой работы выступила идея «опредмечивания» социального статуса, согласно которой в представлениях раннесредневекового населения общественное положение человека полностью сохранялось после смерти, находя выражение в различных показателях погребального обряда (Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 54–63).

В классификационных построениях, а также при реконструкции социальной структуры и организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии использовались подходы, базовые принципы и категориальный аппарат, представленные в работах Л.С. Клейна (1991), В.С. Ольховского (1991, 1995), А.А. Тишкина (1996), С.А. Васютина (1998), А.А. Тишкина и П.К. Дашковского (2003), А.В. Кондрашова (2004а), С.С. Матренина (2005в) и других исследователей.

При написании работы использовались общеисторические методы познания (сравнительно-исторический, хронологический). В ходе историографического исследования применялись историко-генетический и ретроспективный методы. Широко использовались методы и подходы, традиционно применяемые в археологических исследованиях. Определение особенностей распространения и локализации погребальных и «поминальных»

комплексов тюрок основывалось на применении метода картографии. В рамках систематизации материалов раскопок применялся метод классификации зафиксированных конструкций. Использование типологического метода позволило рассматривать изменение выделенных типов погребальных и поминальных сооружений на протяжении длительного хронологического периода. Анализ особенностей внутренней структуры погребальных и «поминальных» комплексов тюрок основывался на применении метода планиграфического анализа. Кроме того, в работе использовались приемы статистической обработки результатов изучения археологических памятников, позволяющие оценить различные количественные показатели и их динамику.

Источниковую базу исследования составили разнообразные материалы. Основными выступают археологические источники – материалы раскопок 402 погребений, исследованных на 120 некрополях (Приложение I, с. 3–66), и 420 «поминальных» комплексов, изученных на 92 памятниках тюрок Центральной Азии (Приложение I, с. 67–111). Используемые археологические источники делятся на три группы.

1. Первая группа включает полевые отчеты о проведенных археологических исследованиях, в которых содержится информация о погребальных и «поминальных» памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Автором проведена работа с 21 полевым отчетом, хранящимся в учреждениях Москвы (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН), Санкт-Петербурга (Научный архив Института истории материальной культуры РАН) и Барнаула (архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ). Перечень использованных архивных материалов приведен в списке источников (стр. 412–413).

2. Вторая группа представлена археологическими коллекциями из памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, хранящимися в музейных организациях России и Монголии. Автором диссертации изучены более 50 коллекций, находящихся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) – 12 коллекций, Музее «Археология, этнография и экология Сибири»

КемГУ (г. Кемерово) – 5 коллекций; Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул) – 9 коллекций; Музее Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск) – 4 коллекции; Музее при Институте истории и археологии Монголии (г. Улан-Батор, Монголия) – 6 коллекций; Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск) – 11 коллекций; в том числе осуществлена работа с коллекциями, представленными в экспозициях Государственного исторического музея (г. Москва), Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (Кызыл); Монгольского национального исторического музея (г. Улан-Батор). Перечень изученных археологических коллекций приведен в списке источников (стр. 413–418).

3. Третья группа археологических источников включает материалы раскопок погребальных и «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии, опубликованные в виде монографий, статей, а также тезисов докладов, представленных на конференциях (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Грач А.Д., 1960а–б, 1961, 1968; Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966б; Кызласов Л.Р., 1979а; Савинов Д.Г., 1982; Васютин А.С., 1983б; Войтов В.Е., 1996; Кубарев В.Д., 1984; Могильников В.А., 1990; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В, 1997; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999; Овчинникова Б.Б., 2004; Худяков Ю.С., 2004; Кубарев Г.В., 2005; Древние тюрки в Центральной Туве, 2013; и мн. др.). Список использованной научной литературы представлен в диссертации (стр. 418–517). Своды археологических комплексов, материалы которых учтены в работе, помещены в Приложении I.

Определенное значение в ходе работы имели результаты изучения археологических памятников предтюркского времени и раннего средневековья, осуществленного при непосредственном участии диссертанта. В 2015–2018 г. Чемальской археологической экспедицией АлтГУ под руководством автора проводились раскопки объектов погребально-поминального комплекса Чобурак-I (Северный Алтай). Исследована серия тюркских оградок, относящихся ко второй половине V – первой половине VII вв. н.э., а также раскопан локальный некрополь предтюркского времени (IV–V вв. н.э.). В 2005–2018 гг. диссертант

принимал непосредственное участие в исследовании погребений и «поминальных» объектов предтюркского времени и раннего средневековья на памятниках Западной и Центральной Монголии (Баян-Булаг-I–II, Бийрег, Бугатын узуур-I–II; Годон-Гол-IV–V, Улаан худаг-I; Харганат-II; Хар узуур-I, Хушуун дэнж-04), а также Центрального Алтая (Яломан-II, V). Результаты обозначенных полевых исследований представлены в серии публикаций (Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., 2016; Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2016; 2017; Серегин Н.Н. и др., 2018; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2016; 2017; и др.).

Помимо археологических материалов при подготовке диссертации использовались сведения из письменных источников, используемые при интерпретации результатов раскопок. Большой объем информации по различным аспектам истории кочевников раннего средневековья представлен в тюркских рунических текстах. Важнейшими из них являются памятники в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, Кули-Чура, Онгинская надпись и др. Учитывались и «малые» надписи, обнаруженные в различных районах Центральной Азии. Переводы текстов осуществлены в разные годы С.Е. Маловым (1951, 1959), И.В. Стеблевой (1993), С.Г. Кляшторным (2006), Л.Ю. Тугушевой (2008) и др. Определенное значение для изучения истории тюрок раннего средневековья имеют китайские династийные хроники Чжоу шу, Суй шу, Цзю Тан шу, Синь Тан шу, в специальных разделах которых приведены сведения о кочевниках центрально-азиатского региона. В диссертации использовались документы в переводах Н.Я. Бичурина (1950), Н.В. Кюнера (1961), Лю Маоцая (2002). Привлекались также работы исследователей, в разные годы осуществивших интерпретацию обозначенных письменных источников (Бернштам А.М., 1946; Кычанов Е.И., 1997; Кляшторный С.Г., 2003; и др.).

Отдельная группа источников представлена результатами антропологического изучения костных останков из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Они приведены в работах В.П. Алексеева (1960), В.И. Богдановой (1980), Д.В. Позднякова (2004, 2006) и др.

Сведения, опубликованные антропологами, имели большое значение для реконструкции социальной организации номадов по материалам раскопок археологических памятников.

Научная новизна работы. В диссертации впервые обоснована реконструкция процессов формирования и эволюции погребальной и поминальной обрядности раннесредневековых тюрок на основе системного анализа материалов раскопок археологических комплексов Центральной Азии. Выделены признаки, характерные для ранних объектов, и установлены ключевые факторы зафиксированных трансформаций традиций обрядовой практики. Представлен опыт интерпретации объектов, демонстрирующих редкие формы погребальной и поминальной практики в археологической культуре тюрок (впускные и скальные захоронения, могилы с подбоем, кенотафы, «ритуальные» курганы и др.). Впервые для решения вопросов происхождения и особенностей развития культуры тюрок, а также при характеристике отдельных специфичных комплексов раннего средневековья масштабно привлекались материалы раскопок памятников предтюркского времени. Разработана периодизация истории изучения и интерпретации археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии; определены особенности каждого из выделенных этапов в историографии. Сформирована и реализована комплексная программа социального исследования на основе анализа материалов раскопок археологических памятников, позволившая осуществить реконструкцию процессов сложения и эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок в контексте основных этапов этнокультурной истории номадов Центральной Азии во второй половине V – XI вв.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные выводы и обработанные данные могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов по этнокультурной и социальной истории Центральной Азии, написании спецкурсов и соответствующих учебно-методических пособий для ВУЗов, осуществлении

реконструкции этносоциальных систем кочевых народов региона и сопредельных территорий в эпоху средневековья. Ряд положений диссертации использовались автором в учебном процессе в рамках реализации курсов «Археология», «Кочевые империи Центральной Азии» на историческом факультете АлтГУ. Предложенные практические наработки и приемы систематизации, анализа и интерпретации материала могут быть использованы в ходе реализации исследований, имеющих целью реконструкцию различных аспектов жизнедеятельности конкретных обществ древности и средневековья по результатам раскопок археологических памятников. Отдельные результаты проведенного исследования могут найти применение при построении музейных экспозиций, в экскурсионно-туристической деятельности, а также в рамках проектов, направленных на актуализацию историко-культурного наследия.

На различных этапах подготовки диссертации исследования проводились в рамках реализации гранта Министерства образования и науки РФ «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (№2013-220-04-129), государственного задания Министерства образования и науки РФ (№33.867.2017/ПЧ), а также проектов РНФ «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция» (№16-18-10033), «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов» (№18-78-00083) и РФФИ «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)» (№18-09-00536а), в которых диссертант выступал руководителем или основным исполнителем.

Апробация результатов исследования проводилась на протяжении всего периода подготовки диссертации. Отдельные положения работы обсуждались на Всероссийских археологических съездах (в городах Старая Русса, Казань, Барнаул), международных, всероссийских и региональных конференциях, прошедших в следующих городах России: Барнаул (2005–2018), Владивосток

(2017), Горно-Алтайск (2011, 2018), Иркутск (2005, 2010, 2011, 2013), Казань (2009), Кемерово (2004, 2016), Красноярске (2006, 2016), Кызыле (2014), Москве (2010, 2012, 2017), Новосибирске (2007), Омске (2009), Рубцовске (2006), Санкт-Петербурге (2008, 2012, 2018), Томске (2008, 2010, 2012, 2016), Улан-Удэ (2017, 2018), а также за рубежом – в Венгрии (Сегед, 2016); Дании (Орхус, 2017); Иране (Тебриз, 2018); Казахстане (Алматы, 2015, 2016; Астана, 2014), Китае (Ланчжоу, 2012; Нанкин, 2016, 2018; Пекин, 2017; Сиань, 2012; Хух-Хото, 2015; Чанчунь, 2017); Монголии (Ховд, 2009, 2010; Улан-Батор, 2013); Польше (Краков, 2016); США (Гарвард – Бостон, 2016) и др. Из них можно отметить следующие международные форумы: «I Международный Конгресс средневековой археологии евразийских степей» (Казань, 2009 г.); «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ» (Москва, 2012); «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями» (Санкт-Петербург, 2012); Seventh Worldwide Conference of the Society for East Asian Archaeology (Гарвард – Бостон, 2016); Sixth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe (Сегед, 2016); III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей (Владивосток, 2017); III International Conference «Northern China and Eurasian Civilization» (Пекин, 2017); Eight Worldwide Conference of the Society for East Asian Archaeology (Нанкин, 2018). Результаты исследований, проведенных автором, отражены в 90 научных публикациях, в том числе 8 монографиях (Серегин Н.Н., 2013ж; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2014; 2016; Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015; Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2017; и др.) и 30 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК (Серегин Н.Н., 2011а, в; 2012г–д; 2013а, д, з; 2014в; 2015а–б; 2016е; 2017б; 2018в; Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2016б; 2018; и др.). Полный перечень обозначенных работ приведен в списке литературы.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В процессе накопления и интерпретации археологических материалов по культуре раннесредневековых тюрок Центральной Азии выделяется четыре основных этапа, для каждого из которых характерны особенности методологии

и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень интерпретации имеющихся сведений.

2. Наименее разработанными направлениями в изучении археологических памятников тюрок Центральной Азии являются социальная интерпретация материалов раскопок, а также исследования, связанные с реконструкцией процессов формирования и эволюции погребальной и поминальной обрядности.

3. Материалы раскопок некрополей тюрок демонстрируют, с одной стороны, общую унификацию обряда захоронения, а с другой – существование в обществе номадов нескольких групп населения, отличающихся традициями в погребальной практике.

4. Распространение «нетипичных» характеристик погребального обряда у тюрок в последней четверти I тыс. н.э. (скальные захоронения, могилы с подбоем, «одиночные» погребения и др.) связано с этнокультурными контактами и влиянием других групп кочевников.

5. Для ранней группы тюркских «поминальных» комплексов (вторая половина V – первая половина VI вв.) характерен ряд признаков: отсутствие реалистичных каменных изваяний, захоронения лошадей в оградках, сооружение оградок округлой формы и смежных объектов, конструкции в виде небольших каменных ящиков, ориентировка стел и балбалов, отличная от «классического» восточного направления и др. Часть этих показателей демонстрирует влияние на традиции тюрок норм обрядовой практики населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени.

6. В середине I тыс. н.э. на Алтае происходил своего рода «поиск» форм поминальной обрядности. Об этом свидетельствует фиксация группы сооружений («ритуальных» курганов, оградок округлой формы, четырехугольных оградок с нестандартными характеристиками), которые отличаются от «классических» форм «поминальных» комплексов. На ранних этапах развития культуры тюрок часть оградок выполняла функции, схожие с назначением кенотафов. При этом в более позднее время представления, связанные с возведением таких объектов,

трансформировались, что демонстрирует зафиксированная эволюция конструкций «поминальных» комплексов.

7. Материалы раскопок археологических комплексов отражают горизонтальную (гендерную и возрастную) и вертикальную дифференциацию тюркского общества, основным показателем которой являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря.

8. На формирование и трансформации социальной системы тюрок Центральной Азии оказали влияние традиции кочевников предтюркского времени, специфика социально-политического устройства крупнейших оседло-земледельческих центров (прежде всего, Китая), а также перипетии политической ситуации в регионе.

9. Археологические материалы отражают формирование культуры тюрок на Алтае и участие в этом процессе двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры сяньбийско-жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока результатами раскопок.

10. Формирование «минусинского» локального варианта археологической культуры тюрок произошло в середине – второй половине VI в. в результате первых военных походов, в которых приняли участие отдельные группы населения булан-кобинской культуры Алтая.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложений, в которых представлены текстовые, табличные и иллюстративные материалы.

Глава I. История изучения археологических памятников тюрок Центральной Азии

Изучение этногенетических и социокультурных процессов, происходивших на территории Центральной Азии в раннем средневековье, основывается, главным образом, на исследовании материалов раскопок археологических памятников. Это обусловлено фрагментарностью письменных источников, в которых представлены лишь отдельные сюжеты истории кочевников. Одной из ярких общностей номадов рассматриваемого региона второй половины I тыс. н.э. является культура раннесредневековых тюрок. Основным источником для реконструкции истории ее носителей являются археологические комплексы – погребения, «поминальные» объекты (мемориалы элиты номадов, «рядовые» оградки, изваяния, балбалы и другие сопроводительные сооружения), наскальные изображения. Важным аспектом их изучения представляется анализ процесса накопления материалов, полученных в ходе полевых исследований, а также рассмотрение выводов, ставших результатом интерпретации памятников. Проведение такой работы позволит не только охарактеризовать сформированную источниковую базу и суммировать ключевые выводы ученых, но также будет способствовать определению приоритетных направлений дальнейших изысканий и обозначению путей решения вопросов, остающихся дискуссионными.

Специального исследования, посвященного анализу истории изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии, до сих пор не предпринималось. В ряде работ археологов представлен опыт рассмотрения основных этапов исследований памятников на отдельных территориях (Гаврилова А.А., 1965, с. 5–6; Кызласов Л.Р., 1969, с. 5–14; Кубарев В.Д., 1984, с. 4–11; Митько О.А., 1995, с. 5–6; Войтов В.Е., 1996, с. 11–22; Худяков Ю.С., 2004, с. 6–14; Кубарев Г.В., 2005, с. 6–9; Идэрхангай Т.-О., 2017, 8–10). Кроме того, результаты раскопок погребальных и «поминальных»

комплексов тюрок, а также раннесредневековых наскальных изображений учтены в специальных монографиях по истории археологического изучения Сибири (Белокобыльский Ю.Г., 1986; Демин М.А., 1989; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005; Китова Л.Ю., 2007; Матющенко В.И., 2009; Артюх Е.А., 2010).

В целом, несмотря на то, что различные аспекты истории изучения археологических памятников раннесредневековых тюрок затрагивались в целом ряде работ, многие вопросы в этом направлении остаются рассмотренными лишь частично. В большинстве исследований представлена лишь общая история археологических раскопок без выявления основных тенденций в интерпретации материалов, а также в развитии методики исследований. Фрагментарным является опыт осмысления развития знаний о комплексах рассматриваемой общности на обширных территориях Центральной Азии, так как ученые, в большинстве случаев, ограничивались рассмотрением процесса исследования памятников в отдельных регионах. Наконец, отсутствует разработанная схема периодизации истории изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок, что также не способствует эффективной систематизации накопленного обширного опыта. Попытка заполнения имеющихся пробелов и решения ряда вопросов в указанном направлении представлена в первой главе диссертации.

1.1. Открытие первых памятников и начало их осмысления (XVIII в. – начало XX в.)

Первые шаги в исследовании раннесредневековой археологии Центральной Азии связаны с получением сведений о «поминальных» комплексах. Тюркские изваяния, зачастую обозначаемые в то время по аналогии с более известными объектами восточно-европейских степей как «каменные бабы», всегда привлекали внимание путешественников и ученых. Разноплановая

информация о таких комплексах относится к первой половине XVIII в., когда каменные оградки, изваяния и балбалы были обнаружены и зафиксированы в различных частях Алтае-Саянского региона и Монголии (Кубарев В.Д., 1984, с. 4; Войтов В.Е., 1996, с. 12; Худяков Ю.С., 2004, с. 6). Подробные исследования «поминальных» объектов не входили в задачи первых экспедиций, поэтому сведения о памятниках носили весьма фрагментарный характер, зачастую ограничивающийся упоминанием или кратким описанием комплексов.

Каменные изваяния, большая часть которых связана с культурой раннесредневековых тюрок, привлекли внимание знаменитого путешественника и исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта. Судя по всему, именно он впервые, во время поездки 1722 г., подробно описал одну такую статую, обнаруженную в Абаканской степи, и обратил внимание на культовое почитание её местным коренным населением (Окладников А.П., 1961, с. 3–4).* Еще два каменных раннесредневековых изваяния были зафиксированы М.Г. Мессершмидтом в долине р. Тесь и на берегу р. Черный Июс. Скульптуру, обнаруженную в последнем из обозначенных пунктов, путешественник отнес к «докиргизскому» времени (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 70–71, рис. 14, 23).

По мнению В.Е. Войтова (1996, с. 12), именно экспедицией Д.Г. Мессершмидта был открыт единственный «элитный» мемориальный комплекс тюрок на территории Минусинской котловины – памятник у с. Знаменка, впоследствии неоднократно рассмотренный в научной литературе (Евтюхова Л.А., 1952, с. 117, рис. 70; Худяков Ю.С., 2004, с. 15; и др.), но до сих пор не раскопанный, подобно абсолютному большинству таких объектов. Кроме того, с раннесредневековым мемориалом могли быть связаны каменные скульптуры двух львов и барана, которые были зарисованы по просьбе Д.Г. Мессершмидта во время пребывания экспедиции в Красноярске (Новлянская М.Г., 1970, с. 32–33). Согласно сведениям М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера (1929, с. 84–85), эти

* Отметим, что особое отношение местных жителей к раннесредневековым изваяниям фиксируется и в настоящее время (Леус П.М., 2000, с. 227–228).

изваяния изначально были установлены на правом берегу р. Енисей, напротив устья р. Абакан, либо привезены с устья р. Туба.

В 1739 г. уже известные памятники Минусинской котловины, в том числе некоторые из обозначенных выше объектов, посетили участники Великой Северной экспедиции Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин. На основании сделанных наблюдений ими были внесен ряд уточнений в описания комплексов, подготовленные ранее (Худяков Ю.С., 2004, с. 6).

Особый интерес у первых исследователей Минусинской котловины вызывали памятники неизвестной тогда письменности, зафиксированные ими на некоторых каменных изваяниях и отдельных предметах из раскопок бугровщиков (Щербак А.М., 2001, с. 15; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 83–84). Часть выявленных рунических надписей может быть связана с культурой тюрок. Важно, что первые находки привлекли внимание к данному явлению и способствовали первичному накоплению материалов.

К началу XIX в. относится появление первой достоверной информации об обнаружении памятников тюркской рунической письменности на Алтае. Две такие надписи зафиксированы на утесе р. Чарыш и опубликованы известным ученым Г.И. Спасским (1818, с. 77–78). Несмотря на то, что к тому времени подобные находки были уже известны в Минусинской котловине, информация о них была крайне фрагментарной, и исследователь не имел возможности определить датировку памятника. Перевод одной из надписей по изданию Г.И. Спасского сделан только спустя полтора столетия и опубликован Э.Р. Тенишевым (1958, с. 62–66).

Судя по имеющимся сведениям, первые раскопки раннесредневековых памятников связаны с исследованиями на Алтае профессора Дерптского университета К.Ф. Ледебура, возглавлявшего совместно с А.А. Бунге и К.А. Мейером ботаническую экспедицию в целях изучения местной флоры (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с. 2). В дневниковых записях ученого помимо обширной информации о природе региона присутствуют и сведения о традиционной культуре населения, а также о памятниках истории. В июле 1926

г. К.Ф. Ледебур произвел раскопки четырех «чудских могил», расположенных в долине р. Чарыш, в Усть-Канской степи (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993, с. 97–99). По имеющимся кратким описаниям точно определить хронологическую и культурную принадлежность объектов невозможно, однако приведенные данные о зафиксированных находках, в том числе железных предметах конского снаряжения, дают основания для отнесения части захоронений к эпохе средневековья.

Таким образом, на протяжении длительного времени информация о памятниках тюрок Центральной Азии второй половины I тыс. – начала II тыс. н.э. исчерпывалась сведениями о «поминальных» объектах и отдельных рунических надписях, что существенно ограничивало представления ученых о раннесредневековой археологии региона. Важным источником по истории номадов являлись китайские династийные хроники, переведенные Н.Я. Бичуриным. Однако сообщения китайских авторов о многих аспектах культуры тюрок, к примеру, об их погребальном обряде, также не отличались достоверностью (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230), на что впоследствии неоднократно обращали внимание исследователи (Могильников В.А., 1981, с. 31–32; Савинов Д.Г., 1984, с. 35; Добжанский В.Н., 1989, с. 173–177; и др.).

Даная ситуация изменилась только в середине XIX в. благодаря исследованиям В.В. Радлова. В 1865 г., во время поездки на Алтай и в Восточный Казахстан, ученый исследовал ряд раннесредневековых объектов. Описание и анализ полученных материалов приведены в работе В.В. Радлова «Aus Siberian», изданной в Лейпциге в 1884 г. Археологическая глава данного сочинения переведена на русский язык в 1985 г. А.А. Бобринским под названием «Сибирские древности» (Артюх Е.А., 2005, с. 252; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 178), а полное издание книги известного ученого предпринято только в 1989 г. (Радлов В.В., 1989).

В ходе работ В.В. Радлова в Уймонской степи на памятнике Катанда-II исследованы несколько небольших курганов, четыре из которых не были потревожены и относились к культуре тюрок (Радлов В.В., 1989, с. 448–449). По

мнению ряда специалистов (Худяков Ю.С., 1986а, с. 125–135; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 15), ранним средневековьем датируются также известные погребения, раскопанные ученым на могильнике Берель в Восточном Казахстане. Однако более обоснованным является их отнесение к предшествующему хронологическому периоду (Гаврилова А.А., 1965, с. 54–57), а точнее к позднему этапу в развитии булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161). Имеется также отрывочная информация о нескольких впускных захоронениях второй половины I тыс. н.э., исследованных В.В. Радловым в Уймонской степи (Захаров А.А., 1926, с. 81; Гаврилова А.А., 1965, с. 6).

Помимо захоронений В.В. Радловым были раскопаны и объекты «поминального» характера. На комплексе Катанда-I ученым вскрыты четыре каменные оградки, у одной из которых им зафиксирована стела (Радлов В.В., 1896, с. 35–36; Захаров А.А., 1926, с. 76). Кроме того, небольшая серия оградок исследована В.В. Радловым у с. Онгудай, а также в Чуйской степи на р. Табажек (Захаров А.А., 1926, с. 73–74, табл. 1.-1, 3).

Анализ полученных материалов позволил В.В. Радлову выделить несколько этапов в древней и средневековой истории Сибири. Памятники культуры тюрок, исследованные известным ученым, не обозначены в каком-либо из них, однако общая логика его построений позволяет утверждать, что данные объекты, наряду с «киргизскими могилами», отнесены к «новейшей эпохе железного века» (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 12).

Захоронения раннесредневековых тюрок в работе В.В. Радлова (1989, с. 448–449) описаны весьма кратко. Представлена общая характеристика наземных конструкций, обозначена глубина могильных ям, а также основные показатели ритуала – наличие сопроводительного захоронения лошади, ориентировка умерших по сторонам горизонта, а также расположение вещей. Все объекты раннесредневековых тюрок, исследованные на могильнике Катанда-II, определены В.В. Радловым (1989, с. 448) как мужские, о чем, по его мнению, свидетельствовал характерный инвентарь. Наиболее яркий материал получен в

ходе раскопок первой могилы, расположенной к востоку от кургана раннего железного века. Погребенного мужчину сопровождало захоронение лошади, а также разнообразный вещевой комплекс, в состав которого входили предметы вооружения, конского снаряжения, фрагменты шелка, а также серебряный сосуд. Отметим, что часть объектов из раскопок известного ученого, относящихся к периоду раннего средневековья, введена в научный оборот А.А. Захаровым (1925, 1926).

В научной литературе приводятся различные соображения по поводу уровня методики полевых исследований В.В. Радлова. Специалисты отмечают, что работы им проводились без должной фиксации полученных материалов, а курганы раскапывались «колодцем» или «траншеей», что приводило к неточностям в описаниях и потере значительного количества информации (Демин М.А., 1989, с. 81; Вайнштейн С.И., 1989, с. 671–672; Матющенко В.И., 2009, с. 78). Неполноценность таких исследований признавалась и самим В.В. Радловым (Демин М.А., 1989, с. 82). С другой стороны, изыскания ученого соответствовали общему уровню развития полевой методики, сложившемуся к середине XIX в. (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 12; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 19; Артюх Е.А., 2005, с. 254). Более того, В.В. Радлов стремился к усовершенствованию уже существовавших приемов и разрабатывал новые подходы в области археологических работ (Демин М.А., 1989, с. 82; Артюх Е.А., 2006, с. 22).

Важно подчеркнуть, что исследования В.В. Радлова носили комплексный характер (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 20; Матющенко В.И., 2009, с. 78), что способствовало высокому, особенно для того времени, уровню интерпретации полученных материалов. Помимо использования сведений письменных и археологических источников, ученый предпринял опыт привлечения результатов реализации естественно-научных методов анализа химического состава изделий из металла (Радлов В.В., 1989, с. 464–467). В целом, исследования В.В. Радлова подвели итог предшествующему периоду развития сибирской археологии (Демин М.А., 1989, с. 85; Борисенко А.Ю.,

Худяков Ю.С., 2005, с. 179). На периодизацию, разработанную известным ученым, опирались в последующее время многие специалисты, обращавшиеся к изучению археологических материалов Алтая и сопредельных территорий различных исторических периодов (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 176), а основы комплексного подхода, разработанного В.В. Радловым, были впоследствии восприняты представителями советской археологической науки (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 22). Отметим, что в настоящее время актуальным остается осуществление полной публикации результатов исследований ученого (Тишкина Т.В., 2009, с. 10; Артюх Е.А., 2010, с. 176).

Во второй половине XIX в. значительный объем информации о «поминальных» комплексах раннесредневековых тюрок Алтая и Западной Монголии был получен в ходе исследований Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Одним из частных результатов масштабных работ экспедиций, организованных учеными в 1878–1881 гг. на средства Императорского Русского географического общества, стало выявление и описание серии каменных изваяний и оградок, расположенных в различных частях региона (Кубарев В.Д., 1984; Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 9–11). В ряде публикаций, подготовленных Н.М. Ядринцевым (1982, 1983, 1985) по итогам исследований, представлен опыт анализа изображений на тюркских изваяниях, обозначены конструктивные элементы «поминальных» объектов, а также очерчена территория распространения подобных памятников. Важно отметить, что ученый рассматривал тюркские каменные оградки как погребальные комплексы (Ядринцев Н.М., 1883, с. 194–199). При этом уже В.В. Радлов (1896, с. 5), анализируя материалы своих раскопок, отметил отсутствие каких-либо свидетельств захоронений в таких объектах, что, по мнению ученого, свидетельствовало в пользу характеристики обозначенных комплексов как своего рода жертвенников.

Серия тюркских «поминальных» комплексов выявлена и зафиксирована Г.Н. Потаниным в Северо-Западной Монголии в 1879–1881 гг. На основе полученных результатов исследователь охарактеризовал типичные

конструктивные элементы классического варианта тюркских оградок («квадратные могилы»): подчетырехугольной формы («четвероугольник»), составлены из каменных плит, с восточной стороны установлено изваяние (Потанин Г.Н., 1881, с. 65), а также обозначил ключевые элементы канона каменных изваяний (Потанин Г.Н., 1881, с. 55–56). Кроме того, Г.Н. Потаниным отмечены некоторые особенности локализации скульптур, а также приемы и способы обработки камня (Шелепова Е.В., 2006, с. 136).

Вероятно, именно с именем известного исследователя связано и появление первой научной информации о тюркских памятниках Тувы. В 1877 г. Г.Н. Потанин (1881, с. 73, рис. 35, табл. XVIII) побывал в южной части данного региона и на левом берегу р. Эрзин, близ впадения ее в р. Тэс-Хем, зафиксировал каменные изваяния сидящих людей, сохранившиеся к тому времени в виде фрагментов. Ученый представил подробное описание фигур, отметив, что если выявленная им ранее скульптура у оз. Даян-нур (Западная Монголия) является лучшим «кишачило» по отдельным подробностям, то эрзинские изваяния «стоят выше всех по намерению художника … вытесать целую человеческую фигуру» (Потанин Г.Н., 1881, с. 74). Впоследствии эти объекты (две статуи, изображавшие сидящий людей, и два обломка каменных фигур львов) включены в свод Л.А. Евтюховой (1952, рис. 27–29). Исследовательница отметила, что скульптуры находились возле четырёхугольного плоского кургана, обнесённого рвом и валом (Евтюхова Л.А., 1952, с. 89, рис. 69). По мнению Л.А. Евтюховой (1952, с. 116–118), данный комплекс аналогичен по конструктивным характеристикам мемориалам тюркской знати в Монголии. В 1955 г. этот объект, обозначенный как курган №1 могильника Сарыг-Булун, раскопан Л.Р. Кызласовым (1969, с. 33–35, рис. 7; 1979, с. 129–131, рис. 85.-1–3, 87.-1–2, 91) и отнесен им к VII–VIII вв. н.э.

Заметный вклад в изучение памятников Алтае-Саянского региона различных хронологических периодов внес И.-Р. Аспелин – крупный ученый, который в настоящее время рассматривается как создатель теоретической и методологической баз финской археологии (Салминен Т., 2011, с. 130).

Участниками экспедиции Финского археологического общества под его руководством на протяжении 1887–1889 гг. осуществлялись исследования комплексов на территории Минусинской котловины, Алтая и Тувы. Основной задачей экспедиции было копирование уже известных рунических надписей, а также поиск новых и установление их связи с древними могилами (Тишкин А.А., 2000а).

Задачи первой поездки И.-Р. Аспелина, осуществленной в 1887 г., ограничивались исследованием памятников Минусинской котловины. По мнению Ю.Г. Белокобыльского (1988, с. 55), ни одна экспедиция не только до этого, но и долгое время после не вела археологических работ в данном регионе с такой скрупулёзностью. Данное обстоятельство имело большое значение с точки зрения фиксации раннесредневековых каменных изваяний и рунических надписей. Рисунки подобных объектов, сделанные финскими учеными, более точны, чем те, что выполнены их предшественниками (Худяков Ю.С., 2004, с. 7).

Плодотворным оказался и второй год работы экспедиции. В 1888 г. И.-Р. Аспелин побывал на Алтае и выявил серию тюркских изваяний. Так, несколько скульптур, находившихся в барнаульском музее, зарисовал сопровождавший его в качестве художника К. Вуори. Кроме того, еще одна группа статуй зафиксирована И.-Р. Аспелиным по дороге в Центральном и Восточном Алтае (Тишкина Т.В., 2010, с. 60, 62–63). Некоторые из этих рисунков представлены в издании, подготовленном учеником финского ученого Х. Аппельгрен-Кивало (Alt-Altaische Kunstdenkmaler …, 1931, abb. 316–317, 322–323, 340–342).

В этом же году ряд раннесредневековых объектов был осмотрен И.-Р. Аспелиным в Туве. Основные результаты работы экспедиции в этом регионе связаны с фиксацией тюркских изваяний, а также раннесредневековых рунических надписей на стелах, большая часть из которых относится к культуре енисейских кыргызов. Серия рисунков выявленных скульптур, одна из которых зафиксирована рядом с четырехугольной оградкой, представлены в обозначенном выше издании (Alt-Altaische Kunstdenkmaler …, 1931, abb. 318, 320–321, 326, 333). В этой же книге отдельно скомпонована небольшая группа

раннесредневековых изваяний, изученных финским ученым в музее Томского университета и происходящих, судя по имеющейся информации, с территории Восточного Казахстана (Alt-Altaische Kunstdenkmaler …, 1931, abb. 343–345).

Таким образом, несмотря на ошибочный исходный посыл исследований И.-Р. Аспелина, направленных на поиск свидетельств, подтверждающих гипотезу о происхождении угро-финнов на территории Алтае-Саянского нагорья, результаты работ его экспедиции имели большое значение для развития раннесредневековой археологии рассматриваемого региона. Сведения, полученные финским ученым, в последующие годы неоднократно использовались многими специалистами.

Долгая подготовка результатов работ И.-Р. Аспелина на памятниках Южной Сибири к публикации и издание их уже его учеником были связаны с разочарованием известного исследователя в своей теории, наступившим после выявления рунической письменности на территории Монголии и ее последующей расшифровки (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с. 87–88). Данное открытие стало новой страницей в истории не только монгольской археологии, но и тюркологии в целом. Основные события, связанные с выявлением и фиксацией «элитных» мемориальных комплексов тюрок в Центральной Монголии, а также обследованием каменных стел с надписями и их первоначальным изучением, подробно рассматривались многими специалистами, в том числе в специальных публикациях (Бернштам А.Н., 1946, с. 17–19; Кляшторный С.Г., 1964, с. 5–8; Войтов В.Е., 1985, с. 115–123; и др.). Поэтому далее обозначим лишь ключевые этапы этого процесса, имевшие наибольшее значение для развития представлений об археологии тюрок.

Как и во многих случаях, открытие «элитных» тюркских комплексов произошло в ходе реализации работ, направленных на решение совершенно других задач. В 1989 г. по инициативе ВСОРГО была организована экспедиция для определения местонахождения столицы монгольского государства – Каракорума. В процессе исследований Н.М. Ядринцев, руководивший экспедицией, обнаружил в 45 км к северу от развалин города в местности Хошо-

Цайдам несколько объектов, в составе которых, помимо прочего, были зафиксированы крупные каменные стели с надписями (Войтов В.Е., 1996, с. 13). В следующие несколько лет выявленные памятники изучались участниками нескольких экспедиций. Под руководством В.В. Радлова, который принял активное участие в обсуждении организации исследований перспективных объектов, проведены детальные обследования и небольшие раскопочные работы, результаты которых нашли отражение в выпусках «Атласа древностей Монголии» (Радлов В.В., 1892, 1893, 1896). Н.М. Ядринцевым и Д.А. Клеменц совершены поездки, в ходе которых выявлена серия новых тюркских «элитных» комплексов, в том числе памятников, включавших стелы с руническими надписями (Войтов В.В., 1985, с. 119–120; 1996, с. 13). В 1993 г. на заседании Датской королевской академии В. Томсен доложил о результатах дешифровки рунического письма, а в начале 1894 г. В.В. Радлов завершил первый перевод тюркского текста памятника в честь Кюль-тегина (Кляшторный С.Г., 1964, с. 6).

Ключевыми результатами комплексных исследований, осуществленных на памятниках Монголии в конце XIX в., стало обоснование назначения этих объектов как мемориальных комплексов элиты каганатов и их идентификация с конкретными фигурами политической истории тюрок, дешифровка рунической письменности и прочтение обнаруженных текстов, а также подтверждение того, что подобные сооружения не являются единичными. Полученные сведения показали перспективы дальнейших исследований истории раннесредневековых тюрок по археологическим материалам.

В первой четверти XX в. довольно серьезные по объему археологические исследования в различных частях Алтае-Саянского региона проведены А.В. Адриановым (Кызласов Л.Р., 1969, с. 11–12; Дэвлет М.А., 2004, с. 53–54; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 26; Адрианов А.В., 2008). Среди памятников различных хронологических периодов им изучалены и комплексы раннего средневековья.

Наиболее масштабные исследования осуществлены А.В. Адриановым на территории Тувы. В данном регионе известным ученым впервые осуществлены

полноценные раскопки тюркской оградки. В ходе расчистки одного из объектов памятника Салдам, обозначенного исследователем как курган №10, была выявлена четырехугольная форма сооружения, по периметру которого находились вертикально установленные плиты. Какие-либо находки не были обнаружены (Беликова О.Б., 2014, с. 451). Материалы этих исследований значительно позже представлены в монографии Л.Р. Кызласова (1979, с. 132). Во время поездок А.В. Адриановым фиксировались также раннесредневековые каменные изваяния – как уже известные ранее, так и новые (Беликова О.Б., 2014, рис. 51).

Ни одного кургана, характеризующего классические формы обрядовой практики тюрок, экспедициями под руководством А.В. Адрианова раскопано не было. Вместе с тем, среди результатов исследований ученого имеется несколько своеобразных раннесредневековых захоронений (Беликова О.Б., 2014, рис. 85–87, 208–210, 272–276). Анализ этих материалов, а также других подобных комплексов, изученных в более позднее время, показывает возможность существования на территории Тувы в VII – первой половине IX вв. особой группы населения, включенной в общество тюрок, но сохранившей своеобразный набор традиций (Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2018, с. 120–122).

Меньшие по объему работы А.В. Адрианов провел на Алтае. В западной части обозначенного региона ученый исследовал ряд объектов на комплексе Кара-Коба, в том числе две тюркские оградки (Адрианов А.В., 1916, с. 46–49, рис. 22–23). Первая (с изваянием) была раскопана внутри и снаружи. Внутри изучена только центральная часть, где обнаружена яма с остатками деревянного столба. Снаружи конструкции А.В. Адрианов траншеей обследовал восточный сектор и зафиксировал пристройки. Под плитой северо-восточной пристройки он нашел угольки (Адрианов А.В., 1916, с. 47–48). С востока второй, округлой оградки, зафиксированы стела и ряд балбалов. Эта оградка также была раскопана только в центральной части, где отмечена ямка с угольками (Адрианов А.В., 1916, с. 48–49). Размышляя над назначением вскрытых объектов, А.В. Адрианов

(1916, с. 49, 80, 87) обратил внимание на отсутствие в них следов захоронений, однако не исключил их погребального назначения.

В начале XX в. с гораздо меньшей интенсивностью, чем в последнее десятилетие XIX столетия, продолжалось выявление и изучение памятников элиты тюрок. Определенные материалы в этом направлении были получены финскими учеными Г.И. Рамстедтом и С. Пяльси (Шелепова Е.В., 2006, с. 137). Среди основных результатов их работ следует выделить открытие комплексов Шивет-Улан и Суджинского, а также детальное обследование памятника Тоньюкуку (Войтов В.Е., 1996, с. 14).

Другому финскому ученому, представителю Финно-угорского общества (г. Хельсинки) Й.Г. Гранё в ходе поездок 1906, 1907 и 1909 гг. удалось осуществить сплошное обследование Западной Монголии и сопредельных территорий (Шелепова Е.В., Мунхбаяр Ч., 2007). Из открытых объектов к периоду раннего средневековья относятся тюркские оградки и изваяния, а также отдельные наскальные изображения. Й.Г. Гранё активно использовал фотографию, благодаря чему памятники были должным образом задокументированы. Исследователем составлены карты Западной Монголии, на которых впервые обозначены пункты нахождения разных типов древностей (Steppengräber, Grabhügel, Steinsetzungen и др.). Все материалы фотосъемок и зарисовок Й.Г. Гранё аккумулировал в специальном альбоме (Grano I.G., 1910a).

Важно отметить, что финский ученый одним из первых описал древние и средневековые объекты на плато Укок, в долине Калгуты. В числе прочих объектов там он зафиксировал скопления тюркских оградок (Grano I.G., 1910a, taf. VI, fig. 2; VIII, fig. 2, 4). Раннесредневековые «поминальные» комплексы финский ученый встречал также в соседних долинах рек Цагаан-гол и Кобдо (Grano I.G., 1910a, taf. VI, fig. 4–5; VII, fig. 1–2), а также между городами Ховд и Улястай, южнее Ховдских озер (Grano I.G., 1910a, taf. IX, fig. 3).

В классификации археологических памятников, представленных финским исследователем, нашлось место так называемым степным могилам (Steppengräber). Й.Г. Гранё писал, что составлены такие объекты из каменных

плит сланца или песчаника (Grano I.G., 1910б, p. 8–19). Длина стороны такой «могилы» могла быть менее 1 м и не превышала 5 м. Встречались они реже, чем «могильные холмы». По наблюдениям ученого, больше всего их на Алтае, а также в Хангае. Очевидно, описанные Й.Г. Гранё сооружения могут быть идентифицированы с тюркскими оградками раннего средневековья. Исследователь обозначил разные варианты планиграфии и конструкции таких объектов (одиночные, смежные, расположенные в ряд, с изваяниями/стелами, балбалами и т.д.), совершенно справедливо обратив внимание на ориентировку отдельных элементов комплексов по сторонам света.

К особому типу памятников финский ученый отнес и статуи, среди которых были так называемые каменные бабы (т.е. тюркские изваяния), а также скульптуры животных из Восточного Хангая и Урянхая (Grano I.G., 1910б, p. 48–50). Важно отметить, что Й.Г. Гранё обозначил различные группы антропоморфных изваяний (с сосудом в одной руке, в двух и т.д.).

Таким образом, в рамках начального периода исследований в различных частях Центральной Азии выявлена и в разной степени изучена довольно представительная серия археологических памятников раннего средневековья. Полученные материалы были представлены, главным образом, «поминальными» объектами – каменными изваяниями, оградками и балбалами. Огромное значение для развития тюркологии имело открытие мемориальных комплексов элиты в Центральной Монголии, включавших данные для последующей дешифровки и прочтения рунической письменности. В середине XIX в. появилась первая информация о раскопанных тюркских погребениях. В ходе исследований, осуществленных в первые два десятилетия XX в., получены сведения об особой группе раннесредневековых захоронений на территории Тувы, сооруженных в период существования в данном регионе культуры тюрок.

Продолжение археологических работ на памятниках тюрок Центральной Азии связано с началом систематических исследований в различных частях Центральной Азии ряда экспедиций, организованных центральными научными учреждениями в 1920-е – 1930-е гг.

1.2. Результаты изучения и интерпретации археологических комплексов раннего средневековья в 1920-е – 1940-е гг.

Начало нового этапа в исследовании археологических памятников Алтае-Саянского региона, в том числе комплексов раннего средневековья, связано с работами экспедиций С.А. Теплоухова. Наиболее масштабные изыскания были им реализованы на территории Минусинской котловины. Отряд Минусинской экспедиции под руководством С.А. Теплоухова проводил раскопки в 1920–1921 гг. и 1923–1925 гг. (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с. 117). Важно отметить, что археолог изначально предполагал осуществить работы на территории, небольшой по площади, однако насыщенной различными по хронологии и культурной принадлежности памятниками (Теплоухов С.А., 1927, с. 58). Именно в результате таких исследований могла быть прослежена преемственность в развитии культур и специфика исторической ситуации в регионе (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с. 133). Наряду с комплексами различных хронологических периодов, раскопаны и памятники раннесредневековых тюрок. В 1924 г. исследованы пять погребений у с. Батени на Енисее, а в 1925 г. – одиночный курган на р. Таштык. Полученные материалы не были опубликованы руководителем раскопок. С.А. Теплоухов (1929, с. 55) представил только краткое описание одного из объектов, поместив некоторые находки в сводные таблицы. Курган, расположенный на р. Таштык, был им отнесен к VII в. Впоследствии материалы раскопок тюркских погребений, исследованных С.А. Теплоуховым в Минусинской котловине, введены в научный оборот С.П. Нестеровым (1982; 1999, с. 91–92), который провел тщательный источниковедческий анализ архивных документов и дневниковых записей известного ученого.

В 1926–1927 гг. и 1929 гг. в соседнем регионе археологические работы проводились Тувинской археологической экспедицией, руководителем которой также являлся С.А. Теплоухов (Китова Л.Ю., 2007, с. 79). По подсчетам Л.Р, Кызласова (1969, с. 12), в общей сложности в течении трех полевых сезонов исследовано более 160 памятников различных исторических периодов. Этот

значительный материал также не был опубликован ученым. Сведения о погребених тюрок, исследованных С.А. Теплоуховым на некрополях Бай-Даг и Улуг-Хову в Туве, а также раннесредневековых оградках, раскопанных на комплексах Саадак-Терек и Элегест, частично введены в научный оборот Л.Р. Кызласовым (1979, с. 132–135, 188–191).

Раскопки в Минусинской котловине в районе с. Батени, а также в Туве позволили С.А. Теплоухову осуществить систематизацию памятников от энеолита до эпохи средневековья и представить их культурную, хронологическую и этническую характеристику. Классификация археологических комплексов указанного региона сложилась после работ, проведенных ученым в 1924–1925 гг. В ее основу были положены такие показатели, как «устройство могильных сооружений и предметы погребального инвентаря» (Теплоухов С.А., 1929, с. 42). С.А. Теплоуховым учитывались, главным образом, результаты изучения погребальных комплексов, хотя он признавал и необходимость рассмотрения других археологических материалов (Китова Л.Ю., 2007, с. 185). Схема развития памятников Минусинской котловины представлена в статье, вышедшей в 1929 г. (Теплоухов С.А., 1929). Всего ученый выделил 13 историко-культурных этапов.

Памятники раннего средневековья не были включены в какую-либо археологическую культуру, однако распределены по этапам с обозначением датировки и этнической принадлежности (Теплоухов С.А., 1929, с. 55, 58). Погребения тюрок отнесены ученым к VII–X вв. По мнению С.А. Теплоухова (1929, с. 55), коренным населением Минусинской котловины были кыргызы, которых в VII в. покорили «турки». К этому времени исследователь отнес курганы с высокой каменной насыпью. В качестве примера С.А. Теплоухов (1929, с. 55) привел описание упомянутого выше погребения, раскопанного им на р. Таштык, отметив основные показатели обряда и состав сопроводительного инвентаря. Археолог подчеркнул, что захоронения с лошадью, в целом традиционные для кочевников, не характерны для Минусинской котловины. Ученый к тому времени уже был знаком с результатами исследований

известного памятника Кудыргэ на Алтае, и поэтому предположил, что данная могила могла принадлежать «представителю алтайских турков» (Теплоухов С.А., 1929, с. 55). Захоронения с лошадью, а также одиночные погребения, относящиеся, по мнению С.А. Теплоухова (1929, с. 55), к VIII–X вв., были им рассмотрены в рамках описания истории кыргызов.

Безусловно, исследования С.А. Теплоухова носили комплексный характер (Китова Л.Ю., 2007, с. 73–74). Археологические раскопки сочетались с изысканиями в области антропологии, этнографии, а также дополнялись изучением естественной среды обитания древнего и средневекового населения. Кроме того, С.А. Теплоухов (1929, с. 54) был знаком с письменными источниками и активно привлекал сведения китайских династийных хроник по различным вопросам развития культуры населения Алтае-Саянского региона. Это позволило ему придать историчности тем данным, которые были получены в ходе археологических работ. Многие специалисты отмечали, что основные наблюдения, сделанные С.А. Теплоуховым, не потеряли актуальности до сих пор (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с. 134, 145; Вадецкая Э.Б., 1992; Матющенко В.И., 2009, с. 141). В то же время, по сравнению с классификацией памятников бронзового и раннего железного веков, построения, связанные с интерпретацией объектов периода раннего средневековья, были довольно схематичными и подверглись наибольшим изменениям (Китова Л.Ю., 2007, с. 82).

В это же время, после долгого перерыва, осуществлялись раскопки памятников раннесредневековых тюрок на Алтае. Работы на ряде памятников, в том числе и относящихся ко второй половине I тыс. н.э., проведены в 1924–1925 гг. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко и при участии А.Н. Глухова (Шмидт О.Г., 2004, с. 66–69).

В ходе исследований участников экспедиции обнаружена и раскопана серия раннесредневековых «поминальных» объектов, расположенных в долинах рек Бугузун, Чулышман, Улаган и Балыктуюль (Восточный Алтай). Две оградки вскрыты на левом берегу Большого Улагана. В одной из них в ямке найдены

кости человека и овцы, железные удила, наконечники стрел и пряжки (Руденко С.И., 1953, с. 25). Во втором объекте находки отсутствовали. В урочище Межелик (Арагол) на р. Улаган С.И. Руденко раскопал две оградки с балбалами. В одной из них выявлена ямка с древесными угольками и костями животных, а также несколькими железными предметами: удилами, пряжкой, четырьмя наконечниками стрел, фрагментами оковки седла и миниатюрным стременем (Жизненный путь…, 2004, с. 116; Савинов Д.Г., 2005б, с. 133–134, рис. 2). Оградка с изваянием и балбалами вскрыта в Сайлюгемской степи (Кош-Агачский район). На объекте удалось проследить следы прежних раскопок. В том же году участники экспедиции раскопали два сооружения в урочище Пазырык, один комплекс с изваянием и рядом балбалов на р. Кокоря, а также один объект в урочище Балык. Находки в них отсутствовали (Жизненный путь…, 2004, с. 115–116). Участник экспедиции А.Н. Глухов вскрыл две оградки с балбалами на р. Бугузун, по одному – в урочище Узундаш и на р. Чибит (Чибиль) (Гаврилова А.А., 1965, с. 6). Кроме того, тюркское каменное изваяние зафиксировано С.И. Руденко в урочище Башадар (Кубарев В.Д., 1984, с. 187, табл. VIII.-52).

Наиболее значимыми для развития раннесредневековой археологии не только Алтая, но и всей Центральной Азии стали исследования на комплексе Кудыргэ, расположенном в низовьях р. Чулышман в восточной части региона. Из сорока объектов, обнаруженных участниками экспедиции, был раскопан двадцать один. Материалы, полученные в ходе исследования погребений известного памятника, частично введены в научный оборот и рассмотрены в статьях археологов (Руденко С.И., 1926; Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). В этих публикациях дано краткое описание местности, планиграфии курганов, погребальных конструкций, представлена характеристика сопроводительного инвентаря, а также выводы исследователей по поводу хозяйства и культурных контактов населения, оставившего памятник.

Помимо погребений на комплексе Кудыргэ А.Н. Глуховым в 1925 г. вскрыты шесть каменных оградок. Материалы исследований этих объектов, в

отличие от могил, не были представлены в первых публикациях, вероятно, в связи с немногочисленностью обнаруженных в них находок (Гаврилова А.А., 1965, с. 5). Позже результаты раскопок тюркских оградок, а также захоронений раннего средневековья и монгольского времени, введены в научный оборот А.А. Гавриловой (1965).

В статье, посвященной рассмотрению результатов работ на комплексе Кудыргэ, С.И. Руденко и А.Н. Глухов (1927, с. 38) уделили большое внимание характеристике природных условий Восточного Алтая. Одной из задач исследований являлось изучение образа жизни населения, оставившего некрополь, поэтому акцент был сделан на определении возможностей развития различных отраслей хозяйства. Археологи пришли к выводу, что «кудыргинцы» были оседлы, а основными их занятиями являлись скотоводство и охота (Руденко С.И., Глухов А.Н. 1927, с. 49). Основные элементы погребального обряда, зафиксированные в ходе работ на могильнике, представлены авторами статьи суммарно. Исследователи обратили внимание на такие показатели, как наземные и внутримогильные конструкции, положение умершего, сопроводительное захоронение лошади. Весьма интересно замечание ученых по поводу соответствия ориентировки погребенных направлению течения реки (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 39). Впоследствии этот показатель неоднократно отмечался при интерпретации специфики обозначенного элемента погребального ритуала, зафиксированного на некрополе (Нестеров С.П., 1990, с. 73; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 157). Наиболее подробно С.И. Руденко и А.Н. Глухов (1927, с. 40–49) описали сопроводительный инвентарь, полученный в ходе раскопок могильника. Были выделены такие категории вещей, как предметы быта и орудия труда, украшения, вооружение, конское снаряжение, а также остатки одежды. При характеристике изделий исследователи обратили внимание на расположение находок в могиле, предположив, в ряде случаев, возможность проведения параллелей с их использованием при жизни.

Важными следует признать заключения, сделанные С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (1927, с. 50) по поводу этнокультурных контактов «кудыргинцев». Исследователи обратили внимание на тесные связи населения, оставившего некрополь, с Китаем, о чем свидетельствовали находки шелка, монеты и металлического зеркала. Кроме того, были обозначены контакты кочевников региона с западными территориями. Именно импортные предметы, по мнению авторов статьи, давали наибольшие возможности для датировки памятника. Отметив, что могильник Кудыргэ относится к более раннему времени, чем погребения, исследованные В.В. Радловым, С.И. Руденко и А.Н. Глухов (1927, с. 50) определили хронологию некрополя в рамках VII в.

По точному замечанию А.А. Гавриловой (1965, с. 3), после выхода статьи С.И. Руденко и А.Н. Глухова материалы раскопок памятника Кудыргэ так или иначе упоминались практически во всех работах, посвященных различным аспектам раннесредневековой археологии. До сих пор данный комплекс остается одним из крупнейших некрополей тюрок. Несмотря на неизбежные на тот момент неточности в интерпретации результатов раскопок могильника, выводы и наблюдения, сделанные С.И. Руденко и А.Н. Глуховым, представляли большой интерес для современников. Отметим, что в последующие годы хронология известного памятника, а также этнокультурная атрибуция погребальных и «поминальных» объектов комплекса неоднократно становились предметом специального рассмотрения целого ряда специалистов (Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1984; Суразаков А.С., 1992б; Васютин А.С., 1993; Азбелев П.П., 2000; Илюшин А.М., 2000; и мн. др.).

Отдельным направлением дискуссии стала интерпретация изображения, зафиксированного на валуне из кургана №16 комплекса Кудыргэ. Выгравированная на камне сцена коленопреклонения, подробно описанная и введенная в научный оборот С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (1927, с. 51–52, рис. 18), рассмотрена в серии публикаций различного уровня (Киселев С.В., 1951, с. 499; Гаврилова А.А., 1965, с. 19–21; Длужневская Г.В., 1978; Могильников В.А., 1981, с. 39; Суразаков А.С., 1994; Мотов Ю.А., 2001; и др.). Обстоятельный

анализ «кудыргинского сюжета» и довольно дискуссионный опыт определения его историко-культурного контекста представлены в недавней работе П.П. Азбелева (2010).

Необходимо обратить внимание на то, что С.И. Руденко проводил археологические исследования раннесредневековых памятников не только на Алтае. Многие материалы его раскопок остаются не опубликованными и практически не известными специалистам. В качестве примера упомянем о работах ученого в Минусинской котловине, осуществленных в 1920 г. и давших серьезные результаты (Рудковская М.А., 2004, с. 37–39). В настоящее время коллекции, полученные С.И. Руденко в ходе исследований, проведенных Абаканско-Минусинской экспедицией, хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н., 2009, с. 37). Анализ некоторых находок, датирующихся ранним средневековьем, позволяет предположить их принадлежность к культуре раннесредневековых тюрок.

Рассматриваемый период ознаменовал новую страницу в истории археологических исследований на территории Монголии (Серегин Н.Н., 2011г; 2014б). Начало систематических работ в рассматриваемом регионе связано с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими исследователями. Определенное значение имело создание в 1921 г. Ученого комитета МНР. В его составе был исторический кабинет, в круг обязанностей сотрудников которого входили поиск и регистрация памятников (Цэвээндорж Д. и др., 2008, с. 17–18). Именно в это время были проведены широкомасштабные исследования, позволившие получить огромный по значению материал по различным периодам древней и средневековой истории Монголии. Одними из наиболее результативных стали работы Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П.К. Козлова в горах Ноин-Ула. По мнению Т.И. Юсуповой (2006, с. 31; 2010, с. 27), сделанные в ходе этих раскопок открытия не только дали импульс к дальнейшему изучению историко-культурного наследия региона, но и стали

одной из побудительных причин создания Монгольской комиссии Академии наук СССР, более 25 лет координировавшей работы советских ученых в Монголии.

Долгое время достижения в изучении археологии тюрок Монголии ограничивались сведениями, полученными в ходе исследования разноплановых «поминальных» объектов. Появление объективной информации о погребальном обряде раннесредневековых кочевников на данной территории связано с экспедиционными работами, проведенными под руководством Г.И. Боровки в среднем течении р. Тола (Туул). Исследователь был командирован в Ургу (Улан-Батор) Академией наук СССР в сентябре 1924 г. по просьбе П.К. Козлова, которому требовались квалифицированные археологи для раскопок ноин-улинских могил (Юсупова Т.И., 2010, с. 45). Г.И. Боровка вместе с С.А. Теплоуховым принял участие в изучении кургана №24 в Суцзуктэ, после чего в 1925 г. намеревался продолжить археологические работы на известном некрополе. Однако, следуя пожеланиям Ученого комитета Монголии, а также учитывая сильную увлажненность местности, в которой находился памятник, он отказался от первоначальных планов (Боровка Г.И., 1927, с. 43–44; Юсупова Т.И., 2010, с. 50).

Ключевой задачей работ Г.И. Боровки в 1925 г. стало «систематическое обследование известного района Монголии с археологической точки зрения, с целью выяснения встречающихся в нем памятников древности» (Боровка Г.И., 1927, с. 44). Долина р. Тола была выбрана исходя из того, что данная местность, по наблюдениям ученого, отличалась благоприятными условиями для проживания древнего населения, и, кроме того, находилась неподалеку от базы экспедиции в Улан-Баторе. На протяжении намеченного маршрута Г.И. Боровкой зафиксированы 92 археологических объекта, несколько памятников раскопаны. Один из исследованных комплексов, расположенный в местности Наинтэ-суме около горного кряжа Хайрхан, судя по зафиксированным показателям обряда и характерному набору инвентаря, относится к культуре раннесредневековых тюрок.

Раскопанное погребение было датировано Г.И. Боровкой (1927, с. 74) в рамках VI–VIII вв. н.э. и связано с эпохой «турок-огузов». Основанием для такого определения стал рассмотренный исследователем орнамент на фрагменте шелка, который археолог сравнил с аналогичной находкой из тюркского погребения могильника Катанда-II, исследованного на Алтае. Обозначенный курган Наинтэ-суме находился рядом с группой херексуров, что позволило археологу отнести последние к этому же периоду. Впоследствии, на довольно долгое время традиция датировки херексуров ранним средневековьем закрепилась, чему способствовала безынвентарность большинства таких объектов (Худяков Ю.С., 1987, с. 137).

Отметим, что к раннему средневековью может относиться также другое погребение, исследованное Г.И. Боровкой в местности Наинтэ-суме. Под небольшой каменой насыпью было зафиксировано полностью разграбленное захоронение человека в сопровождении лошади. Сохранившийся инвентарь включал глиняную вазу, а также фрагмент боковой ручки серебряного сосуда с окончанием в виде головы грифона (Боровка Г.И., 1927, с. 64–66).

Наряду с раскопками погребений раннего средневековья Г.И. Боровка продолжил работы, направленные на выявление и изучение «элитных» мемориальных объектов. В ходе осуществленных им обследований был выявлен ранее не известный памятник на Тарэйтын-голе (Боровка Г.И, 1927, с. 79). Кроме того, археологом заложены небольшие поисковые траншеи на ряде комплексов, обнаруженных его предшественниками (Боровка Г.И, 1927, с. 77–79), а также подробно описано состояние мемориалов, на которых в ряде случаев фиксировались следы грабительских раскопок. Это позволило получить новую информацию об особенностях структуры объектов данной группы. На памятнике Унгету участниками экспедиции вырыты из земли каменные изваяния людей и скульптура льва, а также установлено, что для изготовления одной из статуй использован «оленный» камень (Боровка Г.И, 1927, с. 78–79, табл. VI.-2–5).

В 1925 г. Б.Я. Владимирцовым осуществлены первые небольшие по объему раскопки на комплексе, возведенном в честь Тоньюкука – известного

деятеля Второго Восточно-тюркского каганата (Войтов В.Е., 1996, с. 18). В результате работ зафиксирован «пол из кирпичей», а также многочисленные фрагменты черепицы. В очередной раз было подтверждено отсутствие каких-либо следов погребений на подобных памятниках (Владимирцов Б.Я., 1927, с. 41–42). Более детальные изыскание осуществлены на выявленном комплексе Баян-Даваа-I, представляющем собой четырехугольную ограду из крупных плит с орнаментом, окруженную рвом прямоугольной формы. К востоку от объекта находились изваяние и ряд балбалов. В ходе раскопок зафиксирована серия предметов (Владимирцов Б.Я., 1927, с. 38–41, рис. 1–3). На основе полученных материалов и с учетом уже известных сведений Б.Я. Владимирцовым (1927, с. 42) выделены пять типов «тюркских погребений» (мемориальных комплексов) – от «ханских могил» до «маленьких бедных могильников».

Одним из активных участников упомянутой ранее Алтайской экспедиции Русского музея, руководимой С.И. Руденко, был М.П. Грязнов. В то время известный ученый являлся научным сотрудником Этнографического отдела (Шмидт О.Г., 2004, с. 67). Под его руководством проводились исследования на памятниках предгорной части региона, а позже и на Алтае. В 1927 г. отрядом М.П. Грязнова раскапывались объекты в долине р. Урсул и в урочище Шибе (Китова Л.Ю., 2007, с. 93). Помимо известных комплексов скифо-сакского времени им были изучены пять курганов культуры раннесредневековых тюрок. Коллекции, полученные в ходе этих работ, не введены в научный оборот, однако использовались впоследствии по оставшимся зарисовкам (Гаврилова А.А., 1965, с. 6).

В 1929 г. опубликована совместная работа М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера, посвященная обобщению сведений о каменных изваяниях, обнаруженных на территории Минусинской котловины. Среди скульптур, которые, согласно определению исследователей, не характерны для данного региона, имеется несколько тюркских изваяний (Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р., 1929, с. 86–87, табл. VII). По замечанию Ю.С. Худякова (2004, с. 8), несколько объектов были включены в сводку ошибочно, так как происходили с территории Тувы.

Результаты археологических раскопок, осуществленных в 1924–1929 гг., позволили М.П. Грязнову (1930) создать периодизацию древних и средневековых культур Алтая. Очевидно, в ходе этой работы исследователь учитывал опыт разработок С.А. Теплоухова (Китова Л.Ю., 2007, с. 96), в экспедиции которого принимал участие. Несмотря на ограниченность материалов, которыми располагал ученый, в рамках небольшой по объему статьи им были заложены основы дальнейших работ в рассматриваемом регионе (Тишкин А.А., 2000б, с. 109). М.П. Грязнов (1930, с. 4, 10–11) выделил семь этапов, охватывавших историю Алтая от неолита до X в. н.э. Ко «второму этапу железной культуры» исследователь (Грязнов М.П., 1930, с. 8–9) отнес курганы, раскопанные на могильнике Кудыргэ. При этом конкретная датировка памятника и выделенного этапа им не была обозначена. Характеризуя особенности истории региона в это время, М.П. Грязнов отметил кочевой характер хозяйства и широкие этнокультурные контакты населения, оставившего известный некрополь. Кроме того, археолог подчеркнул значительную роль лошади в жизни «кудыргинцев», обратив внимание на то, что данная черта получила отражение и в их погребальном обряде (Грязнов М.П., 1930, с. 8).

В 1939 г., будучи сотрудником Государственного Эрмитажа, М.П. Грязнов проводил раскопки в другом районе Алтая. Экспедицией под его руководством исследованы несколько объектов на крупном археологическом комплексе Яконур в северо-западной части региона. Интересные материалы, относящиеся к различным историческим периодам от раннего железного века до средневековья, не были опубликованы, и лишь кратко охарактеризованы археологом (Грязнов М.П., 1940). Судя по имеющимся материалам, в ходе работ Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа на комплексе Яконур исследованы несколько погребений археологической культуры раннесредневековых тюрок. Наиболее подробно М.П. Грязнов (1940, с. 20) описал впускное захоронение в кургане №5, в котором были обнаружены кости двух лошадей и представительный набор предметов сопроводительного

инвентаря. Впоследствии коллекция находок из обозначенной могилы введена в научный оборот в специальной статье А.А. Тишкина и В.В. Горбунова (2003б).

Помимо захоронений раннесредневековых тюрок М.П. Грязновым (1940, с. 20, рис. 4) на комплексе Яконур исследованы две каменные оградки. Из представленного в публикации краткого описания, а также фотографии можно заключить, что археолог раскопал смежные объекты, у первого из которых обнаружен один балбал, а у второго зафиксирован ряд из 18 камней. М.П. Грязнов (1940, с. 20) отметил, что исследованные конструкции, несмотря на отсутствие захоронений, все же представляют собой «могильный памятник», напоминающий по устройству тюркские мемориалы Монголии.

Все объекты раннего средневековья, исследованные на комплексе Яконур, М.П. Грязнов (1940, с. 19–20) отнес к VIII–X вв. В последующие после этих работ годы показательные материалы раскопок использовались многими археологами (Гаврилова А.А., 1965, с. 6; Худяков Ю.С., 1986а, с. 139, 143; 1990, рис. 1; Горбунов В.В., 2006а, рис. 33.-3–9; 50.-8; и др.). В настоящее время актуальным остается вопрос о полной публикации результатов исследований на памятнике.

Масштабные археологические работы в различных районах Сибири осуществлены в 1928–1940 гг. Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С.В. Киселева (Дэвлет М.А., 1969, с. 34–39; Китова Л.Ю., 2007, с. 99–115). В 1928 г. С.В. Киселев (1929, с. 2) провел разведки и раскопки в ряде пунктов в Минусинской котловине. Погребения раннесредневековых тюрок исследованы им на памятниках у с. Кривинское и рядом с заимкой Усть-Тесь. Одну из обозначенных могил археолог (Киселев С.В., 1929, с. 154–156) в первой публикации отнес к «новой культуре Минусинского края» и датировал первой половиной I тыс. н.э.

К 1930-м гг. относится начало работ Саяно-Алтайской экспедиции на Алтае. Наиболее крупными стали исследования в зоне строительства Чуйского тракта, осуществленные в 1934–1935 г. Первый отряд, в составе которого был начальник экспедиции С.В. Киселев, производил раскопки археологических памятников в районе с. Курай (Кош-Агачский район Республики Алтай). Второй

отряд под руководством С.М. Сергеева занимался исследованием объектов у с. Туекта (Онгудайский район). Применение методики сплошного вскрытия позволило исследователям зафиксировать некоторые конструктивные элементы раскопанных памятников, в том числе ритуальных комплексов раннего средневековья. Измерялось расстояние между балбалами, делались прокопы вокруг и под камнями (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 82, 114–117). В 1934 г. были исследованы три оградки возле урочища Кулада (долина Каракола) (Евтюхова Л.А., 1941, с. 130–132; Киселев С.В., 1951, с. 545). В них зафиксированы ямки, заполненные золой и углями, иногда с остатками деревянных столбов. Большое значение имело исследование 18 погребений, отнесенных к «эпохе рунического письма» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93) и кратко охарактеризованных в отчетной статье.

Основным объектом исследований участников Саяно-Алтайской экспедиции в 1936 и 1938 гг. был Уйбатский чаатас (Минусинская котловина). В ходе продолжавшихся работ на этом знаменитом памятнике раскопаны два кургана раннесредневековых тюрок, позже опубликованные Л.А. Евтюховой (1948, с. 61–64).

Важно подчеркнуть, что результаты масштабных раскопок Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева, в том числе материалы раннего средневековья, до сих пор опубликованы весьма фрагментарно. Учитывая значительный объем полученных данных, а также неординарность целого ряда исследованных археологами объектов, введение в научный оборот результатов работ Саяно-Алтайской экспедиции остается весьма актуальным. Одним из шагов в указанном направлении стала публикация ряда фотографий из альбома иллюстраций к отчету С.В. Киселева, хранящегося в фотоархиве ИИМК РАН, осуществленная Т.В. Тишкиной (2010, рис. 91–116).

По замечанию Л.Ю. Китовой (2007, с. 127), после репрессий 1930-х гг. одним из немногих профессиональных археологов, не только работавших, но и живших в Сибири, была В.П. Левашова. Несмотря на сложности этого времени, будучи сотрудником Минусинского музея, она проводила достаточно активные

полевые работы (Китова Л.Ю., 2007, с. 133–137). В 1934 г. В.П. Левашовой (1952, с. 121) начаты аварийные раскопки в районе Капчальского баритового рудника в Минусинской котловине. Вторая курганная группа некрополя исследована в 1935–1936 гг. В ходе работ на могильнике Капчалы-II раскопаны 22 небольших кургана, большинство из которых содержали погребения раннесредневековых тюрок. Материалы исследований частично опубликованы исследовательницей уже в послевоенное время (Левашова В.П., 1952).

Значительный материал, полученный в результате работ Саяно-Алтайской экспедиции на Алтае и Минусинской котловине, а также в ходе исследований В.П. Левашовой на могильнике Капчалы-II, стал основой для обобщений, предпринятых Л.А. Евтюховой (1948) и С.В. Киселевым (1949). Безусловно, археологи учитывали и памятники, раскопанные предшественниками. При этом необходимо признать, что написание серьезных работ, в которых наряду с другими вопросами рассматривались различные аспекты изучения археологических комплексов тюрок, стало возможным, главным образом, благодаря полевым исследованиям, проведенным на территории Алтае-Саянского региона именно во второй четверти XX в.

Материалы всех известных захоронений раннесредневековых тюрок на территории Минусинской котловины обобщены в монографии Л.А. Евтюховой (1948, с. 60–67). Памятники рассматриваемой общности были объединены в рамках «четвертого типа погребений». К ним Л.А. Евтюхова отнесла могилу на р. Таштык из раскопок С.А. Теплоухова, объекты, исследованные С.В. Киселевым на памятниках у заимки Усть-Тесь и на комплексе Уйбат-II, а также курганы могильника Капчалы-II, аварийные работы на котором проводила В.П. Левашова. Исследовательница представила общее описание черт обряда обозначенных объектов, наибольшее внимание обратив на характеристику материальной культуры оставившего их населения. Курганы «четвертого типа» Л.А. Евтюхова (1948, с. 66–67) рассматривала как памятники кыргызов, посчитав, что погребения с конем пришли на смену традиционному для населения Минусинской котловины обряду трупосожжения. Рассматриваемые

комплексы отнесены исследовательницей к IX в. Основой для такой хронологии стала ошибочная датировка китайской монеты, обнаруженной в одном из погребений могильника Капчалы-II, на что позже справедливо указала А.А. Гаврилова (1965, с. 32, 59).

В этом же русле В.П. Левашова (1952) интерпретировала погребения по обряду ингумации с лошадью или овцой могильника Капчалы-II. Рассматривая публикуемые материалы, автор раскопок (Левашова В.П., 1952, с. 132) обратила внимание на то, что ограбленными оказались наиболее «богатые» могилы, имевшие, по ее предположению, какие-либо внешние признаки. Исследовательница отметила, что мужские погребения чаще всего сопровождались лошадью, которая в женских и детских могилах была заменена на овцу. В ходе характеристики предметного комплекса некрополя, В.П. Левашова (1952, с. 132–134) конкретизировала датировку находок, приводя широкие аналогии из известных ей памятников. В целом хронология могильника Капчалы-II была определена в рамках второй половины IX в. Погребения с лошадью В.П. Левашова (1952, с. 136) соотнесла со свободными рядовыми воинами кыргызского общества, а сам обряд посчитала принесенным с территории Алтая и вытеснившим в IX в. традицию сожжения умерших.

Сведения о погребальных комплексах тюрок Алтая были обобщены в монографии С.В. Киселева (1949, с. 273–313). Исследователь представил информацию, содержавшуюся в письменных материалах, однако подчеркнул, что наиболее ценным источником являются археологические памятники (Киселев С.В., 1949, с. 275). Ученый последовательно рассмотрел объекты различных хронологических периодов, а также предметный комплекс тюрок Алтая, отметив широкие этнокультурные контакты раннесредневековых кочевников. К наиболее ранним погребениям С.В. Киселев (1949, с. 278) отнес объекты могильника Кудыргэ, сооруженные, по его мнению, до времени образования Первого Тюркского каганата. Обратив внимание на ограниченное количество памятников тюрок Алтая IX–X вв., археолог включил в эту хронологическую группу курганы могильника Сростки, которые в настоящее

время рассматриваются как комплексы сросткинской и, возможно, кыргызской, культур (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001; Тишкин А.А., 2007, с. 206–207). Захоронения с конем в Минусинской котловине С.В. Киселев (1949, с. 342), также как Л.А. Евтюхова и В.П. Левашова, обозначил в качестве памятников кыргызов, оставивших в IX в. обряд трупосожжения. Погребальный обряд тюрок Алтая археолог рассмотрел в рамках характеристики выделенных им социальных слоев общества кочевников, сопоставленных с группами курганов.

К первой группе С.В. Киселев отнес небольшие по размерам объекты, при раскопках которых в большинстве случаев зафиксировано погребение человека с конем и стандартным сопроводительным инвентарем. Отметив скромность наборов вещей, в том числе редкость предметов роскоши и импорта, археолог обратил внимание на присутствие в могилах вооружения. По мнению исследователя, обозначенные погребения можно соотнести со свободными рядовыми кочевниками, обладавшими собственным хозяйством, имуществом и определенной самостоятельностью (Киселев С.В., 1951, с. 533). При выделении второй группы объектов С.В. Киселев учитывал такие показатели обряда, как планиграфия могильников, параметры наземных сооружений, погребальный ритуал и состав сопроводительного инвентаря. По всем обозначенным признакам, рассмотренные курганы были им соотнесены с зависимым населением, возможно, рабами (Киселев С.В., 1951, с. 535). Об этом, по мнению археолога, свидетельствовало подчиненное расположение небольших объектов вокруг крупных насыпей, редкость сопроводительного захоронения лошадей и «бедность» наборов вещей.

С.В. Киселев обратил внимание на то, что некоторые погребения представителей низших слоев общества номадов Алтая были впускными и совершались в наиболее «богатых» курганах. Последние объединены археологом в рамках третьей группы. «Элитные» погребения отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей (Киселев С.В., 1951, с. 535). С.В. Киселев (1951, с.

544) предположил, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

Отметим, что исследователь подчеркнул культурную и хронологическую однородность рассматриваемых погребений. Таким образом, приведенные различия в обряде объяснялись исключительно прижизненным социальным и имущественным статусом умерших.*

Гораздо менее подробно С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой рассматривались проблемы интерпретации «поминальных» комплексов тюрок. По их мнению, детализировать хронологию таких объектов позволяют материалы раскопок захоронений с лошадью. Исследователи обратили внимание на то, что, предметы, изображенные на изваяниях, имеют многочисленные аналогии в могилах второй половины I тыс. н.э. Весьма существенным представляется заключение археологов о поминальном назначении оградок, а также об их синхронности исследованным курганам (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114–115).

Итоги изучения тюркских каменных изваяний представлены в работе Л.А. Евтюховой (1952). Исследовательница обобщила информацию о 92 объектах, происходивших с территории Алтая, Тувы, Монголии и Минусинской котловины. Кроме того, в приложении приведены рисунки еще 10 изваяний, сведения о которых получены от М.П. Грязнова во время подготовки публикации (Евтюхова Л.А., 1952, с. 73–77, 119). Серия рассматриваемых объектов издана по результатам полевых исследований самой Л.А. Евтюховой, другие рисунки были сделаны на основе изучения фотографий других специалистов, в разное время работавших в обозначенных регионах.

В публикации 1952 г. Л.А. Евтюхова впервые детально проанализировала реалии, изображенные на тюркских каменных изваяниях. Исследовательница выделила элементы костюма, формы прически, а также охарактеризовала

* Иная точка зрения впоследствии высказана А.А. Гавриловой (1965, с. 88), предположившей, что в ряде случаев резкие различия в погребальном обряде объясняются не прижизненным положением покойных, а различной хронологической и культурной принадлежностью объектов. Полная публикация результатов раскопок С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой будет способствовать более обоснованной интерпретации рассматриваемых материалов.

предметы вооружения и сосуды, зафиксированные на таких объектах (Евтюхова Л.А., 1952, с. 102–113). Отдельно был рассмотрен вопрос о назначении каменных изваяний. По мнению Л.А. Евтюховой (1952, с. 114–116), решение данной проблемы связано с определением функций четырёхугольных каменных оградок, перед которыми такие объекты, в значительном количестве случаев, установлены. Исследовательница подчеркнула отсутствие следов захоронений в обозначенных комплексах, предположив, что они являются местами поминальных жертв, алтарями, возведенными «…в память погребенных в соседних курганах» (Евтюхова Л.А., 1952, с. 115). Каменные изваяния, следуя логике Л.А. Евтюховой, изображали самих умерших, в чью честь сооружены четырехугольные оградки.

В краткой заметке Л.А. Евтюхова (1951, с. 189–190) обозначила некоторые вопросы изучения раннесредневековых петроглифов Алтая. Поводом для обращения к данной тематике стали сведения о серии пунктов с наскальными изображениями, предоставленные и в общем виде введенные в научный оборот А.И. Минорским (1951), обнаружившим «писаные скалы» во время съемок киноочерков. По мнению Л.А. Евтюховой, часть зафиксированных рисунков относится к VIII–IX вв., о чем свидетельствуют характерные формы изображенных предметов вооружения и конского снаряжения. Сделанные А.И. Минорским находки исследовательница сопоставила с известными петроглифами Минусинской котловины, главным образом, с Сулекской писаницей, подчеркнув сходство не только в образах, но и технике нанесения рисунков.

Ранее в 1930-х гг. сбором сведений о наскальных рисунках Алтая занимался П.П. Хороших, наряду с петроглифами различных периодов фиксируя изображения эпохи раннего средневековья. Обобщение известных ему материалов с использованием сведений ученых и путешественников XIX – начала XX вв. он привел в статье 1947 г., представив краткую характеристику основных местонахождений. Помимо наскальных рисунков П.П. Хороших (1947, с. 31, 32) остановился на описании уже упоминавшейся сцены на валуне

из комплекса Кудыргэ, подчеркнув исключительное значение данного объекта. Отдельно в статье был приведён список литературы «об алтайских писаницах» (Хороших П.П., 1947, с. 33, 34). В специальной публикации П.П. Хороших (1949, с. 132, 133) представил результаты изучения наскальных рисунков на комплексе Ялбак-Таш (Калбак-Таш). Известные ему изображения данного памятника археолог отнес к скифской эпохе. Несмотря на неточности, допущенные при описании многих местонахождений наскальных рисунков, на которые впервые обратили внимание В.Д. Кубарев и Е.П. Маточкин (1992, с. 6, 7), с работами П.П. Хороших, несомненно, связано постепенное повышение интереса к петроглифам Алтая, в том числе к рисункам раннего средневековья.

Гораздо меньшая степень интенсивности археологических исследований памятников раннесредневековых тюрок в 1930-е – 1940-е гг. наблюдалась на территории Монголии. Ситуация изменилась только в конце 1940-х гг. К этому времени относится начало работ местного специалиста Х. Пэрлээ, который занимался созданием «Археологической картотеки Монгольской Народной Республики» (Цэвээндорж Д. и др., 2008, с. 18). Главным же фактором активизации полевых исследований в регионе вновь стали изыскания советских ученых. В 1948–1949 гг. на территории Монголии работала совместная Монгольская историко-этнографическая экспедиция Академии наук СССР и Комитета наук МНР под руководством С.В. Киселева и Х. Пэрлээ. Круг задач участников экспедиции и полученные масштабные результаты были связаны, главным образом, с раскопками средневековых монгольских городов (Киселев С.В., 1957; Пэрлээ Х., 1957; Древнемонгольские города, 1965). Вместе с тем, исследовались и памятники других типов и хронологических периодов. Среди прочих объектов была раскопана серия погребальных комплексов раннего средневековья.

Публикация и обобщение этих материалов состоялись спустя почти десятилетие в специальной статье Л.А. Евтюховой (1957). К этому времени исследовательница обладала серьезным опытом в области интерпретации памятников раннесредневековых кочевников, являясь автором ряда крупных

работ. Знание материалов позволило Л.А. Евтюховой весьма подробно охарактеризовать раскопанные погребения, рассмотреть сопроводительный инвентарь захоронений, а также определить датировку и этнокультурную принадлежность комплексов.

Среди опубликованных Л.А. Евтюховой погребений достоверно к культуре раннесредневековых тюрок может быть отнесено только одно, исследованное под насыпью кургана №3 могильника Джаргаланты. Остальные представленные объекты оказались сильно разграбленными, не содержали материалов, достаточных для их уверенной атрибуции, либо относились к более позднему времени, как, например, захоронение на некрополе Хушот-Худжиртэ. Л.А. Евтюхова (1957, с. 217) отметила, что в связи с почти полным отсутствием комплексов раннего средневековья на территории Монголии, для корректной интерпретации памятников приходится обращаться к синхронным материалам из комплексов на сопредельных территориях, прежде всего, в Алтае-Саянском регионе. Большое значение имел вывод Л.А. Евтюховой (1957, с. 224) о том, что курган №3 Джаргаланты, как и рассмотренное выше погребение Наинтэ-суме, близок в культурном отношении к известным некрополям раннесредневековых тюрок VIII–IX вв., расположенным на Алтае. По мнению исследовательницы, эти памятники представляют собой захоронения представителей «аборигенного тюркского населения, в свое время, т.е. с VI в., пришедших в монгольские степи с Алтая и принесших с собой свой погребальный обряд».

В рассматриваемый период немногочисленные, но, тем не менее, важные материалы, полученные в ходе исследований погребений раннесредневековых тюрок Монголии, привлекались специалистами довольно редко. В обобщающих работах, посвященных анализу различных аспектов истории и археологии кочевников Центральной Азии, имеются лишь упоминания об этих памятниках. Безусловно, данное обстоятельство объяснялось, главным образом, малочисленностью раскопанных объектов. На этот факт указал еще А.Н. Бернштам (1946, с. 64), характеризуя состояние источниковой базы по истории Монголии в период «от гуннов до тюрок». Ограниченность имеющихся

материалов отметил и С.В. Киселев (1949, с. 283), обратив внимание на несоответствие известных ему погребений раннесредневековых кочевников Монголии с описанием похорон номадов, приведенным в китайских летописях. Таким образом, в обобщающих работах середины XX в. раскопанные тюркские захоронения Монголии практически не привлекались при разработке авторских концепций.

Итак, к середине XX в. была сформирована определенная источниковая база для изучения и интерпретации археологических комплексов раннесредневековых тюрок, включавшая, главным образом, памятники Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Материалы исследований, частично опубликованные археологами, стали известны широкому кругу специалистов. Памятники раннего средневековья были отдельно рассмотрены в ряде обобщающих работ, в которых получил отражение опыт хронологической и этнокультурной атрибуции объектов, а также наблюдения о специфике социальной организации раннесредневековых кочевников. Вместе с тем, практически неизвестными археологам оставались погребальные и «поминальные» комплексы тюрок на территории Тувы. Материалы раскопок С.А. Теплоухова в указанном регионе были опубликованы значительно позже. Именно на этой территории в последующие годы проводились наиболее интенсивные исследования археологических памятников раннего средневековья. Весьма перспективными оставались также раскопки тюркских погребений в Монголии, остающейся в этом плане «белым пятном» на археологической карте Центральной Азии.

1.3. Целенаправленные исследования археологических памятников тюрок (1950-е – начало 1990-х гг.)

Обзор полевых работ.

Конец 1940-х – 1950-е гг. в истории археологических исследований в различных частях Центральной Азии связаны, в значительной степени, с

продолжением намеченных ранее работ. Это объяснялось как вынужденным перерывом в уже организованных изысканиях на ряде комплексов, так и очевидными перспективами в доисследовании некоторых известных объектов. Одним из таких памятников стал могильник Кудыргэ, материалы раскопок которого имели огромное значение для развития представлений по раннесредневековой археологии региона.

В 1948 г. работы на данном погребально-поминальном комплексе были продолжены А.А. Гавриловой при содействии С.И. Руденко, исследовавшего значительную часть объектов памятника за 20 лет до этого. В ходе раскопок вскрыты пять захоронений и девять каменных оградок раннего средневековья. Кроме того, было уточнено расположение известных погребальных и «поминальных» сооружений, что позволило детализировать планиграфию комплекса (Гаврилова А.А., 1965, с. 6, 11–12). Важным стало также заключение А.А. Гавриловой (1965, с. 13) о различной хронологии объектов памятника, часть из которых относится к монгольскому времени.

В следующем году А.А. Гавриловой (1965, с. 6, 73, рис. 12), также совместно с С.И. Руденко, вскрыты впускные погребения в курганах №5 и 8 на памятнике Пазырык, расположенном в восточной части Алтая. Позже эти объекты были отнесены к позднему этапу в развитии археологической культуры раннесредневековых тюрок (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 163).

Большое значение для дальнейших полевых исследований в Восточном Алтае имели разведочные работы, проведенные А.А. Гавриловой. Археологом осуществлены обследования целого ряда памятников в долине Чулышмана (Кок-Паш, Коо-I–II). Так, на некрополе Кок-Паш она насчитала 40 оградок, у 10 из которых находились балбалы (Гаврилова А.А., 1965, с. 11).

В 1954 г. А.А. Гавриловой, возглавлявшей Катандинский отряд Горно-Алтайской экспедиции под общим руководством С.И. Руденко, проведены работы на археологическом комплексе Катанда-II. Основной задачей стало доисследование известного памятника, частично раскопанного В.В. Радловым в 1865 г. Помимо представительных материалов скифо-сакского времени,

существенно дополнивших полученные ранее результаты, А.А. Гаврилова (1957, с. 254; 1965, с. 6) вскрыла пять курганов и три впускных захоронения второй половины I тыс. н.э. Эти материалы позже были опубликованы в контексте иллюстрации выделенных типов могил (Гаврилова А.А., 1965, с. 58, 61, 67–68, рис. 6–10). Рассматривая итоги археологических работ на территории Алтая, А.А. Гаврилова (1965, с. 6) подчеркнула необходимость продолжения планомерных раскопок и получения новых материалов для осуществления реконструкции истории региона в эпоху средневековья.

Наибольшей степенью интенсивности в послевоенные годы характеризовались археологические исследования, осуществленные на памятниках Тувы. Проведению раскопок в данном регионе предшествовали масштабные археологические разведки, которые позволили обозначить районы концентрации комплексов, а также выявить аварийные объекты (Вайнштейн С.И., 1954, с. 141). Охрана и изучение последних стали задачей исследований, организованных краеведческим музеем г. Кызыла, сотрудники которого осуществляли регистрацию памятников региона. Руководителем раскопок был назначен С.И. Вайнштейн, этнограф музея (Кызласов Л.Р., 1969, с. 13). В ходе работ 1953–1955 гг. исследовались комплексы различных исторических периодов, в том числе один курган тюрок на могильнике Кара-Чоога (Вайнштейн С.И., 1954, с. 148, табл. VII–VIII).

В 1955 г. начала работы археологическая экспедиция Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, которую до 1958 г. также возглавлял С.И. Вайнштейн. В 1956–1957 гг. раскопаны несколько погребений раннесредневековых тюрок на памятниках Ак-Туруг и Черби. Материалы исследований были оперативно опубликованы археологом (Вайнштейн С.И., 1958, с. 217–222).

Значительный вклад в исследование комплексов раннесредневековых тюрок Тувы, главным образом, «поминальных» объектов, внесли работы Тувинской археологической экспедиции исторического факультета МГУ под руководством Л.Р. Кызласова. В 1955 и 1957 гг. им выявлена и обследована

представительная серия тюркских оградок и изваяний, осуществлены раскопки четырех «рядовых» сооружений на памятниках Бижиктиг-Хая, Кызыл-Тей, Шурмак-Тей (Кызласов Л.Р., 1979а, с. 122–129). Интересные результаты получены в ходе изучения известного ранее «элитного» комплекса Сарыг-Булун (Кызласов Л.Р., 1969, с. 33–35, рис. 7; 1979а, с. 129–131, рис. 85.-1–3, 87.-1–2, 91).

Начиная с 1957 и до 1966 гг. памятники различных эпох исследовались участниками Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Л.П. Потапова. Археологические отряды в разные годы возглавляли А.Д. Грач, С.И. Вайнштейн и В.П. Дьяконова (Кызласов Л.Р., 1969, с. 14; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 27). В ходе этих работ был получен, введен в научный оборот и систематизирован огромный фактический материал. Серьезным образом пополнилась источниковая база по погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Курганы этой общности исследованы на памятниках Монгун-Тайга (Грач А.Д., 1960а–б); Бай-Тайга (Грач А.Д., 1966а); Кокэль (Вайнштейн С.И. 1966б), Саглы-Бажи (Грач А.Д., 1968б). В ходе работ А.Д. Грача, осуществленных в 1953–1960 гг., выявлена и зафиксирована серия новых каменных изваяний (Грач А.Д., 1955; 1958а; 1961). Обозначенным исследователем, а также С.И. Вайнштейном, В.П. Дьяконовой, М.Х. Маннай-оолом раскопаны более 20 тюркских оградок на памятниках Монгун-Тайга, Бай-Тайга, Кокэль, Кара-Холь, Ак-Даг и др. Помимо масштабных раскопок были проведены разведочные работы, послужившие основой для дальнейших полевых изысканий на территории Тувы (Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с. 8).

К середине XX столетия относится начало следующего этапа в изучении раннесредневековой археологии Монголии. Он связан, главным образом, с работами местных специалистов, к этому времени накопивших необходимый опыт полевых работ и продолживших исследования памятников региона самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран (Цэвээндорж Д. и др., 2008, с. 20).

Как и в предшествующие годы, раскопки погребальных комплексов раннего средневековья не входили в спектр основных задач археологов. При этом, в ходе масштабных работ на памятниках Монголии различных хронологических периодов, реализованных экспедициями под руководством Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава и других специалистов, было исследовано и несколько тюркских захоронений. Те обстоятельства, что изучение могил второй половины I тыс. н.э. в большинстве случаев являлось делом случая, а обработка полученных материалов осуществлялась далеко не в первую очередь, безусловно, оказали негативное влияние на качество публикации комплексов, зачастую вводимых в научный оборот лишь частично, а также на их интерпретацию. В то же время основная задача данного этапа полевых работ в Монголии – накопление материалов – выполнялась вполне успешно.

Активные исследования археологических комплексов на территории рассматриваемого региона в 1950-е гг. проводил Х. Пэрлээ. В числе объектов различных хронологических периодов им были раскопаны два погребения раннего средневековья. Захоронения, исследованные археологом в 1952 и 1957 гг. на памятниках Дэнслэгийн ам и Тогосийн овдгийн, оказались ограблены, однако, судя по зафиксированным показателям обряда и сохранившимся предметам инвентаря, они могут быть отнесены к культуре тюрок. Материалы раскопок данных комплексов не опубликованы, их краткое описание приведено в монографии Н. Сэр-Оджава (1970, т. 25).

Серия объектов раннего средневековья в эти же годы выявлена и раскопана другим монгольским специалистом Ц. Доржсурэном в ходе работ в Архангайском аймаке. Несмотря на то, что основным направлением его исследований было изучение памятников хуннуского периода (Доржсурэн Ц., 1961), археолог уделял большое внимание и комплексам второй половины I тыс. н.э. Так, Ц. Доржсурэн обнаружил и провел небольшие работы на ряде мемориальных объектов раннего средневековья, в том числе Бугутском и Идэрском памятниках (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Войтов В.Е., 1986,

с. 120–123; 1996, с. 18). В 1956 г. археолог, проводя раскопки на крупном некрополе хуннуского периода Гол Мод, раскопал курган тюркского времени, расположенный в составе могильника. К сожалению, описания полученных материалов Ц. Доржсурэн не опубликовал. Находки из погребения представлены в его совместной статье с венгерским исследователем И. Эрдели и монгольским археологом Д. Наваном ((Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967, fig. 32). В этом же году Ц. Доржсурэн раскопал еще один объект раннего средневековья, сооруженный, судя по краткому описанию, в насыпи херексура. Весьма интересные находки, обнаруженные под каменными плитами, частично опубликованы в отдельной статье исследователя (Dorjsuren C., 1967).

Ц. Доржсурэн сыграл важную роль в работах совместной Монголо-Венгерской экспедиции, проводившихся в 1960-е гг. Основным отличием этих исследований стало то, что впервые раскопки комплексов тюркского периода являлись главной задачей полевых исследований. По мнению венгерского археолога И. Эрдели, изучение раннесредневековых памятников Монголии могло способствовать решению дискуссионной проблемы азиатского происхождения авар. Накопление новых сведений о погребениях тюркского времени должно было дать основу для сравнения с материалами Венгрии (Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967, p. 347; Erdelyi I., 2000, p. 14–15).

Работы экспедиции были сосредоточены, главным образом, в Архангайском аймаке, в 1956–1957 гг. обследованном Ц. Доржсурэном (1958). Первое тюркское захоронение удалось обнаружить и раскопать только на третий год исследований (1963 г.). Проводившиеся до этого работы давали материалы более раннего времени, главным образом, хуннуского периода. Подробное описание частично ограбленного погребения человека с двумя лошадьми, исследованного в местности Хана, а также предметный комплекс памятника, опубликованы спустя десятилетие в венгерском сборнике (Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967, p. 348, 352, 356; fig. 33–37). Кроме того, в отдельных статьях представлены результаты анализа остеологических материалов из могилы

(Bokonyi S., 1967) и опыт изучения шелковых изделий, обнаруженных в захоронении (Endrei W. Gy., 1967).

В этом же 1963 г. участниками Монголо-Венгерской экспедиции раскопан еще один объект раннего средневековья. Одиночный курган находился в отдалении от основной массы объектов некрополя Наймаа-Толгой, относившихся к хунускому времени. Судя по описанию, представленному в статье (Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967, p. 356–358, fig. 40–42), курган не содержал погребения, и, вероятно, представлял собой кенотаф, либо комплекс ритуального характера. В опубликованной позже монографии И. Эрдели (2000, p. 66) привел результаты радиоуглеродного анализа материалов из данного объекта – 540+-100 лет, однако обнаруженные находки указывают на более позднюю датировку памятника.

Исследование археологических комплексов раннесредневековых тюрок Монголии было одним из направлений работ Н. Сэр-Оджава. Изучение мемориальных памятников знати он проводил начиная с 1950-х гг. Так, серьезные результаты были получены им в ходе совместных работ с чешским ученым Л. Йислом на комплексе Куль-тегина (Хошо-Цайдам-II) (Войтов В.Е., 1985, с. 126). В 1965 г. неподалеку от этого объекта Н. Сэр-Оджав (1970) раскопал частично ограбленное погребение человека в сопровождении двух лошадей и с показательным инвентарем.

К 1950-м – 1970-м гг. относится появление материалов, демонстрирующих специфику развития культуры раннесредневековых тюрок на территории Казахстана и Средней Азии (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Шер Я.А., 1961; 1963; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980). Большая часть изученных погребальных и «поминальных» комплексов, судя по имеющимся сведениям, относилась к эпохе Первого каганата.

Постепенное накопление сведений об особенностях развития культуры тюрок происходило также в ходе работ, осуществленных на территории Минусинской котловины. После весьма результативных исследований на Алтае

фокус внимания А.А. Гавриловой был сконцентрирован на реализации изысканий в обозначенном регионе. Начиная с 1958 г. и на протяжении 20 лет на Среднем Енисее осуществлялись крупномасштабные археологические исследования, организованные в связи со строительством Красноярской ГЭС (Грязнов М.П., 1979, с. 3). В 1964 г. А.А. Гавриловой в рамках работ Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР исследованы погребения раннесредневековых тюрок на могильнике «Над Поляной». Полученные материалы впоследствии были опубликованы С.П. Нестеровым (1999, с. 92–94). В 1967 г. Копенским отрядом этой же экспедиции частично исследован Перевозинский чаатас, часть погребений которого также относились к культуре тюрок (Зяблин Л.П., Кривонос А.А., 1968, с. 147–148). Результаты раскопок не опубликованы, однако использовались в ряде работ в последующие годы (Нестеров С.П., 1985; Худяков Ю.С., 2004).

Основным подходом, реализованным в ходе изысканий Красноярской экспедиции, стало сплошное исследование археологических памятников, относящихся к различным историческим периодам, в рамках компактных микрорайонов (Грязнов М.П., 1979, с. 3). Впервые на территории Алтае-Саянского региона такой прием был использован С.А. Теплоуховым и уже тогда показал свою эффективность для построения культурно-хронологических и периодизационных схем. Положительные результаты получены и в ходе раскопок, проведенных последователями известного ученого на археологическом комплексе Тепсей. В частности, достаточно подробно удалось определить хронологию погребений раннесредневековых тюрок, исследованных на памятнике. В 1968 г. М.П. Грязнов, наряду с объектами других периодов, осуществил раскопки ряда захоронений рассматриваемой общности на могильнике Тепсей-III (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 150–155). В 1976 году на этом же памятнике Ю.С. Худяковым раскопано еще одно погребение, давшее наиболее интересный материал (Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979).

Другой «новостроечной», крупнейшей в стране в 1960–1980-е гг., была Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии

АН СССР (Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с. 8). Фактическим ее создателем и руководителем до 1973 г. был А.Д. Грач, а в последующие годы начальником СТЭАН являлся С.Н. Астахов (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 10, 33). Основным принципом, реализованным в ходе работ экспедиции, стало пропорциональное и комплексное изучение всех основных эпох в истории Центральной Азии (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 32). Эффективному осуществлению раскопок способствовало предварительное проведение аэрофотосъемки в сочетании с интенсивными наземными разведками. В ходе многолетних работ исследовано значительное количество памятников различных исторических периодов от палеолита до этнографического времени. По подсчетам Д.Г. Савинова, за это время было раскопано 45 погребений тюрок периода раннего средневековья (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 124). Большая часть этих объектов опубликована в недавней коллективной монографии (Древние тюрки Центральной Тувы, 2013).

Серия погребений раннесредневековых тюрок исследована Ю.И. Трифоновым, являвшимся руководителем пятого отряда СТЭАН. В 1965–1967 гг. и 1971 г. объекты рассматриваемой общности раскопаны на могильниках Аргалыкты-I, VIII, IX; в 1968–1970 гг. археолог проводил работы на комплексах Кара-Тал-I, IV. Кроме того, в 1974 г., после нескольких лет, в течении которых Ю.И. Трифонов участвовал в раскопках памятников на территории Минусинской котловины, им были изучены погребения тюрок и несколько оградок на могильнике Дыттык-Чарык-Аксы-I. Информация об указанных исследованиях отражена в коротких заметках в ежегоднике «Археологические открытия» (Трифонов Ю.И., 1966; 1967; 1968; 1975б), а также в ряде статей археолога (Трифонов Ю.И., 1971; 1973б; 1975а; 1987; 2000; Лубо-Лесниченко Е.И., Трифонов Ю.И., 1989). Результаты, полученные им в ходе многолетних раскопок, планировалось опубликовать в первом томе Трудов СТЭАН (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2000, с. 205; 2007, с. 126), однако данное намерение было осуществлено только в 2013 г. (Трифонов Ю.И., 2013, с. 13–114).

Активное участие в работах СТЭАН принимал отряд Уральского университета под руководством Б.Б. Овчинниковой. В 1971–1973 гг. его силами были исследованы погребения и «поминальные» сооружения раннесредневековых тюрок на археологических комплексах Аймырлыг и Даг-Аразы (Овчинникова Б.Б., 1982; 2004; 2013а–б; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 177, табл. 1). Объекты рассматриваемой общности раскопаны другими отрядами экспедиции на памятниках Мугур-Саргол (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 127–128; Длужневская Г.В., 2013), Улуг-Бюк-II (Длужневская Г.В., 2000; 2013), Улуг-Хорум (Грач В.А., 1982), Часкал-II (Мандельштам А.М., 1967; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 18).

В 1971 г. на знаменитом комплексе Аржан в Туве, в ходе раскопок одного из каменных колец, в значительном количестве расположенных вокруг «царского» кургана раннескифского времени, исследовано тюркское погребение (Комарова М.Н., 1973). Материалы данного объекта, раскопанного экспедицией Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в последующие годы привлекли внимание не только археологов, но и специалистов в области изучения тюркской рунической письменности (Кляшторный С.Г., 1975).

Одним из направлений работ СТЭАН стало исследование наскальных изображений, часть которых относилась к периоду раннего средневековья. Результаты этих изысканий введены в научный оборот в серии монографий М.А. Дэвлет (1976; 1980; 1982; 1998).

Продолжение археологических исследований раннесредневековых памятников на Алтае в 1960-е гг. было связано с работами Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина, организованной в 1959 г. (Сорокин С.С., 1962, с. 70). Пять ранее не известных тюркских каменных изваяний зафиксированы в 1964 г. в ходе работ в долине р. Джазатер и в устье р. Джумалы (Сорокин С.С., 1968, с. 260–262). Кроме того, судя по краткой информации, раскопаны некоторые из «поминальных» оградок, рядом с которыми находились изваяния. В центре

одного из сооружений обнаружена неглубокая ямка с остатками дерева (Сорокин С.С., 1968, с. 261). Другой исследованный комплекс, расположенный на небольшом плато, представляли две оградки с изваяниями, установленными к востоку. Особенность объекта состояла в том, что «поминальные» сооружения были окружены рвом и валом (Сорокин С.С., 1968, с. 261–262, рис. 2).

В этой же части Алтая силами Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и при участии сотрудников Горно-Алтайского и Бийского краеведческих музеев проводились масштабные полевые исследования на погребальных комплексах. Большая часть полученных материалов была связана с характеристикой культуры населения региона в раннескифское и скифо-сакское время (Сорокин С.С., 1967а–б). К раннему средневековью относится только одно разрушенное впускное погребение, раскопанное на могильнике Кок-Су-I при исследовании кургана №27. Вещевой комплекс данного объекта опубликован С.С. Сорокиным (1974, с. 72, рис. 8) в статье, посвященной введению в научный оборот результатов работ на некрополе.

К 1960-м гг. относится появление новой информации о тюркских рунических надписях Алтая. Одно из таких местонахождений зафиксировано в 1962 г. в ходе работ специального отряда экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова на комплексе Бичикту-Бом (Онгудайский район). Разные варианты перевода данной надписи впоследствии были опубликованы в ряде статей отечественных тюркологов (Тенишев Э.Р., 1966; Убрятова Е.И., 1974). В работе Э.Р. Тенишева (1966, с. 262–265) представлен опыт обобщения немногочисленных известных на тот момент эпиграфических находок на Алтае, отнесенных им к VI–VIII вв. н.э. В этом же году Н.А. Баскаков (1966, с. 79–83) опубликовал три наскальные надписи, обнаруженные у с. Мендур-Соккон (Усть-Канский район). Сведения о родственных отношениях знатного тюрка и кыргыза, содержащиеся в одном из этих кратких текстов – «Мой старший брат ... герой и знаменитый киргиз» (Баскаков Н.А., 1966, с. 80–81) – впоследствии неоднократно привлекались исследователями для

реконструкции этнокультурной ситуации на Алтае в конце I тыс. н.э. (Кубарев Г.В., 1998б, с. 293; Савинов Д.Г., 2005а, с. 269; Тишкин А.А., 2007, с. 212; и др.).

В 1968–1969 гг. значительные по объему работы проводились Акташским отрядом Алтайской экспедиции ИИФиФ СО РАН и Кемеровским педагогическим институтом в зоне предполагаемого затопления Чуйской ГЭС (Кулемзин А.М., 1970). Большая часть раскопанных курганов, судя по имеющимся сведениям (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 147–172), относится к скифо-сакскому времени. Вместе с тем, были получены и материалы раннего средневековья. Один из курганов урочища Алагаил (№22) содержал разрушенное погребение, которое, очевидно, относится к культуре раннесредневековых тюрок (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 157, 159, рис. 9).

К началу 1970-х гг. относится начало работ на Алтае Д.Г. Савинова, возглавлявшего Алтайский палеоэтнографический отряд ЛГУ. Основным пунктом исследований стала долина р. Узунтал в восточной части региона (Савинов Д.Г., 1972; 1973; 1974). В течении нескольких лет там были раскопаны памятники различных хронологических периодов, в том числе серия объектов второй половины I тыс. н.э. К раннему средневековью относится шесть курганов тюрок, серия каменных изваяний, а также одно захоронение по обряду кремации, связываемое с периодом расселения на Алтае кыргызов. Обозначенные материалы раскопок в долине р. Узунтал были полностью опубликованы археологом (Савинов Д.Г., 1980; 1982; 1983; 1987а). В последующие годы анализ этих комплексов в значительной степени способствовал формированию позиции исследователя по различным аспектам этнокультурной истории Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий в раннем средневековье.

С конца 1970-х гг. наиболее интенсивные исследования археологических комплексов раннесредневековых тюрок осуществлялись именно на территории Алтая. В это время здесь работало несколько крупных археологических экспедиций, организованных как центральными, так и местными учреждениями.

Масштабные работы проводились участниками Алтайской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова. В конце 1970 – начале 1980-х гг. исследованы погребения и «поминальные» объекты раннесредневековых тюрок на памятниках Кара-Коба-I, II и Курота (Могильников В.А., 1983; 1990; 1992а; 1994а; 1997а; Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992). В 1980-х гг. работы экспедиции Института археологии проводились при участии местных учреждений. Совместно с сотрудниками Горно-Алтайского пединститута исследованы два тюркских погребения, а также оградка на могильниках Песчаная-II и Талдура-II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983; Елин В.Н., Могильников В.А., 1993). При участии экспедиции Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы раскопано захоронение лошади на памятнике Большой Яломан-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994).

В конце 1970-х – начале 1990-х гг. масштабные археологические работы в разных районах Алтая проводились участниками экспедиции Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством А.С. Суразакова. Основным направлением в деятельности археолога являлось изучение комплексов раннего железного века, однако необходимость публикации результатов раскопок погребальных и «поминальных» объектов второй половины I тыс. н.э. потребовала от исследователя обращения и к более поздним материалам. В 1978–1979 гг. сотрудниками ГАНИИЯЛ раскопаны несколько тюркских погребений и серия каменных оградок на памятнике Курота-II в Центральном Алтае (Суразаков А.С., 1990б), а также комплексах Бажынты и Сары-Кобы в северо-западной части региона (Суразаков А.С., 1979, 1982, 1990б). Около 15 «поминальных» оградок вскрыто в ходе многолетних работ на крупных археологических комплексах Айрыдаш-I и II (Ларин О.В., 1990; Суразаков А.С., 1990а). Еще один подобный объект раскопан в конце 1980-х гг. на разновременном памятнике в урочище Кызык-Телань (Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 11–12). В 1990 г. исследован одиночный тюркский курган Ябоган-I (Кочеев В.А., Суразаков А.С.,

1994). В ходе совместной экспедиции ГАНИИИЯЛ и Центра археологических исследований в 1992 г. вскрыто раннесредневековое погребение на могильнике Чоба-VII (Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994). В этом же году в ходе работ на памятнике Котыр-Тас-I в Юго-Восточном Алтае раскопано более 20 каменных оградок с различными сопроводительными сооружениями (Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 35–66).

Одним из немногих археологов, целенаправленно занимавшихся поиском и исследованием каменных оградок раннесредневековых тюрок, был А.С. Васютин, работавший на Алтае в 1980-е гг. В ходе раскопок возглавляемого им Алтайского отряда Южно-Сибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета вскрыто значительное количество таких объектов. Результаты анализа полученных материалов представлены в ряде публикаций исследователя, а также подготовленной им кандидатской диссертации «Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая» (1983б). К сожалению, огромный массив сведений о «поминальных» комплексах раннего средневековья, раскопанных на памятниках Большой Курманак-I-II, Кер-Кечу, Кок-Паш, Кудыргэ, Коо, Кызыл-Чын-III, Нижняя Соору, Усть-Карасу и др. (в общей сложности более 80 оградок) остался введенным в научный оборот лишь частично (Васютин А.С., 1981; 1983а; 1984; 1985; 2009; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983; Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987).

Помимо тюркских оградок Алтайским отрядом под руководством А.С. Васютина исследованы и другие объекты раннего средневековья. На памятниках Кок-Паш и Усть-Карасу раскопаны «ритуальные» курганы, содержавшие датирующие материалы, столь редкие для подобных комплексов (Васютин А.С., 1985, с. 194–195; Илюшин А.М., 1990, рис. 1; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53, 55, 57). Отдельные захоронения лошадей обнаружены в ходе раскопок памятников Коо-I, Нижняя Соору и Пазырык (Васютин А.С., 1985, с. 194–195; Илюшин А.М., 1995).

Серия тюркских оградок исследована в ходе работ А.М. Илюшина в Восточном Алтае. В 1983 г. он совместно с А.П. Бандурой вскрыл три

«поминальных» комплекса на известном памятнике Кудыргэ. Материалы раскопок, демонстрирующие традицию сооружения оградок на раннем этапе развития культуры тюрок, полностью опубликованы (Илюшин А.М., 1992; 2000). В ходе работ на памятниках Сары-Коба-I–III, открытых А.М. Илюшиным в 1985 и 1987 гг., также исследовано несколько подобных комплексов, в одном из которых обнаружен представительный набор предметов (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997). Еще одна «поминальная» оградка с балбалом и пристроенными с двух сторон каменными ящичками (объект №38 по нумерации А.М. Илюшина) вскрыта на известном памятнике Пазырык (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 93–94, рис. 1).

Получению материалов раннего средневековья на Алтае в рассматриваемый период способствовало проведение охранных работ, связанных с необходимостью оперативного исследования аварийных памятников. В 1988 г. на окраине г. Горно-Алтайска С.М. Киреевым раскопано разрушенное погребение человека с лошадью. Очевидно, захоронение было совершено под курганом, насыпь которого не сохранилась. Материалы раскопок погребения, относящегося, судя по зафиксированному обряду и обнаруженному предметному комплексу, к археологической культуре раннесредневековых тюрок, опубликованы (Киреев С.М., 1993). Весьма интересный аварийный объект второй половины I тыс. н.э., обследован сотрудником Республиканского краеведческого музея В.А. Кочеевым. В 1991 г. у с. Жана-Аул (Кош-Агачский район) им были проведены охранные раскопки погребения, разрушенного в ходе хозяйственных работ. Проведенные исследования позволили выяснить, что в могиле находилось мумифицированное в силу естественных причин захоронение женщины, уложенной в каменный ящик из вертикально установленных плит, в сопровождении лошади. Инвентарь погребения представлен многочисленными элементами конского снаряжения, остатками шелковой одежды, украшениями, деревянной посудой. Вещевой комплекс захоронения полностью опубликован (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997; Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 2000). Своеобразное скальное захоронение конца I – начала

II тыс. н.э., обнаруженное местными жителями в местности Балтарган, обследовано В.А. Кочеевым в 1995 г. (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996).

Огромный вклад в развитие археологии Алтая внес В.Д. Кубарев, исследовавший значительное количество памятников различных хронологических периодов от палеолита до этнографического времени, в том числе комплексов раннего средневековья. На сегодняшний день очевидной представляется необходимость системного изучения обширного наследия ученого. В том числе, актуальной задачей является написание развернутой научной биографии исследователя. Некоторые шаги в указанном направлении предприняты в недавних публикациях (Кубарев Г.В., 2012в; 2013в; Кубарев Г.В., Поздняков Д.В., 2013).

Первые исследования на Алтае В.Д. Кубарев осуществлял уже в конце 1960-х гг., работая на метеостанции Уландрык (Кубарев В.Д., 1980а, с. 71; Кубарев Г.В., 2012в, с. 116). Профессиональные полевые работы в регионе он начал в 1973 г. в качестве начальника Восточно-Алтайского отряда комплексной Северо-Азиатской археологической экспедиции. С этого времени и на протяжении последующих четырех десятилетий археолог проводил интенсивные полевые работы в регионе.

Одной из приоритетных тем в работах В.Д. Кубарева являлось изучение тюркских изваяний Алтая. В период с 1968 по 1982 гг. археологом было зафиксировано значительное количество таких объектов, расположенных, главным образом, в восточной и юго-восточной частях региона. Ценную информацию о неизвестных каменных изваяниях В.Д. Кубарев (1984, с. 10) получал от местных жителей, взаимодействие с которыми позволило выявить серию объектов, находившихся в отдалении от крупных населенных пунктов и основных дорог – территорий, традиционно изученных более полно. Помимо фиксации тюркских изваяний, археолог параллельно занимался исследованием и других элементов «поминальных» сооружений – оградок, балбалов, стел и др.

Наряду с фиксацией каменных изваяний, участниками Восточно-Алтайского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР производились обследования и раскопки тюркских оградок и сопроводительных сооружений. Работы были сосредоточены, главным образом, в Кош-Агачском и Улаганском районах.

В 1975 г. в урочище Уландрык исследована небольшая тюркская оградка, вплотную к которой с востока была пристроена еще одна подквадратная конструкция. В центре обоих объектов обнаружены вертикально вкопанные стелы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 143–144, рис. 12). Еще одна оградка с каменной стелой в центре исследована в том же году на левом берегу р. Барбургазы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 144–145, рис. 13). Одиночное ритуальное сооружение ранего средневековья, с восточной стороны от которого зафиксировано кольцо из четырех валунов, изучено на левом берегу р. Елангаш. Ни в оградке, ни внутри кольца находок не выявлено (Кубарев В.Д., 1979б, с. 145, рис. 14). Три тюркские оградки раскопаны Восточно-Алтайским отрядом под руководством В.Д. Кубарева (1979б, с. 145–147, рис. 15, 21–22) в небольшой долине Боротал на левом берегу Чуи, рядом с кенотафами раннего средневековья.

С 1976 г. широкомасштабные исследования развернулись в долине р. Юстыд (Кош-Агачский район Республики Алтай). В этом году на обозначенном комплексе В.Д. Кубаревым были раскопаны пять тюркских оградок. В ходе работ получены весьма интересные материалы. Так, возле изваяния одной из оградок археолог нашел серебряный сосуд, а возле стелы другой – керамический сосуд (Кубарев В.Д., 1977). В центре и по углам этих оградок зачищены ямы с остатками лиственничных столбов. Столбовая ямка выявлена в центре третьей оградки (Кубарев В.Д., 1979б, с. 140–142, рис. 3–4, 10–11). В 1978 г. на комплексе Юстыд исследована еще одна оградка. Внутри найдено конское снаряжение, а снаружи, в ящичке, – верхняя половина серебряного сосуда (Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979).

Комплекс из четырех рядом стоящих оградок исследован В.Д. Кубаревым на холме Дьер-Тебе (Кош-Агачский район). Первые три оградки сопровождались

рядами балбалов. В центре всех сооружений зачищены остатки лиственничных стволов, а снаружи – пятна от сгнивших жердей и кострища (Кубарев В.Д., 1978, рис. 3–4, 6, 8). К восточной стенке оградки III примыкал деревянный ящичек с костью от черепа лошади внутри. У восточной стенки оградки II находилось изваяние, в свое время открытое С.И. Руденко, а в центре сооружения обнаружен железный нож (Кубарев В.Д., 1978, рис. 1–2). При исследовании оградки IV комплекса Дьер-Тебе В.Д. Кубаревым впервые для такого рода памятников взяты пробы угля и образец древесины для радиоуглеродного анализа. Полученные датировки (Кубарев В.Д., 1978, с. 93–94; Орлова Л.А., 1995; Тишкин А.А., 2007, с. 277–278) имеют большое значение для исследования позднего этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрок.

В 1976 г. в логу Чадыр (междуречье Барбургазы и Юстыда) участниками Восточно-Алтайского отряда обследована самая большая оградка в комплексе из трех объектов. Внутри сооружения в зольном пятне кострища обнаружена целая серия золотых изделий (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137, рис. 1).

Новые сведения о конструктивном многообразии тюркских оградок были получены в 1978 г. в ходе обследований комплекса с валом и рвом в степи Макажан. Перед изваянием у оградки удалось собрать фрагменты керамического сосуда (Кубарев В.Д.,1980б, с. 212). В 1980 г. В.Д. Кубарев (1981, с. 188) раскопал в Макажане еще три объекта со столбовыми ямками внутри.

В 1981 г. оградки с изваяниями, валом и рвом обследованы на левом берегу Актру. В процессе раскопок по периметру четырехугольной конструкции зафиксированы столбовые ямы «…двух храмовых построек каркасного типа…» (Кубарев В.Д., 1983, с. 210). Похожий памятник обнаружен в урочище Малталу (Кубарев В.Д., 1984, табл. XLI.-1). Там же В.Д. Кубарев (1984, табл. XLI.-2) раскопал ритуальный комплекс со скульптурным изваянием и «дополнительной» оградкой справа от первых балбалов.

В урочище Тадила, где в 1930-е гг. были проведены археологические обследования Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым, В.Д. Кубарев (1984, с. 129–130) раскопал оградку с изваянием. Аналогичный объект, отличавшийся наличием

ряда балбалов, исследован археологом на памятнике Мухор-Тархата (Кубарев В.Д., 1984, с. 159, табл. XXXV.-205). Схожие комплексы, включавшие оградки с дополнительными сооружениями, раскопаны В.Д. Кубаревым (1984, с. 126–127, 161, 170–171, табл. XVI, XXXV.-211, XLII.-233–234) в урочищах Туру-Алты, Терс-Акан и Узун-Язы, а также на левом берегу р. Барбургазы.

Сооружение, значительное по размерам и со своеобразной конструкцией, исследовано В.Д. Кубаревым в местности Ян-Гобо (Кош-Агачский район). В центре оградки, состоявшей из 47 плит, выявлено пустое внутри деревянное гробовище (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX). До сих пор данное сооружение на Алтае является уникальным и единственным в своем роде.

В 1980-е гг. В.Д. Кубарев продолжил работы в долине р. Юстыд. В 1983 г. он раскопал конструкции со стелами в центре и «кольцами» с восточной стороны (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, рис. 53, 54.-1, 55). В двух оградках удалось собрать угли и мелкие фрагменты керамики, а также кальцинированные кости, преимущественно мелкого рогатого скота.*

Еще на одном памятнике – Согонулу – «кольца» также обнаружены с восточной стороны оградки, в конце ряда балбалов. Кроме того, справа от первых балбалов была устроена малая оградка, при раскопках которой найдены кости животных и угли. С востока «основного» сооружения обнаружено реалистичное изваяние с отбитой головой (Кубарев В.Д., 1984, табл. XL).

Исследование погребальных комплексов тюрок Алтая второй половины I тыс. н.э. не являлось приоритетным направлением научной деятельности В.Д. Кубарева. Вместе с тем, в ходе работ на ряде некрополей скифо-сакского времени в юго-восточной и центральной частях региона, археолог раскопал значительное количество захоронений раннего средневековья. Так, начиная со второй половины 1970-х до начала 1990-х гг. Восточно-Алтайским отрядом Североазиатской экспедиции исследованы более сорока тюркских погребений, содержавших весьма представительные материалы и существенно дополнивших

* Представленные сооружения и другие подобные «культовые комплексы» В.Д. Кубарев и П.И. Шульга (2007, с. 53–56) отнесли к памятникам скифского времени, при этом указав, что А.Д. Грач (1968а) аналогичные объекты считал тюркскими.

источниковую базу для изучения культуры номадов. Информация о результатах раскопок частично введена в научный оборот в ряде статей (Кубарев В.Д., 1984, 1985а–б, 1992; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Кубарев Г.В., 1992; 1994а–б; 1995а–б; 1996; 1997а–б; 1998а; 2002; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003). Полная публикация полученных материалов осуществлена Г.В. Кубаревым (1997а; 2005; 2017).

Еще одним важным направлением научных исследований В.Д. Кубарева, связанным с изучением памятников раннесредневековых тюрок, являлась фиксация наскальных изображений Алтая. Обобщение результатов работ на таких комплексах осуществлено в совместной монографии археолога с Е.П. Маточкиным (1992). Важной частью книги стал свод наскальных изображений Алтая, среди которых были кратко описаны и местонахождения, относящиеся к раннему средневековью. Кроме того, в рамках анализа истории исследования петроглифов региона, авторы книги представили общий обзор результатов изучения памятников рунической письменности (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 10–11, 14–16). Важно отметить, что несколько надписей, впоследствии обследованных другими специалистами, были обнаружены именно В.Д. Кубаревым (Васильев Д.Д., 2009, с. 50–52). В частности, при непосредственном участии исследователя зафиксированы короткие тексты в местностях Бар-Бургазы и Талду-Айры, на вершине горы Жалгыз-тобе, а также близ сел Беш-Озек, Боочи и других населенных пунктов, позже неоднократно переведенные и опубликованные тюркологами (Наделяев В.М., 1973, 1981; Васильев Д.Д., 1978; Кызласов И.Л., 1994; и др.).

Начиная с 1984 г. и на протяжении последующих лет В.Д. Кубаревым проводились планомерные исследования на известных комплексах Калбак-Таш-I и II (Кубарев В.Д., 2007; 2011). Часть рисунков, главным образом, демонстрирующих сцены охоты и выполненных в технике граффити, относится к раннему средневековью (Кубарев В.Д., 2007, рис. 1.-5; 2011, с. 63). На святилище Калбак-Таш-I открыта также значительная серия тюркских рунических надписей (Кубарев В.Д., 2011, с. 392–402), что позволило И.Л.

Кызласову (2002, с. 57) обозначить данный памятник как одно из крупнейших скоплений эпиграфических находок такого рода в России.

Наскальные изображения раннего средневековья на Алтае, большая часть которых связана с культурой тюрок, изучались и другими исследователями. Петроглифы второй половины I тыс. н.э. в значительном количестве обнаружены на памятнике Бичикту-Бом в Центральном Алтае, известном уже в начале XX в. В 1970-х – первой половине 1990-х гг. этот комплекс систематически исследовался экспедицией Кемеровского государственного университета под руководством А.И. Мартынова. Промежуточные результаты работ публиковались в серии статей и были обобщены в монографии (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006). В специальной публикации А.И. Мартынов (1995, с. 178–185) представил анализ сцен охоты эпохи средневековья, обнаруженных на плитах комплекса Бичикту-Бом. Часть рассмотренных им изображений относится ко второй половине I тыс. н.э. Рисунки раннего средневековья, зафиксированные на обозначенном памятнике, подробно рассмотрены также в отдельных параграфах обобщающей книги (Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, с. 308–316).

Значительный вклад в изучение петроглифов Алтая внесла Е.А. Окладникова, в 1970-е – 1980-е гг. работавшая на ряде комплексов. Итоги многолетних исследований опубликованы в ряде монографий, а также серии статей обозначенного автора (Окладникова Е.А., 1975, 1982, 1984 и мн. др.). В числе наскальных изображений различных хронологических периодов Е.А. Окладниковой зафиксировано большое количество рисунков раннего средневековья. Наиболее показательными из них являются петроглифы Кара-Оюка, Жалгыз-Тобе, Шалкобы и др., многофигурные композиции и одиночные фигуры которых представляют вооруженных всадников, а также сцены охоты тюркского времени (Окладникова Е.А., 1986, рис. 4.-2; 1988, рис. 2–4; 1989, рис. 10.-4; и др.). Е.А. Окладникова (1988, с. 152–153) отметила, что аналогии раннесредневековым изображениям Алтая имеются в петроглифах Тувы,

Минусинской котловины, Монголии, а также зафиксированы при исследовании комплексов, расположенных на более отдаленных территориях.

В 1989 г. исследование наскальных изображений различных хронологических периодов осуществлялось петроглифической группой экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством Е.А. Миклашевич в Центральном Алтае. Раннесредневековые рисунки, демонстрирующие, главным образом, сцены охоты и вооруженных всадников, а также две рунические надписи зафиксированы в урочище Устю-Айры и на скалах у д. Туэкта (Миклашевич Е.А., 2003, рис. 8; 2006, с. 222–223, рис. 5).

Начиная с 1980-х гг. полевые исследования на территории Алтая осуществлялись участниками экспедиций Алтайского государственного университета. Нередко такие работы носили охранный характер и проводились в зоне проектируемых мелиоративных сооружений (каналов) в Онгудайском, Усть-Канском и Усть-Коксинском районах Республики Алтай. В 1983 г. охранные исследования осуществлены на памятнике Кырлык-II. Материалы раскопок трех курганов раннесредневековых тюрок (№2–4), зафиксированных к западу от цепочки объектов скифо-сакского времени, полностью опубликованы (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985). Десять погребений второй половины I тыс. н.э. (курганы №1–7, 11, 16, 21), а также «ритуальный» курган без могилы (№22) исследованы в ходе охранных работ археологической экспедиции АлтГУ в 1984 г. на курганном могильнике Катанда-3. Результаты этих раскопок также введены в научный оборот (Мамадаков Ю.Т., 1995; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997). В 1986 г. аварийные работы, связанные со строительством мелиоративных сооружений, проводились на некрополе Шибе-II в Центральном Алтае. Судя по представленному авторами раскопок краткому описанию (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993, с. 203, 205), исследованы раннесредневековые погребения в сопровождении лошади, «одиночные» погребения людей, а также отдельные захоронения лошадей. Общими показателями являются ориентировка умершего в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади, а также дополнительные конструкции, характерные для обрядовой

практики раннесредневековых тюрок (каменная перегородка, отделявшая умершего человека от лошади, земляная приступка и др.). Материалы раскопок остались не опубликованными, лишь отдельные предметы из погребений введены в научный оборот (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, табл. XXXIII–XXXIV; Горбунов В.В., 2014, рис. 1.-5). Кроме того, раннесредневековые захоронения исследованы на комплексах Тожон и Тюмечин, однако какая-либо информация о результатах этих работ отсутствует.

В это же время на протяжении ряда лет археологическими отрядами под руководством В.Н. Владимирова, Ю.Т. Мамадакова и Г.Д. Глобы исследовался погребально-поминальный комплекс Белый Бом-II, расположенный в Онгудайском районе Республики Алтай. На памятнике раскопаны объекты скифо-сакского и хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, а также раннего средневековья (Владимиров В.Н., Глоба Г.Д., 1981; Глоба Г.Д., 1983; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984). Ко второй половине I тыс. н.э. относятся семь тюркских каменных оградок, расположенных в разных частях комплекса. Материалы раскопок раннесредневековых «поминальных» сооружений опубликованы в недавно вышедшей статье (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В., 2011). Еще семь каменных оградок вскрыты в 1987 г. Ю.Т. Мамадаковым на памятнике Булан-Кобы-IV в Центральном Алтае. Автор раскопок при публикации результатов работ на комплексе отнес эти объекты к позднему этапу выделенной им булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (Мамадаков Ю.Т., 1994б). Однако характерные конструкции, зафиксированные при изучении оградок, позволяют уверенно отнести их к раннему этапу в развитии культуры раннесредневековых тюрок.

Дальнейшие работы участников экспедиций АлтГУ были связаны с проведением аварийных раскопок в зоне строительства Катунской ГЭС в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Погребения раннесредневековых тюрок исследованы на комплексах Верх-Еланда-I (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990) и Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998). На памятниках Тогусхан-IV, Бойтыгем-II, IV были вскрыты

каменные оградки второй половины I тыс. н.э. (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в зоне планируемого затопления в нижнем течении Катуни, а также на близлежащих территориях Алтая, проводились исследования экспедициями научных центров Новосибирска. Погребения и «поминальные» оградки раннесредневековых тюрок раскопаны на памятниках Дялян (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992), Ороктой (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990), Тянгыс-Тыт (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998), Усть-Ороктой (Тетерин Ю.В., 1991б), Усть-Чоба-I (Соловьев А.И., 1999), Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., 1992б), Чобурак (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993; Бородовский А.П., 1994).

В рамках реализации комплексной программы исследований на плато Укок, в первой половине 1990-х гг. среди памятников различных хронологических периодов раскопаны шесть погребений раннесредневековых тюрок и одна каменная оградка. Объекты, относящиеся ко второй половине I тыс. н.э., обнаружены на некрополях Ак-Алаха-I, III, Бертек-2, 27, 34 и Кальджин-8. Материалы исследованных комплексов опубликованы лишь частично (Молодин В.И., 1994а; 2000, с. 151; Савинов Д.Г., 1994б–в; Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003; Молодин В.И. и др., 2004, с. с. 68, 75, 136, рис. 106, 220–222).

Важные материалы, иллюстрирующие начальный этап в развитии традиции сооружения «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтая, получены в первой половине 1990-х гг. в ходе работ горно-алтайских исследователей. В 1991 г. археологическим отрядом научно-исследовательского сектора Горно-Алтайского государственного педагогического института (ныне госуниверситета) раскопаны семь таких объектов на памятнике Мендур-Соккон-I в Северо-Западном Алтае (Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н., 1992; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997). Наибольший интерес представляют смежные оградки №1 и 2, в одной из которых находилось захоронение лошади, а во второй зафиксирован миниатюрный каменный ящик, в котором обнаружен

фрагмент доспеха и ряд других предметов (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис. I–IV). В 1994 г. участниками Алтайско-Монгольской экспедиции исследованы две оградки на комплексе Кызыл-Таш, расположенном в юго-восточной части рассматриваемого региона (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996). В каждом из объектов обнаружены предметы, причем в одном случае изделия представляли собой миниатюрные копии вещей. Показательные материалы раскопок тюркских оградок на памятнике Кызыл-Таш были использованы при определении названия раннего этапа в развитии археологической культуры тюрок Алтая, хронологические рамки которого определяются второй половиной V – первой половиной VI вв. (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б).

Достаточно активные исследования погребальных комплексов тюрок в Минусинской котловине осуществлялись рядом научных учреждений в 1980-х – начале 1990-х гг. В различных частях этого региона раннесредневековые объекты были раскопаны на могильниках Ибыргыс-Кисте (Худяков Ю.С., 1985б; 1998б; 2004), Терен-Кель (Худяков Ю.С., 1988; 1999), Кирбинский лог, Сабинка-I (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988), Маркелов Мыс-I, II (Митько О.А., 1992; Тетерин Ю.В., 1992, 1999, 2000), Белый Яр-II (Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И., 1993; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999). Имеется упоминание о двух тюркских погребениях, исследованных на памятнике Абаканский чаатас в ходе работ Хакасско-Тувинской экспедиции МГУ совместно с Саяно-Алтайской группой Института археологии АН СССР (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984, с. 212).

Менее интенсивными были исследования памятников раннесредневековых тюрок Тувы в 1980-х гг. В основном они были связаны осуществлением работ в зонах строительства хозяйственных объектов. В ходе работ экспедиций ИИФиФ СО РАН, ТНИИЯЛИ выявлена серия новых «поминальных» комплексов в южной части обозначенного региона, а также раскопаны несколько тюркских оградок на памятниках Адыр-Тей, Халыр и

Кадыр-Даг (Данченок Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П., 1988; Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченок Г.П., 1988).

Определенный объем материалов, иллюстрирующих различные аспекты истории тюрок, получен в ходе полевых работ в Монголии. Начало нового этапа в исследовании археологических комплексов на данной территории, в том числе памятников раннего средневековья, связано с началом изысканий совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН Монголии (СМИКЭ). В период с 1969 по 1989 гг. было выявлено и раскопано огромное количество объектов различных хронологических периодов (Окладников А.П., Волков В.В., 1972; Цэвээндорж Д. и др., 2008, с. 21–23).

Участниками экспедиции получены значительные результаты в области выявления новых, а также детального исследования уже известных мемориалов знати раннесредневековых тюрок. Так, проведены работы, в том числе небольшие раскопки на Бугутском комплексе – одним из немногих точно датируемых «элитных» объектов Первого каганата (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Kljaštornyj S.G., Livšic V.A., 1972; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с. 56). Следует также отметить исследования Н. Сэр-Оджава и В.Е. Войтова на памятнике Унгету, осуществленные в конце 1970-х гг. (Войтов В.Е. и др., 1977, с. 587–588; Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е., 1979, с. 596–597). Серия «элитных» комплексов, демонстрирующих вариабельность обрядовой практики верхушки общества тюрок Монголии, изучена В.Е. Войтовым (1996, с. 21–22) совместно с монгольскими и советскими археологами в 1980–1987 гг. В 1979–1982 гг. серия «рядовых» оградок раннего средневековья обследована Ю.С. Худяковым (1985а, с. 169–177) в Центральной Монголии, в том числе осуществлены раскопки нескольких сооружений.

Несмотря на серьезнейшие масштабы исследований Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, за время работы ее участников изучено только одно погребение раннесредневековых тюрок. Ограбленное захоронение человека с двумя лошадьми было раскопано в 1983 г. одним из

отрядов СМИКЭ под руководством Д. Навана в местности Увгунт Булганского аймака (Наван Д., Сумьябаатар Б., 1987).

К концу 1980-х гг. относится появление первой информации о погребениях раннесредневековых тюрок в Западной Монголии. До этого времени захоронения обозначенной общности в этой части страны не раскапывались. В 1987 г. в местности Загал (Монгольский Алтай) изучено захоронение человека с двумя лошадьми. Исследования проводились Х. Лхагвасурэном, работавшим в составе отряда по изучению памятников бронзового и раннего железного веков Института истории АН Монголии под руководством Д. Навана. Краткое описание памятника, а также предметный комплекс из могилы опубликованы в совместной статье Ю.С. Худякова и автора раскопок (Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002).

В этом же году в Северо-Западной Монголии было исследовано еще одно погребение раннего средневековья, находившееся в составе разновременного могильника Цаган-Хайрхан-Уул. Работы на памятнике проводились одним из отрядов Биосферной комплексной экспедиции под руководством Ю.С. Худякова. Результаты исследований опубликованы им и Д. Цэвээндоржем спустя десятилетие (Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д., 1997; 1999). Этими же авторами введен в научный оборот комплекс предметов, предположительно происходивших из разрушенного раннесредневекового погребения в долине р. Аргаан-гол (Хубсугульский аймак) и обнаруженных местным жителем еще в 1961 г. (Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д., 1986).

Обширные материалы, полученные в ходе археологических раскопок 1950-х – начала 1990-х гг., стали основой для изучения различных аспектов истории раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Итоги анализа результатов полевых работ представлены далее.

Опыт изучения и интерпретации материалов раскопок.

В 1950–1970-х гг. изучение археологии раннесредневековых тюрок было в значительной степени связано с интерпретацией результатов масштабных раскопок, проведенных на территории Тувы.

Одним из первых специалистов, представивших опыт осмысления быстро накапливавшихся материалов, стал С.И. Вайнштейн. Рассмотрение погребального обряда тюрок позволило ему прийти к выводу о распространении в раннем средневековье шаманизма, одним из проявлений которого являлась вера в загробную жизнь (Вайнштейн С.И., 1954, с. 153). Важным представляется замечание исследователя о сходстве культовой практики кочевников Алтая и Тувы во второй половине I тыс. н.э. Данный тезис получил развитие в утверждении С.И. Вайнштейна (1958, с. 233) о том, что в материалах VI–IX вв., полученных на территории Тувы, фиксируется проникновение алтайских тюрок. К данному выводу исследователя подтолкнула идентичность погребального обряда и материальной культуры кочевников, а также сходство конструкций «поминальных» комплексов, раскопанных в указанных районах Алтае-Саянского нагорья.

Анализ материалов раскопок на памятниках Кокэль и Озен-Ала-Белиг позволил С.И. Вайнштейну (1966б, с. 293–294) обозначить две группы погребений второй половины I тыс. н.э., принадлежавших, по его мнению, тюркам и местному населению Тувы. Основным критерием для подобного разделения стал такой показатель, как захоронение лошади. Наиболее подробно были рассмотрены объекты первой группы, содержавшие погребения человека в сопровождении животного. С.И. Вайнштейн (1966б, с. 320–321) представил общий обзор зафиксированных наземных и внутримогильных конструкций, а также обратил внимание на традиции в ориентировке умерших людей и располагавшихся рядом лошадей.

Изучение вещевого комплекса погребений первой группы дало исследователю возможность наметить три этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрок на территории Тувы (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 329–330). В публикации, вышедшей в этом же году (Вайнштейн С.И., 1966а, с. 76–79), выводы археолога были подкреплены более развернутым обоснованием датировки комплексов, базировавшейся, главным образом, на анализе предметов конского снаряжения. При этом какие-либо наблюдения, связанные с динамикой

погребальной и поминальной обрядности кочевников в рамках выделенных этапов, представлены не были.

По мнению С.И. Вайнштейна (1966б, с. 331), интерпретация «одиночных» погребений раннего средневековья (без коня), объединенных им в рамках второй группы, неоднозначна. Археолог не исключил того, что данные объекты могли относиться к культуре тюрок, упомянув о наличии захоронений без лошади и на территории Алтая. В то же время, исследователь признал имеющей право на существование и точку зрения о принадлежности «одиночных» погребений к местному населению Тувы, сохранившему традиции предшествующего времени. Данное утверждение определенным образом подкреплялось наблюдением С.И. Вайнштейна (1966а, с. 80) о том, что умершие мужчины-воины тюркского общества всегда сопровождались захоронением лошади, и лишь в женских погребениях животное могло отсутствовать, а в детских «заменяться» на овцу. Принципиально важным представляется вывод С.И. Вайнштейна (1966а, с. 80) о том, что во время господства на территории Тувы уйгуров и кыргызов раннесредневековые тюрки сохранили основные традиции погребального обряда.

Среди обобщающих исследований по тюркской проблематике особое место занимает монография А.А. Гавриловой (1965). Одной из задач указанной работы была полная публикация материалов могильника Кудыргэ (в том числе исследований 1948 г.) и результатов раскопок на некрополе Катанда-II, проведенных А.А. Гавриловой в 1954 г. Кроме того, автор обобщила историю исследований памятников раннего средневековья на Алтае в и предгорной части региона (Гаврилова А.А., 1965, с. 5–7). Наибольшая ценность монографии заключается в представленном анализе памятников тюрок с привлечением материалов из различных территорий центрально-азиатского региона, что позволило А.А. Гавриловой (1965, с. 55–78) разработать «… периодизацию могил поздних кочевников». На основе классификации погребений были выделены кудыргинский (VI–VII вв.), катандинский (VII–VIII вв.), сросткинский (VIII–X вв.) типы памятников. Отметим, что схема, представленная А.А.

Гавриловой, с определенными изменениями и дополнениями сохраняет актуальность до сих пор (Кубарев Г.В., 2005, с. 7; Тишкин А.А., 2007, с. 202).

Важными являются замечания А.А. Гавриловой, связанные с изучением погребального обряда раннесредневековых тюрок. Достаточно подробно, хоть и суммарно, исследовательница описала наземные и внутримогильные конструкции, а также основные показатели ритуала, зафиксированные на могильнике Кудыргэ, что являлось частью источниковедческого исследования публикуемых материалов некрополя. А.А. Гаврилова (1965, с. 28) выделила четыре группы погребений, положив в основу такой признак, как наличие или отсутствие в могиле лошади, а также отметила существование отдельных конских захоронений. Рассматривая предметный комплекс, полученный в ходе раскопок памятника, исследовательница обратила внимание на традиции в расположении вещей в могиле.

В общем виде А.А. Гаврилова представила характеристику погребальной практики каждого из выделенных хронологических этапов, привлекая в данном случае не только памятники Алтая, но и объекты, раскопанные на территории Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Исследовательница подчеркнула, что предметный комплекс каждой группы могил однороден, однако в обряде фиксируется определенная вариабельность (Гаврилова А.А., 1965, с. 52). Среди характерных признаков погребений кудыргинского типа А.А. Гаврилова (1965, с. 59) выделила наличие сопроводительного захоронения лошади и ориентировку умершего человека на восток. Исключительность могильника Кудыргэ по последнему из обозначенных показателей автор объяснила тем, что население, оставившее некрополь, являлось пришлым на Алтае, и предположила связь зафиксированного южного направления с обращением в сторону родины. В целом, исследовательница подчеркнула нивелировку культуры кочевников в рамках существования Первого Тюркского каганата, имея в виду, прежде всего, предметный комплекс номадов. Рассматривая погребения катандинского типа, А.А. Гаврилова (1965, с. 65, 105) отметила продолжение существования в это время традиций «берельских» племен. Отличительными характеристиками

последних она считала широтную ориентировку умерших и присутствие сопроводительного захоронения лошади (Гаврилова А.А., 1965, с. 57, 106). По мнению исследовательницы, традиции местных племен фиксируются в погребальном обряде кочевников и на сросткинском этапе (Гаврилова А.А., 1965, с. 70). Обозначенные погребения А.А. Гаврилова связала с племенами теле, входившими в каганат тюрок.

Несмотря на то, что основное внимание в монографии А.А. Гавриловой акцентировано на анализе погребений эпохи средневековья, автор представила также характеристику «поминальных» комплексов, раскопанных на памятнике Кудыргэ. По ее мнению, каменные оградки, исследованные на Алтае, по ряду показателей могут быть сопоставлены с известными орхонскими мемориалами Монголии (Гаврилова А.А., 1965, с. 17). А.А. Гаврилова отметила существование различных традиций сооружения «поминальных» объектов, которые она объединила в рамках двух основных типов. Смежные оградки «кудыргинского» типа, которым по времени распространения соответствуют лицевые изваяния, отнесены исследовательницей к V–VI вв., а рядом стоящие оградки с реалистично оформленными изваяниями, условно обозначенные как «яконурские», – к VII–VIII вв. (Гаврилова А.А., 1965, с. 98–99, 101).

Ранее было отмечено, что одними из наиболее масштабных в 1950–1960-х гг. были полевые работы, проведенные Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией АН СССР. Во время участия в этих исследованиях сформировались научные интересы А.Д. Грача – выдающегося ученого, внесшего серьезный вклад в изучение культур кочевников различных исторических периодов, в том числе, раннего средневековья (Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с. 7). Следует отметить, что археолог весьма оперативно публиковал полученные материалы. Именно в таких работах, посвященных, главным образом, введению в научный оборот результатов раскопок, чаще всего представлялся опыт интерпретации памятников.

В ходе анализа различных групп археологических комплексов тюрок Тувы сложилась концепция А.Д. Грача, которая носила многосторонний характер. В

ней было отражено решение вопросов хронологии и периодизации, а также намечена картина этнокультурного взаимодействия в регионе и динамика в обрядности кочевников.

Значительная часть результатов исследований А.Д. Грача связана с систематизацией, анализом и интерпретацией «поминальных» комплексов тюрок Тувы. Исследователь подчеркнул, что обозначенный регион является одной из основных областей распространения каменных изваяний раннего средневековья, весьма информативных для изучения истории номадов (Грач А.Д. 1955, с. 401). Одной из ключевых проблем, рассмотренных археологом в ряде работ, стал вопрос о функциях скульптур. Уже в одной из первых обобщающих работ А.Д. Грача (1955, с. 429–430) в сложившемся виде представлена его концепция, согласно которой тюркские изваяния, как и балбалы, представляют собой изображение самого могущественного из побеждённых врагов покойного.

Среди ключевых работ рассматриваемого периода следует выделить обобщающую монографию А.Д. Грача (1961), посвященную различным аспектам исследования каменных изваяний тюрок Тувы. В данной работе археолог обобщил имеющиеся сведения о раннесредневековых статуях региона, учитывая при этом и материалы, полученные в ходе работ на сопредельных территориях. А.Д. Грач (1961, с. 54–55) пришел к выводу, что оградки являются сооружениями поминального характера. В монографии представлен детальный анализ изображений, зафиксированных на каменных изваяниях, а также обозначены возможности уточнения датировки фигур (Грач А.Д., 1961, с. 59–72).

Ряд выводов об особенностях развития культуры раннесредневековых номадов А.Д. Грач сделал на основе анализа погребальных комплексов. Первоначально исследователь выделил два основных хронологических этапа в истории тюрок Тувы – VII–VIII вв. и VIII–X вв. (Грач А.Д., Нечаева Л.Г., 1960, с. 191; Грач А.Д., 1960б, с. 147–148; 1961, с. 91). Основным показателем, отличающим погребения этих периодов, являлась ориентировка умерших по сторонам горизонта. На первом этапе, по мнению А.Д. Грача, было

распространено направление человека на восток, а на втором – по оси север-юг; в обоих случаях фиксируется противоположная ориентировка лошади. Такую дифференциацию археолог объяснил наличием на территории Тувы двух основных этнических пластов, которые существовали в различное время (Грач А.Д., 1960б, с. 148).

В несколько измененном и, видимо, законченном, виде концепция исследователя представлена в обобщающей статье, посвященной рассмотрению основных вопросов изучения тюркского времени (Грач А.Д., 1966в). Сделанные выводы археолог распространил не только на территорию Тувы, но считал справедливыми и для всех районов расселения восточных тюрок. К двум периодам, выделенным ранее, ученый добавил группу курганов, относившихся к IX–X вв. К ним А.Д. Грач (1966в, с. 190) причислил «одиночные» погребения (без лошади), с ориентировкой умерших на север, северо-запад. Выделению этого типа объектов способствовало знакомство археолога с материалами раскопок на территории Алтая, а также анализ результатов его собственных исследований на памятнике Саглы-Бажи (Грач А.Д., 1968б, с. 109). Кроме того, к ранним тюркским погребениям исследователь отнес захоронения по обряду трупосожжения, датированные им временем до первой четверти VII в. (Грач А.Д., 1966в, с. 190; 1968а).

Погребения по обряду ингумации с лошадью, раскопанные на территории Минусинской котловины, А.Д. Грач (1966в, с. 191) связал с периодом подчинения кыргызов тюркам, оставившим в указанном регионе своего рода «гарнизоны». Исследователь подчеркнул, что этническая истории Тувы во второй половине I тыс. н.э. тесно связана с процессами, происходившими на территории соседнего Алтая (Грач А.Д., 1960б, с. 148).

Характерной чертой научной деятельности А.Д Грача являлось его стремление к историчности выводов, сделанных на основе анализа археологических материалов. К примеру, интерес представляет опыт исследователя в плане интерпретации надписи на китайском зеркале, обнаруженном в ходе раскопок тюркского погребения на могильнике Монгун-

Тайга (Грач А.Д., 1958а, с. 30–34; Итс Р.Ф., 1958). А.Д. Грач (1960б, с. 192; 1966в, с. 193; 1967, с. 54) последовательно подчеркивал необходимость реализации комплексного подхода при изучении культур кочевников раннего средневековья. Заявление ученого не было декларативным – он сам наряду с археологическими и письменными источниками старался привлекать этнографические материалы, результаты антропологических определений, а также данные, полученные в ходе применения естественно-научных методов анализа. Многие взгляды и подходы, характерные для научной деятельности А.Д. Грача, получили дальнейшее развитие в работах его многочисленных коллег – Ю.И. Трифонова, Д.Г. Савинова, Г.В. Длужневской и др.

Последовательным оппонентом А.Д. Грача по целому ряду аспектов интерпретации материалов раскопок археологических комплексов тюрок Тувы и сопредельных территорий выступал Л.Р. Кызласов. В наиболее острой форме различие подходов отразилось в его рецензии на монографию о каменных изваяниях (Кызласов Л.Р., 1964а), которая в свою очередь также не осталась без ответа (Грач А.Д., 1965).

Л.Р. Кызласов в ряде работ предложил свое видение раннесредневековой истории Тувы. Основные наблюдения, связанные с развитием культуры тюрок на указанной территории, были первоначально представлены исследователем в специальной статье (Кызласов Л.Р., 1960б), а затем в развернутом виде изложены во второй главе его обобщающей монографии (Кызласов Л.Р., 1969, с. 18–55).

В отдельной статье Л.Р. Кызласов (1964б) привел свою точку зрения о назначении тюркских изваяний. По мнению археолога, каменные статуи, устанавливаемые около оградок, изображали умерших героев, а балбалы, ряды которых фиксируются у «поминальных» сооружений, символизировали убитых врагов (Кызласов Л.Р., 1964б, с. 29). Исследователь подчеркнул, что появление четырехугольных оградок в Туве, аналогичных комплексам Алтая, является свидетельством приходя на данную территорию тюрок с соседнего региона (Кызласов Л.Р., 1969, с. 23).

Изучение всех известных материалов культуры тюрок Тувы позволило Л.Р. Кызласову (1960б, с. 51–53; 1969, с. 18) выделить два типа погребений. К первому отнесены могилы, в которых умершего человека сопровождала лошадь. По мнению исследователя, указанные объекты подтверждают завоевание региона алтайскими тюрками, для которых такой обряд был наиболее характерен. Для погребального ритуала населения рассматриваемой общности Алтая и Тувы в VI–VIII вв. исследователь считал наиболее распространенными северную ориентировку умерших и обратное направление сопровождавших их животных (Кызласов Л.Р., 1960б, с. 53; 1969, с. 18–19).

«Одиночные» погребения (без захоронения лошади) Л.Р Кызласов (1960, с. 55; 1969, с. 22–23) отнес ко второму типу объектов. Археолог обратил внимание на сохранение в данном случае отдельных черт ритуала, характерных для предыдущего периода, указав, прежде всего, на некоторую скорченность костяков умерших. Исследователь предложил связывать эти памятники с местным населением, сохранившим традиции, отличающиеся от обряда алтайских тюрок. Анализ письменных источников позволил Л.Р. Кызласову (1960, с. 69–70; 1969, с. 52) сделать вывод о том, что на территории Тувы в VI–VIII вв. проживали племена азов и чиков. Именно последним, по его мнению, могли принадлежать «одиночные» погребения. При этом археолог подчеркнул, что тюрки в рассматриваемый период были господствующей этнической группой.

Принципиально важным является утверждение Л.Р. Кызласова (1975, с. 205–207) о том, что раннесредневековые погребения по обряду трупоположения с сопроводительным захоронением лошади, исследованные в Минусинской котловине, следует связывать с тюрками. При этом последние, по его мнению, являясь выходцами с территории Алтая или Тувы, могли иметь в кыргызском обществе различный статус в зависимости от исторической ситуации в регионе.

Серьезным стимулом к более углубленному изучению различных аспектов истории раннесредневековых тюрок стало получение значительного объема материалов в ходе раскопок, проведенных участниками Саяно-Тувинской

экспедиции в 1960-х – 1980-х гг. Опыт интерпретации результатов исследований был представлен руководителями отдельных отрядов СТЭАН, которые наибольшее внимание обратили на специфику погребальных комплексов Тувы, менее подробно касаясь проблем изучения «поминальных» комплексов.

Целый ряд вопросов, связанных с анализом памятников тюрок, затронут в работах Ю.И. Трифонова. Среди аспектов, интересующих исследователя, были решение проблем хронологии и периодизации захоронений, изучение этнокультурной истории Тувы в раннем средневековье, а также интерпретация различных элементов погребальной практики кочевников.

Исследователь подчеркнул, что именно погребальный обряд является основным этнокультурным показателем, что определяет необходимость его детального анализа (Трифонов Ю.И., 1971, с. 114). Рассмотрение вопросов датировки памятников Тувы позволило Ю.И. Трифонову (1971, с. 121) согласиться с А.Д. Грачом в том, что восточная ориентировка умерших характерна для захоронений VI–VII вв., а северная – для объектов, относящихся к VIII–IX вв. Отличия в обозначенном компоненте ритуала археолог связал с существованием в Туве различных родоплеменных групп населения. Ю.И. Трифонов (1971, с. 121–122) впервые четко обозначил важность проведения сравнительного анализа погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, исследованных на различных территориях Алтае-Саянского нагорья, добавив, что не менее важным является детальное изучения локальных групп памятников в рамках отдельных регионов. Иллюстрацией последнего утверждения можно считать опыт рассмотрения Ю.И. Трифоновым особенностей надмогильных конструкций, исследованных им в Центральной Туве. Археолог выделил четыре основных типа курганных сооружений тюрок, подчеркнув необходимость совокупного изучения наземного и внутримогильного устройства памятников, а также других элементов ритуала (Трифонов Ю.И., 1975а, с. 192–193).

Большое внимание Ю.И. Трифонов обратил на рассмотрение вопросов, связанных с определением этнической интерпретации раннесредневековых погребений с лошадью. Весьма подробно рассмотрев обширную историографию

данной проблемы (Трифонов Ю.И., 1973б, с. 353–360), исследователь привел ряд собственных наблюдений в указанном направлении. Археолог исходил из того, что ранней формой погребального обряда тюрок, причем не только представителей высших слоев общества, но и рядовых кочевников, было трупосожжение (Трифонов Ю.И., 1973б, с. 369). Обратив внимание на высокую степень вариабельности погребений с конем, распространенных на обширных территориях, Ю.И. Трифонов (1973б, с. 370–371), пришел к выводу, что они не могли принадлежать монолитному и консолидированному объединению тюрок-тугю. По его мнению, данные объекты следует связывать с племенами теле, входившими в Тюркский каганат.

Основным направлением исследований Г.В. Длужневской (1985), также принимавшей весьма активное участие в работах СТЭАН было изучение различных аспектов истории кыргызской культуры. Вместе с тем, исследовательница сделала ряд наблюдений, связанных и с анализом обряда тюрок. Изучение памятников рассматриваемой общности, раскопанных на Алтае, в Туве и Монголии, позволило ей обозначить несколько типов погребений (Длужневская Г.В., 1967, с. 56–57). Нетрудно заметить, что первые три группы, выделенные исследовательницей, повторяют культурно-хронологические типы памятников, представленные ранее А.Д. Грачом (1966в, с. 190). К ним Г.В. Длужневская добавила погребения в каменных ящиках или кольцах, расположенные рядом с более крупными курганами. Автор отметила, что существование нескольких типов ритуала объясняется не только различной хронологией объектов, но и спецификой «внутриплеменной дифференциации» в обществе кочевников (Длужневская Г.В., 1967, с. 57). Вопросы, связанные с социальной интерпретацией погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, представлены исследовательницей в специальной работе (Длужневская Г.В.., 1976).

Опыт изучения специфики этнокультурной ситуации на территории Тувы по материалам погребальных памятников тюрок более подробно отражен в совместной статье Г.В. Длужневской и Б.Б. Овчинниковой (1980). По мнению

этих авторов, фиксируемая вариабельность обряда свидетельствует о существовании в регионе во второй половине I тыс. н.э. различных групп племен. Анализ внутримогильного устройства погребений позволил Г.В. Длужневской и Б.Б. Овчинниковой (1980, с. 81) выделить несколько вариантов памятников. Исследовательницы подчеркнули, что специфика ритуала в определенной степени обусловлена особенностями социального статуса умершего (Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б., 1980, с. 83), отметив, что наиболее существенным показателем в этом плане является сопроводительный инвентарь.

В последующие годы внимание Б.Б. Овчинниковой (1982; 1983; 1984) было сконцентрировано на вопросах, связанных с рассмотрением «подбойных» погребений раннесредневековых тюрок. Кроме того, исследовательница обращалась к общим вопросам интерпретации ритуальной практики номадов. Б.Б. Овчинникова (1983, с. 61; 1984, с. 215–216) предложила рассматривать могилы с подбоем в рамках особой группы погребений тюрок, подчеркнув их преимущественное распространение на территории Тувы. По ее мнению, появление таких памятников следует связывать с влиянием уйгуров (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 217; 1983, с. 65; 1984, с. 219). Заслуживающим внимания является наблюдение исследовательницы о том, что погребения в подбое отражают сложную социальную ситуацию в обществе кочевников и принадлежат воинам, относившимся к командному составу (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 217–218; 1983, с. 65; 1983, с. 221). Рассматривая основные элементы ритуальной практики тюрок, Б.Б. Овчинникова (1983, с. 62–63; 1984, с. 217–218) отметила, что наиболее существенным показателем является ориентировка погребенного и сопровождавшей его лошади. Опираясь на опыт этнографических исследований, исследовательница предположила, что положение человека и животного отражало их готовность отправиться в «страну мертвых», находящуюся в западном направлении.

Одно из этапных обобщений материалов исследований памятников раннесредневековых тюрок на различных территориях Центральной Азии осуществлено В.А. Могильниковым и представлено в виде раздела

фундаментального труда «Степи Евразии в эпоху средневековья» из серии «Археология СССР» (Могильников В.А., 1981, с. 29–43). Археолог обозначил основные итоги рассмотрения вопросов, связанных с изучением истории кочевников по письменным источникам, анализом материальной культуры номадов, интерпретацией «поминальных» комплексов, формированием и развитием рунической письменности и др. В общем виде были обозначены и основные характеристики погребальной практики раннесредневековых тюрок. В.А. Могильников (1981, с. 32) подчеркнул, что захоронения номадов данной общности, совершенные по обряду кремации, до сих пор достоверно не обнаружены. Исследователь обратил внимание на то, что наиболее ранние погребения тюрок, относящиеся к VI–VII вв. распространены, главным образом, на территории Алтая и во многом схожи с памятниками Тувы этого периода. По мнению В.А. Могильникова (1981, с. 32), алтайские тюрки уже в VI–VII вв. проникли в Минусинскую котловину, о чем свидетельствуют материалы ряда объектов, исследованных на указанной территории.

В последующие годы основное внимание В.А. Могильникова в области интерпретации раннесредневековых материалов было обращено на анализ проблемы происхождения культуры тюрок. Одним из основных признаков, позволяющих рассматривать специфику процесса формирования общности, исследователь считал погребальный обряд. В ряде статей В.А. Могильников (1984, с. 65; 1992б, с. 65–66; 1994а, с. 143, 1995, с. 142–143, 1996а, с. 55–56; 1996б, с. 26–28) подчеркнул, что одним из компонентов тюркского этногенеза является население пазырыкской культуры скифского времени. Исследователь опирался на то что, начиная с середины I тыс. до н.э., и даже ранее, на территории Алтая получает распространение обряд погребения с лошадью в сочетании с восточной ориентировкой умерших. Согласно точке зрения ученого, указанные элементы обряда получили окончательное оформление в памятниках берельского типа и были восприняты тюрками после переселения на Алтай в 460 г.

Ряд существенных замечаний был сделан В.А. Могильниковым в области интерпретации «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтая.

В серии статей, посвященных публикации материалов раскопок четырехугольных и округлых каменных оградок памятника Кара-Коба-I в центральной части региона, археолог высказал предположение о том, что некоторые из таких объектов могут представлять собой кенотафы. В.А. Могильников (1992а, с. 185–186) обратил внимание на то, что такие характеристики оградки №109 памятника Кара-Коба-I, как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода, находят аналогии в погребальном обряде тюрок. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как «пустую могилу», отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова (1992а, с. 192), имеются также некоторые основания для отнесения к кенотафам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо. В следующей публикации материалов раскопок на обозначенном комплексе археолог, не приводя на этот раз аргументов, предложил такую интерпретацию и для оградки №69А Кара-Кобы (Могильников В.А., 1994а, с. 95), которая не содержала захоронения лошади, инвентаря, предназначавшегося для человека, а также других признаков, каким-либо образом указывавших на возможность подобного заключения. В последующие годы точка зрения В.А. Могильникова была развита в работах барнаульских археологов, в том числе автора диссертации (Серегин Н.Н., 2008, с. 147–148; 2010, с. 203; Шелепова Е.В., 2011б, с. 223; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013б; и др.).

Важным представляется замечание В.А. Могильникова (1997а, с. 226) о том, что для уточнения различных составляющих сложного процесса формирования культуры раннесредневековых тюрок необходимо изучение археологических памятников Монголии. Между тем, результаты раскопок на данной территории долгое время не являлись основой для историко-культурных реконструкций.

Одним из первых обобщений материалов исследований памятников тюрок раннего средневековья Монголии стала монография Н. Сэр-Оджава (1970). Один

из разделов книги включает описание погребений второй половины I тыс. н.э. Следуя сложившейся историографической традиции, Н. Сэр-Оджав (1970, т. 23–28) объединил захоронения тюрок в одну группу с херексурами. Опыт изучения раннесредневековых комплексов Монголии получил отражение в докторской диссертации исследователя (Сэр-Оджав Н., 1971, с. 16–22), а также в подготовленной позже монографии (Сэр-Оджав Н., 1977, т. 112–144). При этом следует отметить, что Н. Сэр-Оджав не рассматривал погребальные и «поминальные» комплексы как основной источник для исследования истории и культуры тюрок, отдавая приоритет письменным материалам.

Примером неудачного использования раннесредневековых комплексов в авторских построениях является опыт интерпретации результатов раскопок погребения в местности Увгунт (Серегин Н.Н., 2014б). Данный памятник, упомянутый ранее, сразу привлек повышенное внимание монгольских ученых редкостью сохранившихся предметов инвентаря, из которых особенно выделялся золотой брактеат с изображением византийского императора и рунической надписью. По итогам анализа находок исследователями была подготовлена отдельная монография (Наван Д., Сумьябаатар Б., 1987). Авторы отнесли погребение к хуннускому времени, сославшись на полученные результаты радиоуглеродного датирования фрагментов дерева из могилы. Ошибочной оказалась и интерпретация надписи на брактеате, которую монгольские ученые посчитали памятником «языка хуннов» (Наван Д., Сумьябаатар Б., 1987, т. 127).

Позже яркая находка была передана Д. Наваном известному тюркологу С.Г. Кляшторному, который совместно с коллегами подготовил обстоятельную статью, посвященную разностороннему анализу Увгунтского комплекса (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990). По заключению исследователей, погребение относится к культуре раннесредневековых тюрок, а датировка его, учитывая хронологические рамки бытования обнаруженных предметов, а также предположительное время изготовления брактеата с

византийской монеты, может быть определена в пределах VIII–IX вв. н.э. (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990).

Более продуктивными были дальнейшие исследования «элитных» мемориальных комплексов на территории Монголии. Различные аспекты изучения надписей, зафиксированных на ряде подобных объектов, представлены в серии публикаций С.Г. Кляшторного (1978; 1980; 1981; и др.). Большое значение имела характеристика Бугутской стелы, до сих пор остающейся одним из наиболее показательных комплексов тюрок эпохи Первого каганата. Несмотря на то, что интерпретация навершия стелы как изображения эпизода из генеалогической легенды, обозначенная в совместных статьях С.Г. Кляшторного и В.А. Лившица (1971, 1972) оказалась ошибочной, содержание надписи позволило рассматривать отдельные вопросы социальной истории кочевников.

Обобщение результатов исследований «поминальных» памятников тюркской знати Монголии осуществлено В.Е. Войтовым, принимавшим непосредственное участие в изучении многих комплексов. Ученым подготовлена серия статей по различным вопросам интерпретации «элитных» мемориалов, а также истории их исследования (1985; 1986; 1987; и др.). Итоги многолетних работ археолога представлены в кандидатской диссертации (Войтов В.Е., 1989) и изданной позже монографии (Войтов В.Е., 1996). Исследователем разработана классификация памятников и выделены их основные типы, демонстрирующие вариабельность конструкций «поминальных» объектов центра каганатов (Войтов В.Е., 1989, с. 4–10; 1996, с. 23–70). По мнению В.Е. Войтова (1996, с. 123–124), традиции сооружения «каганско-княжеских куруков» демонстрируют влияние согдийской и китайской культур, а также наследие местных кочевых племен предшествующих периодов.

Важно отметить, что при характеристике памятников Монголии В.Е. Войтов учитывал результаты археологических изысканий, осуществленных на сопредельных территориях. Подобный подход, позволяющий представить историю раннесредневековых тюрок не только на региональном уровне, но в более масштабном историко-культурном контексте, характерен для

исследований Д.Г. Савинова. Широта его научных интересов (Длужневская Г.В., Седых В.Н., 2001, с. 5) отразилась и на результатах, полученных им в ходе интерпретации материалов из памятников второй половины I тыс. н.э. Д.Г. Савинов одним из первых представил картину исторического развития тюрок во всех частях Центральной Азии, активно привлекая при этом сведения письменных источников и данные этнографии. Основные результаты многолетних изысканий археолога в области изучения археологических комплексов раннесредневековых номадов представлены в ряде статей и монографий, а также в докторской диссертации (Савинов Д.Г., 1982; 1984; 1987б; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; 2005; и мн. др.). В связи с тем, что в совместной книге с С.Г. Кляшторным взгляды исследователя представлены, по его собственному утверждению, наиболее полно (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 184), считаем целесообразным при характеристике концепции ученого обращаться, в первую очередь, именно к этой работе, учитывая, безусловно, и его более ранние публикации.

На начальном этапе изучения материалов культуры раннесредневековых тюрок Д.Г. Савинов (1973, с. 236) опирался, главным образом, на результаты своих раскопок на археологическом комплексе Узунтал на Алтае. Уже тогда им были обозначены основные характеристики погребального обряда кочевников в рамках существования двух хронологических групп памятников. Среди особенностей объектов, относящихся к обозначенным периодам, археолог назвал структуру курганной насыпи и различную ориентировку умерших. Именно в статье, посвященной публикации материалов раскопок в долине Узунтал, Д.Г. Савинов (1982, с. 118–119) впервые обосновал выделение курайской культуры «алтае-телеских тюрок». Исследователь определил хронологические и территориальные рамки ее существования, обратив внимание на развитие в IX–X вв. в юго-восточной части Алтая и Юго-Западной Туве позднего локального варианта этой культуры (Савинов Д.Г., 1982, с. 120).

Среди актуальных проблем, рассмотренных Д.Г. Савиновым (1998; 2005а, с. 185–194), особое значение имеет комплекс вопросов, связанных с изучением

происхождения культуры тюрок раннего средневековья. Опираясь на результаты анализа предметного комплекса, а также на показатели «поминальных» сооружений и произведений изобразительного искусства, исследователь выделил «скифский» и «хуннский» компоненты в формировании общности. Важным является утверждение Д.Г. Савинова (2005а, с. 198) о том, что основные элементы погребального обряда тюрок связаны с традициями предшествующих периодов.

Выделение этапов развития курайской культуры было основано, главным образом, на рассмотрении эволюции материальной культуры населения центрально-азиатского региона второй половины I тыс. н.э. При этом исследователь обозначил и основные характеристики погребального обряда в каждый из периодов. Д.Г. Савинов (2005а, с. 221, 226) отметил, что на катандинском и туэктинском этапах преобладала восточная ориентировка погребенных людей и противоположная – для сопровождавших их животных. Археолог обратил внимание на появление в VIII–IX вв. северного направления, объяснив это совмещением двух существовавших ранее традиций. К числу особенностей позднего кара-чогинского этапа (IX–X вв.) археолог отнес появление «одиночных» (без лошади) погребений с северной ориентировкой умерших и распространение кенотафов. Эти и другие изменения в культуре «алтае-телеских тюрок» в конце I тыс. н.э. Д.Г. Савинов (2005а, с. 229–230) связал с усложнением этнического состава населения и событиями политической истории.

Особое внимание Д.Г. Савинов обратил на характеристику «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок. В одной из первых своих публикаций по данной тематике, посвященной введению в научный оборот результатов исследований в Юго-Восточном Алтае, исследователь обратился к ряду вопросов анализа и интерпретации каменных изваяний (Савинов Д.Г., 1983, с. 155–163). По мнению археолога, такие фигуры устанавливались у каждой из оградок, однако по различным причинам были перенесены с первоначальных мест или разбиты. Изучение реалий на каменных изваяниях позволило

исследователю остановиться на проблемах датировки таких объектов, которые, по его мнению, сооружались вплоть до конца I тыс. н.э. (Савинов Д.Г., 1983, с. 158–160).

Д.Г. Савинов (2005а, с. 237) подчеркнул ритуальный характер сооружения тюркских оградок, указав на отсутствие каких-либо следов захоронения человека в известных материалах. Рассматривая проблему интерпретации «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок, исследователь отметил возможность различных трактовок, предположив, что такие объекты представляют собой своего рода «храмы», связанные с проводами умерших (Савинов Д.Г., 2005а, с. 242).

В отдельную группу памятников исследователь выделил погребения с лошадью, раскопанные в Минусинской котловине (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 231–234). По мнению Д.Г. Савинова (2005а, с. 232), первые такие объекты в указанном регионе связаны с проникновением какой-то группы алтайского населения в VI–VII вв. Погребения VII–VIII вв., согласно точке зрения ученого, оставлены алтае-телескими тюрками, а распространение могил с подбоем обусловлено господством Уйгурского каганата. В одной из недавних статей Д.Г. Савинов (2008) привел некоторые дополнительные наблюдения, связанные с изучением ранней истории рассматриваемой общности в Минусинской котловине.

Серьезный количественный рост материалов раскопок комплексов раннесредневековых тюрок Минусинской котловины, произошедший в результате работ во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг., обусловил появление исследований, посвященных интерпретации имеющихся сведений. Первой обобщающей публикацией в этом направлении стала статья Ю.С. Худякова (1979), в которой археолог представил опыт изучения различных аспектов истории тюрок в Минусинской котловине. Исследователь подробно рассмотрел особенности топографии и планиграфии курганов, отметив, что, как и для раннесредневековых памятников Тувы и Алтая, характерно их нахождение в составе более ранних некрополей (Худяков Ю.С., 1979, с. 195). Особенности

надмогильных сооружений тюрок Ю.С. Худяков (1979, с. 196–197) обозначил в общем виде, а основные элементы ритуала представил отдельно для мужских, женских и детских погребений. Зафиксированную вариабельность ориентировки умерших исследователь связал с сезонными отклонениями положения солнца и различными местными топографическими условиями. Основное же направление, по мнению археолога, было обусловлено общим контекстом ритуала тюрок, предполагающим путь умершего в загробный мир (Худяков Ю.С., 1979, с. 198).

Ю.С. Худяков (1979, с. 199) подчеркнул, что комплекс минусинских погребений с лошадью или овцой следует рассматривать как единокультурный. Анализ предметного комплекса позволил исследователю определить хронологию объектов в рамках VIII–IX вв. Археолог связал данные погребения с тюрками, в начале VIII в. совершившими поход в Минусинскую котловину и оставившими на этой территории часть своего войска. В дальнейшем, по мнению ученого, произошла постепенная ассимиляция их кыргызами и переход на обряд трупосожжения (Худяков Ю.С., 1979, с. 205–206).

Другой вариант систематизации погребений раннесредневековых тюрок Минусинской котловины предложен С.П. Нестеровым (1985). Применение методов статистической обработки материала позволило исследователю выделить четыре группы памятников (Нестеров С.П., 1985, с. 116). Археолог отметил, что все рассмотренные объекты относятся к VIII–IX вв., поэтому отличия между ними носят не хронологический, а этнокультурный характер. В частности, С.П. Нестеров (1985, с. 118) согласился с тем, что появление могил с подбоем может быть связано с влиянием уйгуров. По мнению исследователя, основной поток миграции тюрок в указанный регион следует отнести ко второй половине VIII в.

Целый ряд аспектов интерпретации «поминальных» и, в меньшей степени, погребальных комплексов раннесредневековых номадов Алтая представлен в работах В.Д. Кубарева. В 1984 г. все известные на тот момент тюркские изваяния и оградки региона были обобщены в его монографии «Древнетюркские изваяния

Алтая», до сих пор остающейся одной из ключевых работ по данной тематике наряду с исследованиями, посвященными систематизации и анализу раннесредневековых каменных изваяний на сопредельных территориях (Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Шер Я.А., 1966; Баяр Д., 1997; Ермоленко Л.Н., 2004).

В указанной монографии В.Д. Кубарев (1984, с. 3–10, 47–49) представил историю изучения тюркских изваяний и оградок Алтая, а также рассмотрел общее состояние источниковой базы для реконструкции поминального цикла раннесредневековых кочевников. Анализ накопленных материалов позволил исследователю подробно охарактеризовать особенности распространения объектов в разных частях региона, а также выявить закономерности в их топографии. По наблюдениям В.Д. Кубарева (1984, с. 14–15, рис. 2), основная масса каменных изваяний локализована в Юго-Восточном и Центральном Алтае, что демонстрирует места традиционного расселения кочевников.

В.Д. Кубарев (1984, с. 21) отметил, что серия тюркских изваяний Алтая выполнена на стелах или «оленных» камнях, находившихся ранее в составе комплексов эпохи бронзы или раннескифского времени. По заключению исследователя, вторичное использование таких объектов связано с определенными мировоззренческими представлениями раннесредневековых кочевников. Главным основанием для датировки тюркских изваяний В.Д. Кубарев (1984, с. 22–46) считал нанесенные на них изображения конкретных предметов, которые он сопоставил с реальными находками из погребений. Исходя из общей иконографии объектов исследователь, очевидно, используя классификацию Я.А. Шера (1966, с. 25–26), выделил четыре типа скульптур, указав, что наиболее многочисленная группа представлена изваяниями с изображением только лица или силуэта головы человека (Кубарев В.Д., 1984, с. 21). По заключению археолога, большая часть тюркских изваяний Алтая относится к VII–X вв. н.э., однако анализ конкретных фигур позволяет уточнить время их создания. Так, В.Д. Кубарев (1984, с. 45–46) выделил представительную

группу объектов VIII в., а также немногочисленные ранние изваяния VI–VII вв. и поздние скульптуры X–XI вв.

Археолог расширил классификацию оградок, разработанную А.А. Гавриловой (1965), включив в нее три дополнительных типа. В основу своей схемы В.Д. Кубарев (1979б, с. 148; 1984, с. 50–51; 2001, с. 34–35) положил такие признаки, как конструкция, планировка (одиночные, рядом стоящие или смежные объекты), особенности нахождения вертикально установленных камней или деревянных столбов, стел, изваяний и балбалов. В итоге археолог выделил ряд типов сооружений с набором характерных признаков.

Кудыргинский тип – коллективные смежные оградки. В.Д. Кубарев (1979б, с. 148–149) отметил, что они отличаются наличием ящичков или ямок в центральной части (иногда с предметами вооружения). В объектах данного типа редки следы огня и немногочисленны кости животных, практически отсутствуют изваяния и балбалы.

Для яконурского типа оградок характерны следующие показатели:

а) изваяния или стелы, ряды балбалов (к этому типу В.Д. Кубарев отнес также оградки без изваяний и стел, поскольку многие из них разбиты, смещены с первоначального места установки, переиспользованы или вообще утрачены);

б) оградки расположены в ряд, хотя встречаются одиночные объекты, которые имеют другие характерные для этого типа признаки;

в) наличие ямок, остатков дерева и углей в центре;

г) мощная внутренняя забросса (Кубарев В.Д., 1979б, с. 149–150).

В связи с большим разнообразием вариантов оградок яконурского типа исследователь не исключал, что в дальнейшем для некоторых из них будут выделены более узкие хронологические рамки (Кубарев В.Д., 1979б, с. 150).

Юстыдский тип сооружений, согласно схеме В.Д. Кубарева, характеризуется следующими конструктивными особенностями:

а) ямы с деревянными столбами в центре и по периметру сооружений;

б) каменные жертвенные ящики с углями, костями животных и обломками керамических сосудов, кострища с обгоревшими в них костями животных;

в) каменные кольца, выложенные с восточной стороны отдельных оградок;

г) изваяния, стелы и балбалы (как у оградок яконурского типа) (Кубарев В.Д., 1979б, с. 153–154).

Уландрыкский тип – конструкции со стелой или большим камнем в центре.

Аютинский тип – оградки тюркской знати, окруженные валом или рвом. Такие сооружения отличаются от «рядовых» комплексов также наличием реалистично выполненных изваяний (Кубарев В.Д., 1979б, с. 153). По мнению археолога, традиция возведения оградок аютинского типа является следствием подражания местной алтайской элиты монументальным комплексам высшей знати тюрок Центральной Монголии.

Рассматривая назначение тюркских оградок, В.Д. Кубарев (1984, рис. 16) подчеркивал их «поминальный» характер, представив реконструкцию этапов ритуальной практики кочевников

В статьях, основной целью которых было введение в научный оборот материалов раскопок материалов раннего средневековья, В.Д. Кубарев сделал несколько важных замечаний об особенностях погребального обряда кочевников Алтая. Именно в его публикации впервые была четко обозначена основная особенность планиграфии значительной части курганов тюрок, заключавшаяся в их сооружении с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени (Кубарев В.Д., 1992, с. 28). Большое значение для реконструкции особенностей погребального обряда кочевников имели наблюдения В.Д. Кубарева (1992, с. 28) о том, что в ряде случаев курганы второй половины I тыс. н.э. сопровождались сооружениями «ритуального» характера, в значительной степени схожими с конструктивными особенностями каменных оградок. Впоследствии возможности интерпретации «околокурганных» объектов,

зафиксированных в ходе раскопок раннесредневековых комплексов Алтая и сопредельных территорий рассматривались в работах исследователей (Кубарев Г.В., 2005, с. 16; Серегин Н.Н., 2010). Рассматривая инвентарь из тюркских захоронений, В.Д. Кубарев (1992, с. 32) обоснованно подчеркивал социальную значимость боевого топора и меча у населения Алтая второй половины I тыс. н.э.

Изучение и интерпретация «поминальных» объектов раннесредневековых тюрок Алтая являлись приоритетными направлениями исследований А.С. Васютина. Оригинальность собранных материалов, включающих результаты собственных раскопок, позволила археологу обосновать классификацию оградок, которая во многом опиралась на опыт предшествующих исследований (Васютин А.С., 1983б, с. 7). Исследователь взял за основу три показателя: планировка объектов (одиночные, смежные и рядом стоящие оградки), наличие или отсутствие столбовых конструкций внутри и снаружи сооружения, а также стел и балбалов с внешней стороны. В итоге археолог выделил восемь типов сооружений. Кудыргинский тип аналогичен обозначенному В.Д. Кубаревым; юстыдский был представлен отдельно стоящими оградками со стелой с внешней стороны; оградки яконурского типа сопровождались балбалами, которые дополнили также уландрыкский тип. Кроме того, имеющиеся классификации были дополнены еще четырьмя новыми типами «культовых» памятников:

а) кок-пашский тип – оградки со смежными стенками и балбалами;

б) оградки без сопроводительных столбовых конструкций (тип не получил названия);

в) купчегеньский тип – оградки со стелой в центре;

г) кокоринский тип – оградки с остатками деревянных столбов-жердей в центре.

Предложенная А.С. Васютиным хронология оградок с точки зрения В.А. Могильникова (1994а, с. 143; 1997а, с. 219) была неоправданно «омоложена». Так, по мнению археолога, ранняя группа памятников, получившая распространение в Центральном и Восточном Алтае, датируется VII–VIII вв.,

а поздняя, локализующаяся, главным образом, в юго-восточной части региона, может быть отнесена к IX–X вв. (Васютин А.С., 1983б, с. 9–10).

К ранней группе А.С. Васютин отнес оградки памятника Кудыргэ, который рассматривал как комплекс одновременных объектов (несмотря на известные отличия в предметном наборе из оградок и погребений, например, в форме костяных концевых накладок на лук) и датировал временем не ранее VII в. (Васютин А.С., 1985, с. 74, 77; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 83).

В одной из последних публикаций А.С. Васютин (2009, с. 90–94) вновь обратился к проблеме соотношения выделенных им восьми типов оградок Алтая с представлениями о датировке памятников. На раннем этапе, по мнению исследователя, существовали только оградки четырех типов (кудыргинский, кок-пашский, юстыдский и объекты без сопроводительных сооружений), а в более позднее время получили распространение остальные типы (яконурский, уландрыкский, купчегеньский и кокоринский) при сохранении традиции сооружений объектов юстыдского типа, а также часто встречаемых оградок без дополнительных конструкций.

Ряд наблюдений, связанных с изучением «поминальных» объектов Алтая второй половины I тыс. н.э. представил А.С. Суразаков в рамках статей, посвященных публикации материалов раскопок на раннесредневековых комплексах. По мнению исследователя, тюркские оградки представляли собой места захоронений по обряду трупосожжения, причем остатки кремации, помещенные в специальный мешочек, привязывались к деревянным столбикам в центре сооружений (Суразаков А.С., 1993). А.С. Суразаков (1992а, с. 15–16; 1992б, с. 96–97) предпринял также попытку заполнения лакуны между памятниками хуннуско-сяньбийско-жужанского времени и объектами курайской культуры (по Д.Г. Савинову). Археолог выделил «кудыргинскую» культуру, прошедшую в своем развитии несколько этапов и существовавшую до начала VII в. Однако, позиция А.С. Суразакова не была поддержана исследователями, и даже вызвала критические замечания (Васютин А.С., 1993).

Большое значение для реконструкции одного из компонентов системы жизнеобеспечения раннесредневекового населения Алтая имели исследования, предпринятые Н.М. Зиняковым. В монографии, посвященной разноплановой характеристике особенностей развития металлургии и обработки железа, он обобщил все известные на тот момент материалы, в том числе результаты собственных полевых исследований – планомерных разведок практически на всей территории региона и стационарных раскопок на ряде выявленных объектов (Зиняков Н.М., 1988, с. 16–17). Основными результатами комплексного исследования, предполагавшего использование как традиционных подходов истории и археологии, так и применение методов естественных наук, стало выделение особого горно-металлургического района в юго-восточной части Алтая, а также общая реконструкция процесса производства железа раннесредневековым населением региона. В целом, работы, проведенные Н.М. Зиняковым, позволили на новом уровне рассматривать сведения письменных источников, в которых Алтай представлен как один из крупнейших центров производства и обработки железа во второй половине I тыс. н.э.

Актуальным направлением изучения раннесредневековых материалов, полученных в ходе раскопок на территории Алтае-Саянского региона и Монголии, стал вещеведческий анализ предметного комплекса кочевников. Особое значение в этом плане имела обобщающая работа Б.Б. Овчинниковой «Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв.» (1990). Во введении монографии исследовательница привела список погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, раскопанных в различных частях Центральной Азии, а также карту локализации памятников (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 15–16, рис. 2). Последовательный анализ всех категорий предметов, обнаруженных в захоронениях, позволил Б.Б. Овчинниковой выделить типы изделий, направления их эволюции во второй половине I тыс. н.э., а также особенности распространения на различных территориях. В истории археологической культуры раннесредневековых тюрок автор рассматриваемой работы выделила три основных периода, отражающих развитие форм вещей – древнетюркский (VI

– первая половина VIII вв., с выделением раннего и позднего этапов), уйгурский (VIII–IX вв.) и древнехакасский (IX–X вв.) (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 129–139).

Анализ предметов вооружения раннесредневековых тюрок Южной Сибири и Центральной Азии осуществлен Ю.С. Худяковым и представлен в специальной монографии (1986а, с. 137–168). Значительную часть использованных указанным автором материалов составили изделия из памятников Алтая, опыт изучения которых исследователь представил в вышедшей ранее статье (Худяков Ю.С., 1983). Систематизация результатов раскопок археологических памятников и корреляция полученных сведений с информацией из письменных источников позволили Ю.С. Худякову подробно рассмотреть направления эволюции комплекса вооружения раннесредневековых тюрок, а также специфику организации войска номадов.

Материалы раскопок археологических комплексов тюрок раннего средневековья учитывались и в других исследованиях, посвященных рассмотрению различных аспектов материальной и духовной культуры кочевников центрально-азиатского региона. Среди обобщающих работ такого плана отметим монографию В.Н. Добжанского (1990), посвященную изучению наборных поясов номадов, а также книгу С.П. Нестерова (1990), в которой представлен опыт реконструкции роли лошади в ритуальной практике скотоводов второй половины I тыс. н.э.

Таким образом, 1950-е – начало 1990-х гг. стали весьма важным периодом в изучении археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, имеющим определяющее значение для формирования и развития представлений по различным аспектам истории номадов. В результате полевых исследований, осуществленных в это время, был накоплен обширный материал, демонстрирующий вариабельность культуры кочевников на различных территориях ее распространения во второй половине I – начале II тыс. н.э. В работах целого ряда ученых состоялась систематизация этих сведений, что заложило основы для дальнейших исследований в обозначенном направлении. Не менее важным стало определение дискуссионных вопросов, требующих

детальной проработки. Многие из них были раскрыты в статьях и монографиях археологов конца XX – начала XXI вв.

1.4. Современный этап исследования и интерпретации тюркских памятников (вторая половина 1990-х гг. – начало XXI в.)

Во второй половине 1990-х гг. объем археологических исследований во многих частях Центральной Азии существенно сократился. В определенной степени это было связано с недостатком финансирования экспедиций. Однако одной из основных причин, затруднивших проведение раскопок в ряде регионов, прежде всего, в Республике Алтай, стала сложная этносоциальная обстановка, проявившаяся, в том числе, в противодействии осуществлению полевых исследований. Работы археологических экспедиций осложнялись негативным отношением к ним местного населения, в значительной степени сформированным искусственно. К сожалению, определенная степень напряженности между археологами и жителями Республики Алтай, несмотря не отдельные позитивные тенденции в этом плане, сохраняется (Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А. Робинсон Э., 2014). Очевидно, поэтому, проводившиеся в рамках рассматриваемого периода сравнительно немногочисленные исследования были сосредоточены, преимущественно, в северной части обозначенного региона, где ситуация несколько более спокойная. Кроме того, в большей степени в это время изучались «поминальные» комплексы, а раскопки погребений стали возможными, главным образом, только в ходе охранных археологических работ в зонах строительства хозяйственных объектов.

Несмотря на обозначенные обстоятельства, именно с археологическими изысканиями в Республике Алтай связано получение большей части новых материалов, иллюстрирующих различные аспекты истории раннесредневековых тюрок. Позитивным примером реализации системных полевых исследований в этот непростой для археологии региона период стали работы Южно-Сибирского

отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Ю.С. Худякова. В 1995 г. им было раскопано весьма своеобразное погребение на комплексе Кок-Эдиган в Чемальском районе (Худяков Ю.С., 1995; 2003а). В захоронении, совершенном по обряду кремации, зафиксирован инвентарь, который, по мнению автора раскопок, позволяет датировать объект в рамках XI–XII вв. н.э. и отнести его к культуре раннесредневековых кыргызов (Худяков Ю.С., 2003а, с. 102). Вместе с тем, необходимо обратить внимание на значительно более ранние аналогии отдельным изделиям из данного памятника. Наиболее показательными в этом плане являются крупные железные кольчатые витые псалии, получившие распространение на Алтае и сопредельных территориях начиная с конца IV–V вв. (Вайнштейн С.И., 1970, рис. 51.-8–9; Илюшин А.М., 2000, рис. II.-5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14), а также стремя, морфологические характеристики которого (неширокая подножка, округлый проем, образованный дужками и др.) позволяют отнести данную находку ко второй половине VI–VII вв.* На достаточно раннюю датировку захоронения могильника Как-Эдиган указывает также коленчатый кинжал «уйбатского» типа (Кубарев Г.В., 2008а, с. 71–72). Таким образом, рассматриваемое погребение может быть отнесено ко второй половине VI – первой половине VIII вв. Культурная интерпретация этого комплекса, демонстрирующего распространение на Алтае носителей традиции захоронения умерших по обряду кремации задолго до включения региона в состав Кыргызского каганата, требует отдельного исследования.

Серия тюркских «поминальных» комплексов исследована участниками Южно-Сибирского отряда на памятниках Биченег и Кишнег-Артудар в

* Важно отметить, что в захоронении кургана №1 некрополя Кок-Эдиган обнаружено только одно стремя, что характерно для комплексов раннего кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI вв.) в развитии культуры тюрок Алтая (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002б, с. 45; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, с. 21). На сопредельных территориях (Тува, Минусинская котловина, Средняя Азия) данная традиция получила распространение в памятниках второй половины VI – первой половины VII вв. (Киселев С.В., 1929, табл. V.-12; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 16.–19, 22; 17.-12; Худяков Ю.С., 1999, рис. 3).

Чемальском районе Республики Алтай в 2000–2003 гг. (Худяков Ю.С., 2009б, с. 19–20). В публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов раскопок, охарактеризована специфика этих объектов, в том числе, существование традиции возведения округлых сооружений, оградок с захоронением лошади, а также широкое использование керамических сосудов в обрядовой практике (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001; 2002; 2003). Работы отряда были продолжены в последующие годы. В ходе этих исследований в 2009 г. на комплексе Кишнег-Увал в Чемальском районе Республики Алтай, судя по краткому описанию, приведенному в публикации (Худяков Ю.С., 2009а, с. 403), раскопано одно тюркское погребение. Своеобразное изваяние, по мнению Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2012) изображавшее женщину, зафиксировано в урочище Айлян в Шебалинском районе.

В 2001 г. три тюркские оградки вскрыты экспедицией под руководством А.П. Бородовского на памятнике Верх-Чепош-I в северной части Алтая. У одного из сооружений обнаружено изваяние, выполненное на гальке. Две оградки оказались смежными (Бородовский А.П., 2001, с. 176–179, рис. 1). За исключением костей животных и фрагментов керамики находки в них отсутствовали.

Активные полевые исследования во второй половине 1990-х – 2000-х гг. в различных частях Алтая проводились экспедициями Алтайского государственного университета. Среди памятников различных хронологических периодов раскопана серия археологических комплексов тюрок. В 1997 г. отрядом АлтГУ под руководством А.А. Тишкина исследован ряд объектов могильника Усть-Бийке-III, находившегося в аварийном состоянии в связи с расположением в непосредственной зоне разработки карьера для добычи гравия. На памятнике раскопаны два погребения археологической культуры раннесредневековых тюрок (курганы №5, 6), давших весьма показательные материалы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1998; 1999; 2005, с. 58–70, рис. 22–31).

В 2000 г. совместной экспедицией НИИГИ при АлтГУ, Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и БГПУ на комплексе Урочище Балчикова-3 исследован кенотаф тюркской культуры и несколько объектов раннего средневековья в межкурганном пространстве (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002). В 2006 г. в Краснощековском районе Алтайского края в пределах Чинетинского археологического микрорайона впервые исследована тюркская оградка простой конструкции. Кроме зубов лошади другие находки отсутствовали (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2006; Дашковский П.К., 2015а, с. 21, рис. 1–4). Позже на данном комплексе был выявлен еще один подобный объект (Дашковский П.К., 2015а, с. 21, рис. 5–7).

Исследование памятников в контактных зонах, к которым относятся северные предгорья Алтая, способствовало накоплению весьма интересных материалов, зачастую демонстрирующих своеобразные характеристики обрядовой практики оставившего их населения. Значительный объем сведений об особенностях комплексов раннесредневековых тюрок в этой части региона получен в ходе работ экспедиций АлтГУ в Алтайском районе Алтайского края. Начало работ в 2002–2003 гг. было обусловлено необходимостью выявления и сохранения объектов культурного наследия, которым грозило разрушение в связи с активным хозяйственным освоением данной территории, главным образом, с целью использования в сфере туризма (Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 13). В 2004 г. П.И. Шульгой у Тавдинских пещер раскопан один курган тюрок культуры, содержавший захоронение подростка с жеребенком и немногочисленным инвентарем. Материалы исследований не были опубликованы автором. Краткое описание указанного погребения, а также иллюстрации введены в научный оборот в недавней монографии А.П. Бородовского и Е.Л. Бородовской (2013, с. 58, рис. 96). Еще три захоронения раннесредневековых тюрок раскопаны участниками Нижне-Катунской археологической экспедиции АлтГУ под руководством К.Ю. Кирюшина в 2005–2009 г. в ходе продолжения работ в рассматриваемом микрорайоне на комплексах, обозначенных как Бирюзовая Катунь-1, 3, 9. На памятнике

Бирюзовая Катунь-1 также вскрыта тюркская оградка, рядом с которой обнаружено изваяние. Кроме того, неподалеку от рассматриваемых объектов обнаружена руническая надпись, предварительный палеографический анализ которой позволил определить время ее нанесения в рамках второй половины IX – XI вв. Материалы исследования всех обозначенных объектов, демонстрирующих, наряду с упомянутым ранее комплексом в районе г. Горно-Алтайск (Киреев С.М., 1993; Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2013, рис. 95), северную границу распространения раннесредневековых тюрок на Алтае, полностью опубликованы в серии статей (Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 339–343; Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В., 2007; Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, с. 235–243, рис. 1–4; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, с. 240–243; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 270–274, рис. 1; Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Волков П.В., 2009; Кирюшин К.Ю. и др., 2012, с. 111–118), а также в монографии (Кирюшин К.Ю. и др., 2013).

Возможности масштабных исследований на территории Республики Алтай в 2000-е гг. были связаны с необходимостью охранных раскопок в зонах строительства хозяйственных объектов. В 2006–2007 гг. после многолетнего перерыва участниками Катунской археологической экспедиции возобновлены работы на памятниках, попадающих в створ предполагаемой Алтайской ГЭС в Чемальском районе. Большая часть исследованных объектов относилась к скифской эпохе и демонстрировала особенности культуры населения региона в VIII–IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2006, с. 353–357). Однако помимо этих комплексов были раскопаны и памятники других хронологических периодов, в том числе погребальные и «поминальные» объекты раннесредневековых тюрок. На могильнике Бике-IV исследован один курган второй половины I тыс. н.э., под насыпью которого находилось разрушенное захоронение женщины с ребенком в сопровождении лошади. Шесть четырехугольных и шесть округлых тюркских оградок, демонстрирующих вариабельность «поминальных» конструкций раннесредневековых кочевников, раскопаны на комплексе Чобурак-I (Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с. 54–66). Кроме того, в ходе работ на

разновременном памятнике Тыткескень-VI была получена коллекция находок второй половины I тыс. н.э., включающая наконечник стрелы, часть железного котла, а также серию фрагментов керамических сосудов (Матренин С.С., 2007).

В аварийных археологических исследованиях в зоне затопления проектируемой Алтайской ГЭС наряду с сотрудниками АлтГУ принимала участие экспедиция Горно-Алтайского государственного университета под руководством В.И. Соенова. Одним из результатов работ на комплексе Бике-III в 2008 г. стала раскопанная тюркская оградка, расположенная к западу от цепочки курганов пазырыкской культуры (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 74–75, рис. 1–8). В ходе исследования данного объекта обнаружена серия предметов, в том числе характерное железное стремя, определяющее хронологию комплекса в рамках кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VI – первая половина VII вв.). Кроме того, неподалеку от оградки 15 памятника Бике-III зафиксировано лицевое изваяние со слабо различимыми следами выбивки в нижней части (Ленская С.Г., 2009, рис. 1).

Активные полевые исследования осуществлялись сотрудниками Алтайского государственного университета в Центральном Алтае. Начиная с 2001 г. Яломанской экспедицией под руководством А.А. Тишкина проводились системные работы на памятниках Онгудайского района, в том числе объектах раннего средневековья. В ходе таких исследований на разновременном погребально-поминальном комплексе Яломан зафиксировано шесть групп тюркских «поминальников», включающих 85 оградок, 40 изваяний и 31 балбал (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с. 119). В 2003 и 2008 гг. серия таких сооружений была раскопана, что позволило получить дополнительные сведения о традициях «поминальной» практики раннесредневековых номадов Центрального Алтая. Материалы работ частично опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007; 2013). Помимо раскопок участниками Яломанской экспедиции АлтГУ проводились масштабные разведочные работы, позволившие зафиксировать серию новых

памятников, в том числе погребальных и «поминальных» комплексов раннего средневековья (Матренин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006, с. 78–90; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

Системные полевые работы на раннесредневековых памятниках Онгудайского и Кош-Агачского районов Республики Алтай в 2000-х г. проводились участниками Восточно-Алтайского и Чуйского отрядов Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.Д. Кубарева и Г.В. Кубарева. Одним из результатов исследований стала фиксация серии новых тюркских изваяний, выявленных археологами в ходе разведок, а также благодаря информации, полученной от местных жителей (Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д., 2002; Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д., 2003; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009; Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В., 2010; Кубарев Г.В., 2013а–б). Некоторые из обнаруженных статуй, в том числе объекты из долин рек Айлангуш и Апшиякта демонстрируют редкие для тюркских изваяний характеристики и заслуживают специального исследования (Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д., 2003, с. 374–376, рис. 3; Кубарев Г.В., 2013а, с. 341–342). Значительный объем сведений об особенностях поминальной практики раннесредневековых кочевников Алтая был получен в ходе раскопок тюркских оградок с разнообразными сопроводительными сооружениями в местностях Ак-Кообы и Кызыл-Шин. Среди редких находок, обнаруженных в указанных комплексах, следует отметить вотивный деревянный сосудик, деревянное блюдо-лоток на ножках, а также панцирные пластины. Интерес представляют также гравировки, зафиксированные на плитах оградок урочища Ак-Кообы. Результаты исследований на тюркских «поминальниках» представлены в ряде публикаций авторов раскопок (Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2008; Кубарев Г.В., 2007а; 2011а, г; 2012а; 2018).

Наряду с изучением тюркских «поминальных» комплексов участниками Чуйского отряда под руководством Г.В. Кубарева осуществлялись планомерные

исследования наскальных изображений, в том числе объектов, относящихся к раннему средневековью. Рисунки второй половины I тыс. н.э., выполненные, главным образом, в технике граффити, зафиксированы на памятниках Жалгыз-Тобе, Калбак-Таш-I и II, Кургак, Курмантау, Сырнах-Гозы (Кубарев Г.В., 2003а; 2004; 2012д; 2013а–б). Кроме того, в урочище Кургак, близ скалы Кызыл-Кабак и на святилище Большой Яломан-III зафиксированы четыре ранее не известные тюркские рунические надписи (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001; Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г., 2002; Кубарев Г.В., 2013б).

Другим исследователем, занимающимся целенаправленным изучением наскальных изображений Юго-Восточного Алтая в последнее десятилетие, является Д.В. Черемисин. В ходе многолетних работ им выявлено и зафиксировано значительное количество рисунков различных хронологических периодов от эпохи энеолита до этнографической современности. Среди них особого внимания заслуживают граффити и выбитые изображения раннего средневековья, исследованные Д.В. Черемисиным на плоскостях известной горы Жалгыз-Тобе, в урочище Теке-Туру, а также в долине р. Чаган (Черемисин Д.В., 2000, 2001, 2002 и др.). Обобщение выявленных археологом наскальных рисунков тюркского времени состоялось в специальной статье (Черемисин Д.В., 2004). В недавних публикациях исследователь обратился к актуальной проблеме методики копирования гравированных наскальных изображений различных хронологических периодов, в том числе раннего средневековья (Черемисин Д.В., 2011а–б). В 2013 г. Д.В. Черемисиным совместно с Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове были начаты работы на ряде известных памятников Центрального и Юго-Восточного Алтая, в ходе которых с помощью использования современных подходов к изучению граффити удалось осуществить документирование серии рисунков второй половины I тыс. н.э. (Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л., 2013, с. 370, рис. 1).

Во второй половине 1990-х – 2000-х гг. продолжалось накопление сведений о тюркских рунических надписях Алтая. В.А. Кочеев (2006, с. 3) предложил рассматривать данный период как новый этап в изучении таких

объектов в рассматриваемом регионе и связал его начало с приездом И.Л. Кызласова в 1994 г. Действительно, различным аспектам исследования тюркских надписей Алтая посвящено значительное количество работ известного тюрколога, в которых осуществлена публикация новых комплексов, а также представлены результаты анализа выявленных ранее памятников (Кызласов И.Л., 1994, 1995, 2000, 2001, 2002, 2004 и др.). Одним из важных выводов исследователя стало заключение о том, что алтайские рунические тексты серьезным образом отличаются от «классических» енисейских, так как в них часто нарушаются правила письма.

Рунические надписи Алтая привлекли также другого востоковеда Д.Д. Васильева, в 1995 г. принявшего участие в совместной с В.Д. и Г.В. Кубаревыми экспедиции (Васильев Д.Д., 2009, с. 52). Результатом проведенных исследований стало выявление серии новых объектов, а также фиксация почти всех известных на том момент памятников. Свод тюркских рунических надписей Алтая, включающий 83 пункта, представлен В.А. Кочеевым (2006). Продолжением работ по поиску и фиксации таких объектов стала реализация международного проекта с участием российских и немецких исследователей (Невская И.А., 2011, с. 206). Результатом изысканий стало документирование более 90 тюркских рунических надписей в различных районах Алтая с подробными данными о месте их обнаружения и вариантами прочтения. Позже участниками проекта был опубликован каталог тюркских рунических надписей Алтая (Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М., 2012).

Накопление сведений об археологических комплексах раннего средневековья на Алтае осуществлялось не только в ходе целенаправленных исследований, но также нередко было связано со случайными находками. Так, своеобразное детское скальное погребение Каменный Лог было обнаружено местными жителями в Шебалинском районе Республики Алтай. Находки переданы в районный музей в 2002 г. Предметный комплекс, включавший весьма редкое для рассматриваемого региона китайское металлическое зеркало и

позволяющий отнести объект к позднему этапу в развитии культуры тюрок, опубликован (Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И., 2002).

В последнее десятилетие продолжается поступление информации о хорошо фиксируемых визуально тюркских каменных изваяниях. Несколько таких объектов обнаружено Е.П. Маточкиным (2007а–б) в ходе работ в Южном Алтае на комплексах, расположенных в долине р. Аргут. Серия тюркских изваяний, найденных при различных обстоятельствах в долинах р. Себистей и Барбургазы, опубликована в 2010 г. (Эбель А.В., Буржуа Ж., Соёнов В.И., Кубарев В.Д., 2010).

В последние годы на территории Республики Алтай осуществляют работу несколько экспедиций, организованных различными научными центрами. Серия раннетюркских оградок исследована на комплексе Чобурак-I в Северном Алтае Чемальской археологической экспедицией АлтГУ под руководством автора диссертации (Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2016; 2017). Отметим, что на этом же памятнике рядом с оградками исследован небольшой некрополь сяньбийско-жужанского времени, погребения которого содержали ряд находок, ранее зафиксированных только в тюркских объектах (Серегин Н.Н. и др., 2018).

Незначительный объем материалов раннего средневековья связан с проведением спасательных работ в различных частях Алтая. В 2016 г. в ходе исследований, осуществленных на могильнике Курайка-II археологической экспедицией ГАГУ под руководством Н.А. Константинова совместно с Дирекцией территории традиционного природопользования Кош-Агачского района, раскопаны погребение и оградка, относящиеся к культуре раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 268, фото 37–40; Константинов Н.А., 2017).

Другим регионом Центральной Азии, демонстрирующим значительные темпы роста объема археологических материалов по культуре тюрок в рассматриваемый период, является Монголия. Изменение политической ситуации в стране в начале 1990-х гг. серьезным образом отразилось на проводимых полевых исследованиях. С этого времени в стране работают

многочисленные экспедиции ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья – Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Кореи, США, Турции, Франции, Японии и др. Эти исследования, осуществляемые на высоком уровне и с применением современных методик, не только позволили получить и ввести в научный оборот значительный объем материалов, но также послужили важным стимулом для развития археологической науки в Монголии в целом. Результатом работ совместных экспедиций монгольских исследователей и зарубежных специалистов стали исследованные памятники различных хронологических периодов, в том числе серия погребений и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок.

В 1993 г. в ходе работ Монголо-Корейской экспедиции в горах Баруун Хайрхан раскопано непотревоженное одиночное погребение человека без лошади. В могиле обнаружен весьма интересный сопроводительный инвентарь, позволяющий отнести комплекс к концу IV – VI вв. н.э. Похожую дату (в рамках VI в.) дал проведенный радиоуглеродный анализ (Цэвээндорж Д. и др., 2008, с. 176). Судя по полученным материалам, погребение может относиться к предтюркскому или раннетюркскому времени, и, очевидно, связано с носителями других культурных традиций, близких к кочевникам Забайкалья.

В 1994–2000 гг. участниками Монголо-Французской экспедиции под руководством Д. Эрдэнэбаатара и Г. Жискара осуществлялись исследования в долине р. Эгин-гол в Булганском аймаке. Основная часть раскопанных объектов относилась к хуннускому периоду, а также к монгольскому времени. Пять захоронений раннесредневековых тюрок исследованы на комплексах Бурхан-толгой (впускные погребения в насыпях курганов №25 и 60), Моностын-хотол (одиночный курган), Мухдагийн ам (курган №8), Элст Хутул (курган №5). Материалы раскопок опубликованы в ряде статей (Турбат Ц., 1998; Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004), а также в монографии монгольских археологов (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003).

Одно погребение археологической культуры раннесредневековых тюрок раскопано в 2005 г. в ходе работ Монголо-Итальянской археологической экспедиции в местности Тарималт (Уверхангайский аймак). Под насыпью кургана №2 исследовано захоронение человека с лошадью, включавшее довольно представительный инвентарь. Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Гунчинсурэн Б. и др., 2005).

В 1990–2000-х гг. на рассматриваемой территории продолжались исследования российских археологов, традиционно осуществлявших активные изыскания в Монголии. Большой объем изысканий в западной части страны осуществлен экспедициями В.Д. и Г.В. Кубаревых. В ходе этих работ выявлены и зафиксированы «поминальные» объекты тюрок, а также наскальные изображения раннего средневековья на ряде памятников (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2004; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1999; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е., 1998; и др.). В 2007 г. в результате исследований Российско-Монголо-Корейской экспедиции в местности Хар-Ямаатын-гол (Баян-Улгийский аймак) были получены показательные материалы, позволившие пополнить серию весьма немногочисленных раскопанных погребений и «поминальных» комплексов тюрок в Западной Монголии. Памятник, включавший женское захоронение (курган №8), «ритуальный» курган (№10), а также расположенное неподалеку «поминальное» сооружение с изваянием, опубликован на русском, английском и монгольском языках (Кубарев Г.В. и др, 2007; Кубарев Г.В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д., 2008; Цэвендорж Д. и др., 2008; Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D., 2009; Кубарев Г.В., 2015; 2016б). В одной из указанных статей авторы раскопок подчеркнули крайне слабую степень изученности погребений раннесредневековых кочевников на территории Монголии и указали на то, что, по их сведениям, в этом регионе исследовано всего порядка десяти курганов тюрок второй половины I тыс. н.э. (Кубарев Г.В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д., 2008, с. 108).

Наряду с исследованиями, осуществляемыми совместно с зарубежными учеными, монгольские археологи проводят и самостоятельные работы в разных

частях страны. В 2006 г. экспедицией Монгольского национального университета под руководством Ш. Уранчимэг и С. Олзийбаяра раскапывался некрополь Угемур, основную часть которого составляли захоронения хуннуского времени. В ходе работ на самом мелком кургане №2, который археологи изначально приняли за детское погребение этого же периода, была исследована непотревоженная могила раннего средневековья (Олзийбаяр С., 2007, т. 26–31). Захоронение пожилого мужчины с лошадью автор публикации связал с уйгурами, основываясь на находке части орнаментированного сосуда с орнаментом. Кроме того, С. Олзийбаяр (2007, т. 31) предположил возможную этническую связь уйгуров с хунну, на что, по его мнению, указывает внешнее сходство курганных насыпей, а также совершение погребений на одном некрополе.

Другим научным центром, осуществляющим археологические исследования, является Монгольский Национальный исторический музей. В 2007 экспедицией музея раскопаны три кургана на могильнике Овор Хавцал (Архангайский аймак). Основную часть некрополя составляют расположенные компактно объекты хуннуского времени. К юго-востоку, на небольшом отдалении, был зафиксирован еще один курган (самый небольшой по размеру), в ходе раскопок которого исследовано погребение человека с лошадью и инвентарем, характерным для раннего средневековья (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, т. 125–132). Авторы публикации отметили, что к настоящему времени на территории Монголии раскопано более 20 тюркских захоронений (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, т. 127).

Начиная с 2000-х гг. в научный оборот введена серия скальных погребений раннего средневековья, обнаруженных на территории Монголии и предположительно связанных с тюркской культурой. Три таких объекта исследованы в Байнхонгорском аймаке в 2001 и 2004 гг. (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004; Хурэлсух С., 2008). Информация об известных скальных захоронениях Монголии была обобщена в специальной статье С. Хурэлсуха (2008). По наблюдениям археолога, такие погребения сооружались, главным образом, в

эпоху средневековья и характеризуются наличием общих черт в обрядовой практике.

Еще одно скальное погребение тюркского времени, давшее весьма показательный материал, исследовано в 2008 г. на правом склоне горы Жаргалант Хайрхан в Западной Монголии. Наиболее яркой находкой, обнаруженной в ходе изучения захоронения, стал деревянный музыкальный инструмент с рунической надписью. Проведенный AMS-анализ образцов дерева от седла позволил получить дату 770–880 гг. н.э. Публикации материалов раскопок посвящена серия работ различного уровня (Турбат Ц. и др., 2008; Törbat Ts. at all., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; Талын морьтон …, 2014; и др.). Нет сомнений, что скальных погребений на территории Монголии значительно больше, однако исследование таких объектов осложнено трудностью обнаружения, а также ограбленностью памятников в значительном количестве случаев.

Заметными следует признать результаты в области изучения «элитных» мемориальных комплексов тюрок Монголии. В начале 2000-х гг. участниками совместной турецко-монгольской экспедиции осуществлены раскопки на памятнике Бильге-кагана, которые позволили получить яркие вещественные материалы, а также важные сведения о структуре данного объекта (Баяр Д. и др., 2003; Баяр Д., 2004). Комплексные исследования осуществляются на известном комплексе Шивээт Улаан (Самашев З., 2016; Самашев З.С. и др., 2016). В последние годы появилась информация о новом «элитном» раннесредневековом «поминальнике» Донгойн Ширее в Восточной Монголии, включающем значительный объем ранее не известных рунических текстов (Мөнхтулга Р., 2014; Мөнхтулга Р. и др., 2014; Мөнхтулга Р., Осава Т., 2015; и др.).

Многолетние археологические исследования на территории Западной Монголии осуществляются экспедицией Томского государственного университета под руководством Ю.И. Ожередова. Основной задачей работ, реализуемых с конца 1990-х гг., стало выявление и картографирование памятников различных хронологических периодов в Ховдском аймаке. В ходе

таких исследований Ю.И. Ожередовым обнаружен ряд ритуальных комплексов, относящихся ко второй половине I тыс. н.э. и по совокупности визуально фиксируемых элементов конструкций связываемых с тюрками раннего средневековья. Результаты работ, включающие подробное описание места расположения, рисунки и фотографии, а также авторское видение возможностей культурно-хронологической интерпретации объектов, представлены в ряде публикаций (Ожередов Ю.И., 2003; 2005; 2007; 2009; 2010; 2012; и др.).

Начиная с 2007 г. системные исследования «поминальных» объектов тюрок на территории Западной Монголии и, в меньшей степени, в центральной части страны, проводятся Буянтской археологической экспедицией, организованной тремя университетами России (АлтГУ) и Монголии (Ховдский государственный университет, университет г. Улаанбаатар). Непосредственное участие в этих работах принимает автор настоящей диссертации. В результате осуществленных исследований раскопана представительная серия тюркских оградок, насчитывающая более 25 объектов, а также выявлено и зафиксировано значительное количество каменных изваяний раннего средневековья. Результаты изысканий представлены в серии публикаций (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч., 2015; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2016; 2017; Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., 2016; Тишкин А.А. и др., 2015; 2016; 2018; Идэрхангай Т. и др., 2016; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017; и др.).

Небольшой объем новых сведений о памятниках раннесредневековых тюрок Тувы, полученных в последние годы, связан с реализацией спасательных археологических исследований на памятниках, попадающих в зону строительства проектируемой железной дороги Кызыл-Курагино. Среди результатов этих изысканий отметим захоронение с двумя лошадьми и четырехугольную оградку, раскопанные на комплексе Красная Горка-19 (Садыков Т.Р., 2017). На памятнике Красная Горка-3 исследованы две рядом стоящие оградки, одна из которых включала захоронение лошади (Килуновская

М.Е. и др., 2017, рис. 56–58) – крайне редкий показатель обряда для территории Тувы.

Важно отметить, что основной характеристикой современного этапа в изучении археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии является не интенсивность раскопок, а, в большей степени, повышение уровня интерпретации уже накопленных обширных материалов. Важным моментом стало появление серии обобщающих работ. В серии статей и монографий опубликованы результаты исследований, посвященных анализу специфики формирования и развития культуры номадов во второй половине I тыс. н.э.

Обобщение материалов погребальных комплексов, исследованных Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, осуществлено в кандидатской диссертации Г.В. Кубарева (1997) и в развернутом виде представлено в его монографии (2005). Археолог затронул целый ряд вопросов изучения обряда раннесредневековых тюрок Алтая. Исследователь опирался, главным образом, на материалы публикуемых в монографии 43 погребений, привлекая аналогии из других известных ему комплексов. Г.В. Кубарев (2005, с. 12–13) подробно рассмотрел закономерности в планиграфии курганов тюрок и выделил два основных варианта расположения объектов, отметив имеющиеся исключения. Археолог привел общую характеристику курганных насыпей, внутримогильных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок Алтая, обратив внимание на существование кенотафов и отдельных захоронений лошадей. Интересной является позиция Г.В. Кубарева (2005, с. 20) по поводу интерпретации могил с подбоями. Исследователь объяснил появление данного элемента обряда у населения Алтая и Тувы наличием контактов с группами населения «западных» тюрок. Ученый подчеркнул, что погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок мужских и женских могил, идентичен, а также отметил специфику детских захоронений (Кубарев Г.В., 2005, с. 21–23).

Серия работ Г.В. Кубарева посвящена различным аспектам изучения «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтая. Отдельные замечания, связанные с рассмотрением особенностей ритуальной практики номадов, приведены в его статьях публикационного характера, рассмотренных ранее. Кроме того, исследователь представил несколько специальных работ, посвященных частным аспектам интерпретации тюркских изваяний и оградок (2009; 2011; 2012; 2014; и др.). Своего рода обобщением в рамках данной тематики стал каталог тюркских изваяний из Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН с развернутой вступительной статьей (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. 2013). Г.В. Кубаревым подготовлены разделы опубликованного в Казахстане научно-популярного альбома «Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв.», посвященные демонстрации погребальных комплексов и наскальных изображений раннесредневековых тюрок Алтая (Кубарев Г.В., 2012г–е). Кроме того, один из разделов обозначенного издания, представляющий информацию о «каменных бабах» рассматриваемого региона, выполнен В.Д. Кубаревым (2012).

В последние десятилетия одной из ключевых проблем в кочевниковедении Центральной Азии является комплекс вопросов, связанных с происхождением культуры раннесредневековых тюрок. К ним неоднократно обращались В.А. Могильников и Д.Г. Савинов, чьи взгляды рассмотрены ранее. Наличие генетической связи между булан-кобинской культурой хуннуско-сяньбийско-жужанского времени и культурой тюрок подчеркнул Ю.Т. Мамадаков (1990, с. 18–19) в своей кандидатской диссертации. На примере материалов могильника Улита, раскопанного им на территории Центрального Алтая, археолог отметил появление у «булан-кобинцев» варианта обряда погребения с лошадью, распространение которого относится к периоду раннего средневековья. К сожалению, результаты раскопок обозначенного некрополя так и не введены в научный оборот, хотя неоднократно упоминались исследователем (Мамадаков Ю.Т., 1987, с. 202; 1990, с. 18–19; 1994а, с. 131).

Вопрос о времени и месте формирования культуры тюрок наиболее подробно рассмотрен в публикациях В.В. Горбунова и А.А. Тишкина. Археологи отметили, что наиболее ранние памятники данной общности зафиксированы на территории Алтая, и подчеркнули участие булан-кобинской культуры в сложении объединения тюрок в качестве местного компонента (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б). Указанными авторами выделен ранний кызыл-ташский этап (вторая половина V – первая половина VI вв.), а также представлена культурно-хронологическая схема развития культуры тюрок (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003). В последующие годы специфика памятников кызыл-ташского этапа рассмотрена более подробно в ряде публикаций барнаульских археологов (Сарафанов Д.Е., 2003; Шелепова Е.В., 2008а; Серегин Н.Н., 2011д; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б).

Актуальные вопросы построения периодизации археологических культур Алтая в широких хронологических рамках, включающих и раннее средневековье, детализированы А.А. Тишкиным (2006, с. 32–39; 2007, с. 185–214) в докторской диссертации и монографии. Исследователь представил основные аспекты историографии изучения и интерпретации комплексов региона, подробно остановившись на обосновании выделенных этапов тюркской и кыргызской культур с привлечением результатов радиоуглеродного датирования памятников.

Вопросы конкретизации хронологических границ этапов развития культуры раннесредневековых тюрок Алтая раннего средневековья, а также установления датировки отдельных комплексов остаются актуальными до сих пор. В связи с этим большое значение имеют работы вещеведческого характера, посвященные системному анализу различных категорий изделий, зафиксированных в погребальных и «поминальных» объектах рассматриваемого региона. Комплексное исследование предметов вооружения из памятников Алтая в широких хронологических рамках III–XIV вв. н.э., включающих ранее средневековье, осуществлено В.В. Горбуновым. Результаты этой работы представлены в серии статей (Горбунов В.В., 1994; 1998; 2004; 2007; и др.), двух

монографиях (Горбунов В.В., 2003; 2006а), а также докторской диссертации археолога (Горбунов В.В., 2006б). Основным итогом многолетних исследований стала систематизация комплекса вооружения кочевников Алтая, а также реконструкция направлений эволюции паноплии номадов. Анализ украшений конского снаряжения из раннесредневековых комплексов Алтая представлен в серии публикаций, а также двух монографиях Т.Г. Горбуновой (2003; 2004; 2009; 2010; и др.). Последовательная классификация и типология изделий позволила обозначить период бытования конкретных находок, а также осуществить опыт реконструкции декорированных элементов амуниции лошадей из различных комплексов. Закономерным итогом многолетнего изучения различных аспектов истории номадов Алтая эпохи средневековья стало иллюстрированное учебное пособие А.А. Тишкина, В.В. Горбунова и Т.Г. Горбуновой (2011), обобщающее опыт анализа памятников региона и демонстрирующее возможности представления результатов работ археологов в доступной форме.

Важным направлением работ барнаульских археологов является изучение и интерпретация «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтая. Результаты систематизации и анализа таких памятников отражены в разделе кандидатской диссертации и публикациях Е.В. Шелеповой (2008а–б; 2009, с. 18–20; 2011а–б и др.). В совместной статье С.С. Матренина и Д.Е. Сарафанова представлен опыт обобщения результатов исследования тюркских оградок с выделением типов памятников и определением направлений эволюции объектов (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006).

Актуальные вопросы анализа антропологических материалов из погребальных памятников раннесредневековых тюрок Алтая представлены в работах Д.В. Позднякова (2001, 2004, 2006), в том числе в совместной публикации с Т.А. Чикишевой (1997). Важно подчеркнуть, что, несмотря на проведенные им исследования, проблема незначительного количества определений костных останков из захоронений региона второй половины I тыс. н.э. остается фактором, ограничивающим возможности реконструкции целого ряда сюжетов истории номадов. Более частные аспекты анализа и интерпретации

раннесредневековых материалов из памятников Алтая представлены в многочисленных работах исследователей из различных научных центров (Лившиц В.А., 1998; Гричан Ю.В., Плотников Ю.А., 1999; Кочев В.А., 1999; Сальникова И.В., 1999; Азбелев П.П., 2000; Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 2000; Мотов Ю.А., 2001; Худяков Ю.С., 2002а; Белинская К.Ы., 2007; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009; Константинов Н.А., 2012; и мн. др.).

Различные аспекты истории населения Минусинской котловины в эпоху средневековья рассмотрены в кандидатской диссертации О.А. Митько (1995). Определенное внимание археолог обратил и на анализ памятников тюрок, которые он отнес к локальному варианту кочевнических культур второй половины I тыс. н.э. (Митько О.А., 1995, с. 21). Исследователь представил общую характеристику обряда населения рассматриваемой общности, выделив основные типы курганных сооружений, устройства могильных ям, а также ориентировки и положения умершего и сопровождавшего его животного. Интересно замечание О.А. Митько (1995, с. 16) о том, что в VIII–IX вв. в Минусинской котловине проживало более 20 родовых групп тюрок. К сожалению, формат работы (автореферат) не позволил археологу раскрыть механизм такого определения, а в последующие годы данный вопрос исследователем не затрагивался. Подробный анализ отличительных признаков комплексов тюрок Минусинской котловины представлен в совместной статье О.А. Митько с Ю.В. Тетериным (1998).

Вопросы, связанные с изучением истории тюрок в Минусинской котловине и анализом особенностей их погребального обряда, рассмотрены Ю.С. Худяковым в обобщающей монографии (2004). В ней археолог значительно расширил и конкретизировал сделанные им ранее выводы и наблюдения. Весьма подробно исследователь проанализировал погребальные сооружения и ритуал тюрок Минусинской котловины. Ю.С. Худяков (2004, с. 43–46) выделил пять типов и 12 вариантов конструкций курганных насыпей, отметив их обусловленность половозрастной принадлежностью умершего. В таком же ключе археолог представил итоги систематизации внутримогильного

устройства памятников и способа погребения. Сочетание учтенных исследователем признаков обряда позволило ему выделить 15 типов и вариантов трупоположения с лошадью, два типа кремации с животным и четыре типа и варианта ингумации с овцой (Худяков Ю.С., 2004, с. 49–51). Отметим, что археолог предложил рассматривать обозначенные объекты в рамках минусинского локального варианта тюркской культуры, имеющего ряд своеобразных черт (Худяков Ю.С., 2004, с. 89).

Один из ключевых сюжетов истории раннесредневековых тюрок Минусинской котловины затронут в недавней статье П.П. Азбелева (2009, с. 83). Согласно позиции исследователя, распространенный вариант интерпретации погребений с лошадью как памятников тюрок, оставивших свои гарнизоны в Минусинской котловине, является домыслом и не подтверждается материалами письменных источников. По мнению П.П. Азбелева (2009, с. 83), большинство таких объектов относится к IX в., а более ранним временем могут быть датированы лишь отдельные комплексы и случайные находки. Отметим, что сам археолог не представил своего видения истории тюрок на территории обозначенного региона и специфики их положения в кыргызском обществе.

Полученные к началу 2000-х гг. материалы раскопок погребений и «поминальных» объектов раннесредневековых тюрок Монголии потребовали обобщения и интерпретации. Несмотря на отсутствие развернутых публикаций в указанном направлении, в ряде работ российских и монгольских археологов представлен опыт систематизации комплексов.

Характеристика захоронений раннесредневековых тюрок, раскопанных на территории Монголии, осуществлена в ряде статей Ю.С. Худякова. При участии исследователя было раскопано и опубликовано несколько объектов, что позволило ему привести развернутую интерпретацию исследованных памятников. По мнению Ю.С. Худякова (2002б, с. 153), большинство погребений раннесредневековых тюрок (автор учел, судя по приведенным описаниям, 8 могил) относятся к VIII–X вв., и лишь единичные захоронения датируются более ранним временем. Археолог отметил, что обрядность номадов Монголии

отличается значительной вариабельностью (Худяков Ю.С., Белинская К.Ы., 2006, с. 154). Предложенная Ю.С. Худяковым датировка памятников кочевников рассматриваемой общности поддержана Д.Г. Савиновым (2005а, с. 221–225). Он подчеркнул, что именно в VIII–IX вв. погребения с лошадью тяготеют к южным районам Саяно-Алтайского нагорья и получают распространение на территории Монголии (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 226).

Итоги изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок Монголии представлены в нескольких работах Ц. Турбата (2005, 2014, т. 27–43). В одной из статей археолог привел краткую историю исследования погребальных памятников, указав на то, что к концу 1990-х гг. в разных частях страны было раскопано всего 18 захоронений рассматриваемой общности номадов (Турбат Ц., 2005, т. 99). По мнению Ц. Турбата (2005, т. 97), тюркские погребения демонстрируют значительное количество схожих характеристик с комплексами пазырыкской, кокэльской и таштыкской культур, известными, главным образом, по материалам Алтае-Саянского региона.

Результаты исследований монгольских археологов нашли отражение и в учебно-методической литературе. В частности, в пособии «Археология Монголии» (Цэвэндорж Д. и др., 2008, с. 156–178) представлена общая характеристика погребений и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок.

Отдельные находки из погребений раннесредневековых тюрок Монголии рассматривались в публикациях различных исследователей. Обстоятельный анализ золотой бляхи из комплекса Увгунт представлен в специальной статье П.П. Азбелева (2007). По мнению археолога, данная находка, а также брактеат с византийской монеты из рассматриваемого погребения, демонстрируют западные связи центрально-азиатских кочевников уйгурского времени. Некоторые группы предметов вооружения из захоронений кочевников Монголии учитывались в публикациях В.В. Горбунова (2004; 2012). Импортные изделия из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок данного региона (зеркала, монеты, фрагменты шелка) наряду с находками из памятников

на сопредельных территориях рассмотрены в совместной статье А.А. Тишкина и автора диссертации (2013).

Нет сомнений, что исследование раннесредневековых памятников в Монголии имеет значительные перспективы. Это демонстрируют работы последних лет на «элитных» комплексах, позволившие получить действительно сенсационные результаты. В 2009 и 2011 гг. в Центральной Монголии были исследованы памятники Шороон Дов (Данилов С.В. и др., 2010; Бураев А.И., 2012) и Шороон Бумбагар (Алтынбеков К., 2011; Очир А. и др., 2013), сходные по ряду признаков. Судя по полученным материалам, комплексы относятся к слабоизученному периоду зависимости раннесредневековых тюрок от Китая (630–679 гг.). На это указывают характерные конструкции объектов, предварительные результаты анализа китайской надписи (Данилов С.В. и др., 2010, с. 256), а также время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Можно понять стремление отдельных казахстанских исследователей, принимавших активное участие в изучении памятника Шороон Бумбагар, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников (Сарткожаулы К., 2011, с. 285–287). Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот – материалы раскопок рассмотренных комплексов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и, по сути, являются скорее китайскими, чем тюркскими. Конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар (Очир А. и др., 2013, зураг 58).

Отсутствие целенаправленных работ, посвященных различных аспектов изучения «рядовых» оградок раннесредневековых тюрок Монголии, отчасти было восполнено исследованиями Т.-О. Идэрхангая. В его диссертации

представлены результаты систематизации и анализа таких объектов, а также обобщена история их исследований (Идэрхангай Т.-О., 2017). Большее внимание монгольских археологов традиционно направлено на характеристику тюркских каменных изваяний, выявленных в разных частях страны (Баяр Д., 1997; 2013; и др.).

Таким образом, современный этап в изучении археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии характеризуется повышением уровня интерпретации как уже имеющихся, так и новых материалов. Наиболее активные исследования памятников рассматриваемой общности номадов осуществлены на территории Алтая, а также в Монголии. В последние десятилетия подготовлена серия обобщающих работ, посвященных систематизации, анализу и интерпретации различных групп комплексов раннесредневековых тюрок.

Анализ работ исследователей позволяет выделить четыре этапа в процессе накопления и интерпретации археологических материалов по культуре раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2012а, ж). Для каждого из периодов характерны особенности методологии и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень интерпретации имеющихся сведений и др. Характеристики выделенных этапов в значительной степени определялись спецификой развития исторической и археологической науки, а также общей социально-экономической ситуацией в различных частях центрально-азиатского региона.

Первый этап (XVIII в. – начало XX в.) – время первоначального ознакомления ученых с раннесредневековыми материалами Центральной Азии. Основной объем полученных материалов связан с выявлением и фиксацией каменных изваяний, а также немногочисленными раскопками «поминальных» комплексов второй половины I тыс. н.э. Кроме того, в рамках рассматриваемого периода были впервые раскопаны погребения раннесредневековых тюрок. Важными событиями, определившими на многие годы направления развития отечественной и зарубежной тюркологии, стали открытия «элитных»

мемориалов тюрок Монголии и дешифровка рунической письменности. Завершение первого этапа связано с началом систематических исследований археологических комплексов раннесредневековых номадов Центральной Азии в 1920-е гг. и получением значительного объема материалов, анализ которых дал возможность для реконструкции различных аспектов истории кочевников данного обширного региона.

Второй этап (1920-е – 1940-е гг.) – осуществление первых крупных исследований погребальных и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок на Алтае, в Туве, Минусинской котловине. Реализация подобных изысканий в Монголии была связана, главным образом, с изучением мемориальных памятников элиты номадов. Результаты интерпретации материалов раскопок комплексов стали основой для создания ряда обобщающих работ.

Третий этап (1950-е – начало 1990-х гг.) – время наиболее интенсивных исследований археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Развитие науки в начале данного периода в значительной степени связано с общим послевоенным экономическим подъемом в России, а также сложением группы специалистов-археологов в Монголии. Главной тенденцией третьего периода стало преимущественное развитие региональной тематики, заключавшееся в рассмотрении различных аспектов истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии на основе изучения памятников отдельных территорий. Характерной чертой научной деятельности археологов в рамках данного этапа было стремление к историчности выводов, сделанных на основе анализа материалов раскопок. Этому способствовало активное привлечение сведений письменных источников, главным образом, китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов. К рассматриваемому периоду относится публикация ряда крупных работ, в которых были обобщены накопленные обширные материалы.

Четвертый этап (вторая половина 1990-х гг. – начало XXI в.). В это время интенсивность полевых археологических исследований на большинстве

территорий центрально-азиатского региона снизилась, что было обусловлено сокращением финансирования и кризисной социально-экономической ситуацией. Напротив, в Монголии наблюдается активизация подобных изысканий, в том числе на памятниках раннесредневековых тюрок. Первоначально это было связано преимущественно с работами зарубежных экспедиций, но впоследствии оказало позитивное влияние на развитие археологической науки в целом. Основной тенденцией современного этапа в истории археологии раннесредневековых тюрок Центральной Азии является повышение уровня интерпретации накопленных материалов и обобщение имеющихся сведений в ряде монографических работ.

Проведенный историографический анализ позволил определить степень изученности различных аспектов исследования археологических памятников тюрок Центральной Азии. Установлено, что наиболее разработанными являются вопросы исследования предметного комплекса номадов. Кроме того, значительное количество публикаций посвящено решению проблем хронологии конкретных объектов и периодизации культуры кочевников. Наименее изученными остаются проблемы реконструкции сложных процессов формирования и эволюции погребально-поминальной обрядности тюрок. Значительные перспективы также связаны с осуществлением социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников второй половины V – XI вв. н.э.

Одним из важных результатов работы по сбору и систематизации материалов раскопок стали сформированные своды погребальных и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Перечни памятников, исследованных на обозначенных территориях, с характеристикой их наиболее показательных признаков представлены в Приложении I (с. 3–111). Соответствующие картографические материалы помещены в Приложение III (рис. 1–7).

Глава II. Погребальный обряд тюрок: общие и локальные черты, формирование и эволюция

Погребальный обряд древних и средневековых обществ состоял из значительного количества практических действий, каждое из которых несло определенную смысловую нагрузку. Условно он может быть представлен как система, состоящая из трех основных элементов – 1) наземные и внутримогильные конструкции; 2) ритуал погребения; 3) сопроводительный инвентарь (Грач А.Д., 1975, с. 158; Массон В.М., 1976, с. 150; Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с. 19–20; Ольховский В.С., 1993, рис. 4). В свою очередь, каждый из обозначенных компонентов включает целый ряд показателей. Известно, что археолог имеет возможность исследовать только сохранившиеся после многих веков вещественные остатки, однако их детальное изучение позволяет приблизиться к реконструкции обрядовой практики конкретных общностей прошлого.

2.1. Погребальные сооружения

Очевидно, что возведение специальных конструкций рассматривалось древним и средневековым населением как важная часть обрядовой практики. Вид сооружений определялся многими характеристиками, связанными с особенностями жизнедеятельности людей. К таковым относятся специфика мировоззрения населения, природные условия, тип ведения хозяйства, уровень развития навыков работы с различными материалами, характер социально-политического и экономического устройства общества (Ольховский В.С., 1991, с. 16; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43; Мыльников В.П., 1999, с. 12; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 128; и др.). Большое значение имеет также такой фактор, как этнокультурное своеобразие отдельных групп. Поэтому

всестороннее изучение погребальных сооружений является неотъемлемой частью любых реконструкций, связанных с историей конкретных общностей.

Специальных работ, посвященных всестороннему изучению погребальных конструкций раннесредневековых тюрок, до сих пор не предпринималось. В большинстве исследований приведены лишь описательные характеристики сооружений как составной части обряда в целом. В то же время известны работы, в которых представлен определенный уровень осмысления рассматриваемого вопроса. Имеется опыт систематизации погребальных сооружений раннесредневековых тюрок, исследованных в различных районах их распространения: Алтае, Минусинской котловине, Туве и Тянь-Шане (Трифонов Ю.И., 1975а; Нестеров С.П., 1985; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 15–35; Худяков Ю.С., 2004, с. 41–54; Кубарев Г.В., 2005, с. 12–25; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, с. 51–68). Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затронуты в многочисленных статьях, посвященных публикации материалов раскопок памятников. Осуществленный системный анализ погребальных сооружений раннесредневековых тюрок позволяет не только представить их более полную характеристику, но и обозначить возможности интерпретации зафиксированных конструкций. В данном параграфе последовательно изложены результаты исследования особенностей организации сакрального пространства тюрок, проведена классификация наземных и внутримогильных сооружений, а также обозначены возможности изучения таких комплексов, как погребения с подбоем, впускные и скальные захоронения.

2.1.1. «Околокурганные» объекты

Сложность погребального комплекса определяет возможность выделения в его структуре нескольких уровней (Ольховский В.С., 1986, с. 71), к одному из которых относится организация сакрального пространства. К примеру, часто фиксирующейся ситуацией является сопровождение курганов различными объектами – жертвенниками, балбалами, изваяниями и др. В научной литературе

неоднократно использовалось обозначение таких сооружений как «внекурганных» (Сорокин С.С., 1979, с. 112; 1981; Ольховский В.С., 1986, с. 71, рис. 1; 1993, с. 88, рис. 4), однако, по всей видимости, корректным будет использование определения «околокурганные», что более точно отражает основную характеристику в их расположении (Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2006). Рассмотрение этих объектов является одним из этапов реконструкции обряда древних и средневековых обществ. Ниже представлены итоги изучения «околокурганных» сооружений раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Каменные изваяния, оградки, стелы и балбалы традиционно рассматриваются в рамках анализа «поминальных» сооружений культуры раннесредневековых тюрок. Различным вопросам, связанным с их интерпретацией, посвящено значительное количество статей и монографий. При этом в научной литературе практически нет упоминаний о том, что обозначенные объекты в ряде случаев являются частью погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, располагаясь рядом с курганами раннего средневековья. Краткая информация об «околокурганных» сооружениях приведена в монографии Г.В. Кубарева (2005, с. 16), обозначившего их как «сопроводительные». Общий обзор закономерностей расположения изваяний, стел и балбалов у курганов тюрок Алтая представлен в монографии, посвященной публикации и анализу материалов раскопок археологического комплекса Котыр-Тас (Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 71–73). Дискуссионность многих вопросов, связанных с изучением погребально-поминальной практики кочевников, определяет актуальность целенаправленных исследований в указанном направлении с привлечением всех имеющихся материалов.

Рассмотрение результатов раскопок показывает, что большая часть «околокурганных» объектов встречена на некрополях Алтая и Тувы. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что возможность фиксации некоторых сооружений в определенной степени зависит от методики работ. Известно, что межкурганное пространство в силу целого ряда причин исследуется крайне

редко, хотя именно в ходе такой работы возможно выявление различных сооружений (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 117). Особенно это актуально для районов с высокой степенью задернованности археологических комплексов. Не исключено, что данное обстоятельство является одним из объяснений преимущественной концентрации «околокурганных» объектов в конкретных районах (Кубарев Г.В., 2005, с. 16). Тем не менее, на сегодняшний день накоплен определенный объем сведений, систематизация которых позволяет обозначить несколько групп сооружений, располагавшихся рядом курганами в рамках погребальных комплексов раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2010).

1. Каменные изваяния и крупные стелы. Расположены почти всегда с восточной стороны, вплотную к курганной насыпи (Приложение III, рис. 8). Такая ситуация зафиксирована на памятниках Ак-Кобы и Кара-Коба-I (курган №47) на Алтае (Кубарев В.Д., 1984, с. 171, табл. XLIII.-1; Могильников В.А., 1990, с. 150–151). В ходе исследований комплекса Узунтал отмечено расположение двух изваяний с восточной и южной стороны от насыпи (Савинов Д.Г., 1983, с. 157). К данной группе «околокурганных» объектов следует также отнести крупную плиту (высота 1 м), зафиксированную у восточной полы кургана №54 могильника Улуг-Хову в Туве (Кызласов Л.Р., 1979а, с. 132). Интересно, что при исследовании двух из указанных объектов отмечена специфика ритуала, нигде более не встреченная при изучении мужских погребений раннесредневековых тюрок – умершего сопровождало захоронение ребенка (Кызласов Л.Р., 1979а, с. 132–133; Могильников В.А., 1990, с. 155). Несколько более характерна и объяснима эта деталь обряда для погребений женщин (Гаврилова А.А., 1965, с. 23; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, с. 94; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с. 55). Следует обратить внимание на то, что традиция установки изваяний с восточной стороны насыпи зафиксирована и при исследовании курганов кыргызской культуры раннего средневековья (Килуновская М.Е., 2004, с. 105–106).

2. Балбалы и невысокие стелы. Количество их у курганов варьирует от 1 до 57. Расположены на незначительном расстоянии, с восточной стороны от

курганной насыпи (Приложение III, рис. 9, 10.-1). «Околокурганные» объекты, объединенные в рамках второй группы, встречены в ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрок Бажынты (курган №29), Сары-Кобы (курган №17), Кара-Коба-I (курган №47) на Алтае (Суразаков А.С., 1982, с. 126–127; Могильников В.А., 1990, с. 150–151); Бай-Тайга (59-3), Кокэль (курганы № 13, 23) в Туве (Вайнштейн С.И., 1966б, рис. 9, 19; Грач А.Д., 1966а, с. 96). Имеется также упоминание о стеле, расположенной с восточной стороны от кургана тюрок, исследованного на Абаканском чаатасе в Минусинской котловине (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984, с. 212). Только в двух случаях зафиксировано расположение балбалов с западной стороны от насыпи. Такая ситуация отмечена на памятниках Балык-Соок-I (курган № 23) на Алтае (Кубарев Г.В., 2005, табл. 144) и Уюк-Тарлык (курган №53) в Туве (Кызласов Л.Р., 1969, с. 23, сноска 53). Отметим, что в большинстве случаев объекты, рядом с которыми зафиксированы стелы или балбалы, не содержали «стандартного» погребения и относились к кенотафам, отдельным захоронениям лошадей или «ритуальным» курганам.

3. Каменные «кольца». Почти всегда расположены на небольшом расстоянии с восточной стороны от курганной насыпи и сгруппированы в ряд по линии юг–север (Приложение III, рис. 10.-2). Такая ситуация отмечена при исследовании ряда памятников тюрок в Юго-Восточном Алтае: Джолин-I (курган №9), Джолин-III (курган №2), Барбургазы-II (курган №9), Барбургазы-III (курган №7), Курай-II (курганы №1, 6), Курай-IV (курганы №1–3), Юстыд-I (курган №8), Юстыд-XII (курган №28) (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Кубарев Г.В., 2005, с. 16, табл. 14, 25, 57, 77), а также Дыттык-Чарык-Аксы (курган №1) в Туве (Трифонов Ю.И., 1975б, с. 236). Кроме того, на памятниках Урочище Балчикова-3 (курган №7) на Алтае (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118) и Хар-Ямаатын-Гол (курган №8) в Монголии (Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 299) зафиксировано расположение данных объектов полукругом или со всех сторон вокруг кургана. Количество каменных колец варьирует от 1 до 10. В ходе

исследования некоторых из них внутри были встречены угли и остатки кальцинированных костей животных.

4. Каменные выкладки округлой или подквадратной формы. Как правило, отмечен один такой объект, располагавшийся на небольшом расстоянии к востоку от курганной насыпи (Приложение III, рис. 11–12). Каменные выкладки обнаружены в ходе раскопок погребально-поминальных комплексов Барбургазы-II (курган №9), Урочище Балчикова-3 (курган №7), Чобурак-I на Алтае (Бородовский А.П., 1994, рис. 1, 2; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118; Кубарев Г.В., 2005, табл. 77) на Алтае; Дыттык-Чарык-Аксы (курган №1), Улуг-Бюк-II (курган №1) в Туве (Трифонов Ю.И., 1975б, с. 236; Длужневская Г.В., 2000, рис. 1). В большинстве случаев такие сооружения не содержали каких-либо находок, только в ряде случаев под камнями зафиксированы угли.

5. Миниатюрные каменные четырехугольные оградки. Расположены на небольшом расстоянии к востоку или к югу от курганной насыпи. Такие объекты встречены на памятниках Джолин-I (курган №9), Туекта (курган №5) на Алтае (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Кубарев Г.В., 2005, с. 373) и Кокэль (курган №13) в Туве (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 297, рис. 9). Раскопки оградок показали отсутствие материалов.

6. Небольшие каменные округлые или подквадратные «пристройки», располагавшиеся вплотную к ограде или крепиде кургана раннесредневековых тюрок (Приложение III, рис. 13). Такие сооружения встречены в ходе исследований на памятниках Бирюзовая Катунь-1, Урочище Балчикова-3 (курган №7) на Алтае (Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 340; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118), Дыттык-Чарык-Аксы (курган №2) в Туве (Трифонов Ю.И., 1975б, с. 236) и Увгунт в Монголии (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990, с. 7). Какие-либо находки внутри «пристроек» отсутствовали.

Обобщение имеющейся информации позволяет утверждать, что определенное количество курганов раннесредневековых тюрок, исследованных на территории Алтая, Тувы и, в меньшей степени, Минусинской котловины и

Монголии, сопровождалось «околокурганными» объектами. Нами учтены 37 подобных разноплановых комплексов. Наиболее сложным является решение вопросов, связанных с интерпретацией таких объектов. Несомненно, это требует проведения специальных исследований и осуществления реконструкции комплекса мировоззренческих представлений номадов. Поэтому в настоящей работе ограничимся лишь некоторыми наблюдениями и замечаниями.

На наш взгляд, важным моментом является то, что «околокурганные» сооружения во многом схожи с объектами, расположенными рядом с «поминальными» каменными оградками раннесредневековых тюрок, различные аспекты систематизации и анализа которых представлены в третьей главе диссертации. Наиболее распространенными являются каменные оградки без каких-либо внешних объектов. Далее, по степени убывания, рядом с ними фиксируются изваяния или стелы, балбалы и их сочетание, а также другие сооружения. Преобладает восточная ориентировка обозначенных объектов. Достаточно редкой характеристикой конструкции каменных оградок раннесредневековых тюрок являются «пристройки» (Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 51–53). Итак, выясняется, что организация сакрального пространства погребальных и «поминальных» комплексов в этом компоненте в значительной степени идентична. «Околокурганные» сооружения представлены балбалами, стелами, изваяниями, небольшими «пристройками». Несколько более редко зафиксированы каменные «кольца». Точно так же они, в большинстве случаев, все обозначенные конструкции расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана).

Не менее существенным показателем является то, что в достаточно часто «околокурганные» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, отдельными захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим

объясняется сходство в организации сакрального пространства этих объектов и «поминальных» оградок. *

Так или иначе, представленные наблюдения демонстрируют сложность погребально-поминальной обрядности тюрок. Наряду со «стандартными» погребальными сооружениями существовали объекты, по многим показателям сближавшиеся с «поминальными» комплексами, но расположенные в составе некрополей номадов раннего средневековья.

2.1.2. Наземные и внутримогильные конструкции

Отечественными и зарубежными исследователями выработаны различные подходы к изучению погребальных сооружений. Одним из эффективных методов является классификация, традиционно используемая в археологии для анализа предметного комплекса древних и средневековых обществ. В последние десятилетия такой подход активно применяется и при рассмотрении погребальных конструкций различных культур. В настоящей работе использована классификационная схема, основанная на шестичленном делении материала. Каждая таксономическая единица включает в себя характеристику признаков в зависимости от степени всеобщности для обозначенной категории (Кызласов И.Л., 1983, с. 10). Таким образом, уровни классификационной схемы наполняются по принципу от наиболее общих к изменчивым чертам. Такой вариант группировки при изучении погребальных сооружений был впервые апробирован на материалах Алтая раннескифского времени (Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43–49) и в дальнейшем последовательно использовался в ходе анализа памятников культур региона поздней древности и раннего средневековья (Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 128–136; Кондрашов А.В., 2004а, с. 13–14; Матренин С.С., 2005б; Дашковский П.К., Шмидт В.К, 2005; Серегин Н.Н., 2009). Его важным

* Опыт систематизации кенотафов, а также основные вопросы интерпретации «ритуальных» курганов раннесредневековых тюрок представлены в параграфах 2.2 и 2.3.

преимуществом является возможность добавления новых признаков и использования разработанной классификационной схемы на более широком материале в хронологическом и территориальном плане. Эффективность обозначенного подхода также определяется тем, что у исследователя появляется возможность одновременного анализа наземных и подкурганных построек в рамках общей системы таксономических единиц (Матренин С.С., 2005б, с. 106). Кроме того, на основе классификации погребальных сооружений возможно построение схемы их типологического развития.

Начальный этап исследования по систематизации элементов погребальных сооружений раннесредневековых тюрок Центральной Азии представлял собой выделение наиболее показательных и надежно фиксируемых признаков для наполнения ими таксономических уровней (Серегин Н.Н., 2009) (Приложение II, схема 1).

I. Категория – группа объектов одного, или предположительно одного, функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с. 379). В данном случае подразумеваются погребальные сооружения раннесредневековых тюрок Центральной Азии как совокупность наземных и внутримогильных конструкций.

II. Группа – определяет форму курганной насыпи (округлая или подквадратная) без конкретизации материала, а также фиксирует случаи отсутствия надмогильного сооружения.

III. Разряд – данная таксономическая единица отражает наличие или отсутствие каменной выкладки (крепиды или ограды-стенки) по периметру курганной насыпи.

IV. Раздел – фиксирует наличие или отсутствие внутримогильной конструкции в виде перегородки.

V. Отдел – определяет конструктивные особенности могильной ямы: 1) простая яма с отвесными стенками; 2) яма с приступкой; 3) яма с уступами по всем стенкам; 4) яма с подбоем; 5) сочетание подбоя с приступкой. Также в

данной таксономической единице учитываются случаи погребения в скальной нише (6).

Va. Подотдел – учитывает наличие или отсутствие перекрытия могильной ямы.

VI. Тип – фиксирует наличие или отсутствие различных видов погребальной камеры для человека или сопровождавшего его животного.

Помимо приведенных признаков, на описательном уровне рассматривались и дополнительные элементы погребальных сооружений. Они не были включены в классификационную схему в связи с тем, что эти конструкции характеризуются условностью фиксации. К таковым, преимущественно, относятся деревянные сооружения, связанные с оформлением погребальной камеры (настил из веток, подстилка из плах и др.). Кроме того, уточняются виды и структура основных элементов погребальных сооружений. Каменная выкладка представлена крепидой и оградой; внутримогильное сооружение или перегородка могла быть каменной, деревянной, грунтовой, также встречаются сочетания (каменно-деревянная, грунтовая и деревянная); таким же образом варьировался материал, используемый для перекрытия могильной ямы (каменное, деревянное, каменно-деревянное). Разновидностями погребальной камеры являются каменный ящик или его имитация, гроб, колода, каменная обкладка, сочетание сруба с каменной обкладкой, сочетание каменного ящика с каменной обкладкой. На этом уровне описания учитывалось также предназначение отдельных конструкций. К примеру, приступка на дне могильной ямы и подбой сооружались как для человека, так и для лошади.

Источниковую базу исследования составили 319 (100%) погребений, раскопанных на территории Алтая (146 объектов), Тувы (60 объектов), Минусинской котловины (86 объектов) и Монголии (27 объектов). Помимо «стандартных» погребений анализу были подвергнуты памятники, которые могут быть интерпретированы как кенотафы и «самостоятельные» захоронения лошадей. Часть курганов не была включена в выборку в силу таких причин, как отсутствие необходимой информации, значительная степень разрушенности и

др. Для сравнения привлекался широкий круг материалов, полученных в ходе раскопок раннесредневековых комплексов кочевников на сопредельных территориях (Лесостепной Алтай, Тянь-Шань, Восточный Казахстан).

В результате проведенного анализа выделен 51 тип погребальных сооружений кочевников раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Приложение II, схема 1). В данном случае под типом понимается уже не таксономическая единица, а общее понятие, служащее для обозначения совокупности памятников, имеющих одинаковый набор всех выделенных признаков (Грязнов М.П., 1969, с. 19–20). Выделяется несколько групп типов, неравнозначных по количеству относящихся к ним объектов. В первую группу (63,6%) включены 11, 20, 24, 30, 33 и 48 типы, каждый из которых насчитывает от 19 до 95 памятников. От трех до 8 объектов включают 13 типов, отнесенных ко второй группе (21%). Остальные 32 типа являются единичными, включая одно или два погребения. На их долю приходится 15,4% памятников анализируемой серии. Они определяют некоторые специфические черты обряда, отразившиеся, в том числе, и в форме погребальных сооружений. Далее приведены и кратко охарактеризованы наиболее распространенные типы конструкций, относящиеся к первой группе.*

Тип 11 (24 объекта, 7,52%). Памятники данного типа характеризуются округлой насыпью с каменной выкладкой по периметру и простой могильной ямой под наземной конструкцией: Балык-Соок-I (курган №18) (Кубарев Г.В., 2005), Аймырлыг V-5 (Овчинникова Б.Б., 2004), Белый Яр-II (курган №1, м. 4) (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999) и др. (Приложение III, рис. 14). Погребения с обозначенными характеристиками раскопаны на всех территориях распространения культуры раннесредневековых в Алтае-Саянском регионе, при этом в Минусинской котловине они встречены реже и не зафиксированы на территории Монголии.

* Типы погребальных сооружений первой, второй и третьей групп, а также полный перечень объектов, к ним отнесенных, представлены в Приложении I (с. 112–117).

Тип 20 (19 объектов, 5,95%). Его отличительными чертами являются округлая насыпь и перегородка, разделяющая простую могильную яму на две части: Барбургазы-I (курган №20) (Кубарев Г.В., 2005), Саглы-Бажи (курган №22) (Грач А.Д., 1968б), Тепсей-III (курган №36) (Комплекс археологических…, 1979), Сыргаль-III (курган №3) (Баярхүү Н., Төрбат Ц., Жискар П.Х., 2017) и др. (Приложение III, рис. 11). Такие объекты зафиксированы, преимущественно, на Алтае и в Туве.

Тип 24 (20 объектов, 6,27%). Представлен памятниками, имеющими округлую курганную насыпь, могильную яму с приступкой по одной из стенок и внутримогильную конструкцию в виде перегородки: Кара-Коба-I (курган №75) (Могильников В.А., 1990), Катанда-III (курган №3) (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997), Ибыргыс-Кисте (курган №4) (Худяков Ю.С., 2004), Сыргаль-II (курган №5) (Баярхүү Н., Төрбат Ц., Жискар П.Х., 2017) и др. (Приложение III, рис. 15). Погребения с таким набором черт характерны для раннесредневековых тюрок Алтая и Минусинской котловины, и более фрагментарно зафиксированы в Туве и Монголии.

Тип 30 (95 объектов, 29,8%). Основными его признаками являются простая могильная яма, над которой сооружалась насыпь округлой формы: Верх-Еланда-I (курган №4) (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990), Кокэль (курган №2) (Вайнштейн С.И., 1966б), Усть-Тесь (курган №2) (Киселев С.В., 1929; Евтюхова Л.А., 1948), Овор Хавцал (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010) и др. (Приложение III, рис. 16). Отличаясь наибольшей простотой в оформлении наземных и подкурганных конструкций, погребения данного типа широко распространены во всех частях Центральной Азии.

Тип 33 (24 объекта, 7,52%). Отличается от наиболее массового типа наличием приступки: Бажынты (курган №29) (Суразаков А.С., 1982), Кудыргэ (курган №10) (Гаврилова А.А., 1965), Ибыргыс-Кисте (курган №2) (Худяков Ю.С., 2004), Угемур (курган №2) (Олзийбаяр С., 2007) и др. (Приложение III, рис. 17). Чаще всего встречается при исследовании памятников

раннесредневековых тюрок Алтая, однако зафиксирован также в Туве, Минусинской котловине и Монголии.

Тип 48 (21 объект, 6,58%). К памятникам данного типа относятся впускные погребения без дополнительных конструкций: Бертек-27 (Савинов Д.Г., 1994б), Тянгыс-Тыт (курган №4) (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998), Кирбинский Лог (курган №3, м. 2) (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988), Бурхан-толгой (курган №25) (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003) и др. (Приложение III, рис. 18). Такие объекты распространены в наибольшей степени на Алтае и в Минусинской котловине.

Систематизация материалов, полученных при изучении памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, позволила обозначить степень встречаемости отдельных конструктивных элементов погребальных сооружений, а также сравнить степень их распространения в различных частях рассматриваемого региона (Приложение II, табл. 1).

Курганная насыпь зафиксирована при изучении абсолютного большинства объектов раннего средневековья на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. По своей структуре она чаще всего была каменной, реже – каменно-земляной, имеются различия в ее параметрах и структуре. Основное разделение надмогильных сооружений производилось по форме. В большинстве случаев фиксируются округлые конструкции (Приложение III, рис. 19), однако зафиксированы и подквадратные насыпи (Приложение III, рис. 20), распространенные, преимущественно, в Минусинской котловине (17,44%) и встречающиеся на Алтае (3,42%) и Монголии (3,7%). В целом, такие сооружения не характерны для раннесредневековых тюрок. Не исключено, что их появление обусловлено контактами с кыргызами или кимаками (Худяков Ю.С., 2004, с. 48; Кубарев Г.В., 2005, с. 15). Большое количество подквадратных насыпей в погребальной практике тюрок Тянь-Шаня связывается с традициями, существовавшими в раннем железном веке (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 25). Похожие конструкции встречены при исследовании памятников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени на различных территориях (Бобров В.В.,

Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 4; Матренин С.С., 2005б, с. 111–112). Значительный интерес для изучения особенностей распространения подквадратных насыпей представляют результаты недавних раскопок на территории Монголии (Эрдэнэбат У. и др., 2011). Судя по приведенным фотографиям и иллюстрациям, исследованные подквадратные наземные конструкции могильника Олон Дов весьма схожи с теми, что зафиксированы на памятниках тюрок. По мнению авторов раскопок, данные объекты могут являться частью кладбища уйгуров и датируются VIII–IX вв. (Эрдэнэбат У. и др., 2011, т. 167). Вероятно, результаты дальнейших работ в различных районах Монголии будут способствовать уточнению представлений о хронологии и культурной принадлежности раннесредневековых погребальных комплексов с подквадратными наземными конструкциями.

На всех территориях распространения культуры раннесредневековых тюрок в Центральной Азии зафиксирована традиция сооружения ***каменной выкладки*** по периметру курганной насыпи (Приложение III, рис. 21). Выделяется две ее разновидности: ***крепида*** (крупные камни, положенные, преимущественно, в один слой), и ***ограда-стенка*** (два и более слоев). Последняя распространена в Туве (18,33%) и более редко встречена на Алтае и в Минусинской котловине (7,53% и 4,65% соответственно). Крепида в обозначенных регионах фиксируется почти в равной степени (от 15% до 20%), и единично отмечена в Монголии (7,54%). Обратим внимание на то, что возможность обнаружения каменой выкладки (особенно ограды-стенки) серьезным образом зависит от методики раскопок памятника (Трифонов Ю.И., 1975а, с. 185; 1985, с. 71), а также от степени сохранности курганной насыпи. В целом же надмогильные сооружения раннесредневековых тюрок Центральной Азии, в большинстве случаев, представлены округлой насыпью без каких-либо конструктивных решений, значительно реже встречена округлая насыпь с крепидой или оградой-стенкой.

Одной из сравнительно редких характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок является сооружение ***перекрытия могильной ямы*** (Приложение III, рис. 9.-1). На Алтае и в Туве такие конструкции чаще всего

были каменными, а в Минусинской котловине – деревянными. В ряде случаев зафиксированы каменно-деревянные сооружения. Уточним, что деревянные перекрытия могли сооружаться чаще, однако фиксация их затруднена вследствие плохой сохранности таких конструкций.

Под курганной насыпью чаще всего обнаружена ***простая могильная яма*** с отвесными или несколько сужающимися стенками. Такая ситуация зафиксирована при изучении большинства погребений тюрок Алтая (74,65%), Тувы (76,66%), Минусинской котловины (66,27%) и Монголии (70,37%). Другим вариантом оформления ямы было сооружение ***приступки*** вдоль одной из ее стенок (Приложение III, рис. 21–22). Обозначенный элемент погребальных сооружений является одним из показателей взаимодействия тюрок с племенами Лесостепного Алтая при формировании сросткинской культуры (Кондрашов А.В., 2004а, с. 14). Тюрками Центральной Азии приступка чаще всего сооружалась для лошади, однако встречаются и случаи помещения туда человека. Подобная ситуация не зафиксирована в Туве, единична на Алтае (2,05%), однако достаточно широко распространена среди памятников Минусинской котловины (12,79%) и Монголии (14,81%). Такое использование приступки встречается и в погребальной обрядности тюрок Тянь-Шаня (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 21; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, с. 58). Единичной чертой обряда можно считать уступы по всем стенкам ямы (так называемые заплечики), зафиксированные лишь однажды на территории Алтая. Обозначенный элемент погребального сооружения в период раннего средневековья получил распространение в среде кимаков Восточного Казахстана (Арсланова Ф.Х., 1987, с. 55).

Элементом погребальных сооружений, характеризующим обряд тюркских племен Центральной Азии, была ***перегородка***, отделявшая человека от лошади (Приложение III, рис. 22–23). Данный вариант оформления внутримогильного сооружения является наиболее распространенным для памятников раннего средневековья Тувы (40%), и реже, почти в равной степени, встречен в ходе раскопок погребений Алтая (26,02%), Минусинской котловины (24,41%) и

Монголии (18,51%). Населением культуры тюрок чаще всего сооружалась каменная перегородка, более фрагментарно зафиксированы деревянные и грунтовые конструкции, а также сочетание различных материалов. Обратим внимание на то, что данный элемент погребальных сооружений, наряду с приступкой, является одним из ярких признаков обряда раннесредневековых тюрок, представляя собой вариант оформления сопроводительного захоронения лошади.

Наиболее вариабельной характеристикой обрядовой практики тюрок Центральной Азии является устройство ***погребальной камеры***. При этом в абсолютном большинстве могил какие-либо конструкции отсутствовали. «Классические» сооружения, характерные для культур населения рассматриваемого региона начиная с раннескифского времени, встречены весьма редко. Погребальная камера в виде ***каменного ящика*** зафиксирована при исследовании погребений Алтая (3,42%) и Тувы (10%) (Приложение III, рис. 24–25). ***Гроб***, обнаруженный при исследовании ряда объектов в Минусинской котловине (5,81%) и дважды в Монголии (7,4%), в других регионах встречен только по одному разу. В ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрок зафиксированы также такие варианты оформления погребальной камеры, как ***колода, каменная обкладка*** и сочетание различных конструкций. Достаточно редко встречены настил из веток, подстилка из плах, «гроб» из прутьев акации. Интересным компонентом ритуала было помещение в могилу каменной «подушки». Обозначенная ситуация характерна для погребальной практики кочевников раннего железного века, а в период раннего средневековья наиболее часто фиксируется в памятниках тюрок Минусинской котловины (8,13%).

Анализ встречаемости различных типов конструкций не позволил выявить четких закономерностей, связанных с хронологическими или территориальными показателями. Некоторые тенденции, отмечаемые в материалах отдельных некрополей, не находят подтверждения при рассмотрении всех памятников. Исключение составляет традиция сооружения впускных погребений, особенности распространения которых обозначены далее. Возможно, такая

ситуация связана с определенной спецификой источниковой базы. Одной из ее характеристик является принадлежность большинства памятников к катандинскому и туэктинскому этапам развития культуры тюрок (вторая половина VII – первая половина IX вв.).

Обратим внимание на то, что две трети погребений раннесредневековых тюрок относится к небольшой группе выделенных типов. Это характеризует определенную монолитность рассматриваемой общности. Важно также отметить, что обозначенный показатель является косвенным свидетельством достаточно высокого уровня консолидации населения, особенно если учесть различную историческую ситуацию, сложившуюся на отдельных территориях распространения культуры.

Особые группы погребений раннесредневековых тюрок представляют впускные и скальные захоронения, рассмотренные отдельно. Кроме того, специального анализа требуют могилы с подбоем. Возможности интерпретации комплексов с обозначенными характеристиками представлены далее.

2.1.3. Погребения в подбое

Одним из вариантов оформления могильной ямы в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии являлось сооружение в одной из ее стенок погребальной камеры в виде ниши (Приложение III, рис. 26–28). Специфика захоронений в подбое, а также комплекс дискуссионных вопросов, связанных с интерпретацией таких объектов, потребовали их специального рассмотрения (Серегин Н.Н., 2012г).

Подбой может быть определен как вариант оформления погребальной камеры, предполагающий сооружение в боковой стенке могильной ямы ниши для помещения туда умершего человека, животного, предметов сопроводительного инвентаря, остатков тризны и др. В археологической литературе достаточно подробно рассмотрены различные конструкции подбоев, обозначены признаки, отличающие данные сооружения от катакомб, а также

представлены некоторые проблемы семантики указанной традиции (Соенов В.И., 1993, с. 50; Смирнов Ю.А., 1997, с. 218; Миняев С.С., 2001, с. 128; Флеров В.С., 2007, с. 82–102; и др.), что позволяет не останавливаться на этом дополнительно. При изучении имеющихся исследований становится очевидным, что историко-культурная интерпретация подбоя различна для конкретных территорий и хронологических периодов. Нельзя исключать единый исток традиции сооружения таких конструкций, однако очевидно, что дальнейшее их распространение было обусловлено специфичными процессами для отдельных обществ. Далее представлены возможности интерпретации погребений с подбоем в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Различные аспекты изучения места погребений с подбоем в культуре тюрок, а также других общностей раннесредневековых номадов неоднократно затрагивались в работах целого ряда археологов. Не останавливаясь подробно на всех нюансах историографии, которая представлена в первой главе диссертации, обозначим основные взгляды исследователей, определивших современные представления об интерпретации данного элемента обрядовой практики кочевников региона.

Одной из наиболее распространенных является точка зрения о том, что раннесредневековые погребения в подбоях, исследованные на территории Центральной Азии, связаны с уйгурами. Основанием для такого предположения стали работы Л.Р. Кызласова (1969, с. 56–87; 1981), в которых археолог отнес к памятникам обозначенной общности номадов захоронения в катакомбах могильников Чааты-I и II в Туве. Впоследствии данная позиция получила поддержку и развитие в работах ряда исследователей. Тезис о том, что погребения в подбоях в культуре раннесредневековых тюрок Тувы являются результатом влияния уйгуров, последовательно представлялся в публикациях Б.Б. Овчинниковой (1982, с. 217; 1983, с. 65; 1984, с. 219). В работах других археологов такой вариант интерпретации могил с боковой нишей распространялся и на памятники сопредельных территорий (Савинов Д.Г., 1984,

с. 93; Нестеров С.П., 1985, с. 118; Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 211–212; и др.).

Следует подчеркнуть, что веских аргументов в пользу обозначенной гипотезы, помимо утверждения об уйгурской принадлежности комплекса Чааты, высказано не было. Вместе с тем, такая атрибуция указанного памятника представляется в настоящее время, по меньшей мере, неоднозначной. Впервые вопрос о пересмотре датировки и этнокультурной принадлежности комплекса Чааты, предложенной Л.Р. Кызласовым, был поднят О.Б. Варламовым (1987). По мнению исследователя, объекты указанного некрополя относятся к хуннуско-сяньбийско-жужанскому времени, а зафиксированная специфика погребального обряда (сооружение катакомбы под земляным курганом, кольцевая деформация черепов умерших и др.) указывает на западные аналогии. В развернутом виде данная точка зрения представлена в работе Ю.С. Худякова (2006, с. 80–88). Исследователь предложил рассматривать могильники Чааты-I и II в рамках самостоятельной археологической культуры второй четверти – середины I тыс. н.э. Происхождение традиций, зафиксированных в материалах данных памятников, Ю.С. Худяков (2006, с. 83) связал с пришлым этносом, мигрировавшим на территорию Тувы из южных районов Центральной Азии. Предлагались и другие варианты интерпретации чаатинского комплекса (Азбелев П.П., 1991; Савинов Д.Г., 2006). Что касается концепции Л.Р. Кызласова, то в последнее десятилетие она продолжает упоминаться (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 142–143), однако в большей степени рассматривается уже только в историографическом плане (Ховалыг У.Т., 2010, с. 46–48).

В такой ситуации несколько более обоснованной выглядит позиция ряда археологов, предполагающих связь подбойных погребений раннесредневековых тюрок с традициями, характерными для населения Средней Азии предшествующего времени. Отмечено, что на территории Тянь-Шаня могилы с боковой нишей фиксируются в памятниках раннего железного века, однако захоронения лошади не получили распространения. Поэтому погребения в

подбое и в сопровождении животного, исследованные в указанном регионе, могут являться результатом смешения местного населения и пришлых центрально-азиатских племен кочевников (Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А., 1996, с. 62; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 25). Возможное происхождение раннесредневековых погребений с подбоем Тувы из Средней Азии или малоисследованных районов запада Центральной Азии отметил С.С. Миняев (2001). При этом исследователь подчеркнул, что уже в хуннуское время подобные объекты получили распространение на обширных территориях, что, вероятно, демонстрирует традиции определенной группы населения. Своего рода развитием обозначенных точек зрения является предположение Г.В. Кубарева (2005, с. 20) о том, что появление подбоев в культуре раннесредневековых кочевников Алтае-Саянского региона обусловлено контактами с группами населения «западных» тюрок. В качестве подтверждения исследователь привел указанные выше материалы погребений с лошадью, раскопанных на территории Тянь-Шаня.

В целом, вопросы интерпретации раннесредневековых погребений в подбое в культурах раннесредневековых кочевников Центральной Азии остаются открытыми. Уточнение имеющихся представлений требует проведения специального исследования с учетом всех показателей, характерных для таких памятников.

В письменных источниках не содержится информации о сооружении подбоя в обряде какой-либо общности номадов Центральной Азии раннего средневековья (Серегин Н.Н., 2012г). Имеются сведения о том, что в более позднее время (в середине XIII в.) для погребения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу (подбой?) (Джиованни дель Плано Карпини, 1957, с. 32–33). На основании этих материалов некоторые исследователи называют захоронения в подбое, раскопанные на различных территориях, среди отличительных признаков обрядности монголов (Федоров-Давыдов Г.И., 1966, с. 159–161; Именхоев Н.В., Коновалов П.Б., 1985, с. 83–84). Вместе с тем, приведенные данные мало применимы для атрибуции

памятников второй половины I тыс. н.э., учитывая сложные этнокультурные процессы, происходившие в рассматриваемом регионе в указанный период. Поэтому единственным источником в данном случае являются погребальные комплексы раннего средневековья.

Рассмотрение опубликованных и частично введенных в научный оборот материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволило выявить ряд захоронений в подбое (Серегин Н.Н., 2012г). Наибольшее распространение такие объекты получили в Туве (16,66% от учтенных объектов) (Трифонов Ю.И., 1975б, с. 236–237; Овчиникова Б.Б., 1982, с. 210–212, рис. 1; 1990, рис. 1; 2004, с. 88–108; Длужневская Г.В., 2000, с. 179; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 127; и др.) (Приложение III, рис. 27) и Минусинской котловине (16,27%) (Евтюхова Л.А., 1948, с. 61–62, рис. 112; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1–4; Худяков Ю.С., 1999, с. 23; 2004, с. 28–32) (Приложение III, рис. 28). Два подобных захоронения зафиксированы в Монголии (Худяков Ю.С., Цэвендорж Д., 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004, с. 177) и только одно – на Алтае (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 73, рис. 6) (Приложение III, рис. 26).

Рассмотрим основные показатели погребальных сооружений, характерные для захоронений раннесредневековых тюрок в подбоях. При исследовании памятников Тувы и Алтая фиксируется корреляция могил с боковой нишей с наземными конструкциями в виде крепиды или ограды. Такие сооружения возведены над всеми погребениями в подбое на указанных территориях. Данный показатель не выглядит случайным, учитывая то, что подобные сложные надмогильные конструкции характерны только для 22–28% памятников раннесредневековых тюрок Алтая и Тувы (Серегин Н.Н., 2009, табл. 1). Значительно реже крепида или ограда возводились над могилами с подбоем, исследованными в Минусинской котловине. Другой отличительной характеристикой комплексов обозначенного региона является распространение

впускных погребений, большая часть которых включала захоронение в боковой нише (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1–4).

Характерным признаком захоронений в подбое, зафиксированным при исследовании разновременных комплексов на обширных территориях, является отделение входа в нишу стенкой из различных материалов (Федоров-Давыдов Г.В., 1966, с. 124; Левина Л.М., 1996, рис. 55; Корусенко М.А., 2003, рис. 37; и мн. др.). Такая ситуация фиксируется и в результатах раскопок памятников раннесредневековых тюрок. В Туве почти во всех могилах подбой был закрыт каменной стенкой, в одном случае дополненной перегородкой из деревянных кольев (Овчинникова Б.Б., 1982, рис. 1). Гораздо большая вариабельность таких конструкций зафиксирована в ходе раскопок на территории Минусинской котловины. Перегородки, отделявшие захоронение в подбое на памятниках этого региона, были каменными (Худяков Ю.С., 2004, с. 28–29), деревянными (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1–4), представляли собой грунтовую перемычку (Евтюхова Л.А., 1948, с. 61–62, рис. 112; Худяков Ю.С., 1999, с. 23) или вообще отсутствовали (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 3.-3; Худяков Ю.С., 2004, с. 30). Не встречено каких-либо дополнительных конструкций и при исследовании погребения в боковой нише в Монголии (Худяков Ю.С., Цэвендорж Д., 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004, с. 177) и на Алтае (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, рис. 6).

Подбой обычно сооружался для помещения туда умершего человека. Исключение составляют два погребения, исследованные на могильниках Терен-Кель (Минусинская котловина) и Бурхан-толгой (Монголия), где в боковой нише могильной ямы находилась лошадь (Худяков Ю.С., 1999, с. 23; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004, с. 177) (Серегин Н.Н., 2016в).

Анализ обозначенных комплексов позволяет заключить, что совершение захоронения в подбое происходило в полном соответствии с общей концепцией обряда раннесредневековых тюрок. Каких-либо отклонений в традициях погребального ритуала, а также характерном для раннесредневековых тюрок

составе сопроводительного инвентаря при исследовании могил с боковой нишей не зафиксировано. Важно отметить, что на территории Монголии, Алтая и Минусинской котловины захоронения в подбое раскопаны на могильниках в одной группе с «обычными» объектами (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 108; Худяков Ю.С., 2004, с. 28–32). Все это позволяет утверждать, что погребения в боковой нише не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежали определенной группе населения в рамках археологической культуры раннесредневековых тюрок.

Анализ имеющихся материалов позволяет обозначить два основных варианта объяснения появления могил с подбоем в обрядовой практике номадов рассматриваемой общности. Выше отмечалось, что традиция совершения захоронений в боковой нише фиксируется в памятниках предшествующего хронологического периода. Поэтому не исключено, что обозначенный элемент погребального обряда раннесредневековых тюрок уходит корнями в культурные традиции населения Центральной Азии и сопредельных территорий хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Действительно, захоронения в подбое встречены при исследовании памятников кокэльской (Николаев Н.Н., 2001, с. 10), булан-кобинской (Матренин С.С., 2005б, с. 111) культур и грунтовых могильников тесинского этапа (Савинов Д.Г., 2009, с. 73). На более отдаленных территориях Средней Азии подобные объекты также получили распространение (Горбунова Н.Г., 1991). Очевидные черты преемственности с традициями более раннего времени, фиксирующиеся в материалах археологических комплексов тюрок (Савинов Д.Г., 1998; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б) являются косвенным подтверждением данной точки зрения.

Вместе с тем, предположение о генетической преемственности раннесредневековых подбойных погребений Центральной Азии с памятниками предшествующего периода имеет и слабые стороны. Захоронения в боковой нише не встречены в ходе раскопок памятников начальных этапов в развитии

культуры тюрок. Наиболее ранние подбойные погребения данной общности, датируются второй половиной VI – первой половиной VII вв., однако исследованы такие объекты на территории Тянь-Шаня (Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83, рис. 44–45). В памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии захоронения в боковой нише фиксируются несколько позже. Хронология большей части подбойных погребений тюрок определяется в рамках второй половины VII – VIII вв. Поэтому нельзя исключать, что рассматриваемый показатель обряда является для культуры номадов новацией, привнесенной на определенном этапе развития данной общности в результате этнокультурных контактов с какой-либо группой населения.

Однозначное заключение в данном случае являлось бы явно преждевременным. И все же, в свете известных материалов раскопок археологических комплексов Центральной Азии различных хронологических периодов, первое из высказанных предположений выглядит более предпочтительным. В распоряжении археологов нет сведений о том, что захоронения в боковой нише связаны с какой-либо конкретной этнической группой, чего, безусловно, нельзя исключать. Между тем, погребения с подбоем исследованы на памятниках региона раннескифского (Демин М.А., Шульга П.И., 1995, с. 98–101; Тишкин А.А., 1996, с. 24, рис. 13; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 59), скифо-сакского (Могильников В.А., 1983, с. 53–54; 1994, с. 36–38; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 134) и хуннуско-сяньбийско-жужанского (Комплекс археологических памятников, 1979, с. 80, рис. 53; Соенов В.И., 2000, с. 48–49, рис. 5, 6; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2011, с. 96) периодов. Во всех общностях указанного времени захоронения в боковой нише представляют собой незначительное меньшинство, однако это не является основанием для утверждения о том, что такие комплексы являются инокультурными. Скорее это может демонстрировать присутствие во многих объединениях номадов Центральной Азии некоего компонента, не имевшего доминирующего значения, но сохранявшегося на протяжении длительного промежутка времени.

Подчеркнем, что данное утверждение в настоящее время можно рассматривать только как рабочую гипотезу.

Вероятно, такая сравнительно немногочисленная группа, хоронившая умерших в подбоях, присутствовала и среди раннесредневековых тюрок. Судя по материалам раскопок на территории Центральной Азии, представители данного населения имели в обществе раннесредневековых номадов различный статус. Наиболее монолитно выглядят погребения с подбоем, исследованные в Туве. Здесь они сконцентрированы на нескольких некрополях, расположенных достаточно компактно в центральной части региона. Очевидно, данные памятники не связаны с представителями элиты социума раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 119–126; 2013к). Однако следует согласиться с Б.Б. Овчинниковой (1983; 1984) в том, что большая часть тувинских захоронений в подбое принадлежит профессиональным воинам, в том числе командовавшим подразделениями различного уровня. Совершенно иная ситуация характерна для погребений в боковой нише, раскопанных на территории Среднего Енисея. Подбойные захоронения тюрок в Минусинской котловине расположены дисперсно и встречены на могильниках, исследованных во всех частях региона. Социальный статус погребенных различен, однако очевидно, что значительная часть объектов оставлена населением, не отличавшимся при жизни высоким положением. Наиболее «инородной» рассматриваемая традиция выглядит на Алтае. Единственное достоверно известное погребение в подбое исследовано в группе наиболее южных комплексов указанного региона.* Учитывая то, что данную зону можно назвать контактной, не исключено, что появление подбоя в данном случае связано с влиянием других групп населения.

Обратимся к материалам раскопок погребений в подбое, полученным на сопредельных территориях (Серегин Н.Н., 2012г). Достаточно немногочисленны захоронения в боковой нише в культуре кимаков Восточного Казахстана. Подобные объекты исследованы на памятниках Акчий-I–III, Ахмирово-I,

* Имеется также указание на погребение с подбоем на могильнике Талдуаир-I (Кубарев Г.В., 2005, с. 377, табл. 97), однако описание данной конструкции и отражение ее в иллюстрациях отсутствуют.

Зевакино, Карашат-I–II, Когалы-II, Кондратьевка (Ахинжанов С.М. и др., 1987; Суворова Г.И., Ткачев А.А., 1995; Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998; Арсланова Ф.Х., 1998). Во всех случаях подбойные погребения зафиксированы на некрополях, основную часть которых составляют захоронения в простых могильных ямах. Отмечены немногочисленные случаи, когда рассматриваемые объекты содержали «выдающийся» сопроводительный инвентарь и являлись центральными, что является одним из свидетельств высокого прижизненного статуса умерших (Ахинжанов С.М. и др., 1987, с. 186–190, рис. 96–97). Однако чаще наблюдается обратная ситуация. Значительная часть подбойных погребений кимаков Восточного Казахстана представляют собой захоронения рядовых членов социума. Зафиксировано также сооружение ниши в могилах, включавших «бедный» сопроводительный инвентарь и принадлежавших, судя по ряду признаков, представителям населения с низким статусом (Ахинжанов С.М. и др., 1987, с. 161–168). Подбойные погребения, раскопанные в различных районах Средней Азии, близкие по обряду комплексам раннесредневековых тюрок, также не отличаются богатством сопроводительного инвентаря (Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83, рис. 44–45; Винник Д.Ф., 1963, с. 87–88, рис. 15–16; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, рис. 35; и др.).

Символическое значение погребений в подбое в традициях раннесредневековых тюрок, в связи со слабой степенью изученности системы мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников, остается дискуссионным. Исходя из общей логики погребального обряда номадов, подбой мог в более усложненной форме, чем простая перегородка, демонстрировать отделение умершего человека от находящейся рядом лошади. Другое объяснение может быть связано со стремлением создания «тайного» погребения, позволяющего избежать осквернения могилы в случае ограбления.

В целом, исследование всех показателей подбойных погребений Центральной Азии показало, что специфика таких объектов по отношению к другим комплексам раннесредневековых тюрок сильно преувеличена. Установлено, что зафиксированные характеристики захоронений в боковой

нише соответствуют канонам обряда, характерным для традиций рассматриваемой общности. Судя по рассмотренным материалам, погребения с подбоем связаны с определенной группой населения, имевшего в обществе тюрок различный статус. Данный вывод соответствует сложившимся представлениям о полиэтничном составе кочевых империй Центральной Азии раннего средневековья, объединявших в рамках одной общности носителей различных, хоть и чаще всего близких, культурных традиций. Дальнейшее исследование проблемы происхождения обычая захоронений в подбое в обрядовой практике населения региона имеет большие перспективы, учитывая значимость данного показателя для этнической идентификации памятников развитого средневековья и более позднего времени, исследованных на обширных территориях.

2.1.4. Впускные погребения

Помимо курганных объектов, являющихся наиболее распространенным типом памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, зафиксированы ***впускные погребения***, характеризующиеся отсутствием надмогильных сооружений (Серегин Н.Н., 2016б) (Приложение III, рис. 29–32). На рассмотрении специфики таких памятников остановимся более подробно.

В большинстве работ, посвященных изучению различных элементов погребального обряда тюрок, впускные погребения обычно не выделяются и рассматриваются наряду со «стандартными» памятниками. Значительно реже специалисты обращали внимание на изучение отдельных, как правило, специфичных, объектов, материалы которых способствовали рассмотрению актуальных вопросов раннесредневековой археологии (Грач В.А., 1982; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б). Подробную характеристику впускных погребений, исследованных на юге Минусинской котловины, представил Д.Г. Савинов (1988). В частности, исследователь обратил внимание на привилегированное положение умерших (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 234). Напротив,

низкий социальный статус людей, захороненных в таких памятниках на территории Алтая, подчеркнул Г.В. Кубарев (2005, с. 25). Археолог, выделив рассматриваемые объекты во второй тип погребений, отметил скудный сопроводительный инвентарь, обнаруженный при их исследовании. Ниже представлены основные аспекты интерпретации особенностей реализации обозначенной традиции.

Впускные погребения получили наибольшее распространение в раннем средневековье на территории Алтая (Серегин Н.Н., 2016б). В этом регионе зафиксировано 15 таких объектов, что составляет более 10% от общего количества учтенных нами могил раннесредневековых тюрок на обозначенной территории. Несколько меньше впускных погребений исследовано в Минусинской котловине – 11 (почти 13%), Монголии – 2 (7,4%) и Туве – 1 (1,66%). Все рассматриваемые памятники «впущены» в курганы, относящиеся к скифо-сакскому времени. Чаще всего впускное погребение находилось под насыпью более раннего памятника. В этих случаях рассматриваемые объекты располагались на различной глубине, нередко в заполнении могильной ямы основного погребения. Также впускные могилы сооружались непосредственно в насыпях крупных курганов (Гаврилова А.А., 1965, с. 68–69; Грач В.А., 1982, с. 156; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 83; Кубарев Г.В., 2005, с. 368). Анализ внутримогильных конструкций, зафиксированных в ходе раскопок рассматриваемых памятников, позволяет условно выделить три основных варианта их оформления. Наиболее распространенным являлось сооружение простой могильной ямы без дополнительных конструкций. Такие объекты встречены в ходе раскопок ряда памятников на Алтае, в Минусинской котловине и Монголии (Гаврилова А.А., 1965, с. 68–69; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129–130, рис. 4; Кубарев В.Д., 1985, рис. 9; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 2.-3; Савинов Д.Г., 1994б, рис. 114; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108; Кубарев Г.В., 2005, табл. 21, 23; и др.) (Приложение III, рис. 29–30). В одном случае при исследовании впускного погребения на территории Тувы зафиксирована каменная перегородка,

отделявшая лошадь от человека (Грач В.А., 1982, с. 156–157, рис. 1) (Приложение III, рис. 31). Третьим вариантом внутримогильной конструкции является сочетание перегородки в виде деревянных колышков и подбоя, в котором помещался умерший (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1–4) (Приложение III, рис. 32). В целом, погребальные конструкции, зафиксированные при исследовании впускных могил, характерны и для подкурганных объектов раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Более специфичны особенности ритуала, зафиксированные при раскопках впускных могил. Рассмотрению данного компонента обряда посвящен отдельный параграф диссертации, поэтому здесь отметим лишь, что для подобных объектов характерна высокая степень вариабельности ритуала и наличие редких черт, часть которых может быть связана с традициями населения сяньбийско-жужанского времени.

Рассматривая вопрос об общей интерпретации практики сооружения впускных могил в культуре тюрок, необходимо учитывать, что обоснованным будет рассмотрение прежде всего объектов, исследованных на территории Алтая. В Туве интересующие нас памятники не получили распространения. Впускные погребения, раскопанные на территории Минусинской котловины, исследованы только на двух некрополях, расположенных компактно и в некотором отдалении от района основной концентрации комплексов раннесредневековых тюрок. Поэтому логично предположить, что в данном случае мы имеем дело с локальным явлением, которое может иметь различные объяснения (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 233–234). Подобная ситуация отмечена и в Монголии. На Алтае же раскопано не только наибольшее количество впускных погребений, но и зафиксировано их распространение в различных частях региона, на сравнительно большом количестве памятников. Кроме того, впускные могилы, исследованные на указанной территории, относятся к различным хронологическим этапам развития культуры раннесредневековых тюрок.

Именно закономерности в датировке могут являться одним из объяснений распространения традиции сооружения впускных погребений. Не менее половины рассматриваемых объектов Алтая относятся к ранним и поздним этапам в развитии культуры тюрок. В обоих случаях нестабильность погребального ритуала и несоблюдение норм обрядности могут объясняться особенностями этнокультурной и политической ситуации в регионе. Отмечено, что наибольшая концентрация впускных могил характерна для периодов с напряженной обстановкой (Матренин С.С., 2001, с. 101). Нельзя исключать и того, что сами каноны обряда находились в это время на стадии формирования или, напротив, упадка.

Другое вероятное объяснение связано с причинами социального порядка. Большинство впускных погребений отличает скудность сопроводительного инвентаря. Исследованы и вполне «стандартные» в этом отношении объекты (Грязнов М.П., 1940, с. 20; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129–130), однако общая тенденция очевидна. Поэтому, возможно, впускные погребения сооружались для представителей тюркского общества, отличавшихся низким социальным статусом. Не стоит исключать и того, что появление подобных объектов связано с обстоятельствами смерти человека, его специфичным прижизненным положением и др. (Матренин С.С., 2001, с. 104).

2.1.5. Скальные захоронения

Выделение скальных погребений в особую группу археологических памятников Южной Сибири обосновано И.Л. Кызласовым в специальной статье (Кызласов И.Л., 1986). Ко времени выхода данной публикации количество известных объектов данного типа было весьма незначительным, но даже имевшихся материалов оказалось достаточно для демонстрации перспектив изучения таких комплексов. За последние два десятилетия в различных частях Центральной Азии выявлена довольно представительная серия скальных

захоронений. Анализ этих материалов позволяет рассматривать данное явление в культурах номадов региона на качественно новом уровне.

Ключевым фактором, определяющим необходимость детального рассмотрения скальных погребений, является сохраняющаяся дискуссионность вопросов культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации памятников. Данная ситуация не позволяет полноценно использовать их информационный потенциал для реконструкции сложных процессов, происходивших в Центральной Азии во второй половине I – начале II тыс. н.э. Кроме того, накопленные материалы практически не доступны специалистам, так как почти во всех случаях опубликованы лишь частично, и нередко в местных изданиях, не известных многим исследователям.

Высокая степень информативности скальных погребений определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, подобные захоронения, совершенные в гроте, пещере или расщелине скалы, демонстрируют особый вариант реализации обрядовой практики, отличный от «стандартных» комплексов. Скальные погребения получили распространение на обширных территориях и совершались в различные хронологические периоды древности и средневековья. При этом практически везде такие объекты представляли собой весьма редкое явление, отражая специфику ритуальной практики для отдельных индивидов или группы лиц, связанную с обстоятельствами смерти, прижизненным статусом, отличной этнической принадлежностью, особыми традициями и др. В том числе, по этой причине рассматриваемые комплексы являются весьма ценным источником для реконструкции различных аспектов истории обществ прошлого. Кроме того, благодаря особым условиям совершения захоронения, при исследовании скальных объектов нередко наблюдается процесс естественной мумификации, что обеспечивает значительно лучшую степень сохранности органических материалов, по сравнению с традиционными погребениями.

Судя по имеющимся сведениям, на территории Центральной Азии захоронения в скальных нишах сооружались с глубокой древности. Одним из

ранних свидетельств распространения данной традиции являются выдающиеся по полученным материалам погребения в Нижнетыткескенской и Каминной пещерах, относящиеся к эпохе неолита и энеолита (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Кунгуров А.Л., 1995; Маркин С.В., 2000). Верхнюю хронологическую границу сооружения скальных захоронений маркируют объекты позднего средневековья и этнографического времени, исследованные на Алтае, в Туве и Минусинской котловине (Дьяконова В.П., 1975, с. 70; Кызласов И.Л., 1986, с. 110–111; 1999; и др.).

Отдельную серию скальных захоронений представляют объекты раннего средневековья. Известные комплексы, относящиеся ко второй половине I – началу II тыс. н.э., довольно немногочисленны. Еще меньшее количество таких объектов введено в научный оборот, более или менее полно документировано и обеспечено достаточной для исследования информацией. Автором диссертации использованы материалы десяти скальных захоронений, расположенных на Алтае (Российском и Монгольском) – пять объектов, в Центральной Монголии – три объекта, и Минусинской котловине – два объекта. Для сравнения привлекались сведения о подобных комплексах, представленных лишь отдельными находками и не сопровождающихся полной информацией о контексте захоронения (Кызласов И.Л., 1986, с. 109, рис. 10; Кубарев Г.В., 1998а, с. 266–269; и др.). Все анализируемые памятники обнаружены при различных обстоятельствах, однако их объединяет то, что они найдены местными жителями и в разной степени подверглись разрушению до обследования профессиональными археологами.

До недавнего времени целенаправленного изучения скальных захоронений раннего средневековья, обнаруженных в Центральной Азии, не предпринималось. Привлечению внимания специалистов к проблеме интерпретации таких комплексов в последние годы способствовали находки в различных частях Монголии, представленные в серии публикаций (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004; Турбат Ц. и др., 2008; Хурэлсух С., 2008; Törbat Ts. at al., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; и др.). Сведения о скальных

погребениях, исследованных на обозначенной территории, обобщены в монографии С. Хурэлсух (2012). По мнению археолога, появление таких объектов в большинстве случаев связано со стремлением верхушки общества номадов создать «секретное» захоронение, что было обусловлено нестабильностью военно-политической ситуации в регионе (Хурэлсух С., 2012, т. 84–86). Большое значение имело введение в научный оборот материалов раскопок ряда комплексов данного типа, относящихся к началу II тыс. н.э. и монгольскому времени (Эрдэнэбат У., Хүрэлсүх С., 2007; Эрдэнэбат У., Амартувшин Ч., 2010; Ahrens B., Piezonka H., Nomguunsuren G., 2015; и др.), а также издание монографии-каталога «Наследие степных конных воинов» (Талын морьтон дайчдын өв соёл, 2014). Наконец, в конце весны – начале лета 2017 г. в Монгольском национальном историческом музее была организована выставка находок из двух недавно исследованных скальных погребений Урд Улаан Унээт и Узуур гялан, и опубликован каталог (Худан гэрийн соёл, 2017). В целом, несмотря на сравнительно незначительное количество известных на сегодняшний день комплексов, они содержат весьма представительный материал. Анализ обозначенных скальных захоронений, а также сравнение этих объектов с результатами раскопок «стандартных» погребений тюрок позволяет рассматривать различные аспекты их интерпретации.

Известные скальные комплексы Центральной Азии раннего средневековья представляется возможным рассматривать в рамках реализации двух основных традиций: детские погребения и объекты, связанные с захоронением в скальных нишах взрослых людей.

Особенности детских скальных захоронений в рассматриваемой серии объектов иллюстрируют комплексы, исследованные на памятниках Каменный Лог (Соенов В.И. и др., 2002), Узун хая (Кызласов И.Л., 1986, с. 100) и Юстыд (Кубарев Г.В., 2005, с. 372). Во всех случаях информация об элементах погребального обряда весьма отрывочна. При этом в ходе изучения обозначенных объектов зафиксированы остатки деревянной конструкции в виде колоды или колыбели, выполнявшей функции погребальной камеры (Кызласов

И.Л., 1986, с. 100; Соенов В.И., 2002, с. 118; Кубарев Г.В., 2005, табл. 56). Материалы исследований скального захоронения Каменный Лог включают предметы конского снаряжения, хотя лошадь, судя по имеющимся сведениям, отсутствовала. Кроме того, частью сохранившегося предметного комплекса данного объекта являлся фрагмент металлического зеркала, представляющий довольно редкую находку в памятниках раннего средневековья. В ходе исследований детского скального захоронения Юстыд обнаружен керамический сосуд, а также деревянная чашечка.

Вторая группа скальных захоронений представлена погребениями, в которых находились останки взрослых людей. Такие объекты известны на комплексах Балтарган на Алтае (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996), Узун хая (грот I) в Минусинской котловине (Кызласов И.Л., 1986; 1999), а также на ряде памятников Монголии: Арцат Дэл (Хурэлсух С., 2008), Жаргалант Хайрхан (Törbat Ts. et al., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; Талын морьтон дайчдын өв соёл, 2014), Рашантын Ам (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004), Узуур гялан (Мөнхбаяр Ч. и др., 2016; Мөнхбаяр Ч., 2017), Шивээт Цанхир-I (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004).

В ходе раскопок трех рассматриваемых скальных погребений зафиксировано сопроводительное захоронение лошади (Кызласов И.Л., 1986; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996; Мөнхбаяр Ч. и др., 2016). Дважды рядом с покойным находилась туша целого животного, а в третьем случае была положена шкура коня. Важно отметить, что во всех скальных погребениях без сопроводительного захоронения лошади обнаружены различные элементы конского снаряжения – удила, псалии, седло со стременами, а также украшения узды (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004; Хурэлсух С., 2008; Törbat Ts. et al., 2009). Схожая традиция зафиксирована при исследовании некоторых «одиночных» погребений раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2013в).

Анализ состава сопроводительного инвентаря, зафиксированного в ходе изучения рассматриваемых скальных захоронений, демонстрирует целый ряд

общих черт. Показательной характеристикой ряда объектов является наличие значительного количества предметов из органических материалов (ткань, дерево, кожа), что заметно выделяет эти комплексы. Однако, судя по всему, это следует связывать не столько с особыми традициями обрядовой практики, сколько с упомянутой выше прекрасной сохранностью комплексов благодаря условиям совершения захоронения. В этом плане более показательным представляется сходный состав инвентаря скальных погребений Арцат дэл, Балтарган, Жаргалант Хайрхан и Узун хая, в которых рядом с умершим воином находилось редкое клинковое оружие, полное снаряжение лошади, в большинстве случаев включавшее парадные украшения амуниции, лук со стрелами и др. Материалы раскопок данных комплексов позволяют говорить о существовании устойчивых наборов вещей, характерных для скальных захоронений мужчин. Вероятно, похожие традиции соблюдались и в отношении умерших женщин различного возраста. В данном случае обратим внимание на наличие редких фрагментов металлических зеркал и наборы конского снаряжения в комплексах Каменный Лог и Узуур гялан.

По совокупности характеристик все рассматриваемые скальные захоронения могут быть отнесены к IX–X вв. с возможным расширением верхней границы в первую четверть XI в. для отдельных объектов. Наиболее показательными хронологическими маркерами рассматриваемых комплексов являются элементы конского снаряжения, имеющие многочисленные аналогии, главным образом, в памятниках кыргызской и сросткинской культур, а также предметы китайского импорта (металлические зеркала, шелковые изделия). Предложенная датировка скальных захоронений подтверждается имеющимися результатами радиоуглеродного анализа (Törbat Ts. et al., 2009, p. 377, fig. 13; Хурэлсух С., 2012, т. 70–71).

Гораздо более дискуссионным представляется вопрос о культурной принадлежности населения, оставившего скальные погребения. Нельзя не отметить очевидную тенденцию появления подобных объектов в конце I тыс. н.э. Ранее автором диссертации было высказано предварительное предположение о

том, что скальные захоронения демонстрируют трансформацию традиций погребальной обрядности тюрок в результате контактов с другими группами кочевников в это время (Серегин Н.Н., 2018в, с. 47). О возможности отнесения таких объектов тюркам свидетельствует наличие захоронения лошади. Вместе с тем, облик сопроводительного инвентаря, а также сам факт распространения скальных захоронений в период упадка традиций тюрок, являются доводами в пользу утверждения о том, что скальные захоронения могут быть связаны с другой группой населения (Серегин Н.Н., 2018в, с. 47–48). Как известно, основным сюжетом политической истории центрально-азиатского региона середины IX в. стало распространение кыргызов за пределы Минусинской котловины. Косвенным подтверждением возможности отнесения скальных захоронений кыргызам является опыт прочтения японским тюркологом Т. Осава (2014, с. 25) рунической надписи на музыкальном инструменте из памятника Жаргалант Хайрхан в Монгольском Алтае.* С другой стороны, следует учитывать, что традиция сооружения скальных захоронений не характерна и для кыргызской культуры. Поэтому пока и данный вариант интерпретации подобных комплексов должен рассматриваться как предварительный. Не исключено, что при накоплении материалов в дальнейшем станет возможной более точная характеристика группы населения, оставившего такие памятники.**

Важной характеристикой раннесредневековых скальных захоронений, которая имеет большое значение при их этносоциальной интерпретации, является «богатство» сопроводительного инвентаря, демонстрирующее высокий статус покойных в обществе номадов конца I – начала II тыс. н.э. Особое место в этом отношении занимает погребение, исследованное на памятнике Жаргалант Хайрхан. В состав предметного комплекса захоронения молодого мужчины входили элементы наборного пояса, панцирные пластины, украшения костюма,

* По заключению исследователя, текст представляет собой типичную эпитафию, характерную для населения Среднего Енисея. Кроме того, в надписи имеется упоминание о «стране Кыргыз» (Osawa T., 2014, с. 25). Вместе с тем, учитывая обычную дискуссионность чтения рунических надписей и обилие авторских трактовок при работе с одним и тем же источником, необходима проверка данной интерпретации.

** На данном этапе исследования на основании учета всех зафиксированных показателей скальные погребения, раскопанные на Алтае и в Монголии, отнесены автором к культуре раннесредневековых тюрок, а объекты, выявленные в Минусинской котловине – к комплексам кыргызов.

многочисленные фрагменты шелка, остатки музыкального инструмента с рунической надписью и мн. др. (Törbat Ts. et al., 2009; Талын морьтон дайчдын өв соёл, 2014). Высокий уровень социального статуса женщины демонстрируют находки комплекса Узуур гялан, представленные украшениями амуниции лошади, фрагментом металлического зеркала, изделиями из шелка и др. (Мөнхбаяр Ч. и др., 2016). Немногочисленность предметов, отмеченных в отдельных скальных захоронениях (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004), может быть связана с тем, что памятники были потревожены местными жителями до того, как стали известны археологам.

Распространение традиции сооружения скальных захоронений в раннем средневековье в некоторых случаях могло быть связано со спецификой мировоззрения номадов Центральной Азии. В частности, одним из возможных объяснений необходимости создания таких комплексов являются особенности прижизненного статуса человека или обстоятельства его смерти. В этом плане показательным комплексом является скальное захоронение, исследованное на перевале Балтарган на Алтае (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996). У покойного отсутствовали кости обеих кистей рук и кости ног ниже коленных суставов. По мнению авторов публикации материалов данного памятника, отмеченные особенности обрядовой практики можно объяснить стремлением соплеменников умершего воспрепятствовать его «возвращению» к живым (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, с. 52).

В целом, учитывая ограниченный объем имеющихся материалов сложно предложить единое объяснение распространению традиции создания скальных захоронений на территории Центральной Азии в раннем средневековье. Очевидна необходимость дальнейшего детального анализа известных памятников, а также проведения целенаправленных полевых исследований по выявлению и комплексному изучению новых объектов. Работы в указанном направлении будут способствовать получению значительного объема сведений по истории номадов центрально-азиатского региона в конце I – начале II тыс. н.э.

– в период, который с археологической точки зрения остается изученным весьма фрагментарно.

2.2. Погребальный ритуал

Одним из важных элементов погребального обряда является ритуал. Традиционно, в данном случае подразумевается комплекс таких фиксируемых археологически признаков, как характер захоронения, способ размещения останков умершего, его поза и ориентировка и др. (Леонова Н.В., Смирнов Ю.А., 1977, с. 19–20; Ольховский В.С., 1986, с. 66).

Основными показателями погребального ритуала раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются положение и ориентировка умершего человека, а также эти же характеристики для захоронения животного, нередко сопровождавшего человека. Различия в обозначенных признаках объясняются многими факторами, важнейшим из которых является комплекс мировоззренческих представлений. Обобщение результатов работ в широком хронологическом и территориальном диапазоне позволило А.В. Подосинову (1999) продемонстрировать перспективность исследований в указанном направлении. При этом очевидно, что объективно изучить тенденции в ориентировке и положении погребенных можно лишь при условии всестороннего исследования конкретных общностей.

При рассмотрении материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок исследователи нередко обращали внимание на определенные закономерности в ориентировке объектов или их отдельных элементов в пространстве. Некоторые наблюдения были сделаны специалистами при изучении «поминальных» памятников (оградок, изваяний, балбалов и «княжеских» комплексов) на различных территориях Центральной Азии (Гумилев Л.Н., 1959; Евтюхова Л.А., 1952; Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1979б; 1984; Ермоленко Л.Н., 1991; Войтов В.Е., 1996; Дубровский Д.В., 2005; и др.). Не

меньший интерес вызывали особенности представлений тюрок о сторонах света, отраженные в погребальном обряде. Вопрос об ориентировке умерших рассматривался в нескольких аспектах. В первую очередь, предпринимались попытки интерпретации направленности погребенного в определенный сектор горизонта. В большинстве случаев исследователи ограничивались констатацией почитания раннесредневековыми кочевниками стороны восхода солнца, опираясь, главным образом, на информацию, имеющуюся в письменных источниках. В то же время предлагались и оригинальные концепции. Развернутое объяснение ситуации, которая зафиксирована при изучении значительного количества погребальных памятников раннесредневековых тюрок, представила Б.Б. Овчинникова (1983, с. 62–63; 1984, с. 217–218). По ее мнению, в погребальной практике кочевников отразились не только культ восходящего солнца, но и представление о том, что страна мертвых находится на западе. Поэтому покойник должен быть обращен головой на восток, а лицом – в иной мир, что подтверждает и преобладающее направление лошади в сторону захода солнца. Данное положение получило развитие в работе С.П. Нестерова (1990, с. 51–85). Особое внимание исследователь обратил на определение роли лошади в погребальной практике тюркских племен, подчеркнув транспортную функцию животного при переходе в иной мир.

Вопрос о традициях в ориентировке погребенных в курганах тюрок приобрел особое значение в связи с проблемой датировки комплексов, а также выделением хронологических этапов развития культуры раннесредневековых кочевников. Вопрос о возможности корреляции ориентировки погребенных с общей датировкой памятника решался, главным образом, на материалах культуры тюрок, полученных с территории Тувы (см. анализ работ А.Д. Грача и Л.Р. Кызласова, представленный в Главе I). Учитывали определенную зависимость ориентировки погребения и его хронологической позиции Д.Г. Савинов (1973, с. 236; 2005а, с. 226) и В.А. Могильников (1981, с. 34). Другие же специалисты, предлагая свои варианты периодизационной схемы, отметили отсутствие прямой зависимости между сектором горизонта, в который

направлены погребенные и этапом развития культуры раннесредневековых тюрок (Гаврилова А.А., 1965, с. 65; Вайнштейн С.И., 1966а, с. 76–79). Не согласен с самой возможностью резкого изменения традиций в реализации рассматриваемого элемента погребального ритуала А.В. Подосинов (1999, с. 424), отметивший глубокую связь ориентационных признаков с особенностями мировоззренческих представлений древнего общества.

Краткий историографический обзор позволил в общем виде обозначить круг вопросов, связанных с рассмотрением вариаций в ориентировке и положения человека и животного в курганах раннесредневековых кочевников. В данном разделе диссертации предпринимается попытка на основе, главным образом, археологических материалов, а также с привлечением сведений письменных источников и данных этнографии, рассмотреть обозначенные показатели, зафиксированные при исследовании погребальных памятников тюрок.

Анализ материалов осуществлялся на нескольких уровнях. Первоначально традиции в ориентировке и положении человека и животного рассматривались для каждой территории (Алтай, Тува, Минусинская котловина, Монголия) по отдельности. Далее происходило сравнение полученных результатов. Такой подход призван выявить общие и особенные черты в интересующих нас элементах погребального обряда раннесредневековых тюрок в различных регионах их распространения, что позволит поставить ряд вопросов, связанных с отдельными чертами мировоззрения кочевников, этнокультурными контактами номадов во второй половине I тыс. н.э. и т.д.

В ходе исследования памятников обозначились два основных варианта погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Первый, наиболее распространенный, представлен захоронениями человека в сопровождении лошади или овцы. В ряде случаев вместо животного могла быть помещена его шкура. Ко второму варианту отнесены «одиночные» погребения (без сопроводительного захоронения лошади). Особенности обозначенных объектов рассмотрены отдельно.

2.2.1. Захоронения с лошадью

В настоящей работе учтено 215 могил, в которых находилось погребение человека по обряду ингумации в сопровождении животного. Большинство захоронений исследовано на Алтае (97), почти равное количество объектов раскопано в Туве (44) и Минусинской котловине (56) и значительное меньшее – в Монголии (18). Уже на начальном этапе работы из общего числа захоронений были выделены две группы памятников, существенно различавшихся по ряду показателей. В первую включены погребения раннесредневековых тюрок Алтая, Тувы и Монголии, во вторую – курганы, исследованные на территории Минусинской котловины. Результаты, полученные в ходе анализа, приведены ниже с учетом такого разделения.

Для погребального ритуала раннесредневековых тюрок Алтая характерна определенная вариабельность ориентировок (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 116). В то же время очевидно преобладание направления умерших в восточный сектор горизонта – 68 (70,1%) случаев (Приложение III, рис. 33). Выделяется группа объектов, при изучении которых зафиксирована меридиональная, чаще всего северная,[*] ориентировка людей – 27 (27,83%) (Приложение III, рис. 34). Приведенные показатели зафиксированы и в обряде тюрок Тувы, с той лишь поправкой, что несколько меньше отмечено отклонений от востока: 33 (75%) погребенных были направлены в сторону восходящего солнца. Также в качестве второй традиции заметно направление людей на север – 11 (25%) объектов. Весьма похожие показатели отмечены в ходе исследования памятников на территории Монголии – 11 (61%) и 5 (28%) соответственно.[* *] Совершенно иная ситуация характерна для погребений тюрок Минусинской котловины. В захоронениях данного региона преобладающей является ориентировка умершего человека на запад, с отклонениями к северу и к югу – 45 (80,35%) случаев (Приложение III, рис. 35).

[*] Погребения с южной ориентировкой умерших зафиксированы, преимущественно, на могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965).

[**] Еще в двух случаях (11%) ориентировка умерших людей не установлена.

Погребенных чаще всего сопровождала лошадь. Обозначенная ситуация характерна для памятников раннесредневековых тюрок во всех частях Центральной Азии. «Замена» лошади на овцу зафиксирована в одном погребении на Алтае (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 63) и дважды встречена на территории Тувы (Грач А.Д., 1960а, с. 32–33). Гораздо большее распространение данная традиция получила в Минусинской котловине – 13 (23,2%) объектов. «Замена» лошади, в большинстве случаев, была связана с половозрастными характеристиками умершего (Худяков Ю.С., 2004, с. 48). Преобладающая ориентировка животных в курганах раннесредневековых тюрок Алтая (66% объектов), Тувы (77,3%), Минусинской котловины (83,9%) и Монголии (61%) связана с западным сектором горизонта. Меридиональное направление лошади получило наибольшее распространение в погребениях кочевников Алтая – 27 (28,9 %) и Монголии – 5 (28%) случаев.

Остановимся на особенностях расположения сопроводительных захоронений животных относительно погребенных людей. Один из важных показателей – соотношение их ориентировки. Для кочевников Алтая, Тувы и Монголии стандартным является противоположное направление лошади к человеку: 80 (82,5%), 41 (93,2%) и 12 (67%) случаев соответственно. Серьезным образом отличается традиция захоронения животных в курганах тюрок Минусинской котловины. В раннесредневековых погребениях данного региона преобладает одинаковое направление человека и лошади (овцы) – 48 (85,7%) погребений. Интересные результаты дала корреляция рассматриваемого показателя с тем, с какой стороны расположено животное по отношению к умершему. Для памятников раннесредневековых тюрок Алтая, Тувы и Монголии характерна следующая закономерность: в абсолютном большинстве объектов лошадь (овца) находилась слева от человека – 87 (89,7%), 41 (93,2%) и 11 (61%) случаев, однако тогда, когда наблюдалась меридиональная ориентировка умерших, животное нередко помещено справа. При исследовании погребений в Минусинской котловине зафиксировано преобладание расположения животного

справа от человека – 39 (69,4%) могил, однако присутствует и традиция, характерная для соседних регионов – 17 (30,35%) объектов.

Изучение особенностей ритуальной практики раннесредневековых тюрок позволило обозначить несколько случаев, являющихся специфичными для обрядности рассматриваемой общности. Интересно, что некоторые из них находят аналогии в традициях, характерных для населения булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. К таковым можно отнести расположение лошади и человека в одну линию, встреченное на могильнике Улуг-Хорум в Туве (Грач В.А., 1982, с. 156–157, рис. 1), а также помещение животного над погребенным, зафиксированное дважды на территории Алтая (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129–130, рис. 4; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233). Довольно специфичной является традиция захоронения лошади рядом с человеком, но в отдельной яме, выявленная при раскопках раннесредневекового погребения на могильнике Аржан в Туве (Комарова М.Н., 1973, рис. 1). Также в одном случае такая ситуация встречена и при исследовании памятников булан-кобинской культуры (Матренин С.С., 2005г, с. 41).

Одним из важных признаков, характеризующих захоронения по обряду ингумации, является положение умерших. Для обозначенного показателя обряда раннесредневековых тюрок Центральной Азии характерна наибольшая унификация – погребенные были положены вытянуто на спине. Незначительные отклонения не превышают порога единичности. В то же время важно отметить, что некоторые из памятников, для которых характерны специфичные признаки в рамках обозначенного элемента ритуала (Гаврилова А.А., 1965, табл. IX-Б; Кызласов Л.Р., 1979а, с. 188; Могильников В.А., 1990, рис. 14, 16; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 30; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 270), относятся к начальным этапам существования культуры тюрок. Эта особенность, так же, как и отмеченные выше редкие характеристики расположения лошади, могут являться

дополнительными показателями, подтверждающими наличие преемственности с традициями кочевников предшествующего периода.

Ряд своеобразных случаев зафиксирован в ходе исследований памятников тюрок Монголии (Серегин Н.Н., 2016г; 2017г). Согласно замечанию авторов раскопок погребения, изученного на некрополе Овор-Хавцал, умерший человек лежал в вытянутом положении на животе (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, т. 125–126).* Интересно, что такое же положение отмечено при исследовании двух могил кургана №3 комплекса Джаргаланты (Евтюхова Л.А., 1957, с. 216–217), предположительно датированных ранним средневековьем. Еще одна нетипичная ситуация зафиксирована в ходе раскопок впускного захоронения на памятнике Бурхан-толгой. По информации, приведенной в публикации, умерший человек был помещен в могилу стоя (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108). К сожалению, в данном случае текстовое описание не сопровождается подтверждающими эту редкую ситуацию иллюстрациями.

Одним из унифицированных показателей обряда раннесредневековых тюрок Центральной Азии являлось положение лошади в могиле. В абсолютном большинстве случаев животное помещено на живот с подогнутыми ногами. Только дважды зафиксировано положение лошади на спине (Худяков Ю.С., 2004, с. 35, рис. 33; Кубарев Г.В., 2005, с. 274, табл. 71). Отметим, что подобная ситуация встречена и при исследовании тюркской оградки на памятнике Мендур-Соккон-I (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104).

Кратко остановимся на других специфических характеристиках погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Интерес представляют случаи различной ориентировки лошадей в одном погребении, встреченные дважды на территории Алтая (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXIII; Соловьев А.И., 1999, с. 24, рис. 4.-2). Судя по имеющимся данным, похожая ситуация

* Представленная в статье иллюстрация (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010, з. 3) не подтверждает данное описание. Это может быть связано как с качеством рисунка, так и с неточностью, допущенной при подготовке публикации. Благодарим за консультацию по этому вопросу антрополога, к.и.н. С.С. Тур.

зафиксирована и в Монголии (Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002, с. 36). Не характерным для обрядности тюрок является помещение в могилу шкуры лошади, встреченное на могильниках Саглы-Бажи-III (Грач А.Д., 1968б, с. 106) и Аймырлыг (Овчинникова Б.Б., 2004, с. 102) в Туве, а также Чоба-7 (Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с. 86) на Алтае. Аналогии данной традиции в эпоху средневековья имеются в различных районах Центральной Азии, однако вопрос о культурной и этнической принадлежности погребений остается дискуссионным (Нестеров С.П., 1990, с. 63–67). При исследовании серии тюркских погребений на различных территориях отмечено отсутствие черепов у умерших людей и захороненных рядом животных, причем наибольшая концентрация таких объектов зафиксирована на памятниках Монголии (Боровка Г.И., 1927; Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 109–110, 274; Кубарев Г.В. и др., 2007; и др.). Вероятно, в большинстве случаев это обусловлено ограблением или осквернением могил.

Интересной особенностью погребального ритуала раннесредневековых тюрок является распространение могил, в которых умерших взрослых людей сопровождало захоронение ребенка. Причем встречены не только женские (Гаврилова А.А., 1965, с. 23; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, с. 94; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с. 55), но и мужские погребения (Кызласов Л.Р., 1979а, с. 132–133; Могильников В.А., 1990, с. 155).

Анализ имеющихся материалов не позволил выявить какой-либо зависимости между хронологией погребальных комплексов и ориентировкой людей и животных в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Так, случаи меридионального направления умерших в могилах появляются на кудыргинском этапе (вторая половина VI – первая половина VII вв.) и существуют до конца I тыс. н.э. Не выявлено явных закономерностей и в их географической локализации.

Безусловно, сложнейшим вопросом является интерпретация элементов погребального ритуала с точки зрения специфики мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников. На наш взгляд, невозможно

предложить исчерпывающего объяснения для всех объектов, что обусловлено влиянием целого ряда факторов: различными традициями отдельных групп населения, влиянием конкретной ситуации на особенность обряда, сложностью этнокультурной истории Центральной Азии в обозначенный период и мн. др. В данном случае мы можем говорить лишь о наличии определенных тенденций и рассматривать преобладающие традиции в погребальной обрядности номадов. При этом важно отметить, что попытки интерпретации должны быть основаны не только на анализе археологического материала; необходимо также привлечение данных этнографии, письменных источников, фольклорных произведений и др.

По всей видимости, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что лошадь в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии «выполняла функции» по доставке хозяина в загробный мир (Липец Р.Ф., 1982; Овчинникова Б.Б., 1983; Бандура А.П., 1984, с. 111–112; Нестеров С.П., 1990; Дубровский Д.В., Юрченко А.Г., 2000; и др.). В таком случае, ориентировка животного совпадала с направлением, в котором этот мир, по представлениям номадов, располагался. При исследовании погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии зафиксировано преобладание направления лошадей на запад, присутствует также северная ориентировка. По этнографическим сведениям, именно эти стороны горизонта в мировоззрении тюркских народов региона ассоциировались с миром мертвых (Львова Э.Л. и др., 1988). Косвенным подтверждением этому являются сведения письменных источников, что неоднократно отмечалось исследователями.

Согласно данным, полученным нами в ходе анализа погребальных памятников по методике В.В. и В.Ф. Генингов (1985), тюрки при совершении похорон могли ориентироваться не по восходу, как это традиционно считается, а по заходу солнца. В данном случае не исключено, что определяющей являлась ориентировка лошади. С другой стороны, первостепенное значение могло иметь направление человека ногами на запад, символизирующее готовность к отправлению в загробный мир (Подосинов А.В., 1999, с. 582–583). Следует

признать, что последние предположения отличаются наибольшей гипотетичностью, так как комплекс мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников, несмотря на наличие письменных материалов и опыт интерпретации археологических памятников, остается практически не изученным.

2.2.2. «Одиночные» погребения

Особую группу памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии составляют «одиночные» погребения (Серегин Н.Н., 2013в) (Приложение III, рис. 36–39). Их отличительной особенностью является отсутствие сопроводительного захоронения лошади, традиционно рассматриваемого как характерный признак обряда номадов обозначенной общности.

Большинством исследователей «одиночные» погребения в культуре раннесредневековых номадов Центральной Азии связываются с обрядовой практикой, характерной для населения данного региона предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрок» (Кызласов Л.Р., 1969. с. 22–23; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б., 1980. с. 83; Нестеров С.П., 1990. с. 50). С.И. Вайнштейн (1966б, с. 331), признав обоснованность такой интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к культуре тюрок. Г.В. Кубарев (2005, с. 19) подчеркнул, что ему известно только одно «одиночное» погребение данной общности на территории Алтая. Другие захоронения людей без лошади, раскопанные в указанном регионе, либо не отнесены археологом к тюркской культуре, либо остались за рамками его внимания. В то же время, Г.В. Кубарев (2005, с. 19) упомянул о распространении «одиночных» погребений на территории Минусинской котловины.

Погребения раннесредневековых тюрок, в которых отсутствовало сопроводительное захоронение лошади, впервые исследованы на могильнике Кудыргэ (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927; Гаврилова А.А., 1965). Такую

трактовку ряда объектов известного некрополя, предложенную авторами раскопок, посчитал поверхностной П.П. Азбелев (2000, с. 4). Исследователь предположил, что на памятнике раскопаны «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотнесенных ямах: могилы 1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23», сравнив их с объектами сросткинской культуры. В связи с тем, что материалы известного памятника традиционно привлекают повышенное внимание и нередко становятся основой для достаточно серьезных выводов, считаем необходимым рассмотреть обозначенный вопрос более подробно (Серегин Н.Н., 2013в).

В пользу того, что в ходе исследования могильника Кудыргэ зафиксированы самостоятельные объекты («одиночные» погребения людей и отдельные от них захоронения лошадей), свидетельствует ряд показателей (Серегин Н.Н., 2010). В первую очередь, следует обратить внимание на значительное расстояние между названными могилами (Гаврилова А.А., 1965, табл. II). Кроме того, все эти погребения имеют отдельные наземные сооружения. В курганах сросткинской культуры, упомянутой П.П. Азбелевым, подобные могилы располагались на различном, как правило, небольшом, расстоянии, и всегда под одной насыпью (Илюшин А.М., 1993, рис. 4, 5, 7, 8, 10–15, 18, 19; Тишкин А.А., 1993, с. 233–236, рис. 1; и др.). Такая ситуация зафиксирована и при исследовании одного погребения раннесредневековых тюрок (Комарова М.Н., 1973, с. 207–208, рис. 1). Существенным является то, что в объектах некрополя Кудыргэ конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII–X). Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюрок и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. Итак, на наш взгляд, обоснованным является отнесение объектов №1, 3 и 8 некрополя Кудыргэ к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 – к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Специфика подобных

объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ (Савинов Д.Г., 1987а; Серегин Н.Н., 2008, с. 145–146; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 126–127).

Погребения без сопроводительного захоронения лошади исследованы и на других некрополях раннесредневековых тюрок на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Представим возможности интерпретации этих объектов.

При исследовании большинства «одиночных» захоронений раннего средневековья отмечена ориентировка умерших в восточный сектор горизонта. Меридиональное направление фиксируется весьма фрагментарно. В целом, стандартно и положение людей, хотя имеются незначительные отклонения на памятниках Ороктой, Усть-Бийке-III и Черби (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 30). Место для лошади в большинстве рассматриваемых объектов отсутствует. Только в одном случае половина могильной ямы была оформлена в виде приступки, на которой могло располагаться животное (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 30).

В ходе раскопок ряда «одиночных» погребений раннесредневековых тюрок на территории Алтая, Тувы и Монголии зафиксировано конское снаряжение. Интересны закономерности расположения данных изделий – в большинстве случаев они обнаружены у ног умершего (Гаврилова А.А., 1965, табл. IX; Вайнштейн С.И., 1966б, рис. 28; Грач А.Д., 1968б, рис. 49; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1997, рис. 1; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 2.-1; Трифонов Ю.И., 2000, рис. 1). В двух могилах удила и украшения конского снаряжения были положены за головой погребенного (Вайнштейн С.И., 1966б, рис. 28; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 2.-1). В большинстве тех захоронений, где лошадь сопровождала человека, принадлежности узды и седла находились на животном, однако встречены и ситуации, схожие с описанными выше (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113; Могильников В.А., 1990, с. 147; 1997, с. 203; Кубарев Г.В., 2005, табл. 87).

Сложность этнокультурной ситуации на территории Центральной Азии и динамичность социальной истории населения региона, на наш взгляд, делает

невозможной однозначную интерпретацию всех известных «одиночных» погребений. Более целесообразным является рассмотрение различных трактовок, справедливых для конкретных объектов. Значительное количество «одиночных» погребений, учтенных в настоящей работе – 19 могил, исследованных на Алтае, 9 – в Туве, 22 – в Минусинской котловине и 5 – в Монголии, демонстрирует, что данная традиция не была случайной и имеет объективное объяснение, являясь отражением обрядовой практики определенной группы (или групп) населения (Серегин Н.Н., 2013в).

Наиболее очевидной является интерпретация «одиночных» погребений раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. В указанном регионе такие объекты раскопаны на могильниках Белый Яр-II (Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И., 1993; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999), Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1992; Тетерин Ю.В., 1992; 2000), Кирбинский лог, Сабинка-I (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988). В большинстве случаев сопроводительное захоронение лошади отсутствовало в детских могилах. На некрополях Кирбинский Лог и Сабинка-I «одиночными» являются также погребения женщин. В то же время, в мужских могилах лошадь присутствовала в большинстве случаев. Таким образом, налицо половозрастная обусловленность распространения «одиночных» погребений в Минусинской котловине.

Данный вариант интерпретации рассматриваемых объектов в определенной степени справедлив также для раннесредневековых комплексов Алтая и Тувы. В исследованных детских захоронениях тюрок лошадь почти всегда отсутствовала, в ряде случаев рядом с ребенком помещена овца. Исключение представляют три погребения, раскопанные на памятниках Джолин-III на Алтае (Кубарев Г.В., 2005), а также Аргалыкты-VIII (курган №2) и Кара-Тал-IV (курган №6) в Туве (Трифонов Ю.И., 2013, с. 27–28, 37–38, табл. XV–XVI, XXVI–XXVII).

Количество лошадей является одним из социальных маркеров обряда раннесредневековых тюрок. В большинстве случаев покойного сопровождало

одно животное. Максимальное количество лошадей, находившихся рядом с умершим – три или четыре особи; такие объекты по многим признакам можно отнести к «элитным» (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 103–113; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003). В связи с этим в ряде случаев справедливым является утверждение об обусловленности «одиночных» погребений определенным, по всей видимости, низким социальным статусом умершего человека. Действительно, выделяется группа подобных объектов, содержавших «бедный» сопроводительный инвентарь (Гаврилова А.А., 1965, с. 23; Елин В.Н., Могильников В.А., 1983, с. 219; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 95–98; Тетерин Ю.В., 1991б, с. 152–153; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116; Кубарев Г.В., 2005, с. 368). С другой стороны, известны «одиночные» погребения, вещевой комплекс которых достаточно стандартен (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1997; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 165; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 67–70). Выделяются могилы, включающие помимо предметов вооружения для мужчин и украшений для женщин некоторые «престижные» элементы материальной культуры (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Гаврилова А.А., 1965, с. 22–23; Грач А.Д., 1968б, с. 108; Кызласов Л.Р., 1979а, с. 191–192, рис. 150; Трифонов Ю.И., 2000; Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009). Поэтому социальный фактор в данном случае возможен лишь для некоторых погребений.

В ряде случаев традиция совершения «одиночных» погребений могла быть связана с принадлежностью умерших к определенным группам кочевников, отличавшимся по этническому составу от основного населения культуры раннесредневековых тюрок. Одним из примеров такой ситуации является захоронение, исследованное на памятнике Ороктой (курган №1) на Алтае (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4). Объект отнесен к раннему кызыл-ташскому этапу (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161), и в его материалах фиксируется определенная преемственность с традициями предшествующего сяньбийско-жужанского времени. Большинством исследователей к позднему времени относится ряд «одиночных» погребений,

раскопанных на территории Тувы (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Грач А.Д., 1968б, с. 108; Кызласов Л.Р., 1979а, с. 191–192; Трифонов Ю.И., 2000). В этих случаях также фиксируются некоторые отклонения от стандарта ритуала раннесредневековых тюрок по таким показателям, как ориентировка и положение умерших, что является косвенным свидетельством их иной этнической принадлежности.

Таким образом, имеется несколько объяснений традиции распространения «одиночных» погребений тюрок. Представляется возможным утверждать, что подобные объекты не являются инокультурными. В большинстве случаев они расположены в одной группе с погребениями, для которых характерен стандартный ритуал. Анализ предметного комплекса также не противоречит данному утверждению. Вариабельность различных элементов погребального ритуала раннесредневековых тюрок отражает неоднородность данной общности и специфику этносоциальных процессов на территории Центральной Азии во второй половине I – начале II тыс. н.э.

2.2.3. Кенотафы как особый вариант реализации погребального ритуала

Традиция сооружения кенотафов существовала у различных народов начиная с энеолита и до современности, принимая различные формы. Данный обычай получил широкое распространение у номадов центрально-азиатского региона, где он достоверно фиксируется со скифо-сакского времени (Грач А.Д., 1980, с. 77; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 266).

В отечественной литературе неоднократно предпринимались попытки определения специфики кенотафов, обозначены основные признаки и причины появления таких объектов (Грязнов М.П., 1982; Грушин С.П., 1996; 1997; Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997; Васильев Ю.М., 2003; и др.). Имеется ряд исследований, посвященных рассмотрению особенностей реализации обозначенной традиции конкретными этнокультурными общностями

Центральной Азии древности и средневековья (Нестеров С.П., 1990, с. 77–79; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 266–271; Кондрашов А.В., 2004а, с. 15; Матренин С.С., 2005г, с. 36–37; Серегин Н.Н., 2008; 2016д; Дашковский П.К., Серегин Н.Н., 2008; Илюшин А.М., 2015; Сотникова С.В., 2017; и др.). Вместе с тем, на сегодняшний день остается целый ряд вопросов, связанных как с общими закономерностями в обрядовой практике номадов, так и со спецификой реализации определенных действий у отдельных объединений кочевников. В настоящем параграфе представлен опыт осмысления традиции сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками Центральной Азии. Отметим, что постановка проблемы определила широкий круг привлекаемых материалов как в отношении характера рассматриваемых памятников, так и в плане хронологии и территории распространения объектов.

В ходе анализа погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии были выявлены объекты, которые могут быть определены как кенотафы. Зафиксированы определенные черты, которые позволяют говорить о существовании нескольких вариантов «пустых могил» (Серегин Н.Н., 2008; 2015а; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 124–127).

Наиболее распространенными являются ***«классические» кенотафы***. Такие объекты характеризуются соблюдением всех основных норм погребальной практики, присущих конкретной общности, при отсутствии самого умершего (Приложение III, рис. 40–41). Стандарт обряда раннесредневековых тюрок, фиксируемый археологически, связан, главным образом, с созданием погребального сооружения и реализацией ритуала погребения. К «классическим» кенотафам отнесены 22 объекта: Ак-Туруг, курган №1 (Вайнштейн С.И., 1958); Аргалыкты-I, курган №1, п. 1 (Трифонов Ю.И., 1966); Бай-Тайга-59-3 (Грач А.Д., 1966а); Балык-Соок-I, курган №23 (Кубарев Г.В., 2005); Барбургазы-I, курган №20 (Кубарев Г.В., 2005); Бике-III, курган №12 (Кубарев Г.В., 2005); Боротал-I, курганы №6, 51, 82 (Кубарев Г.В., 2005); Дыттык-Чарык-Аксы, курган №3 (Трифонов Ю.И., 1975б); Капчалы-II, курган №3 (Левашова В.П., 1952); Катанда-III, курганы №4, 11, 21 (Мамадаков Ю.Т.,

Горбунов В.В., 1997); Кырлык-II, курган №4 (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985); Мойгун-Тайга-58-IV, V (Грач А.Д., 1960б); Ташанта-II, курган №5 (Кубарев Г.В., 2005); Узунтал-I, курган №2 (Савинов Д.Г., 1982); Уландрык-I, курган №10 (Кубарев Г.В., 2005); Урочище Балчикова-3, курган №7 (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002); Чобурак-I, курган №2 (Бородовский А.П., 1994). Это составляет абсолютное большинство «пустых могил» и около 6% от общего количества учтенных нами погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

В ходе раскопок «классических» кенотафов зафиксирована наибольшая степень схожести со «стандартными» погребениями. В первую очередь это относится к структуре наземных и подкурганных конструкций. В восьми случаях сопроводительное захоронение животного, помещенное в кенотаф, отделено от места предполагаемого погребения человека грунтовой, каменной перегородкой или рядом кольев. Погребальная камера в виде каменного ящика для отсутствовавшего покойного зафиксирована лишь однажды (Кубарев В.Д., 1985а, рис. 7). Сопроводительное захоронение животного присутствует во всех «классических» кенотафах. Почти всегда это одна лошадь, дважды отмечена пара животных и лишь однажды – три коня. В одном случае вместо лошади была положена овца (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 13). Ориентировка сопроводительных захоронений животных, в целом, стандартна. Наиболее распространенным является западное с отклонениями направление, однако присутствует также северная ориентировка.

В рамках группы «классических» кенотафов наблюдаются вариации некоторых признаков. В частности, при изучении «пустых могил» на памятниках Барбургазы-I и Монгун-Тайга на месте предполагаемого погребения человека зафиксировано изделие, напоминающее куклу (Грач А.Д., 1960б, с. 137, 141, рис. 83; Кубарев Г.В., 2005, с. 19) (Приложение III, рис. 41). Подобная традиция встречена при исследовании раннесредневековых некрополей и на других территориях (Грязнов М.П., 1982, с. 98). Не исключено, что редкость обозначенных находок в кенотафах раннесредневековых тюрок Центральной

Азии объясняется плохой сохранностью органических материалов, из которых могла быть изготовлена кукла.

Второй вариант – ***«парные» кенотафы***. Специфика объектов заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрок на Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов Д.Г., 1982, рис. 2.-5; 1987). Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кургана №2 могильника Узунтал-I, анализ которого позволил Д.Г. Савинову (1982, с. 120; 1987а, с. 89) предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника. Обратим также внимание на то, что парные и коллективные захоронения не характерны для раннесредневековых тюрок. В качестве исключения можно назвать погребения взрослых мужчин и женщин с детьми, обозначенные в предыдущем разделе диссертации, а также некоторые объекты, раскопанные на территории Минусинской котловины (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, рис. 6.-7, 12.-1).

Третий вариант – ***кенотаф с зависимым захоронением***. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежавшего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус (Приложение III, рис. 42). Памятник с таким набором признаков исследован вместе с другими кенотафами на могильнике Боротал-I на Алтае (Кубарев В.Д., 1985а, рис. 4). Основаниями для отнесения умершего к зависимым слоям населения можно считать его нестандартное положение и ориентировку, а также отсутствие инвентаря (Кубарев Г.В., 2005, с. 17). Подобный ритуал отмечен и при изучении «стандартного» погребения раннесредневековых тюрок на могильнике Курай-IV

(Киселев С.В., 1951, с. 535). Схожие признаки выделены В.А. Ильинской (1966, с. 166–171) для захоронений «рабов» в скифских курганах.

Археологические комплексы раннесредневековых тюрок Центральной Азии демонстрируют высокий уровень социальной дифференциации в обществе номадов. Она нашла отражение и в материалах кенотафов. К признакам, показывающим различный прижизненный статус предполагаемых погребенных, относятся такие элементы обряда, как количество лошадей, наличие зависимого захоронения человека, размеры наземных и внутримогильных конструкций и т.д. Основным показателем является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Помимо достаточно редких предметов вооружения и воинского снаряжения (фрагменты доспеха, копья), в «пустых могилах» фиксируются также детали одежды и бытовые изделия, зачастую выделяющие кенотафы среди других памятников некрополя (Грач А.Д., 1960б, с. 129–143; Савинов Д.Г., 1987а; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117). С другой стороны, в ряде случаев при исследовании таких объектов отмечен весьма ограниченный набор вещей. В целом, обозначенные характеристики являются подтверждением того, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, сохранялись прижизненный социальный статус и имущественное положение (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 270).

Традиция сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками Центральной Азии существовала на протяжении довольно длительного промежутка времени. Большая часть «пустых» могил относится к катандинскому (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) и туэктинскому (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) этапам развития культуры кочевников. По всей видимости, распространение кенотафов связано с частым ведением военных действий в Центральной Азии в указанный период (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 118). Косвенно это подтверждается тем, что большинство рассматриваемых объектов содержали сопроводительный инвентарь, предназначавшийся для мужчины-воина. Почти полное отсутствие кенотафов на

ранних этапах культуры тюрок может объясняться наличием других традиций, в том числе связанных с сооружением оградок и «ритуальных» курганов.

Рассмотрение основных элементов погребального ритуала раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволяет сделать ряд выводов. Необходимо отметить, что приведенные цифры могут впоследствии быть скорректированы с получением новых материалов и привлечением недоступных прежде сведений, однако выявленные тенденции, судя по всему, сохранят актуальность.

1. Анализ погребений с лошадью позволил обозначить две группы памятников, различающихся по ряду показателей, причем выявлена их территориальная локализация. Для первой группы характерна ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади (овцы) и расположение животного слева от умершего. Такой набор признаков является стандартом погребального ритуала* для тюрок Алтая – 62 (63,9%) объекта, Тувы – 30 (68,18%) и Монголии – 9 (50%) объектов. Обозначенные нормы обряда соблюдались и при сооружении кенотафов. Вторая группа отличается тем, что человек и животное ориентированы в одну сторону – на запад с отклонениями, причем лошадь (овца) находится справа от погребенного. Такая ситуация является характерной для тюрок Минусинской котловины – 34 объекта (60,71%).

2. Помимо преобладающей восточной (в Туве, на Алтае и в Монголии) и западной (в Минусинской котловине) ориентировки умерших людей выделяется северное направление, которое следует рассматривать как самостоятельную традицию.

3. В ходе исследования не выявлено прямой зависимости между хронологической позицией погребения и ориентировкой человека и животного.

* Стандартным может считаться признак или их совокупность в том случае, если они присущи не менее чем 50% объектов анализируемой выборки (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 155).

4. В культуре раннесредневековых тюрок Центральной Азии получили распространение «одиночные» погребения (без сопроводительного захоронения лошади). Основными вариантами интерпретации таких объектов являются определенная этническая принадлежность умерших людей, либо их низкий социальный статус. Кроме того, лошадь отсутствовала в большинстве детских погребений.

5. Особый вариант реализации погребального ритуала в традициях тюрок представляют кенотафы, демонстрирующие как общие, так и особенные характеристики обрядовой практики.

2.3. Объекты погребально-поминального характера

Комплекс ритуальных действий древних и средневековых обществ характеризуется сложностью, многоэлементностью и полисемантичностью. Помимо объектов, связанных с реализацией только погребальной или поминальной практики, известны памятники, характер которых сложно определить однозначно. Примерами таких комплексов в археологии раннесредневековых тюрок Центральной Азии выступают «ритуальные» курганы и отдельные захоронения лошадей. Возможности интерпретации этих объектов представлены далее.

2.3.1. «Ритуальные» курганы

Особую группу памятников раннесредневековых тюрок представляют «ритуальные» курганы (Приложение III, рис. 43–47). Именно так, на наш взгляд, предпочтительно называть объекты, основной характеристикой которых является наличие курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 130–133). Варианты обозначения подобных комплексов достаточно многочисленны. Они определяются

исследователями как курганы культового и специального назначения (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93; Могильников В.А., 1990, с. 145), «ложные» курганы (Грач А.Д., 1960б, с. 146), ритуальные курганы (Илюшин А.М., 1990; Соенов В.И. и др., 1992, с. 90), кенотафы (Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б., 1980, с. 89; Могильников В.А. и др., 1992, с. 83; Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 302), поминальные кенотафы (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 267; Матренин С.С., 2005г, с. 37). Культурная и хронологическая атрибуция таких объектов затрудняется тем, что они существовали на протяжении длительного периода. К примеру, на территории Алтая «ритуальные» курганы достоверно зафиксированы начиная со скифо-сакского времени, хотя некоторые объекты со схожими признаками известны уже в эпоху энеолита (Тюрина Е.А., 2007, с. 85–86).

В связи с этим при изучении «ритуальных» курганов основными являются две задачи:

1) выделение признаков для уточнения хронологической и культурной принадлежности объектов;

2) интерпретация и определение функций таких памятников, что будет способствовать также их более точному терминологическому обозначению.

Анализ археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии при учете результатов исследований памятников более раннего времени позволяет выделить признаки, на основе которых возможна хронологическая и культурная атрибуция «ритуальных» курганов:

1) особенности планиграфии объектов;

2) структура и размеры курганной насыпи;

3) предметы, в ряде случаев обнаруживаемые под наземной конструкцией.

Представим более подробно основные характеристики «ритуальных» курганов раннесредневековых тюрок. Чаще всего рассматриваемые объекты расположены в одной группе с погребальными или «поминальными» комплексами рассматриваемой общности. Такая ситуация зафиксирована на нескольких памятниках Алтая: Боротал (Кубарев В.Д., 1979б); Кара-Коба-I

(Могильников В.А., 1990), Чобурак-I (Бородовский А.П., 1994), Катанда-III (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997), Курота-I (Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992), Курота-II (Суразаков А.С., 1990б), Мендур-Соккон (Соенов В.И. и др., 1992), Курай-I, Туэкта (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941) (Приложение III, рис. 43). Схожая ситуация отмечена на некрополе Мойгун-Тайга в Туве (Грач А.Д., 1960а–б), а также комплексе Хар-Ямаатын-Гол в Монгольском Алтае (Кубарев Г.В. и др., 2007) (Приложение III, рис. 47). Характерной является идентичность не только размеров, но и структуры курганной насыпи. В данном случае имеется в виду, например, наличие такой же крепиды, что зафиксирована и при изучении «стандартных» объектов на памятнике (Бородовский А.П., 1994; Кубарев Г.В. и др., 2007). Своеобразная ситуация отмечена на могильнике Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, с. 93) в Минусинской котловине. Под насыпью одного из курганов некрополя, помимо обычных погребений, зафиксированы две выкладки, под которыми отсутствовали какие-либо конструкции.

Точная атрибуция «ритуальных» курганов возможна в случае обнаружения предметов под насыпью. Такая ситуация зафиксирована в ходе раскопок объектов раннего средневековья на памятниках Боротал, Катанда-III, Кок-Паш, Усть-Карасу и др. (Кубарев В.Д., 1979б, рис. 19; Илюшин А.М., 1990, рис. 1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VI.- 24–25; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003) на Алтае (Приложение III, рис. 43–46) и Хар-Ямаатын-Гол (Кубарев Г.В., 2016б, рис. 9) в Монголии (Приложение III, рис. 47). В четырех случаях найдены предметы конского снаряжения, также обнаружены панцирные пластины, перстень и часть керамического сосуда. Отметим также, что к настоящему времени рядом с тюркскими «поминальными» оградками выявлена серия насыпей, которые по различным характеристикам могут рассматриваться как «ритуальные» курганы. В ходе раскопок нескольких подобных сооружений зафиксированы органические материалы, позволившие получить радиоуглеродные даты (Соенов В.И. и др., 2009, с. 80–81, рис. 13–23; Кубарев Г.В., 2018, с. 87; и др.).

Наибольшую сложность представляет вопрос, связанный с определением функций «ритуальных» курганов. Нет сомнений, что такие объекты сооружались не случайно. Объем трудозатрат на их возведение был таким же, как и для обычных памятников, за исключением отсутствия внутримогильных конструкций. Сомнения вызывает предположение о том, что «ритуальные» курганы возводились для маскировки «стандартных» погребений и дезориентации возможных грабителей (Грач А.Д., 1960а, с. 65).

Обоснованный вариант интерпретации традиции сооружения «ритуальных» курганов предложен исследователями, которые обозначают подобные объекты как своего рода «поминальные» кенотафы (Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997, с. 25; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 267; Матренин С.С., 2005г, с. 37). Однако в этом случае остается не совсем понятным соотношение «ритуальных» курганов с «классическими» кенотафами раннесредневековых тюрок. Напомним, что при сооружении последних соблюдались все нормы погребального обряда, характерные для «стандартных» объектов: внутримогильные конструкции, сопроводительное захоронение лошади, инвентарь и др. Кроме того, известны случаи, когда «ритуальные» курганы расположены рядом с «классическими» кенотафами и установлена их синхронность (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 1).

В то же время, имеются дополнительные показатели, сближающие «ритуальные» курганы не только с кенотафами, но также «поминальными» комплексами раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2015а). Для каменных оградок и «ритуальных» курганов достаточно распространенным признаком является наличие рядом, чаще всего с восточной стороны, нескольких балбалов. При исследовании одной из «пустых» насыпей были встречены части доспеха (Илюшин А.М., 1990, рис. 1), обнаруживаемые почти исключительно в кенотафах и «поминальных» оградках тюрок. Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы предметы, либо получены радиоуглеродные датировки, объекты относятся к ранним этапам развития рассматриваемой общности – второй половине V –

первой половине VII вв. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных объектов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах развития культуры тюрок была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

2.3.2. Отдельные захоронения лошадей

Наряду со «стандартными» погребениями, а также кенотафами, имитирующими их при отсутствии умершего человека, определенное распространение у раннесредневековых тюрок Центральной Азии получила традиция сооружения отдельных захоронений лошадей (Серегин Н.Н., 2017в) (Приложение III, рис. 48–50). Нет сомнений, что такие комплексы демонстрируют особую группу объектов, отражающую вариабельность погребально-поминальной практики кочевников и требующую детального рассмотрения.

Специфика отдельных захоронений лошадей была отмечена уже А.А. Гавриловой (1965, с. 28), которая выделила их в особый вариант могил комплекса Кудыргэ. Важно обратить внимание на то, что к этой же группе объектов археолог отнесла «парный» кенотаф (курган №22), включавший захоронение двух лошадей с инвентарем, предназначенным для двух мужчин-воинов.

Опыт обобщения информации об отдельных захоронениях лошадей под курганными насыпями представлен в монографии С.П. Нестерова (1990, с. 79–81), посвященной рассмотрению роли коня в культах средневековых кочевников Центральной Азии. Археолог привел сводку подобных объектов, которые, по его наблюдениям, создавались на протяжении длительного периода с VI по XIV вв. С.П. Нестеров определил две основные причины сооружения отдельных захоронений лошадей, которые после этого принимались во внимание всеми

другими специалистами, рассматривавшими возможности интерпретации таких комплексов. Наиболее вероятными объяснениями необходимости захоронения коня отдельно от человека археолог посчитал преждевременную гибель животного, а также невозможность его погребения одновременно с хозяином (Нестеров С.П., 1990, с. 79–80). Исследователь упомянул, что основным отличием захоронений лошадей от кенотафов является присутствие в последних вещей, предназначенных для человека.

Некоторые дополнительные наблюдения об особенностях рассматриваемых объектов представлены в публикациях А.М. Илюшина (1995, 2003), посвященных введению в научный оборот результатов раскопок на Алтае. Археолог отметил, что отдельные захоронения лошадей демонстрируют довольно устойчивую традицию обрядовой практики раннесредневекового населения. При этом, по мнению А.М. Илюшина (2003, с. 134) такие объекты не являются «самостоятельными» в полном смысле слова, будучи так или иначе связаны с погребением человека. В качестве подтверждения исследователь привел материалы раскопок средневековых некрополей Кузнецкой котловины, где захоронения лошадей нередко расположены в отдельной грунтовой яме, но под одной курганной насыпью с могилой покойного. Возможность похожей интерпретации захоронений лошадей, исследованных на комплексе Кудыргэ отмечена П.П. Азбелевым (2000, с. 4–5).

Признавая обоснованность предложенных С.П. Нестеровым вариантов объяснения причин сооружения отдельных захоронений лошадей, Г.В. Кубарев (2005, с. 20) подчеркнул, что нельзя отрицать возможный культовый характер части из них. Обратим внимание на то, что многие из рассматриваемых археологом объектов включали предметы, предназначенные человеку, однако, по мнению исследователя, они не могут считаться кенотафами из-за отсутствия в могилах места для покойного. Г.В. Кубарев (2005, с. 20), как и ранее Д.Г. Савинов (1994а, с. 151) отметил необходимость дальнейшего изучения отдельных захоронений лошадей раннего средневековья, что должно

способствовать более четкому обозначению их отличительных признаков, а также объяснению назначения.

Присоединяясь к последнему тезису, более подробно представим основные характеристики отдельных захоронений лошадей, а также возможности интерпретации таких объектов в контексте обрядовой практики раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Исходя из представленных выше наблюдений исследователей, а также учитывая специфику собранных материалов, представляется возможным суммировать показательные характеристики отдельных захоронений лошадей, отличающие их от кенотафов и других объектов:

1) отсутствие останков погребенного человека;

2) отсутствие предметов сопроводительного инвентаря, предназначенных для человека;

3) отсутствие внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.) (Серегин Н.Н., 2017в).

Обозначенным критериям соответствуют 10 захоронений лошадей, раскопанных на памятниках Балык-Соок-I (курган №12)*, Бертек-27 (впускное погребение №1), Большой Яломан-II (курган №4), Кара-Коба-I (курганы №90, 123), Кудыргэ (курганы №1, 3, 8), Нижняя Соору (курган №1), Сары-Кобы (выкладка №17) (Гаврилова А.А., 1965; Суразаков А.С., 1982; Могильников В.А., 1994а; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994; Савинов Д.Г., 1994б; Илюшин А.М., 1995; Кубарев Г.В., 2005) (Приложение III, рис. 48–50). Кроме того, известна серия объектов, однозначная интерпретация которых по ряду причин затруднена. К примеру, в некоторых могилах с захоронением лошади отсутствует место для погребения человека, однако зафиксированы отдельные предметы инвентаря, предназначавшиеся для покойного (Балык-Соок-I, курган №23; Боротал-I, курган №6; Кок-Су-I, курган №27; Коо-I, курган №1; Чобурак-I,

* Несмотря на то, что данный объект был ограблен, совокупность сохранившихся и зафиксированных авторами раскопок характеристик позволяет отнести его, с известной долей условности, к отдельным захоронениям лошадей.

курган №2; и др.) (Сорокин С.С., 1974; Бородовский А.П., 1994; Илюшин А.М., 1995; Кубарев Г.В., 2005). На наш взгляд, такие комплексы следует рассматривать как кенотафы. Имеется информация о нескольких других памятниках, на которых изучены захоронения коней, однако материалы их не введены в научный оборот и не могли быть учтены в полной мере (Маннай-оол М.Х., 1970, с. 203; Нестеров С.П., 1990, с. 79).*

Таким образом, основной территорией распространения отдельных захоронений лошадей, за редким исключением объектов, известных лишь по фрагментарным упоминаниям, является Алтай. Рассматриваемые комплексы исследованы в разных частях региона, не образуя локальной группы памятников. Можно лишь отметить несколько большую концентрацию отдельных погребений коней в Центральном и Северо-Западном Алтае, однако незначительное количество таких объектов не позволяет зафиксировать какие-либо устойчивые закономерности в этом плане.

Отдельные захоронения лошадей чаще всего зафиксированы в составе довольно крупных погребально-поминальных памятников, включавших наряду с курганами тюрок комплексы других хронологических периодов (Балык-Соок-I, Кара-Коба-I, Кудэргэ, Нижняя Соору, Сары-Кобы). В ряде случаев отмечена намеренная связь рассматриваемых объектов с сооружениями предшествующего периода. К примеру, на некрополе Большой Яломан-II каменная выкладка №4, содержавшая захоронение лошади, была пристроена с северо-западной стороны к кургану раннего железного века (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 4) (Приложение III, рис. 50). Погребение двух коней памятника Бертек-27 сооружено в насыпи комплекса пазырыкской культуры (Савинов Д.Г., 1994б, с. 93) (Приложение III, рис. 29). При этом следует упомянуть, что традиция возведения погребальных и «поминальных» объектов на площади уже

* Отдельную группу памятников составляют захоронения лошадей в «поминальных» тюркских оградках. Такие объекты изучены на нескольких комплексах Алтая (Мамадаков Ю.Т., 1994б; Могильников В.А., 1994а; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001), а также известны на территории Тянь-Шаня (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 73–74, рис. 33–34) и Тувы (Килуновская М.Е. и др., 2017, рис. 56–58). Опыт исследования подобных сооружений представлен в Главе III диссертации.

существовавших некрополей в целом характерна для тюрок раннего средневековья на всех территориях распространения культуры кочевников.

За единственным исключением (впускное погребение Бертек-27) все учтенные захоронения лошадей имели каменные насыпи. Чаще всего, эти конструкции представляли собой наброски небольших размеров, без дополнительных конструктивных элементов в виде крепиды или ограды. В одном случае (Сары-Кобы, выкладка №17) от насыпи в юго-восточном направлении отходил ряд балбалов. В ходе изучения этого же объекта в составе наземной конструкции отмечены стенки из вертикально поставленных плит, ограничивавшие насыпь с двух сторон (Суразаков А.С., 1982, с. 127), что сближает данное сооружение с оградками раннего средневековья. Вместе с тем, следует отметить, что характерные для тюркских «поминальных» комплексов изваяния, стелы и балбалы зафиксированы также при исследовании некоторых курганов второй половины I тыс. н.э. (Кызласов Л.Р., 1969, с. 23, сноска 53; 1979, с. 132; Суразаков А.С., 1982, с. 26; Савинов Д.Г., 1983, с. 157; Кубарев В.Д., 1984, с. 171; Могильников В.А., 1990, с. 150–151; Кубарев Г.В., 2005, табл. 144).

В большинстве отдельных захоронений коней под курганной насыпью находилось одно животное. Две лошади зафиксированы в ходе раскопок трех объектов (Суразаков А.С., 1982, рис. 2.-6; Савинов Д.Г., 1994б, рис. 114; Кубарев Г.В., 2005, табл. 136, с. 382). При этом для всех рассматриваемых комплексов характерно отсутствие каких-либо специальных внутримогильных конструкций.

Важным показателем ритуала захоронения являлась ориентировка лошадей. Для большинства учтенных объектов характерно меридиональное направление животных, причем как на север, так и на юг. В двух случаях зафиксирована также ориентировка на запад, получившая наибольшее распространение при совершении «стандартных» погребений раннесредневековых тюрок.

Предметы конского снаряжения (удила, псалии, стремена, более редкие украшения сбруи), зафиксированные в отдельных захоронениях лошадей, позволяют определить хронологию объектов, а также обозначить период

существования традиции сооружения таких комплексов. Характерные формы обнаруженных изделий указывают на то, что большая часть рассматриваемых объектов относится к ранним этапам в развитии культуры тюрок и датируется в рамках второй половины V – первой половины VII вв. (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII, IX.-1, XIV.-8–12; Суразаков А.С., 1982, рис. 2.-6–12; Могильников В.А., 1994а, рис. 25; Илюшин А.М., 2003, рис. 1).

Рассмотрение имеющихся сведений показывает, что в материалах раскопок отдельных захоронений лошадей получила отражение общая концепция погребального обряда раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2017в). В «стандартных» объектах именно животное определяло предполагаемое расположение загробного мира (в большинстве случаев, это был западный сектор горизонта, значительно реже фиксируется северная ориентировка), в который, согласно существовавшим представлениям, направится душа человека после смерти. При этом, судя по зафиксированным показателям, рассматриваемые отдельные захоронения лошадей являются вполне самостоятельными комплексами, не связанными с конкретными погребениями людей. Об этом свидетельствуют такие характеристики объектов, как наличие отдельной насыпи, а также отсутствие, в большинстве случаев, расположенных в непосредственной близости «одиночных» погребений людей. Не представляют собой исключения и материалы раскопок могильника Кудыргэ, несмотря на то, что обозначенные объекты зафиксированы неподалеку друг от друга. Важно отметить, что конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей, раскопанных на известном некрополе (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII–X). Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюрок и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. При этом, как показано выше, погребения людей без животных получили определенное распространение в обрядовой практике раннесредневековых кочевников и не представляли собой исключительного явления.

В настоящее время представляется очевидным, что появление обычая совершения отдельных захоронений лошадей в обрядовой практике тюрок Алтая связано с традициями населения булан-кобинской культуры. Погребения коней под кольцевыми выкладками известны как на раннем (II в. до н.э. – I в. н.э.), так и на позднем (вторая половина IV – V вв. н.э.) этапах истории населения рассматриваемого региона хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 85–86; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 73–74). Такие объекты раскопаны на памятниках Чендек, Сары-Бел, Яломан-II, Верх-Уймон, Боочи, Берель и др. (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 60, рис. 1; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 20, 23; Соенов В.И., 1999, с. 134–135; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 489, 491–492; Самашев З. и др., 2016, с. 245–247, 249).

Непосредственным продолжением традиций населения булан-кобинской культуры стали захоронения лошадей в «поминальных» комплексах раннесредневековых тюрок. Выделяются две группы таких объектов – погребения коней в кольцевых оградках (Могильников В.А., 1994а) и захоронения животных в оградках подквадратной формы (Могильников В.А., 1992а; Мамадаков Ю.Т., 1994б; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001). При этом сооружения второй группы в ряде случаев напоминают кенотафы (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013б). Важно отметить, что, судя по имеющимся материалам, захоронения лошадей в «поминальных» комплексах совершались только на раннем этапе в развитии культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв.).

С этого же времени, и в большей степени позднее, уже во второй половине VI – первой половине VII вв. стали сооружаться погребения лошадей под курганными насыпями. Таким образом, логично предположить, что такие объекты стали своего рода «заменой» исчезнувших захоронений животных в «поминальных» комплексах, демонстрируя трансформацию обрядовой практики кочевников на ранних этапах развития культуры. В данном контексте вполне объяснимым является почти полное отсутствие отдельных погребений коней за

пределами Алтая. Вероятно, это связано с тем, что именно в указанном регионе происходили процессы формирования и начальной эволюции культуры тюрок, проявившиеся в том числе в «поиске» форм погребальных и «поминальных» объектов.

Таким образом, анализ имеющихся материалов показывает, что результаты раскопок отдельных захоронений лошадей демонстрируют элементы преемственности раннесредневековых тюрок с населением Алтая булан-кобинской культуры сяньбийско-жужанского времени. Сопоставление отдельных погребений коней под курганными насыпями с «поминальными» объектами позволяет рассматривать процессы трансформации традиций обрядовой практики кочевников на ранних этапах развития культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VII вв.). Нет сомнений, что дальнейшие раскопки на Алтае и в сопредельных регионах дадут основания для уточнения и детализации сделанных выводов. Продолжение исследований в указанном направлении имеет большое значение для определения семантики отдельных захоронений лошадей, кенотафов и «ритуальных» курганов, а также их места в системе мировоззренческих представлений раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

2.4. Сопроводительный инвентарь в системе погребальной обрядности

Важным элементом обряда, нередко наиболее показательным, является сопроводительный инвентарь, находящийся в захоронении. Анализ предметного комплекса обычно становится основой для решения вопросов, связанных с реконструкцией материальной культуры обществ прошлого и определением датировки исследуемого памятника. Обозначенные аспекты изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок неоднократно рассматривались в работах исследователей (Худяков Ю.С., 1986а; Добжанский

В.Н., 1990; Овчинникова Б.Б., 1990; Горбунов В.В., 2003; 2006а; Горбунова Т.Г., 2004; Кубарев Г.В., 2005; и мн. др.). Гораздо более фрагментарно представлены вопросы, связанные с анализом сопроводительного инвентаря как части погребального обряда раннесредневековых номадов.

Состав инвентаря из погребений тюрок, а также социальная интерпретация зафиксированных показателей представлены в Главе IV диссертации. В настоящем параграфе продемонстрированы возможности изучения зафиксированных закономерностей в размещении вещей в захоронениях номадов.

Традиция расположения предметов сопроводительного инвентаря в могиле является важным показателем погребального обряда обществ древности и средневековья. Изучение данного элемента ритуала позволяет рассматривать вопросы, связанные с местом конкретных вещей в представлениях людей, реконструировать особенности использования изделий, определять характерные черты этнографического облика погребенных и т.д. Особенности реализации обозначенного показателя обряда рассматриваются на материалах более 400 раскопанных погребений на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Многие памятники раннесредневековых тюрок ограблены или разрушены, результаты полевых исследований на ряде комплексов опубликованы лишь частично. Поэтому количество случаев достоверной фиксации места расположения предметов различно для конкретных категорий изделий. Вместе с тем, имеющейся информации оказалось достаточно для выявления основных традиций, существовавших у номадов Центральной Азии во второй половине I – начале II тыс. н.э. (Серегин Н.Н., 2012е) (Приложение III, рис. 51–54).

Показателем мужских погребений раннесредневековых тюрок являлось ***вооружение***. Одним из наиболее распространенных предметов в рамках обозначенной категории находок был ***лук***, представленный в захоронениях Центральной Азии роговыми накладками. Место их размещения зафиксировано для 49 могил. Судя по выявленным тенденциям, лук чаще всего располагался

справа от умершего человека, либо на правой части скелета – 31 случай (63,26%) (Приложение III, рис. 51). Слева рассматриваемый предмет вооружения помещен только в 10 (20,4%) могилах. Кроме того, отмечено его расположение сверху, на умершем человеке – 5 (10,2%) (Приложение III, рис. 52), а также на костяке лошади, сопровождавшей погребенного воина – 3 (6,12%) (Приложение III, рис. 53). Интересно, что последняя из отмеченных ситуаций зафиксирована только в материалах раскопок на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с. 89–90, 94). Вероятно, это отражает локальные традиции ритуала, характерные для населения, оставившего некрополь. Судя по расположению лука, он мог быть приторочен к седлу лошади.

Нередко рядом с роговыми накладками находились сохранившиеся остатки берестяного ***колчана***. Точное их расположение отмечено в ходе исследования 51 погребения раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Так же, как и лук, колчан чаще всего был помещен справа от умершего человека, либо на правой части скелета – 26 случаев (50,98%) (Приложение III, рис. 51). Слева от погребенного рассматриваемый предмет воинского снаряжения располагался в 11 (21,56%) могилах. Столь же часто колчан находился сверху, на груди умершего воина (Приложение III, рис. 52). В одном случае он был помещен «в ногах» погребенного. Наконец, дважды отмечена традиция, связанная с помещением колчана в районе седла лошади (Приложение III, рис. 53). Так же, как и при рассмотрении традиций расположения лука, данная ситуация зафиксирована только на памятнике Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с. 90, 94).

Гораздо менее распространенной группой находок было клинковое оружие. Расположение ***меча*** в погребении зафиксировано в 10 случаях. Преобладающим являлось помещение таких предметов слева от человека или на левой части скелета – 7 (70%). Судя по всему, это отражает традиционный способ ношения «под правую руку». При этом в ряде случаев меч находился не в районе пояса умершего человека, а был положен рядом (Приложение III, рис. 52). В двух

захоронениях раннесредневековых тюрок зафиксировано помещение рассматриваемого изделия справа от погребенного, и однажды – сверху, на скелете. Другие тенденции отмечены для ***кинжалов***, место расположения которых известно для 6 могил. Чаще всего такие предметы вооружения находились справа на поясе умершего человека – 3 (50%) случая. Однажды кинжал был помещен слева. Интерес представляет зафиксированное дважды обнаружение рассматриваемого оружия у черепа погребенного. Вероятно, это связано с расположением кинжалов рядом с жертвенной пищей. Отметим, что последняя из описанных ситуаций зафиксирована при исследовании погребений, которые по ряду признаков (наличие зеркала, пряслица, гребня и др.) отличаются от «стандартных» мужских захоронений и, возможно, принадлежат женщинам. Дополнительным подтверждением этому является расположение кинжалов, отражающее использование данных предметов не в качестве оружия, а скорее как бытовых предметов (Серегин Н.Н., 2012е).

Менее очевидны тенденции расположения в могиле таких предметов вооружения и воинского снаряжения, как ***боевой топор, копье*** и ***доспех***. В первых двух случаях основной причиной, ограничивающей возможность выявления каких-либо тенденций в рассматриваемом компоненте ритуальной практики, является редкость обозначенных находок. Что касается фрагментов доспеха, то они зафиксированы, за редким исключением (Кубарев Г.В., 2005, табл. 132–134; Овчинникова Б.Б., 2013а, табл. XIII.-18), в кенотафах, а также в «поминальных» оградках и «ритуальных» курганах (Серегин Н.Н., 2008, с. 148). Не исключено, что в «пустых» могилах части защитного снаряжения являлись своего рода «заменой» отсутствовавшего человека, тело которого по различным причинам не могло быть захоронено.

Весьма многочисленной категорией находок в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются ***орудия труда и предметы быта***. Наиболее представительной группой таких изделий были ***ножи***, место расположения которых отмечено при исследовании 68 могил. Нож помещался, главным образом, в районе пояса либо в руке умершего человека –

53 случая (77,94%) (Приложение III, рис. 51, 53). Другая традиция размещения обозначенных изделий косвенно подтверждает высказанные выше предположения по поводу нетипичного места нахождения кинжалов в некоторых погребениях. В восьми (11,76%) могилах нож располагался в районе черепа человека, здесь же была положена жертвенная пища. Нередко остатки тризны помещены «в ногах» погребенного человека. Именно здесь в трех захоронениях обнаружен и нож. Кроме того, зафиксированы единичные случаи расположения изделий указанной группы у плеча умершего человека и на костяке сопровождавшей его лошади.

Другим распространенным универсальным орудием труда в раннем средневековье было ***тесло***. Место расположения таких предметов в погребениях тюрок Центральной Азии определено в 34 случаях. Чаще всего обозначенные изделия найдены на костяке лошади, в районе спины животного – 19 (55,88%) погребений (Приложение III, рис. 53). Очевидно, зафиксированная археологами ситуация отражает то, что тесло находилось в переметной сумке, либо было приторочено к седлу. Другим вполне объяснимым вариантом было расположение рассматриваемого орудия труда в районе пояса умершего человека – девять (26,47%) случаев. Менее однозначной представляется интерпретация достаточно четко выделяющейся традиции помещения тесла у головы погребенного, отмеченной в пяти (14,7%) могилах. Кроме того, однажды указанный предмет находился «в ногах» человека.

К орудиям труда традиционно относятся ***пряслица***, обнаруженные почти исключительно в женских погребениях раннесредневековых тюрок. Обратим внимание на то, что вопрос о функциональном назначении таких предметов не однозначен. Большинством исследователей небольшие керамические или каменные диски с отверстиями рассматриваются как принадлежности ткацкого производства (Кубарев Г.В., 2005, с. 77–78), что подтверждает обнаружение в одном из тюркских погребений на территории Тянь-Шаня пряслица, надетого на деревянное веретено (Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, с. 62). Вместе с тем, высказывались и другие варианты их интерпретации. А.А. Гаврилова (1965, с.

61) обозначила одну из таких находок как застежку от сумки. В.А. Могильников (1990, с. 156) не исключил оба представленных выше объяснения, однако также склонился в пользу рассмотрения пряслиц в качестве застежек. Оригинальное предположение об использовании рассматриваемых изделий предложила Б.Б. Овчинникова (1990, с. 61). Исследовательница, указав на известные ей этнографические параллели, посчитала, что пряслица могли использоваться для игры с лошадью. Д.Г. Савинов (1994а, с. 149), рассматривая материалы раскопок женского погребения на памятнике Бертек-34, предположил, что в некоторых случаях керамические или каменные диски из памятников раннесредневековых тюрок являлись частью височных украшений.

Дополнительная информация о назначении рассматриваемых изделий может быть получена при рассмотрении традиций их расположения в могиле. Из отмеченных десяти случаев фиксации пряслиц в погребениях раннесредневековых тюрок, в пяти захоронениях (50%) они были помещены на костяке лошади, почти всегда в районе седла. Данный вариант нахождения предметов свидетельствует либо об их использовании в качестве застежки седельной сумки, либо о хранении пряслиц в ней. Другая традиция связана с расположением изделий у головы умершего человека (30%), что косвенно подтверждает возможность их использования как составной части украшений. В двух погребениях пряслице найдено у ног умершего человека.

Другим маркером женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии являлись костяные ***игольники***. Назначение таких предметов не вызывает вопросов, так как в ряде случаев в них обнаружены остатки железных иголок (Длужневская Г.В., 2000, с. 180; Кубарев Г.В., 2005, с. 371). Устойчивой традицией расположения указанных изделий, зафиксированной в пяти могилах, являлось помещение у правого бока умершей, между ребрами и локтем – четыре случая. Только однажды игольник находился за головой погребенного человека. Последняя ситуация является наиболее характерной закономерностью в расположении ***гребней*** и ***металлических зеркал***, также чаще всего маркирующих женские погребения тюрок. Место нахождения костяных

или роговых гребней отмечено при исследовании девяти могил. В пяти случаях изделие помещено в районе головы умершего человека (Приложение III, рис. 54), трижды – на поясе, и в одном погребении было зафиксировано у его ног. Точно такие же тенденции отмечены для металлических зеркал (12 экземпляров), нередко располагавшихся рядом с гребнем в одной сумочке-футляре (Приложение III, рис. 54). У головы умершего указанное изделие находилось в пяти могилах, в районе пояса погребенного зафиксировано в четырех случаях, дважды было помещено у ног человека и в одном захоронении – на костяке лошади. Отмеченные закономерности могут быть объяснены с точки зрения использования рассматриваемых предметов в повседневной жизни или с учетом специфики мировоззренческих представлений номадов. Помещение зеркал в районе пояса погребенного человека, по всей видимости, было обусловлено тем, что они носились в поясной сумочке-футляре (Серегин Н.Н., 2012е). Не исключено, что фрагменты изделий подвешивались прямо на пояс (Руденко К.А., 2004, с. 126). Менее однозначной является интерпретация частого расположения изделий у головы умершего человека. Объяснение такой традиции может быть связано с непосредственной утилитарной функцией зеркала, которое помещалось рядом с головой, чтобы умерший мог «смотреться» в него (Худяков Ю.С., 2001, с. 95, 98). Другое объяснение следует искать в наличии определенных представлений, связанных с этой частью тела. Особое отношение к голове человека возникло в древности (Медникова М.Б., 2004, с. 40) и имело различное проявление. Возможно, некоторые специфические элементы ритуала, зафиксированные при исследовании ряда погребений эпохи средневековья, могут быть объяснены именно с этой точки зрения (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 78–79).

Отметим, что зафиксированные традиции расположения металлических зеркал характерны не только для раннесредневековых кочевников Центральной Азии, но также получили широкое распространение в обрядовой практике различных обществ в широких территориальных и хронологических рамках (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 111–115). В контексте объяснения

обозначенных наблюдений определенный интерес представляют сведения о специфике использования металлических зеркал в обряде жителей Поднебесной империи – регионе, с которым связано происхождение большинства рассматриваемых находок из памятников тюрок. В древних и средневековых погребениях Китая такие изделия часто фиксируются среди других предметов сопроводительного инвентаря (Масумото Т., 2005, с. 302). Имеются сведения о том, что в китайском обществе был распространен обычай подвешивания зеркала над изголовьем кровати для того, чтобы отогнать нечистую силу (Маракуев А.В., 1947, с. 169). Закономерен вопрос о степени проникновения культурных традиций китайского общества в среду кочевников. С одной стороны, очевидно, что комплексы мировоззренческих представлений номадов и жителей Поднебесной империи различаются коренным образом, что усугублялось сложными политическими отношениями. В то же время постоянные контакты элитных слоев тюркского общества с китайскими дипломатами, торговцами и чиновниками не проходили бесследно. К примеру, вполне возможно, что некоторые орнаментальные сюжеты китайских зеркал могли восприниматься либо переосмысливаться кочевниками. Не лишенным оснований представляется предположение о том, что номады выбирали для подделки типы зеркал с определенными, более понятными им изображениями (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 23). В период раннего средневековья этому могло способствовать упрощение символики танских зеркал, которая стала менее каноничной и более доступной для некитайских народов (Масумото Т., 2005, с. 301). Таким образом, можно рассматривать предположение о восприятии номадами традиций в размещении зеркал в погребении. Добавим, что факт заимствования элитными слоями номадов отдельных черт обряда жителей Поднебесной империи подтверждается материалами погребальных и «поминальных» комплексов кочевников хуннуского и тюркского периодов (Худяков Ю.С., 2002б, с. 148; Филиппова И.В., 2005, с. 19; Серегин Н.Н., 2017е).

Другим предметом китайского импорта, зафиксированным в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии, являются ***монеты***. Бытование

таких изделий в среде кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости (Щербак А.М., 1960, с. 139–141), то, безусловно, только этим не ограничивалось. Не лишенным оснований представляется утверждение о том, что китайские монеты могли носиться как амулеты (Басова Н.В., Кузнецов Н.А., 2005, с. 135). Свидетельством изменения первоначальных функций изделий можно считать благожелательные надписи на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с. 117). Кроме того, существует предположение, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и др. (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 30; Камышев А.М., 1999, с. 59; Масумото Т., 2001, с. 52; Филиппова И.В., 2005, с. 15). С другой стороны, почти во всех случаях, когда определено расположение рассматриваемых изделий в могилах раннесредневековых тюрок Центральной Азии, они находились в районе пояса умершего человека. Вероятно, данная ситуация отражает ношение монет в поясной сумочке, остатки которой сохранились в некоторых погребениях (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213; Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 96).

Наиболее многочисленной группой находок из Поднебесной империи, обнаруженных в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии, были ***шелковые изделия***. Широкое распространение шелка в среде кочевников определялось несколькими обстоятельствами. Безусловно, важной была эстетическая составляющая. Одежда из орнаментированных шелковых тканей демонстрировала определенное положение человека в обществе. Не меньшее значение имели гигиенические свойства рассматриваемого материала (Доде З.В., 2006, с. 164–166). Очевидно, изделия из шелка стали неотъемлемой частью материальной культуры номадов, что отразилось в их использовании не только в быту, но и в погребальном обряде. Остатки шелковых тканей зафиксированы в 52 захоронениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Не исключено, что такие предметы присутствовали в большем количестве могил, однако по различным причинам не сохранились. Отметим, что далеко не во всех случаях

авторами раскопок приведено описание таких находок, еще более редко они сопровождаются иллюстрациями. Тем не менее, имеющаяся информация позволяет сделать ряд выводов о специфике использования шелка в обрядовой практике раннесредневековых тюрок (Серегин Н.Н., 2012е).

Из этнографических материалов известно, что кочевники рассматриваемого региона зачастую хоронили умершего в той одежде, что человек носил при жизни (Дьяконова В.П., 1975, с. 49–50). Вероятно, такая ситуация демонстрируется и результатами исследования погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Именно частями одежды представлена большая часть шелка из захоронений. В погребениях кочевников второй половины I – начала II тыс. н.э. ткань, в большинстве случаев, сохранилась достаточно фрагментарно. Вместе с тем, характер расположения и степень концентрации шелка на костяке умершего человека позволяют в ряде случаев определить вид одежды. Чаще всего на погребенном зафиксированы остатки шелкового халата или кафтана (Лубо-Лесниченко Е.И., Трифонов Ю.И., 1989, с. 407; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 12; Кубарев Г.В., 2005, с. 28–29), в некоторых случаях утепленного войлоком (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Кубарев Г.В., 2005, с. 27). Встречена и меховая одежда в виде шубы, покрытой шелком (Могильников В.А., 1997а, с. 201; Кубарев Г.В., 2005, с. 29). Интерес представляют находки шелковых лент (Вайнштейн С.И., 1954, с. 148; Грач А.Д., 1968б, с. 106), одна из которых, вероятно, использовалась для фиксации волос. В тюркском погребении, исследованном в Казахстане, встречены остатки шелкового пояса (Кадырбаев М.К., 1959, с. 184, рис. 20а). Редким случаем сохранности шелковой одежды, в том числе головного убора, являются материалы из скального погребения Узуур гялан в Монголии (Энхтуяа Ш., 2017, т. 34–55).

В некоторых захоронениях, судя по имеющимся материалам, находилось несколько видов одежды. Остатки кафтана и двух рубах обнаружены в погребении культуры тюрок на могильнике Мойгун-Тайга в Туве. Реставрация этих тканей показала, что эти фрагменты шелковых одежд были свернуты и

положены на грудь умершего (Грач А.Д., 1958б, с. 29). Похожая ситуация зафиксирована при исследовании одного из погребений могильника Катанда-III на Алтае, где свернутая одежда из шелка находилась в сумке рядом с человеком (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117). Из этнографии тувинцев известно, что в погребение нередко помещалась «дополнительная» одежда, которая может пригодиться умершему человеку в загробном мире (Дьяконова В.П., 1975, с. 50).

Характер расположения шелка на умерших позволяет предположить, что в некоторых случаях ткань использовалась как покрывало или погребальный саван (Грач А.Д., 1960б, с. 127). Похожая ситуация встречена в ходе раскопок одного из раннесредневековых захоронений Лесостепного Алтая (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, с. 284–286). Возможно, более поздним проявлением данной традиции является зафиксированный у тувинцев обряд, согласно которому тело умершего человека заворачивали в войлок, а на лицо ему клали шелковый платок (Дьяконова В.П., 1975, с. 49).

Другим вариантом использования китайского шелка в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии было создание из ткани специальных кукол, «заменявших» человека в кенотафах. Известны три таких захоронения, раскопанных на памятниках Алтая и Тувы (Грач А.Д., 1960б, с. 137, 141; Кубарев Г.В., 2005, с. 374). Вероятно, ткань на куклах, обнаруженных в кенотафах на месте предполагаемого человека, символизировала шелковые одежды.

Достаточно редким элементом материальной культуры раннесредневековых тюрок Центральной Азии, судя по результатам раскопок археологических комплексов, были ***керамические сосуды***. Расположение таких изделий в могиле отмечено в 29 случаях. Доминирующей традицией было помещение керамических сосудов у головы умершего человека – 24 (82,75%) погребения (Приложение III, рис. 53). Отметим, что обозначенная закономерность характерна не только для памятников Минусинской котловины, где использование таких изделий в обрядовой практике получило наибольшее

распространение, но и для захоронений Алтая, Тувы и Монголии. Некоторые отклонения отмечены только в ходе раскопок комплексов раннесредневековых тюрок на уже упомянутом некрополе Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999), в ряде могил которого рассматриваемые находки были помещены у черепа лошади, а также сбоку или в районе ног умершего человека. Отмеченная преобладающая традиция в размещении керамической посуды в могиле отражает также специфику расположения ***металлических сосудов***. Во всех зафиксированных пяти случаях такие изделия находились в районе головы погребенного (Приложение III, рис. 54). Очевидно, представления, связанные с использованием керамических и металлических сосудов в обрядовой практике раннесредневековых тюрок, были идентичны, а отличия в материале отражают особенности социального статуса покойного при жизни. Противоположная тенденция характерна для расположения в могиле еще более редких «престижных» для кочевников раннего средневековья предметов – ***железных котлов***. Такое изделие только однажды зафиксировано за головой человека, а во всех остальных случаях (три захоронения) находилось «в ногах» погребенного.

В ходе анализа материалов раскопок погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии выделены группы находок, расположение которых в могиле отражает традиционное их использование покойным при жизни (Серегин Н.Н., 2012е). Так, остатки ***наборного пояса*** находились поверх тазовых костей умершего человека (Приложение III, рис. 51), а серьги – около черепа. Типичным является расположение предметов ***конского снаряжения*** на костяке лошади (Приложение III, рис. 51–54). Вместе с тем, для обозначенных категорий изделий отмечены и нестандартные ситуации, изучение которых позволяет рассматривать некоторые специфичные формы обряда номадов. К примеру, в одной из женских могил наборный пояс находился в районе черепа умершей (Гаврилова А.А., 1965, с. 61). В захоронении ребенка, исследованном на некрополе Мойгун-Тайга (Грач А.Д., 1960а, с. 32), такое изделие было положено в стороне, сбоку от человека. При рассмотрении возможностей интерпретации

отмеченных ситуаций следует учитывать то, что наборный пояс являлся маркером мужских погребений раннесредневековых тюрок. Помещение такого изделия в захоронение женщины или ребенка являлось нетипичным. Поэтому нестандартное расположение пояса, судя по всему, объясняется тем, что находка не использовалась покойным при жизни, а являлась своего рода подношением. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу (Нестеров С.П., 1999, с. 97). Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов центрально-азиатского региона существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кисет, предназначенный для передачи ее мужу (Дьяконова В.П., 1975, с. 23, 44–45, 130–131). Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрок.

Нестандартные варианты расположение предметов конского снаряжения (в районе головы и у ног умершего человека) характерны, главным образом, для «одиночных» погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии, подробно рассмотренных ранее. Здесь лишь отметим, что такие случаи имеют многочисленные аналогии в памятниках рассматриваемого региона позднего средневековья и этнографического времени (Дьяконова В.П., 1975, с. 23; Тощакова Е.М., 1978, с. 144, 146; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2003, с. 16, 25, 34–35).

Итак, рассмотрение основных традиций расположения сопроводительного инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволило прийти к заключению о том, что в большинстве случаев местонахождение изделий отражает особенности их использования и ношения умершим человеком при жизни. Это подтверждается выявленными тенденциями в размещении большинства предметов вооружения, конского снаряжения, костюма, украшений, орудий труда. В материалах захоронений нашли отражение также некоторые представления раннесредневековых кочевников о роли вещей в погребальном ритуале. Это иллюстрируется особенностями места

в могиле таких предметов, как зеркала, гребни, керамические и металлические сосуды. Вероятно, в ряде случаев нестандартное расположение некоторых изделий демонстрирует специфику мировоззренческих представлений раннесредневековых тюрок, связанных с использованием вещей в загробном мире, возможной их передачей настоящему владельцу и др. Некоторые ситуации отражают своеобразие традиций погребального обряда, характерных для локальных групп номадов.

2.5. Формирование и динамика погребального обряда тюрок

До настоящего времени эволюция культуры раннесредневековых тюрок Центральной Азии иллюстрировалась, главным образом, при рассмотрении предметного комплекса кочевников, наиболее динамично отражающего изменения, связанные с поиском оптимальных форм изделий, престижностью отдельных категорий вещей и др. Существенным фактором, обусловившим фрагментарность изученности процессов трансформации погребальной обрядности номадов, является очевидная консервативность данного элемента культуры. С другой стороны, указанное обстоятельство подчеркивает значимость детального исследования любых изменений в этой сфере и необходимость изучения всех вызвавших их обстоятельств. Проведенный анализ некрополей раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволил нам обозначить эволюцию погребальных комплексов номадов с акцентом на выявление традиций и новаций в реализации различных компонентов обрядовой практики, а также причин и факторов, обусловивших специфику зафиксированных процессов (Серегин Н.Н., 2011б; 2013и).

Анализ археологических материалов, полученных в ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает непрерывное существование культуры номадов на протяжении второй половины V – XI вв. н.э. На сегодняшний день наиболее развернутой и обоснованной

представляется концепция развития культуры тюрок, представленная в публикациях барнаульских археологов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161–163; Тишкин А.А., 2007, с. 193–201). Данная схема продолжает наполняться содержанием и конкретизироваться (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б; 2018б). Она основана на археологических материалах Алтая, однако при определенных допущениях применима и при интерпретации комплексов, раскопанных на сопредельных территориях. Каждый из периодов обеспечен различным количеством раскопанных памятников; весьма неравномерно и количество объектов, исследованных в каждом из рассматриваемых регионов распространения культуры. Поэтому в настоящее время в эволюции погребальной обрядности кочевников представляется возможным выделять только основные тенденции, которые при дальнейшем накоплении и интерпретации материалов могут быть уточнены и детализированы.

Ранний кызыл-ташский этап в развитии культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв.) в настоящее время представлен погребальными памятниками, раскопанными только на Алтае. Судя по всему, это отражает район формирования и первоначальной локализации населения данной общности. Количество объектов, относящихся к рассматриваемому времени, весьма незначительно. Вместе с тем, анализ известных материалов дает возможность для обозначения ряда признаков, отличающих погребальные и ритуальные комплексы кызыл-ташского этапа.

При исследовании некоторых памятников второй половины V – первой половины VI вв. зафиксированы черты погребальной обрядности, демонстрирующие возможную связь с традициями, характерными для булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени. В одном случае отмечено помещение лошади над погребением человека (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233), что является наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» (Матренин С.С., 2005г, с. 41–42). Другим вариантом данной традиции у населения Алтая первой половины I тыс. н.э. было помещение

лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в самом раннем погребении культуры тюрок, исследованном на территории Тувы (Грач В.А., 1982, рис. 1). Вероятно, с традициями сяньбийско-жужанского времени следует связывать также некоторые «одиночные» захоронения тюрок, в том числе, относящиеся к раннему кызыл-ташскому этапу (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4).

Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии культуры тюрок с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая второй половины V – первой половины VI вв. н.э. Прежде всего, следует отметить наибольшую простоту в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи, чаще всего, представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленной процессами формирования новой общности кочевников. С другой стороны, на кызыл-ташском этапе фиксируется сложение норм обряда, ставших впоследствии характерными признаками погребальной практики раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Так, при исследовании одного из поздних объектов кызыл-ташского этапа (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998) отмечено полное соблюдение стандарта ритуала, получившего распространение в последующее время: захоронение человека с лошадью, помещенной слева от него при ориентировке покойного в восточный сектор горизонта и противоположном направлении животного. Лошадь присутствовала и в относящихся к кызыл-ташскому этапу кенотафах (Савинов Д.Г., 1982; Кубарев В.Д., 1985а; Кубарев Г.В., 2005). С оформлением сопроводительного

захоронения животного связано появление приступки (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005).

Одним из показателей, отличающих погребальные комплексы раннесредневековых тюрок второй половины V – первой половины VI вв. н.э. от памятников данной общности более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированной в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых тюрок на Алтае.

В целом, анализ погребальных памятников тюрок демонстрирует весьма слабую связь с традициями булан-кобинской культуры Алтая. При этом ряд общих характеристик, включающих черты преемственности населения региона сяньбийско-жужанского времени и раннего средневековья, демонстрируют «поминальные» комплексы.*

Особенности дальнейшего развития археологической культуры раннесредневековых тюрок Алтая и сопредельных территорий были в значительной степени обусловлены перипетиями политической истории кочевников. Из письменных источников известно, что объединенные племена номадов нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы номадов и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках кудыргинского этапа культуры тюрок (вторая половина VI – первая половина VII вв.). Археологические комплексы этого периода исследованы уже не только на Алтае, но также на обширных сопредельных территориях Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии. При этом памятники каждой из обозначенных территорий отличаются по целому ряду характеристик, демонстрирующих специфику развития культуры тюрок и требующих отдельного рассмотрения.

* Результаты анализа данной группы археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии представлены в Главе III диссертации.

Рядом особенностей характеризуются погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Алтая второй половины VI – первой половины VII вв., рассмотренные далее с акцентом на выявление традиций и новаций в реализации различных компонентов обрядовой практики.

Основная масса исследованных погребальных комплексов кудыргинского этапа в настоящее время известна именно на территории Алтая. Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры тюрок, но и как базы для первых военных походов раннесредневековых кочевников. Наиболее крупным некрополем Алтая данного периода является могильник Кудыргэ. Различным аспектам изучения эпонимного памятника посвящена обширная литература. В ряде работ отечественных исследователей представлен опыт рассмотрения и интерпретации некоторых сторон погребальной обрядности населения, оставившего могильник (Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Азбелев П.П., 2000, с. 4–5; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 205–206; и др.). Поэтому отметим лишь наиболее показательные черты данного комплекса, демонстрирующие как некоторые особенности некрополя, так и признаки, характерные для культуры раннесредневековых тюрок в целом.

При первом рассмотрении материалов раскопок на могильнике Кудыргэ может сложиться впечатление о специфичности погребальной обрядности населения, оставившего некрополь. Однако при подробном анализе памятника и сопоставлении с общими традициями раннесредневековых тюрок становится очевидным, что могильник не представляет собой исключительного явления. Так, описанные А.А. Гавриловой (1965, с. 22–28) и отраженные в иллюстрациях специфичные наземные сооружения в виде «овала из камней» или «прямоугольника из плит», представляют собой обычную курганную насыпь, в основе которой была крепида из крупных камней (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 165–166). Многочисленные аналогии в комплексах раннесредневековых тюрок имеют такие элементы конструкций, как перекрытие могильной ямы, сооружение приступки по одной из ее стенок и погребальная камера в виде гроба, отмеченные при исследовании ряда объектов могильника Кудыргэ. Как показано

ранее, не являются исключительными для традиций тюрок отдельные погребения людей и лошадей, раскопанные на рассматриваемом некрополе.

Единственной действительно специфичной чертой погребальной обрядности, выделяющей комплекс Кудыргэ на фоне других погребальных памятников раннесредневековых тюрок, является нетипичная для носителей рассматриваемой общности ориентировка умерших в южный сектор горизонта. Однако в данном случае имеются основания для предположения о том, что отличие в обозначенном элементе обряда обусловлено не особенной этнокультурной принадлежностью населения, а характеристиками местности. Отмечено, что долина, в которой находится некрополь, имеет выходы только в северном и южном направлениях (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 157). Подобная ситуация, демонстрирующая влияние ландшафта на преобладающую ориентировку умерших людей в определенный сектор горизонта, наблюдается и на других комплексах Алтая различных хронологических периодов (Матренин С.С., 2003; 2005г, с. 38).

Рассмотрение показателей погребального обряда, зафиксированных на других памятниках Алтая кудыргинского этапа, позволяет более подробно раскрыть особенности комплексов данного периода (Серегин Н.Н., 2013г). Наземные сооружения представлены простыми насыпями, чаще всего без каких-либо дополнительных конструкций. Только в одном случае зафиксирована крепида по периметру наброски (Могильников В.А., 1990, рис. 3). Также однажды отмечен околокурганный объект в виде небольшой каменной выкладки, пристроенной с юго-запада к насыпи (Кубарев Г.В., 2011б, с. 229). Редким показателем являлось сооружение перекрытия могильной ямы, которое было каменным (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 165) или деревянным (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100). Не исключено, что такие конструкции присутствовали и в некоторых ограбленных захоронениях, где зафиксированы их следы (Могильников В.А., 1990, с. 141). В абсолютном большинстве случаев раннесредневековыми тюрками Алтая во второй половине VI – первой половине VII вв. сооружалась простая могильная яма; только однажды отмечена приступка

по одной из ее стенок, на которой помещена лошадь (Могильников В.А., 1990, рис. 2). Несколько большее распространение получила другая конструкция, связанная с оформлением сопроводительного захоронения животного – перегородка, отделявшая человека. Такие сооружения были деревянными или каменными, причем в одном захоронении подобная конструкция находилась с обоих боков лошади, образуя своего рода каменный ящик (Могильников В.А., 1990, рис. 4). Каменный ящик представляет собой и единственный вариант погребальной камеры для человека, отмеченный в одном из захоронений Алтая (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 12).

Погребальный ритуал, зафиксированный в комплексах раннесредневековых тюрок Алтая кудыргинского этапа, выглядит достаточно унифицированым и соответствует общему стандарту обряда рассматриваемой общности (Серегин Н.Н., 2013г). В большинстве захоронений данного региона второй половины VI – первой половины VII вв. умерший человек ориентирован в восточный сектор горизонта, а лошадь, положенная слева от него, направлена головой на запад. Формирование данной совокупности показателей отмечено в материалах раскопок комплексов предшествующего периода, однако именно в памятниках кудыргинского этапа стандарт погребального ритуала получил наиболее устойчивое выражение. Вместе с тем, отмечена и другая традиция. В двух погребениях раннесредневековых тюрок рассматриваемого региона зафиксирована ориентировка умерших людей и сопровождавших их лошадей в северном направлении при расположении животного справа от человека (Могильников В.А., 1990, с. 140–141; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 12).

Погребальные комплексы раннесредневековых тюрок, относящиеся ко второй половине VI – первой половине VII вв., за пределами Алтая достаточно немногочисленны (Серегин Н.Н., 2013г). Всего три таких объекта исследованы на территории Тувы (Грач А.Д., 1960а, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5). Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Вместе с тем, на указанной территории имеется серия случайных

находок данного периода, а также материалы второй половины VI – первой половины VII вв. из оградок (Dorjsuren C., 1967; Санжмятав Т., 1993, табл. 107; Дундговь аймагт …, 2010, т. 311–312; и др.), что указывает на возможность распространения памятников.* На таком фоне довольно представительной выглядит серия погребений кудыргинского этапа, раскопанных в различных районах Средней Азии и Казахстана (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; и др.).

Общими особенностями погребальных комплексов второй половины VI – первой половины VII вв., раскопанных в Туве, Казахстане и Средней Азии, является преимущественная простота оформления наземных конструкций, наличие каменной перегородки, отделявшей умершего человека от сопровождавшей его лошади, расположение животного на невысокой приступке, а также появление захоронений в подбое. Крайне редко отмечена крепида по периметру наземной конструкции (Трифонов Ю.И., 1971, рис. 2–3), а также околокурганные объекты (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302, рис. 19). Погребальный ритуал в большинстве захоронений, исследованных на обозначенных территориях, представлен стандартным соотношением показателей, охарактеризованных выше при рассмотрении памятников Алтая.

Особенности распространения культуры раннесредневековых тюрок в различных регионах наиболее ярко демонстрируют археологические комплексы кудыргинского этапа, раскопанные в Минусинской котловине. Специфичные черты, характерные для некрополей данного региона, неоднократно подчеркивались выше при анализе конкретных элементов обряда. Интерпретация зафиксированных показателей «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок более подробно представлена в параграфе 5.2. диссертации.

* Не исключено, что погребальных комплексов кудыргинского этапа в Монголии раскопано больше. Конкретизации количества объектов данного периода будет способствовать публикация не введенных в научный оборот материалов исследований прошлых лет.

Обратим внимание на то, что общей чертой погребальных комплексов раннесредневековых тюрок второй половины VI – второй половины VII вв., раскопанных на всех частях Центральной Азии, является их немногочисленность. Это в какой-то степени объяснимо для предшествующего кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI вв.), когда происходило формирование культуры и становление традиций обряда, однако выглядит абсолютно нелогичным при рассмотрении памятников кудыргинского этапа, отражающих историю общности тюрок в период ее наивысшего развития. Тем не менее, предложим некоторые возможные варианты интерпретации ситуации, зафиксированной по материалам раскопок археологических комплексов.

Нельзя исключать, что памятники кудыргинского этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов. Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых второй половиной VI – первой половиной VII вв., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть номадов на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах культуры тюрок разного рода погребально-поминальных комплексов. Ко второй половине V – первой половине VII вв. относится серия «классических» кенотафов, сооруженных, судя по всему, в честь погибших на чужбине воинов (Гаврилова А.А., 1965, с. 27; Савинов Д.Г., 1982, с. 103; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117). Схожие функции, судя по имеющимся материалам, выполняли «ритуальные» курганы.

Представленные наблюдения демонстрируют определенную степень сложности погребально-поминальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии, весьма ярко проявившуюся уже на кудыргинском этапе развития общности. В первой половине VI – второй половине VII вв. фиксируется не только распространение памятников кочевников на обширные территории, но и эволюция обрядовой практики номадов. Основным ее направлением стало постепенное усложнение наземных и внутримогильных сооружений и большая их вариабельность. Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, в том числе появление северной ориентировки умерших. Распространение культуры раннесредневековых тюрок за пределы Алтая определило специфику обряда на отдельных территориях. Получение новых материалов кудыргинского этапа, а также введение в научный оборот результатов раскопок прошлых лет позволит уточнить представленные выше наблюдения и более детально реконструировать особенности погребальной обрядности номадов Центральной Азии в первой половине VI – второй половине VII вв.

На последующих катандинском, туэктинском и курайском этапах развития культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VIII – первая половина X вв.) тенденция, связанная с усложнением погребальных сооружений, увеличением вариабельности конструкций фиксируется на новом уровне (Серегин Н.Н., 2018д). Необходимо отметить, что к рассматриваемому времени относится основная масса исследованных комплексов, что позволяет иллюстрировать отмеченные изменения более полно.

Динамика ряда показателей обрядности раннесредневековых тюрок, очевидно, была связана с усложнением устройства общества кочевников. Заметно общее увеличение параметров наземных и внутримогильных погребальных сооружений. Курганная насыпь в значительном количестве случаев сопровождалась дополнительными конструкциями в виде крепиды или ограды; чаще, чем в предыдущее время, фиксируются околокурганные объекты. Помимо стандартных для раннесредневековых тюрок округлых насыпей

встречены сложные по структуре подквадратные наземные сооружения. Вариабельность внутримогильных конструкций иллюстрируется распространением погребений в подбое, фиксацией в значительном количестве объектов приступки для лошади. Если на кудыргинском этапе развития культуры раннесредневековых тюрок присутствие в погребении двух лошадей было исключением, то начиная со второй половины VII в. появляются могилы с сопроводительным захоронением трех и даже четырех животных. В материалах многих погребений фиксируется увеличение количества присутствовавшего в захоронении сопроводительного инвентаря, а также расширение спектра предметов. К примеру, начиная со второй половины VII в. заметно распространение импортных изделий.

Обозначенные показатели в разной степени демонстрируют развитие социальной организации номадов, а также присутствие в обществе различных групп населения, для которых были характерны определенные традиции погребальной обрядности. Ряд признаков некрополей отражают широкие этнокультурные контакты раннесредневековых тюрок.

Количество погребений, относящихся к позднему балтарганскому этапу в развитии культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина X – XI вв.) весьма незначительно. Территория распространения памятников сильно сокращается, за редким исключением все исследованные памятники расположены на Алтае. Интересно, что, таким образом, происходит «возврат» ареала существования общности к тому, что фиксировался на начальном этапе ее развития. В целом, материалы раскопок захоронений этого времени отражают упадок традиций обрядности раннесредневековых тюрок. Одной из особенностей балтарганского этапа является распространение впускных погребений и появление скальных объектов, что, в целом, не характерно для населения рассматриваемой общности. Обозначенная ситуация вполне соотносится с известными событиями политической истории Центральной Азии. Раннесредневековые тюрки в это время входили в состав Кыргызского каганата, находившегося на стадии ослабления и распавшегося на отдельные княжества.

Какие-либо материалы, свидетельствующие о сохранении традиций погребального обряда тюрок Центральной Азии в развитом средневековье, отсутствуют.

Глава III. Становление и трансформации традиций сооружения тюркских «поминальных» комплексов

«Поминальные» комплексы – самая многочисленная группа археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. В рамках этого условного обозначения, демонстрирующего сохраняющуюся дискуссионность интерпретации сооружений, объединены различные объекты – «рядовые» оградки, изваяния, балбалы, каменные кольца, пристройки и другие сопроводительные конструкции, а также мемориальные комплексы элиты номадов.* В настоящей главе диссертации предпринят опыт обобщения всех известных материалов с акцентом на детальную систематизацию и анализ полноценно раскопанных памятников.

3.1. Особенности распространения и планиграфии «поминальных» комплексов

К настоящему времени «поминальные» комплексы тюрок исследованы на всех территориях распространения культуры номадов. Подобные объекты известны на Алтае (в границах Республики Алтай и предгорной зоны Алтайского края), в Туве, Монголии, Восточном и Центральном Казахстане, Кыргыстане, Синьцзяне. Различное количество выявленных и раскопанных памятников объясняется как особенностями локализации объектов, определяющихся спецификой истории тюрок в конкретном регионе, так и субъективным фактором, связанным с объемом проведенных археологических работ. Наиболее изученной в этом плане является территория Алтая. Огромное

* В связи с фрагментарностью полноценно раскопанных «элитных» комплексов тюрок, а также наличием обстоятельного исследования, посвященного анализу имеющихся материалов (Войтов В.Е., 1996), в диссертации акцент сделан на изучении «рядовых» памятников, являющихся одним из основных источников для реконструкции различных аспектов истории раннесредневековых номадов.

количество разноплановых объектов известно также в Монголии, однако, к сожалению, полноценно изученные объекты – как «рядовые» оградки, так и «элитные» мемориалы, остаются единичными.

Одной из особенностей распространения «поминальных» комплексов тюрок является практически полное отсутствие таких объектов на территории Минусинской котловины. Известные сооружения лишь подтверждают зафиксированную ситуацию, учитывая довольно высокую степень изученности региона в целом. В Минусинской котловине исследованы лишь отдельные объекты, сходные со стандартными тюркскими «поминальными» комплексами второй половины I тыс. н.э. Раскопанные в пункте Означенное-V сооружения обнаруживают с оградками черты сходства (зольные пятна с кальцинированными костями и вещевым набором, пристройки с внешней стороны сооружений), но также имеют и особенные показатели (отсутствуют стелы, изваяния и балбалы, фиксируются следы кальцинированых костей) (Трифонов Ю.И., 1972, с. 240; 1973а, с. 241; 1974, с. 226; Поляков А.С., 1983). Своеобразные объекты раннего средневековья, по конструктивным характеристикам напоминающие тюркские «поминальные» комплексы, исследованы на памятнике Кек-Оба (Скобелев С.Г., 2000). Имеется информация об одном «элитном» мемориале у с. Знаменка (Евтюхова Л.А., 1952, с. 117, рис. 70; Худяков Ю.С., 2004, с. 15). Кроме того, в Минусинской котловине выявлены отдельные каменные изваяния, которые могут быть отнесены ко второй половине I тыс. н.э. (Панкова С.В., 2000).

Практически полное отсутствие «классических» «поминальных» комплексов тюрок в Минусинской котловине, на наш взгляд, может быть рассмотрено как один из отличительных признаков «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок. Данное обстоятельство обусловлено особенностями формирования группы номадов в обозначенном регионе. Более подробно этот вопрос представлен в пятой главе диссертационного сочинения.

Анализ имеющихся обширных материалов исследований «поминальных» комплексов позволяет обозначить ряд закономерностей в их локализации и соотношении с памятниками других хронологических периодов.

Тюркские оградки и изваяния обладают специфическими конструктивными характеристиками, поэтому четко идентифицируются на фоне природного ландшафта и других археологических комплексов. Они находятся в долинах, по берегам и высоким надпойменным террасам наиболее крупных рек и их притоков, в небольших урочищах и логах, нередко вблизи скальных выходов (Кубарев В.Д., 1984); часто образуют довольно крупные святилища (Кубарев В.Д., 2001а, с. 43). Представляется возможным выделить несколько групп памятников на основании особенностей планиграфии «поминальных» комплексов (Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 39–46).

Первую группу составляют монокультурные памятники, оградки на которых расположены в отдалении от других объектов, а в ряде случаев образуют обширные комплексы. Подобная ситуация получила наибольшее распространение на территории Алтая и Монголии и зафиксирована на целом ряде памятников – Бертек-2, Годон-Гол-IV, Дуганы хутул, Дъер-Тебе, Котыр-Тас-I, Кызыл-Шин, Мендур-Соккон-I, Узун-Язы, Уландрык, Чадыр, Чинета, Яломан-VII, Ян-Гобо, и др. Одним из характерных примеров является комплекс Котыр-Тас-I (Юго-Восточный Алтай), в составе которого изучено более 20 «поминальных» объектов разной планировки и конструкции. Некоторые из них образуют микрогруппы из нескольких рядом стоящих объектов; другие, одиночные сооружения, без видимого порядка рассредоточены в разных частях памятника. В пределах памятника, кроме оградок, иных синхронных и других археологических объектов не обнаружено (Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 2) (Приложение III, рис. 55).

Подчеркнем, что к первой группе представляется возможным отнести случаи, когда тюркские оградки сооружены в составе большого погребально-поминального комплекса, но отчетливо дистанцированы от объектов других типов и хронологических периодов. Примером такой планиграфии

«поминальных» сооружений на территории Тувы являются материалы раскопок памятника Дыттык-Чарык-Аксы (Трифонов Ю.И., 2013, с. 75–76). На этом комплексе оградки сосредоточены в центральной части плато, но обособленно от других входящих в могильник объектов.

Вторая группа представлена «поминальными» объектами, расположенными на одном могильном поле с более ранними археологическими памятниками. На Алтае это могли быть курганы булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.). Подобная ситуация зафиксирована при изучении оградок на ряде комплексов в центральной части обозначенного региона (Белый Бом-II, Булан-Кобы-IV, Яломан-II и др.) (Приложение III, рис. 56). В ряде случаев при изучении оградок выявлен также вариант планиграфии, наиболее характерный для погребальных комплексов тюрок – расположение к востоку от цепочки курганов пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Примерами подобной ситуации являются памятники Большой Курманак-I, Талдура-I, Яломан-V, VI и др.

Памятники второй группы довольно часто фиксируются и на других территориях. Так, в Монголии и южной части Тувы тюркские оградки нередко располагаются в непосредственной близости от херексуров, датировка которых определяется поздней бронзой – началом раннего железного века (Худяков Ю.С., Плотников В.А., Данченок Г.П., 1988, рис. 6, 9; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017, с. 136; и др.). В Туве обычны случаи фиксации раннесредневековых оградок в составе крупных разновременных комплексов, включающих памятники различных хронологических периодов (Грач А.Д., 1960а; Вайнштейн С.И., 1966б; Овчинникова Б.Б., 2013б, табл. I).

В ***третью группу*** включены оградки, выявленные неподалеку от курганов раннесредневековых тюрок, но не имеющие с ними непосредственной связи. В таких случаях погребения и «поминальные» сооружения относятся к разным хронологическим периодам, демонстрируя лишь преемственность в определении места для возведения объектов. Наиболее ярким примером подобной ситуации является известный комплекс Кудыргэ. Судя по имеющимся

материалам, оградки данного памятника демонстрируют начальный этап сложения традиций тюрок и могут быть отнесены к раннему кызыл-ташскому этапу (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.). В свою очередь погребения, раскопанные на некрополе, относятся к следующему (кудыргинскому) этапу культуры номадов и датируются в рамках второй половины VI – первой половины VII вв. н.э.

Довольно частой является ситуация, когда оградки составляют компактную группу сооружений, располагающуюся отдельно, но в сравнительной близости от других объектов, в том числе курганов тюрок. Примером подобной ситуации являются материалы раскопок раннесредневековых комплексов памятника Аймырлыг (Овчинникова Б.Б., 2013а, табл. I).

Четвертую группу представляют единичные «поминальные» объекты, которые могут быть непосредственно связаны с погребениями тюрок, составляя своего рода единый комплекс. Одним из немногих примеров таких памятников являются материалы раскопок двух курганов и оградки с валом и рвом в местности Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2010; Кубарев Г.В., 2015; 2016б; и др.).

Другая подобная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Даг-Аразы в Туве (Овчинникова Б.Б., 2013б, табл. I). Оградки, объединенные в рамках первой группы сооружений, локализованы на северной окраине могильного поля и, по мнению автора раскопок, составляют единый погребально-поминальный комплекс с тремя курганами, расположенными чуть южнее (Овчинникова Б.Б., 2013б, с. 140). Согласно точке зрения Г.В. Длужневской (2013, с. 182), фиксируется непосредственная связь между возведением кургана и расположенной рядом оградки на памятнике Улуг-Бюк-II в этом же регионе.

Таким образом, выявленные закономерности в распространении и локализации «поминальных» комплексов тюрок отражают как специфику развития культуры номадов на отдельных территориях, так и особенности

проведенных археологических исследований. Очевидно, что в ходе дальнейших раскопок памятников некоторые из приведенных выше наблюдений могут быть скорректированы, но зафиксированные основные тенденции, скорее всего, будут подтверждены.

3.2. Классификация «поминальных» сооружений

Уже первыми исследователями «поминальных» комплексов тюрок фиксировалась вариабельность конструкций, наличие как общих, так и особенных характеристик конкретных объектов. С накоплением материалов появилась необходимость систематизации и обобщения имеющихся сведений. К настоящему времени в работах отечественных и, в меньшей степени, зарубежных археологов представлен опыт классификации «поминальных» памятников тюрок. Не останавливаясь на общей историографии данного вопроса, в развернутом виде приведенной в Главе I диссертации, кратко обозначим основные принципы, использованные в такого рода разработках.

Судя по всему, первый опыт выделения типов раннесредневековых «поминальных» комплексов был предпринят В.Я. Владимирцевым (1927, с. 42), который обозначил анализируемые объекты как «тюркские погребения». Исследователем выделены пять типов сооружений – от «ханских могил» до «маленьких бедных могильников».

Два основных типа оградок, которые были обусловлены хронологической позицией объектов, выделены А.А. Гавриловой (1965, с. 101). Первый тип, обозначенный как «кудыргинский», составили смежные конструкции с лицевыми изваяниями. Ко второму «яконурскому» типу отнесены рядом стоящие оградки с изваяниями-фигурами.

Анализ материалов исследований на территории Тувы позволил Л.Р. Кызласову (1969, с. 26) выделить пять типов «поминальных» оградок. В основу

данной схемы был положен принцип наличия или отсутствия стелы и/или изваяния с восточной стороны оградки, а также степень реалистичности статуи.

Более развернутый вариант систематизации «поминальных» комплексов предложен В.Д. Кубаревым по материалам, полученным в ходе полевых исследований на Алтае. Археологом были учтены такие признаки, как планировка оградок (одиночные, рядом стоящие или смежные объекты), особенности внутренней конструкции (ямка, столб/стела в центре, каменные ящички, следы тризны), а также вариабельность сопроводительных объектов (изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца) или дополнительных сооружений (ров, вал). Итогом стало выделение пяти типов комплексов (Кубарев В.Д., 1979б, с. 148; 1984, с. 50–51).

Похожие принципы в несколько упрощенном виде использованы А.С. Васютиным (1983б), который учитывал три основных показателя: планировка объектов, наличие или отсутствие столбовых конструкций внутри и снаружи оградки, а также стел и балбалов с внешней стороны. Выделенные семь типов оградок также демонстрировали вариабельность «поминальных» комплексов Алтая. В это же время опыт классификации оградок тюрок Монголии, предполагавший выделение трех основных типов и нескольких вариантов конструкций, предложен Ю.С. Худяковым (1985а, с. 181–184).

Несколько вариантов систематизации «поминальных сооружений тюрок представлены в работах монгольских исследователей. В большинстве схем ключевым являлся принцип «для кого сооружен комплекс», учитывающий, прежде всего сложность конструкций. Примером таких построений является работа Н. Сэр-Оджава (1970), где «поминальные» комплексы разделены на две основные группы – «могилы» рядовых кочевников и «могилы и гробницы» знати. Социальный принцип позволил Д. Баяру выделить три типа объектов – сооружения для элиты; объекты, возведенные в честь заслуженных людей; комплексы рядовых тюрок. Оригинальный вариант систематизации объектов предложен Б.Ч. Мунбаяром (2011, с. 107–115), который подчеркнул, что данная классификация позволяет устранить ряд сделанных ранее заблуждений.

Археолог выделил три группы «поминальников»: сооружения, посвященные определенным лицам; объекты, посвященные семье, друзьям-воинам; комплексы «общественного назначения», посвященные племенам, аймакам. В диссертации Т.-О. Идэрхангая (2017, с. 21) на основании вариабельности конструкций выделены 10 групп «рядовых» оградок три группы «элитных» объектов*.

Следует признать, что в большинстве случаев охарактеризованные выше схемы не позволяли решать актуальные вопросы реконструкции сложных процессов формирования и эволюции традиций «поминальной» обрядности тюрок. Кроме того, отмечено, что предложенные классификации не учитывали весь спектр типологического своеобразия сооружений (Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 46). Важным шагом к решению обозначенных проблем стала полноценная классификация тюркских оградок Алтая, представленная в статье С.С. Матренина и Д.Е. Сарафанова (2006). Исследователями осуществлена систематизация 178 объектов, что позволило выделить 72 типа сооружений, которые объединены в наиболее показательные группы комплексов. Предложенная схема была в последующие годы использована в кандидатской диссертации Е.В. Шелеповой (2009), и затем в дополненном виде, предполагающем серьезное расширение количества анализируемых объектов, представлена в монографии, подготовленной при участии автора настоящей диссертации (Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 46–71). В последнем случае авторами были учтены 313 объектов и выделены 55 типов сооружений.

Данный вариант классификации в несколько переработанном виде был использован и в настоящей работе. В классификацию были включены не только «поминальные» оградки Алтая, но также комплексы, исследованные на территории Тувы и Монголии. Важно подчеркнуть, что учитывались только полноценно изученные объекты, материалы которых позволяют рассматривать

* Развернутая классификация «элитных» мемориальных комплексов тюрок Монголии осуществлена В.Е. Войтовым (1989; 1996).

всю совокупность конструкций – не только фиксируемых визуально, но и тех, которые могут быть выявлены в ходе раскопок.

В итоге были систематизированы материалы исследований 396 (100%) объектов, раскопанных на территории Алтая (316 оградок), в Туве (48) и Монголии (31). Часть сооружений не была включена в классификацию по причине отсутствия всего объема необходимой информации из-за разрушенности комплекса, качества фиксации сооружений, в связи с отрывочностью опубликованных сведений и т.д.

Как и при анализе погребальных сооружений, в диссертации использована шестичленная древовидная схема группировки объектов. Признаки объединены в иерархические таксоны, каждый из которых указывает на конкретные показатели объектов: форму, планировку, ориентировку изваяний и балбалов, наличие внутренних и внешних конструктивных элементов (Приложение II, схема 2).

Категория обозначает всю совокупность признаков в оформлении «поминальных» комплексов: оградки, изваяния, балбалы, столбовые или жертвенные ямки, ящички, захоронения лошадей.

Группа характеризует форму оградок – основного элемента «поминального» комплекса. Выделены четырехугольные и округлые сооружения.

Четырехугольные оградки представляют собой конструкции из установленных на ребро и вкопанных в специальные канавки каменных плит или из валунов (Приложение III, рис. 57). Количество плит/валунов в каждой стенке сооружения варьируется от одной до 14. К примеру, оградка комплекса Ян-Гобо состояла из 47 плит (Кубарев В.Д., 1984, с. 166, табл. XXXIX).

Округлые оградки составлены из уложенных в несколько слоев камней, поставленных на ребро плит, или из крупных камней-валунов (Приложение III, рис. 58).

Разряд уточняет планировку оградок. Выделено три варианта их расположения: одиночные, рядом стоящие и смежные конструкции.

Одиночными следует считать объекты, находящиеся обособленно от других подобных памятников (Приложение III, рис. 59).

Рядом стоящие сооружения характеризуются устройством в непосредственной близости один от другого (на расстоянии не более 1 м) и по одной линии (обычно юг–север) (Приложение III, рис. 60).

Смежные объекты – оградки, имеющие между собой одну общую стенку (Приложение III, рис. 61–63).

Раздел отмечает наличие или отсутствие внеоградных сооружений и объектов, а также разнообразные варианты их сочетания в одном комплексе. К внеоградным объектам отнесены каменные изваяния, стелы и балбалы, вал и ров.

Каменные изваяния – вертикально вкопанные плиты, которым с разной степенью выразительности и реалистичности придавались антропоморфные очертания в виде полного или частичного изображения человеческой фигуры (Приложение III, рис. 64).

Стелы – вертикально вкопанные камни разных размеров, лишенные антропоморфных образов, но на которых предполагалось их наличие. Стелы и изваяния вкапывались снаружи одной из стенок оградки, вплотную или на незначительном расстоянии от нее (обычно не более 1,5 м).*

Балбалы – невысокие (обычно не более 0,5 м высотой) каменные столбики, иногда имеющие следы искусственной подработки. Устанавливались в ряд за изваянием или стелой. В отдельных случаях, в связи с утратой одного из элементов, возле оградки сохранились только изваяния или балбалы.

Вал и ров – земляные сооружения по наружному периметру оградки (Приложение III, рис. 65).

В силу отсутствия хронологической и социальной значимости в классификацию не включены редко встречающиеся за пределами оградки столбовые ямки, в которые устанавливались деревянные жерди или каменные

* Отметим, что в рамках классификационной схемы стелы и изваяния, установленные за одной из стенок оградки, учитывались как один типологический признак.

стеловидные плиты (Приложение III, рис. 66). Кроме того, в схеме не учтены такие элементы ритуальных комплексов, как подквадратные или овально-округлые постройки небольших размеров, обнаруженные с внешней стороны единичных объектов (Приложение III, рис. 67–68). В подобных пристройках обнаружены в основном кости животных, кострища, и лишь в нескольких случаях – железные ножи.

Отдел отмечает ориентировку внеоградных объектов по отношению к оградке. Выделены преобладающая восточная и другая ориентация.

Тип показывает наличие или отсутствие внутриоградных сооружений и разнообразные варианты их сочетания в одном комплексе. Среди таких внутриоградных конструкций выделены следующие:

1. Столбовая ямка – предназначалась для установки в ней деревянного столба или каменной стелы. Располагалась почти всегда в центре внутреннего пространства оградки (Приложение III, рис. 69). В процессе раскопок в такой ямке обычно фиксируются остатки деревянного столба со следами обгорания в верхней части и/или у основания, а также древесные угли и кости животных. При установке каменной стелы комплекс чаще всего сохранялся более полно; в противном случае в ямке может находиться основание обломанной стелы.

2. Жертвенная ямка. Представляет собой углубление, в которое помещались предметы вещевого комплекса. При исследовании в таких ямках обнаруживаются также кости животных; в остальных случаях они пустые. Иногда ямки перекрывались сверху одной или несколькими сланцевыми плитками, обкладывались внутри камнями. Подобные объекты сооружались к западу, северу, югу от центральной столбовой ямки во внутреннем пространстве оградки (Приложение III, рис. 70–71). При сравнении параметров столбовых и жертвенных ямок установлено, что первые, как правило, имеют диаметр 0,4–0,6 м, глубину 0,5–0,8 м, округлую форму, заужены у основания. Жертвенные ямки в целом обладают меньшей глубиной (в среднем 0,2 м), и при этом имеют овально-подпрямоугольную форму.

3. Ящички – условное обозначение, объединяющее конструкции четырехугольной формы, составленные из двух и более каменных плит или деревянных дощечек (Приложение III, рис. 72–73). В большинстве случаев ящички лишь немного углублены в материк, реже для них выкапывались специальные ямы. Самый большой ящичек (деревянный) найден внутри оградки комплекса Ян-Гобо на Алтае. Его размеры составляли 170х63х70 см (Кубарев В.Д., 1984, с. 55). Внушительные параметры имел и ящик из оградки №102 памятника Кудыргэ. Длина его западной стенки насчитывала 1,57 м (Илюшин А.М., 2000, с. 158, рис. I).

На большинстве «поминальных» комплексов ящички найдены в центральной части оградок. Также они могли пристраиваться к восточной, западной стенкам или находиться в северной, западной частях внутриоградного пространства. Некоторые из подобных конструкций перекрывались сверху уложенными плашмя плитками.

Чаще всего в ходе раскопок оградок фиксируется один ящичек, реже – два, и лишь в одном случае на комплексе Усть-Карасу выявлены три подобных конструкции (Приложение III, рис. 73).

В ящичках находят предметы наступательного и защитного вооружения, детали поясной гарнитуры, конского снаряжения, ножи, деревянное блюдо (Малталу, оградка №1), серебряный сосуд (Юстыд, оградка №1). В остальных случаях это фрагменты керамики, кости животных (овца и лошадь), золистый слой или угли.

4. Захоронение лошади. Речь идет о целом костяке животного, который укладывался в яму или ящик внутри оградки. С лошадью могли помещаться предметы конского снаряжения (Приложение III, рис. 74).

В результате осуществления объективной классификации обозначились ***55 типов*** «поминальных» комплексов (Приложение I, с. 118–122; Приложение II, схема 2). Разнообразие вариантов их конструктивного оформления отражает специфику обрядовой практики в период существования культуры раннесредневековых тюрок. Вариабельность элементов сооружений

обусловлена воздействием разнообразных этнокультурных, социальных, политических, религиозных факторов на процессы формирования и последующего развития погребально-поминального обряда кочевников.

Выделяется несколько групп типов, неравнозначных по количеству относящихся к ним объектов. В первую группу (38,38%) включены 1, 3, 22, 25, 28 типы, каждый из которых насчитывает от 21 до 45 комплексов. От 7 до 18 объектов включают 17 типов, отнесенных ко второй группе (43,43%). Остальные 33 типа являются единичными, включая от одного до шести сооружений. На их долю приходится 18,19% памятников анализируемой серии. Они определяют некоторые специфические черты «поминального» обряда, отразившиеся, в том числе, и в форме сооружений. Далее приведены и кратко охарактеризованы наиболее распространенные типы конструкций, относящиеся к первой группе.

Тип 1 (45 объектов, 11,36%). Памятники данного типа включают одиночные четырехугольные оградки без каких-либо конструкций во внутреннем пространстве, а также без внешних объектов: Кара-Коба-I, огр. 58 (Могильников В.А., 1992а), Сары-Кобы, огр. 27 (Суразаков А.С., 1982), Даг-Аразы-I, огр. 1 (Овчинникова Б.Б., 2013б), Улаан худаг-I, огр. 3 (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007) и др. «Поминальные» комплексы с обозначенными характеристиками раскопаны на всех территориях распространения культуры раннесредневековых тюрок в Алтае-Саянском регионе и Монголии, получив наибольшее распространение на Алтае.

Тип 3 (29 объектов, 7,32%). Чертой, отличающей оградки данного типа от представленных выше комплексов, является столбовая яма в центре сооружения: Котыр-Тас, огр. 12 (Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008), Талдура, огр. 2 (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983), Монгун-Тайга-57-I, IV (Грач А.Д., 1960а), Харганат-II, огр. 1, 2 (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч., 2015а; Горбунов В.В. и др., 2015) и др. Подобные объекты также известны на всех территориях распространения раннесредневековых тюрок, с учетом отсутствия «поминальных» комплексов в Минусинской котловине.

Тип 22 (34 объекта, 8,58%). Представлен четырехугольными рядом стоящими оградками без каких-либо конструкций во внутреннем пространстве, а также внешних объектов: Большой Курманак-I, огр. А-1–2 (Васютин А.С., 1984), Котыр-Тас, огр. 13 (Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008), Элегест, огр. 16–17 (Кызласов Л.Р., 1979а), Бийрэг, огр. 1–2 (Тишкин А.А. и др., 2015; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017а) и др. «Поминальные» комплексы данного типа раскопаны на всех территориях распространения культуры раннесредневековых тюрок.

Тип 25 (23 объекта, 5,8%). Основными признаком, отличающим подобные объекты от четырехугольных рядом стоящих оградок предыдущего типа, является столбовая яма в центре сооружения: Дьёр-Тебе, огр. III–IV (Кубарев В.Д., 1978; 1984), Белый Бом, огр. 57–59 (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В., 2011), Дыттык-Чарык-Аксы-I, огр. 8 (Трифонов Ю.И., 2013), Бугатын узуур-I, огр. 2–4 (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008) и др. «Поминальные» комплексы с таким набором признаков характерны для тюрок Алтая, Тувы и Монголии.

Тип 28 (21 объект, 5,3%). К памятникам данного типа относятся четырехугольные рядом стоящие оградки с изваянием или стелой с восточной стороны, и без каких-либо объектов во внутреннем пространстве: Конурат, огр. 1 (Тетерин Ю.В., 1991), Нижняя Сору, огр. И-1–2 (Васютин А.С., 1983а), Кокэль, огр. 18, 70 (Вайнштейн С.И., 1966б), Баян-Булаг-II, огр. 1, 3–4 (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017) и др. Как и представленные выше варианты конструкций, подобные «поминальные» комплексы раскопаны на всех территориях распространения раннесредневековых тюрок.

Систематизация материалов, полученных при изучении «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии, позволила обозначить степень встречаемости отдельных конструктивных элементов, а также сравнить степень их распространения в различных частях рассматриваемого региона.

Установлено, что, несмотря на зафиксированную вариабельность конструкций, основа «поминального» комплекса оставалась практически неизменной. Это было ограждение в виде четырехугольной, реже округлой оградки. Четырехугольная форма оград была наиболее распространенной (360 объектов, составляющих 90,9% от общего количества учтенных комплексов). Она выявлена на всех этапах развития культуры раннесредневековых тюрок. Округлых построек из совокупности учтенных памятников насчитывается 36 (9,09%). Оградки такой формы датируются пока не позднее середины VI в.

На уровне разряда нами рассматривался такой формальный признак, как планировка ритуальных сооружений. Наиболее многочисленными являлись рядом стоящие объекты (186/46,96%). Второе по численности положение занимают одиночные комплексы (172/43,43%). Заметно менее распространенными были смежные конструкции (38/9,59%).

Анализ показателя наличия или отсутствия внеоградных конструкций позволил выявить следующую закономерность. Наиболее многочисленными оказались оградки без каких-либо внешних объектов – 216 комплексов (54,54%). В остальных случаях (180/45,45%) за пределами рассматриваемых сооружений фиксировались изваяния, стелы, балбалы, а также крайне редко – такие сложные конструкции, как ров и вал.

Группа ***четырехугольных одиночных оградок*** включает 169 объектов (42,67%). Из них 94 оградки – без внешних конструкций. Как отмечено выше, к этой группе комплексов относятся два из пяти наиболее распространенных типов «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии (№1 и 3). Судя по обнаруженным предметам инвентаря, подобные оградки сооружались на всех этапах развития культуры номадов. При этом в рассматриваемой группе памятников достаточно уверенно выделяются представительные в количественном отношении объекты ранних кызыл-ташского (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.) и кудыргинского (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.) этапов. В трех оградках без внешних объектов зафиксирована только жертвенная ямка ***(тип 4)***, еще в одной

– захоронение лошади ***(тип 5)*** и в девяти объектах – ящичек ***(тип 6)***. По вещественным находкам из оградок №VI, 102–104 памятника Кудыргэ, а также элементам пояса из оградки 50а памятника Чобурак-I, обозначенные типы можно отнести к ранним этапам в развитии культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VII вв. н.э.)

Изваяния, стелы и балбалы установлены возле 75 четырехугольных одиночных оградок ***(типы 7–21)***. Внутри 18 объектов с восточной ориентировкой внеоградных сооружений выявлены столбовые ямки ***(тип 9)***. Подобные комплексы сооружались на всем протяжении второй половины I тыс. н.э. Оградки с каменным ящичком ***(тип 10)***, судя по имеющимся сведениям, возводились со второй половины V до середины VIII вв. н.э., а с жертвенными ямками ***(тип 8)*** – со второй половины V по конец I тыс. н.э. В двух случаях ***(тип 13)*** жертвенная ямка сочеталась со столбовой ямкой. Также в двух оградках с установленными с запада изваяниями и балбалами ***(тип 14)*** в ящичках находились предметы, появившиеся в культуре раннесредневековых тюрок в конце V в.

Анализ имеющихся материалов показывает, что четырехугольные одиночные оградки с изваянием (стелой) и балбалами начали сооружаться со второй половины V в. Об этом свидетельствуют материалы раскопок таких комплексов, как Кызыл-Таш (оградки №1–2), Кара-Коба-I (оградка №109), Булан-Кобы-IV (оградка №6) (Могильников В.А., 1992а; Мамадаков Ю.Т., 1994б; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996). При исследовании обозначенных объектов зафиксированы ящички с предметами вещевого комплекса или, реже, жертвенные ямки, также с различными предметами. В одной из одиночных четырехугольных оградок с изваянием и балбалами ***(тип 12)*** внутри отмечены ящичек и захоронение лошади, датируемые второй половиной V – первой половиной VI вв. (Кара-Коба-I, оградка №109). В целом верхняя дата возведения четырехугольных одиночных оградок с изваяниями и балбалами ограничивается последними веками I тыс. н.э., на что указывают особенности оформления пояса на скульптуре из комплекса Сатакулар ***(тип 9)***. Однако

наиболее «активный» период сооружения таких объектов определяется рамками второй половины V – середины VIII вв.

Оградки с изваяниями без балбалов (21 объект, ***типы 16–18***) согласно вещественным материалам и реалиям на скульптурах, скорее всего, возведены не позднее VII – первой половины VIII вв. Внутри таких сооружений какие-либо конструкции чаще всего отсутствуют.

Особую, весьма немногочисленную группу одиночных четырехугольных оградок составляют комплексы с валом и рвом ***(типы 20–21)***. Полученные материалы, в том числе результаты радиоуглеродного анализа и реалии, зафиксированные на изваяниях, позволяют ограничить хронологию таких объектов рамками кудыргинского и катандинского этапов в развитии культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VI – первая половина VIII вв. н.э.). Очевидно, что специфика подобных комплексов обусловлена социальным фактором, а выявленные конструкции сближают данные сооружения с «элитными» мемориалами кочевников Монголии.

Четырехугольные рядом стоящие оградки ***(типы 22–38)***, как и одиночные сооружения этой формы, возводились практически на всех этапах развития культуры раннесредневековых тюрок (со второй половины V до X вв.). В анализируемую группу комплексов включены 153 таких объекта (38,63%). Отметим, что возможности для их датировки в сравнении с одиночными комплексами шире, так как в некоторых случаях могут быть привлечены вещественные находки из рядом стоящих сооружений, а также проанализированы реалии относящихся к последним изваяний.

Самым многочисленным типом построек ***(22)*** рассматриваемой группы являются комплексы без внешних и внутренних конструкций, насчитывающие 34 объекта. Полученные материалы позволяют сделать вывод о распространении таких сооружений на протяжении всего периода существования культуры раннесредневековых тюрок со второй половины V в. и, по крайней мере, до X в.

В ходе раскопок других четырехугольных рядом стоящих оградок зафиксирована довольно высокая степень вариабельности конструкций.

Значительное распространение получили столбовые ямки в центре сооружений, отмеченные в 76 комплексах. В ряде случаев ***(типы 23, 29, 33)*** рядом была вырыта жертвенная ямка. В отдельных случаях зафиксировано сочетание столбовой ямки и каменного ящичка ***(типы 30, 36)***.

Значительное количество сооружений из группы четырехугольных, рядом стоящих объектов составляет ***тип 25*** (23 объекта) – без внешних конструкций, со столбовой ямкой в центре. По предметному комплексу, а также имеющимся результатам радиоуглеродного анализа (Дьёр-Тебе, оградка IV) следует заключить, что конструкции этого типа возводились практически на всех этапах развития культуры раннесредневековых тюрок.

Четырехугольные, рядом стоящие постройки без внешних объектов, но с ящичком внутри представлены в разработанной классификации пятью комплексами ***(тип 24)***. Подобно одиночным оградкам без внешних объектов, с «ящичками» внутри, большая часть подобных сооружений возводилась во второй половине V – первой половине VI вв.

В четырехугольных, рядом стоящих оградках с изваянием без балбалов ***(типы 27–33)*** зафиксированы разнообразные внутриоградные конструкции. При этом наиболее распространенными были комплексы ***типов 27*** (со столбовой ямкой – 14 объектов) и ***28*** (без внутренних конструкций – 21 объект). В сооружениях других типов внутри выявлены столбовые ямки в сочетании с ящичком ***(тип 30)*** и/или жертвенной ямкой ***(типы 29, 33)***. Вещественные находки и реалии изваяний, установленных с восточной стороны сооружений ***типов 27–30***, определяют время их возведения в рамках второй половины V – VIII вв.

Четырехугольные, рядом стоящие оградки с «нетипичной» ориентировкой стел или изваяний ***(типы 31–33)*** пока единичны. До получения большего объема материалов время существования подобных объектов может быть определено в рамках ранних этапов развития культуры тюрок. Интерес представляет оградка №5 памятника Кишнег-Артудар, с западной стороны которой была установлена стела, а внутри совершено захоронение лошади

(Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 468–469, рис. 2). Судя по сведениям, представленным в предварительной публикации результатов исследований на памятнике Красная Горка-3 в Туве, в одной из рядом стоящих оградок также зафиксировано погребение коня (Килуновская М.Е. и др., 2017, с. 175, рис. 56–58). Имеется противоречивая и отрывочная информация о раскопках захоронения лошади в одном из подобных сооружений комплекса Ак-Даг в этом же регионе (Маннай-оол М.Х., 1963, с. 243–245). В обоих случаях важным хронологическим признаком является фиксация одного стремени, однако изображения данных изделий в публикациях отсутствуют.

Судя по зафиксированным реалиям изваяний, время постройки сложных комплексов, включающих рядом стоящие оградки с валом и рвом ***(тип 38)*** определяется рамками второй половины VII – первой половины VIII вв.

Довольно немногочисленную группу составляют ***четырехугольные смежные*** оградки ***(типы 39–48)***, насчитывающие 38 (9,59%) объектов. Судя по полученным в ходе раскопок материалам, большая часть таких комплексов относится к ранним этапам в развитии культуры тюрок. Вместе с тем, выявлены и более поздние оградки. В частности, второй половиной VIII – первой половиной IX вв. датируются объекты А-1–2 комплекса Кер-Кечу, исследованные в Центральном Алтае (Васютин А.С., 2009, рис. 2).

В группе четырехугольных смежных оградок преобладали сооружения без внешних и внутренних конструкций (10 объектов) или со столбовой ямкой (10 комплексов). В смежных постройках не выявлено ни одного случая сочетания столбовой и жертвенной ямки. Треть объектов сопровождали изваяния/стелы и балбалы. Чаще, чем в четырехугольных оградках другой планировки, в смежных постройках встречены ящички.

В одной четырехугольной смежной оградке без внешних конструкций ***(тип 46)*** изучено захоронение лошади (Мендур-Соккон-I, оградка №2), относящееся к кызыл-ташскому этапу в развитии культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв.).

Важно подчеркнуть, что возле смежных оградок отсутствуют скульптурные изваяния – их замещали необработанные стелы; редки также балбалы. Ориентировка стел и балбалов разнообразна. Внутренние конструкции отсутствовали в смежных оградках, у которых стелы и балбалы установлены с северной стороны (Яломан-II, оградка №1, 2). Южная сторона установки стел и балбалов соответствует оградкам, внутри которых зафиксированы ящички с вещевым набором раннего кызыл-ташского этапа (Кок-Паш, объекты А-1 и А-2).

Для смежных четырехугольных оградок не характерны такие внеоградные элементы, как столбовые ямки, вал и ров; в половине объектов любые внутренние конструкции отсутствовали.

Округлых оградок исследовано 36. Они делятся на одиночные и рядом стоящие. К настоящему времени подобные объекты изучены только в Центральном и Северном Алтае.* Показательными являются редкие одиночные объекты с нетипичной ориентировкой изваяний и балбалов и захоронением лошади ***(тип 49)***, а также одиночные оградки с восточной ориентировкой изваяния и без сооружений внутри ***(тип 50)***. В округлых рядом стоящих оградках с нетипичной ориентировкой изваяний и балбалов внутренние объекты либо отсутствуют ***(тип 51)***, либо выявлены захоронения лошадей ***(тип 52)***. Округлые рядом стоящие оградки без изваяний и балбалов представлены ***типом 54*** (с захоронением лошади внутри) и ***типом 55*** (без внутренних объектов).

Важно подчеркнуть, что для округлых оградок не свойственны скульптурные изваяния. Стелы и балбалы чаще всего установлены с западной или северной стороны. В 11 оградках совершены захоронения лошадей ***(типы 49, 52, 54)***.

Полученные результаты классификации ритуальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволяет перейти к

* В Центральной Монголии раскопана группа кольцевых сооружений, по ряду признаков схожих с тюркскими оградками (Идэрхангай Т.-О., 2014, рис. 1). Однако культурно-хронологическая принадлежность этих объектов остается дискуссионной.

рассмотрению вопросов, связанных с реконструкцией процессов формирования и эволюции традиции сооружения таких объектов.

3.3. Ранний комплекс «поминальных» объектов

Принципиальное значение для изучения археологической культуры тюрок Центральной Азии имеет комплексов вопросов, связанных с выделением ранней группы «поминальных» объектов. Такие сооружения, относящиеся к начальным этапам истории номадов, наиболее полно демонстрируют сложные процессы формирования и начальной эволюции традиций номадов, а их анализ позволяет рассматривать проблему определения компонентов сложения культуры и их значения в середине I тыс. н.э.

Установление хронологии «поминальных» комплексов основывается на анализе нескольких ключевых показателей:

1) определение времени бытования немногочисленных предметов, обнаруженных в ходе раскопок отдельных сооружений;*

2) датировка реалий каменных изваяний (изображения пояса, предметов вооружения, украшений), установленных рядом с оградками, на основании аналогий с находками, главным образом, из погребальных комплексов;

3) использование единичных результатов радиоуглеродного анализа органических материалов из оградок;

4) определение датировки редких рисунков на плитах оградок (на основании анализа изобразительных традиций), а также единичных рунических надписей;

* Предметы, указывающие на датировку оградок в рамках раннего кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.), обнаружены в ходе раскопок небольшой серии «поминальных» комплексов: Биченег, Булан-Кобы, Кара-Коба-I, Кок-Паш, Кудыргэ, Кызыл-Таш, Чобурак-I (Васютин А.С., 1985; Монильников В.А., 1994; Мамадаков Ю.Т., 1994б; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996; Илюшин А.М., 2000; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2016).

5) установление относительной хронологии распространения отдельных типов сооружений на основании реконструкции основных направлений типологического развития конструктивных особенностей «поминальных» комплексов.

На основании анализа всего объема имеющихся материалов раскопок тюркских «поминальных» комплексов Центральной Азии представляется возможным выделить серию признаков, отличающих объекты ранней группы, датирующиеся в рамках второй половины V – первой половины VI вв. н.э.

I. Относительным показателем ранних «поминальных» комплексов тюрок является отсутствие реалистичных каменных изваяний. Появление рельефных скульптур, изображавших мужчин-воинов, относится ко времени не ранее эпохи Первого каганата. На памятниках второй половины V – первой половины VI вв. н.э., а видимо, и на более поздних комплексах, такие статуи заменяли стелы. На некоторых подобных объектах фиксируются следы подработки, демонстрирующие попытку придать камню антропоморфные признаки. Одним из характерных примеров подобной ситуации является Г-образная форма изваяний и балбалов, отмеченная в ходе исследования тюркских оградок комплекса Яломан-II в Центральном Алтае (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с. 119–120).

Очевидно, своего рода «промежуточное» звено между антропоморфными стелами и реалистичными скульптурами представляли некоторые «лицевые» изваяния, на которых изображено только лицо человека. По мнению Д.Г. Савинова (2005а, с. 239), отнесшего подобные объекты к VI–VII вв., редкость или полное отсутствие статуй на ранних этапах истории тюрок объясняется тем, что «… в это время еще продолжала существовать традиция использования в ритуальных целях манекена или самого трупа умершего, а не его скульптурного изображения».

Важно подчеркнуть, что само по себе отсутствие каменного изваяния у оградки не может считаться надежным признаком ранней датировки комплекса. Известно, что значительное количество скульптур было перемещено с места

первоначальной установки с различными целями. Серия тюркских статуй, происходящих из различных частей Центральной Азии, в настоящее время находится в музейных центрах (Серегин Н.Н., Леонов А.С., 2018а–б).

По мнению Г.В. Кубарева (2011, с. 137), раннетюркским или даже предтюркским временем могут быть датированы изваяния, на которых изображены коленчатые кинжалы. Аргументом в пользу данного тезиса, согласно логике археолога, является отсутствие на скульптурах изображений металлических накладных блях пояса, а также специфика распространения обозначенных предметов вооружения в археологических комплексах. Однако, учитывая то, что коленчатые кинжалы зафиксированы на ряде реалистичных скульптур, их ранняя датировка требует дополнительного подтверждения.

II. Судя по имеющимся материалам, одним из надежных признаков «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам развития культуры тюрок, являются захоронения лошадей, совершенные в оградках. К настоящему времени известна серия таких объектах, раскопанных на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кишнег-Атудар, Мендур-Соккон-I (Мамадаков Ю.Т., 1994б; Могильников В.А., 1994а; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001). В разработанной классификации учтены 15 таких объектов, относящиеся к семи выделенным типам сооружений. Большая часть захоронений лошадей совершена в округлых оградках (11 объектов), из которых одна устроена в отдалении от каких-либо других комплексов, и 10 – рядом стоящие. Кроме того, конские погребения зафиксированы в двух четырехугольных одиночных сооружениях, а также одной рядом стоящей и одной смежной оградках.

Округлые, рядом стоящие оградки с конскими захоронениями изучены на одном некрополе – Кара-Коба-I (объекты №81-2, 74Б-1, 84-3, 86-1–4, 88-2–4) (Могильников В.А., 1994а). Лошади в этих комплексах укладывались в специально устроенные ямы внутри оградок. Положение животных в целом является стандартным для обрядовой практики раннесредневековых тюрок: на

животе или на правом боку с подогнутыми конечностями. Балбалы или стелы возле таких оградок вкапывались в основном с северной или западной сторон.

В подквадратных конструкциях лошади были захоронены аналогичным способом – в ямах, но ориентировка и положение животных неустойчивы (головой на юго-восток, на спине; головой на запад–северо-запад, на животе с подогнутыми ногами; головой на запад, на левом боку с подогнутыми ногами, с опущенной вниз мордой). На памятнике Мендур-Соккон-I в оградке №2 лошадь была уложена на спину (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104). Отметим, что подобная нетипичная для комплексов раннего средневековья ситуация зафиксирована только в двух случаях в ходе раскопок тюркских захоронений на Алтае и в Минусинской котловине (Худяков Ю.С., 2004, с. 35, рис. 33; Кубарев Г.В., 2005, с. 274, табл. 71). Оградка из Мендур-Соккона, кроме того, имела общую стенку с другой оградкой, в которой в ящичке находились остатки предметов вооружения и железные ножи (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104).

У большинства округлых оградок и у одной четырехугольной постройки с конскими захоронениями зафиксированы вертикально установленные стелы и балбалы, вкопанные с западной и/или северной стороны (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 468–469, рис. 2). Примечательно, что от одного из тюркских курганов с отдельным погребением лошади (Балык-Соок, курган №23) к западу также отходил ряд балбалов (Кубарев Г.В., 2005, с. 383, табл. 144).

Аналогии подобным комплексам фиксируются в материалах раскопок памятников тюрок на сопредельных территориях. Так, на могильнике Беш-Таш-Короо-II (Тянь-Шань, Кыргызстан) в трех оградках исследованы конские захоронения, в которых животные головой были ориентированы в западном направлении (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1992, с. 90; Табалдиев К.Ш., Сулейманова А.С., 1995, с. 104–105; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 73–74, рис. 34; Табалдиев К.Ш., Йылмаз Аныл, 2006, с. 194–195). Одна из лошадей была уложена на животе с подогнутыми конечностями и опущенной вниз мордой, взнуздана и оседлана, а с двух сторон от нее обнаружено по одному стремени

восьмерковидной формы. Еще одно захоронение лошади исследовано на памятнике Беш-Таш-Короо-I (объект №2). С животным были положены железная пряжка и берцовая кость барана. У западной стенки этой оградки находилось изваяние, на котором смоделировано только лицо и головной убор (прическа?) (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 74, рис. 33).

Своеобразный ритуальный комплекс раскопан в Казахстане (Аралтобе-I). К оградкам с северо-западной стороны пристроена оригинальная конструкция, в которой обнаружены кости животного и фигурные металлические бляхи от конского снаряжения (Досымбаева А.А., 2006, рис. 26.-1–2). С северо-западной стороны комплекса установлены лицевые (погрудные) изваяния, балбалы отсутствовали.

Как указано в предыдущем параграфе диссертации, имеется информация о раскопках захоронений лошадей в четырехугольных рядом стоящих оградках на территории Тувы (Маннай-оол М.Х., 1963, с. 243–245; Килуновская М.Е. и др., 2017, с. 175, рис. 56–58). Судя по представленным в предварительных публикациях сведениям, эти объекты относятся к начальным этапам развития культуры номадов и демонстрируют наиболее ранние комплексы тюрок в данном регионе. Более развернутая интерпретация имеющихся материалов будет возможна в случае введения в научный оборот всей полученной в ходе раскопок информации.

III. Зафиксированные предметы, а также представленные выше захоронения лошадей позволяют утверждать, что к ранним признакам «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии относятся оградки округлой формы, отличные от «классических» четырехугольных сооружений. По мнению В.А. Могильникова (1994а, с. 100), округлые оградки комплекса Кара-Коба-I, предшествовали подквадратным объектам, что подтверждается наблюдениями стратиграфического характера: к одной из округлых оград пристроены два четырехугольных сооружения, для изготовления которых была использована часть другой кольцевой конструкции.

Имеющиеся материалы раскопок памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени дают основания для предположения о том, что распространение у тюрок округлых оградок, в ряде случаев содержавших захоронение лошади, связано с традициями населения булан-кобинской культуры. Подобные объекты раскопаны на ряде комплексов, в том числе относящихся к предтюркскому времени (вторая половина IV – V вв. н.э.) (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 85–86; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 73–74).

IV. Параллельно с округлыми оградками на начальных этапах культуры тюрок возводились и четырехугольные объекты. Одним из надежных ранних признаков таких комплексов следует считать небольшие каменные ящички, которые чаще всего сооружались во внутреннем пространстве оградок. В ящичках 19 объектов обнаружены датирующие находки, которые позволяют с высокой степенью уверенности определить время сооружения большинства памятников в рамках второй половины V – VI вв. (Гаврилова А.А., 1965, табл. IV; Васютин А.С., 1985, с. 75; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис. II; Илюшин А.М., 2000, рис. I–V; и др.). В основном это предметы вооружения и конского снаряжения, часть которых демонстрирует связь с элементами материальной культуры кочевников сяньбийско-жужанского времени, другие же однозначно отражают новации в предметном комплексе раннесредневековых номадов.

Распространение небольших каменных ящичков в «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрок представляется возможным связать с существовавшей на Алтае в хуннуско-сяньбийско-жужанское время традицией захоронения в каменном ящике, а также специфичными объектами, условно обозначаемыми как «миниатюрные» кенотафы (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 35–37, 62–63). Основным признаком последних является сооружение погребальной камеры в виде ящика, не предназначенного по своим пропорциям для размещения взрослого человека. При этом по размерам наземной конструкции подобные объекты зачастую не отличались от обычных подкурганных захоронений. Более подробно черты преемственности с

традициями номадов предшествующего периода в археологической культуре раннесредневековых тюрок Центральной Азии представлены в Главе V диссертации.

Традиция сооружения каменных ящичков в тюркских оградках существовала и на следующем кудыргинском этапе развития культуры тюрок (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.), но фиксируется уже гораздо более фрагментарно в количественном отношении. Об том свидетельствуют материалы раскопок комплексов Кызыл-Шин и Ян-Гобо (Кубарев В.Д., 1984, с. 53–54, табл. XXXIX; Кубарев Г.В., 2018, рис. 5–6). Не исключено, что отдельные подобные объекты могли возводиться и в более позднее время.

V. Другим ранним признаком четырехугольных оградок является сооружение смежных построек, имеющих одну общую стенку. Судя по имеющимся материалам, «активный» период бытования этих сооружений ограничивается VI в. Вместе с тем, подобные конструкции представлены и на последующих этапах развития культуры раннесредневековых тюрок, подтверждением чему следует считать объекты комплекса Кур-Кечу в Центральном Алтае (Васютин А.С., 2009, рис. 2).

VI. Отличительной чертой оградок раннего этапа в развитии археологической культуры тюрок является не характерная в целом для традиций раннесредневековых кочевников ориентировка стел и балбалов, отличная от «классического» восточного направления. Об этом, в частности, свидетельствуют датирующие находки, обнаруженные в ходе раскопок подквадратных и округлых оградок на памятниках Кара-Коба-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш и др., где зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу, и реже – к югу от основного комплекса (Васютин А.С., 1985, с. 75; Мамадаков Ю.Т., 1994б, с. 59, рис. 2.-7–12; Могильников В.А., 1994а, рис. 6–7, 16–19; и др.). Вариабельность ориентировок в данном случае может быть обусловлена своего рода «поиском» форм обрядовой практики в начальные периоды формирования и развития культуры тюрок, а также определенным влиянием традиций населения Алтая предшествующего времени.

VII. Относительным признаком «поминальных» комплексов раннего этапа культуры тюрок можно считать отсутствие таких сложных сооружений, как ров и вал, возводимых за пределами оградки. Очевидно, появление таких конструкций в более позднее время демонстрировало сложные социальные процессы и трансформации, произошедшие в обществе номадов. На начальном этапе социогенеза раннесредневековых кочевников такие проявления дифференциации отсутствовали.

VIII. Одной из характеристик серии «поминальных» объектов кызыл-ташского этапа является наличие одного стремени. Все наиболее ранние экземпляры данной категории находок, относящиеся ко второй половине V – первой половине VI вв. н.э. и обнаруженные в памятниках тюрок, найдены именно в оградках. Очевидно, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах отражает особенности первоначального использования стремян как приспособления для посадки на лошадь (подножки). Единственным примером обнаружения парных стремян в объекте кызыл-ташского этапа являются материалы раскопок комплекса Усть-Карасу (Приложение III, рис. 44). Показательно, что на следующем кудыргинском этапе в течение непродолжительного периода обычай помещения одного стремени в могилу или «поминальный» комплекс фиксируется на обширных территориях – в Туве, Минусинской котловине и Средней Азии (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 111а; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 303; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 16.-19, 22; 17.-14; Худяков Ю.С., 1999, рис. 3; Килуновская М.Е. и др., 2017, с. 175, рис. 56; и др.), очевидно, демонстрируя распространение традиций «ранних» тюрок в ходе первых военных кампаний середины VI в.

Для ранней группы «поминальных» сооружений тюрок характерны и другие признаки, которые при этом не имеют устойчивой хронологической привязки. К примеру, уже в оградках второй половины V – первой половины VI вв. фиксируются жертвенные ямки, в которых иногда помещались вещи. Отметим, что зачастую такие конструкции сочетаются с сооружением

центральных столбовых ямок. В данном случае наблюдение В.А. Могильникова (1992а, с. 190) о том, что на комплексе Кара-Коба-I ямки с остатками деревянных столбов со временем «занимают» место ящиков не находит подтверждения на более широком материале. Более того, обозначенные конструкции, судя по имеющимся данным, имели различную семантику и не были взаимоисключающими.

Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство «поминальных» комплексов с обозначенными выше признаками исследовано на Алтае. Очевидно, это обстоятельство не только демонстрирует высокую степень изученности оградок данного региона, но также является важным доводом в пользу тезиса о происхождении традиций тюрок именно на обозначенной территории. Некоторые из представленных характеристик фрагментарно фиксируются в других частях Центральной Азии, отражая процессы первоначального распространения раннесредневековых тюрок в середине – второй половине VI в. н.э. Наиболее ярким примером подобной ситуации является появление на сопредельных территориях немногочисленных оградок с захоронением лошади.

Анализ особенностей распространения тюркских оградок раннего кызыл-ташского этапа позволяет наметить некоторые закономерности в их локализации. Большая часть «поминальных» комплексов, датирующихся в рамках второй половины V – первой половины VI вв., раскопана в Центральном и Восточном Алтае, причем во втором случае заметна весьма высокая степень концентрации таких объектов на отдельных памятниках – Кок-Паш, Кудыргэ. Кроме того, небольшая серия «ранних» оградок исследована в Северном Алтае.

Очевидно, что в ходе дальнейших раскопок количество «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам в развитии культуры тюрок, будет увеличено, что позволит более подробно рассматривать общие и особенные характеристики объектов этого времени. Наибольшие перспективы связаны с целенаправленными археологическими исследованиями на территории Монгольского Алтая. Насколько нам известно, к настоящему времени в этой

части центрально-азиатского региона раскопан всего один комплекс, датировка которого определяется рамками второй половины V – первой половины VI вв. (Турбат и др., 2016). Не меньше значение имеет проведение полевых работ на территории Синьцзяна, где, согласно письменным источникам, происходил начальный этап сложения группы населения, впоследствии составившей один из компонентов в процессе формирования общества тюрок.

3.4. Эволюция традиций сооружения «поминальных» комплексов

Распространение тюрок в период создания и в первые годы существования Первого каганата обусловило появление характерных «поминальных» комплексов во всех частях Центральной Азии. Наряду с фрагментарным сохранением отмеченных выше «ранних» черт подобных объектов, в материалах раскопок памятников более позднего времени отмечается эволюция форм обрядовой практики, получившая отражение в фиксируемых археологически конструкциях.

Большая часть известных «поминальных» памятников тюрок Центральной Азии относится ко второй половине VI – первой половине VIII вв. (кудыргинский и катандинский этапы развития культуры раннесредневековых номадов). Анализ материалов раскопок этих комплексов позволяет выделить характерные черты объектов.

I. Фиксируется развитие форм статуарной традиции. Вероятно, наиболее ранними из реалистичных изваяний тюрок являются немногочисленные скульптуры с т.н. «жанровыми» или «повествовательными» сценами. Такие изображения обычно нанесены в нижней части статуй. Комплексы с подобными фигурами к настоящему времени известны на территории Алтая, Тувы, Монголии и Казахстана (Грач А.Д., 1958а, рис. 2; Кубарев В.Д., 1995, рис. 1.-1; Рогожинский А.Е., 2010, рис. 8; Длужневская Г.В., 2013, с. 177–178; и др.). Кроме того, группа своеобразных статуй, которые могут быть отнесены

к кругу таких объектов, выявлена в Минусинской котловине (Панкова С.В., 2000). Пожалуй, самым известным изваянием с «повествовательной» сценой является находка из могильника Кудыргэ, различным аспектам интерпретации которой посвящена серия специальных работ (Длужневская Г.В., 1978; Мотов Ю.А., 2001; Азбелев П.П., 2010; и др.). Помимо датировки обозначенного комплекса, а также анализа характерной изобразительной традиции, основанием для определения времени создания подобных «повествовательных» сцен в рамках второй половины VI – первой половины VII вв. являются результаты радиоуглеродного анализа конского зуба из оградки Апшиякта, рядом с которой находилось «лицевое» изваяние с женской личиной в «трехрогом» головном уборе, относящееся к этому же культурно-хронологическому кругу (Кубарев Г.В., 2017, с. 101).

Материалы раскопок отдельных «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок отражают процессы трансформации статуарной традиции. Ярким примером являются результаты исследований памятника Баян булаг-II, осуществленных при непосредственном участии автора диссертации (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017). Изваяния данного комплекса, зафиксированные у оградок №1, 3 и 4, представляют собой стелы с личинами, и лишь изваяние, стоявшее у оградки №2, по оформлению ближе к скульптуре. Похожие изваяния с личинами изучены на памятнике Яломан-VII в Горном Алтае, который по конструктивным особенностям и найденным удилам датируется кудыргинским этапом в развитии культуры тюрок (вторая половина VI – первая половина VII в.) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2013, с. 97). Очевидно, оградки комплекса Баян булаг-II были сооружены в период, когда только начался переход от изваяний с личинами к объемной скульптуре (видимо, ближе к середине VII в.). Такую датировку памятника подтверждает анализ находок золотых пластинок с отверстиями, полученных в ходе раскопок объектов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017, с. 141–142).

II. В ориентировке внеоградных вертикально установленных камней (изваяний, стел, балбалов) преобладает восточная сторона. Она «закрепляется» в тюркской традиции ритуального строительства и начинает доминировать примерно с конца VI – VII вв., определяя наиболее благоприятное направление (Зайцев И.В., 1997, с. 86). О сакральном характере восточной стороны, которая даровала мудрость каганам, свидетельствуют неоднократные ее упоминания в тюркских рунических текстах (Малов С.Е., 1951, с. 33, 36; Кычанов Е.И., 1997, с. 96–97, 102).

III. Отражением усложнения социальной системы тюрок после создания кочевой империи стало появление сложных «поминальных» комплексов, включавших такие конструкции, как ров и вал. Судя по имеющимся материалам, подобные сооружения отмечены только на памятниках второй половины VI – VIII вв. Чаще всего ров и вал выявлены в ходе исследования одиночных четырехугольных оградок, в комплексе с изваяниями/стелами, балбалами и другими конструкциями, отражающими многоэлементность обрядовой практики раннесредневековых тюрок, лишь отчасти зафиксированную археологически. Среди датированных комплексов с такой структурой следует назвать сооружения из Актру и Макажана, выявленные на территории Алтая. Гладкие бляшки квадратной формы без прорезей, отсутствие подвесных ремешков на поясах изваяний возле этих оградок (Кубарев В.Д., 1984, табл. XIX.-114, XXX.-185, XXX.-185) позволяют определить наиболее вероятное время их сооружения в рамках второй половины VI – VII вв. Мечи с прямоугольным перекрестием, изображенные на скульптурах, способствуют уточнению датировки комплексов, ограничивая верхнюю дату объектов второй половиной VII в. Отметим, что и в целом большинство «храмовых» комплексов тюрок относится к обозначенному периоду и чуть более позднему времени – последней четверти VI – первой половине VIII вв. В Монголии самый ранний объект такого типа датируется 581 г. Он посвящен четвертому правителю Первого Тюркского каганата – Таспар-кагану (Войтов В.Е., 1996, с. 23, 30). В материалах раскопок

мемориальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии также не известны реалистичные скульптуры, которые могли бы быть датированы ранее середины VI в. (Войтов В.Е., 1996, с. 31, 110).

Одним из немногих точно датированных «поминальных» комплексов с валом и рвом является памятник, раскопанный в долине р. Хар-Ямаатын-гол в Монгольском Алтае. Отличительной особенностью данного объекта, помимо обозначенных сложных конструкций, является наличие редкого по качеству изготовления каменного изваяния с «жанровой» сценой, особенности распространения которых представлены ранее. Результаты радиоуглеродного анализа позволили автору раскопок отнести данный комплекс к середине VII в. (Кубарев Г.В., 2015, с. 148).

IV. Судя по имеющимся материалам, на кудыргинском и катандинском этапах развития культуры раннесредневековых тюрок Центральной Азии практически не возводились округлые постройки и крайне редко фиксируются смежные оградки. Основной формой «поминальных» комплексов становятся четырехугольные объекты одиночной планировки или рядом стоящие.

Одной из показательных черт «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок, время создания которых определяется второй половиной VI – первой половиной VIII вв., является определенная унификация памятников, большая часть которых относится к сравнительно небольшой группе выделенных типов конструкций. Вместе с тем, в структуре объектов сохраняются многообразие и вариабельность, демонстрирующие как сложность традиций, так и многокомпонентность общества раннесредневековых номадов, а также специфику реализации традиций обрядовой практики на различных территориях.

Ключевым фактором, определившим дальнейшую трансформацию «поминальных» комплексов тюрок, стала потеря ими статуса гегемона степей Центральной Азии и вхождение в состав каганатов уйгуров и кыргызов. Судя по имеющимся материалам, после середины VIII в. не сооружались оградки с валом и рвом; у многих сооружений отсутствуют балбалы. Анализ имеющихся

немногочисленных датированных комплексов показывает, что во второй половине VIII, а особенно в IX – первой половине X вв., в основном возводились постройки без дополнительных внешних конструкций. Во внутреннем пространстве некоторых из объектов также отсутствовали какие-либо сооружения.

В IX–X вв. общее количество тюркских «поминальных» комплексов уменьшается, что было характерно и для археологических памятников номадов данной общности в целом. Данная ситуация отражает упадок традиций кочевников и влияние на них со стороны других групп населения. Вместе с тем, немногочисленные известные памятники этого времени показывают, что традиция строительства «поминальных» объектов даже в X в. не прервалась. Имеющиеся археологические материалы позволяют утверждать, что в это время какие-то группы раннесредневековых тюрок продолжали проживать на территории Алтая. Одна из оградок памятника Дьер-Тебе, как показал радиоуглеродный анализ, сооружена в период господства на Алтае Кыргызского каганата и относится к X в. (Кубарев В.Д., 1978, с. 93–94; Кубарев Г.В., Орлова Л.А., 2006). Эта дата, на что уже обращалось внимание исследователей, согласуется с последним известием о тюрках в китайских хрониках, которое датируется 941 г. (Войтов В.Е., 1996, с. 70).

3.5. Основные аспекты интерпретации «поминальных» сооружений

Определение семантики тюркских «поминальных» комплексов остается одним из наиболее дискуссионных вопросов раннесредневековой археологии Центральной Азии. Несмотря на значительный объем имеющихся материалов и накопленный опыт их систематизации, до сих пор существуют различные концепции, в рамках которых исследователями объясняется назначение оградок, изваяний, балбалов и других объектов. Общая историография данной проблемы

и развитие представлений в этой области представлены в Главе I диссертации. Поэтому в настоящем параграфе лишь суммируем существующие взгляды специалистов, обозначив возможности решения ряда вопросов.

Большинством археологов тюркские оградки с изваяниями и балбалами интерпретируются как «поминальные» памятники. Последовательными сторонниками данного подхода являются Д.Г. Савинов, Ю.С. Худяков, Б.Б. Овчинникова и др. (Савинов Д.Г., 1984; Худяков Ю.С., 1985а; Овчинникова Б.Б., 2004), при этом демонстрируя в своих работах целый ряд нюансов по вопросам реконструкции поминального цикла раннесредневековых номадов и деталей их обрядовой практики. Между тем, даже в публикациях сторонников концепции о «поминальном» характере тюркских оградок неоднократно отмечалось, что подобная интерпретация не может быть однозначно распространена на все известные комплексы, и для обоснования решения данного вопроса необходимы дальнейшие изыскания, в том числе целенаправленные полевые исследования (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 1995, с. 154; Кубарев В.Д., 2001а, с. 42; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2002, с. 90; и др.). В частности, такая неопределенность объяснялась значительным разнообразием конструктивных особенностей рассматриваемых памятников и тем, что часть объектов с трудом «укладывается» в предложенные реконструкции (Кубарев Г.В., 2007а, с. 50).

Согласно второму подходу в интерпретации оградок, такие комплексы представляют места захоронений (Гумилев Л.Н., 1959, с. 108–109, 114; Альбаум Л.И., 1960, с. 95–100; Вайнштейн С.И., 1966а, с. 75). Основной слабой стороной данной интерпретации, основанной на неоднозначных сведениях письменных источников о погребальном обряде тюрок, является собственно отсутствие следов захоронений в раскопанных оградках. Своего рода попыткой «примирения» археологических реалий с обозначенной трактовкой тюркских комплексов стала позиция А.С. Суразакова (1987, с. 41; 1988, с. 569–570). По его мнению, в оградках совершался обряд трупосожжения по типу воздушных захоронений, когда «…к деревянным столбам в центре сооружений

привязывались мешочки с остатками погребальных костров, которые, упав со временем поверх каменных насыпей, естественно, до нас не дошли» (Суразаков А.С., 1993, с. 51).

Несколько десятилетий назад одним из археологических свидетельств, казалось бы, подтверждающих возможность рассмотрения тюркских оградок, по крайней мере, части из них, как мест погребений, стали материалы раскопок А.Д. Грача (1966а, с. 105; 1968а) на комплексах Бай-Тайга и Хачы-Хову в Туве. В ходе исследования кольцевых сооружений, сооруженных к востоку от своеобразных смежных оградок с высокими стелами в центре, археологом были обнаружены ямки с золой и обломками кальцинированных костей человека. Такая атрибуция кремированных останков, по утверждению А.Д. Грача (1978, с. 47), была подтверждена специалистами-антропологами.

Первоначально к данной трактовке раскопанных комплексов присоединился Д.Г. Савинов (1984, с. 35–36), отметив возможность их связи с первым появлением тюрок на севере Центральной Азии в V–VI вв. Другими исследователями подобная интерпретация рассматриваемых материалов была подвержена критике. По мнению Л.Р. Кызласова (1977, с. 44–46), эти памятники должны быть отнесены к «уюкской» эпохе и датированы VII–III вв. до н.э. П.П. Азбелев (1991, с. 161), основываясь на результатах исследований похожих объектов на раннесредневековых чаатасах, интерпретировал комплекс Хачы-Хову как погребение кыргызских дружинников. В более поздней работе Д.Г. Савинов (2005а, с. 199) скорректировал свою позицию, предположив возможность отнесения рассматриваемых объектов к особой группе населения, близкородственной, но не идентичной тюркам Ашина.

Информация о наличии следов кремированных останков человека имеется также в публикациях, посвященных введению в научный оборот материалов раскопок единичных оградок на территории Минусинской котловины (Трифонов Ю.И., 1972, с. 240; 1973а, с. 241; 1974, с. 226; Поляков А.С., 1983; Скобелев С.Г., 2000). Эти объекты по ряду характеристик сходны с тюркскими «поминальными» комплексами, однако имеют и ряд особенных показателей.

Учитывая специфику памятников тюрок Хакассии, а также практически полное отсутствие в данном регионе раннесредневековых оградок, данные сведения также не представляется возможным рассматривать в качестве подтверждения концепции об оградках как о местах погребений.

Еще одним вариантом решения вопроса о назначении тюркских оградок является рассмотрение их в качестве своего рода самостоятельных «символических» захоронений – кенотафов. Впервые опыт подобной интерпретации «поминальных» комплексов раннесредневековых кочевников был предложен В.А. Могильниковым (1992а, с. 185–186). Археолог обратил внимание, что такие характеристики оградки №109 памятника Кара-Коба-I, как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода находят аналогии в погребальном обряде тюрок (Приложение III, рис. 75). В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как кенотаф, отметив, в то же время, поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова (1992а, с. 192), имеются также некоторые основания для отнесения к кенотафам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (Приложение III, рис. 76). В следующей публикации материалов раскопок на памятнике Кара-Коба-I археолог, не приводя на этот раз аргументов, предложил такую же интерпретацию для оградки №69А (Могильников В.А., 1994а, с. 95), которая не содержала захоронения лошади, инвентаря, предназначавшегося для человека, а также других признаков, каким-либо образом указывавших на возможность подобного заключения.

Предположение о сходстве «поминальных» оградок раннесредневековых тюрок с кенотафами в последующее десятилетие не получило поддержки и развития в работах других исследователей. Однако в последние годы такой подход к трактовке «поминальных» объектов был обозначен в ряде публикаций барнаульских археологов, в том числе автора диссертации (Серегин Н.Н., 2008, с. 147–148; 2010, с. 203; Шелепова Е.В., 2011б, с. 223; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013б; Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 97–103). Осуществленный

анализ материалов раскопок, в том числе классификация зафиксированных сооружений, позволяет наметить наиболее показательные характеристики тюркских оградок, сближающие их с кенотафами.

В параграфе 3.3. диссертации подробно представлены различные аспекты анализа такого конструктивного признака оградок раннего этапа в развитии культуры тюрок, как небольшой каменный ящик. Датировка, по крайней мере, части таких объектов в рамках второй половины V – первой половины VI вв., подтверждаемая находками характерных предметов (Гаврилова А.А., 1965, табл. III–V; Могильников В.А., 1992а, рис. 10–11; Мамадаков Ю.Т., 1994б, рис. 2.-7–12; Илюшин А.М., 2000, рис. I–II; и др.), делает весьма вероятным предположение о том, что такие конструкции отражают преемственность тюрок с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры. Нельзя исключать, что в данном случае и функции таких сооружений были близки.

Важным элементом «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии были сооружения, находящиеся рядом с оградками – изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. В Главе II было подробно обосновано, что такие сооружения фиксируются и рядом с курганами раннесредневековых кочевников. «Околокурганные» объекты, в большинстве случаев, расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок. Важно отметить, что нередко «околокурганные» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. К примеру, характерная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон-I на Алтае (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис. 1, 2) (Приложение III, рис. 77). В одной из смежных оградок комплекса исследовано

захоронение лошади, а во второй находился миниатюрный каменный ящик, содержавший предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999, с. 142–144).

Одним из примеров комплексов, интерпретация которых как исключительно сооружений поминального характера представляется проблематичной, является памятник Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии (Приложение III, рис. 78). Показательной характеристикой оградки №2 данного объекта, в раскопках которой принимал непосредственное участие автор диссертации, является крупная яма (3,7х3,55 м), занимавшая всю центральную часть сооружения и перекрытая несколькими слоями плит. В полу ямы выявлены два дополнительных углубления, вокруг которых зафиксированы подобия «гнезд» из плит и камней (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н., 2015, рис. 5, 8). Необходимо признать, что в рамках имеющихся реконструкций «поминального» обряда тюрок назначение представленных конструкций объяснить сложно.

Характерной чертой, которая определенным образом объединяет каменные оградки раннесредневековых тюрок с кенотафами, а также, в меньшей степени, с «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. К настоящему времени отмечено более 20 случаев фиксации таких находок в памятниках тюрок Центральной Азии. При этом рассматриваемые изделия крайне редко обнаружены в «стандартных» погребениях (Кубарев Г.В., 2005, табл. 132–134; Овчинникова Б.Б., 2013б, табл. XIII.-18). В абсолютном большинстве случаев части доспеха найдены в кенотафах (Грач, 1960б, с. 130, рис. 77; Гаврилова, 1965, табл. XXIV.-1; Савинов, 1982, рис. 8; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117, рис. 8.-14; Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118–129; Кубарев Г.В., 2005,

табл. 106.-10) и оградках (Гаврилова, 1965, табл. V.-1; Кызласов Л.Р., 1979а, с. 122, рис. 85.-4; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 117, рис. 3-5–12; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104, рис. 3.-2; Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998, с. 118–122; Досымбаева А., 2006, с. 28; Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 38–39; Кубарев Г.В., 2018, рис. 3.-2, 7.-1; и др.). Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруженные в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов (Кубарев Г.В., 2005, табл. 73.-10, 145.-1) и особенно каменных оградок на различных территориях (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-2; Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998, рис. 3.-22; Досымбаева А., 2006, рис. 8.-4; и др.). Весьма своеобразная ситуация отмечена в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копья была изготовлена из панцирной пластины (Досымбаева А., 2006, фото 9).* Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции имеются в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копье, наряду с лошадью и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека (Фиельструп Ф.А., 2002, с. 134, 166–167, 178–179).

Итак, изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрок демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX; Могильников В.А., 1992а, с. 184–185, рис. 13–14; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996; 1997, рис. I–IV; и др.). Существенным фактором является принадлежность большинства подобных

* Выражаем благодарность д.и.н. В.В. Горбунову, обратившему наше внимание на эти материалы.

объектов к ранним этапам развития культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VII вв.). Показательно, что к этому же времени относятся практически все «ритуальные» курганы, при исследовании которых зафиксированы датирующие предметы, либо органические материалы, позволившие получить радиоуглеродные даты (Кубарев В.Д., 1979б, рис. 19; Илюшин А.М., 1990, рис. 1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VI.- 24–25; Соенов В.И. и др., 2009, с. 80–81, рис. 13–23; Кубарев Г.В., 2018, с. 87; и др.). Вероятно, концентрация подобных комплексов на ранних этапах культуры тюрок иллюстрирует период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников.

Как показано в предыдущих параграфах настоящей главы диссертации, «поминальная» практика тюрок не представляла собой неизменного явления, а напротив – испытывала ряд трансформаций под воздействием различных факторов. Нет сомнений в том, что комплексы раннего этапа в развитии культуры номадов серьезным образом отличаются от «классических» форм подобных объектов. Логично предположить, что и семантика таких сооружений, определявшаяся содержанием обрядовой практики, прошла определенный путь эволюции.

Представляется возможным предположить, что на ранних этапах развития культуры тюрок часть оградок могла выполнять функции, схожие с назначением кенотафов, которые возводились в честь погибших на чужбине воинов. С определенной долей уверенности к таким объектам относятся четырехугольные сооружения с конскими захоронениями и вещевым набором для предполагаемого погребения человека, а также соответствующими конструкциями. Вероятно, в более позднее время функции оградок и, соответственно, представления, связанные с их созданием, могли трансформироваться, отражая вариабельность «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Отдельные захоронения лошадей в оградках без сопроводительного инвентаря, предназначавшегося для человека, можно считать могилой боевого

коня. Конструктивное оформление таких памятников (округлые сооружения в виде сот) и сам обряд отражают сохранение в тюркской среде в течение некоторого времени традиций населения булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

В разработанной классификации значительное количество объектов разной планировки и формы отмечены отсутствием каких-либо внешних и внутренних элементов, или внутри оградок зафиксированы только столбовые и/или жертвенные ямки. Такие конструкции наиболее сложны в плане интерпретации, хотя более вероятной представляется их обозначение в качестве «поминальников».

Одним из объяснений вариабельности тюркских «поминальных» комплексов является высокая степень дифференциации общества кочевников. В данном случае можно привести мнение Ю.И. Трифонова (1973б, с. 371), который подчеркнул, что «…отличия, существующие между разными видами поминальных сооружений тугю (оградки рядовых воинов, каганские храмы и т.п.), являются в большинстве случаев отличиями не принципиально типологическими», а «…отличиями конструктивно-архитектурными, связанными с социально-общественным или имущественным положением умершего».

Подобным же образом может быть интерпретирована вариабельность тюркских каменных изваяний. Ю.С. Худяков (1998а, с. 47) считает, что скульптуры без оружия посвящены представителям чиновничества, а с оружием – военачальникам и воинам. Схожие выводы сделаны ранее Я.А. Шером (1966, с. 59), по мнению которого изваяния с сосудом и без оружия изображают представителей невоенной прослойки тюркского общества – чиновничество, людей, близких к правящей военной верхушке, но непосредственно военным делом не занимавшихся. Согласно другой позиции, подобные комплексы демонстрируют этническую пестроту населения центрально-азиатского региона в раннем средневековье (Евтюхова Л.А., 1952, с. 64, 117; Кызласов Л.Р., 1969, с. 80–82).

Таким образом, проведенный анализ значительного массива материалов раскопок «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии показал высокую степень сложности таких объектов, отражающих процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых номадов. Подобные памятники не представляли собой устойчивого явления, пройдя определенный путь эволюции. Судя по имеющимся материалам, наиболее динамичным процесс изменений был на ранних этапах культуры тюрок, когда происходил своего рода «поиск» форм погребально-поминальной обрядности. Проделанная работа показала необходимость продолжения изысканий, предполагающих фиксацию и тщательные раскопки «поминальных» комплексов второй половины I тыс. н.э. в различных частях центрально-азиатского региона. Наиболее важными являются целенаправленные исследования подобных объектов в Синьцзяне и Монгольском Алтае. Кроме того, актуальными остаются работы по выявлению и изучению оградок на территории Минусинской котловины, что позволит более обоснованно рассматривать культурно-хронологическую интерпретацию немногочисленных известных объектов в этом регионе.

Глава IV. Социогенез тюрок Центральной Азии (опыт интерпретации археологических материалов)

Анализ обширной историографии, сформированной к настоящему времени, показывает, что практически все выводы о структуре и организации общества раннесредневековых тюрок основаны на исследовании письменных источников – главным образом, китайских летописей и тюркских рунических текстов (Тишин В.В., 2015). При несомненной важности этих материалов, необходимо признать, что опора только на них существенным образом ограничивает возможности социальных реконструкций. Следует учитывать, что большая часть информации об обществе тюрок, приведенная в обозначенных документах, связана с описанием элиты номадов и отношений, существовавших внутри верхушки социума. В письменных источниках представлены процессы, происходившие, главным образом, в периоды существования каганатов, в то время как история тюрок гораздо более продолжительна. К тому же, почти все имеющиеся сведения характеризуют центр кочевых империй, а периферия осталась, за редким исключением, неизвестной создателям текстов.

Таким образом, в рамках полноценного исследования процессов социогенеза тюрок центрально-азиатского региона необходимо привлечение других сведений, прежде всего – материалов раскопок археологических памятников. Опыт систематизации и анализа результатов исследований погребальных и поминальных комплексов тюрок, представленный во второй и третьей главах диссертации, позволил продемонстрировать основные характеристики таких объектов. Очевидно, что наибольшие возможности для социальных реконструкций предоставляют некрополи раннесредневековых кочевников. Материалы раскопок «поминальных» объектов и прежде всего – «элитных» мемориалов способствуют расширению и детализации сделанных выводов и наблюдений.

Изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволяет обозначить некоторые их источниковедческие характеристики, с одной стороны, осложняющие осуществление социальных реконструкций, а с другой – определяющие методы и подходы исследования (Серегин Н.Н., 2012б).

Одной из трудностей, возникающих при изучении структуры и организации общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии по материалам погребальных памятников, является то, что значительная часть объектов ограблена или потревожена. По нашим подсчетам, не менее 30% курганов кочевников на рассматриваемой территории подверглись полному или частичному разрушению. Очевидно, что данное обстоятельство в некоторой степени усложняет проведение реконструкций не только обряда, но также и социальной организации. При этом если первоначальный вид погребального сооружения и некоторые элементы ритуала после разрушения в той или иной степени восстанавливаются по сохранившимся деталям, то набор сопроводительного инвентаря, являющийся одним из наиболее значимых показателей, представить почти невозможно.

Добавим, что имеющуюся источниковую базу ограничивает не только ограбленность ряда объектов, но, в большей степени, немногочисленность исследованных погребений. В настоящее время раскопано немногим более 400 захоронений раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Незначительность этой цифры особенно очевидна, если сравнить ее с количеством погребений скифо-сакского или хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, исследованных на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Кроме того, качество раскопок и фрагментарность публикации ряда раннесредневековых памятников не позволяет привлекать данные комплексы в полной мере.

В целом, обозначенные обстоятельства определяют сравнительную ограниченность количества погребений, используемых в ходе анализа. Это, в свою очередь, существенно снижает возможности применения методов статистического анализа, так как известно, что небольшие выборки в данном

случае непрезентативны (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 31).

Учет имеющегося опыта работ отечественных и зарубежных специалистов, а также специфики имеющейся источниковой базы позволяет сформировать программу исследований для реконструкции процессов социогенеза у тюрок Центральной Азии. Она может быть представлена в рамках нескольких этапов (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 35–36).

На ***первом этапе*** проводится всесторонняя систематизация и анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии, являющихся основой для реконструкции различных аспектов социальной истории номадов. Результаты этой работы представлены во второй главе диссертации.

Второй этап исследования заключается в рассмотрении горизонтальной стратификации общества раннесредневековых тюрок, нашедшей отражение, главным образом, в гендерной и возрастной дифференциации погребальной обрядности. На данном этапе работы изучаются показатели погребальных сооружений, ритуала и наборов сопроводительного инвентаря, характерные для мужских, женских и детских захоронений, а также для погребений представителей конкретных возрастных групп. Важным моментом является расширение источниковой базы за счет определения половой принадлежности умерших людей из объектов, по которым отсутствуют антропологические характеристики.

Выделение признаков, вариабельность которых связана с полом и возрастом погребенных, позволит перейти к обозначению социально обусловленных элементов обряда. Данная работа проводится на ***третьем этапе*** исследования. Выделение «социальных маркеров» основывается на учете ряда показателей, полученных в ходе обработки различных групп источников и материалов.

Четвертый этап исследования представляет собой интерпретацию полученных результатов анализа археологических материалов. Основной

задачей является моделирование гипотетической структуры социума раннесредневековых тюрок Центральной Азии посредством выделения и характеристики групп погребений.

Наконец, ***пятый этап*** работы предполагает корреляцию полученных результатов анализа погребальных комплексов с другими группами источников. На данном этапе исследуются те аспекты социальной истории номадов, решение которых невозможно на основе анализа только материалов захоронений. В частности, появляется возможность рассмотрения основных аспектов организации общества раннесредневековых тюрок, а также динамики процессов социогенеза на протяжении второй половины V – XI вв. н.э.

Социальная интерпретация материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрок потребовала формирования специальной выборки объектов, удовлетворяющих ряду показателей. Систематизация объектов показала, что наиболее цельную в этом плане группу составляют памятники Алтая, Тувы и Минусинской котловины, на которых исследована абсолютно большая часть погребений. Захоронения тюрок Монголии, а тем более Казахстана и Средней Азии, учитывая ограниченное количество таких объектов, специфику проведения раскопок комплексов на этих территориях, практически полное отсутствие антропологических определений, отсутствие детских погребений, а также не всегда высокий уровень фиксации получаемых материалов служат, скорее, для сравнения и детализации отдельных конкретных показателей.

Сформированная выборка насчитывает 204 погребения, раскопанных на Алтае (95 объектов), в Туве (48 объектов) и Минусинской котловине (61 объект). Основным фактором при отборе памятников из общего количества исследованных на сегодняшний день могил стала возможность определения пола умершего, что является необходимым условием для полноценной социальной интерпретации погребений. Количество антропологических определений материалов захоронений раннесредневековых тюрок Центарльной Азии, несмотря на наличие специальных работ (Алексеев В.П., 1960; Богданова

В.И., 1980; Поздняков Д.В., 2006; и др.), весьма незначительно, поэтому формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов были обозначены погребения, материалы которых содержали устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. При этом учитывались только не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, по которым сохранилась информация, достаточная для полноценного анализа. В итоге выделены 40 женских захоронений, 133 мужские могилы и 31 погребение детей и подростков.

Резкое преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных с ограниченным объемом имеющихся антропологических определений, может объясняться объективными причинами (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 50). К примеру, не следует исключать высокой смертности мужского населения, обусловленной характерными для них занятиями (Берсенева Н.А., 2010б, с. 80). Исследователи, рассматривая материалы различных популяций, подчеркивают, что большее количество мужских погребений по сравнению с женскими характерно для подвижных кочевых социумов (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Низкий процент детских захоронений также зафиксирован в ходе раскопок памятников целого ряда общностей древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010а, с. 108). Следует признать, что возможна также специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок. Не исключено, что погребения детей совершались не только в отдельных курганах, но также в сложно фиксируемых могилах в межкурганном пространстве (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 117). Имеются основания для утверждения о большем распространение детских скальных захоронений (Соенов В.И. и др., 2002; Кубарев Г.В., 2005, с. 372), обнаружение которых в ряде случаев весьма затруднительно.

Анализ сформированной выборки погребений стал основой для исследования гендерной и возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии, выявления «социальных» маркеров» обряда, а также моделирования структуры социума номадов.

4.1. Гендерный анализ

Одним из важных аспектов реконструкции социальной истории древних и средневековых обществ является изучение гендерных отношений. Гендерный подход предполагает проведение исследования, направленного на изучение и реконструкцию роли мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности (хозяйственной, политической, военной, культовой и др.). Перспективность реализации такой работы на материалах конкретных социумов номадов очевидна, так как ее результаты представляют интерес не только для историков и археологов, но также имеют большое значение для социологов, этнографов и специалистов других областей знания (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000, с. 15).

Известно, что в каждом обществе существуют гендерные стереотипы – социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин. Обычно они весьма устойчивы, но при определенных условиях могут изменяться. Гендерные стереотипы являются одним из факторов, формирующих систему социальных отношений, поэтому их изучение имеет большое значение для реконструкции организации конкретных обществ (Рябова Т.Б., 2001, с. 4; 2003, с. 132). Опыт работ, осуществленных, главным образом, западными учеными, демонстрирует информативность материалов раскопок археологических памятников при исследовании социальных ролей мужчин и женщин (Берсенева Н.А., 2010б, с. 73).

Устоявшимся является представление о том, что центральной фигурой в социумах номадов древности и средневековья являлся мужчина-воин. Данное

утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных археологических, этнографических, письменных, иконографических и других источников. Вместе с тем, в последние десятилетия стали появляться материалы, в свете которых такая картина гендерной истории представляется не столь однозначной. Так, введены в научный оборот и интерпретированы результаты раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода, включавшие захоронения «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства (Полосьмак Н.В., 2001, с. 275–276, 279; Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2004; и др.). Отмечено, что женские погребения этнографического времени, исследованные в различных районах Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских (Дьяконова В.П., 1975, с. 129; Кубарев Г.В., 2007б, с. 296–297). Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах номадов различных исторических периодов (Кильдюшева А.А., 2005, Китова Л.Ю., 2005; Тутаркова Н.В., 2007; Белинская К.Ы., 2009; Берсенева Н.А., 2011; и др.). Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов.

Несмотря на очевидную актуальность реконструкции гендерных отношений в обществах номадов, целенаправленного изучения данного вопроса на материалах погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии не предпринималось. Вместе с тем, отечественными археологами высказывались ценные замечания по данному вопросу. Многие исследователи подчеркивали высокую степень сходства мужских и женских погребений раннесредневековых тюрок, отмечая разницу между ними лишь в составе сопроводительного инвентаря (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100; Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Кубарев Г.В., 2005, с. 23; и др.). Анализ наборов вещей из могил номадов второй половины I тыс. н.э. позволил Г.В. Длужневской

(1976) обозначить категории находок, характерных для захоронений лиц различных полов.

В связи с немногочисленностью женских погребений раннесредневековых тюрок, большое внимание исследователей привлекло изучение показателей, характерных для данных объектов (Серегин Н.Н., 2012д; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2015). Д.Г. Савинов (1994а, с. 148) обратил внимание на такую этнографическую особенность женских погребений кочевников, как наличие в них устойчивого набора предметов, включающего зеркало, гребень и маленький ножик. В.Н. Третьякова (2000, с. 55) отметила, что на некоторых раннесредневековых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Исследовательница подчеркнула однотипность погребений женщин и отсутствие ярких признаков подобных объектов. Схожие наблюдения приведены в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2006, с. 498–499). Авторы публикации на материалах трех охарактеризованных женских захоронений раннесредневековых тюрок, обнаруженных в Монголии, пришли к выводу о том, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда.

Перспективы изучения женских погребений раннесредневековых тюрок Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской (2007а–б, 2009). По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества номадов раннего средневековья (Белинская К.Ы., 2007а, с. 147). Подобную слабую дифференцированность обряда К.Ы. Белинская (2009, с. 10) объяснила отсутствием резкого противопоставления между представителями элиты и рядовыми кочевниками. В работах исследовательницы представлена характеристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Алтая (Белинская К.Ы., 2007б, 2009). Судя по приведенным описаниям, всего ей было учтено более 20 захоронений. При этом остался не ясным принцип определения половой

принадлежности умерших из рассмотренных комплексов. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана (Гаврилова А.А., 1965, с. 25–26, табл. XX)*, а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы.

В целом, многие вопросы, связанные с изучением гендерных отношений в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии, остаются открытыми. Возможности их решения связаны, главным образом, с осуществлением системного анализа материалов раскопок погребальных комплексов, результаты которого представлены далее.

Анализ наземных и внутримогильных сооружений, а также ритуала погребения, характерного для памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволил выделить две основные группы показателей (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 53–56). В ***первую*** включены признаки, вариабельность которых не связана напрямую с гендерной дифференциацией обряда номадов. Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов, с половой принадлежностью умерших продемонстрировало отсутствие, в абсолютном большинстве случаев, какой-либо зависимости между обозначенными показателями (Приложение II, табл. 2). Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей раннесредневековых тюрок, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевников. К примеру, на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 4.-4, 7.-2, 10.-5–6, 12.-2). В ряде случаев достаточно четко фиксируется приуроченность некоторых «околокурганнных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и кенотафы, также определенные

* Самой А.А. Гавриловой (1965) могила 12 определена в одном месте как женская (стр. 28), в другом – как мужская (стр. 25).

как «мужские». В то же время, наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера), характерно для женских погребений. В целом, распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половой дифференциацией в обществе раннесредневековых тюрок. Вариабельность таких показателей ритуала погребения, как ориентировка и положение умерших и сопровождавших их животных, также определялась другими факторами.

Вторую группу признаков обряда раннесредневековых тюрок Центральной Азии составили показатели, различающиеся для мужских и женских захоронений. К ним отнесены параметры погребальных конструкций и количество лошадей, находившихся рядом с умершим (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 53–56). Для мужских погребений характерен больший объем трудозатрат на сооружение курганной насыпи и могильной ямы. Отметим, что данный показатель может быть зафиксирован только на уровне тенденции в силу разрушенности значительного количества объектов, а также наличия локальной специфики памятников раннесредневековых тюрок на различных территориях. Кроме того, для комплексов второй половины I тыс. н.э. отмечается высокая степень нивелировки размеров наземных и внутримогильных сооружений по сравнению с объектами раннего железного века. Более важным признаком является количество лошадей в погребении (Приложение II, табл. 3). Стандартом для мужских и женских захоронений раннесредневековых тюрок (более 70%) было помещение в могилу одного животного. Присутствие двух и более лошадей характерно только для погребений мужчин. В могилах без сопроводительного захоронения животного в процентном отношении также чаще находились представительницы слабого пола, что было связано с причинами, в том числе, социального порядка.

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда раннесредневековых тюрок Центральной Азии, наиболее четким показателем,

отличающим мужские и женские погребения, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах (Приложение II, табл. 4). При изучении тенденций распределения различных категорий инвентаря в погребениях выделены четыре группы предметов (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 57).

Первую группу составили вещи, характерные только для захоронений мужчин. Главным образом, это предметы вооружения. Такие находки зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,2%) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,8%) мужских могилах. Маркерами захоронений мужчин являлись также наборный пояс, серебряный сосуд, китайские монеты, котел, тесло, оселок и кочедык. Находки, отнесенные к первой группе вещей, зафиксированы и в некоторых женских погребениях. Предметы вооружения, а именно небольшие кинжалы, встречены в двух (5%) захоронениях представительниц слабого пола (Длужневская Г.В., 2000, с. 180, рис. IV.-4; Овчинникова Б.Б., 2004, с. 102, рис. 11.-10); также в двух могилах отмечен наборный пояс (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218; Гаврилова А,А,, 1965, с.. 61, рис. 7.-1,2). По одному разу в женском погребении зафиксированы серебряный сосуд (Савинов Д.Г., 1994в, с. 118, рис. 108–110), китайские монеты (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 96, рис. 9.-1) и оселок (Гаврилова А.А,, 1965, с. 22).

Вторая группа находок представлена вещами, не несущими гендерной нагрузки. Это фрагменты шелковой одежды, нож, предметы конского снаряжения, керамический сосуд, а также плеть или стек. Обозначенные изделия в равной степени встречены в мужских и женских захоронениях раннесредневековых тюрок.

Третья группа предметов сопроводительного инвентаря включает находки, характерные, преимущественно, для женских погребений, и

встреченные в могилах мужчин более фрагментарно. К ним относятся серьги, различные украшения костюма (бусы, подвески, кольца и др.), гребень, а также украшения конского снаряжения.

К ***четвертой группе*** вещей отнесены предметы, встреченные только в захоронениях представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений являются металлическое зеркало,* игольник и пряслице.

Представленные закономерности распределения предметов сопроводительного инвентаря в могилах умерших людей различных полов позволяют рассматривать некоторые характеристики общества раннесредневековых тюрок, получившие отражение в материалах погребальных комплексов. Важным показателем обряда кочевников являлось последовательное отражение традиционных гендерных стереотипов. Они соблюдены в абсолютном большинстве рассмотренных погребений. В связи с этим интерес представляет рассмотрение имеющихся отклонений от норм обрядности, связанных с гендерной принадлежностью умерших.

Так, в отдельных захоронениях представительниц слабого пола обнаружены «мужские» предметы (Серегин Н.Н., 2012д). Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу (Нестеров С.П., 1999, с. 97). Подтверждение данной интерпретации находим в этнографических материалах. Известно, что у многих кочевых народов центрально-азиатского региона существовали представления о встрече родственников в загробном мире. Поэтому, к примеру, в ряде случаев в могилу вдовы клали кисет, предназначенный для передачи ее мужу (Дьяконова В.П., 1975, с. 23, 44–45, 130–131). Вероятно, похожие традиции были и у раннесредневековых тюрок. Именно так можно объяснить нетипичное расположение в женской могиле «мужского»

* В одном из тюркских погребений умерший, рядом с которым находилось металлическое зеркало, определен как мужчина (Грач А.Д., 1958б; Алексеев В.П., 1960, табл. 3). В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа, по которому проводилось определение (Нестеров С.П., 1999, с. 95). С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

наборного пояса, помещенного не на привычном месте, а у головы умершей (Гаврилова А.А., 1965, с. 61).*

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус умерших. В ряде случаев захоронения женщин, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола изделия, включали и другие «престижные» категории предметов. Таким образом, нарушение гендерных стереотипов при создании рассмотренных погребений, вероятно, было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Гендерные стереотипы нашли отражение и в материалах детских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Основной характеристикой большинства таких объектов является фрагментарное присутствие сопроводительного инвентаря. Вместе с тем, изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию среди захоронений. Обнаружение в отдельных детских могилах наконечников стрел (Овчинникова Б.Б., 2004, с. 104; Кубарев Г.В., 2005, с. 373), наборного пояса (Грач А.Д., 1960а, с. 32; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 116) и тесла (Грач А.Д., 1960а, с. 33) («мужские» предметы), а также металлического зеркала (Соенов В.И. и др., 2002, с. 119), серег (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с. 91) и других украшений (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 98), более характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к определенной гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в трех детских захоронениях. Возможна и другая интерпретация случаев фиксации обозначенных показателей обряда в могилах детей. Не следует исключать влияния фактора, связанного с различным

* Судя по всему, такие представления нашли отражение и в материалах детского погребения, исследованного на могильнике Мойгун-Тайга. В этом захоронении наборный пояс, никак не подходивший по размеру ребенку, был положен в стороне, сбоку от умершего (Грач А.Д., 1960а, с. 32).

возрастом умерших. К сожалению, редкость антропологических определений исключает возможность обозначения тенденций в этом отношении. Известны и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях, к примеру, необходимость защиты ребенка от злых сил (Троицкая Т.Н., 1989, с. 66–67) и др.

Несмотря на наличие отмеченных частных случаев, изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии демонстрирует весьма четкое разделение общественных ролей и функций мужчин и женщин. Для получения дополнительной информации в этом плане обратимся к информации письменных источников.

Общие сведения, содержащиеся в тюркских рунических текстах и китайских династийных хрониках, подтверждают традиционные для кочевых обществ модели поведения лиц обоих полов. Основным занятием мужчин было военное дело. Весьма подробное описание постоянных походов приведено в памятниках рунической письменности (Малов С.Е., 1951, 1959; Тугушева Л.Ю., 2008). Кроме того, мужчины пасли скот, занимались охотой, а также ремеслами, связанными, главным образом, с производством изделий из металла. Соответственно, все остальные многочисленные хозяйственные занятия, а также воспитание детей, ложились на женщин. Вместе с тем, отдельные сообщения раннесредневековых авторов позволяют предполагать, что представительницы слабого пола в обществе тюрок занимали достаточно высокое положение и могли выполнять гораздо более широкий круг функций.

Отдельные аспекты реконструкции статуса женщин в социуме тюрок второй половины I тыс. н.э. по письменным источникам рассматривались многими исследователями. Результаты, полученные учеными, выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, имеются сведения о высоком положении представительниц слабого пола, особенно во внутрисемейных отношениях (Бернштам А.Н., 1946, с. 97–99; Гумилев Л.Н., 2002, с. 85–86; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 183–184; и др.). Вместе с тем, в письменных источниках приведена информация о существовании у тюрок женского рабства,

и о том, что женщины в ряде случаев приравнивались к имуществу, так как шли в уплату за некоторые уголовные преступления (Бернштам А.Н., 1946, с. 116, 120, 122; Кляшторный С.Г., 1985, с. 165–166; Кычанов Е.И., 1997, с. 110–111). Представим некоторые наблюдения, дополняющие выводы исследователей.

Справедливым представляется утверждение турецкого историка С. Максуди (2002, с. 276) о том, что положение женщин во многих обществах, в том числе и тюркском, находило отражение в статусе жен правителей. В письменных источниках неоднократно указывается на уважение и почтение, которым пользовались катун, а также мать кагана (Лю Маоцай, 2002, с. 70). В надписи в честь Тоньюкука описана ситуация, в которой каган, находясь в военном походе, оставил войско, чтобы вернуться домой и совершить «погребальные церемонии» над умершей женой (Малов С.Е., 1959, с. 68). В другом памятнике рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-Тегином от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеется упоминание о том, что жена правителя державы тюрок принимала участие в «военных предприятиях» (Лю Маоцай, 2002, с. 40). Судя по всему, весьма значимой была власть катун после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом (Бичурин Н.Я., 1950, с. 277).* В династийных хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно подчеркивается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей (Бичурин Н.Я., 1950, с. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002, с. 64; и др.).

Анализ письменных источников позволяет обозначить свидетельства различного социального статуса представительниц слабого пола в обществе кочевников. Согласно сведениям китайских хроник, тюркские женщины могли относиться к конкретным рангам, что определяло их положение (Лю Маоцай, 2002, с. 70). Порядок перечисления спасенных Кюль-Тегином родственниц в

* Подобная ситуация отмечена при изучении политической истории кочевников монгольского времени (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006, с. 84) и в целом является весьма распространенной.

ситуации, описанной выше, также, судя по всему, был обусловлен их знатностью (Малов С.Е., 1959, с. 42).

Особый интерес представляют упоминания в династийных хрониках о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрок, китайские авторы отметили, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97). В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Реконструкция культовой практики у центрально-азиатских тюрок раннего средневековья затруднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования. Вместе с тем, из приведенных свидетельств письменных источников очевидно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами.*

Таким образом, результаты изучения материалов раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии свидетельствуют о наличии четких гендерных стереотипов, получивших отражение в обряде номадов. При этом вариабельность многих показателей определялась не только половой принадлежностью умерших, но также их прижизненным социальным статусом, отношением к определенной профессиональной группе и др. Не следует исключать влияния фактора, связанного с этнической принадлежностью погребенных людей, учитывая значительное количество различных племен и групп номадов, включенных в состав политических объединений раннесредневековых кочевников. Гендерные стереотипы получили отражение в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений. Наличие устойчивых представлений, связанных с кругом функций

* Известно, что у монголов некоторые обряды могли проводиться только женщинами (Скрынникова Т.Д., 1997, с. 135).

лиц обоих полов, подтверждают сведения письменных источников. Определенная вариабельность гендерных стереотипов могла быть характерна для элитных слоев общества номадов. Кроме того, специфика показателей погребального обряда определялась также возрастной дифференциацией социума раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

4.2. Возрастная дифференциация

Важным направлением в рамках исследования социальной истории обществ прошлого является реконструкция различных сторон возрастной дифференциации. Без выделения этапов социализации, определения тенденций динамики статуса индивида в течении жизни, а также детализации зависимости степени доступа к общественным благам людей от их возраста нельзя рассчитывать на полную и объективную характеристику организации исследуемого социума.

Несмотря на традиционную популярность социальных реконструкций в отечественной археологии, изучение возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии представляет собой практически не разработанное направление исследований. До сих пор нет комплексной публикации, в которой на представительном материале раскрывались бы все аспекты данной проблемы. Известны лишь отдельные работы, посвященные анализу различных сторон рассматриваемого явления.

Некоторые характеристики возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона представлены в статье Г.В. Длужневской (1976). При этом исследовательница обратила внимание только на специфику захоронений детей и подростков, подчеркнув, в частности, что одним из отличий детских погребений от могил взрослых людей является наличие одного стремени вместо двух (Длужневская Г.В., 1976, с. 194, 196).

Более развернутый опыт выявления возрастной дифференциации в раннесредневековых комплексах этого же региона предпринят С.А. Васютиным (2009). Исследователь подчеркнул, что полноценная реконструкция данного аспекта социальной системы номадов по археологическим памятникам практически невозможна в связи со спецификой источниковой базы. С.А. Васютин (2009, с. 199–200) отметил высокую степень стандартизированности рядовых тюркских погребений, анализ которых позволяет наметить лишь общие контуры возрастной структуры раннесредневековых кочевников. Основными выводами исследователя, представленными в рассматриваемой публикации, являются заключения об особой роли в тюркском обществе женщин в возрасте от 25 до 35 лет, о возможности выделения по археологическим материалам отдельной группы представительниц слабого пола старше 55–60 лет, а также о специфике детских захоронений (Васютин С.А., 2009, с. 200–201).

Отдельные замечания об особенностях погребений детей представлены в публикациях, посвященных введению в научный оборот результатов полевых исследований на некрополях раннесредневековых тюрок. А.Д. Грач (1960а, с. 71), подводя итоги рассмотрению материалов комплекса Мойгун-Тайга, отметил, что зафиксированная на данном памятнике традиция сопроводительного захоронения овцы связана с символической «заменой» лошади. В последующие годы к этой точке зрения присоединились и другие археологи (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 65; Худяков Ю.С., 2004, с. 48; и др.), объясняя «замену» лошади на овцу в погребениях детей и подростков именно возрастом умерших, которые не являлись полноправными членами социума. Г.В. Кубарев (2005, с. 22) обратил внимание на малое количество детских погребений раннесредневековых тюрок и подчеркнул высокую степень вариативности и неустойчивости норм обрядности для таких объектов. В особую группу памятников исследователь выделил детские скальные захоронения, отметив распространение традиции сооружения подобных комплексов в рассматриваемом регионе в этнографическое время.

Дальнейшая разработка вопросов возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии по археологическим материалам позволила существенно расширить и скорректировать представленные наблюдения.

Нет сомнений, что возрастная дифференциация общества находила отражение в погребальной обрядности и, соответственно, может быть в разной степени реконструирована в ходе анализа материалов раскопок археологических комплексов (Берсенева Н.А., 2011, с. 48–49). Степень достоверности и объективности полученных результатов определяется многими факторами, в том числе, не в последнюю очередь – состоянием источниковой базы, имеющейся в распоряжении исследователя. Учитывая представленные в начале главы характеристики имеющихся материалов (ограниченное количество антропологических определений, ограбленность значительного количества комплексов, высокая степень унификации обрядовой практики, локальное своеобразие погребений на отдельных территориях и др.), приходится ограничиваться выделением лишь общих тенденций возрастной дифференциации, не имея возможности исследовать нюансы, столь значимые для целостной характеристики социальной системы раннесредневековых кочевников. Вместе с тем, фрагментарность археологических материалов в некоторой степени компенсируется наличием других групп источников. Определенное значение имеют сведения китайских династийных хроник и тюркских рунических текстов, в которых представлены сюжеты, характеризующие отдельные стороны возрастной дифференциации в обществе номадов. Некоторые замечания могут быть сделаны на основе соотношения имеющихся данных с этнографическими материалами по тюркским народам региона. Комплексный анализ всех групп источников позволяет составить общую картину возрастной дифференциации общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Принимая во внимание ограниченное количество погребений, по которым имеются антропологические определения, дробление анализируемой выборки на

значительное количество групп, согласно традиционному делению, принятому в антропологии (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, с. 39), представляется не продуктивным. Более обоснованным в такой ситуации является выделение лишь нескольких основных возрастных групп (Берсенева Н.А., 2011, с. 51). Такой подход, направленный, главным образом, на выявление общих тенденций и закономерностей возрастной дифференциации в обществе, вместе с тем не исключает возможности рассмотрения частных нюансов, в том случае, если такие наблюдения обеспечены необходимыми материалами.

Возрастная дифференциация социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии может быть рассмотрена в рамках четырех основных групп: 1) «дети» (до 14 лет, с выделением промежуточной группы «подростки» – до 18 лет); 2) «юные» (18–25 лет); 3) «взрослые» (25–45 лет); 4) «старшие взрослые» или «пожилые» (более 45–50 лет) (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 67).

Представительной возрастной группой социума раннесредневековых тюрок, получившей отражение в материалах погребальных комплексов, являются ***дети***. Анализ материалов раскопок погребальных комплексов на территории Центральной Азии позволил выделить 40 объектов, связанных с захоронением представителей рассматриваемой возрастной группы. Значительная часть детских погребений исследована в Минусинской котловине, остальные памятники обнаружены на территории Алтая и Тувы.

Обращает на себя внимание немногочисленность рассматриваемых памятников, составляющих всего около 10% от общего количества известных погребений раннесредневековых тюрок обозначенных регионов, особенно учитывая, что для определения детского погребения в большинстве случаев не требуется заключения антрополога. Вместе с тем, данная ситуация не является уникальной. Низкий процент детских захоронений отмечен в ходе исследования памятников целого ряда обществ древности и средневековья (Берсенева Н.А., 2010а, с. 108). Особенно это характерно для кочевых социумов, отличающихся высокой степенью подвижности (Балабанова М.А., 2009, с. 83–84). Однако, судя

по имеющимся материалам, основным объяснением зафиксированной ситуации является специфика похоронной обрядности раннесредневековых тюрок, более подробно представленная далее. Несмотря на обозначенные обстоятельства, известным образом ограничивающие возможности исследования, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить не только общую характеристику детских захоронений и выделить их отличительные особенности, но также дают возможность для рассмотрения семантики объектов и определения направлений их дальнейшего изучения.

Проведенное исследование основных характеристик погребальных сооружений и ритуала раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона продемонстрировало возможность выделения нескольких групп детских захоронений (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 68–70).

Первая группа, наиболее многочисленная (20 погребений), представлена объектами, создание которых предполагало сооружение отдельной курганной насыпи, под которой находилась одна могильная яма. Специфика погребального ритуала позволяет обозначить в рамках первой группы три варианта реализации данного компонента обрядовой практики:

1) детские захоронения в сопровождении лошади (четыре объекта): Аргалыкты-VIII (курган №2), Кара-Тал-IV (курган №4), Даттыг-Чарык-Аксы (курган №2), Джолин-III (курган №2) (Трифонов Ю.И., 1967; 1968; 1975б; 2013; Кубарев Г.В., 2005).

2) детские захоронения в сопровождении овцы (11 объектов): Монгун-Тайга-57-XXXVI, Кырлык-II (курганы №2, 4), Перевозинский чаатас (курганы №79, 94), Тепсей-III (курганы №15, 19, 32, 50), Капчалы-II (курганы №10, 17) (Левашова В.П., 1952; Грач А.Д., 1960а; Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Худяков Ю.С., 2004).

3) «одиночные» детские погребения – без сопроводительного захоронения животного (пять объектов): Кара-Тал-III (курган №4), Аймырлыг-XX (курган №14), Катанда-III (курган №7), Белый Яр-II (курган №5), Усть-Чоба-I (курган №3) (Трифонов Ю.И., 1968; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Поселянин

А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Соловьев А.И., 1999; Овчинникова Б.Б., 2004).

Ко ***второй группе*** отнесены детские погребения раннесредневековых тюрок Центральной Азии, отличительной характеристикой которых является расположение рассматриваемых объектов под одной курганной насыпью с другими захоронениями. При этом в ряде случаев отмечено присутствие специальной надмогильной конструкции в виде небольшой кольцевой выкладки, перекрытия и др. Погребения данной группы (11 объектов) исследованы только на некрополях Минусинской котловины: Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999), Тепсей-III (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979). К данной группе также следует отнести детское впускное погребение, исследованное при раскопках кургана №3 могильника Кирбинский Лог (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988), под насыпью которого находились и другие захоронения.

Третья группа включает погребения детей, совершенные в одной могиле со взрослым человеком. Такие объекты раскопаны на некрополях Алтая, Тувы и Минусинской котловины: Белый Яр-II (курган №7, мог. 4, захор. 1); Бийке-IV (курган №1), Кара-Коба-I (курган №47), Кудыргэ (курган №4), Улуг-Хову (курган №54) (Гаврилова А.А., 1965; Кызласов Л.Р., 1979а; Могильников В.А., 1990; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008). Материалы раскопок обозначенных объектов показывают, что чаще всего ребенок был просто положен рядом со взрослым человеком. При этом в двух случаев останки детей помещены в специальный берестяной туесок. Интересно, что рассматриваемые захоронения зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях.

К ***четвертой группе*** отнесены немногочисленные скальные захоронения: Каменный Лог (Соенов В.И. и др., 2002), Юстыд (Кубарев Г.В., 2005).

Пятая группа, выделенная на основании материалов только одного памятника, включает детские погребения, совершенные в межкурганном

пространстве. Такие объекты зафиксированы в ходе раскопок на комплексе Урочище Балчикова-III (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002).

По имеющимся материалам представляется возможным определить стандарт погребального обряда детей, характерный для значительного количества рассмотренных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Он предполагал:

1) возведение наземной конструкции в виде небольшой курганной насыпи;

2) захоронение в неглубокой могильной яме;

3) отсутствие сопроводительного захоронение лошади, в ряде случаев «замененной» на овцу;

4) ограниченный набор сопроводительного инвентаря или его отсутствие (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 70).

Такие характеристики погребального обряда в разном сочетании зафиксированы при исследовании большинства объектов рассматриваемой серии. Имеющиеся отклонения, отмеченные в ходе раскопок остальных памятников, демонстрируют вариабельность обрядовой практики раннесредневековых кочевников.

Представленный стандарт погребального обряда детей демонстрирует высокую степень схожести основных показателей с традициями, характерными для взрослого населения общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Так, не наблюдается существенных расхождений в характеристиках наземных и внутримогильных сооружений. Погребальные конструкции в детских захоронениях даже выделяются своим разнообразием: каменный ящик, колода, каменная, грунтовая или деревянная перегородка, подбой, приступка, берестяной туесок и др. Вместе с тем, достаточно четко фиксируются и отличительные признаки. Относительным показателем детских погребений являются уменьшенные, по сравнению с захоронениями взрослых людей, параметры наземных и внутримогильных сооружений. Кроме того, возрастная дифференциация общества раннесредневековых тюрок получила отражение в таких элементах ритуала, как вид и количество захороненных животных,

сопровождавших умершего человека. Лошадь присутствовала только в четырех детских погребениях, в то время как в могилах взрослых наличие животного является стандартным показателем. Более чем в половине детских погребений животное отсутствовало. В 11 случаях зафиксирована символическая «замена» лошади на овцу. Данный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Минусинской котловины.

Наиболее существенным признаком, отличающим детские погребения раннесредневековых тюрок, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 71). Основная характеристика захоронений представителей данной возрастной группы – редкость или отсутствие большинства категорий предметного комплекса, распространенных в могилах взрослого населения. Наиболее частыми находками в погребениях детей являются ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений какие-либо вещи отсутствовали.

Своеобразными вариантами оформления детских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются захоронения в межкурганном пространстве, а также скальные объекты. Фиксация таких комплексов и немногочисленность «стандартных» памятников, связанных с представителями рассматриваемой возрастной группы, дает основания для утверждения о том, что захоронение далеко не всех умерших детей предполагало реализацию всех традиционных норм обрядовой практики. Не исключено, что определенная часть детских погребений еще не известна в связи с несовершенством реализованной методики раскопок (неполнотой исследования межкурганного пространства), а также очевидной сложностью обнаружения скальных объектов. Следует признать, что предположение о связи незначительного количества детских захоронений раннесредневековых тюрок с тем, что далеко не для всех умерших сооружался «стандартный» погребальных комплекс, является лишь гипотезой, требующей подтверждения в ходе дальнейших археологических исследований.

Итак, материалы раскопок детских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии, несмотря на их немногочисленность, демонстрируют определенный уровень вариабельности признаков, обусловленных, судя по всему, как возрастными и индивидуальными особенностями, так и заметной социальной дифференциацией внутри данной группы.

Редкость определений возраста и фрагментарность археологических материалов не позволяют определить четкие этапы социализации в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона. Вместе с тем, заметно выделение погребений ***подростков*** (от 14–15 лет), отличающихся более частым присутствием захоронения лошади и фиксацией предметов сопроводительного инвентаря, не встреченных в могилах детей и в ряде случаев демонстрирующих гендерную принадлежность умершего (Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992). Вместе с тем, для ряда объектов, связанных с погребениями лиц рассматриваемой возрастной группы, сохраняются признаки, сближающие их с захоронениями детей – замена лошади на овцу, отсутствие животного, фрагментарность сопроводительного инвентаря (в том числе полное отсутствие «престижных» предметов и показателей богатства и власти), уменьшенные параметры наземных и внутримогильных сооружений и др. (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Митько О.А., 1992; и др.).

Количество захоронений ***молодых людей*** в анализируемой выборке весьма незначительно, что, вероятно, может объясняться низким уровнем смертности в этом возрасте. Очевидно, что лица данной возрастной группы отличаются повышенной активностью и, судя по имеющимся материалам, могли занимать достаточно высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Данное утверждение представляется наиболее справедливым при характеристике статуса молодых воинов. Так, известна серия погребений молодых мужчин в возрасте 16–20 лет, отличающихся высоким положением в воинской иерархии (Кубарев В.Д., 1992; Могильников В.А., 1997а; Кубарев Г.В., 2005). Редкие погребения женщин данной возрастной группы, в целом, подтверждают

обозначенные тенденции (Могильников В.А., 1990). С другой стороны, следует отметить, что далеко не все молодые люди имели возможность занять высокое положение в общественной иерархии. Ряд погребений мужчин в возрасте 16–20 лет (Грязнов М.П., Худяков Ю.С., 1979; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999) демонстрируют высокую степень сходства с захоронениями подростков. В этих объектах фиксируется устойчивое присутствие лошади и других показателей, отличающих рассматриваемые могилы от детских захоронений, но при этом полностью отсутствуют признаки высокого статуса и включения молодых людей в организацию войска.

К группе ***взрослых людей*** относится большая часть объектов, для которых имеется подробное антропологическое определение. Материалы раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок демонстрируют довольно высокий уровень смертности в этом возрасте, особенно в период после 35–40 лет. С другой стороны, на данном этапе жизни наблюдается наибольший уровень физической активности, что в традиционных обществах в значительной степени определяет высокий статус. Действительно, погребения, связываемые по комплексу признаков с представителями элиты социума раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2013к), чаще всего создавались для умерших людей зрелого возраста. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в рамках рассматриваемой возрастной группы наблюдается и наибольшая дифференциация статуса. Известна серия захоронений, в материалах которых отсутствовали какие-либо признаки принадлежности умершего к высшим слоям социума, а также объекты, очевидно, связанные с погребением людей, находившихся при жизни на нижних уровнях общественной иерархии. Различный статус данном случае, очевидно, не был связан с возрастом умерших, а определялся другими причинами.

В рамках анализируемой выборки выделяется достаточно представительная серия погребений, демонстрирующих положение ***пожилых людей*** в социуме раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона. Судя по зафиксированным показателям, мужчины в возрасте более 45 лет

нередко имели весьма высокий статус в обществе кочевников (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 73–74; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2016). В рассматриваемых материалах присутствует группа захоронений пожилых людей, относящихся к различным уровням элиты номадов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Трифонов Ю.И., 2000; Кубарев Г.В., 2005). С другой стороны, не менее очевидным является сокращение даже в «богатых» захоронениях мужчин после 45 лет количества предметов вооружения, в том числе редких и «престижных» изделий (главным образом, клинкового оружия). Случаи фиксации обозначенных находок в таких погребениях единичны (Гаврилова А.А., 1965; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979). Вероятно, данная ситуация демонстрирует общую тенденцию, связанную с сохранением пожилыми мужчинами высокого статуса в обществе, но снижением, в силу объективных обстоятельств, их положения в воинской иерархии. Такая ситуация была обусловлена, прежде всего, ограничением с возрастом физических возможностей людей, что также нашло отражение в материалах погребальных комплексов и было зафиксировано антропологами (Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 88; Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 340).

Весьма высоким был статус в обществе раннесредневековых тюрок и пожилых женщин. В данном случае не наблюдается снижения статуса с возрастом. Материалы раскопок погребальных памятников Центральной Азии демонстрируют не только сохранение, но даже повышение роли пожилых женщин в обществе номадов. Очевидно, неизбежное снижение физической активности и ограничение степени участия в трудовых операциях нивелировалось накопленным опытом и авторитетом.

Основные тенденции возрастной дифференциации в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, рассмотренные на основе анализа результатов раскопок археологических комплексов, получают подтверждение при изучении сведений письменных источников.

Судя по приведенной в тюркских рунических текстах информации, взросление детей и включение их в хозяйственные занятия, в том числе переход

мальчиков в разряд взрослых воинов, происходили достаточно рано. По наблюдениям Р.С. Липец (1984, с. 51), во многом это зависело от степени знатности семьи ребенка. Известно упоминание о том, что Кюль-тегин к 16 годам уже «снискал воинское имя» и добился восстановления державы тюрок (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 44). Бильге-каган в возрасте 17 лет успешно руководил военной операцией против тангутов (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 58).

Вместе с тем, в письменных источниках практически нет упоминаний о детях до подросткового возраста. Редкое исключение представляет ставшая хрестоматийной легенда о происхождении тюрок, где главным действующим лицом является мальчик, спасшийся от врагов и положивший начало роду Ашина (Бичурин Н.Я., 1950, с. 220). Это указывает на то, что, в целом, дети до достижения определенного возраста не рассматривались как самостоятельные члены социума кочевников, и, видимо, получение такого статуса требовало реализации определенных обрядовых действий, различные варианты которых известны в этнографических материалах.

Находят подтверждение и наблюдения о достаточно высоком статусе пожилых людей. В китайских хрониках и тюркских текстах неоднократно фиксируется подчеркнутое уважение к матери (Лю Маоцай, 2002, с. 70; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 42, 44), что, очевидно, отражает общее отношение к представительницам слабого пола преклонного возраста. В одном из памятников рунической письменности «мать-катун» названа первой по знатности из женщин, находящихся в орде, спасенной Кюль-тегином от врагов (Малов С.Е., 1959, с. 42). Имеются упоминания о значительной роли в управлении различными структурами общества и большом авторитете старейшин (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 271; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 78). В надписи на памятнике, созданном в честь известного военачальника Тоньюкука, приведена следующая яркая характеристика статуса людей преклонного возраста: «… Сам я состарился и стал почтенным» (Тугушева Л.Ю., 2008, с. 86).

Итак, проведенный анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии продемонстрировал

существование возрастной дифференциации погребального обряда. Представляется возможным утверждать, что возраст человека хоть и не являлся главным фактором положения, которое он занимал в общественной иерархии (будучи опосредованным профессиональным статусом, степенью знатности семьи или рода, личными заслугами и др.), но тем не менее имел определенное значение. Зафиксированные тенденции возрастной дифференциации погребального обряда раннесредневековых тюрок, находящие подтверждение в сведениях письменных источников, демонстрируют общую ситуацию, характерную для многих традиционных обществ, в том числе кочевых социумов.

Обнаружение «богатых» детских погребений, очевидно, демонстрирует существование «предписанного» статуса, определявшегося знатностью семьи или рода. Очевидным является довольно раннее взросление детей, наиболее характерное для представителей элиты номадов. Судя по всему, основные позиции в обществе раннесредневековых кочевников занимали взрослые люди в возрасте 25–45 лет. Зачастую, приобретенный в это время статус и имевшийся авторитет сохранялись и в преклонном возрасте, что позволяло пожилым людям занимать достаточно высокое положение и после 45–50 лет. Вместе с тем, фиксируется объективное ограничение степени их включения в различные сферы жизнедеятельности кочевого социума. Наиболее последовательно этот процесс получил отражение в материалах раскопок погребений пожилых мужчин, как правило, не имевших прежних возможностей для участия в военных предприятиях. В то же время, судя по имеющимся археологическим и письменным источникам, пожилые женщины даже укрепляли свои позиции, не теряя с возрастом влияния на принятие решений и приобретая новые возможности в связи с накопленным обширным опытом.

4.3. «Социальные маркеры» археологических комплексов

В ходе реконструкции социальной структуры и организации конкретного общества по материалам погребальных комплексов особое значение приобретает выделение так называемых социальных маркеров – элементов обряда, представляющих собой более или менее объективный показатель прижизненного статуса и положения умершего. Основания для выводов в этом направлении должны быть получены в процессе всестороннего анализа памятников. Непременным условием также является привлечение дополнительных материалов: данных письменной истории, этнографии, антропологии и др.

Выделение социально значимых элементов обряда раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона было основано, главным образом, на выводах, полученных в ходе всесторонней систематизации и анализа памятников данной общности. Кроме того, нами привлекались результаты изучения письменных документов (китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов), фольклорных и этнографических материалов. Особую важность данные источники представляли при рассмотрении социальной значимости конкретных предметов, обнаруженных в погребениях. При обозначении «социального веса» различных элементов обряда всецело учитывались результаты изучения гендерной и возрастной дифференциации, получившей отражение в погребальной практике раннесредневековых тюрок. Следует отметить, что в процессе выделения социальных маркеров для кочевников второй половины I – начала II тыс. н.э., нами принимались во внимание результаты в этом направлении, полученные многими исследователями при изучении обществ номадов степей Евразии различных исторических периодов раннего железного века и средневековья. Обоснованность аккуратного проведения подобных аналогий обусловлена наличием комплекса схожих черт и характеристик в существовании объединений номадов рассматриваемого региона.

Комплексный анализ и интерпретация имеющихся источников и материалов позволили обозначить элементы погребального обряда

раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, вариабельность которых была в той или иной степени связана с особенностями социального статуса умершего.

В ряде случаев при определении прижизненного статуса индивида показательной является планиграфия объектов. Одним из первых наличие социально обусловленных закономерностей в расположении курганов раннего средневековья на могильном поле отметил С.В. Киселев (1951, с. 533). Исследователь предположил, что приуроченность нескольких небольших по размеру объектов к крупной насыпи отражает социальное неравенство в обществе номадов и зависимое положение некоторых групп населения. К сожалению, материалы раскопок С.В. Киселева в настоящее время остались опубликованными весьма фрагментарно, что затрудняет объективную оценку ситуации, зафиксированной ученым. Схожие тенденции, однако на большем материале, обозначены исследователями для памятников тюрок Минусинской котловины. В ряде случаев вокруг центрального «элитного» кургана сооружались объекты, содержащие погребения людей с более низким социальным статусом (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). В то же время, обозначенные закономерности не подтверждаются материалами всех памятников. Обстоятельством, ограничивающим наблюдения в этом отношении, является то, что, в большинстве случаев некрополи раннесредневековых тюрок не представляют большого скопления курганов.

Классификация погребальных сооружений, а также рассмотрение особенностей распространения отдельных элементов конструкций позволили прийти к выводу о том, что вариабельность этих показателей была обусловлена, главным образом, спецификой развития археологической культуры раннесредневековых тюрок в различных районах Центральной Азии. Возможно, в данном случае имеет место специфика этнической или родовой принадлежности конкретных групп номадов. В ряде случаев особенности наземных и внутримогильных конструкций были связаны с полом и возрастом умерших. Также спецификой локально-территориального распространения

комплексов раннесредневековых тюрок обусловлена вариабельность таких элементов погребального ритуала, как ориентировка и положение умерших.

Традиционно, одним из основных социально значимых признаков обряда кочевников считаются параметры погребальных сооружений. Данный показатель использовался многими исследователями в ходе изучения дифференциации обществ номадов степей Евразии раннего железного века. Эффективность применения метода определения объема трудозатрат на материалах I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. позволяла надеяться на подобные результаты и при рассмотрении памятников раннего средневековья. Вместе с тем, анализ параметров погребальных сооружений раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона не позволил выявить четких закономерностей, связанных с проявлением имущественного и социального статуса индивида в размерах наземных и подкурганных конструкций. Параметры могильной ямы в значительной степени определялись физическими данными умершего и количеством лошадей, помещенных рядом с ним. Определенным фактором, несомненно, являлась специфика природно-климатических условий конкретных районов, а также сезон совершения погребения. К примеру, создание необходимой по размерам могильной ямы могло быть затруднено каменистой почвой, промерзшей землей и др.

По всей видимости, основными причинами фиксирующихся отклонений в параметрах погребальных сооружений были замкнутость отдельных локальных групп номадов, различная родовая принадлежность кочевников и др. Определенное значение могла иметь хронология памятников. К примеру, насыпи курганов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры тюрок в ряде случаев представляют небольшую однослойную наброску, подобную надмогильным сооружениям, исследованным на известном некрополе Кудыргэ. Достаточно четко фиксируются меньшие размеры значительного количества курганов кочевников Минусинской котловины, по сравнению с объектами Алтая, Тувы и Монголии. Таким образом, параметры наземных и внутримогильных конструкций не являются объективным показателем статуса

умершего. Некоторые тенденции фиксируются только при рассмотрении материалов отдельных некрополей. Однако данное утверждение касается, в основном, рядовых номадов. В ходе работы было определено, что для наиболее элитных групп скотоводов сооружались памятники, выделяющиеся своими размерами. Напротив, в ряде случаев о невысоком прижизненном положении умершего свидетельствует сооружение впускных погребений.

Одним из объективных показателей прижизненного положения умершего являлось количество сопровождавших его лошадей. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона продемонстрировал, что наличие животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом кочевника, что, в большинстве случаев, подтверждает корреляция данного показателя с другими социально значимыми признаками обряда. При этом необходимо подчеркнуть, что отсутствие животного далеко не всегда является основанием для утверждения о низком статусе умершего. Одной из причин распространения «одиночных» захоронений раннесредневековых тюрок, судя по всему, была специфика этнической или родовой принадлежности погребенного.

Показательной является такая редкая особенность ритуала раннесредневековых тюрок Центральной Азии, как наличие зависимого захоронения человека с более низким социальным статусом, чем у основного погребенного (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113; Кубарев В.Д., 1985а, рис. 4). Ситуация, зафиксированная в ходе исследования обозначенных объектов, находит некоторые аналогии с захоронениями зависимого населения в курганах скифского времени (Ильинская В.А., 1966, с. 166–171).

В целом, несмотря на вариабельность отдельных элементов погребальной обрядности раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, наблюдается высокая степень унификации черт, которые традиционно рассматриваются как «социальные маркеры». В такой ситуации основным

критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим.

Корректное определение социальной значимости предметов сопроводительного инвентаря не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. Основными являются следующие факторы:

1) материальная ценность предметов;

2) символическая значимость вещей;

3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;

4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.) (Серегин Н.Н., 2011в).

Социальная значимость вещей в определенной степени была обусловлена их материальной ценностью. Это утверждение относится, в первую очередь, к предметам, изготовленным с использованием драгоценных металлов. Важным показателем является качество производства вещей, что отражается в ряде характеристик. К примеру, анализ раннесредневековых предметов торевтики малых форм позволил Г.Г. Король и Л.В. Коньковой (2007, с. 27–28) выделить несколько уровней качества их изготовления. Определенным показателем также является художественное оформление вещей, главным образом, специфика орнаментации. Вместе с тем, следует учитывать, что данный признак во второй половине I – начале II тыс. н.э. был в значительной степени обусловлен хронологическим и этнокультурным факторами.

Не менее важной является символическая значимость предметов. Ее определение может быть основано на изучении письменных источников, этнографических и фольклорных материалов. Интерес представляет анализ иконографических изображений, на которых нередко представлены элитные

слои общества кочевников, а также рассмотрение вещей, встречающихся на каменных изваяниях. Отметим, что в ходе такой работы обоснованным является привлечение материалов с сопредельных территорий.

Существенным обстоятельством является то, что состав сопроводительного инвентаря в погребениях элитных слоев общества раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона во многом определялся особенностями взаимоотношений центрального «правительства» и периферийной знати степных империй. В данном случае речь идет о редистрибутивных функциях власти, так называемой престижной экономике (Васютин С.А., 2004, с. 96). По мнению Н.Н. Крадина (2002, с. 73), первоочередной обязанностью кагана было получение и перераспределение китайских товаров, а также добычи, полученной во время военных походов. Очевидно, что тюркская знать получала значительную часть «подарков» из Поднебесной империи. Таким образом, важным признаком «элитных» погребений было присутствие среди предметов сопроводительного инвентаря импортных изделий. В целом, следует согласиться с тем, что обладание «модными» вещами «приближало» периферийную элиту к центральной (Харинский А.В., 2004, с. 110).

Учитывая обозначенные показатели, кратко представим основания для определения социальной значимости различных категорий вещей, обнаруженных в погребениях раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

Одним из наиболее важных атрибутов воина-кочевника являлись предметы вооружения. Среди них выделяются вещи, имевшие особый статус благодаря целому комплексу представлений, связанных с их использованием. В первую очередь, следует обратить внимание на социальную значимость клинкового оружия ближнего боя. Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского происхождения (Дмитриев С.В., 2001). Такие предметы являлись символом оружия и атрибутом власти

военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов (Распопова В.И., 1980, с. 79; Ульянов И.В., 2007, с. 189–190; Измайлов И.Л., 2008, с. 39; Кочкаров У.Ю., 2010, с. 157; и мн. др.). Вполне характерными являются сведения о том, что меч присутствовал среди атрибутов, выделявщих элиту общества Золотой Орды из состава остального населения (Селезнев Ю.В., 2009, с. 21). Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но также как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина (Распопова В.И., 1980, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 83). Дополнительным подтверждением этому является упоминание о кинжале как о поясном украшении тюрок, приведенное в китайских династийных хрониках (Лю Маоцай, 2002, с. 19).

Особое символическое значение имел также боевой топор, рассматривавшийся, по всей видимости, как знак власти военачальника (Распопова В.И., 1980, с. 76; Кубарев В.Д., 1992, с. 32; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи зафиксировано изображение царя без доспеха, но с топором (Распопова В.И., 1980, с. 76). Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения известны на петроглифах раннего средневековья, обнаруженных в различных районах центрально-азиатского региона (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214; Жолдошов Ч.М., 2005, с. 72).

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех. Значимость данного элемента паноплии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. В том числе, поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что такая ситуация характерна не только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007б, с. 119).

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых номадов имело копье. Такие изделия нередко фиксируются

при исследовании наскальных изображений. При этом зачастую на копьях, находящихся в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки (Советова О.С., Мухарева А.Н., 2005, с. 94). Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня (Окладников А.П., 1951, с. 151–153; Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 116–117). Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров (Худяков Ю.С., 2011, с. 294–295).

Помимо оружия выделяются и другие предметы, которые следует рассматривать как символы власти в обществе номадов. К таким вещам относятся плети и стеки, что подтверждают сведения письменных источников среднеазиатского происхождения, а также фольклорные, этнографические и иконографические материалы (Соловьева О.А., 1996, с. 40; Кубарев В.Д., 2001б, с. 98; Кубарев Г.В., 2005, с. 80). В научной литературе достаточно подробно обосновано особое символическое значение железных котлов и казанов, присутствие которых в погребениях отражает высокий прижизненный социальный статус умершего (Швецов М.Л., 1980; Кравец В.В., 2005, с. 57).

Традиционно, ярким признаком, отличавшим элитные слои общества от остального населения, являлся костюм (Доде З.В., 2005, с. 25). В данном случае особое внимание следует обратить на предметы торевтики, изготовленные из цветных металлов. В научной литературе весьма подробно представлена социальная значимость наборного пояса, являющегося своего рода «паспортом» раннесредневекового кочевника (Ковалевская В.Б., 1970, с. 144; Добжанский В.Н., 1990, с. 73; Король Г.Г., 2008, с. 224; и мн. др.). Основным показателем престижности пояса, судя по всему, был материал, из которого изготовлены его составляющие, а также их количество. Дополнительным признаком являлись изображения животных, в ряде случаев зафиксированные на наконечниках ремней (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996, с. 81). Имеются

многочисленные свидетельства того, что в обществах раннего средневековья пояс с золотыми накладками считался признаком, определяющим принадлежность человека к элитным слоям населения (Распопова В.В., 1980, с. 97, 107–108; Добжанский В.Н., 1990, с. 77–78; Могильников В.А., 1997а, с. 214). По мнению некоторых исследователей, престижным элементом поясного набора тюрок являлись лировидные подвески (Добжанский В.Н., 1990, с. 79; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 38).

Схожие тенденции характерны для украшений конского снаряжения. Наиболее существенным показателем также являлся материал, из которого изготовлены элементы амуниции (Горбунова Т.Г., 2003, с. 110–112; 2004, с. 18–19). Не исключена особая значимость отдельных предметов снаряжения. По замечанию В.И. Распоповой (1980, с. 101), на пенджикентской живописи только лошадь предводителя была украшена султаном. Известны аналогичные данные и для других элементов конского снаряжения, изготовленных их органических материалов и не сохранившихся в погребальных комплексах (Мухарева А.Н., 2009, с. 36–37, рис. 1).

Очевидна социальная значимость в обществе раннесредневековых кочевников серебряных сосудов. По наблюдению Ю.С. Худякова (2003б, с. 137; 2007а, с. 155), обозначенные предметы являлись важным элементом тюркской военно-дружинной культуры. Сосуды нередко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных воинов (Грач А.Д., 1961, с. 67; Кубарев В.Д., 1984, с. 33–36, 73). Имеются свидетельства о том, что рассматриваемые изделия были непременным атрибутом «княжеских» погребений аваров (Распопова В.И., 1980, с. 103).

Важным показателем, подтверждающим социальную значимость наборных поясов, украшений конского снаряжения и сосудов, изготовленных из драгоценных металлов, является обнаружение таких вещей в ходе исследований мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. На памятнике в честь Тоньюкука (Цаган-Обо-I) зафиксированы золотые бляхи, относящиеся к конской амуниции (Войтов В.Е., 1996, с. 18). В ходе раскопок мемориального комплекса

Бильгэ кагана найдено огромное количество предметов торевтики, среди которых были серебряные и золотые сосуды, бляхи наборного пояса и украшения снаряжения лошади (Баяр Д., 2004, с. 79, рис. 10–15). Кроме того, в состав клада входили золотые серьги, которые, по всей видимости, также относились к «престижным» элементам материальной культуры раннесредневековых кочевников.

Особое место в представлениях номадов различных исторических периодов занимали металлические зеркала. Определенные тенденции в этом плане характерны и для раннего средневековья (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а). Если значение металлических зеркал как предметов культа остается дискуссионным, то социальная значимость таких изделий несомненна. Во второй половине I тыс. н.э. рассматриваемые находки являлись предметами импорта, что стало одним из факторов, определивших их редкость и ценность. Дополнительным подтверждением в этом плане являются фрагментарные упоминания о зеркалах в письменных источниках, наряду с другими признаками «богатства» кочевника (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, с. 313).

Итак, рассмотрение дополнительных источников и материалов позволяет представить общие тенденции, связанные с определением социальной значимости конкретных предметов в обществе кочевников раннего средневековья. При этом необходимо признать, что обозначенные положения в значительной степени носят гипотетический характер и требуют подтверждения на конкретном материале.

Анализ предметного комплекса является одним из наиболее разработанных направлений в изучении археологической культуры раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона. Рассмотрению различных категорий изделий посвящены монографии, специальные разделы в обобщающих работах, а также многочисленные статьи, в которых представлены частные вопросы. Полученные результаты стали основой для уточнения хронологии погребальных и «поминальных» комплексов, обозначения этнокультурных связей между различными территориями и др. В гораздо

меньшей степени затронуты вопросы, связанные с определением социально-диагностирующих возможностей вещей. В работах, представляющих результаты вещеведческого анализа, а также в рамках публикации материалов раскопок, высказывались замечания по поводу социальной значимости наборных поясов, украшений конского снаряжения, серег, серебряных сосудов и зеркал (Добжанский В.Н., 1990; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 31–32, 43–44, 47 63–64; Савинов Д.Г., 1994а, с. 148; Горбунова Т.Г., 2004, с. 18–19; Кубарев Г.В., 2005, с. 53–56, 61, 71; и др.), упомянута ценность и статусность различных предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986а, с. 152; Кубарев Г.В., 2005, с. 99). Возможности конкретизации и расширения обозначенных наблюдений связаны с изучением места предметов в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований (Васютин С.А., 1998, с. 18; Кондрашов А.В., 2004а, с. 20; 2004б, с. 105–107; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных групп предметов, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

«Комплекс власти» в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона был представлен, главным образом, предметами вооружения. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателям высокого статуса умершего было наличие меча, кинжала и копья. Имеются все основания для того, чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем средневековье. В письменных источниках нередки упоминания об

использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия (Худяков Ю.С., 2007б, с. 115–117). Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников (Грач А.Д., 1961, с. 63–64; Кубарев В.Д., 1984, с. 39–42; Кубарев Г.В., 2008а, с. 69–70). Копья являются непременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья (Горбунов В.В., 1998; Черемисин Д.В., 2004). При этом многие всадники облачены в защитный доспех. На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии обусловлена не ограниченностью их распространения, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус.*

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора. Не исключено, что применение его тюрками в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы стали рассматриваться как некий символ власти. Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кочеев В.А., 1999).

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона защитного доспеха. Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены, в большинстве случаев, сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря крайне редко встречены в «стандартных» погребениях. Как показано в Главе III диссертации, чаще всего фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах, что могло символизировать не только социальную значимость рассматриваемых

* Безусловно, нельзя в данном случае исключать и особенностей обрядовой практики номадов. К примеру, по мнению С.А. Плетневой (1967, с. 157), рассмотревшей степень встречаемости сабель в погребениях кочевников южнорусских степей, редкость обнаружения таких предметов может объясняться традицией передачи клинкового оружия по наследству.

предметов, но также своего рода «замену» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий.

Подчеркнем, что одним из факторов, позволяющих отнести обозначенные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, является изучение тенденций их распространения в погребениях. Помимо редкости рассматриваемых изделий, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах, при исследовании которых отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

К предметам, включенным в «комплекс власти», по всей видимости, следует также отнести плети и стеки. Наибольшее значение, несомненно, имели богато оформленные находки (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993, с. 186). Не исключено, что определенным символом являлся орнаментированный кочедык (Кубарев Г.В., 1998а, с. 268), что также подтверждают тенденции в распространении обозначенных изделий.

«Комплекс богатства» у раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона представлен, главным образом, предметами торевтики. К ним относятся следующие категории находок из цветных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, а также украшения костюма (серьги, бляхи и др.). Основными показателями являлся сам факт наличия предметов торевтики в могиле, а также материал, из которого они были изготовлены.* Наиболее ценными были находки, произведенные с

* В связи с тем, что изучение состава металла проводилось крайне редко, мы ориентировались на визуальные определения, приводимые в авторских публикациях материалов раскопок. В то же время, имеется и опыт комплексного изучения поясных наборов (Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г., 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2008; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 271–273; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009), украшений конского снаряжения (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, 2007, 2009, с. 103–122) и других предметов торевтики (Богданова-Березовская И.В., 1975; Бородовский А.П. и др., 2005; Тишкин А.А., 2008; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 61–88; 2018а), демонстрирующий важность подобной работы, результаты которой весьма актуальны и в ходе осуществления социальных реконструкций.

применением драгоценных металлов. В тех погребениях, где зафиксированы предметы торевтики из серебра или золота, обнаруживаются и другие социально значимые находки (вооружение, импорт и др.). Важным показателем является редкость обнаружения обозначенных вещей. Наборные пояса с накладками из серебра и золота встречены только в 14 (10,52%) мужских погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Еще более редкими являются украшения конского снаряжения и серьги из драгоценных металлов, обнаруженные, соответственно, в десяти (7,51%) и девяти (6,76%) могилах. Похожие тенденции характерны для погребений женщин. Украшения амуниции лошади и серьги, изготовленные из серебра или золота, зафиксированы только в семи (17,5%) и пяти (12,5%) объектах. Показательно, что в детских захоронениях предметов торевтики из драгоценных металлов не встречено вообще.

Наблюдаются некоторые закономерности в распространении рассматриваемых изделий на различных территориях. В первую очередь, обратим внимание на редкость предметов торевтики в погребениях раннесредневековых тюрок Минусинской котловины. В ходе изучения захоронений с лошадью на этой территории не зафиксировано ни одного случая обнаружения вещей, изготовленных с применением серебра или золота.* Справедливым представляется замечание Ю.С. Худякова (2004, с. 78), подчеркнувшего периферийный характер развития племен кочевников рассматриваемой общности на Среднем Енисее. Наибольшая концентрация различных категорий предметов торевтики наблюдается в погребениях Алтая. Именно на этой территории чаще всего фиксируются наборные пояса, украшения конского снаряжения, серьги и сосуды, изготовленные из драгоценных металлов.

Интересно, что подобные же тенденции отмечаются при изучении специфики территориального распространения некоторых «престижных»

* Исключение представляют отдельные находки из ограбленных памятников раннесредневековых тюрок Минусинской котловины (Митько О.А., 1999, с. 156, рис. 1, 2; Тетерин Ю.В., 1999, с. 115–117, рис. 6; и др.). Такие объекты не учитывались в ходе социальной интерпретации погребений, однако принимались во внимание при осмыслении общих тенденций социальной истории кочевников центрально-азиатского региона.

предметов вооружения. Копья и боевые топоры встречены в ходе раскопок погребений раннесредневековых тюрок исключительно на территории Алтая. Также в этом регионе наиболее часто обнаружены мечи, кинжалы и фрагменты защитного доспеха. Следует признать, что обозначенные закономерности в определенной степени могут быть обусловлены тем, что именно на территории Алтая на сегодняшний день исследовано наибольшее количество погребений тюрок раннего средневековья.

Добавим, что к «комплексу богатства» следует также отнести фрагменты одежды из шелка, а также другие изделия из этого материала, являвшегося, как известно, одним из наиболее распространенных предметов китайского импорта (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994).

Итак, анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, а также привлечение дополнительных источников позволили обозначить «социальные маркеры» обряда кочевников. Определенное значение имели такие показатели, как размеры наземных и внутримогильных конструкций и количество лошадей, сопровождавших умершего. В ряде случаев важной характеристикой была планиграфия памятников. Основным критерием следует считать качественно-количественный состав инвентаря. Необходимо отметить, что «социальные маркеры» для лиц обоих были различными. Принадлежность мужчины к элитным слоям общества демонстрировали редкие предметы вооружения, наборный пояс, изготовленный с использованием цветных металлов, а также серебряные сосуды, плети и котлы. В погребениях женщин, имевших при жизни высокий статус, обнаружены предметы торевтики, изготовленные с использованием серебра или золота, металлические зеркала и, в ряде случаев, гребни. Что касается детских захоронений, то безинвентарность многих объектов свидетельствует о том, что помещение любых предметов, а тем более тех, которые являлись престижными для взрослого населения, можно считать «социальным маркером». При этом очевидно, что положение ребенка определялось, в первую очередь, статусом семьи.

Корреляция встречаемости всех рассмотренных категорий изделий с обозначенными элементами погребального обряда позволяет рассматривать вопросы, связанные с моделированием структуры социума раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

4.4. Структура социума

Теоретические и практические аспекты моделирования социальной структуры и организации конкретных обществ древности и средневековья по материалам раскопок археологических памятников достаточно подробно представлены в ряде исследований (Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 106–108; Кондрашов А.В., 2004а, с. 22; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005, с. 93–94; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 179), что избавляет от необходимости их рассмотрения в настоящей работе. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, связанные с реализацией обозначенного подхода на имеющемся в нашем распоряжении материале. Основой для выделения социальных моделей, представляющих собой группы погребений, являлся многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех рассмотренных показателей обряда, но главным образом тех, которые определены как социально значимые. Каждая из выделенных моделей характеризуется определенным набором маркирующих ее признаков. Мужские, женские и детские погребения рассматривались отдельно, что обусловлено наличием выявленной гендерной и возрастной дифференциации в обрядности раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона. Подчеркнем, что для объектов, объединенных в рамках выделенных групп, отмечена высокая степень унификации показателей, характерных для каждой из моделей. Вариабельность признаков, в целом, незначительна. Выделены девять мужских, четыре женских и три детских модели погребений (Приложение I, с. 123–125). Ниже приведено краткое

описание показателей, характерных для каждой из групп (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 99–105).

***Социальные модели мужских погребений*.**

I. Основным показателем погребений, объединенных в рамках данной модели, является максимальный по количеству и разнообразию состав сопроводительного инвентаря. Во всех могилах присутствовал наборный пояс, дополнительные аксессуары костюма и украшения конской амуниции, изготовленные с использованием драгоценных металлов, а также серебряные сосуды. Кроме того, зафиксированы серьги, фрагменты шелка, плеть или стек и железный котел. Вариации наблюдаются в составе предметов вооружения, объяснение которым приведено ниже. Погребенного сопровождали две, три или четыре лошади, что является максимальным количеством животных, обнаруженных в памятниках раннесредневековых тюрок. Показательны также выдающиеся параметры курганных насыпей и могильных ям.

Всего к первой модели отнесены три объекта, что составляет 2,25% от всех учтенных мужских погребений. Кроме того, к данной группе представляется возможным причислить некоторые ограбленные памятники, не включенные в число анализируемых объектов, однако учитываемые при рассмотрении общих тенденций социальной истории раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона. В частности, к первой модели могут быть отнесены курган №21 комплекса Маркелов Мыс-I (Тетерин Ю.В., 1999) и курган №34 некрополя Маркелов Мыс-II (Митько О.А., 1999), исследованные в Минусинской котловине. Обозначенные объекты выделяются монументальностью наземных сооружений, особенностями планиграфического расположения на могильном поле, а также присутствием в составе сопроводительного инвентаря предметов торевтики, изготовленных с использованием драгоценных металлов. По ряду подобных признаков к первой модели, судя по всему, относится и ограбленное погребение кургана №3 могильника Курай-IV, раскопанное на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113).

II. В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие ближнего боя, топор, защитный доспех) с предметами торевтики, изготовленными, в большинстве случаев, с использованием драгоценных металлов. Почти во всех могилах второй группы отмечены фрагменты шелка. Более редкими являлись находки стеков (два случая), а также металлического сосуда и железного котла, встреченных по одному разу. В целом, качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря рассматриваемых объектов все же уступает вещевому комплексу, обнаруженному в памятниках, отнесенных к первой модели. Кроме того, в могилах второй группы чаще всего присутствовала одна лошадь, и только дважды исследованы погребения с двумя захороненными животными. По размерам наземных и подкурганных конструкций объекты выделяются только в рамках отдельных некрополей, и то не во всех случаях. Ко второй социальной модели отнесены семь (5,25%) погребений. Отметим, что помимо «стандартных» объектов в данную группу включены два кенотафа.

III. Для погребений этой модели характерен минимальный набор вооружения (лук и стрелы, или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя) и, в то же время, весьма показательный состав предметов торевтики. Во всех объектах зафиксирован наборный пояс и/или украшения конского снаряжения, а также дополнительные аксессуары костюма, изготовленные с использованием драгоценных металлов. При исследовании всех могил встречены фрагменты шелка. В одном из мужских погребений отмечено присутствие металлического китайского зеркала в сочетании с железным котлом. Умерших сопровождало, чаще всего, одно животное; в трех случаях в могиле находились две лошади. К третьей социальной модели отнесены восемь 8 (6,01%) погребений, в том числе один кенотаф.

IV. Погребения данной модели, также как в предыдущем случае, характеризуются минимальным составом вооружения или даже его отсутствием, в сочетании с предметами торевтики. При этом качественный и количественный

состав последних заметно уступает находкам, обнаруженным в ходе раскопок объектов третьей группы. В частности, в значительно меньшей степени фиксируются предметы из драгоценных металлов. Кроме того, в трех могилах отмечено отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а в остальных объектах находилось только одно животное. Всего к четвертой социальной модели отнесены пять (3,75%) погребений.

V. Объекты, объединенные в рамках этой модели, сходны по разнообразному составу вооружения с погребениями второй группы, однако характеризуются более скромным набором предметов торевтики. Во всех могилах зафиксировано присутствие наборного пояса либо украшений конского снаряжения, элементы которых изготовлены из бронзы. Достаточно редкими были находки фрагментов шелка, и только в одном случае встречен серебряный сосуд. Умершего чаще всего сопровождало одно животное, в четырех могилах зафиксировано захоронение двух лошадей. Пятая социальная модель включает 12 (9,02%) погребений, в числе которых два кенотафа.

VI. К этой модели относятся погребения, основной отличительной характеристикой которых является разнообразный состав вооружения, предполагавший, почти во всех случаях, наличие клинкового оружия ближнего боя и, значительно реже, копья и защитного доспеха, в сочетании с полным отсутствием предметов торевтики и других вещей, включенных в «комплекс богатства». Во всех могилах присутствовало конское снаряжение. Умерших сопровождало, чаще всего, одно животное; дважды отмечено парное захоронение лошадей. В рамках шестой социальной модели объединены семь (5,25%) погребений, в том числе два кенотафа.

VII. Стандартным показателем погребений, отнесенных к данной модели, является минимальный набор вооружения (лук и стрелы, или даже один из указанных элементов оружия дистанционного боя), а также наборный пояс, изготовленный, в большинстве случаев, из бронзы. В четырех могилах зафиксированы немногочисленные украшения конской амуниции. Для погребений рассматриваемой группы характерна наибольшая вариабельность

такого показателя, как количество захороненных лошадей. При этом в абсолютном большинстве случаев умершего сопровождало только одно животное. По два раза в погребениях встречены две и три лошади, и трижды животное отсутствовало. К седьмой социальной модели отнесены 32 (24,06%) объекта, в том числе пять кенотафов.

VIII. Для объектов данной модели характерно полное отсутствие предметов, включенных как в «комплекс власти», так и в «комплекс богатства». Как и в предыдущем случае, в погребениях зафиксирован минимальный набор вооружения. Из предметов торевтики только в четырех могилах встречены бронзовые серьги. Для погребений данной группы, исследованных в Минусинской котловине, характерно присутствие железных элементов наборного пояса и керамических сосудов. В большинстве объектов, раскопанных на этой и других территориях, присутствовало конское снаряжение. Умерших, чаще всего, сопровождало одно животное. Также встречены могилы с парным захоронением лошадей (четыре случая) и их отсутствием (восемь случаев). Всего к рассматриваемой социальной модели отнесено 51 (38,34%) погребение, среди которых четыре кенотафа.

IX. В рамках данной модели объединены погребения, показателем которых является полное отсутствие вооружения и предметов торевтики. В ряде могил зафиксированы орудия труда (нож, тесло). Кроме того, в большинстве объектов обнаружено конское снаряжение. Умершего, в большинстве случаев, сопровождало одно животное, которое в одном из погребений отсутствовало, а в другом было заменено на овцу. К девятой социальной группе отнесены восемь (6,01%) объектов.

Социальные модели женских погребений.

I. Для погребений данной модели характерен максимальный по количеству и наиболее выдающийся по качеству состав сопроводительного инвентаря. В могилах нередко обнаружены такие маркеры женских могил, как игольники и гребни. Наиболее показательными были предметы торевтики, присутствовавшие во всех погребениях. Для объектов рассматриваемой группы характерно

сочетание не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные, чаще всего, с использованием драгоценных металлов. Следует отметить, что в одном женском погребении обнаружен кинжал, являющийся редкой находкой даже для мужских могил. При исследовании всех объектов зафиксировано конское снаряжение; дважды встречена рукоять плети или стека. Стандартным является сопровождение умерших лошадью; известно только одно одиночное погребение. В рамках первой социальной группы объединены восемь (20%) женских могил.

II. Объекты, отнесенные к этой модели, несколько уступают погребениям первой группы по количеству и качеству обнаруженных изделий. В частности, для них характерна редкость фиксации предметов торевтики из драгоценных металлов, а также меньшее количество социально значимых находок в одной могиле (не более двух). При исследовании двух женских могил обнаружен наборный пояс, элементы которого изготовлены из бронзы. В одном случае встречен кинжал. В большинстве погребений зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда, за единственным исключением, умершего сопровождала лошадь. Ко второй социальной модели отнесены 12 (30%) погребений.

III. Погребения данной модели отличаются от предыдущих групп отсутствием вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах присутствовала одна, реже две категории предметов торевтики из бронзы. При исследовании большинства могил зафиксировано конское снаряжение. Одна лошадь сопровождала умершего почти во всех случаях, и только в двух объектах животное отсутствовало. Третья социальная модель включает восемь (20%) погребений.

IV. Стандартным показателем объектов этой модели является полное отсутствие предметов торевтики. В большинстве случаев рядом с умершей обнаружен нож, в половине могил зафиксировано конское снаряжение. Почти всегда в захоронении находилась одна лошадь. Кроме того, исследованы три

одиночных женских погребения. Всего в рамках четвертой социальной группы объединены 12 (30%) объектов.

***Социальные модели детских погребений*.**

I. К данной модели отнесены погребения детей, в состав сопроводительного инвентаря которых включены предметы торевтики из бронзы. В двух могилах обнаружен наборный пояс. В ходе исследования одного объекта зафиксированы украшения конской амуниции. Среди других вещей, являвшихся принадлежностью погребений взрослых, но встреченных в могилах первой группы, следует упомянуть металлическое зеркало, тесло, а также дополнительные аксессуары костюма. В одном случае рядом с умершим обнаружено захоронение овцы. К первой социальной модели отнесены три (9,67%) детских погребения.

II. Объекты, объединенные в рамках этой модели, характеризуются фрагментарным присутствием предметов сопроводительного инвентаря, характерных для погребений взрослых. В трех детских могилах встречены наконечники стрел, трижды отмечено присутствие предметов торевтики из бронзы (серьги, медальон). В большинстве погребений зафиксирован нож. В двух случаях в детской могиле обнаружено захоронение лошади. Во всех остальных захоронениях животное отсутствовало. Во вторую социальную модель включены шесть (19,35%) погребений.

III. Для погребений данной модели характерен минимальный состав сопроводительного инвентаря или его отсутствие. Наиболее распространенными являлись керамические сосуды, встреченные в ряде объектов, исследованных на территории Минусинской котловины. В 11 случаях в детской могиле обнаружено захоронение овцы. Лошадь сопровождала умершего только однажды. В остальных погребениях захоронение животного отсутствовало. Всего к третьей социальной модели отнесены 23 (74,19%) могилы.

Наиболее полная картина дифференциации общества раннесредневековых тюрок получила отражение в материалах мужских погребений. Менее объективной представляется ситуация, зафиксированная в ходе анализа женских

и детских могил. Это обусловлено, главным образом, их сравнительно незначительным количеством, которое связано с различными факторами. Тем не менее, несмотря на фрагментарность свидетельств, полученных в ходе анализа погребальных комплексов, удалось проследить весьма интересные тенденции. В сочетании со сведениями письменных источников они позволяют более подробно представить специфику социальной организации раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

4.5. Возможности реконструкции социальной организации по материалам археологических памятников

Сведения о структуре общества раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона, полученные в ходе анализа материалов раскопок погребальных комплексов, в сочетании с результатами исследования разноплановых «поминальных» объектов, а также некоторой информацией из письменных источников позволяют перейти к характеристике отдельных аспектов социальной организации кочевников. Особый интерес в данном случае представляет рассмотрение вопросов, остававшихся до настоящего времени дискуссионными, или исследовавшихся весьма фрагментарно и на ограниченной источниковой базе. К таким аспектам изучения социальной истории номадов, несомненно, относятся проблемы профессиональной организации общества, вопрос о существования рабов или зависимых слоев населения, а также особой группы жрецов или служителей культа. Кроме того, большое значение имеет работа, направленная на выделение и интерпретацию «элитных» погребальных комплексов и рассмотрение особенностей дифференциации высших слоев социума кочевников.

Важным фактором, влиявшим на особенности устройства общества номадов, являлась профессиональная организация. Хозяйственные занятия так или иначе определяли статус как отдельных индивидов, так и группы лиц,

которые ими занимались. Такая ситуация в целом характерна для традиционных обществ. Анализ археологических материалов центрально-азиатского региона раннего железного века и средневековья, а также сравнение этих данных с этнографическими свидетельствами показывает, что специфика профессиональной дифференциации внутри обществ кочевников была, в общих чертах, идентична для различных исторических периодов. В значительной степени она определялась разделением на мужской (война, выпас скота) и женский (домашнее хозяйство) труд, а также традиционным для скотоводов региона набором форм производственной деятельности.

Возможности общей интерпретации археологических и письменных источников при исследовании хозяйственной системы кочевников второй половины I – начала II тыс. н.э. представлены в ряде исследований (Киселев С.В., 1949, с. 285–298; Кызласов Л.Р., 1969, с. 44–48; Ганиев Р.Т., 2006, с. 92–116; и др.). Судя по имеющимся материалам, раннесредневековые тюрки не являлись исключением из общей картины развития обществ номадов региона. Основой хозяйства было кочевое скотоводство. Большое значение имела металлургия, роль которой демонстрируется как отдельными сюжетами из письменных источников, так и многочисленными находками из археологических памятников. Не исключено, что у раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона произошло выделение крупных центров добычи и обработки металлов, о чем свидетельствуют обнаруженные комплексы производственных сооружений на Алтае. Так, по мнению Н.М. Зинякова (1988, с. 137), общее число людей, занимавшихся металлургией и металлообработкой, составляло 4–5% населения. Вспомогательными отраслями хозяйства номадов были рыболовство, охота, собирание съедобных растений. Возможно, в ряде районов существовали некоторые элементы земледелия (Кызласов Л.Р., 1969, с. 46).

К сожалению, материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона практически не содержат информацию о конкретных профессиональных занятиях человека при жизни. Предметный комплекс захоронений отражает существование гендерной

дифференциации, в значительной степени обусловленной разделением труда. Однако сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронении, являлся показателем отношения человека к определенному социальному слою, а не принадлежности его к какой-либо профессиональной группе. Некоторое исключение в этом плане, вероятно, представляет набор предметов вооружения из погребений тюрок.

Военное дело, которым, если следовать сведениям письменных источников, занимались практически все дееспособные мужчины-кочевники, являлось важным элементом профессиональной организации номадов. Эффективный комплекс вооружения, несомненно, был одной из составляющих успешной военной экспансии раннесредневековых тюрок, в результате которой ими был основан ряд крупнейших, хоть и недолговечных империй, простиравшихся в разное время далеко за пределы центрально-азиатского региона. Это обусловило пристальное внимание исследователей к изучению военного дела номадов, рассмотрению всех категорий оружия, а также специфики его развития на различных территориях (Худяков Ю.С., 1986а, с. 137–169; 2007; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 65–86; Горбунов В.В., 2003; 2006а; 2007; и др.).

Наличие обширной историографии позволяет не останавливаться подробно на данном вопросе. Добавим лишь некоторые показатели, связанные с анализом погребальных комплексов центрально-азиатского региона. Материалы раскопок захоронений раннесредневековых тюрок демонстрируют высокий уровень милитаризации общества номадов. Оружие зафиксировано в абсолютном большинстве мужских погребений кочевников – 124 (93,23%) объекта. Оно отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. Судя по всему, отдельные предметы вооружения (например, боевые топоры, богато оформленное клинковое оружие) рассматривались как особые символы власти и демонстрировали высокое положение владельца.

Дискуссионным вопросом, связанным с исследованием профессиональной дифференциации социума номадов, является выделение особой группы лиц,

занимавшихся отправлением культовых действий. При рассмотрении данной проблемы исследователями используются различные термины – жрецы, колдуны, шаманы, священнослужители и др. На наш взгляд, учитывая фрагментарность источниковой базы и сложность точной интерпретации имеющихся зачастую отрывочных материалов, наиболее нейтральным и корректным определением для периода раннего средневековья является понятие «служители культа», используемое далее.

Анализ письменных источников по истории раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона позволил исследователям сделать ряд наблюдений, связанных с возможностью определения слоев населения, вовлеченных в процесс профессиональной реализации культовой практики. Учитывая накопленную значительную историографию и наличие специальных работ по этой тематике (Дашковский П.К., 2009; 2011, с. 176–181; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017б), представим лишь краткий обзор имеющегося опыта изучения сведений письменных источников, более подробно остановившись на проблемах интерпретации археологических материалов, практически не освещенных в литературе.

В значительном количестве работ отечественных специалистов отмечена особая роль кагана и его ближайшего окружения, принимавшего участие в отправлении культовых действий. Сакральная роль верховного правителя тюрок, в частности, проявилась в совершении жертвоприношений общегосударственного характера, а также сложении культа кагана (Кляшторный С.Г., 2003, с. 337–338; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 6–67; Дашковский П.К., 2011, с. 176; и др.).

Сведения о существовании в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона особой группы служителей культа, не связанной с элитными слоями населения, весьма фрагментарны и разрозненны. Интересно, что в рунических текстах такая информация отсутствует вообще. В династийных хрониках Поднебесной империи имеются лишь отдельные упоминания (Серегин Н.Н., 2013е; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017б). Описывая обычаи

раннесредневековых тюрок, китайские авторы отмечают, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» (Лю Маоцай, 2002, с. 23) или «поклоняются духам, верят в волхвов» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 231). В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с. 97); указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне (Лю Маоцай, 2002, с. 99). Имеются также упоминания о ворожбе (гадании?) при необходимости принятия важных политических решений (Бичурин Н.Я., 1950, с. 246–247).

Таким образом, анализ письменных источников позволяет сделать вывод о возможности существования у раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона отдельных лиц или даже особой группы, занимающихся культовой практикой и связанных как с элитой общества, так и с рядовыми номадами. Вместе с тем, отрывочность информации не позволяет оценить количество этих людей, их социальный статус, конкретные функции и др. Корреляция этих сведений с материалами раскопок археологических памятников позволила бы существенно приблизиться к объективной реконструкции сложной системы мировоззренческих представлений номадов. В частности, имеет смысл обратить внимание на возможную фиксацию в материалах погребальных комплексов, наиболее информативных с этой точки зрения, вещественных атрибутов культовой деятельности.

Все предметы, которые фиксируются в погребении, находятся в контексте обрядовой практики и сопровождаются особыми ритуальными представлениями. При этом выделяются вещи, различные признаки которых позволяют предположить, что они использовались для реализации определенных культовых действий. Достаточно подробно рассмотрены возможности интерпретации подобных изделий из погребальных комплексов кочевников скифо-сакского времени (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978; Могильников В.А., 1997б; Яценко С.А., 2007; и мн. др.). К сожалению, объективные наблюдения такого плана на материалах археологических

памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии весьма фрагментарны. Вместе с тем, имеется опыт интерпретации «предметов культа» из погребальных и «поминальных» объектов второй половины I – начала II тыс. н.э., раскопанных на сопредельных территориях (Арсланова Ф.Х., 1981; Басова Н.В., Кузнецов А.Н., 2005; Илюшин А.М., 2008; 2012; и др.). Аккуратное использование результатов подобных исследований, а также детальный анализ всех компонентов погребальной обрядности позволяет рассмотреть возможности выделения «предметов культа» в материальной культуре раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона (Серегин Н.Н., 2013е).

Интересными и достаточно редкими находками в погребениях номадов рассматриваемого региона второй половины I – начала II тыс. н.э. являются небольшие шелковые мешочки. Судя по расположению в могиле, чаще всего они носились на поясе (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–304), либо в кожаной сумочке (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; Кубарев Г.В., 2005, с. 371, 376). Кроме того, зафиксировано помещение рассматриваемых предметов на груди человека (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113), а также в специальном тайнике (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114). В ряде случаев в шелковых мешочках находились предметы, связанные, вероятно, с определенными культовыми представлениями. Особое внимание обращают на себя находки человеческих зубов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105; Евтюхова Л.А., 1957, с. 210; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–304). Такие своеобразные предметы носились также в кожаных мешочках (Трифонов Ю.И., 2000, с. 146). По мнению Л.Р. Кызласова (1969, с. 22) это были амулеты, помогавшие от зубной боли. С одной стороны, данная интерпретация выглядит вполне логичной. Вместе с тем, имеются основания для предположения о более сложных представлениях, реализованных в данном элементе погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Так, уже в верхнем палеолите фиксируется использование человеческих зубов в качестве амулетов (Медникова М.Б., 2004, с. 127). Суеверия, связанные с необходимостью сохранять зубы и оберегать их

от какого-либо негативного воздействия, известны у многих традиционных обществ (Фрэзер Д., 1986, с. 43–44). Не исключено, что похожие представления имелись и у кочевников Центральной Азии. Их универсальный характер подтверждается находками человеческих зубов в шелковых, кожаных или войлочных мешочках при исследовании погребений номадов рассматриваемого региона различных хронологических периодов от раннего железного века до монгольского времени (Кубарев В.Д., 1984, с. 43; Войтов В.Е., 1990, с. 140; Полосьмак Н.В., 2001, с. 74; и др.).

Среди других своеобразных находок, обнаруженных в шелковых мешочках, отметим туго свернутую шелковую ленту, свернутый в кольцо конский волос, небольшие камни, косточку миндаля, рыбьи позвонки, а также различные предметы неизвестного назначения, главным образом, деревянные и костяные изделия. По мнению некоторых исследователей, эти вещи носили ритуальный или магический характер и могли являться своего рода оберегами (Овчинникова Б.Б., 1982, с. 213–214; 1990, с. 38; Кубарев Г.В., 2005, с. 58–59; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2009, с. 158–160). Не исключено, что ритуальное назначение имела шелковая полоска с 75 узелками, встреченная в исследованном кенотафе раннего средневековья (Грач А.Д., 1960б, с. 127).

В одном из шелковых мешочков находились китайские монеты (Евтюхова Л.А., 1957, с. 212). Такие находки являются достаточно редкими – на сегодняшний день они зафиксированы всего в восьми погребениях раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013а, табл. 1). Имеются все основания для утверждения о том, что кочевниками китайские монеты не использовались по прямому назначению (в качестве денежной единицы). Не исключено, что такие изделия могли носиться как амулеты (Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004, с. 63–64; Басова Н.В., Кузнецов Н.А., 2005, с. 135; Кузнецов Н.А., 2007, с. 216). Косвенным свидетельством особого отношения к монетам можно считать благожелательные надписи, зафиксированные на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с. 117).

Другой группой предметов китайского импорта, получивших распространение в среде раннесредневековых кочевников центрально-азиатского региона, являются металлические зеркала (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2018а). Данные изделия, нередко рассматриваемые как особые магические атрибуты в обществах кочевников, традиционно привлекают внимание исследователей. Об этом свидетельствует накопленная обширная историография, большая часть которой связана с интерпретацией предметов из археологических комплексов скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 111–116). На то, что раннесредневековыми тюрками зеркала относились к группе вещей, наделенных особыми свойствами, указывает ряд признаков. В ряде могил отмечены фрагменты рассматриваемых изделий с проделанным отверстием, что, вероятно, отражает их использование как своего рода подвесок-амулетов. В материалах раскопок памятников второй половины I тыс. известны находки частей зеркал с нанесенными благожелательными надписями (Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г., 1973, табл. II; Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И., 1974; Васильев Д.Д., 1983, с. 37–39; Кляшторный С.Г., 2006, с. 177–192). Судя по всему, определенное значение имело отмеченное при раскопках погребений раннесредневековых тюрок устойчивое расположение металлических зеркал в районе головы умершего человека. Этому элементу ритуала имеется ряд объяснений, достаточно подробно изложенных в ряде работ (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, с. 117–119).

В материалах раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии зафиксирован ряд других предметов, возможно, имевших особое значение в представлениях кочевников. К ним относятся астрагалы, различные подвески из зубов животных, бронзовые подвески и др. Все эти находки, а также обозначенные выше изделия, позволяют говорить о наличии у номадов определенной группы предметов, выполнявших функции личных оберегов, имевших некоторые магические свойства, и др. Вместе с тем, основания для выделения вещей, явно связанные с культовой практикой, отсутствуют. Все рассмотренные выше предметы могли быть связаны с «личной

магией» или локальными культовыми действиями, не носившими профессионального характера (Серегин Н.Н., 2013е).

Таким образом, основания для выделения четких признаков, отличающих погребения особой группы лиц, занимавшихся культовой деятельностью, на имеющихся материалах отсутствуют. Нельзя исключать, что подобные объекты еще не известны в связи со специфичными канонами обрядности (к примеру, скальные или «воздушные» захоронения). Однако более вероятным объяснением представляется то, что культовые действия у рядовых номадов выполнялись не особой группой людей – служителей культа, а главами родов или старейшинами, неоднократно упоминаемыми в письменных источниках (Бичурин Н.Я., 1950, с. 221, 239, 243, 255, 256, 271 и др.; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 78). В таком случае, вероятно, происходило совмещение общих управленческих функций на местном уровне с реализацией культовой практики. Правомерность такого предположения подтверждается подобным же сочетанием полномочий у верховных правителей раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

Другой не менее важной проблемой, к которой неоднократно обращались исследователи, является вопрос о существовании рабства у номадов. В большинстве случаев данный вопрос также решался на основе анализа показательных материалов раннего железного века. Не углубляясь в историографию данной темы отметим, что в значительном количестве работ отечественных ученых, несмотря вариабельность использованных ими источников, а также подходов к оценке обществ кочевников, признана возможность существования у номадов рабства (главным образом, домашнего), но подчеркнута ограниченность его распространения (см. обзор: Хазанов А.М., 1975, с. 139–148).

Кратко остановимся на имеющемся опыте решения вопроса о существовании зависимых слоев населения у раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 113–119; Серегин Н.Н., Тишин В.В., 2016а). Сведения письменных источников о рабстве в обществе номадов второй

половины I тыс. н.э. рассмотрены в специальном разделе обобщающей работы А.Н. Бернштама (1946). Исследователь сделал вывод о существовании у раннесредневековых тюрок патриархального (домашнего) рабства, подчеркнув преимущественное распространение использования женского труда (Бернштам А.Н., 1946, с. 110). Представив многочисленные фрагменты рунических текстов, содержавших информацию по данному вопросу, востоковед отметил, что для обозначения рабов использованы различные термины, что, вероятно, отражало неодинаковое положение людей, дифференциацию в степени их зависимости и др. (Бернштам А.Н., с. 123–126). Основным источником для пополнения количества зависимых людей в тюркском обществе А.Н. Бернштам (1946, с. 117) считал военные походы.

Наблюдения А.Н. Бернштама позже получили развитие и были конкретизированы на более обширном материале С.Г. Кляшторным, в ряде статей специально рассмотревшим вопрос о существовании рабства в тюркском обществе. По мнению исследователя (Кляшторный С.Г., 1985, с. 167), захват невольников был одной из главных целей войн и набегов, совершавшихся раннесредневековыми номадами. На основе анализа сведений тюркских текстов, с привлечением информации из письменных источников более позднего времени, а также этнографических данных, С.Г. Кляшторный (1985, с. 162–166) развернуто продемонстрировал преимущественную роль женского рабства в тюркском обществе. Сделанные обозначенными исследователями выводы были использованы в работе Е.И. Кычанова (2010, с. 136), который обратил внимание на значительное количество рабов, угоняемых тюрками из Китая. Так, по наблюдениям востоковеда, в письменных источниках речь идет о десятках тысяч людей, возвращенных в Поднебесную империю.

О широкой роли рабства в тюркском обществе писал С.В. Киселев (1949, с. 281). Опыт рассмотрения известной информации письменных источников исследователь дополнил наблюдениями, сделанными на основе анализа археологических материалов Алтая второй половины I тыс. н.э. По мнению С.В. Киселева (1949, с. 299–302), с рабами или зависимыми людьми может быть

связан ряд объектов, раскопанных им на могильниках Туекта и Курай-IV. Суммируя выводы С.В. Киселева (1949, с. 299–302), отметим, что согласно представленному им описанию представляется возможным выделить две группы рассматриваемых объектов:

1) небольшие каменные насыпи или кольца, расположенные отдельно или вокруг большого кургана, а также под его насыпью; в большинстве случаев погребения «одиночные», но в некоторых находилась лошадь; для всех объектов характерен фрагментарный сопроводительный инвентарь;

2) сопроводительные захоронения людей, находившиеся в основной могильной яме «элитного» кургана.

Необходимо подчеркнуть, что полноценное рассмотрение обозначенных материалов и оценка представленных выводов серьезным образом затруднены тем, что результаты работ С.В. Киселева остались опубликованными лишь частично. Поэтому в ряде случаев остаются вопросы, связанные с культурно-хронологической принадлежностью отдельных специфичных захоронений, связываемых исследователем с зависимыми слоями общества тюрок.

Ситуацию, схожую с зафиксированной С.В. Киселевым в «элитном» кургане №1 могильника Курай-IV, отметил в ходе раскопок на некрополе Боротал-I В.Д. Кубарев (1985, с. 138–140, рис. 4). В одном из курганов раннесредневековых тюрок археолог исследовал кенотаф с «сопроводительным» захоронением человека, рядом с которым отсутствовал какой-либо инвентарь. По мнению В.Д. Кубарева (1985, с. 146–147), данное погребение иллюстрирует распространение у кочевников традиции помещать со знатными умершими рабов или зависимых людей.

Таким образом, вопрос о распространении рабства или существовании зависимых слоев населения в обществе раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона решался, главным образом, на основе сведений письменных источников, с фрагментарным привлечением археологических материалов. Следует отметить, что данный подход не связан с пренебрежительным отношением специалистов к материалам раскопок, а скорее объясняется

сложностью интерпретации результатов исследования погребальных и поминальных комплексов второй половины I – начала II тыс. н.э., не демонстрирующих показательных черт для решения рассматриваемого вопроса. Вместе с тем, представляется, что возможности анализа в этом направлении далеко не исчерпаны.

Одной из сложностей, возникающих при решении вопроса о существовании рабства у номадов по археологическим материалам, является определение критериев для выделения погребений зависимых слоев населения. В ряде работ отечественных археологов представлен актуальный опыт интерпретации материалов раскопок с этой точки рения.

В статье В.А. Ильинской (1966, с. 166–167) рассмотрена серия скифских курганов, в которых, по мнению исследовательницы, обнаружены захоронения рабов. Зависимый статус умерших определялся следующими показателями: нехарактерная для основного погребения скорченность костяка, расположение его за пределами внутримогильной конструкции, отсутствие инвентаря, обнаружение рядом основного, нередко, «богатого» захоронения. Схожие признаки отмечены в обобщающей работе А.М. Хазанова (1975, с. 134–135), посвященной изучению социальной истории скифов. Исследователь подчеркнул немногочисленность погребений, предположительно связываемых с рабами, а также то, что в ряде случаев тело зависимого человека могло быть брошено в основную могилу более богатого представителя социума.

Идентичная ситуация, связанная с отражением зависимого статуса погребенных в материалах раскопок, продемонстрирована в монографии А.Д. Грача (1980, с. 48). Исследуя памятники скифского времени Тувы, археолог отнес к захоронениям «людей низших социальных групп» или «домашних рабов» сопроводительные по отношению к основным могилам погребения взрослых людей без какого-либо инвентаря, обратив внимание также на существование традиции человеческих жертвоприношений.

Интересные наблюдения сделаны исследователями в ходе раскопок отдельных некрополей раннего средневековья на территории Восточного

Казахстана (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 207–219). По наблюдениям археологов, под насыпью ряда курганов помимо центрального (основного) погребения находились одна–две могилы зависимых людей, вероятно, рабов. Эти захоронения, значительно менее глубокие, не содержали сопроводительного инвентаря, а на костяках умерших людей были зафиксированы следы насильственной смерти (Алехин В.П., Илюшин А.М., 1998, с. 210–211).

Приведенный спектр наблюдений археологов ни в коей мере не является исчерпывающим, однако близость показателей, отмечаемых исследователями на различных материалах, позволяет не продолжать перечисление схожих ситуаций. Очевидно, что использование выделенных критериев в «чистом» виде некорректно при интерпретации археологических комплексов социумов других периодов и регионов. Вместе с тем, аккуратное проведение аналогий является целесообразным, учитывая универсальный характер развития обществ номадов в широких хронологических и территориальных рамках.

Материалы раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона предоставляют весьма ограниченный объем информации по рассматриваемому вопросу. По сути, все показательные ситуации исчерпываются представленными выше материалами погребений, исследованных С.В. Киселевым и В.Д. Кубаревым на могильниках Курай-IV и Боротал-I. Наиболее показательными для интерпретации этих объектов являются следующие характеристики:

1. нетипичная ориентировка захоронения; расположение костяка поперек могильной ямы, без отдельной погребальной камеры или за пределами основной конструкции;

2. отсутствие инвентаря;

3. отсутствие сопроводительного захоронения лошади, являющегося важным показателем «стандартных» погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии;

4. «сопроводительный» характер захоронения, находившегося в могиле с погребением представителя элитных слоев общества тюрок (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 117–118).

Как видим, представленные показатели практически полностью идентичны ситуациям, зафиксированным археологами в ходе раскопок разновременных памятников номадов на обширных территориях. Сама по себе схожесть объектов не является доказательством правильности приведенных интерпретаций, однако демонстрирует возможность проведения параллелей в указанном направлении.

Помимо отмеченных объектов дополнительного рассмотрения, либо конкретизации в ходе дальнейших раскопок требуют целый ряд комплексов раннесредневековых тюрок. Так, неоднозначной представляется интерпретация безынвентарных «сопроводительных» захоронений по обряду кремации, зафиксированных на некрополях Маркелов Мыс-I, II и находившихся за пределами ограды основного «элитного» погребения (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 402–403). Кроме того, к представителям низших слоев населения раннесредневековых тюрок могут относиться отдельные впускные захоронения, не содержавшие сопроводительного захоронения лошади и предметов инвентаря.

Косвенным фактором, подтверждающим существование у раннесредневековых тюрок зависимых слоев населения, является далеко зашедшая дифференциация общества и продемонстрированная в предыдущем параграфе диссертации сложная структура социума номадов. Следует подчеркнуть, что какие-либо четкие признаки зависимого положения погребенных при жизни в рассматриваемых археологических материалах не фиксируются. Вместе с тем, низкий статус умерших мог проявляться, к примеру, в невозможности владения оружием, что являлось, судя по имеющимся сведениям, одним из главных показателей взрослого мужчины в обществе раннесредневековых номадов.

Нельзя исключать, что в археологических материалах захоронения представителей зависимых слоев населения раннесредневековых тюрок Центральной Азии могли не найти отражения. Вполне возможно, что для погребения умерших с низким социальным статусом не сооружался стандартный комплекс, к примеру, не возводилась курганная насыпь. В таком случае имеющаяся в распоряжении археологов выборка носит в той или иной степени селективный характер. Возможность существования подобных традиций у различных обществ и культур неоднократно подчеркивалась археологами (Хазанов А.М., 1975, с. 135; Берсенева Н.А., 2011, с. 42–46). Результатами раскопок данное предположение пока не подтверждается, однако косвенными факторами в его пользу может являться немногочисленность погребений раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона по сравнению с памятниками других периодов на рассматриваемой территории, а также специфика отдельных детских захоронений.

Итак, развитая социальная дифференциация общества, имеющиеся сведения письменных источников, а также отдельные показатели погребальных комплексов позволяют предположить существование в обществе раннесредневековых тюрок определенной, весьма немногочисленной группы населения, положение которой характеризовалось определенной степенью зависимости. Следует подчеркнуть, что эта зависимость, принимая во внимание сложную этносоциальную ситуацию на территории центрально-азиатского региона во второй половине I – начале II тыс. н.э., могла иметь различную окраску – к примеру, военно-политическую (подчиненное положение захваченных в ходе военных походов групп людей, пониженный статус этнических или племенных групп, включенных в состав кочевых империй номадов и др.), экономическую или бытовую (обнищание отдельных слоев населения).

Дополнительные возможности исследования особенностей профессиональной организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии связаны с изучением элиты номадов.

При реконструкции социальной истории номадов древности и средневековья особое значение имеет изучение «элитных» погребальных комплексов. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи ограбления, позволяют получить наиболее яркие материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание. К настоящему времени получены значительные результаты в области исследования «царских» курганов раннего железного века в различных районах Центральной Азии (Грязнов М.П., 1950, 1980; Руденко С.И., 1962; Акишев К.А., 1978; Элитные курганы …, 1994; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Аржан. Источник …, 2004; Тишкин А.А., 2005б; и мн. др.). Изучение таких объектов, отличавшихся колоссальным объемом трудозатрат на сооружение наземных и внутримогильных конструкций, наличием большого количества «престижных» элементов предметного комплекса способствовало развитию представлений по многим аспектам социальной истории кочевников. Гораздо меньше знаний накоплено о захоронениях представителей высших слоев обществ средневековых номадов обозначенного региона.

Существование высших слоев социума традиционно наиболее подробно представлено в письменных источниках. Такая ситуация характерна не только для объединений номадов различных исторических периодов (Селезнев Ю.В., 2009, с. 7), но и в целом является вполне закономерной. В рунических текстах и китайских династийных хрониках имеется значительный объем информации о структуре элиты раннесредневековых кочевников, специфике титулатуры, организации управления. Широко известны мемориальные памятники знати кочевников, исследованные на территории Монголии. При этом опыт выделения и системной интерпретации «элитных» погребений раннесредневековых тюрок весьма незначителен.

Впервые группу «элитных» погребений раннесредневековых тюрок Алтая выделил С.В. Киселев (1951, с. 535). Такие объекты, по мнению исследователя, отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории. Соотнесение результатов анализа археологических материалов со сведениями письменных источников позволило С.В. Киселеву (1951, с. 544) предположить, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати». В последующие годы исследований в указанном направлении не предпринималось. Вместе с тем, опыт, накопленный в области социальной интерпретации материалов раскопок погребений раннесредневековых тюрок, позволил поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003), хотя подробной характеристики отличительных показателей таких памятников представлено не было.

Проведенное изучение структуры и организации общества раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона по материалам погребальных комплексов позволяет вернуться к вопросу о выделении и интерпретации «элитных» захоронений (Серегин Н.Н., 2013д).

Существенным показателем, который был выявлен в ходе анализа погребальной практики кочевников рассматриваемой общности, является значительная степень нивелировки обряда. Это проявилось не в унификации и стандартизации сооружений, ритуала и предметного комплекса, которые были достаточно вариабельными, а в стирании резких границ между погребениями по признакам, которые традиционно рассматриваются как социально значимые. Выдающиеся параметры каменной насыпи и внутримогильных конструкций, являющиеся одним из ключевых показателей «царских» курганов раннего железного века, не характерны для «элитных» комплексов раннесредневековых тюрок. Анализ размеров погребальных сооружений показал, что их вариабельность определялась, главным образом, причинами, не связанными с прижизненным социальным статусом умершего. Параметры наземных и

внутримогильных сооружений являлись второстепенным показателем при выделении «элитных» погребений. Такие объекты, хоть и отличались от основной массы памятников, особенно в рамках отдельных некрополей, но отклонения были незначительными.

Другим показателем, выделяющим захоронения представителей высших слоев общества тюрок Центральной Азии, было количество лошадей, сопровождавших умершего. Анализ признаков половозрастной дифференциации в погребальном обряде кочевников продемонстрировал, что наличие одного животного было непременным атрибутом могилы полноправного взрослого человека. Вариабельность количества лошадей определялась имущественным статусом номада. В немногочисленных «элитных» погребениях раннесредневековых находились три или четыре лошади. С другой стороны, в ряде захоронений, которые по ряду других признаков могут быть связаны с представителями высших слоев общества, были помещены лишь одна–две лошади, что характерно и для «рядовых» могил. Поэтому обозначенный компонент обряда также не может рассматриваться как абсолютный показатель «элитных» объектов.

Проведенный анализ, результаты которого подробно представлены в параграфе 3.3. диссертации, позволил прийти к заключению о том, что основным «социальным маркером» обряда раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона являлся качественно-количественный состав инвентаря. «Комплекс власти» в обществе номадов был представлен, главным образом, предметами вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех), а также, в меньшей степени, плетьми, стеками и котлами. «Комплекс богатства» включал предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковую одежду.

Из девяти выделенных социальных групп мужских погребений тюрок с захоронениями представителей элиты различного уровня могут быть связаны первые три. В них включено 18 объектов, что составляет 13,5% от всех учтенных

мужских могил. Вероятно, именно такой процент населения раннесредневековых тюрок относился к элитным слоям общества номадов. Осмысление результатов, полученных в ходе социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников, предполагает привлечение сведений из письменных источников.

В китайских династийных хрониках аппарат управления тюркской империи представлен как достаточно сложная система. В частности, упоминаются 28 основных должностей чиновников, из которых пять были высшими (Кычанов Е.И., 1997, с. 102; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 184–185). На отдельных территориях державы номадов находились наместники кагана, выполнявшие основные управленческие функции (Кычанов Е.И., 1997, с. 103–104). Согласно имеющимся сведениям, на завоеванных землях тюрки оставляли прежние формы самоуправления, устанавливая контроль лишь над фискальной системой и военной организацией подвластного социума (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 191). По всей видимости, в этих областях оставалась местная знать, которая нередко стремилась для сохранения власти и поднятия престижа породниться с аристократией этноса-элиты (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 166). Главы крупных племен (в большинстве случаев, телеских), подчиненных тюркам, получали титулы эльтебер и иркин (Бернштам А.Н., 1946, с. 144; Кычанов Е.И., 1997, с. 105; Горбунов В.В., 2007, с. 90). В целом, представляется возможным говорить о существовании на таких территориях так называемой двойной элиты (Тишкин А.А., 2005а, с. 53–54).

В письменных источниках достаточно четко обозначен военно-административный характер управления в тюркских каганатах (Кычанов Е.И., 1997, с. 113). Согласно имеющимся сведениям, практически все высшие должностные лица были командующими военных подразделений различного уровня (Горбунов В.В., 2007, с. 86–88). На наш взгляд, данная ситуация не является объективной и соответствующей достаточно высокому уровню развития империй номадов второй половины I тыс. н.э. В сложно организованных политических объединениях военная и управленческая власть,

как известно, не могла быть сосредоточена в одних руках. Необходим был разветвленный аппарат, включавший и должности «чиновников», деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом. Данный тезис находит подтверждение в результатах анализа погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

При выделении социальных моделей мужских погребений достаточно четко обозначилась не только имущественная дифференциация населения, но также различия в профессиональной деятельности умерших при жизни. Прежде всего, обратим внимание на памятники «высшей» элиты (группа I). Даже на материалах трех погребений, объединенных в рамках этой модели, фиксируется принадлежность умерших к двум основным «ветвям» элиты номадов – военной и той, которую можно условно обозначить как управленческая или «чиновничья». Различное прижизненное положение людей отражено, главным образом, в соотношении предметов вооружения и «комплекса богатства». В погребениях кургана №1 могильника Курай-IV и кургана №3 некрополя Туэкта минимальное количество оружия сочеталось с исключительным по составу «комплексом богатства», а также присутствием ряда предметов, отражающих властные полномочия людей (котел, плеть и др.). Погребение, исследованное на памятнике Балык-Соок-I (курган №11), помимо схожего по характеру инвентаря, включало редкие предметы вооружения (копье, защитный доспех), что, вероятно, отражало принадлежность умершего к военной элите раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Отмеченные тенденции находят подтверждение и на большем материале. Выделены две группы погребений (модели III и IV), отличительным признаком которых является минимальный состав вооружения и весьма насыщенный набор предметов, включенных в «комплекс богатства». При этом достаточно четко фиксируются объекты (модель V), в ходе исследования которых обнаружен исключительный состав вооружения и ограниченное количество предметов торевтики и других изделий, отражающих материальный достаток. Весьма интересной является группа VI, объединяющая погребения, содержащие в

составе сопроводительного инвентаря разнообразное оружие в сочетании с полным отсутствием предметов, включенных в «комплекс богатства». Очевидно, что в данном случае представлены могилы профессиональных воинов, командующих подразделениями определенного уровня.

Вместе с тем, выделена группа «элитных» погребений (модель II), объединяющих как исключительный по качеству и количеству состав оружия, так и достаточно насыщенный набор предметов из «комплекса богатства». По всей видимости, эти объекты принадлежали кочевникам, соединявшим в своих руках как военные, так и наиболее высокие управленческие функции.

Следует признать, что право на существование имеет и другая интерпретация зафиксированных отличий. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с отражением существования «двойной» элиты – феномена, который является достаточно распространенным в обществах номадов, однако изучен еще недостаточно (Кондрашов А.В., 2004а, с. 22; Тишкин А.А., 2005а, с. 53–54). «Богатые» погребения раннесредневековых тюрок с минимальным набором вооружения могли принадлежать местной элите, которая не относилась к правящему роду Ашина и выполняла определенные управленческие функции.

Ранее уже отмечалось, что изучение особенностей существования элиты раннесредневековых кочевников по материалам археологических памятников имеет определенную специфику по сравнению с исследованиями, в которых рассмотрены комплексы высших слоев социума номадов раннего железного века. Социальная дифференциация средневекового общества менее четко отражена в погребальной обрядности по сравнению с традициями, характерными для многих культур скифо-сакского и хуннуско-сяньбийского времени. В частности, «элитные» погребения уже не столь резко отличались от памятников, принадлежавших рядовым кочевникам. Проявляется это, главным образом, в снижении объема трудозатрат, уменьшении числа захороненных лошадей, почти полном отсутствии сопроводительных погребений зависимых людей, ограничении качественных и количественных показателей по отношению к помещаемым в погребение вещам.

Исследователи неоднократно отмечали обозначенную особенность и по-разному ее объясняли. В.М. Массон (1976, с. 175–176) предположил, что для погребальной обрядности развитых обществ характерен больший рационализм в использовании материальных ценностей, что привело к сокращению затрат и на сооружение «элитных» комплексов. С.С. Матренин и А.А. Тишкин (2005, с. 158) среди причин, обусловивших сокращение объема трудозатрат на осуществление процедуры захоронения населением булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, назвали изменение социально-экономической ситуации и религиозно-мифологической концепции, низкий уровень консолидации номадов региона, а также их зависимость от кочевых империй Центральной Азии.

Соглашаясь со справедливостью замечаний указанных авторов, выскажем точку зрения, дополняющую их наблюдения (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 125–126). На наш взгляд, обозначенная ситуация в период раннего средневековья может быть связана с усложнением структуры общества номадов, а также с усовершенствованием политической организации кочевников. На данном этапе развития общества скотоводов исчезает столь значительный разрыв между представителями элитных слоев различных уровней, появляется разветвленный аппарат управления, причем основные характеристики центральных органов воспроизводятся на местах. Закономерным процессом стало также увеличение численности людей, относящихся к привилегированным слоям общества номадов, что привело в некоторых случаях к «перепроизводству политической элиты» (Васютин С.А., 2005а, с. 58; 2010, с. 53). Поэтому произошла определенная нивелировка и в отражении прижизненного статуса кочевников в погребальной обрядности. Отметим, что уровень развития организации общества тесно связан с повышением политической консолидации номадов, которая проявляется в унификации типов сооружений, стандартизации ритуала и т.д. Именно такая ситуация зафиксирована при изучении погребальных комплексов раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона.

В то же время фигура верховного правителя по-прежнему оставалась сакральной и отделенной от простых смертных (Васютин С.А., 2004; Кляшторный С.Г., 2004). Поэтому, по всей видимости, погребения каганов (возможно, даже шире – представителей высших слоев элиты кочевых империй), до сих пор не известны исследователям. Исключение составляют мемориальные комплексы Монголии, уменьшенные и упрощенные воспроизведения которых фиксируются на территории Алтае-Саянского региона (Войтов В.Е., 1996, с. 12). На наш взгляд, имеется несколько возможных объяснений такой ситуации: 1) локализация погребальных памятников элиты кочевников на территории, до сих пор не охваченной масштабными раскопками (Северо-Западная и Западная Монголия); 2) отличие обряда захоронения у представителей высших слоев социума каганатов от других кочевников. В связи со вторым предположением, не лишенной смысла представляется точка зрения Л.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) о том, что члены рода Ашина придерживались несколько иных религиозных представлений, нежели основная масса кочевников, а данное обстоятельство, несомненно, влияло и на обрядовую практику. Возможно, решение обозначенной проблемы связано с дальнейшим изучением «каганских» комплексов, расположенных на территории Монголии. Так или иначе, на сегодняшний день обозначенный вопрос остается открытым.

Рассмотрение локализации памятников высших слоев общества раннесредневековых тюрок позволяет утверждать, что абсолютное большинство «элитных» погребений расположено на территории Алтая. Некоторые объекты обнаружены неподалеку от мест сосредоточения «царских» курганов скифо-сакского времени (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 8–15). Такая ситуация, безусловно, не случайна и требует отдельного рассмотрения. Отмеченную закономерность можно объяснить стремлением раннесредневековых кочевников продемонстрировать свое привилегированное положение связью с предками-представителями высших слоев общества прошлых эпох, подтвердить легитимность на конкретной территории, и др. Тенденцией противоположного характера является сравнительная «бедность»

большинства погребальных комплексов, исследованных на территории Минусинской котловины. Судя по всему, данное обстоятельство объясняется кратковременностью привилегированного положения тюрок в этой части Алтае-Саянского региона и спецификой дальнейшей истории номадов в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

4.6. Сложение и трансформации социальной системы тюрок

Важным этапом реконструкции социогенеза древних и средневековых народов является изучение динамики их общественной системы, определение направлений эволюции социальных институтов и структур. Выход на данный уровень интерпретации материалов должен основываться на результатах многоаспектного исследования всех групп источников и проведенного анализа всех элементов организации рассматриваемого общества.

Исследования, направленного на детальную реконструкцию динамики социальной организации раннесредневековых тюрок Центральной Азии, до сих пор не предпринималось. Вместе с тем, имеются работы, в которых представлен опыт анализа этапов политогенеза номадов региона второй половины I тыс. н.э., что неизбежно требовало от археологов и историков учета эволюции различных компонентов социальной системы. Кроме того, в значительном количестве исследований отечественных и зарубежных ученых раскрыты многие аспекты общей концепции социальной истории раннесредневековых тюрок. Некоторые наблюдения ученых представляются весьма ценными и требуют отдельного рассмотрения.

В работах многих специалистов, занимавшихся изучением различных аспектов истории центрально-азиатских тюрок, отмечалось присутствие в устройстве политических объединений раннесредневековых номадов целого ряда характеристик, фиксирующихся у кочевых общностей более раннего времени – хунну, сяньби и жужаней (жуань-жуаней). Наиболее категорично

данную мысль выразил П. Пельо, подчеркнувший, что своим государством тюрки обязаны жужаням (Кычанов Е.И., 2010, с. 125). Другие исследователи обращали внимание на конкретные черты политического и, в меньшей степени, социального устройства тюрок, происхождение которых может быть связано с наследием народов региона предшествующего периода.

По мнению ряда исследователей, ярким примером восприятия тюрками опыта политической организации сяньби и жужаней стало использование титулов «каган», «эльтебер» и «иркин» (Бернштам А.Н., 1946, с. 83; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 174; Кычанов Е.И., 2010, с. 94; и др.). Заметно продолжение традиций номадов хуннуско-сяньбийско-жужанского времени в принципах организации войска. Отмечено, что десятичная военно-административная система была заимствована раннесредневековыми тюрками у жужаней (Худяков Ю.С., 2007б, с. 57). Так же, как и у кочевников центрально-азиатского региона предшествующего времени, элитным родом войск во второй половине I тыс. н.э. была тяжеловооруженная конница (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 95, 97; Худяков Ю.С., 2007б, с. 119).

Помимо факта восприятия тюрками Центральной Азии наследия кочевых народов хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, исследователи подчеркивали влияние, оказываемое на раннесредневековых номадов со стороны Согда и Китая. Не вызывает сомнений особое значение воздействия Поднебесной империи на политическую и социальную организацию кочевников, особенно в период их зависимости (Бернштам А.Н., 1946, с. 10; Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 171; Кычанов Е.И., 2010, с. 140–141).

Фрагментарность представленных наблюдений исследователей в значительной степени связана с характеристиками письменных источников по социальной истории раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Китайские хронисты не ставили перед собой задачу проследить развитие общества номадов, акцентируя внимание, главным образом, на перипетиях внешней политики. В тюркских рунических текстах, содержащих весьма ценную информацию о социальном устройстве объединений кочевников, в большей части описывается

довольно короткий период существования Второго Тюркского каганата, что не оставляет возможности для сравнения уровня организации социума скотоводов в разное время. Кроме того, в историографии рассматриваемого вопроса отсутствует опыт анализа археологических материалов, которые в большей мере могут демонстрировать динамику процессов социогенеза раннесредневековых тюрок. Обозначенный подход привел к тому, что из общей, и без того весьма неполной, картины развития общества номадов практически полностью «выпали» периоды, не освещенные в письменных источниках, например, этап формирования социума, а также время, когда тюрки входили в состав каганатов уйгуров и кыргызов.

Именно поэтому при исследовании эволюции социальной системы номадов мы опирались, главным образом, на результаты анализа материалов раскопок археологических комплексов, с учетом общей концепции развития общества раннесредневековых тюрок Центральной Азии, в разной степени представленной в династийных хрониках и рунических текстах.

В социальной истории раннесредневековых тюрок центрально-азиатского региона представляется возможным выделить несколько основных периодов, характеризующихся различным уровнем консолидации номадов, дифференциации общества, степенью политической самостоятельности кочевников и др.:

1) докаганатский период (до 552 г.);

2) период Первого каганата (552–630 гг.);

3) период зависимости от Китая (630–682 гг.);

4) период Второго каганата (682–744 гг.);

5) период существования тюрок в составе каганатов уйгуров и кыргызов (вторая половина VIII–XI вв.) (Серегин Н.Н., 2014а, д).

Как известно из китайских династийных хроник, в 460 г. произошло переселение определенной группы населения, легендарных «500 семейств Ашина». Вероятно, данная акция не была единичной в политике жужаней, и подобные спланированные перемещения племен носили системный характер

(Худяков Ю.С., 2007а, с. 23). После переселения Ашина сумели не только адаптироваться в новых условиях, но и консолидировать вокруг себя местных кочевников, создав мощное объединение, способное спустя столетие коренным образом изменить политическую ситуацию в степи. Данный этап социогенеза тюрок в наименьшей степени обеспечен источниками и материалами, однако значение его трудно переоценить – именно в это время закладывались основы нового общества и предпосылки образования одной из крупнейших кочевых империй региона.

Сведения письменных источников не позволяют точно локализовать территорию, где происходило смешение семейств Ашина с местным населением и формирование этноса и культуры тюрок, называя лишь Алтай с возможностью широкого толкования. Однако, судя по имеющимся археологическим материалам, это была территория Горного Алтая, на которой раскопаны на сегодняшний день наиболее ранние археологические комплексы культуры раннесредневековых тюрок, объединяемые в рамках кызыл-ташского этапа (вторая половина V – вторая половина VI вв. н.э.) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б; Тишкин А.А., 2007; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б).*

В распоряжении исследователей в настоящее время нет материалов, позволяющих определить уровень социального развития и политической консолидации «500 семейств» Ашина до переселения их на Алтай. Перспективы получения такой информации связаны с проведением системных раскопок на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) – региона, с определенной долей вероятности обозначаемого как место первоначального формирования рассматриваемой группы населения (ганьсуйско-гаочанский этап ранней истории тюрок) (Кляшторный С.Г., 2003, с. 149–160). Пока же имеет смысл обратиться к археологическим материалам Алтая предтюркского времени.

* В ходе недавних полевых работ на территории Западной Монголии были раскопаны тюркские «поминальные» объекты, датировка которых на основании характерных конструкций, а также обнаруженных предметов может быть предварительно определена в рамках второй половины V – VI вв. н.э. (Турбат и др., 2016). Эти данные свидетельствуют о том, что обозначенный регион входил в область формирования культуры номадов, а также позволяют рассчитывать на получение подобных материалов в ходе будущих исследований. Благодарим проф. Ц. Турбата за возможность ознакомиться с неопубликованными результатами раскопок.

Целесообразность такого экскурса определяется тем несомненным влиянием, которое оказали местные кочевники на пришлые племена. Сравнительный анализ результатов исследования памятников Алтая второй половины IV–V вв. (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры) и кызыл-ташского этапа культуры тюрок показал определенную степень генетической преемственности между данными группами населения, проявившуюся, главным образом, в предметном комплексе, и в меньшей степени – в погребально-поминальной обрядности (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016). Кроме того, материалы раскопок памятников кудыргинского этапа (вторая половина VI – первая половина VII вв.) показывают, что часть населения булан-кобинской культуры Алтая была включена в военные операции тюрок середины VI в. (Серегин Н.Н., 2014г; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

Влияние жужаней как фактор социального развития тюрок на начальном этапе формирования общности неоднократно подчеркивался исследователями (см. выше). При этом полностью игнорировалось воздействие на формирование нового социума местных кочевников Алтая, гораздо более многочисленных, по сравнению с пришлой группой. Исследованию общественной организации населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени посвящен ряд работ. Детальный анализ социальной системы булан-кобинской культуры предпринят С.С. Матрениным (2005в), однако некоторая часть полученных им результатов, характеризующих уровень развития племен региона предтюркского времени, осталась неопубликованной, что определяет необходимость непосредственного обращения к археологическим материалам второй половины IV – V вв.

Погребальные комплексы верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры исследованы на некрополях Верх-Уймон, Катанда-I, Чендек, Яломан-II, Дялян, Кок-Паш, Верх-Еланда-II, Усть-Бийке-III (Гаврилова А.А., 1965; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Соенов В.И., 2000; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов

В.В., 2003а; 2005). Захоронения второй половины IV – V вв. на обозначенных памятниках, расположенных в различных частях Алтая, характеризуются высокой степенью вариабельности зафиксированных показателей погребального обряда, что, вероятно, отражает существование локальных групп населения (небольших племен или кланов) (Матренин С.С., 2005а; Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016). Выделяются погребальные комплексы местной элиты, а также захоронения воинов, демонстрирующие достаточно высокий уровень милитаризации номадов региона. В целом, племена, населявшие Алтай в предтюркское время, представляли собой сложную общность, своего рода конфедерацию, характеризующуюся многоуровневой структурой. Судя по всему, переселение семейств Ашина произошло как раз в то время, когда местное население, находившееся на довольно высоком уровне развития, не было консолидировано (Серегин Н.Н., 2013ж, с. 130–131).

Далее обратимся к возможностям социальной интерпретации археологических материалов раннего кызыл-ташского этапа археологической культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв. н.э.). Погребения этого периода, раскопанные на некрополях Усть-Бийке-III, Яконур, Верх-Еланда-I, Ороктой, Боротал, Узунтал-I (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1982; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Худяков Ю.Ф., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; Кубарев Г.В., 2005), гораздо менее представительны в количественном отношении. Кроме того, известна серия «поминальных» объектов, специфика которых представлена в параграфе 3.3. диссертации.

Результаты раскопок погребальных комплексов тюрок Алтая кызыл-ташского этапа демонстрируют сравнительно низкий уровень социальной дифференциации оставившего их населения. Памятники немногочисленны и разрознены, характеризуются вариабельностью норм обрядовой практики. Следует отметить наибольшую простоту в оформлении погребальных конструкций. Курганные насыпи, чаще всего, представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая

сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленная процессами формирования новой общности кочевников. Вместе с тем, к середине VI в. происходит сложение стандарта погребальной практики, характерной для дальнейших этапов развития археологической культуры тюрок. Кроме того, появляются погребения профессиональных воинов, отличавшиеся представительным набором предметов вооружения (Грязнов М.П., 1940; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б; 2005).

В целом, обозначенные археологические материалы вполне адекватно отражают период становления традиций новой общности, постепенной консолидации кочевников и сложения многокомпонентного политического и социального образования. Последующие этапы социогенеза тюрок происходили уже не только на Алтае – в них, помимо соседних кочевых племен, были включены значительные группы населения на отдаленных территориях.

Одним из ключевых событий раннесредневековой истории Центральной Азии стало создание в 545–552 гг. Первого Тюркского каганата, объединившего большое количество разноэтничных племен. Перипетии политической истории тюрок, связанные с формированием кочевой империи, активной военной экспансией и внутренними междоусобицами, представлены в письменных источниках и достаточно подробно рассмотрены исследователями (Кляшторный С.Г., 2003, с. 90–95; Гумилев Л.Н., 1967, с. 9–245; и мн. др.). Период гегенемонии номадов продолжался недолго. Крушение восточной (центрально-азиатской) части политического объединения тюрок произошло в 630 г. В 650 г. в результате похода китайского экспедиционного корпуса было ликвидировано последнее тюркское владение в Алтайский горах, основанное Чеби-каганом.

Анализ сведений письменных источников, а также рассмотрение общей логики развития кочевой империи позволяют утверждать, что основным направлением эволюции социальной системы тюрок во второй половине VI в.

стало ее усложнение за счет включения многочисленных племен и групп населения в результате активной военной экспансии номадов (Серегин Н.Н., 2018а). Судя по имеющейся информации, в ряде случаев тюрки не меняли основ организации подчиненных социумов, в том числе сохраняли местную элиту, однако оставляли наместников на покоренных территориях. Кроме того, важным процессом стало усиление консолидации собственно тюркского социума в условиях необходимости контроля подчиненных племен, и при этом неизбежность дисперсного расселения немногочисленных кочевников, вынужденных удерживать обширные территории.

Археологические материалы иллюстрируют эти и другие процессы лишь отчасти. Основной характеристикой погребальных и «поминальных» памятников эпохи Первого каганата является их немногочисленность, на первый взгляд, идущая вразрез с логикой исторических событий. Действительно, период высшего могущества тюрок, распространивших свою власть на значительные территории, получил отражение в археологических материалах весьма фрагментарно. Вместе с тем, погребальные комплексы, а также, в меньшей степени, объекты поминального характера, имеют большое значение как для подтверждения сведений письменных источников, так и для конкретизации отдельных аспектов социальной истории номадов.

Большая часть погребальных комплексов тюрок эпохи Первого каганата (вторая половина VI – первая половина VII вв.) раскопана на территории Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., 1990; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Кубарев Г.В., 2011б; и др.). Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры, но и как базы для первых военных походов кочевников. За пределами Алтая захоронения тюрок довольно немногочисленны. Всего несколько таких объектов исследованы на территории Тувы (Грач А.Д., 1960а, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5). Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии.

Небольшая серия погребений эпохи Первого каганата исследована в различных районах Средней Азии и Казахстана (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; и др.). Кроме того, особая группа захоронений эпохи Первого каганата, демонстрирующая сложение локального варианта культуры тюрок, зафиксирована на территории Минусинской котловины (Киселев С.В., 1927; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999; Худяков Ю.С., 1999).

Относительная немногочисленность погребений тюрок второй половины VI – первой половины VII вв., в некоторой степени понятная для предшествующего периода (формирование культуры, становление традиций обряда и др.), сложно объяснима для комплексов эпохи Первого каганата, отражающих историю общности кочевников в период ее наивысшего могущества. Нельзя исключать, что памятники данного этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую изученность Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых второй половиной VI – первой половиной VII вв., связано с высокой подвижностью кочевников, обусловленной в том числе активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть номадов на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов – кенотафов, а также каменных оградок, по ряду показателей напоминающих «символические» погребения.

Так или иначе, обозначенные характеристики погребальных комплексов тюрок эпохи Первого каганата существенно снижают возможности их социальной интерпретации. Дополнительным фактором, осложняющим наблюдения в указанном направлении, является унификация обрядовой практики номадов, наблюдавшаяся уже в это время. При этом следует отметить, что стандартизация погребального ритуала отражает процессы консолидации кочевников, закономерность которых в данный период отмечена выше.

Материалы раскопок погребальных комплексов эпохи Первого каганата демонстрируют общее усиление социальной дифференциации общества номадов. Фиксируются как захоронения с весьма скудным инвентарем, так и объекты, предметный комплекс которых отражает достаточно высокое прижизненное положение умершего человека. Среди престижных категорий изделий из отдельных погребений отметим поясные наборы (Кибиров А.К., 1957; Курманкулов Ж.К., 1980; и др.), а также украшения конского снаряжения (Гаврилова А.А., 1965; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, 2000). Показателем динамики структуры общества тюрок стало распространение захоронений профессиональных воинов, в которых зафиксирован представительный набор вооружения (Гаврилова А.А., 1965).

Иллюстрацией усложнения социума номадов является формирование «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок. Это демонстрирует продолжающиеся процессы сложения общности кочевников. Особое значение в этом плане имеет то, что одним из компонентов локального варианта на Среднем Енисее были, судя по имеющимся материалам, носители традиций булан-кобинской культуры Алтая предтюркского времени, ставшие, таким образом, частью этносоциального организма (Серегин Н.Н., 2014г). Детализация этих процессов затруднительна в связи с ограниченностью археологических комплексов, однако представляется возможным предположить,

что на подобных периферийных территориях устанавливались формы социальной и политической организации, схожие с таковыми в центре каганата.*

Несмотря на обозначенные процессы трансформации общества тюрок эпохи Первого каганата следует признать, что большая часть погребений второй половины VI – первой половины VII вв. принадлежит рядовым членам социума. Некоторую информацию об элите номадов данного периода предоставляют материалы исследований мемориальных комплексов на территории Монголии. Такого рода объекты, относящиеся к эпохе Первого каганата, весьма немногочисленны и изучены далеко не полно, однако, очевидно, что они представляют собой важный источник для реконструкции особенностей социальной системы раннесредневековых тюрок.

Судя по имеющимся материалам (Войтов В.Е., 1996, с. 27–30; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 33–66), мемориальные комплексы элиты тюрок Монголии второй половины VI – первой половины VII вв. представляли собой довольно сложные и масштабные сооружения, включавшие такие конструктивные элементы, как вал, ров, каменная насыпь, ряд балбалов, а также остатки своего рода храмов, от которых сохранились многочисленные обломки черепицы и основания деревянных колонн. На сегодняшний день одним из немногих, если не единственным, мемориальным памятником Монголии, уверенно датируемым эпохой Первого каганата, является Бугутский комплекс, важная часть которого – известная стела с надписями на согдийском языке и санскрите. Различным аспектам интерпретации данного объекта посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Кореняко В.А., 2001; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 39–54; Bazylkhan N., 2011; Drompp M.R., 2011; и др.), поэтому ограничимся рассмотрением лишь наиболее важных характеристик данного памятника, показательных для исследования социальной истории раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

* Более подробный анализ специфики памятников тюрок Минусинской котловины представлен в параграфе 5.2. диссертации.

Прежде всего, следует отметить, что в надписи на Бугутской стеле, относящейся к последней четверти VI в., приведена некоторая информация о специфике устройства тюркского общества. Автору надписи социально-политическая иерархия кочевников представляется следующим образом: каган, его сородичи, шадапыты, тарханы, куркапыны, тудуны, конные воины, народ в целом (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 132).

Специфика Бугутской стелы заключается в согдийской и санскритской надписях, появившихся в отсутствии тюркской рунической письменности в VI в. (Кореняко В.А., 2001, с. 363). Важная роль согдийцев и их высокие позиции в социально-политической системе Первого каганата отражены уже китайскими летописцами (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 143–144). Включение группы иноземцев в иерархию номадов лишний раз демонстрирует сложность и многокомпонентность последней.

Особого рассмотрения заслуживает также проблема определения степени влияния Китая на формирование и первоначальное становление социально-политической системы тюрок. Данный вопрос представляет собой самостоятельную тему для исследования, и решение его осложняется ограниченностью имеющихся материалов. Вместе с тем, нет никаких сомнений в том, что влияние китайской культуры на общество номадов, особенно на элиту кочевников, было весьма ощутимым. Некоторые сведения в указанном направлении предоставляют материалы исследований археологических объектов. Так, рассмотренные выше мемориальные памятники элиты второй половины VI – первой половины VII вв. демонстрируют высокую степень подражания традиционным китайским комплексам. По заключению В.А. Кореняко (2001, с. 365–366), Бугутская стела, как и подобные ей более поздние поминальные объекты Монголии, являются уменьшенным и несколько упрощенным воспроизведением китайских стел, получивших распространение в Поднебесной империи уже с VI в.

Таким образом, социальная организация тюрок в эпоху Первого каганата предстает как сложная система, включающая различные компоненты.

Археологические материалы отражают процессы трансформации общества кочевников крайне фрагментарно, однако дополнение этих отрывочных данных сведениями письменных источников позволяет сформировать более или менее объективную картину развития социума кочевников.

Следующим периодом в истории тюрок, который также можно рассматривать как особый этап социогенеза номадов, является время их зависимости от Китая после крушения Восточного каганата в 630 г. Изменения социально-политической организации кочевников, происходившие в этот период, связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи (Серегин Н.Н., 2014в). Из династийных хроник известно, что, согласно решению императора, тюрок было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальних военных походов (Бичурин Н.Я., 1950, с. 256–258). Эта информация находит подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Тюркского каганата и сообщающих, что номады «стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «пятьдесят лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» (Малов С.Е., 1951, с. 37; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 39–40). Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось созданием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников (Кляшторный С.Г., 2003, с. 95–97; Гумилев Л.Н., 1967, с. 208–209). При этом сохранялось значение и высокое положение представителей прежней элиты номадов, получивших соответствующие должности (Кычанов Е.И., 2010, с. 115).

Имеющиеся источники не позволяют подробно рассмотреть изменения социальной системы тюрок в период зависимости от Поднебесной империи. При оценке этих процессов следует учитывать, что тесное и разноплановое взаимодействие с Китаем к этому времени имело уже давнюю историю, некоторые аспекты которой отражены выше. К примеру, показательна активная внешняя политика правителей династии Суй, состоявшая в целенаправленной системе подкупов-подарков представителям элиты номадов, заключении

междинастийных браков и др. Не меньшее значение имело проникновение в среду кочевников (причем, здесь уже имеются в виду не только представители высших слоев общества) различных элементов китайской культуры. Весьма ярко и образно влияние Поднебесной империи отражено в рунических текстах VIII в., сообщающих о «коварных, хитрых и склонных к обману» чужеземцах, а также о «сладких речах и мягких шелках», которые обрекли на гибель тюркский народ (Малов С.Е., 1951, с. 34–35; Тугушева Л.Ю., 2008, с. 36, 39). Поэтому, учитывая обозначенные факторы, представляется возможным утверждать, что коренной перестройки социальной системы тюрок в 630–679 гг. не произошло; принципиальные изменения наблюдались скорее в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Судя по всему, на окраинах кочевых империй, в том числе, на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена номадов сохранили значительную степень независимости, находясь на отдалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров (Серегин Н.Н., 2014в).

До недавнего времени археологические материалы предоставляли крайне мало информации для детализации обозначенных процессов. Анализ раскопок погребальных комплексов тюрок Центральной Азии, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, в некоторой степени иллюстрирующие этот период истории кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) (Данилов С.В. и др., 2010; Бураев А.И., 2012, 2016) и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (Алтынбеков К., 2011; Очир А. и др., 2013).* Нет сомнений, что изучение результатов раскопок

* В отечественных, монгольских и англоязычных публикациях, в том числе подготовленных авторами раскопок, наблюдается разнобой в обозначении рассматриваемых «элитных» комплексов тюркского времени. Во избежание путаницы в диссертации используются развернутые наименования объектов.

этих комплексов, не имеющих аналогий в раннесредневековой археологии, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем, уже накоплен определенный опыт изучения обозначенных комплексов (Серегин Н.Н., 2015в; 2017е). Судя по имеющимся сведениям, эти памятники не оставлены непосредственно тюрками – по крайней мере, первый из упомянутых объектов, в ходе изучения которого зафиксирована эпитафия, выполненной китайскими иероглифами и обнаруженная на двух плитах перед входом в погребальную камеру (Очир А. и др., 2013а, с. 97–126; Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц., 2015, с. 457–462). Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для главы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус. Вместе с тем, «элитные» памятники могут быть использованы для рассмотрения общих тенденций истории обществ номадов в середине – третьей четверти VII в.

Материалы раскопок обозначенных объектов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по сути являются скорее китайскими. Конструктивные особенности комплексов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка со входом на юге и др.), глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Кочевнический» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) (Очир А. и др., 2013, 58 дугаар зураг).

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках и в общем виде представленную выше. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии в областях, населенных кочевниками, но находившихся в подчинении у императоров

Поднебесной империи. Детализировать процессы взаимодействия номадов с Китаем позволит дальнейшее изучение эпитафии из мавзолея Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I), а также исследование других подобных объектов.

Политическая зависимость тюрок от Китая продолжалась сравнительно недолго. В 679–689 гг. кочевники в результате упорной борьбы восстановили каганат. Наивысшие подъемы политического могущества Второго Тюркского каганата относятся к 691–716 и 721–734 гг. (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 101, 109). При этом непродолжительное время существования кочевой империи (до 744 г.) было наполнено постоянными военными столкновениями практически на всех направлениях – как с другими кочевыми племенами, так и с Китаем. Несмотря на короткие периоды стабильности, именно в это время в каганате сложились те формы организации общества, которые наиболее подробно известны из рунических текстов. Различные стороны социальной организации номадов Второго Тюркского каганата по письменным источникам неоднократно рассматривались исследователями (Бернштам А.Н., 1946; Ганиев Р.Г., 2006; Кычанов Е.И., 2010, с. 114–144; и др.), поэтому имеет смысл обратиться к более фрагментарно изученным в этом отношении археологическим материалам.

К периоду существования Второго Тюркского каганата относится большая часть исследованных погребальных комплексов, предоставляющих значительный объем информации для реконструкции различных аспектов социальной истории номадов. Материалы раскопок памятников этого периода демонстрируют наивысшую степень сложности общества, по сравнению с захоронениями предшествующего времени. Погребальные комплексы последней трети VII – первой половины VIII вв. отражают существование различных слоев населения, а также гендерную, возрастную и профессиональную дифференциацию социума номадов. По сути, большая часть наблюдений и выводов, сделанных в области исследования структуры и организации общества тюрок по материалам погребальных комплексов, основана на результатах анализа памятников данного периода.

Важным показателем развития общества тюрок, которое наглядно демонстрируют материалы погребальных комплексов эпохи Второго Тюркского каганата, является дифференциация социума, связанная с неодинаковым «статусом» племен кочевников, проживавших на различных территориях. Вероятно, такая ситуация была обусловлена сложным этническим составом общности номадов в рассматриваемое время. Так, наиболее «элитные» погребальные комплексы второй половины VII – первой половины VIII вв. раскопаны на территории Алтая (Савинов Д.Г., 1994в; Могильников В.А., 1997а; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003; и др.). Серия сопоставимых объектов, материалы которых, однако, несколько менее представительны, исследована в Туве и Монголии (Боровка Г.И., 1926; Евтюхова Л.А., 1957; Грач А.Д., 1958б; Длужневская Г.В., 2000). В период существования Второго Тюркского каганата наиболее полно раскрылся периферийный характер общества тюрок на территории Минусинской котловины. Показателем такой ситуации является почти полное отсутствие в погребениях «престижных» категорий предметов, в том числе импортных изделий. Вместе с тем, в указанном регионе также существовала местная элита, наличие которой демонстрируют материалы раскопок отдельных комплексов (Тетерин Ю.В., 1999).

Также периодом Второго Тюркского каганата датируется большая часть мемориальных комплексов знати, изученных на территории Монголии (Войтов В.Е., 1996; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006). По наблюдениям В.Е. Войтова (1996), материалы исследований этих памятников отражают дифференциацию элиты кочевников, о чем свидетельствует вариабельность фиксируемых конструктивных элементов сложных сооружений. Такая ситуация подтверждается сведениями о титулатуре номадов, приведенными в тюркских рунических текстах, которые обнаружены на отдельных мемориальных комплексах. Рассматриваемые памятники демонстрируют сохраняющееся влияние культуры Китая на элиту тюрок. Хрестоматийными можно считать сведения о том, что в сооружении, по крайней мере, нескольких объектов приняли участие китайские мастера (Малов С.Е., 1951; Тугушева Л.Ю., 2008).

Увеличение количества мемориальных комплексов знати, расположенных в центре каганата, является не только показателем трансформации общества номадов и усложнения структуры социума кочевников, но также демонстрирует рост числа представителей высших уровней военно-политической иерархии. Процесс «перепроизводства элиты» – явление, известное не только не только для тюрок, но также и для других кочевых империй Центральной Азии (Крадин Н.Н., 2001, с. 221; Крадин Н.Н., 2006, с. 507–508; Васютин С.А., 2005а, с. 58; Васютин С.А., 2010, с. 53) – мог стать одной из причин кризисных явлений, приведших к крушению Второго каганата.

После падения каганата в 744 г. тюрки вошли в состав политических объединений уйгуров (745–840 гг.) и кыргызов (840 – около 950 гг.). Политическая и социальная общность кочевников была разрушена. Номады продолжали существовать в виде обособленных групп, статус которых определялся степенью включения территории, на которой они проживали, в бурные процессы борьбы за гегемонию в Центральной Азии. Так, Монголия, Тува и Минусинская котловина были регионами, в которых в разное время располагались политические центры уйгуров и кыргызов, поэтому возможности консолидации общества тюрок в указанных областях были весьма ограниченны. Значительно большей степенью самостоятельности обладали номады Алтая, не вовлеченные в перипетии перманентного противостояния кочевых племен в последней четверти I тыс. н.э. Судя по всему, обозначенный регион не вошел в состав Уйгурского каганата, и был присоединен к государству кыргызов лишь номинально (Кубарев Г.В., 1998б, с. 292–293; Тишкин А.А., 2007, с. 199–200; Худяков Ю.С., 2007а, с. 129).

Данная ситуация в полной мере находит подтверждение в археологических материалах, которые, в условиях почти полного отсутствия письменных источников по истории тюрок второй половины VIII – XI вв., становятся основой для наблюдений о специфике существования общества номадов. Именно на территории Алтая в рассматриваемый период исследована большая часть известных погребальных и «поминальных» памятников. Важным показателем

является сохранение в указанном регионе местной элиты, что демонстрируют материалы раскопок серии «богатых» погребений (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941). В этих и других захоронениях обнаружены «престижные» категории материальной культуры, в том числе предметы импорта. Вместе с тем, памятники, исследованные на территории Алтая и в сопредельных регионах, отражают процессы «размывания» общества тюрок, влияния со стороны других групп номадов, и постепенного упадка рассматриваемой общности кочевников. Показателем этих процессов можно считать как новации в предметном комплексе, так и отдельные изменения, фиксируемые в погребальной обрядности. Частным примером является распространение на территории Алтая, Монголии и Тувы «одиночных» погребений (без лошади) (Грач А.Д., 1968б; Трифонов Ю.И., 2000; и др.) и скальных захоронений (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1997; Соенов В.И. и др., 2002; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; и др.), большая часть из которых относится к поздним этапам истории тюрок.

Последние сведения о тюрках в письменных источниках относятся к 941 г. (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 110). В целом, X–XI вв. являлись периодом постепенного затухания традиций культуры кочевников и дезинтеграции сохранявшихся элементов социальной системы кочевников на отдельных территориях.

Таким образом, динамика социальной системы тюрок центрально-азиатского региона в значительной степени определялась спецификой политической ситуации на этих территориях. На формирование и трансформации общества номадов оказали серьезное влияние как традиции кочевников предтюркского времени, так и специфика социально-политического устройства могущественного соседа – Поднебесной империи. В свою очередь, тюрки заложили основы для существования Уйгурского и Кыргызского каганатов, определив вектор развития кочевой цивилизации в регионе на несколько столетий.

Глава V. Этнокультурная история тюрок Центральной Азии (по материалам археологических комплексов)

5.1. Формирование культуры тюрок: компоненты, исторический контекст

Проблема происхождения тюрок Центральной Азии – кочевников, в значительной степени определивших политическую и этнокультурную историю региона в раннем средневековье, а также оказавших серьезное влияние на исторические судьбы многих народов Евразии, традиционно привлекает пристальное внимание специалистов различных областей знания. Рассмотрение комплекса вопросов в рамках обозначенной тематики долгое время основывалось на фрагментарных сведениях письменных источников (Кляшторный С.Г., 1965; Гумилев Л.Н., 2002, с. 20–30; и др.). Однако, очевидная ограниченность таких материалов по начальным этапам истории кочевников и низкая степень вероятности появления новых документов определяют важность анализа и комплексной интерпретации результатов раскопок археологических памятников.

Многие исследователи обращали внимание на присутствие в культуре тюрок ряда компонентов, характерных для населения предшествующего периода. При этом в большинстве исследований приводятся наблюдения, сделанные на основе сопоставления археологических материалов Алтая раннего средневековья (культура тюрок) и сяньбийско-жужанского времени (булан-кобинская культура). В числе распространенных тезисов, представленных в научной литературе, следует назвать утверждение о генетической преемственности населения обозначенного региона в различных компонентах материальной культуры, а также отдельных показателях погребального обряда.

Весьма распространенным доводом в пользу тесной связи между булан-кобинской и тюркской культурами является длительное существование на

территории Алтая традиции погребения человека с конем. Наиболее последовательно генетическую преемственность между населением рассматриваемого региона начиная с раннескифского времени, опираясь на указанный элемент обряда, обосновал В.А. Могильников (1992б; 1995). Подобные замечания высказывались ранее (Гаврилова А.А., 1965, с. 57; Савинов Д.Г., 1984, с. 29) и остаются популярными до последнего времени (Соенов В.И., 2007, с. 18). Данный тезис был конкретизирован в диссертации Ю.Т. Мамадакова (1990, с. 18–19), среди задач которой было обозначение связи между «булан-кобинскими и тюркскими традициями». Автор указанной работы на материалах могильника Улита отметил появление в рамках булан-кобинской культуры варианта обряда погребения с лошадью, развитие которого относится к периоду раннего средневековья. К сожалению, результаты раскопок обозначенного некрополя так и не введены в научный оборот, хотя неоднократно упоминались археологом (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 16–17; 1994а, с. 131).

Отметим, что утверждение о преемственности традиции погребения человека с лошадью в раннем железном веке – раннем средневековье не подкреплялось развернутой аргументацией, а сводилось к простой констатации схожести одного из компонентов погребального ритуала. Целенаправленный анализ способа погребения носителей булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени подтвердил значимость рассматриваемого показателя (Матренин С.С., 2005г, с. 43). В то же время была продемонстрирована неоднозначность и сложность отмеченных связей, не сводящихся к прямой преемственности традиций.

Ряд важных наблюдений был сделан специалистами на основе анализа материальной культуры двух общностей номадов. Определенное развитие получила точка зрения о происхождении предметного комплекса тюрок от хунну, в общем виде заявленная в работах исследователей (Худяков Ю.С., 1997, с. 62). Д.Г. Савинов обратил внимание на общие тенденции в развитии материальной культуры кочевников центрально-азиатского региона начиная с

раннего железного века. По мнению археолога, представляется возможным обозначить не только «хуннуский», но и «скифский» пласты в культурогегезе тюрок периода раннего средневековья (Савинов Д.Г., 1998; Савинов Д.Г., 2005а, с. 185–194). Корме того, Д.Г. Савинов отметил появление новых категорий вещей в середине I тыс. н.э. Важные выводы по поводу происхождения комплекса вооружения раннесредневековых кочевников Алтая сделаны В.В. Горбуновым (2003, с. 91; 2006а, с. 91). По мнению указанного автора, основой для формирования паноплии тюрок стали «булан-кобинские» и сяньбийские традиции. Утверждение о наличии ряда новых элементов в предметном комплексе номадов, при учете отдельных компонентов погребально-поминальной обрядности скотоводов, стало основой для выделения раннего кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а–б; Тишкин А.А., 2007, с. 193–194). При его обосновании археологи подчеркнули участие булан-кобинской культуры в сложении объединения тюрок в качестве местного компонента.

Детализация процессов формирования конкретной группы населения возможна путем привлечения данных антропологии. В последние годы появились работы, в которых содержится анализ таких материалов из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского периода и тюркского времени (Поздняков Д.В., 2001; Поздняков Д.В., 2006, с. 19–20). Объем используемых данных остается ограниченным, однако наблюдения специалистов представляются весьма важными. В целом, результаты анализа антропологических материалов подтверждают информацию, изложенную в письменных источниках. Согласно имеющимся сведениям, одним из основных в ходе формирования культуры тюрок был местный компонент, восходящий к племенам булан-кобинской культуры. При этом пришлое население, судя по всему, было связано с более южными территориями.

Дискуссионность вопросов, связанных с соотношением булан-кобинской и тюркской культур, в значительной степени обусловлена тем, что

исследователями практически не фиксируются формы обрядности, которые бы однозначно свидетельствовали о процессах взаимодействия на Алтае местного населения и пришлого «племени Ашина». Тем не менее, целенаправленный анализ результатов исследования погребальных и «поминальных» комплексов тюрок, представленный во второй и третьей главах диссертации, позволяет сделать ряд выводов.

На сегодняшний день можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что наиболее ранние археологические комплексы тюрок, датирующиеся в рамках второй половины V – первой половины VI вв. н.э., локализуются на территории Российского и, в меньшей степени, Монгольского Алтая. В последнем случае единичность известных памятников, очевидно, обусловлена фрагментарностью проведенных полевых исследований. Судя по всему, фиксация археологических комплексов кызыл-ташского этапа культуры тюрок в обозначенном регионе отражает район формирования и первоначального проживания населения рассматриваемой общности. Количество исследованных объектов, относящихся к рассматриваемому времени, весьма незначительно. Вместе с тем, эти объекты в сопоставлении с материалами раскопок памятников населения Алтая предшествующего периода, предоставляют основания для рассмотрения и реконструкции процессов формирования традиций «ранних» тюрок.

Наиболее информативными в этом отношении являются «поминальные» комплексы второй половины V – первой половины VI вв. Их исследование позволило выделить ряд характеристик, демонстрирующих преемственность с обрядовой практикой населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени. Среди отдельных признаков «поминальных» комплексов показательными в этом отношении являются небольшие каменные ящички, а также захоронения лошадей в округлых и, реже, подквадратных оградках. Подобные сооружения получили распространение в культуре тюрок только во второй половине V – первой половине VI вв. и позже практически не

встречаются, за исключением довольно редких случаев фиксации на сопредельных территориях, что отражало распространение традиций номадов Алтая во время первых военных кампаний Первого каганата.

Весьма показательными с точки зрения реконструкции процессов сложения традиций тюрок оказываются материалы раскопок отдельных конкретных памятников. Среди них особое место занимает погребально-поминальный комплекс Кок-Паш в Восточном Алтае (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003). Прежде всего, необходимо указать на то, что Кок-Паш представляет собой один из редких памятников, в составе которого присутствуют объекты предтюркского времени и раннего этапа культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв.). Последние представлены двумя «ритуальными» курганами, а также серией оградок, характеризующихся целом рядом «ранних» черт (нестабильность ориентировок «внеоградных» объектов, наличие миниатюрных каменных ящиков, сооружение смежных оградок и др.). При том, что обозначенные группы объектов демонстрируют разные традиции обрядовой практики, имеются признаки, указывающие на возможную связь между ними. Так, в одном случае тюркская оградка Д сооружена менее, чем в метре от кургана №7 предтюркского времени. Ряд курганов второй половины IV – первой половины V в. имеют наземные конструкции в виде оград, возведенных, в том числе, из установленных вертикально плит. От одной из оград (№40) отходит ряд балбалов (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 179) – особенность, более характерная для периода раннего средневековья. Значительный интерес в контексте хрестоматийных сведений китайских летописей о погребальном обряде тюрок представляет захоронение по обряду кремации, обнаруженное в ходе раскопок кургана №43 (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 180, рис. 28) – единственный достоверно зафиксированный пример реализации такой практики на территории Алтая в объектах первой половины I тыс. н.э. Предварительно можно утверждать, что материалы раскопок комплекса Кок-Паш демонстрируют процессы взаимного

влияния местной и пришлой группы населения, происходившие, судя по имеющимся данным, в середине – второй половине V в.

Проведенный анализ массива имеющихся материалов позволяет утверждать, что в середине I тыс. н.э. на Алтае происходил своего рода «поиск» форм «поминальной» обрядности (Серегин Н.Н., 2016а; 911. Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2018б). Об этом свидетельствует фиксация на раннем этапе культуры тюрок целой группы сооружений («ритуальных» курганов, оградок округлой формы, четырехугольных оградок с нестандартными характеристиками – захоронениями лошадей, необычной ориентировкой внеоградных объектов и др.), которые отличаются от «классических» комплексов тюрок. Нет сомнений в том, что этот процесс был связан с воздействием на обрядовую практику раннесредневековых номадов традиций населения Алтая предшествующего сяньбийско-жужанского времени.

Гораздо менее показательными для изучения этих сложных процессов оказались погребальные комплексы кызыл-ташского этапа. Несмотря на то, что в историографической традиции именно такие памятники считаются наиболее важными, их анализ продемонстрировал обратную ситуацию. В частности, можно утверждать, что обряд захоронения с лошадью у тюрок не имеет столь прочных корней в традициях местного населения. Установлено, что у кочевников булан-кобинской культуры, в отличие от раннесредневековых номадов Алтая, лошади размещались преимущественно в северной части могильной ямы и всегда ориентированы в ту же сторону, что и человек, при этом часто в западный сектор. Кроме того, в сяньбийско-жужанское время животные сравнительно редко укладывались на живот с подогнутыми конечностями (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 61).

Черты погребального обряда тюрок, демонстрирующие возможную преемственность с традициями булан-кобинской культуры Алтая, единичны. В одном случае отмечено помещение лошади над погребением человека (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233), что является

наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016, с. 60). Другим вариантом данной традиции у населения Алтая первой половины I тыс. н.э. было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в самом раннем погребении тюрок, исследованном на территории Тувы (Грач В.А., 1982, рис. 1). Вероятно, с традициями сяньбийско-жужанского времени следует связывать также некоторые «одиночные» захоронения тюрок, в том числе, относящиеся к раннему кызыл-ташскому этапу (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4).

Одним из показателей, отличающих погребальные комплексы тюрок раннего кызыл-ташского этапа от памятников данной культуры более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированной в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых тюрок на Алтае.

Важно подчеркнуть, что наряду с отдельными признаками преемственности, погребальные и «поминальные» памятники тюрок Алтая второй половины V – первой половины VI вв. демонстрируют комплекс показателей, не характерных для кочевников региона предшествующего периода. Несомненно, это свидетельствует о приходе на данную территорию новой группы населения.

Большое значение для решения вопроса о связи булан-кобинской и тюркской культур Алтая имеет анализ предметного комплекса из памятников погребальных и «поминальных» памятников второй половины V – первой половины VI вв. (Приложение III, рис. 79–83). Подробная характеристика всех категорий вещей из обозначенных объектов представлена в Приложении I (с. 126–138). Далее приведены лишь основные выводы, полученные в ходе этой работы.

Рассматривая в целом предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа культуры раннесредневековых тюрок, следует обратить внимание на его гораздо меньшее разнообразие, по сравнению с материалами рассматриваемой общности более позднего времени. В погребениях и «поминальных» оградках Алтая второй половины V – первой половины VI вв. почти полностью отсутствуют украшения, предметы торевтики, изделия из цветных и драгоценных металлов, импорт. Судя по всему, это отражает специфику положения тюрок до создания Первого каганата в условиях определенной зависимости от Жужанской державы, ограниченности внешних контактов и др. Возможно, подобная ситуация обусловлена небольшим количеством раскопанных объектов, и дальнейшие исследования позволят скорректировать сделанные наблюдения.

Вместе с тем, набор предметов из памятников Алтая второй половины V – первой половины VI вв. достаточно выразителен для определения хронологии комплексов. В составе инвентаря из погребений и «поминальных» оградок кызыл-ташского этапа культуры тюрок представляется возможным выделить две основные группы вещей. Первая отражает окончание традиций сяньбийско-жужанского времени, представленных главным образом в материалах раскопок памятников булан-кобинской культуры, и особенно объектов ее позднего (верх-уймонского) этапа (вторая половина IV – первая половина V вв.).

К ***первой группе*** предметов относятся роговые стержневые и изогнутые псалии, большие кольчатые витые (ложновитые) псалии, восьмерковидные гладкие и витые обоймы, круглые бляхи-накладки «с умбоном», бронзовые пряжки со шпеньком и дополнительными поперечно расположенными рамками, колчанные крюки с поперечной планкой, костяные наконечники стрел с втульчатым или раздвоенным насадом, серповидный нож, «ярусные» наконечники стрел, меч с крюковым навершием, боевой нож с череном, наклоненным в сторону лезвия, а также вотивные копии предметов вооружения. Большая часть обозначенных изделий уже практически не встречается в

памятниках кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VI – первая половина VII вв.) (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

Вторая группа предметов сопроводительного инвентаря демонстрирует приход на Алтай в середине I тыс. н.э. нового населения. Отметим следующие изделия: пластинчатые и петельчатые стремена (причем последние, судя по имеющимся данным, могут являться «изобретением» ранних тюрок Алтая), застежки для пут и «блоки для чумбура» определенных форм, прямоугольные бронзовые бляхи-накладки, бронзовые крюки-застежки с шаровидным навершием, более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок, наконечники стрел крупных пропорций с новыми формами пера. Перечисленные предметы не известны в памятниках сяньбийско-жужанского времени и получают дальнейшее развитие в комплексах кудыргинского и последующего этапов культуры тюрок (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016; Серегин Н.Н., 2018г).

Среди «новых» характеристик предметного комплекса тюрок отметим также появление серии «вотивных» предметов. На сегодняшний день сформирована небольшая коллекция подобных находок из тюркских оградок и «ритуальных» курганов, раскопанных на территории Алтая (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-15; Кубарев Г.В., 2018, с. 85–86; и др.). Практически все эти комплексы относятся к начальным этапам развития материальной культуры номадов и датируются в рамках второй половины V – первой половины VII вв. н.э. Имеются также примеры из памятников на сопредельных территориях (Кубарев Г.В., 2016а, с. 430–451). Показательным фактом является то, что феномен создания миниатюрных копий изделий совершенно не был характерен для погребальной практики населения булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, и является на Алтае своего рода «новацией».

Таким образом, имеющиеся материалы весьма наглядно отражают участие в процессе формирования культуры раннесредневековых тюрок двух основных

компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры сяньбийско-жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока археологическими материалами. Вполне вероятно, что следы этой группы будут зафиксированы в ходе целенаправленных археологических исследований на территории Синьцзяна.

Представленные наблюдения очевидным образом демонстрируют приход на Алтай нового населения и могут быть сопоставлены с известными сведениями письменных источников. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жуань-жуани переселили на Алтай племя Ашина. Имеются все основания для утверждения о том, что это и было пришлое население, составившее основу для формирования новой общности – культуры раннесредневековых тюрок. Анализ археологических материалов позволяет также рассматривать вопрос о дальнейшей истории кочевников булан-кобинской культуры.

5.2. Исторические судьбы населения сяньбийско-жужанского времени в контексте процессов культурогенеза тюрок

Сравнительная фрагментарность черт, свидетельствующих о преемственности культур Алтая сяньбийско-жужанского и тюркского периодов, вызывает целый ряд вопросов, связанных с исследованием исторических судеб носителей булан-кобинской культуры. Для этого необходимо обратиться к результатам исследования памятников раннего средневековья, полученным в ходе работ на территории Минусинской котловины.

Специфика процессов культурогенеза, происходивших на территории Минусинской котловины в разные хронологические периоды, обусловленная, в

значительной степени, особенностями географического положения данного региона, неоднократно отмечалась исследователями (Подольский М.Л., 2007; Савинов Д.Г., 2007, с. 213–214). Не является в этом плане исключением раннее средневековье. История Минусинской котловины во второй половине I – начале II тыс. н.э. связывается, главным образом, со становлением общности кыргызов, оказавших большое влияние на политическую и этнокультурную ситуацию в Центральной Азии. Однако не менее важным сюжетом рассматриваемого периода является присутствие на Среднем Енисее тюрок – основателей крупнейших кочевых империй того времени. Несмотря на то, что памятники раннесредневековых тюрок в Минусинской котловине известны с XVIII в., и их исследованию посвящена обширная литература, многие аспекты существования кочевников обозначенной общности в данном регионе изучены весьма фрагментарно.

В работах ряда археологов представлен опыт систематизации материалов раскопок раннесредневековых объектов Минусинской котловины. В числе прочих решался вопрос о времени и обстоятельствах появления тюрок в этом регионе. Наиболее последовательно представлена позиция ученых, придерживающихся точки зрения о том, что носители обряда захоронения в сопровождении лошади проникли на территорию Минусинской котловины не ранее VIII в. (Худяков Ю.С., 1979, с. 199; 2004, с. 89; Нестеров С.П., 1985, с. 118; Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 403; Азбелев П.П., 2009, с. 83). Трактовка исторических обстоятельств при этом различна. По мнению Ю.С. Худякова (1979, с. 205–206; 2004, с. 94), поддерживаемого многими археологами, тюрки появились на Среднем Енисее в результате военного похода 710–711 гг., известного по материалам письменных источников. С.П. Нестеров (1985, с. 118) предположил, что ключевым событием стал распад II Восточно-Тюркского каганата в середине VIII в.

Гораздо менее распространенной является точка зрения о раннем появлении тюрок в Минусинской котловине. Впервые такая позиция была

представлена в монографии А.А. Гавриловой (1965, с. 58–59). Археолог отнесла к «кудыргинскому типу могил» объекты нескольких некрополей Среднего Енисея, включив в круг комплексов этого периода ряд заведомо более поздних памятников. Д.Г. Савинов (2005а, с. 232) датировал ранние погребения тюрок на территории Минусинской котловины VI–VII вв., связав проникновение «какой-то группы алтайского населения на Средний Енисей» с завоеванием владения Цигу Мухан-каганом в середине VI в.

В работах указанных исследователей в той или иной степени раскрыта специфика погребальной и поминальной обрядности тюрок на территории Минусинской котловины, однако объяснения зафиксированным особенностям не представлены. Остались дискуссионными и другие аспекты, частично обозначенные выше. Учитывая важность детальной реконструкции процессов, происходивших на Среднем Енисее, для понимания раннесредневековой истории всего центрально-азиатского региона, очевидна необходимость решения накопившихся вопросов путем проведения специального исследования.

Осуществление объективной реконструкции процессов формирования конкретной общности по археологическим источникам требует анализа материалов всех известных памятников. При этом наиболее информативными являются хронологически ранние объекты, сохранившие совокупность показателей, отражающих сложение характерных черт обрядовой практики. Известно, что в археологических материалах процесс становления культурных традиций зачастую отражен весьма фрагментарно (Подольский М.Л., 2007, с. 114–115). Тем не менее, детальное исследование позволяет зафиксировать необходимые характеристики, являющиеся основой для дальнейших заключений.

Представляется возможным утверждать, что ранние памятники тюрок Минусинской котловины датируются в рамках кудыргинского этапа в развитии данной общности (вторая половина VI – первая половина VII вв.) (Серегин Н.Н., 2012в; 2013б; 2014г). Комплексы этого периода в рассматриваемом регионе, как

и на сопредельных территориях, весьма немногочисленны. В Минусинской котловине к ним могут быть отнесены объекты, раскопанные на памятниках Усть-Тесь (Киселев С.В., 1929, с. 146; Евтюхова Л.А., 1948, с. 60–61), Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999), Терен-Кель (Худяков Ю.С., 1999) (Приложение III, рис. 84–86). Обозначенная датировка погребений основывается на анализе характерных форм предметов сопроводительного инвентаря.

Достаточно надежными хронологическими маркерами отмеченных погребений являются предметы конского снаряжения. В ряде захоронений раннесредневековых тюрок на территории Минусинской котловины обнаружены удила со стержневыми, с несколько загнутыми концами, роговыми (костяными) псалиями, которые традиционно рассматриваются как наиболее архаичные для археологических комплексов Центральной Азии второй половины I тыс. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, рис. 16, 2; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 97). Подобные изделия фиксируются в памятниках обозначенной территории и сопредельных районов скифо-сакского и хуннуского периодов (Соенов В.И., 1998, рис. 1, 9; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, рис. 2, 7; 3, 11) и обнаружены в погребениях раннего кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI вв.) культуры тюрок Алтая (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, рис. 1). Такие псалии продолжали использоваться населением рассматриваемой общности и во второй половине VI – первой половине VII вв., о чем свидетельствуют находки из погребальных комплексов Минусинской котловины (Киселев С.В., 1929, табл. V, 13; Евтюхова Л.А., 1948, рис. 111; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 17, 9; Худяков Ю.С., 1999, рис. 2, 2), а также Алтая и Тувы (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII, 1; XX, 36; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; Суразаков А.С., 1982, рис. 2, 7). В памятниках катандинского этапа в развитии культуры раннесредневековых тюрок (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) такие изделия уже не встречаются; их сменяют роговые псалии с двумя небольшими отверстиями, в

которых крепились железные скобы (Грач А.Д., 1960а, рис. 95; Гаврилова А.А., 1965, рис. 8, 10; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 9, 7; и др.).

Весьма показательными в хронологическом плане находками из памятников раннесредневековых тюрок Минусинской котловины второй половины VI – первой половины VII вв. являются стремена характерных форм. Изделие из могильника Усть-Тесь (Киселев С.В., 1929, табл. V, 12; Евтюхова Л.А., 1948, рис. 111а) включает ряд ранних признаков: неширокая плоская подножка, несомкнутая в основании петля, а также вытянутый контур. Такие показательные черты петельчатых стремян отличают находки из комплексов раннесредневековых тюрок Алтая кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VII вв.) (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, рис. 2). Экземпляры, обнаруженные в ходе раскопок некрополей Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, рис. 16, 19,22; 17, 12,14) и Терен-Кель (Худяков Ю.С., 1999, рис. 3), демонстрируют типичные признаки стремян, получивших распространение в памятниках второй половины VI – первой половины VII вв. на обширных территориях и встречающихся в объектах более позднего времени достаточно редко: сравнительно узкая, в ряде случаев прямая, подножка с небольшой нервюрой или без ребра жесткости, небольшая вертикально вытянутая или слегка приплюснутая петля, округлый контур некоторых изделий, выделенная пластина на высокой ножке и др. (Серегин Н.Н., 2014г).

Более редкими, однако не менее важными для датировки рассматриваемых комплексов, находками являются украшения конского снаряжения. Лепестковые бляхи подчетырехугольной формы, обнаруженные в одном из погребений некрополя Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, рис. 17, 16,17), судя по всему, восходят к накладкам, использовавшимся во второй половине VI – первой половине VII вв. для декорирования колчана или пояса (Гаврилова А.А., 1965, табл. XII, 2; XIX, 2; XXIV, 4,5). Начиная с середины

VII в. они встречаются в составе украшений конского снаряжения (Савинов Д.Г., 1982, рис. 10, 2; Горбунова Т.Г., 2010, с. 54).

Другие вещественные материалы, обнаруженные в ранних памятниках «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок, не имеют узкой хронологии, однако приведенных показателей достаточно для уверенного определения датировки обозначенных объектов в рамках кудыргинского этапа с возможным «заходом» в середину VII в. Дополнительным, хотя и косвенным признаком можно считать отсутствие в рассматриваемых погребениях элементов предметного комплекса, получивших широкое распространение во второй половине VII – первой половине VIII вв., прежде всего, характерной поясной гарнитуры «катандинского» типа. Добавим, что весьма интересным показателем, отличающим состав инвентаря из захоронений Минусинской котловины рассматриваемого времени, является присутствие в погребении только одного стремени. Эта особенность отмечена при исследовании комплексов Алтая кызыл-ташского этапа культуры тюрок (вторая половина V – первая половина VI вв.) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002б, с. 45; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011б, с. 21) и фиксируется в памятниках кудыргинского этапа на территории Тувы и Средней Азии (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 303; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; и др.). Возможности интерпретации данной традиции уже отмечались в настоящей диссертации. Случаи помещения одного стремени в погребение отмечены и в более поздних памятниках Минусинской котловины, но не в столь устойчивом виде.

Погребальная обрядность, зафиксированная при исследовании ранних комплексов тюрок на территории Минусинской котловины, не включает каких-либо характеристик, резко отличающих памятники этого периода от объектов данного региона более позднего времени. Представляется возможным говорить о том, что основные показатели наземных и внутримогильных сооружений, а также погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта

сложились уже на кудыргинском этапе. Приведем суммарную характеристику захоронений Минусинской котловины второй половины VI – первой половины VII вв., с акцентом на рассмотрении традиций, не типичных для обрядовой практики кочевников культуры тюрок на сопредельных территориях, что в дальнейшем станет основой для заключений о специфике формирования локального варианта.

При исследовании ряда некрополей раннесредневековых тюрок Минусинской котловины, в том числе одного из ранних комплексов (Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999), отмечены некоторые особенности взаимного размещения объектов. Курганы расположены компактно на ограниченном пространстве, зафиксированы также смежные насыпи, образующие своего рода «соты» (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 380). Такая планиграфия не характерна для могильников раннесредневековых тюрок на других территориях распространения общности. Также нетипичной является подквадратная форма насыпей-оград, отмеченная при раскопках отдельных памятников Минусинской котловины. Подобные сооружения единично зафиксированы на комплексах раннесредневековых тюрок Алтая (Соловьев А.И., 1999, рис. 2, 3; Кубарев Г.В., 2005, табл. 40, 43) и, вполне вероятно, демонстрируют контакты кочевников с сопредельными районами. Более стандартными являются внутримогильные конструкции ранних погребений тюрок на Среднем Енисее. Почти во всех захоронениях с лошадью животное находилось на невысокой приступке, выше человека. Для «одиночных» погребений (без лошади) характерна простая могильная яма. Погребальная камера представлена в ряде памятников кудыргинского этапа в виде гроба. В одном захоронении зафиксирован подбой.

Показательным элементом обрядовой практики населения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок является погребальный ритуал. Анализ совокупности таких характеристик, как ориентировка и взаимное расположение умершего человека и сопровождавшей

его лошади показывает, что во второй половине VI – первой половине VII вв. у тюрок Среднего Енисея произошло сложение стандарта погребального ритуала, отличного от традиций кочевников рассматриваемой общности на других территориях. Для обрядовой практики номадов рассматриваемой общности Алтая, Тувы и Монголии (более 60% объектов) была характерна ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего. Материалы раскопок погребений тюрок Минусинской котловины демонстрируют другое сочетание показателей: человек и сопровождавшая его лошадь (или овца) направлены головой на запад, причем животное чаще находилось справа. Другим отличительным признаком является то, что лошадь в раннесредневековых захоронениях на Среднем Енисее нередко лежала на боку, в то время как в комплексах, раскопанных на сопредельных территориях, преобладает положение «на животе».

Среди других показателей, рассмотренных ранее в диссертации, отметим следующие специфичные особенности памятников тюрок Минусинской котловины:

1) использование огня в погребальной практике;

2) отсутствие «классических» кенотафов;

3) большое количество детских погребений;

4) практически полное отсутствие «поминальных» объектов;

5) отдельные специфичные характеристики предметного комплекса захоронений (распространение керамических сосудов, редкость «престижных» изделий, в том числе импорта).

Обозначенные черты обрядовой практики сохранились и получили продолжение на последующих этапах развития «минусинского» локального варианта. Закономерным является вопрос о причинах таких серьезных отличий традиций населения культуры раннесредневековых тюрок на Среднем Енисее от стандартных характеристик памятников рассматриваемой общности на сопредельных территориях. Логичным представляется предположение о том, что

зафиксированная специфика ряда черт погребального обряда связана с особенностями процессов формирования локального варианта, а именно компонентов, принявших в этом участие.

На наш взгляд, ответ на данный вопрос требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего хронологического периода. Совокупность показателей, отличающих уже ранние погребения тюрок Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и, особенно, позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.). Представим эти схожие черты более подробно.

Для некрополей булан-кобинской культуры Алтая характерно компактное расположение курганов вплотную друг к другу. В ряде случаев смежные надмогильные конструкции образуют сооружения, напоминающие по форме «соты» (Соенов В.И., 2003, с. 30; Матренин С.С., 2005в, с. 11–12). Такая ситуация весьма последовательно фиксируется в материалах комплексов позднего этапа данной общности (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Соенов В.И., 2000; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 460; и др.). Одним из вариантов оформления наземных конструкций у населения булан-кобинской культуры были подквадратные ограды. Подобные конструкции отмечены в ходе раскопок могильников Дялян (Соенов В.И., 2003, с. 16), Кальджин-VI (Молодин В.И. и др., 2004, с. 159–160), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 4, 7, 24, 25 и др.), Курайка (Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И., 2008, рис. 7) и др.

Достаточно распространенной формой погребального ритуала на развитом и позднем этапах существования булан-кобинской культуры Алтая было захоронение человека в сопровождении лошади при ориентировке умерших в западный сектор горизонта. Животное, нередко положенное на бок, находилось слева или справа от человека, на одном с ним уровне или на невысокой приступке. В ряде случаев человек был помещен в подбое. Такая картина, весьма

схожая с традициями погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта, зафиксирована на могильниках Верх-Уймон (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Соенов В.И., 2000б), Катанда-I (Гаврилова А.А., 1965, с. 54), Степушка-I (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2011), Чендек (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992) и др., датирующихся в рамках IV–V вв.

Важно отметить, что обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем, на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была принесена в Минусинскую котловину в середине VI в. н.э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся в материалах раскопок ряда некрополей Алтая IV–V вв. и памятников «минусинского» локального варианта культуры тюрок, представляется возможным рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры (Серегин Н.Н., 2012в; 2014г). Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «айрыдашская» группа погребений «булан-кобинцев» (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2016).

Следует признать, что отдельные черты, характеризующие погребальные комплексы «минусинского» локального варианта культуры тюрок, имеют аналогии и в других культурах Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий сяньбийско-жужанского времени. К примеру, «сотовая» планиграфия и захоронения в подбое фиксируются в материалах некрополей кокэльской культуры Тувы. Компактное расположение курганов и наземные прямоугольные конструкции известны в традициях «таштыкцев» Минусинской котловины. Однако устойчивое соблюдение всего комплекса показателей

погребальных сооружений и ритуала отмечено только при исследовании ряда памятников булан-кобинской культуры Алтая.

Полученные результаты анализа археологических материалов находят подтверждение в сведениях письменных источников. Одним из центральных сюжетов истории создателей Первого каганата была активная военная экспансия. Известно, что значительную часть войска тюрок составляли в разной степени зависимые группы населения, включенные в империю кочевников. Интересную информацию в этом плане предоставляет часто цитируемый фрагмент китайской летописи, в котором сообщается о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле (Бичурин Н.Я., 1950, с. 301). Вполне вероятно, что в ходе реализации одной из военных операций, направленных на присоединение Минусинской котловины, были задействованы отдельные группы «булан-кобинцев», вошедших в состав каганата. Такой поход, судя по обоснованной выше хронологии ранних погребений «минусинского» локального варианта культуры тюрок, был осуществлен в середине – второй половине VI в.

Не исключено, что подобные военные операции с участием «булан-кобинцев» реализовывались и в других направлениях. В частности, об этом свидетельствуют материалы исследований отдельных погребений кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок с западной ориентировкой человека и лошади, раскопанных на территории Средней Азии (Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Винник Д.Ф., 1963, с. 87).

Необходимо подчеркнуть, что представленный вариант реконструкции процессов происхождения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок является гипотезой, требующей не только дальнейшей проработки и развернутой аргументации, но также подробного обсуждения и проверки новыми материалами. Очевидна необходимость детального анализа целого ряда проблем, связанных с изучением этнокультурной ситуации на территории Среднего Енисея в середине I тыс. н.э.

К примеру, неясным остается соотношение археологических комплексов тюркской и таштыкской культур в Минусинской котловине. Исследование этого вопроса актуально не только в свете имеющихся датировок погребальных памятников, но также учитывая полученные интересные результаты анализа таштыкских миниатюр V–VI вв. с изображениями «рыцарей», соотносимых, по мнению ряда исследователей (Савинов Д.Г., 2008, с. 187–188; Панкова С.В., 2011, с. 117, 138–139), с ранними группами тюрок, попавших на Средний Енисей во время их первой широкой экспансии. Не менее актуальным направлением работы остается изучение особенностей последующего развития общности раннесредневековых тюрок на территории Минусинской котловины.

5.3. Кочевники в эпоху Тюркских каганатов (вторая половина VI – первая половина VIII вв. н.э.)

Высокий уровень развития общества раннесредневековых тюрок, обеспеченный периодом их существования и консолидации на Алтае, стал основой для быстрой и успешной экспансии номадов не только на сопредельные, но и на отдаленные территории, и позволил в достаточно ограниченный период времени создать одну из крупнейших кочевых империй в истории Евразии – Первый Тюркский каганат. Археологические памятники середины – второй половины VI и первой половины VII вв. позволяют детализировать целый ряд аспектов политической и этнокультурной истории тюрок, основные перипетии которой представлены в письменных источниках.

Судя по имеющимся материалам раскопок погребальных и «поминальных» комплексов, Алтай продолжал оставаться территорией основной концентрации племен кочевников. К настоящему времени в данном регионе изучена практически половина всех известных объектов второй половины VI – первой половины VII вв. Отчасти это может объясняться

сравнительно высокой степенью обозначенной территории, но скорее всего демонстрирует сохранение на начальной фазе рассматриваемого периода значения Алтая как базы для первых военных походов тюрок. Очевидно, что создание кочевой империи и перенос ставки кагана в Центральную Монголию сделали Алтай периферией нового политического образования, но имеющиеся археологических материалы не демонстрируют какого-либо упадка региона, либо резкого оттока населения.

Погребальные и «поминальные» комплексы Алтая кудыргинского этапа (вторая половина VI – первая половина VII вв.) отражают продолжающиеся процессы консолидации общества номадов, демонстрируя уже в это время довольно высокую степень унификации норм обрядовой практики. В второй главе диссертации показано, что известные особенности ритуала, зафиксированные в ходе раскопок эпонимного могильника Кудыргэ, находят аналогии в материалах других тюркских памятников и не позволяют рассматривать этот ключевой для рассматриваемого периода некрополь как инокультурный. Кроме того, следует также учитывать, что площадь комплекса Кудыргэ осваивалась тюрками начиная с более раннего времени. Об этом свидетельствуют материалы раскопок серии «поминальных» оградок, датируемых в рамках второй половины V – первой половины VI вв. и отражающих начальный этап культурогенеза кочевников.

Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание целый ряд специфичных элементов предметного комплекса группы населения, оставившего некрополь Кудыргэ. Как известно, эти особенности неоднократно интерпретировались исследователями ранее (Гаврилова А.А., 1965, с. 59–60; Савинов Д.Г., 1984, с. 38–39; Азбелев П.П., 2000; Кубарев Г.В., 2001; и др.). Одной из гипотез стало предположение о связи погребений могильника с жужанями (жуань-жуанями), которые могли появиться на Алтае после разгрома их тюрками. Это, в свою очередь, могло бы объяснить неоднократно отмечаемое сходство отдельных

категорий находок из Кудыргэ с аварскими комплекса (Гаврилова А.А., 1965, с. 105).

Наряду с имеющей чисто историографическое значение и не получившей поддержки специалистов концепцией А.С. Судазакова (1993), особая позиция по поводу выделения «кудыргинской» культуры недавно высказана Г.В. Кубаревым. По мнению исследователя, на Алтае на протяжении VI–VII вв. существовали две археологические культуры («кудыргинская» и «катандинская»), соответствовавшие двум разным этническим группам населения (Зубова А.В., Кубарев Г.В., 2015, с. 86). Сходство материалов могильника Кудыргэ, а также нескольких других памятников Северного и Предгорного Алтая с аварскими комплексами Восточной Европы археолог объясняет последующей миграцией населения, оставившего некрополи «кудыргинской» культуры, на запад. К сожалению, в последующие годы данная гипотеза, в какой-то степени революционная по своему звучанию с точки зрения пересмотра существующих представлений культурно-хронологического характера, не представлялась в научной литературе и до сих пор остается, по сути, не обоснованной детальным анализом имеющихся материалов.

Тезис о возможной связи некрополя Кудыргэ с жужанями, в отечественной археологии наиболее развернуто представленный А.А. Гавриловой, к моменту подготовки ее работы и в последующие десятилетия не мог быть проверен и подтвержден, либо опровергнут конкретными археологическими материалами. Долгое время жужанский период на территории Монголии, где, согласно сведениям письменных источников, получили распространение племена номадов данного политического образования, практически не был обеспечен результатами раскопок. До сих пор данный регион продолжает оставаться «белым пятном» на археологической карте комплексов IV – первой половины VI вв. Вместе с тем, в последние два десятилетия монгольскими археологами был получен определенный объем материалов, анализ которых позволяет сделать ряд наблюдений.

Археологические комплексы жужанского времени, представленные немногочисленными захоронениями, к настоящему времени выявлены и раскопаны практически во всех частях страны (в Западной, Центральной и Восточной Монголии), за исключением южных территорий (Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я, Эрдэнэ-Очир Н., 2003; Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц., 2008, с. 176, рис. 79; Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л., 2014; Батсүх Д. и др., 2016; Очир А., Анхбаяр Б., 2016; Төрбат Ц. и др., 2016; Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж., 2017; и др.). Эти памятники демонстрируют вариабельность норм обрядовой практики; при этом во всех известных нам случаях погребения совершены по обряду одиночной ингумации, без сопроводительного захоронения лошади. Довольно представительный и разнообразный предметный комплекс, полученный в ходе раскопок, отражает широкие контакты населения Монголии жужанского времени. Особо отметим целый ряд аналогий предметам вооружения, конского снаряжения, а также украшениям в материальной культуре когурё Кореи, а также в позднесяньбийских комплексах Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья. В целом, имеющиеся результаты археологических исследований подтверждают ситуацию, зафиксированную в письменных источниках, согласно которой объединение жужаней включало различные группы кочевого населения обширного региона (Кычанов Е.И., 2010, с. 91–95; Крадин Н.Н., 2007, с. 146–173), которые могли характеризоваться вариабельностью норм духовной и материальной культуры. Так или иначе, важно подчеркнуть, что какое-либо системное сходство археологических комплексов жужанского времени Монголии и памятников Алтая, в том числе некрополя Кудыргэ, на имеющихся материалах не фиксируется.

Особого внимания заслуживает тезис о возможном существовании на Алтае самостоятельной «кудыргинской» культуры и включении в круг ее носителей групп населения, оставивших памятники, расположенные в предгорной части региона. В последнем случае имеются в виду некрополи Горный-10 и Осинки (Савинов Д.Г., 2000; Абдулганеев М.Т., 2001, 2007;

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., 2001, 2002; Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т., 2003; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 8–70), действительно схожие по ряду показателей погребального обряда и материальной культуры с могильником Кудыргэ. В последние годы автору диссертации удалось провести работу с коллекциями, полученными в ходе раскопок погребений всех обозначенных комплексов и хранящимися в Государственном Эрмитаже и Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, в том числе неопубликованными данными. На наш взгляд, датировка раннесредневековых объектов некрополей Горный-10 и Осинки (последний памятник включает и погребения более позднего времени) определяется временем не ранее второй трети – второй половины VII в., то есть более поздним периодом, чем хронология тюркских захоронений могильника Кудыргэ. Появление этих некрополей не было связано с существованием единой культуры, а скорее обуславливалось движением определенной группы населения, оставившей, в том числе, кудыргинские погребения на Алтае, в северном направлении. Предварительно можно предположить, что эти процессы были связаны с крушением Первого тюркского каганата и, в частности, разгромом последнего тюркского владения Чеби-кагана на Алтае в 630 г.* Дальнейшие полевые исследования памятников этой группы, а также изучение уже имеющихся материалов позволят скорректировать и дополнить сделанные выводы.

Возвращаясь к рассмотрению особенностей распространения тюрок в период Первого каганата, отметим, что наиболее наглядно специфику этих процессов в различных регионах демонстрируют материалы раскопок памятников «минусинского» локального варианта культуры кочевников, анализ которых представлен в предыдущем параграфе диссертации. На других территориях в больше степени преобладают «стандартные» тюркские

* Подобная интерпретация была предложена П.П. Азбелевым (2000) для материалов могильника Кудыргэ. Однако, на наш взгляд, погребения обозначенного комплекса относятся к более раннему времени – последней четверти VI – первой трети VII вв.

памятники, однако также фиксируются отдельные показательные ситуации, которые позволяют детализировать нюансы этнокультурной ситуации в различных частях центрально-азиатского региона.

Появление тюрок на территории Тувы в середине VI в. иллюстрируют материалы раскопок единичных объектов. Одно из наиболее ранних захоронений, которое может быть отнесено к рассматриваемой культуре кочевников, раскопано на памятнике Улуг-Хорум (Грач А.Д., 1982, рис. 1). Материалы этого комплекса близки к традициям отдельных групп населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени, предполагающим помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Судя по имеющимся материалам, ранние «поминальные» комплексы Тувы представлены четырехугольными рядом стоящими оградками с захоронениями лошадей (Маннай-оол М.Х., 1963, с. 243–245; Килуновская М.Е. и др., 2017, с. 175, рис. 56–58), указывающими на прямую связь с традициями тюрок Алтая, сформировавшимися на кызыл-ташском этапе (вторая половина V – первая половина VI вв.). «Классические» нормы погребальной обрядности раннесредневековых тюрок демонстрируют результаты раскопок нескольких погребений на памятниках Аргалыкты-VIII, Кокэль, Монгун-Тайга (Грач А.Д., 1960а, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5; 2013, табл. XV–XVI), которые также относятся к кудрыгинскому этапу, но, вероятно, к заключительным его десятилетиям. Отметим, что архаичной чертой части захоронений является присутствие только одного стремени. Таким образом, ранние комплексы тюрок Тувы второй половины VI – первой половины VII вв. наглядно отражают появление в данном регионе группы населения, не оставляя сомнений в происхождении «новых» традиций с территории Алтая.

Практически идентичная ситуация, с отдельными нюансами, обусловленными частичным влиянием местных групп населения, фиксируется в Казахстане и Средней Азии (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с.

81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; Исин А., 2004, с. 74–84; Досымбаева А., 2006, рис. 26.-1–2; и др.). Учитывая масштабы обозначенной территории, количество имеющихся материалов эпохи Первого каганата весьма незначительно, что может объясняться довольно кратковременным присутствием тюрок в этих регионах. Как показано в предыдущем параграфе диссертации, некоторые погребения, отличающиеся западной ориентировкой умершего человека и сопровождавшей его лошади (Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Винник Д.Ф., 1963, с. 87), демонстрируют возможное участие в первых военных походах тюрок отдельных групп населения булан-кобинской культуры. Кроме того, отметим очевидное местное влияние, проявившееся как в погребальных конструкциях (Бернштам А.Н., 1952, рис. 44), так и в материальной культуре (Спришевский В.И., 1951, рис. 4).

Парадоксальным остается практически полное отсутствие погребальных и рядовых «поминальных» комплексов тюрок второй половины VI – первой половины VII вв. н.э. на территории Монголии (Серегин Н.Н., 2017д; 2018е). Возможные объяснения данной ситуации, учитывающие пока еще слабую степень изученности археологических памятников в стране и отсутствие целенаправленных исследований, представлялись во второй и третьей главах диссертации. Единичные объекты (Dorjsuren C., 1967; Санжмятав Т., 1993, табл. 107; Дундговь аймагт …, 2010, т. 311–312; и др.) лишь демонстрируют сам факт наличия памятников, не позволяя детализировать особенности распространения тюрок в данном регионе.

Сведения письменных источников о Монголии как центре Первого каганата подтверждаются материалами исследований «элитных» мемориальных комплексов, некоторые из которых могут быть отнесены к последней четверти VI – началу VII вв. (Войтов В.Е., 1996, с. 27–30; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 33–66). Не останавливаясь на характеристике этих памятников, подробно осуществленной в литературе, отметим лишь специфику одного из

объектов, наиболее ярко демонстрирующего контакты тюрок в различных направлениях и синкретизм материальной и духовной культуры представителей высших слоев населения империи. Речь идет о Бугутском памятнике, важной частью которого является известная стела (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; Кореняко В.А., 2001; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, с. 39–54; Bazylkhan N., 2011; Drompp M.R., 2011; и др.). Данный комплекс, концептуально являясь уменьшенным и упрощенным воспроизведением традиций обрядовой практики населения Поднебесной империи, при этом содержит согдийскую надпись, показывающую высокую степень влияния согдийцев в Первом каганате.

Материалы раскопок «рядовых» памятников тюрок Центральной Азии второй половины VI – первой половины VII вв. подтверждают разного рода контакты с Китаем. Именно в погребальных комплексах кудыргинского этапа фиксируются первые предметы китайского импорта. Среди имеющихся находок, происходящих из Поднебесной империи, особое место занимает китайская монета, обнаруженная в ходе раскопок могильника Кудыргэ на Алтае (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXI.-2; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013а, рис. 2.-6). Первоначально монета была ошибочно датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. (Киселев С.В., 1951, с. 467), но впоследствии ее хронология была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. (Гаврилова А.А., 1965, с. 43). Судя по всему, монета Кудэргэ представляет собой один из экземпляров, отлитых в последние годы существования Северной Ци (550–577). Интересно, что подобные изделия в настоящее время имеются в неопубликованных материалах уже упоминавшегося некрополя Горный-10 (Абдулганеев М.Т., 2001, с. 128), а также среди случайных находок (Леус П.М., 2018, с. 145–147).

Свидетельством развития контактов раннесредневековых тюрок с Китаем является распространение в памятниках эпохи Первого каганата шелковых изделий. Такие находки сделаны в ходе раскопок комплексов второй половины VI – первой половины VII вв. на территории Алтая, Тувы и Средней Азии (Кадырбаев М.К., 1959; Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966б; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997). Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев из шелка была изготовлена одежда; в одном захоронении обнаружен шелковый мешочек.

Своеобразную группу предметов китайского импорта, обнаруженных в ходе раскопок памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, представляют металлические зеркала дотанского времени. Все они зафиксированы в погребениях, относящихся ко времени не ранее второй половины VII в., однако, учитывая возможный длительный срок бытования подобных изделий, их появление у кочевников может быть связано с эпохой Первого каганата (Серегин Н.Н., 2016ж; 2017а). Ряд черт, характерных для зеркал дотанского времени, имеют экземпляры из могильника Шибе-II на Алтае: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011а, табл. XXIII, XX). Кроме того, необычен небольшой размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал второй половины I тыс. н.э. Орнамент, включающий ряд элементов, не характерных для танских зеркал (ряд шишечек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также фрагмент изделия из могильника Курай-III (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 34). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 41), данная находка датируется IV–VI вв. Очевидно, подобная же ситуация, демонстрирующая довольно значительный хронологический интервал между временем изготовления предмета и датировкой погребения, отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря захоронения входил фрагмент зеркала (Боровка Г.И., 1927, табл. IV.-1), который, судя по

сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени. Близкие аналогии в коллекциях зеркал дотанского времени имеет также находка зеркала из погребения Бертек-34 (Савинов Д.Г., 1994в, с. 149). Среди элементов орнаментации, характерных для изделий обозначенного периода, следует отметить большое количество нешироких лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками.

Таким образом, археологические комплексы Первого каганата, раскопанные в различных частях центрально-азиатского региона в разной степени, но достаточно наглядно демонстрируют несколько основных процессов:

1) унификация и стандартизация погребально-поминальной обрядности тюрок;

2) распространение культуры тюрок с Алтая в сопредельные регионы, а также на отдаленные территории с сохранением некоторых архаичных традиций, характерных только для ранних групп номадов;

3) участие в освоении обширных территорий (в том числе в ходе военных кампаний) отдельных групп населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени;

4) широкие этнокультурные контакты тюрок с оседло-земледельческими центрами, прежде всего с Китаем и Согдом;

5) влияние на обрядовую практику тюрок, во время военной экспансии осваивавших обширные территории, традиций местных групп населения.

Одним из наименее изученных периодов в истории тюрок, практически не обеспеченным конкретными археологическими материалами, является время их зависимости от Китая после крушения Восточного каганата в 630 г. Как показано выше, одним из процессов, вероятно, было движение части тюрок в северном направлении. Вместе с тем, судя по имеющимся результатам раскопок

отдельных комплексов, тюрки продолжали кочевать на прежних территориях, и жизнь номадов, особенно на периферии империй, слабо поменялась.

Среди немногочисленных объектов, которые представляется возможным с высокой степенью уверенности датировать второй третью – второй половиной VII в., отметим комплекс Баян булаг-II в Монгольском Алтае (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017). Материалы раскопок данного памятника показывают продолжающиеся процессы трансформации традиций «поминальной» обрядности тюрок и вполне понятное отсутствие какого-либо влияния Поднебесной империи. Точная датировка в рамках середины VII в. (655–660 гг. н.э.) получена в результате перекрестного радиоуглеродного и дендрохронологического датирования образцов лиственницы из комплекса Хар-Ямаатын-Гол, также расположенном в Монгольском Алтае (Кубарев Г.В., 2015, с. 146–148). Сложная конструкция памятника, включавшего такие элементы, как ров и вал, характерная для «элитных» объектов, очевидно, отражает сохранение на данной территории местной знати.

Историко-культурную ситуацию в центре империй в период зависимости номадов от Китая иллюстрируют материалы недавних исследований двух «элитных» погребальных комплексов в Монголии (Данилов С.В. и др., 2010; Очир А., Эрдэнэболд Л., 2012; Сарткожаулы К. и др., 2012; Очир А. и др., 2013а–б; и др.). Характеристика этих памятников представлялась в параграфе 4.6. диссертации, поэтому отметим лишь основные моменты, избегая повторов. Судя по имеющимся сведениям, памятники Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) могут быть датированы в рамках последней четверти VII в. Этнокультурная атрибуция курганов, учитывая уникальный характер материалов, в настоящее время основывается только на информации из китайской эпитафии, свидетельствующей о принадлежности комплекса вождю племени Пугу. При этом зафиксированный способ захоронения (кремация) оставляет возможность для сопоставления этой характеристики обрядовой практики со сведениями китайских летописей о традиции сожжения умерших

представителями элиты тюрок. Вместе с тем, в письменных источниках имеются упоминания о сходстве обычаев тюрок и кочевников Пугу,* что позволяет использовать обозначенные материалы в рамках настоящего исследования. Ключевой характеристикой этих памятников является высокая степень проникновения традиций Поднебесной империи в материальную и духовную культуру номадов Монголии, по крайней мере – в обрядовую практику элиты кочевников.

Основной массив материалов раскопок погребальных и «поминальных» памятников тюрок Центральной Азии относится к периоду возрождения империи номадов, в наиболее широких рамках датирующемуся в рамках 679–744 гг. Второй Тюркский каганат не был столь масштабным образованием в плане территории, что отражают и особенности распространения археологических комплексов, исследованных, главным образом, на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии.

Наиболее монолитную группу памятников тюрок второй половины VII – VIII вв., объединяемых в рамках катандинского этапа культуры кочевников, по-прежнему составляют погребальные и «поминальные» комплексы, раскопанные на Алтае. Объекты данной территории демонстрируют «классические» формы обрядовой практики номадов, сформированные в рамках предшествующего хронологического периода. Свидетельства какого-либо инокультурного влияния на тюрок рассматриваемого региона минимальны. Среди редких черт обряда отметим единичную фиксацию подвадратной наземной конструкции и захоронения в подбое, возможности интерпретации которых как результата внешних контактов рассматривались в параграфе 2.1 диссертации. Памятники тюрок Алтая демонстрируют и наибольшую степень социальной дифференциации номадов, проявившуюся как в существовании «элитных» комплексов, так и распространении погребений, связываемых с низшими слоями населения.

* Выражаем благодарность к.и.н. В.В. Тишину за консультацию по данному вопросу.

Гораздо более сложными были этнокультурные процессы на территории Тувы. Судя по имеющимся материалам раскопок, в данном регионе наряду с представителями этноса-элиты продолжали существовать другие группы населения, статус которых в обществе тюрок был различным. В этом плане особую группу памятников, впервые обозначенную Л.Р. Кызласовым (1969, с. 79–80) и не имеющую, за редким исключением (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998, с. 369–373, рис. 1–2), аналогий в сопредельных регионах, составляют «одиночные» погребения (без лошади) с западной ориентировкой, исследованные в Туве. К настоящему времени, учитывая в целом сравнительно невысокую степень изученности раннесредневековых комплексов данного региона, известна уже довольно представительная серия таких объектов. Среди наиболее показательных погребений этой группы, введенных в научный оборот и содержавших достаточный для датировки инвентарь, отметим Бай-Даг-7, курган №1 (Семенов Вл.А. и др., 2014); Булук, курган №6 (Кызласов Л.Р., 1979а); Догээ-Баары II, курган №8 (Кисель В.А., Николаев Н.Н., Хаврин С.В., 2003, рис. 3–4); Куй-Бар, курган №98 (Кызласов Л.Р., 1979б, с. 108–109, рис. 1–2); Кызыл-Булук, курган №139 (Кызласов Л.Р., 1979б, с. 112, рис. 5–6); Салдам, курган №2 (Беликова О.Б., 2014, рис. 85–87); Танам, курган №23 (Кызласов Л.Р., 1979а); Уюк-Тарлык, курган №46 (Беликова О.Б., 2014, рис. 208–210) и др. При некоторой вариабельности показателей (положение умерших – вытянуто на спине, скорченно на боку; конское снаряжение присутствовало в части объектов, не во всех могилах фиксируется жертвенная пища и др.) очевидно, что эти комплексы отражают существование в Туве определенной группы населения, проживавшей на данной территории в различных историко-политических условиях (Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2018). Наиболее ранние погребения данной группы датируются в рамках VII – первой половины VIII вв. Основная же часть объектов демонстрирует сохранение обозначенных традиций во второй половине VIII – первой половине IX вв.

Вопрос о происхождении и исторических судьбах данной группы населения требует проведения отдельного исследования, предполагающего, в том числе, продолжение целенаправленных раскопок на территории Тувы для расширения источниковой базы. На данном этапе можно осторожно предположить определенную связь с традициями кокэльской культуры, для которых характерны одиночная ингумация в вытянутом положении, западная ориентировка умерших, погребальные конструкции из дерева и др. (Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2018).

Иллюстрацией сложности этнокультурных процессов на территории Тувы является также достаточно монолитная серия погребений в подбоях на нескольких памятниках, часть которых относится к эпохе Второго каганата (Овчинникова Б.Б., 2004; 2013а; Длужневская Г.В., 2013). Происхождение этих объектов, появившихся в рассматриваемом регионе не ранее середины VII в., пока остается дискуссионным.

Во второй половине VII – первой половине VIII вв. сохраняется специфика «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых кочевников. Очевидно, известные военные кампании начала VIII в. не повлияли серьезным образом на состав общества тюрок на данной территории. Вместе с тем, важно отметить, что именно к катандинскому этапу относится появление в Минусинской котловине «элитных» погребений, совершенных, при этом, с учетом традиций «минусинского» локального варианта (Тетерин Ю.В., 1999). Вероятно, обозначенные материалы раскопок следует рассматривать как сохранение местной элиты, находившейся в тесном контакте с центром империи.

Исторический контекст возрождения каганата наиболее ярко иллюстрируют материалы исследований мемориалов элиты тюрок в Монголии. Несмотря на единичность комплексов, на которых проводились системные полевые исследования (Войтов В.Е., 1996; Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж., 2003; Баяр Д., 2004, с. 73–84; Самашев З. и др., 2016), результаты работ предоставляют набольшие возможности для исторических реконструкций,

главным образом, на основе сведений из надписей, нанесенных на крупные стелы. Очевидные перспективы дальнейших работ демонстрируют продолжающиеся раскопки уникального памятника Донгойн Ширээ, который, судя по уже полученным результатам, относится к 30-м – 40-м гг. VIII в. (Мөнхтулга Р. и др., 2014; Цогтбаатар Б. и др., 2016, т. 180–186; 2017, т. 236–242; и др.).

К периоду существования Второго каганата относится и большая часть известных погребальных комплексов кочевников рассматриваемой общности, раскопанных на территории Монголии. Несмотря на сравнительную немногочисленность, эти объекты достаточно наглядно демонстрируют преобладание «стандартных» характеристик обрядовой практики тюрок, а также существование отдельных специфичных черт, не превышающих порога единичности. Выделяется ряд захоронений «зажиточных» номадов, инвентарь которых содержал различные категории предметов китайского импорта (Боровка Г.И., 1927; Евтюхова Л.А., 1957). Большую часть раскопанных комплексов составляют погребения рядовых кочевников (Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D., 1967; Сэр-Оджав Н., 1970; Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010; Баярхүү Н., Төрбат Ц., Жискар П.Х., 2017; и др.).

В целом, погребальные и «поминальные» комплексы Второго каганата подтверждают тезис о том, что в предшествующий период зависимости номадов от Китая тюрки не растворились в разнородной среде номадов, сохранив основные традиции обрядовой практики. Возрождение кочевой империи обусловило новый подъем археологической культуры раннесредневековых тюрок и довольно резкий количественный рост известных памятников. Раскопанные объекты в полной мере демонстрируют существование сложного общества, включавшего, наряду с основной группой населения (вероятно, представителей этноса-элиты), менее многочисленные группы номадов, имевших в данном социуме различный статус.

5.4. Тюрки в составе каганатов уйгуров и кыргызов (вторая половина VIII – XI вв. н.э.)

Объем археологических материалов, относящихся к периоду потери тюрками самостоятельности и вхождения в состав каганатов уйгуров и кыргызов, довольно незначителен по сравнению с комплексами предыдущего этапа. Ко второй половине VIII – XI вв. н.э. относится довольно небольшая серия погребений, а также единичные датированные «поминальные» объекты. Материалы раскопок этих памятников однозначно свидетельствуют о том, что несмотря на крушение империи тюрки на протяжении нескольких столетий продолжали проживать на большей части территорий, ранее включенных в состав Второго каганата.

Судя по материалам археологических исследований, наиболее благоприятным было положение тюрок на Алтае, отдаленном от перипетий политической истории Центральной Азии и, вероятно, включенным в состав каганатов уйгуров и кыргызов лишь номинально. Причем если памятники последних фиксируются в рассматриваемом регионе (Серегин Н.Н., Матренин С.С., 2014, с. 176–180; Дашковский П.К., 2015б), то какие-либо свидетельства присутствия уйгуров на Алтае на сегодняшний день не известны.

Следует отметить, что оценить степень внешнего влияния на культуру тюрок во второй половине VIII – первой половине IX вв. крайне сложно по причине дискуссионности выделения памятников уйгуров. На сегодняшний день большинством специалистов признается уйгурская принадлежность городищ, раскопанных или выявленных на территории Монголии и Тувы (Данилов С.В., 2004, с. 150–153; Эрдэнэбат У., Хюттель Х.-Г., Цэвээндорж Д., 2010; Крадин Н.Н., 2011; Тулуш Д.К., 2011; и др.). Идентификация же погребальных комплексов до сих пор остается не однозначной. Не углубляясь в детальное рассмотрение существующих концепций обозначим основные позиции

исследователей, имеющие значение для интерпретации отдельных памятников тюрок.

Одной из первых погребения раннесредневековых уйгуров выделила Л.А. Евтюховой (1957) по материалам исследований на территории Монголии. К памятникам номадов данной общности археолог отнесла изученные ею захоронения комплекса Орхон-Дель (Евтюхова Л.А., 1957, с. 220–225). Основанием для этого стали находки фрагментов керамических сосудов с характерным орнаментом, имеющим аналогии в материалах раскопок уйгурских городищ. Сильная ограбленность погребений не позволила Л.А. Евтюховой выделить черты обряда населения, оставившего обозначенные объекты. Вместе с тем, спустя некоторое время Ю.С. Худяков, анализируя материалы раскопок комплекса Орхон-Дель, высказал предположение, что в исследованных могилах находились захоронения людей по обряду ингумации, в сопровождении шкуры коня (Худяков Ю.С., 1990; 1992а, с. 14–15). Очевидная дискуссионность трактовки отрывочных данных, признаваемая самим археологом, не помешала ему развить тезис о выделенных характерных особенностях обрядовой практики уйгуров.

Согласно публикациям Ю.С. Худякова (1986б; 1992а; 1994; и др.), обрядовая практика раннесредневековых уйгуров наиболее полно иллюстрируется материалами раскопок некрополей Минусинской котловины. Археолог отметил, что захоронения обозначенной группы населения очень близки традициям тюрок, отличаясь, главным образом, захоронением шкуры лошади.

Следует отметить, что концепция Ю.С. Худякова, за редким исключением (Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И., 1986; Амзараков П.Б. и др., 2015, с. 158), не получила поддержки среди специалистов. Это связано не столько со сравнительно небольшим количеством раннесредневековых захоронений со шкурой лошади (Ховалыг У.Т, 2010, с. 48), сколько с дискуссионностью этнокультурной интерпретации подобных объектов. Данное обстоятельство

довольно подробно представлено С.П. Нестеровым (1990, с. 63–67), который обратил внимание на то, что захоронения со шкурой лошади появились в Алтае-Саянском регионе по крайней мере со скифской эпохи, а также отметил возможность рассмотрения подобных объектов, датирующихся второй половиной I тыс. н.э., как результат модификации обряда тюрок. К примеру, погребение по обряду ингумации со шкурой коня зафиксировано в Туве в составе одного комплекса с объектами, содержавшими как стандартные могилы с полной тушей животного, так и «одиночные» захоронения (Грач А.Д., 1968б, с. 106–107). Кроме того, в Алтае-Саянском регионе и на ближайших сопредельных территориях к настоящему времени исследована представительная группа подобных объектов, интерпретируемых авторами раскопок по-разному – как комплексы тюрок, уйгуров, кыпчаков, огузов, кимаков и др. (Соловьев А.И., 1999; Могильников В.А., 2002, с. 123; Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008; Илюшин А.М., 2010; Амзараков П.Б. и др., 2015; и мн. др.).

Альтернативная точка зрения по поводу выделения погребальных комплексов раннесредневековых уйгуров, получившая даже большее распространение, была сформулирована Л.Р. Кызласовым и представлена в фундаментальном издании из серии «Археология СССР», а также в ряде публикаций исследователя (Кызласов Л.Р., 1969, с. 56–87; 1981, и др.). По его мнению, к рассматриваемой общности должны быть отнесены захоронения в катакомбах могильников Чааты-I и II в Туве. Невозможность принятия данной концепции с учетом всего объема имеющихся на сегодняшний день материалов обоснована в параграфе 2.1. диссертации.

В последние годы в результате исследований монгольских археологов в центральной части страны получены довольно оригинальные материалы, демонстрирующие особую группу раннесредневековых памятников. По мнению специалистов, они могут быть соотнесены с уйгурской культурой (Очир А. и др., 2008; Ochir A. et al., 2010; Эрдэнэбат У. и др., 2011; Эрдэнэболд Л., 2011; Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., 2012). Следует отметить, что большую

часть рассматриваемых комплексов составляют явно «элитные» объекты, на основании которых сложно судить о погребальных традициях уйгуров в целом. Монгольские археологи отмечают несколько разновидностей этих сложных конструкций. В большинстве случаев объект представлял собой подземный склеп из кирпичей, к которому вел ступенчатый дромос. Это сооружение окружалось валом и рвом. В центре ограды на глиняной платформе возводилось некое подобие субургана или храма с крышей, украшенной черепицей. Вероятно, наземная конструкция предназначалась для жертвоприношений. Нельзя не отметить, что по ряду конструктивных характеристик, а также по наличию росписей эти объекты близки традициям китайской похоронной обрядности.

Исходя из последней позиции, представляющейся на сегодняшний день наиболее обоснованной и подтвержденной материалами археологических исследований, можно утверждать, что традиции обрядовой практики уйгуров не оказали существенного влияния на культуру тюрок.

Возвращаясь к рассмотрению памятников Алтая, отметим, что важным показателем высокой степени «самостоятельности» номадов данного региона в рассматриваемый период является сохранение местной элиты на протяжении практически всей последней четверти I тыс. н.э. Об этом свидетельствуют результаты раскопок серии погребений знати, включающих весьма представительный в качественном и количественном отношении сопроводительный инвентарь (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941). Вместе с тем, во второй половине IX – первой половине X вв. отмечается значительное влияние кыргызов на материальную культуру тюрок Алтая, проявившуюся, главным образом, в оформлении конского снаряжения и предметов торевтики.

Напротив, результаты исследований погребальных комплексов тюрок на территории Минусинской котловины и Тувы демонстрируют активное «размывание» традиций номадов уже с уйгурского периода. Наиболее ярким показателем данных процессов являются материалы раскопок «одиночных» погребений в последнем из обозначенных регионов (Грач А.Д., 1968б, рис. 49;

Кыщласов Л.Р., 1979, с. 191–192; Трифонов Ю.И., 2000), относящихся к последним столетиям I тыс. н.э. В данном случае очевидно, что отсутствие лошади не связано с низким социальным статусом умерших, а объясняются упадком культуры тюрок. В Туве продолжает также существование обозначенная в предыдущем параграфе группа населения, характеризующаяся западной ориентировкой умерших и отсутствием сопроводительного захоронения животного (Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2018, с. 120–122). Немногочисленные погребения с лошадью, известные в данном регионе, характеризуются северной ориентировкой покойных (Вайнштейн С.И., 1954, с. 148–154; Комарова М.Н., 1973), отличной от «классических» традиций тюрок. Последняя из обозначенных особенностей «поздних» тюркских захоронений подтверждается материалами раскопок серии памятников на территории Монголии (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990; Олзийбаяр С., 2007; Баярхуу Н., Торбат Ц., 2016; и др.). Весьма специфичными с точки зрения стандартов обрядовой практики тюрок выглядят впускные погребения последних веков I тыс. н.э., раскопанные на комплексах Кирбинский лог и Сабинка-I в Минусинской котловине (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988).

Упадок традиций раннесредневековых тюрок в конце I – начале II тыс. н.э. весьма наглядно демонстрируют материалы раскопок скальных погребений, исследованных, главным образом, в Монголии и на Алтае (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996; Соенов В.И. и др., 2002; Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004; Хурэлсух С., 2008; Törbat Ts. et al., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; Талын морьтон дайчдын өв соёл, 2014; Мөнхбаяр Ч. и др., 2016; Мөнхбаяр Ч., 2017). Этнокультурная интерпретация этих объектов остается дискуссионной (Серегин Н.Н., 2018в). Предметный комплекс скальных погребений, датирующихся на основании характерных форм изделий в рамках IX–XI вв., демонстрирует очевидное влияние кыргызской и сросткинской культур. Население, оставившее данные комплексы, имело различного рода

контакты с Китаем, что отражают предметы импорта (металлические зеркала, шелковые изделия), зафиксированные в ходе раскопок.

Таким образом, археологические комплексы Центральной Азии последней четверти I – начала II тыс. н.э., связываемые с культурой тюрок, подтверждают историческую канву, известную из письменных источников. Потеря тюрками самостоятельности после крушения империи и их включение в каганаты уйгуров и кыргызов определили постепенное «размывание» традиций номадов. Сохранение культурной идентичности отдельными группами кочевников, фиксируемое в большей степени на территории Алтая, не могло продолжаться долго, учитывая сложные процессы политической истории Центральной Азии рассматриваемого периода. Судя по имеющимся материалам, какие-либо свидетельства сохранения тюркских традиций в развитом средневековье отсутствуют.

Заключение

История изучения археологических комплексов раннесредневековых тюрок охватывает период с XVIII в. до настоящего времени. За это время сформирован значительный объем материалов и продемонстрирован опыт исследования различных аспектов истории номадов. Проведенный анализ всего массива работ специалистов позволил выделить и обосновать четыре основных этапа в процессе накопления и интерпретации археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1) XVIII в. – начало XX в.; 2) 1920-е – 1940-е гг.; 3) 1950-е – начало 1990-х гг.; 4) вторая половина 1990-х гг. – начало XXI в. Для каждого из обозначенных периодов характерны особенности методологии и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень интерпретации имеющихся сведений и др. Характеристики выделенных этапов в значительной степени определялись спецификой развития исторической и археологической науки, а также общей социально-экономической ситуацией в различных частях центрально-азиатского региона.

Проведенный историографический анализ позволил определить степень изученности различных аспектов исследования археологических памятников тюрок Центральной Азии. Установлено, что наиболее разработанными являются вопросы исследования предметного комплекса номадов. Кроме того, значительное количество публикаций посвящено решению проблем хронологии конкретных объектов и периодизации культуры кочевников. Наименее изученными остаются проблемы реконструкции сложных процессов формирования и эволюции погребальной и поминальной обрядности тюрок. Значительные перспективы также связаны с осуществлением социальной интерпретации материалов раскопок археологических памятников второй половины V – XI вв. н.э.

Одним из важных результатов работы по сбору и систематизации материалов раскопок стали созданные своды погребальных и «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Монголии. Сформированная источниковая база, включающая 402 погребения, исследованных на 120 некрополях, и 420 «поминальных» объекта, изученных на 92 памятниках тюрок Центральной Азии, послужила основой для реализации конкретных направлений исследований.

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов тюрок Центральной Азии позволил наглядно продемонстрировать довольно высокую степень унификации показателей обряда захоронения раннесредневековых номадов. Вместе с тем, зафиксирована вариабельность характеристик ритуала захоронения, отражающая существование в обществе кочевников нескольких групп населения. Наиболее показательными в этом отношении являются такие признаки, как ориентировка погребенного человека и особенности расположения находившейся рядом лошади. Кроме того, отдельная группа комплексов представлена «одиночными» захоронениями, в которых конь отсутствовал.

Погребальный обряд тюрок Центральной Азии не являлся статичным явлением, отражая сложные этнокультурные процессы в регионе во второй половине V – XI вв. Динамика выявленных показателей отражает как внутренние особенности развития традиций рассматриваемого общества кочевников, так и влияние на них других групп номадов. Так, наибольший объем «новаций» в погребальной обрядности (прежде всего, распространение скальных, впускных и «одиночных» захоронений, а также могил с подбоем и др.), фиксируется в последней четверти I – начале II тыс. н.э. – в период после крушения Второго каганата, когда тюрки вошли в состав империй уйгуров и кыргызов.

Обозначенная вариабельность признаков погребального обряда определялась также спецификой развития общества тюрок в различных частях центрально-азиатского региона. Весьма показательными в этом отношении являются памятники Минусинской котловины, которые следует рассматривать в

рамках локального варианта археологической культуры тюрок. Отличительными признаками комплексов, исследованных на данной территории, являются «сотовая» планиграфия отдельных некрополей, редкие характеристики погребальных сооружений, использование огня в обряде захоронения, отсутствие «классических» кенотафов, большое количество детских погребений, отдельные специфичные характеристики предметного комплекса (распространение керамических сосудов, редкость «престижных» изделий, в том числе импорта и др.). Важным признаком является также отсутствие «поминальных» объектов. Специфика памятников Минусинской котловины в значительной степени определяется особенностями сложения локального варианта. В ходе работы установлено, что археологические материалы данного региона отражают процессы распространения тюрок в ходе первых военных походов в середине VI в. Очевидно, активное участие в кампаниях Первого каганата приняли отдельные группы населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени, традиции которых отчасти сохранились в обрядовой практике тюрок Минусинской котловины.

Генетическая связь тюрок с населением булан-кобинской культуры получила наибольшее отражение в материалах раскопок «поминальных» комплексов. Установлено, что для ранней группы объектов характерен ряд признаков: отсутствие реалистичных каменных изваяний, захоронения лошадей в оградках, сооружение оградок округлой формы и смежных объектов, конструкции в виде небольших каменных ящиков, отличная от «классического» восточного направления ориентировка стел и балбалов и др. Часть этих показателей демонстрирует влияние на традиции тюрок норм обрядовой практики населения Алтая сяньбийско-жужанского времени. Абсолютное большинство «поминальных» комплексов с обозначенными выше признаками исследовано именно в данном регионе. Некоторые из представленных характеристик фрагментарно фиксируются в других частях Центральной Азии, отражая процессы первоначального распространения тюрок в середине – второй

половине VI в. н.э. Ярким примером подобной ситуации является появление на сопредельных территориях немногочисленных оградок с захоронением лошади.

Анализ имеющихся материалов позволил прийти к заключению о том, что в середине I тыс. н.э. на Алтае происходил своего рода «поиск» форм поминальной обрядности. Об этом свидетельствует фиксация группы сооружений («ритуальных» курганов, оградок округлой формы, четырехугольных оградок с нестандартными характеристиками), которые отличаются от «классических» форм «поминальных» комплексов. Судя по всему, на ранних этапах развития культуры тюрок часть оградок выполняла функции, схожие с назначением кенотафов. При этом в более позднее время представления, связанные с возведением таких объектов, могли трансформироваться, что отражает зафиксированная эволюция конструкций «поминальных» комплексов.

Среди наиболее показательных характеристик, иллюстрирующих последнюю из обозначенных тенденций во второй половине VI – первой половине VIII вв., следует отметить развитие форм статуарной традиции (появление изваяний с «жанровыми» сценами, а затем реалистичных скульптур), преобладание «классического» восточного направления в ориентировке внеоградных объектов, появление сложных конструкций (ров, вал) и др. К этому периоду относится большая часть анализируемых памятников, которые получили распространение во всех частях центрально-азиатского региона. Ключевым фактором, определившим дальнейшую трансформацию «поминальных» комплексов тюрок, стала потеря ими статуса гегемона степей Центральной Азии и вхождение в состав каганатов уйгуров и кыргызов. При этом, судя по имеющимся материалам, традиция возведения таких объектов не прервалась, по крайней мере, вплоть до X в.

Другим важным фактором, оказавшим влияние на традиции сооружения погребальных и «поминальных» комплексов тюрок, стали особенности их социальной истории. Установлено, что материалы раскопок захоронений отражают горизонтальную (гендерную и возрастную) и вертикальную

дифференциацию общества раннесредневековых кочевников, ключевым показателем которой являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Анализ наборов вещей из погребений позволил выделить «комплекс власти», включающий показатели военно-управленческого могущества и политического статуса (главным образом, предметы вооружения – меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех, а также в меньшей степени плеть и котел), и «комплекс богатства», объединяющий признаки высокого имущественного положения, материального достатка (предметы торевтики из цветных и драгоценных металлов – наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, украшения костюма, а также шелковая одежда). Корреляция встречаемости всех рассмотренных категорий изделий с отдельными элементами погребального обряда стала основанием для реконструкции структуры общества тюрок. В ходе работы выделены девять мужских, четыре женских и три детских социальных моделей погребений. Эта схема, отражающая в общем виде стратификацию социума раннесредневековых тюрок Центральной Азии, была дополнена сведениями других источников (прежде всего, письменных), что способствовало рассмотрению специфики социальной организации населения региона, в том числе решению вопросов о статусе и структуре элиты номадов, распространении рабства в среде кочевников, а также особенностях их профессиональной дифференциации.

На основе сопоставления результатов анализа археологических материалов (погребальных и «поминальных» комплексов) и сведений письменных источников, в социальной истории тюрок Центральной Азии выделены основные периоды, характеризующиеся различным уровнем консолидации номадов, дифференциации общества, степенью политической самостоятельности кочевников. Установлено, что на формирование и трансформации социальной системы тюрок во второй половине V – XI вв. оказали влияние традиции кочевников предтюркского времени, специфика социально-политического устройства крупнейших оседло-земледельческих

центров (прежде всего, Китая), а также перипетии политической ситуации в регионе.

Осуществленная реконструкция процессов формирования и эволюции погребально-поминальной обрядности и социальной системы тюрок Центральной Азии позволили обозначить основные особенности этнокультурной истории номадов. Подтвержден тезис о том, что сложение археологической культуры тюрок произошло на Алтае. Археологические материалы отражают участие в этом процессе двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры сяньбийско-жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока результатами раскопок. Судя по сведениям письменных источников, пришлая группа может быть сопоставлена с племенем Ашина, переселенным на Алтай в 460 г. жуань-жуанями (жужанями).

Высокий уровень развития общества раннесредневековых тюрок, обеспеченный периодом их существования на Алтае, стал основой для быстрой и успешной экспансии номадов не только на сопредельные, но и на отдаленные территории, и позволил в достаточно ограниченный период времени создать одну из крупнейших кочевых империй в истории – Первый Тюркский каганат. Археологические комплексы кудыргинского этапа (вторая половина VI – первая половина VII вв.), раскопанные в различных частях центрально-азиатского региона, достаточно наглядно демонстрируют несколько основных процессов: 1) унификация и стандартизация погребальной и поминальной обрядности тюрок; 2) распространение культуры кочевников с Алтая в сопредельные регионы, а также на отдаленные территории с сохранением некоторых архаичных традиций, характерных только для ранних групп номадов; 3) участие в освоении обширных территорий (в том числе в ходе военных кампаний) отдельных групп населения булан-кобинской культуры Алтая сяньбийско-жужанского времени; 4) широкие этнокультурные контакты тюрок с оседло-земледельческими центрами, прежде всего с Китаем и Согдом; 5) влияние на обрядовую практику тюрок, во время военной экспансии осваивавших обширные территории, традиций местных

групп населения. Парадоксальная немногочисленность памятников рассматриваемого периода может объясняться высокой степенью подвижности номадов, обусловленной вовлеченностью значительных групп кочевников в военные походы, распространением различного рода погребально-поминальных объектов, по функциям схожих с кенотафами, а также отсутствием целенаправленных исследований комплексов тюрок на отдельных территориях (Монголия, Средняя Азии, Синьцзян).

Основной массив материалов раскопок погребальных и «поминальных» памятников тюрок Центральной Азии относится к периоду возрождения империи номадов (последняя четверть VII – первая половина VIII вв.). Второй Тюркский каганат не был столь масштабным образованием, что отражают и особенности распространения археологических комплексов, исследованных, главным образом, на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Погребальные и «поминальные» комплексы рассматриваемого времени подтверждают тезис о том, что в предшествующий период зависимости номадов от Китая тюрки не растворились в разнородной среде номадов, сохранив основные традиции обрядовой практики. Возрождение кочевой империи обусловило новый подъем археологической культуры раннесредневековых тюрок и довольно резкий количественный рост известных памятников. Раскопанные объекты в полной мере демонстрируют существование сложного общества, включавшего, наряду с основной группой населения (вероятно, представителей этноса-элиты), менее многочисленные группы номадов, имевших в данном социуме различный статус.

Археологические комплексы Центральной Азии последней четверти I – начала II тыс. н.э., связываемые с культурой тюрок, подтверждают историческую канву, известную из письменных источников. Потеря тюрками самостоятельности после крушения империи в середине VIII в. и их включение в каганаты уйгуров и кыргызов определили постепенное «размывание» традиций номадов. Сохранение культурной идентичности отдельными группами кочевников, фиксируемое в большей степени на территории Алтая, не могло

продолжаться долго, учитывая сложные процессы политической истории Центральной Азии рассматриваемого периода. Судя по имеющимся материалам, какие-либо свидетельства сохранения тюркских традиций в развитом средневековье отсутствуют.

Перспективы расширения и детализации предложенных реконструкций связаны с проведением точечных полевых исследований в слабо изученных частях Центральной Азии. Наиболее важными представляются раскопки погребальных и «поминальных» комплексов на территории Монголии, а также в Китае (Синьцзян). Не меньшее значение имеет выявление и исследование памятников тюрок в Казахстане и Средней Азии, что позволит более подробно рассматривать историю недолгого пребывания номадов в данных регионах, а также процессы последующей трансформации их традиций.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

1. Васютин А.С. Отчет о результатах разведки археологических памятников в бассейне рек Кокоря и Каракол Кош-Агачского и Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8681. 1981. 76 л.

2. Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8571. 1982. 105 л.

3. Васютин А.С. Отчет о раскопках древнетюркских оградок на могильниках Кудыргэ и Кок-Паш Улаганского, Большой Курманак и Кер-Кечу Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №9018. 1983. 54 л.

4. Васютин А.С. Отчет о раскопках погребений и ритуальных сооружений на могильниках Кок-Паш и Коо-I в Восточном Алтае и на могильнике Усть-Карасу в Центральном Алтае в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №9242. 1984. 86 л.

5. Васютин А.С. Отчет о раскопках могильников Кок-Паш и Коо-I в низовьях р. Чулышман Улаганского района Горно-Алтайской автономной области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10393. 1985. 91 л.

6. Гаврилова А.А. Дневник с планами, описями и рисунками находок // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 66. 1948. 15 л.

7. Гаврилова А.А. Отчет о поездке на Чулышман и раскопке могильника Кудыргэ в 1948 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 65. 1948. 17 л.

8. Гаврилова А.А. Чертежи раскопок могильника Кудыргэ в 1948 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 67. 1948. 19 л.

9. Мандельштам А.М. Отчет о полевых исследованиях 2-го отряда СТЭАН в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3360. 1967. 20 л.

10. Мандельштам А.Н. Альбом иллюстраций к полевому отчету о полевых исследованиях 2-го отряда СТЭАН в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3360а. 1967. 31 л.

11. Руденко С.И., Гаврилова А.А. Отчет о работе Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1087. 1956. 116 л.

12. Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа о работах, проведенных летом 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №2919. 1965. 63 л.

13. Трифонов Ю.И. Отчет о работах 5-го отряда СТЭАН в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3164. 1966. 24 л.

14. Трифонов Ю.И. Альбом иллюстраций к отчету о работах 5-го отряда СТЭАН в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3164а. 1966. 45 л.

15. Трифонов Ю.И. Отчет о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3376. 1967. 61 л.

16. Трифонов Ю.И. Альбом иллюстраций к отчету о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3376а. 1967. 65 л.

17. Трифонов Ю.И. Отчет о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3522. 1968. 41 л.

18. Трифонов Ю.И. Альбом иллюстраций к отчету о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3522а. 1968. 41 л.

19. Трифонов Ю.И. Отчет о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3824. 1969. 32 л.

20. Трифонов Ю.И. Альбом иллюстраций к отчету о полевых исследованиях 5-го отряда СТЭАН в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3824а. 1969. 43 л.

21. Шульга П.И. Отчет о полевых работах в Локтевском и Алтайском районах Алтайского края летом 2004 г. // Архив МАЭА АлтГУ. №213. 2005. 86 л.

Археологические коллекции

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

22. Коллекция №1554 (материалы раскопок на памятнике Яконур, работы М.П. Грязнова).

23. Коллекция №2230 (материалы раскопок на памятнике Кудыргэ, работы А.А. Гавриловой).

24. Коллекция №2347 (материалы раскопок на памятнике Монгун-Тайга, работы А.Д. Грача).

25. Коллекция №2348 (материалы раскопок на памятниках Бай-Тайга, Кара-Холь и Монгун-Тайга, работы А.Д. Грача).

26. Коллекция №2349 (материалы раскопок на памятнике Бай-Тайга, работы А.Д. Грача).

27. Коллекция №2350 (материалы раскопок на памятнике Саглы-Бажи, работы А.Д. Грача).

28. Коллекция №2351 (материалы раскопок на памятнике Саглы-Бажи, работы А.Д. Грача).

29. Коллекция №2472 (материалы раскопок и сборов на Осинкинском могильнике, работы Н.Л. Членовой).

30. Коллекция №2473 (материалы раскопок на Осинкинском могильнике, работы Д.Г. Савинова).

31. Коллекция №2813 (материалы раскопок на памятнике Кок-су, работы С.С. Сорокина).

32. Коллекция №4150 (материалы раскопок на памятнике Кудыргэ, работы С.И. Руденко и А.Н. Глухова).

33. Коллекция №4389 (материалы раскопок на памятнике Кудыргэ, работы С.И. Руденко и А.Н. Глухова).

Государственный исторический музей (Москва)

34. Археологические материалы в экспозиции (коллекции из раскопок С.В. Киселева на памятнике Курай).

Монгольский национальный исторический музей (Улан-Батор)

35. Археологические материалы в экспозиции (коллекции из раскопок Ц. Турбата на памятнике Жаргалант Хайрхан; Ч. Мунхбаяра на комплексе Узуур гялан).

Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета (Кемерово)

36. Коллекция №1 (материалы раскопок на памятнике Означенное-V, работы А.С. Полякова).

37. Коллекция №16 (материалы раскопок на памятнике Кок-Паш, работы А.С. Васютина).

38. Коллекция №17 (материалы раскопок на памятнике Кур-Кечу, работы А.С. Васютина).

39. Коллекция №18 (материалы раскопок на памятнике Кудыргэ, работы А.С. Васютина).

40. Коллекция №19 (материалы раскопок на памятнике Нижняя Сору, работы А.С. Васютина).

Музей археологии и этнографии
Алтайского государственного университета (Барнаул)

41. Коллекция №119 (материалы раскопок на памятнике Катанда-3, работы Ю.Т. Мамадакова).

42. Коллекция №120 (материалы раскопок на памятнике Шибе-2, работы Ю.Т. Мамадакова).

43. Коллекция №121 (материалы раскопок на памятнике Тыткескень-VI, работы Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина).

44. Коллекция №122 (материалы раскопок на памятнике Тожон, работы Ю.Т. Мамадакова).

45. Коллекция №124 (материалы раскопок на памятнике Верх-Еланда-I, работы Ю.Ф. Кирюшина, С.В. Неверова).

46. Коллекция №130 (материалы раскопок на памятнике Усть-Бийке-III, работы А.А. Тишкина).

47. Коллекция №180 (материалы раскопок на памятнике Урочище Балчикова-3, работы П.И. Шульги).

48. Коллекция №584 (материалы раскопок на памятнике Горный-10, работы М.Т. Абдулганеева).

49. Коллекция №589 (материалы раскопок на памятнике Бирюзовая Катунь-9, работы К.Ю. Кирюшина).

Музей археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск)

50. Коллекция №153 (материалы раскопок на памятнике Кызыл-Таш, работы В.И. Соенова).

51. Коллекция без номера, инв. №№110–122 (материалы раскопок на памятнике Талдура-I, работы В.А. Могильникова).

52. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Бике-III, работы В.И. Соенова).

53. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Курайка-2, работы Н.А. Константинова).

Музей при Институте истории и археологии Монгольской Академии наук (Улан-Батор)

54. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Цаган-Хайрхан-Уул, работы Ю.С. Худякова, Д. Цэвээндоржа).

55. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Тарималт, работы Б. Гунчинсурэна).

56. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Моностын-хотол, работы Ц. Турбата).

57. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Мухдагийн ам, работы Ц. Турбата).

58. Коллекция без номера (материалы раскопок на памятнике Аргаан-гол, работы Д. Цэвээндоржа).

59. Коллекция без номера (материалы из разрушенного погребения Худгиин Халзан, коллекция передана в музей местными жителями).

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (Кызыл)

60. Археологические материалы в экспозиции (коллекция каменных изваяний раннего средневековья).

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горно-Алтайск)

61. Коллекция №10336 (материалы из скального погребения Балтарган, коллекция передана в музей местными жителями).

62. Коллекция №11410 (материалы раскопок на памятнике большой Яломан-II, работы В.А. Могильникова, А.С. Суразакова).

63. Коллекция №11410 (материалы раскопок на памятнике Большой Яломан-II, работы В.А. Могильникова, А.С. Суразакова).

64. Коллекция №11408 (материалы раскопок на памятнике близ г. Горно-Алтайск, работы С.М. Киреева).

65. Коллекция №10807 (материалы раскопок на памятнике Жана-Аул, работы В.А. Кочеева).

66. Коллекция №10343 (материалы раскопок на памятнике Усть-Карасу, работы А.С. Васютина).

67. Коллекция №8141 (материалы раскопок на памятнике Сары-Кобы, работы А.С. Суразакова).

68. Коллекция №10335 (материалы раскопок на памятнике Ябоган-I, работы В.А. Кочеева, А.С. Суразакова).

69. Коллекция без номера, инв. №№5768–5776 (материалы раскопок на памятнике Катанда-II, работы А.А. Гавриловой).

70. Коллекция без номера, инв. №№7311–7384 (материалы раскопок на памятнике Узунтал, работы Д.Г. Савинова).

71. Коллекция каменных изваяний без номера, инв. №№7152–7154, 8021–8032, 8263–8364, 8667–8669, 8710–8711, 8786, 8793–8799, 9251, 10041–10043.

Литература

72. Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 128–131.

73. Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

74. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 216–219.

75. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 220–223.

76. Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // ИИАК. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.

77. Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.

78. Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чааты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: ЛГУ, 1991. С. 61–68.

79. Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 3. С. 89–93.

80. Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 4–5.

81. Азбелев П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте Увгунтского комплекса) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 126–129.

82. Азбелев П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–68.

83. Азбелев П.П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII–VIII вв. // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 12. Вып. 4. С. 78–89.

84. Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб.: Лима, 2010. 60 с.

85. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.

86. Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 284–312.

87. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

88. Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 207–219.

89. Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 288–294.

90. Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» //

Краткие сообщения Института археологии. 1960. Вып. 80. С. 95–100.

91. Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.

92. Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.

93. Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. По материалам выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 2 марта – 2 мая 2004 г. СПб.: Славия, 2004. 64 с.

94. Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

95. Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 97–110.

96. Арсланова Ф.Х. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 48–49.

97. Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.

98. Артюх Е.А. К вопросу о методике археологических исследований во второй половине XIX в. (на примере деятельности В.В. Радлова) // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памятник профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Азбука, 2005. С. 251–254.

99. Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.

100. Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 295 с.

101. Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Тамагабетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 279 с.

102. Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Российская археология. 2009. №3. С. 79–88.

103. Бандура А.П. Культ коня у народов Горного Алтая в период раннего средневековья и его этнографические параллели у алтайцев // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 109–113.

104. Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // Советская этнография. 1966. №6. С. 79–83.

105. Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 134–136.

106. Батсүх Д., Эрдэнэ Б., Энхбаяр Г., Төрбат Ц., Дюшен С., Николаева Д. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 155–157.

107. Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1997. 148 т.

108. Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.

109. Баяр Д. Монголын Дундад Зууны археологийн судалгаа. Бутээлийн эмхтгэл. I боть (1972–1990). Улаанбаатар: «Тэрхчандмань», 2013. 338 т.

110. Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ ханы тахилын онгоны судалгаа // Археологийн судлал. 2003. Т. XXI. Т. 75–83.

111. Баярхуу Н., Торбат Ц. Шанагын морьтой оршуулга // Оюуны хэлхээ. Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2016. №1. Т. 60–77.

112. Баярхуу Н., Торбат Ц., Жискар П.Х. Сыргалийн морьтой оршуулгууд // Археологийн судлал. 2017. Т. XXXVI. Т. 211–230.

113. Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 570 с.

114. Белинская К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: НГПУ, 2007а. С. 146–148.

115. Белинская К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007б. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 199–204.

116. Белинская К.Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. №4(7). С. 6–11.

117. Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.

118. Белокобыльский Ю.Г. Экспедиция И.Р. Аспелина в Сибирь (к 100-летию экспедиции) // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. №16. Вып. 3. С. 54–56.

119. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

120. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

121. Берсенева Н.А. Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-

этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 107–110.

122. Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010б. №3(43). С. 72–81.

123. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.

124. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

125. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 450 с.

126. Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 559–560.

127. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

128. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 80–200.

129. Богданова В.И. Новые антропологические материалы конца I тыс. н.э. из Тувы // Сборник МАЭ. 1980. Т. 36. С. 100–107.

130. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.

131. Большая российская энциклопедия. М.: Большая Рос. энцикл., 2005. Т. 1. 766 с.

132. Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 6–25.

133. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В. Радлова // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 11–13.

134. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Керамика из древнетюркского поминальника Биченег // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. №7. 145–154.

135. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение археологических памятников позднего средневековья в долине р. Катунь в Горном Алтае // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 10–45.

136. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.

137. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

138. Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.

139. Бородовский А.П. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–189.

140. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

141. Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 176–179.

142. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

143. Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 88 с.

144. Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 296–303.

145. Вадецкая Э.Б. Возвращение к С.А. Теплоухову // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 1992. Ч. I. С. 16–18.

146. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. 440 с.

147. Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 140–154.

148. Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.

149. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966а. №3. С. 60–81.

150. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966б. Т. II. С. 292–334.

151. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.: (Погребения кызылганской и сыын-чюрекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: АН СССР, 1970. Т. III. С. 7–79.

152. Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» / Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 640–682.

153. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 185–291.

154. Варламов О.Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. II. С. 181–183.

155. Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978. С. 98–99.

156. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 126 с.

157. Васильев Д.Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. Сер.: «Востоковедение. Африканистика». 2009. Вып. 8. С. 48–55.

158. Васильев Ю.М. Мемориальные погребения (кенотафы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во «Наука-Омск», 2003. С. 39–42.

159. Васютин А.С. Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 171.

160. Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983а. С. 192.

161. Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII–X вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1983б. 16 с.

162. Васютин А.С. Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // Археологические открытия 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 193.

163. Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 73–79.

164. Васютин А.С. Могильник Кудыргэ и кудыргинская культура (в защиту памятника) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 210–214.

165. Васютин А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-в Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 87–94.

166. Васютин А.С., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1983. С. 118–122.

167. Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 107–114.

168. Васютин А.С., Онищенко С.С. Некоторые вопросы интерпретации погребений со «шкурами» лошадей на юге Западной Сибири в VIII–XIV вв. // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 96–98.

169. Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

170. Васютин С.А. Архаичные элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 95–99.

171. Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 56–71.

172. Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. I. С. 215–223.

173. Васютин С.А. Проблемы и перспективы изучения демографии и социальной стратификации кочевых обществ древнетюркской эпохи по данным археологии // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 268–274.

174. Васютин С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 198–201.

175. Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. №3(79). С. 49–63.

176. Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 39–63.

177. Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 10–38.

178. Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

179. Владимиров В.Н., Глоба Г.Д. Раскопки у с. Белый Бом // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 172–173.

180. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В. Тюркские оградки памятника Белый Бом-II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 152–160.

181. Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 97–104.

182. Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 1–42.

183. Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 114–136.

184. Войтов В.Е. Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // Mongolica. М.: Наука, 1986. С. 118–136.

185. Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 92–109.

186. Войтов В.Е. Культово-поминальные сооружения VI-VIII вв. на территории Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

187. Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

188. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

189. Войтов В.Е., Волков В.В., Кореневский С.Н., Новгородова Э.А. Археологические исследования в Монголии // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 587–588.

190. Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е. Работы на Чулууте и Хар-Хорине // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 596–597.

191. Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. 1957. XXVII. С. 250–268.

192. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

193. Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI–VIII веках. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 132 с.

194. Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.

195. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

196. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

197. Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 109–116.

198. Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.

199. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

200. Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. Вып. 12. С. 95–114.

201. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. 232 с.

202. Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): Автореф. дис. … док. ист. наук. Барнаул, 2006б. 55 с.

203. Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 85–98.

204. Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 119–124.

205. Горбунов В.В. Длинноклинковое оружие тюркской конницы // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 385–401.

206. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.

207. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002а. С. 174–180.

208. Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002б. С. 43–46.

209. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 227–229.

210. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124. (Труды САИПИ. Вып. 3).

211. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2 (8). С. 82–99.

212. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования на памятниках Харганат-I и II в Ховдском аймаке Монголии // Туухийн товчоон. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг», 2015. Т. VIII. С. 61–86.

213. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86.

214. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлюоресцентного анализа // Древние и

средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 165–168.

215. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Богатын-узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 92–102.

216. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.

217. Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) // Советская археология. 1991. № 3. С. 20–30.

218. Горбунова Т.Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сросткинской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: КемГУ, 2003. С. 109–113.

219. Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

220. Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.

221. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Технико-морфологический и спектральный анализ украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 346–348.

222. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная

страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

223. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.

224. Грач А.Д. Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. 1955. Т. XVI. С. 401–431.

225. Грач А.Д. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува) // Краткие сообщения Института этнографии. 1958а. Вып. XXX. С. 151–158.

226. Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958б. №4. С. 18–34.

227. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 7–72.

228. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 73–150.

229. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.

230. Грач А.Д. По поводу рецензии Л.Р. Кызласова // Советская археология. 1965. №3. С. 302–306.

231. Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966а. Т. II. С. 81–107.

232. Грач А.Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966б. С. 22–23.

233. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1966в. С. 188–193.

234. Грач А.Д. Археологические исследования в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (Центральная Тува) // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967а. С. 124–125.

235. Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР // Филология и история тюркских народов. Л.: АН СССР, 1967б. С. 52–54.

236. Грач А.Д. Древнейшие погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968а. С. 207–213.

237. Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. 1968б. Вып. 114. С. 105–111.

238. Грач А.Д. Принципы и методы историко-археологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 158–183.

239. Грач А.Д. О так называемых «древнетюркских неурядицах» // Советская тюркология. 1978. №6. С. 45–48.

240. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

241. Грач А.Д. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л.: Наука, 1984. С. 113–125.

242. Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1960. Вып. VIII. С. 185–192.

243. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.

244. Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 176–181.

245. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 568 с.

246. Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.

247. Грушин С.П. Причины появления кенотафов // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: ИрГТУ, 1996. Ч. II. С. 5–7.

248. Грушин С.П. Таксономическое группирование причин появления кенотафов // 275 лет сибирской археологии. Красноярск: КГПУ, 1997. С. 55–56.

249. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1930. Вып. 2. 12 с.

250. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.

251. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.

252. Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л.: Наука, 1969. С. 18–22.

253. Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–6.

254. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.

255. Грязнов М.П. О кенотафах // Проблемы археологии и этнографии. Иркутск: ИрГУ, 1982. С. 98–99.

256. Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.

257. Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Том IV. Вып. 2. 1929. С. 63–93.

258. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тугю // Советская археология. 1959. №1. С. 107–114.

259. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

260. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. 560 с.

261. Гунчинсурэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

262. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

263. Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

264. Данченок Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П. Археологические исследования в Хандыгайтинской котловине // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: Наука, 1988. С. 90–115.

265. Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

266. Дашковский П.К. Служители культа у тюрок Центральной Азии в эпоху средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. Вып. 4/1 (64). С. 65–71.

267. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья

(отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

268. Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015а. Вып. 8. С. 20–29.

269. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015б. 224 с.

270. Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. Вып. II. С.83–100.

271. Дашковский П.К., Тишкин А.А. Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 182–109.

272. Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 315–319.

273. Дашковский П.К., Шмидт В.К. О некоторых особенностях погребального обряда каменской культуры Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 79–85.

274. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

275. Демин М.А., Шульга П.И. Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 97–101.

276. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. 272 с.

277. Длужневская Г.В. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии // Филология и история тюркских народов. Л.: АН СССР, 1967. С. 56–57.

278. Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

279. Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 г. М: Наука, 1978. С. 230–237.

280. Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX-XII вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1985. 17 с.

281. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 178–188.

282. Длужневская Г.В. Древние тюрки в Саянском каньоне Енисея / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 173–186.

283. Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.

284. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Археолог Юрий Иванович Трифонов (1940–1989) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 203–210.

285. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 197 с.

286. Длужневская Г.В., Седых В.Н. Штрихи к портрету // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 4–6.

287. Дмитриев С.В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 234–237.

288. Добжанский В.Н. К вопросу о погребальном обряде восточных тюрков // Маргулановские чтения. Алма-Ата: Б.и., 1989. С. 173–177.

289. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 162 с.

290. Добродомов И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 94–97.

291. Доде З.В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. №4. С. 25–35.

292. Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–184.

293. Доржсурэн Ц. 1956–1957 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн. Улаанбаатар, 1958. 22 т.

294. Доржсурэн Ц. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961. 112 т.

295. Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: ОФ «Тюркской наследие», 2006. 168 с.

296. Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 372 с.

297. Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. 232 с.

298. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М.: ИВ РАН, 2014. 608 с.

299. Дубровский Д.В. Идея рядности в культуре кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 91–101.

300. Дубровский Д.В., Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 187–190.

301. Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: бага газрын чулуу / Археологийн судлал. Т. XXVII. Улаанбаатар, 2010. 347 т.

302. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

303. Дэвлет М.А. Археологическое изучение Южной Сибири в годы Советской власти // Краткие сообщения Института археологии. 1969. Вып. 118. С. 32–42.

304. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976. 120 с.

305. Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.

306. Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 120 с.

307. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Наука, 1998. 287 с.

308. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.

309. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

310. Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // Краткие сообщения Инстиута истории материальной культуры. 1951. Вып. XXXVI. С. 189–190.

311. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120. (МИА, №24).

312. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

313. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.

314. Елин В.Н., Могильников В.А. Исследование древних курганов Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 218–220.

315. Ермоленко Л.Н. Древнетюркская оградка, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 166–168.

316. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.

317. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 148 с.

318. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана: Култегін, 2006. 360 с.

319. Жолдошов Ч.М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: «Илим», 2005. Вып. I. С. 67–74.

320. Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алмааты: Жеті жаргы, 2003. 432 с.

321. Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алмааты; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.

322. Зайцев И.В. Древнетюркские поминальные оградки и представления древних тюрок о пространстве // Исторический источник: человек и пространство (тез. докл. и сообщений). М.: Б.и., 1997. С. 85–88.

323. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

324. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 15–23.

325. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 216 с.

326. Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 80–87.

327. Зяблин Л.П., Кривонос А.А. Копенский отряд // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 146–148.

328. Идэрхангай Т.-О. Результаты раскопок тюркских оградок в местности Дунд Оорцог (Центральная Монголия) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. №4/2(84). С. 121–127.

329. Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

330. Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын Хошоон дэнжид явуулсан Турэгийн уеийн тахилын байгууламжийн малтлага судагааны ур дунгээс // Археологи, Туух, Хумуунлэгийн ухааны сэтгуул. 2016. №12. Т. 35–50.

331. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

332. Ильинская В.А. Скифские курганы около г. Борисполя // Советская археология. 1966. №3. С. 152–171.

333. Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.

334. Илюшин А.М. Новые материалы к проблеме соотношения памятников предтюркского и раннетюркского времени Восточного Алтая // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 212–227.

335. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

336. Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V. Ч. 1. С. 122–125.

337. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.

338. Илюшин А.М. Ритуал захоронения коней как этнографо-археологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во «Наука-Омск», 2003. С. 47–50.

339. Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 42–44.

340. Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, этнографии и антропологии. 2010. Вып. 1 (12). С. 97–106.

341. Илюшин А.М. Предметы культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 354. С. 81–87.

342. Илюшин А.М. Кенотафы и полукенотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 8. С. 29–34.

343. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 93–103.

344. Именхоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.

345. Итс Р.Ф. О надписи на китайском зеркале из Тувы // Советская этнография. 1958. №4. С. 35–37.

346. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 384 с.

347. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

348. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 65–70.

349. Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.

350. Кибиров А.К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // Краткие сообщения Института этнографии. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.

351. Килуновская М.Е. Горные святилища тюрок Центральной Азии // Вестник КНУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2004. Вып. IV: История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. С. 105–108.

352. Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Т. Р. Садыков Т.Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. №6. С. 151–182.

353. Кильдюшева А.А. К вопросу об интерпретации некоторых женских захоронений // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 254–258.

354. Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные о древнетюркском могильнике Белый Яр-I в Хакассии (по материалам раскопок 1992 г.) // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н.Ф. Катанова, 1993. С. 41–42.

355. Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 230–235.

356. Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 59–61.

357. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. EI-36. Л: Наука, 1973. 140 с.

358. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Волков П.В. Тюркское изваяние с Бирюзовой Катуни // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: АлтГПА, 2009. Вып. 4. С. 45–50.

359. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: БГПУ, 2007. Вып. 3. С. 57–59.

360. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Семибратов В.П., Кирюшина Ю.В. Историко-культурное наследие тюркского времени на территории «Бирюзовой Катуни» // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2012. №4/1 (76). С. 111–118.

361. Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Исследование тюркского кургана на территории «Бирюзовой Катуни» // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. С. 270–274.

362. Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 222 с.

363. Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А, Исследование памятников древнетюркского времени на

территории Бирюзовой Катуни в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. II. Ч. 1. С. 339–343.

364. Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 235–243.

365. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

366. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

367. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XIII. Ч. I. С. 353–357.

368. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.

369. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

370. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

371. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

372. Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.

373. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

374. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.

375. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2. С. 91–101.

376. Кисель В.А., Николаев Н.Н., Хаврин С.В. Некоторые итоги исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 24–36.

377. Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Социогенез в Северной Азии. Ч. I. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 258–263.

378. Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.

379. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР, ЛНИАО, 1991. 448 с.

380. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 216 с.

381. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.

382. Кляшторный С.Г. Рунические надписи из кургана Аржан-II // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 184–185.

383. Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы в Монголии // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 575–576.

384. Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М.: Наука, 1980. С. 90–102.

385. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977 г. М.: Наука, 1981. С. 117–138.

386. Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.

387. Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 213–215.

388. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Наука, 2003. 560 с.

389. Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.

390. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. II. С. 23–31.

391. Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии / Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 115–119.

392. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X. География, этнография, история. М.: Наука, 1971. С. 121–146.

393. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 37–60.

394. Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // СГЭ. 1974. Вып. XXXIX. С. 45–48.

395. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

396. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

397. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

398. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Монголоос олдсон алтан брактеат тов азийн гоел чимэглэлийн урлаг дахъ византийн угуулэмж // Археологийн суудлал. 1999. Т. XIX. Т. 150–160.

399. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

400. Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Исследования в бассейне р. Онон // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1986. С. 151–154.

401. Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. XVI. С. 207–210.

402. Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 20–23.

403. Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: «Фэн», 2007. С. 246–266.

404. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

405. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII вв. н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004а. 24 с.

406. Кондрашов А.В. Опыт выделения социодиагностирурующих признаков инвентаря по материалам погребений сросткинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. С. 103–107.

407. Константинов Н.А. Сцены охоты на раннесредневековых петроглифах Горного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2012. №4-2(76). С. 122–125.

408. Константинов Н.А. Новые материалы эпохи раннего средневековья из Курайской котловины (Алтай) // Тезисы V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул: Б.и., 2017. С. 516.

409. Кореняко В.А. Об изображении на Бугутской стеле // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ТОО «Старый сад», 2001. С. 355–369.

410. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

411. Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // Российская археология. 2007. №2. С. 25–32.

412. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.

413. Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 175–177.

414. Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. 52 с.

415. Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81.

416. Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской

культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 117–126.

417. Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // Российская археология. 2010. №1. С. 157–160.

418. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.

419. Крадин Н.Н. Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 80–94.

420. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.

421. Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов (доклады российской делегации). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 72–78.

422. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 490–511.

423. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

424. Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 72 (1–2). М.: Наука, 2011. С. 330–351.

425. Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

426. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Вост. лит-ра РАН, 2006. 557 с.

427. Кубарев В.Д. Первые работы в долине р. Юстыд // Археологические открытия 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 209–211.

428. Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дъер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 86–98.

429. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979а. 120 с.

430. Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979б. С. 135–160.

431. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980а. С. 69–91.

432. Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // Археологические открытия 1979 г. М.: Наука, 1980б. С. 212–213.

433. Кубарев В.Д. Работы на Алтае // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 187–188.

434. Кубарев В.Д. О работах на Алтае // Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 205.

435. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

436. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985а. С. 136–148.

437. Кубарев В.Д. Исследования на Алтае // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985б. С. 215–216.

438. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.

439. Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 158–162.

440. Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 24–54.

441. Кубарев В.Д. Сюжеты войны и охоты в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, антропология и этнография Евразии. 2001б. №4(8). С. 95–107.

442. Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII. С. 282–287.

443. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.

444. Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // Археологические открытия 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 237–239.

445. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

446. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 307–311.

447. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. О результатах исследования древнетюркского погребально-поминального мемориала в долине р. Хар-Яматын-гол (Монгольский Алтай) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара: Офорт, 2010. С. 54–56.

448. Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.

449. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 124 с.

450. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. №1. С. 149–163.

451. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. №4. С. 169–173.

452. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 76–95.

453. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 258–265.

454. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

455. Кубарев Г.В. Древнетюркское погребение с реки Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИЯЛ, 1992. С. 91–92.

456. Кубарев Г.В. Богатый уздечный набор из древнетюркского погребения // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994а. С. 67–70.

457. Кубарев Г.В. Древнетюркский кенотаф из Бике-III // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994б. С. 82–86.

458. Кубарев Г.В. Китайское зеркало с Юстыда // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995а. Вып. V. Ч. 1. С. 126–130.

459. Кубарев Г.В. Новый серебряный сосуд из Талдуаира // Известия лаборатории археологии. 1995б. №2. С. 164–180.

460. Кубарев Г.В. Изображение быка в поясной гарнитуре древнетюркского времени // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 78–81.

461. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1997а. 18 с.

462. Кубарев Г.В. Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1997б. Т. III. С. 208–212.

463. Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998а. Т. IV. С. 266–269.

464. Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н. э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998б. Т. I. С. 290–298.

465. Кубарев Г.В. Сравнительное изучение аварских и центральноазиатских раннесредневековых граффити // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 343–349.

466. Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.

467. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

468. Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2007а. Т. I. С. 50–59.

469. Кубарев Г.В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007б. Т. XIII. С. 293–297.

470. Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008а. С. 68–72.

471. Кубарев Г.В. Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.: ИА РАН, 2008б. Т. II. С. 236–239.

472. Кубарев Г.В. Гравировки на плитах из раннетюркских оградок в урочище Ак-Кообы на Алтае // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 54–59.

473. Кубарев Г.В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011б. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 221–240.

474. Кубарев Г.В. К вопросу о выделении раннетюркских изваяний и поминальных сооружений // Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по данным антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии). Омск: ОмГУ, 2011в. С. 39–44.

475. Кубарев Г.В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011г. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.

476. Кубарев Г.В. Исследование древнетюркской оградки №5 в местности Кызыл-Шин (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012а. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 143–152.

477. Кубарев Г.В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизации. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012б. Кн. 1. С. 339–346.

478. Кубарев Г.В. Кубарев Владимир Дмитриевич (14.08.1946 – 08.05.2011): Краткий биографический очерк. Список опубликованных работ В.Д. Кубарева // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012в. №4(16). С. 115–141.

479. Кубарев Г.В. Наскальные гравюры древних тюрков Алтая // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. Алмааты: Б.и., 2012г. С. 132–146.

480. Кубарев Г.В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012д. Т. XVIII. С. 195–200.

481. Кубарев Г.В. Тюркские погребальные памятники Алтая // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. Алмааты: Б.и., 2012е. С. 116–130.

482. Кубарев Г.В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул: Азбука, 2013а. С. 340–345.

483. Кубарев Г.В. Археологические работы Чуйского отряда на Алтае в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013б. Т. XIX. С. 225–229.

484. Кубарев Г.В. Исследование В.Д. Кубаревым курганов скифской эпохи Алтая // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013в. Т. II. С. 34–43.

485. Кубарев Г.В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 136–150.

486. Кубарев Г.В. Мир в миниатюре: традиция помещения вотивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016а. С. 429–479.

487. Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрок в долине р.

Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия) // Археологические вести. Вып. 22. СПб.: ИИМК РАН, 2016б. С. 115–129.

488. Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшияхты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрок) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №1. С. 93–103.

489. Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №2. С. 79–89.

490. Кубарев Г.В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д. Исследование древнетюркских памятников Монгольского Алтая // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2008. С. 108–112.

491. Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 78–82.

492. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 341–342.

493. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

494. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. О древнетюркских поминальных оградках в устье Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. С. 301–305.

495. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в местности Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 175–179.

496. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Поясные сумочки в костюме древних тюрок Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 155–161.

497. Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 139–141.

498. Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д. Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 357–360.

499. Кубарев Г.В., Поздняков Д.В. Реконструкция упряжи коня из кургана 2 могильника Уландрык-IV (из раскопок В.Д. Кубарева) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 230–234.

500. Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 373–376.

501. Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 392–396.

502. Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

503. Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 212–222.

504. Кулемзин А.М. Работы Акташского отряда Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 201–202.

505. Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1980. С. 191–197.

506. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

507. Кызласов И.Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 100–129.

508. Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 81–94.

509. Кызласов И.Л. Посвятительная орхонская надпись из окрестностей д. Купчегень // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. №1. С. 136–141.

510. Кызласов И.Л. Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература, 1999. С. 169–199.

511. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского краеведческого музея // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 82–112.

512. Кызласов И.Л. Рунические надписи на двух поясных наконечниках // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. №6. С. 132–138.

513. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 2002. 162 с.

514. Кызласов И.Л. Руническая надпись на Жалгыз-Тобе (новые данные по рунологии и исторической географии) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 66–75.

515. Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.

516. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960а. 197 с.

517. Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник Московского университета. Сер. IX: Исторические науки. 1960б. Вып. 1. С. 51–76.

518. Кызласов Л.Р. А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. // Советская археология. 1964а. №1. С. 349–355.

519. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964б. №2. С. 27–39.

520. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

521. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 193–211.

522. Кызласов Л.Р. «Древнетюркские» неурядицы // Советская тюркология. 1977. №5. С. 44–46.

523. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979а. 207 с.

524. Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX–X вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Общественных наук. 1979б. №1. Вып. 1. С. 105–112.

525. Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 52–54. (Археология СССР).

526. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Хакассии и Туве // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 211–212.

527. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.

528. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

529. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Восточ. лит., 1961. 391 с.

530. Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 192–197.

531. Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.

532. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА СССР. М.: Наука, 1952. №24. С. 121–136.

533. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

534. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск: Наука, 1993. 414 с.

535. Ленская С.Г. Тюркские изваяния Средней Катуни // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. Вып. 1–2. С. 189–192.

536. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // Краткие сообщения Института археологии. 1977. Вып. 148. С. 16–23.

537. Леус П.М. О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 225–229.

538. Леус П.М. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 145–148.

539. Лившиц В.А. Согдийский «акинак» на Восточном Алтае // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1998. С. 282–283.

540. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 212–236.

541. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 155 с.

542. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: «Восточная литература», 1994. 326 с.

543. Лубо-Лесниченко Е.И., Трифонов Ю.И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. С. 406–416.

544. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

545. Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

546. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

547. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

548. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 113 с.

549. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.

550. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 197–203.

551. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

552.

553. Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994а. С. 129–132.

554. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994б. С. 58–63.

555. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.

556. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

557. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 202–205.

558. Мандельштам А.М. Исследования могильников Бай-Даг-II и Часкал-II // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 127–128.

559. Маннай-оол М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 238–246.

560. Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: ТГПИ, 1947. С. 167–174.

561. Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 53–64.

562. Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 178–185.

563. Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. 346 с.

564. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 147–172.

565. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.

566. Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 49–52.

567. Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.

568. Маточкин Е.П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. 2007а. Вып. 6. С. 99–101.

569. Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007б. С. 132–134.

570. Матренин С.С. Впускные погребения Горного Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 98–106.

571. Матренин С.С. Особенности ориентации погребенных в курганах Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: ТГУ, 2003. С. 234–236.

572. Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 93–98.

573. Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в до н.э. – V вв. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005б. С. 105–119.

574. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005в. 24 с.

575. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005г. Вып. 2. С. 35–51.

576. Матренин С.С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 143–148.

577. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

578. Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 152–183.

579. Матренин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребально-поминальные комплексы у горы Хрустальная (Центральный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3–4. С. 78–90.

580. Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

581. Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. 550 с.

582. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004. 208 с.

583. Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 84–91.

584. Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3–4. С. 219–235.

585. Миняев С.С. К проблеме генезиса средневековых подбойных погребений Южной Сибири // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 123–128.

586. Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 46–48.

587. Митько О.А. Население территории Среднего Енисея в эпоху средневековья (VI–XVI вв.) (по данным погребальной обрядности): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 23 с.

588. Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 155–161.

589. Митько О.А. Древнетюркский могильник на реке Таштык // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 55–64.

590. Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по материалм склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 39–61.

591. Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дялян // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 85–86.

592. Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

593. Могильников В.А. К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрок // Барнаулу – 250 лет. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 70–71.

594. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

595. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.

596. Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения истории культуры древнетюркского населения Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1984. С. 65–69.

597. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

598. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992а. С. 175–212.

599. Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения культуры древних тюрок Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 63–68.

600. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994а. С. 94–116.

601. Могильников В.А. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994б. С. 35–39.

602. Могильников В.А. К проблеме происхождения древних тюрок Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. С. 142–145.

603. Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, Б.и., 1996а. С. 51–56.

604. Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Б.и., 1996б. С. 24–30.

605. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997а. С. 187–234.

606. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997б. 195 с.

607. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

608. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

609. Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 83–84.

610. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48.

611. Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. 192 с.

612. Молодин В.И. Культовый комплекс Бертек-2 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 124–127.

613. Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

614. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 255 с.

615. Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

616. Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек: Кыргызский нац. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 1996. 259 с.

617. Мотов Ю.А. К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. 2001. Вып. 2. С.63–86.

618. Мунхбаяр Б.Ч. Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 103–116.

619. Мөнхбаяр Ч. Узуур гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судал-гаа // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. Т. 29–33.

620. Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол – Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. Улаанбаатар, 2016. Т. 164–187.

621. Мунхбаяр Б.Ч., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Серегин Н.Н., Сарантугалаг Д., Идэрхангай Т.-О. Раскопки на памятнике Хар узуур-I // Эрдэм шинжилгээний бичиг. №6(18). 2013. С. 89–114.

622. Мөнхтулга Р. Монгол улсын нутгаас илэрсэн Хятан бичээсийг тайлан унших нь // Хятаны өв соёл (Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл). Улаанбаатар, 2014. Т. 114–115.

623. Мөнхтулга Р., Болорбат Ц., Энхтөр А., Буянхишиг Ц. Донгойн ширээн дурсгалыг малтан судалсан нь. Улаанбаатар, 2014. 32 т.

624. Мөнхтулга Р., Осава Т. Донгойн ширээн дурсгалын гэрэлт хөшөөний бичээсийг анхны удаа уншсан нь // Эртний Түрэгийн түүх, соёл. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. Улаанбаатар, 2015. Т. 21–42.

625. Мухарева А.Н. Украшения конского снаряжения или свидетельства социального статуса? // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск: Ховдский государственный университет, 2009. Т. II. С. 36–38.

626. Мухарева А.Н., Серегин Н.Н. Гравированные изображения на плите тюркской оградки комплекса Годон-Гол-V (Монгольский Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. №2(90). С. 229–235.

627. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 232 с.

628. Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. 155 т.

629. Наделяев В.М. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973. №1. Вып. 1. С. 108–110

630. Наделяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. №11. Вып. 3. С. 65–81.

631. Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.

632. Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуни // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. VI. С. 167–170.

633. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.

634. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.

635. Невская И.А. Недавние открытия в Горном Алтае: алтайский свод древнетюркских рунических памятников // Научный Татарстан. 2011. №4. С. 205–213.

636. Нестеров С.П. Погребение с конем на р. Таштык (по материалам раскопок С.А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 95–102.

637. Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

638. Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

639. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

640. Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 91–102.

641. Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.

642. Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 88–92.

643. Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н.э.: Автореф. дис … канд. ист. наук. СПб., 2001а. 26 с.

644. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

645. Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. № 3. С. 210–218.

646. Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1983. С. 60–68.

647. Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М.: Наука, 1984. С. 215–223.

648. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

649. Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.

650. Овчинникова Б.Б. Памятники древнетюркской эпохи могильника Аймырлыг / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013а. С. 115–138.

651. Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013б. С. 139–172.

652. Ожередов Ю.И. Комбинированное изваянии с р. Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 144–152.

653. Ожередов Ю.И. Тюркское изваяние воина на Шивэрийн гол в Западной Монголии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 39–41.

654. Ожередов Ю.И. Поминальный комплекс ранних тюрок в сомоне Умнэ-говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Каменная скульптура и

мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 135–138.

655. Ожередов Ю.И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. С. 257–264.

656. Ожередов Ю.И. Антропоморфные каменные изваяния у горы Хотын-Хойт-Улан (к археологической карте Ховдского аймака) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 211–214.

657. Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Тюркские изваяния в местечке Ацын Ар и «Вал Чингисхана» // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 307–311.

658. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. 1951. Вып. I. С. 143–154.

659. Окладников А.П. От редактора / Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 3–7.

660. Окладников А.П., Волков В.В. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // Вестник АН СССР. 1972. №9. С. 70–80.

661. Окладникова Е.А. Петроглифы Куюса (долина р. Катуни, Алтай) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 122–129.

662. Окладникова Е.А. Петроглифы горы Жалгыс-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. М.: Наука, 1982. С. 183–190.

663. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск: Наука, 1984. 110 с.

664. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. XLII). Л.: Наука, 1988. С. 140–158.

665. Окладникова Е.А. Петроглифы урочища Шалкобы (Горный Алтай) // Новое в этнографии: Полевые исследования. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 130–141.

666. Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.

667. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. №1. С. 65–76.

668. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

669. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. № 1. С. 78–93.

670. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. №2. С. 85–98.

671. Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск: Б.и., 1995. Ч. II. С. 207–232.

672. Очир А., Анхбаяр Б. Жужаны уейн булш // Монголын археологийн өв. Боть III: Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2016. Т. 190–195.

673. Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т.

674. Очир А., Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Уйгурын язгууртны бунхант булш // Археологийн суудлал. 2008. Т. XXVI. Т. 328–368.

675. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа: Булган Аймгийн Баяннуур Сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан. Улаанбаатар: «Соёмбо Принтинг» Хэвлэлийн Үйлдвэр, 2013. 290 т.

676. Панкова С.В. К вопросу об изваяниях, называемых таштыкскими // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 86–103.

677. Панкова С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141.

678. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.

679. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

680. Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А. Робинсон Э. Международное значение репатриации «укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. №7(19). С. 17–45.

681. Подольский М.Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК, 2007. С. 113–128.

682. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

683. Поздняков Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №3(7). С. 142–154.

684. Поздняков Д.В. Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н. э. – первой половине II тыс. н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 22 с.

685. Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

686. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

687. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (юго-восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 289–293.

688. Поляков А.С. Поминальные оградки алтае-орхонских тюрок на юге Хакассии // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1983. С. 105–112.

689. Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

690. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества): В 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II. 280 с.

691. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // Советская археология. 1957. №3. С. 43–53.

692. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб., в 3-х вып.: 1892, 1893, 1896 гг.

693. Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 70 с. + табл.

694. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М: Наука, 1989. 749 с.

695. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

696. Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print-S, 2010. С. 329–344.

697. Рослякова Н.В., Щербаков Ю.Г. Предварительные результаты элементного состава бронзовых и серебряных изделий / Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 384–390.

698. Руденко С.И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Рус. музея. Л.: Б.и., 1926. С. 61–78.

699. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

700. Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.

701. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

702. Рудковская М.А. С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 36–42.

703. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3–4. С. 3–12.

704. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т.V. Вып. 1–2 (15–16). С. 120–138.

705. Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 286–287.

706. Савинов Д.Г. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 235–236.

707. Савинов Д.Г. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 220–222.

708. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–169.

709. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

710. Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность / Проблемы археологии и этнографии. Л.: ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 155–163.

711. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

712. Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987а. С. 80–89.

713. Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири: Автореф. дис. … доктора ист. наук. Новосибирск, 1987б. 54 с.

714. Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994а. С. 146–152.

715. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994б. С. 88–94.

716. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994в. С. 104–124.

717. Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.

718. Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алмааты, Москва: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 130–141.

719. Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 170–177.

720. Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005а. С. 180–343.

721. Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 129–135.

722. Савинов Д.Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 44–50.

723. Савинов Д.Г. Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: ИИМК, 2007. С. 211–228.

724. Савинов Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

725. Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

726. Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 7–9.

727. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

728. Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакассии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

729. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. 412 с.

730. Садыков Т.Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булун в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 47–59.

731. Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрен и проблема урало-алтайского бронзового века // Российская археология. 2011. №4. С. 130–139.

732. Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 150–156.

733. Самашев З.С. Древнетюркский культово-поминальный комплекс на горе Шивээт Улаан в Центральной Монголии // Кадырбаевские чтения – 2016. Актобе: Б.и., 2016. С. 19–64.

734. Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмаджиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболастов С. Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай – колыбель тюркского мира. Усть-Каменогорск: Б.и., 2016. С. 234–252.

735. Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев Ч. Древнетюркский культово-поминальный комплекс Шивээт улаан. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Ф. Маргулана в г. Астана, 2016. 272 с.

736. Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 1993. 198 т.

737. Сарафанов Д.Е. Характеристика поминальных сооружений кызыл-ташского этапа тюркской культуры (вторая половина V – первая половина VI в.) // Культуры Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 301–303.

738. Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 283–287.

739. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.

740. Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Глухов В.О., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской

археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2014. №4. С. 327–366.

741. Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

742. Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

743. Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 190–194.

744. Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 201–205.

745. Серегин Н.Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011а. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 236–245.

746. Серегин Н.Н. К вопросу о динамике погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI вв. н.э.) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011б. Т. 1I. С. 97–98.

747. Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011в. №4/2 (72/1). С. 180–185.

748. Серегин Н.Н. Проблемы и перспективы изучения погребальных комплексов тюркской культуры Монголии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011г. Вып. 6. С. 94–99.

749. Серегин Н.Н. Специфика погребальных комплексов раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011д. С. 28–30.

750. Серегин Н.Н. История исследования погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2012а. №4/1 (76). С. 199–202.

751. Серегин Н.Н. Источники и материалы для реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2012б. Вып. 356. С. 102–105.

752. Серегин Н.Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012в. Кн. 2. С. 536–541.

753. Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012г. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 134–142.

754. Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012д. №2 (17). С. 61–69.

755. Серегин Н.Н. Опыт выявления традиций расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии // Кадырбаевские чтения – 2012. Актобе: Б.и., 2012е. С. 339–347.

756. Серегин Н.Н. Социальная структура населения тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии по материалам погребальных комплексов (историографический аспект) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2012ж. №4/2 (76). С. 184–187.

757. Серегин Н.Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013а. №3 (22). С. 87–94.

758. Серегин Н.Н. Исторические судьбы населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени в контексте процессов культурогенеза раннесредневековых тюрок // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013б. С. 351–359.

759. Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013в. Вып. 2(8). С. 100–108.

760. Серегин Н.Н. Погребальные комплексы раннесредневековых тюрок Центральной Азии эпохи Первого каганата // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…). Казань: Изд-во «Ихлас», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013г. С. 6–22.

761. Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2013д. №4/1 (80). С. 194–198.

762. Серегин Н.Н. «Предметы культа» из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии: к постановке проблемы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013е. Т. 2. С. 215–218.

763. Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013ж. 206 с.

764. Серегин Н.Н. Социальный контекст комплекса вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Краткие сообщения Института археологии. 2013з. Вып. 231. С. 115–122.

765. Серегин Н.Н. Традиции и новации в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии (2-я половина V – XI вв.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013и. №5(17). С. 137–147.

766. Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // Краткие сообщения Института археологии. 2013к. Вып. 229. С. 71–83.

767. Серегин Н.Н. Динамика социальной системы раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по археологическим материалам) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2014а. №4/2 (84). С. 194–201.

768. Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014б. №1 (9). С. 101–114.

769. Серегин Н.Н. Об эволюции социальной системы раннесредневековых тюрок Центральной Азии в период зависимости от Китая // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2014в. №4/1 (84). С. 211–215.

770. Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок: опыт реконструкции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014г. Т. 13. №5. С. 177–185.

771. Серегин Н.Н. Этапы социогенеза раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по археологическим материалам) //

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014д. Т. III. С. 538–541.

772. Серегин Н.Н. «Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015а. №1 (28). С. 47–55.

773. Серегин Н.Н. Символы власти в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии (по археологическим материалам) // Уральский исторический вестник. 2015б. №4 (49). С. 77–85.

774. Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы раннесредневековых тюрков Центральной Азии / Васютин С.А., Дашковский П.К., Крадин Н.Н. и др. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015в. С. 131–143.

775. Серегин Н.Н. Алтай в раннетюркское время // Medieval Nomads: Abstracts of the conference. Szeged: University of Szeged, 2016a. P. 30–31.

776. Серегин Н.Н. Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. 2016б. №2(14). С. 37–47.

777. Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.) // Теория и практика археологических исследований. 2016в. №1 (13). С. 91–109.

778. Серегин Н.Н. Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016г. Вып. IX. С. 66–85.

779. Серегин Н.Н. Проблемы интерпретации «символических» захоронений раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления (Труды ИИМК РАН. Т. 46). СПб: ИИМК РАН; Невская книжная типография. 2016д. С. 169–178.

780. Серегин Н.Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона (по материалам погребальных комплексов) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016е. №1 (32). С. 66–77.

781. Серегин Н.Н. Хронологический и территориальный контекст распространения китайского импорта у раннесредневековых тюрок Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016ж. С. 87–91.

782. Серегин Н.Н. Импортные изделия из погребений тюрок Монголии // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 2017а. С. 238–243.

783. Серегин Н.Н. Общие и особенные черты топографии, планиграфии и внутренней структуры некрополей раннесредневековых тюрок Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2017б. №2(96). С. 250–254.

784. Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017в. №1 (17). С. 36–48.

785. Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017г. Т. II. С. 133–136.

786. Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Народы и религии Евразии. 2017д. Вып. III–IV (12–13). С. 9–23.

787. Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017е. №2. С. 60–74.

788. Серегин Н.Н. Некоторые аспекты социальной интерпретации археологических комплексов тюрок Центральной Азии эпохи Первого каганата // Народы и религии Евразии. 2018а. №4. С. 15–32.

789. Серегин Н.Н. Общество тюрок на периферии каганатов (социальная интерпретация погребальных комплексов Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н.э.) // Stratum Plus. 2018б. №5. С. 333–344.

790. Серегин Н.Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018в. №2 (24). С. 41–51.

791. Серегин Н.Н. Стремена из памятников раннего этапа культуры тюрок Центральной Азии // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018г. Т. II. С. 102–107.

792. Серегин Н.Н. Погребальный обряд раннесредневековых тюрок Центральной Азии: формирование и эволюция // Народы и религии Евразии. 2018д. №2 (15). С. 34–51.

793. Серегин Н.Н. Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2018е. №2(100). С. 174–181.

794. Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 174–182.

795. Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки в Чемальском районе // Археологические открытия 2015 г. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 252–254.

796. Серегин Н.Н., Леонов А.С. База данных тюркских изваяний Алтая из музейных коллекций // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018а. С. 40–44.

797. Серегин Н.Н., Леонов А.С. Тюркские изваяния из Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Теория и практика археологических исследований. 2018б. №1. С. 180–187.

798. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

799. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

800. Серегин Н.Н., Мухарева А.Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер.: Археология. Вып. 2. 2015. №. 1 (9). С. 95–106.

801. Серегин Н.Н., Тишин В.В. К вопросу о формах зависимости в обществе древних тюрков Центральной Азии (по письменным и археологическим источникам) // Тюркологический сборник 2013. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного. М.: «Восточная литература». 2016а. С. 159–192.

802. Серегин Н.Н., Тишин В.В. Некоторые аспекты изучения «западного» направления контактов элиты тюрков Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016б. №5 (43). С. 9–14.

803. Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н.э.). Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 344 с.

804. Серегин Н.Н., Тишин В.В. Дружина у тюрков Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. №6. С. 47–65.

805. Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе

Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXVI. С. 136–144.

806. Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

807. Скобелев С.Г. Древнетюркские оградки могильника Кек-Оба // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 86–105.

808. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.

809. Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соенов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

810. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.

811. Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 92–105.

812. Советская историческая энциклопедия. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961. Т. 1. 530 с.

813. Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1993. 95 с.

814. Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.

815. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.

816. Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

817. Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. 160 с.

818. Соенов В.И. Раннесредневековая археология Горного Алтая: основные проблемы и направления исследований // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 9–16.

819. Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 90.

820. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.

821. Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. Вып. 1–2. С. 74–95.

822. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.

823. Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

824. Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

825. Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуни // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 123–133.

826. Соловьева О.А. Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти (генезис, семантика, функции). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 1996. С. 38–45.

827. Сорокин П.С. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

828. Сорокин С.С. Доследование Большого Берельского кургана // СГЭ. 1962. Вып. XXIII. С. 70–72.

829. Сорокин С.С. Девять лет работы Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ, 1967а. С. 71–74.

830. Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1966 году // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ, 1967б. С. 87–90.

831. Сорокин С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // Советская археология. 1968. №1. С. 260–262.

832. Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 18. С. 62–91.

833. Сорокин С.С. Семантика сэргэ (коновязей) и некоторых других памятников кочевого населения лесостепной зоны Азии (к проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979. С. 12–16.

834. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 23–39.

835. Сотникова С.В. Воинские кенотафы с копьями эпохи бронзы (по материалам «колесничных» культур) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2. С. 75–87.

836. Спасский Г.И. О древних сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник. СПб.: Б.и., 1818. Ч. I. С. 77–78.

837. Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Тр. Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

838. Стеблева И.В. Поэзия древних тюрков VI–XII веков. М.: Раритет, 1993. 170 с.

839. Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 407.

840. Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Архмирово-I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 253–266.

841. Суразаков А.С. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 274.

842. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

843. Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 232–233.

844. Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. Ч. I. С. 39–41.

845. Суразаков А.С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. Фрунзе: Илим, 1988. С. 569–570.

846. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990а. С. 197–200.

847. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990б. С. 56–96.

848. Суразаков А.С. Древность и средневековье в исследованиях ГАНИИИЯЛ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: Б.и., 1992а. С. 14–20.

849. Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск: ОмГУ, 1992б. С. 92–97.

850. Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Altaica. 1993. №2. С. 50–51.

851. Суразаков А.С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 45–55.

852. Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.

853. Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

854. Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 т.

855. Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.): Автореф. дис. … доктора ист. наук. Новосибирск, 1971. 27 с.

856. Сэр-Оджав Н. Монголын эртний туух (Археологийн найруулал). Улунбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 178 т.

857. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

858. Табалдиев К.Ш., Йылмаз Аныл. Истоки, трансформации и инновации поминальных традиций в среде кочевников Тянь-Шаня // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 194–196.

859. Табалдиев К.Ш., Сулейманова А.С. О поминальных памятниках древних тюрков Тянь-Шаня // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 103–105.

860. Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 55–81.

861. Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 65–85.

862. Талын морьтон дайчдын өв соёл: VII–XIV зууны Монголын хадны оршуулгын шилмэл хэрэглэгдэхүүн. Улаанбаатар: Адмон принт, 2014. 304 т.

863. Тенишев Э.Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыш (Алтай) // Эпиграфика Востока. 1958. Вып. 12. С. 32.

864. Тенишев Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 262–265.

865. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.

866. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

867. Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине средней Катуни // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 151–153.

868. Тетерин Ю.В. Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 24–26.

869. Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–128.

870. Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 27–54.

871. Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

872. Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 62–88.

873. Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.

874. Тишин В.В., Серегин Н.Н. Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. №1. С. 109–127.

875. Тишин В.В., Серегин Н.Н. Возрастная организация у древних тюрков VI–X вв.: опыт комплексного анализа // Этнографическое обозрение. 2016. №1. С. 136–152.

876. Тишин В.В., Серегин Н.Н. К вопросу о методике прочтения редких знаков некоторых рунических надписей Центральной Азии (по материалам комплекса Бийрэг в Монгольском Алтае) // Вестник СПбГУ. Сер.: Востоковедение и африканистика. 2017а. Т. 9. Вып. 2. С. 183–195.

877. Тишин В.В., Серегин Н.Н. К вопросу о существовании служителей культа у древних тюрков Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2017б. №3. С. 76–96.

878. Тишин В.В., Серегин Н.Н. Основные аспекты изучения комплекса Уюк-Аржан: к проблеме реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия на территории Тувы в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2. С. 117–137.

879. Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 28 с.

880. Тишкин А.А. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий библиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. С. 66–72.

881. Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000б. С. 108–110.

882. Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. II. С. 43–56.

883. Тишкин А.А. Элита кочевых обществ Алтая скифской эпохи и проблемы их изучения // Древние кочевники Центральной Азии (история культура, наследие). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005б. С. 105–107.

884. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. … доктора ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

885. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

886. Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их ренгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

887. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Материалы исследования памятника Усть-Бийке-III в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. V. С. 520–526.

888. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. М.: Наука, 1999. С. 316–318.

889. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

890. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003а. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

891. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

892. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

893. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА. 2011. 136 с.

894. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследования тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. №3/2 (87). С. 229–238.

895. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Краткие результаты исследований в урочище Хар-Хад (Северо-Западная Монголия) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 3. Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 1179–1188.

896. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Б.Ч. Изучение археологических памятников Монгольского Алтая (по

результатам экспедиционных работ в 2015 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 152–171.

897. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. О методике исследований тюркских оградок (по материалам комплекса Баян булаг-I в Монгольском Алтае // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования. Алматы: Казак университеті, 2016. С. 423–425.

898. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Тюркские оградки археологического памятника Баян Булаг-II в Монгольском Алтае: результаты исследований и комплексного анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. №424. С. 136–144.

899. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч. Результаты исследований тюркского комплекса Баян булаг-I (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2. С. 184–195.

900. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О, Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г. // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 69–92.

901. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.Б. Результаты археологических исследований на территории Монгольского Алтая в 2015 году // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 2. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 100–106.

902. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 24–28.

903. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

904. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с.

905. Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Рентгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая Катунь-3 // География – теория и практика: Современные проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 240–247.

906. Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н. Коллекции С.И. Руденко в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 36–40.

907. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

908. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. Вып. 6. С. 14–32.

909. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013а. Вып. 1(7). С. 49–72.

910. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013б. Вып. 2(8). С. 75–81.

911. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2018а. №434. С. 129–136.

912. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Этнокультурная ситуация на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркское время // Археология Евразийских степей. 2018б. №6. С. 229–234.

913. Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический микрорайон (Центральный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 208 с.

914. Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Околокурганные объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 143–150.

915. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

916. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.

917. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

918. Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

919. Третьякова В.Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. Т. II. С. 54–56.

920. Трифонов Ю.И. Работы на могильнике Аргалыкты // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 25–27.

921. Трифонов Ю.И. Раскопки у подножия хребта Аргалыкты и в районе Кара-Тала // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 129–131.

922. Трифонов Ю.И. Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 174–176.

923. Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

924. Трифонов Ю.И. Исследования в Хакассии и Центральной Туве // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 239–240.

925. Трифонов Ю.И. Исследования в Минусинской котловине // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973а. С. 241–242.

926. Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник 1972. М., 1973б. С. 351–374.

927. Трифонов Ю.И. Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 225–226.

928. Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975а. С. 185–193.

929. Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакассии // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975б. С. 236–238.

930. Трифонов Ю.И. О методике раскопок курганов в поймах рек (по материалам исследований в Туве и Восточном Казахстане) // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации. Научно-практическая конференция (декабрь 1985). Тезисы. Л.: Наука, 1985. С. 71–72.

931. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая в связи с новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 189–199.

932. Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 143–156.

933. Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 13–114.

934. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 59–68.

935. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

936. Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан унээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн туухэн хогжлийн асуудалд // Нуудэлчдийн ов судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93.

937. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

938. Тулуш Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. №2 (46). С. 39–44.

939. Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 130–134.

940. Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 295 т.

941. Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

942. Төрбат Ц. Түрэгийн үеийн археологийн соёл // Талын морьтон дайчдын ов соёл. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академи Археологийн хүрээлэн, 2014. Т. 27–43 .

943. Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

944. Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

945. Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернард В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

946. Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г. «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба Хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 95–96.

947. Тутаркова Н.В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе (XIX–XXI вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2007. 22 с.

948. Тушинский Г.К., Давыдова М.И. Физическая география СССР. М.: «Просвещение», 1976. 543 с.

949. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012. 146 с.

950. Тюрина Е.А. Ритуальные сооружения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 85–87.

951. Убрятова Е.И. Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 156–162.

952. Ульянов И.В. Культ меча ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 188–191.

953. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.

954. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

955. Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 25 с.

956. Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: ТАУС, 2007. 372 с.

957. Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

958. Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. 80 т.

959. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

960. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

961. Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях Байкальского побережья конца I тыс. до н. э. – II тыс н. э. как показатель региональных культурно-исторических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 108–114.

962. Ховалыг У.Т. Проблемы истории и культуры древних уйгуров Центральной Азии в археологических исследованиях // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 3: Археология и этнография. С. 42–50

963. Хороших П. П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XIV. С. 26–34.

964. Хороших П. П. Изображения на скале Ялбак-Таш // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXV. С. 132–133.

965. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

966. Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 3–27.

967. Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние

культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985а. С. 168–184.

968. Худяков Ю.С. Раскопки могильников Ак-Хол и Ибыргыс-Кисте // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985б. С. 247–248.

969. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986а. 268 с.

970. Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее // Известия СО АН СССР. Серия: истории, филологии и философии. 1986б. №14. Вып. 3. С. 55–59.

971. Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.

972. Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1988. Вып. 3. С. 59–61.

973. Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.

974. Худяков Ю.С. Культура уйгуров Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1992а. 34 с.

975. Худяков Ю.С. Охранные работы Катунского отряда в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988–1991 гг. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 82–85.

976. Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетие н. э. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. С. 85–95.

977. Худяков Ю.С. Новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // III годовая итоговая сессия Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 101–102.

978. Худяков Ю.С. Генезис древнетюркской культуры // Россия и Восток: археология и этническая история. Омск: ОмГУ, 1997. С. 58–62.

979. Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири

и Центральной Азии: Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 1998а. 120 с.

980. Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. 1998б. №3. С. 31–38.

981. Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

982. Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 94–102.

983. Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002а. Вып. 9. С. 137–153.

984. Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002б. С. 150–160.

985. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003а. Вып. 1. С. 99–109.

986. Худяков Ю.С. Поясная и сбруйная фурнитура в военно-дружинной культуре тюркоязычных народов Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003б. С. 136–138.

987. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

988. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск: НГУ, 2006. 130 с.

989. Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007а. 156 с.

990. Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007б. 192 с.

991. Худяков Ю.С. Археологические исследования в долине реки Эдиган в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009а. Т. XV. С. 401–404.

992. Худяков Ю.С. Археологические памятники в долине р. Эдиган (по материалам работ Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН в 1988–2008 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009б. Вып. 1–2. С. 17–29.

993. Худяков Ю.С. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2011. С. 294–299.

994. Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрок на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. XII. Ч. 1. С. 497–500.

995. Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №1 (49). С. 122–130.

996. Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю. Древнетюркский поминальник в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 417–423.

997. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

998. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 456–470.

999. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 479–483.

1000. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 510–515.

1001. Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катуни // Altaica. 1993. №3. С. 17–20.

1002. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

1003. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. 2000. №3. С. 109–115.

1004. Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 46–53.

1005. Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. № 8. С. 94–105.

1006. Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченок Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл-Самагалтай-Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: Наука, 1988. С. 54–89.

1007. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

1008. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Новые памятники древних тюрок на Тянь-Шане // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 89–90.

1009. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.

1010. Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 82–87.

1011. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн судлал. 1986. Т. XI. Т. 98–102.

1012. Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Убсу-Нурской котловине // Археологийн суудлал. 1997. Т. XVII. Т. 88–97.

1013. Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 82–90.

1014. Хурэлсух С. Монгол нутах дахъ агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

1015. Хурэлсух С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудлал. Улаанбаатар, 2012. 144 т.

1016. Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

1017. Цогтбаатар Б., Эрдэнэ-Очир Н., Лхүндэв Г., Батдалай Б., Буянхишиг Ц., Ангарагдөлгөөн Г., Амарболд Э., Осава Т., Сайто Ш. Монгол-Японы хамтарсан «Дорнод Монголын эртний Түрэгийн үеийн түүх, археологийн судалгаа» төслийн 2015 оны малтлага судалгааны үр дүнгээс // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 180–186.

1018. Цогтбаатар Б., Эрдэнэ-Очир Н., Лхүндэв Г., Осава Т., Батдалай Б., Ангарагдөлгөөн Г., Амарболд Э. Монгол-Японы хамтарсан «Дорнод Монголын эртний Түрэгийн үеийн түүх, археологийн судалгаа» төслийн 2016 оны малтлага

судалгааны үр дүнгээс // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2017. Т. 236–242.

1019. Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

1020. Цэвендорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

1021. Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я, Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгуул. 2003. Т. IV. F. 2. Т. 23–28.

1022. Черемисин Д.В. Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 435–440.

1023. Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений на юге Горного Алтая в 2001 г.: Петроглифы Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 480–485.

1024. Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 491–496.

1025. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. №1. С. 40–51.

1026. Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а. С. 146–160. (Труды САИПИ. Вып. 7).

1027. Черемисин Д.В. О копировании граффити Горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011б. Т. 2. С. 175–178. (Труды САИПИ. Вып. 8).

1028. Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 369–373.

1029. Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. К вопросу об антропологическом типе древнетюркского населения центральных и южных районов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. III. С. 321–325.

1030. Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология. 1980. №2. С. 192–202.

1031. Шелепова Е.В. История изучения тюркских поминальных комплексов на территории Монголии // Эколого-географические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 132–147.

1032. Шелепова Е.В. Изучение раннего комплекса ритуальных сооружений тюркской культуры Алтая // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008а. С. 229–235.

1033. Шелепова Е.В. Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008б. С. 111–115.

1034. Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

1035. Шелепова Е.В. Предметы материальной культуры из тюркских оградок Алтая и сопредельных территорий // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011а. С. 114–116.

1036. Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник Новосибирского государственного

университета. Сер.: История, филология. 2011б. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 212–227.

1037. Шелепова Е.В., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования И.Г. Гранэ на территории Монголии // Немецкие исследователи на Алтае. Горно-Алтайск: Б.и., 2007. С. 194–198.

1038. Шер Я.А. Погребение с конём в Чуйской долине // Советская археология. 1961. №1. С. 280–282.

1039. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане // Советская археология. 1963. №4. С. 158–166.

1040. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 139 с.

1041. Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 61–84.

1042. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

1043. Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // Вестник древней истории. 1960. №2. С. 139–141.

1044. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. СПб.: Наука, 2001. 152 с.

1045. Эбель А.В., Буржуа Ж., Соенов В.И., Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 335–338.

1046. Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 132 с. (Археологические изыскания. Вып. 18).

1047. Энхтуяа Ш. Узуур гялангийн олдворын буртгэл // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. Т. 34–55.

1048. Энциклопедический словарь географических названий. М.: Советская энциклопедия, 1973. 808 с.

1049. Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. Вып. 2. С. 175–181.

1050. Эрдэнэбат У., Амартувшин Ч. Дугуй Цахирын хадны оршуулга (X–XII зуун). Улаанбаатар, 2010. 214 т.

1051. Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон довд 2011 онд явуулсан археологийн судалгаа // Археологийн суудлал. 2012. Т. XXXII. С. 229–258.

1052. Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн суудлал. 2011. Т. XXX. Т. 147–190.

1053. Эрдэнэбат У., Хүрэлсүх С. Нартын хадны оршуулга // Археологийн судлал. 2007. Т. XXIV. Т. 332–359.

1054. Эрдэнэбат У., Хюттель Х.-Г., Цэвээндорж Д. Уйгурын нийслэл Хаар Балгасыг археологийн талаар шинжлэн судалсан тойм // Археологийн судлал. 2010. Т. XXIX. Т. 302–324.

1055. Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

1056. Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Пугу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 455–462.

1057. Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV, д. 1–31. Т. 264–276.

1058. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб.: Изд-во «Нестор–История», 2006. 280 с.

1059. Юсупова Т.И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. №4. С. 26–67.

1060. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катуни // Записки ЗСОИРГО. Омск: Типография окружного штаба, 1882. Кн IV. С. 1–46.

1061. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // ТИМАО. М., 1883. Т. 9. Вып. II и III. С. 181–205.

1062. Ядринцев Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1885. 21 с.

1063. Яценко С.А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 32–38.

1064. Ahrens B., Piezonka H., Nomguunsuren G. Buried with his bow and arrows: The exceptional cave burial of a 14th century warrior at Tsagaan Khad mountain, Mongolia // Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Vol. 3: Historical Period. Huh-Hot: Museum of Inner Mongolia, 2015. P. 683–692.

1065. Alt-Altaische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s. + 76 kuvas.

1066. Amartuvshin Ch., Gerelbadrah Zh. Bilga Khagan`s treasures // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 343–348.

1067. Bazylkhan N. Unknown stone stelas from Mongolia with Brahmi inscriptions from ancient India // India and Kazakhstan. Silk Road synergy continues. New Delhi: Academic Excellence, 2011. P. 71–77.

1068. Bokonyi S. Horse Skeletons from the Cemetery at Hana // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 413–422.

1069. Dorjsuren C. An early medieval find from Nothern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 429–430.

1070. Drompp M.R. The Lone Wolf in Inner Asia // Journal of the American Oriental Society. 2011. №131(4). P. 515–526.

1071. Endrei W. Gy. Silk Fabrics of Grave I at Hana // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 423–428.

1072. Erdelyi I. Archaeological expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian University Press, 2000. 262 p.

1073. Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

1074. Erdelyi I., Dorjsuren Ts., Navan D. Result of the Mongolian-Hungarian Archaeological Expeditions 1961–1964 // Археологийн судалга. Эрдэм шинжилгээний бутээлийн эмхтгэл. Улаанбаатар, 2003. Т. 331–366.

1075. Grano I.G. Beitrage zur Kenntnis der Eiszeit in der Nordwestlichen Mongolei und einigen ihrer Sudsibirishen Grenzgebirge. Geomorphologishe Studien aus den Jahren 1905, 1906, 1907 und 1909. Helsingfors, 1910. II, 230 s. mit 111, 24. Bl. III.

1076. Gräno J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal dela Societe Finno-Ougrienne. XXVIII. Helsinki, 1910a. 59 s.

1077. Gräno J.G. Nordwestmongolei. Formen der Altertümer. Helsingfors, 1910б. 56 s.

1078. Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. München: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 S.

1079. Kljaštornyi S.G., Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXVI. Fasc. 1. P. 69–102.

1080. Kubarev G.V. Alttürkische Gräber des Altaj. Bonn: Habelt-Verlag, 2017. 402 s.

1081. Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on Ancient Turkic Monuments in the Valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 427–436.

1082. Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. V. 8. P. 16–26.

1083. Osawa T. Preliminary reading of the Old Turkic runic inscription on the harp typed musical instrument from the northwestern Mongolia // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 7. С. 19–27.

1084. Seregin N. Joint Burials of Ancient Turkic Peoples in Central Asia (6th – 10th Centuries AD) // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2015. V. 7. P. 195–202.

1085. Seregin N. Features of distribution of the Chinese products in sites of early medieval Turks in Central Asia // Archaeology and Conservation along the Silk Road. Nanjing: Nanjing University, 2016. P. 29–30.

1086. Seregin N. Results of Archaeological Research of Turkic Ritual Sites in the Mongolian Altai // Seventh Worldwide Conference of the Society for East Asian Archaeology. Boston: Boston University, 2016. P. 115.

1087. Seregin N.N., Parshikova T.S. Slavery in the Society of Early Medieval Turks of Central Asia (Based on Written and Archaeological Materials) // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. V. 6. P. 223–229.

1088. Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

1089. Zakharov A. Antiquities of Katanda (Altai) // Journal of Royal Anthropological Institute. 1925. Vol. LV. P. 37–57.

Список сокращений

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск)

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АН – Академия наук

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

Б.и. – без издательства

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт

БНЦ – Бурятский научный центр

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ)

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМВ – Государственный музей Востока

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ЗОИРГО – Западно-сибирское отделение Императорского российского географического общества

ИА – Институт археологии

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

ИрГУ – Иркутский государственный университет

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КемГУ – Кемеровский государственный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

НГУ – Новосибирский государственный университет

ОмГУ – Омский государственный университет

РАН – Российская академия наук

РТ – Республика Татарстан

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

СО – Сибирское отделение

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТГУ – Томский государственный университет

ТИМАО – Труды Императорского Московского археологического общества

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Серегин Николай Николаевич

ТЮРКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОЦИОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V – XI ВВ. Н.Э.)

Том 2

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Тишкин Алексей Алексеевич

Барнаул – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

Приложение I. Своды памятников и текстовые материалы……...3

Приложение II. Таблицы и схемы……139

Приложение III. Иллюстрации……148

Свод погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтая

1. Ак-Алаха. Археологический комплекс расположен на левом берегу одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Южно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции. В 1995 г. раскопано одно погребение тюркской культуры на могильнике Ак-Алаха-I (курган №3). Курган раннего средневековья, представлявший собой довольно крупную каменную насыпь округлой формы, был пристроен с восточной стороны к объекту скифо-сакского времени. В могильной яме находилось ограбленное погребение человека в каменном ящике, ориентированного в северный сектор горизонта, в сопровождении трех лошадей, направленных в противоположную сторону. В 1994 г. кенотаф культуры раннесредневековых тюрок исследован в составе некрополя Ак-Алаха-III (курган №2). Материалы раскопок обозначенных комплексов остались практически не опубликованными (Молодин В.И. и др., 2004, с. 68, 75, рис. 106), что затрудняет определение хронологии объектов.

2. Ак-Кообы. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Барбургазы, в ее нижнем течении, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Раскопано два погребения культуры раннесредневековых тюрок, расположенных в составе различных могильников. Одиночно стоявший курган, обозначенный как **«курган у изваяния»**, представлял собой подквадратную каменную насыпь, в основе которой была ограда из плит. Почти вплотную к восточному краю насыпи установлено каменное изваяние с выделенными антропоморфными признаками. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении

двух лошадей, направленных в противоположную сторону. В рамках погребально-поминального комплекса **Ак-Кообы-III** раскопан еще один курган культуры раннесредневековых тюрок (№2), представлявший собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной перегородкой из деревянной плахи и ряда камней. Инвентарь исследованных захоронений включал предметы вооружения, конского снаряжения, детали костюма, в том числе остатки шелковой одежды, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок обозначенных объектов полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 171–172, табл. XLIII–XLIV; Кубарев Г.В., 2005, с. 375–376, табл. 87–95).

3. Алагаил. Археологический комплекс находится в одноименной долине на правом берегу р. Чуя, в 12–17 км к югу от поселка Акташ Улаганского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Кемеровского педагогического университета в 1968–1969 гг. Раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №22). Материалы опубликованы лишь частично (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985).

4. Бажынты. Памятник находится в 9 км к северо-западу от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Исследовался археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1978 г. На могильнике раскопан один объект культуры раннесредневековых тюрок (курган №29). Погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и отгороженной каменными плитами, находилось под небольшой каменной насыпью. Захоронение подверглось ограблению, в связи с чем черепа человека и животного

отсутствовали. Сохранившийся немногочисленный погребальный инвентарь включал предметы вооружения, а также бытовые предметы. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1979, с. 274; Суразаков А.С., 1982, с. 126, рис. 2.-1–5).

5. Балтарган. Скальное погребение обнаружено местными жителями на правом берегу р. Большой Ильгумень, в 40 км к юго-западу от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Находки переданы в Алтайский республиканский краеведческий музей в 1995 г. Известно, что скелет погребенного лежал вдоль скальной ниши на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток, причем у умершего отсутствовали кости обеих кистей рук и кости ног ниже коленных суставов. Рядом находился скелет лошади, ориентированный в противоположную сторону. В состав сопроводительного инвентаря входили многочисленные предметы вооружения и конского снаряжения. Вещевой комплекс погребения опубликован (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, с. 46–53, рис. 1–3).

6. Балык-Соок-I. Погребальный комплекс расположен в одноименном урочище, в долине р. Урсул близ впадения в нее р. Курота, в Онгудайском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1985 г. Раскопано десять курганов культуры раннесредневековых тюрок (№9–12, 14, 15, 18, 19, 23, 34), расположенных, преимущественно, с восточной, реже с западной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронения раннего средневековья совершены под разного размера каменными насыпями (диаметр 6–12 м, высота 0,2–0,8 м). Все погребения были в той или иной степени ограблены, что определило фрагментарность информации об обряде для большей части объектов. Судя по имеющейся информации, почти во всех могилах находилось погребение человека с лошадью, причем число животных варьировало от одного до четырех. Умершие люди ориентированы,

преимущественно, в восточный сектор горизонта, а лошади – в противоположную сторону. Кроме того, исследован один кенотаф (курган №23). Отмеченный объект выделяется также редкой характеристикой обрядовой практики – к западу от насыпи отходил ряд балбалов из 10 камней. Из всех исследованных комплексов особое внимание привлекает курган №11, под которым было совершено одно из наиболее «богатых» погребений раннесредневековых тюрок, включавшее сопроводительное захоронение четырех лошадей, а также редкие и «престижные» элементы вещевого комплекса (доспех, серебряный сосуд, пояс из серебряных блях, копье, золотая серьга и др.). В целом, инвентарь захоронений представлен предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями, орудиями труда, а также изделиями бытового назначения. Материалы раскопок полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1987, с. 250–251; Кубарев Г.В., 2002, с. 88–112; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, с. 64–82; Кубарев Г.В., 2005, с. 380–383, табл. 120–146).

7. Барбургазы. Археологический комплекс расположен в долине одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом ИИФиФ СО РАН в конце 1970-х – начале 1990-х гг. На данном комплексе раскопано три погребения тюркской культуры, расположенных в составе различных курганных групп. На могильнике **Барбургазы-I** исследован один курган раннего средневековья (№20), устроенный с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронение, представлявшее собой «классический» кенотаф, находилось под небольшой каменной насыпью округлой формы. В могильной яме, разделенной на две части каменной перегородкой, обнаружен костяк лошади, ориентированной в западный сектор горизонта. На месте предполагаемого погребения человека находился предназначавшийся ему сопроводительный инвентарь. Еще одно погребение тюркской культуры раскопано в составе могильника **Барбургазы-II**. Курган раннего средневековья (№9), расположенный с восточной стороны от объектов скифо-сакского времени,

представлял собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. С восточной стороны от насыпи была сооружена небольшая подквадратная выкладка, не содержавшая каких-либо материалов. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного на восток, в сопровождении двух лошадей, направленных в противоположную сторону и отделенных линией деревянных кольев. Также один курган тюркской культуры (№7), планиграфия которого идентична описанным выше ситуациям, исследован в составе могильника **Барбургазы-III**. В ограбленной могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, рядом с которым помещен костяк лошади, направленной в ту же сторону. Сопроводительный инвентарь исследованных объектов, различный по качественно-количественному составу для конкретных погребений, включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, детали костюма, орудия труда, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок обозначенных комплексов полностью опубликованы (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1995, с. 108–111; Кубарев Г.В., 1997а, с. 208–212; 2005, с. 373–375, табл. 70–86).

8. Бертек. Памятник расположен в одноименной долине на плато Укок в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Археологический комплекс исследован Южно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции в 1991 г. На могильнике **Бертек-27** раскопано впускное погребение раннего средневековья, устроенное в кургане скифо-сакского времени. В могильной яме находилось захоронение двух лошадей без черепов, ориентированных в западный сектор горизонта. Сопроводительный инвентарь включал предметы конского снаряжения. Второе погребение тюркской культуры исследовано на памятнике **Бертек-34**. Данный объект представлял собой одиночный курган с насыпью сложной конструкции в виде подпрямоугольной ограды с пристроенными каменными кольцами. В могильной яме находилось погребение женщины, ориентированной в восточный сектор горизонта, в

сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной каменной перегородкой. В захоронении обнаружен весьма представительный инвентарь, включавший такие редкие предметы, как металлическое зеркало, серебряный сосуд, а также украшения и конское снаряжение. Материалы раскопанных комплексов полностью опубликованы (Савинов Д.Г., 1994в, с. 91–92, рис. 112–117; 1994г, с. 104–119, рис. 96–111; Молодин В.И. и др., 2004, с. 136, рис. 220–222).

9. Бике. Погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, в 5 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В 1989 г. работы на памятнике проводились Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. В ходе этих исследований вскрыто два погребения культуры раннесредневековых тюрок, расположенных в составе разных курганных групп. Раскопанный на некрополе **Бике-I** курган раннего средневековья (№9) представлял собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного на восток, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону. На могильнике **Бике-III** курган тюркской культуры (№12) был расположен с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронение совершено под средних размеров каменной насыпью округлой формы. Объект представлял собой кенотаф, в котором одна половина могилы оставалась пустой, а во второй находился костяк лошади, ориентированной в южном направлении. В 2007 г. исследования комплекса Бике были продолжены Катунской археологической экспедицией АлтГУ. В ходе работ на памятнике **Бике-IV** раскопано ограбленное погребение тюркской культуры (курган №1). Захоронение совершено под средних размеров каменной насыпью с крепидой. Судя по сохранившимся материалам, в могильной яме находилось погребение человека, ориентированного на северо-восток, рядом с которым помещены две лошади, направленные в противоположную сторону и отделенные каменной

перегородкой. Кроме того, рядом с взрослой женщиной находились кости ребенка. Погребальный инвентарь исследованных объектов тюркской культуры представлен предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями, орудиями труда. Материалы раскопок полностью опубликованы (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 54–57, рис. 16–19; Кубарев Г.В., 1994, с. 82–86; 2005, с. 383, табл. 147–151; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с. 55, рис. 1, 2).

10. Бирюзовая Катунь. Погребально-поминальный комплекс расположен в Алтайском районе Алтайского края, в 3–4,5 км от устья р. Тавдушка вверх по течению р. Катунь. Работы на памятнике проводились Нижне-Катунской археологической экспедицией АлтГУ в 2005–2009 гг. Всего за это время было раскопано три погребения тюркской культуры (**Бирюзовая Катунь-1, 3, 9**). Одиночные курганы раннего средневековья представляли собой небольшие насыпи округлой формы с крепидой из крупных камней. В одном случае (Бирюзовая Катунь-1) зафиксирована пристройка, сооруженная вплотную к крепиде. Исследованы два погребения человека с лошадью (Бирюзовая Катунь-1, 9), в которых умерший ориентирован в восточный сектор горизонта, а животное направлено в противоположную сторону. Под насыпью кургана Бирюзовая Катунь-3 находилось одиночное погребение (без лошади), в котором человек был ориентирован также в восточный сектор горизонта. Инвентарь исследованных комплексов включал предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда, украшения, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок опубликованы (Кирюшин К.Ю. и др., 2005, с. 339–343; Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, с. 235–243, рис. 1–4; Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, с. 240–243; Кирюшин К.Ю. и др., 2009, с. 270–274, рис. 1; Кирюшин К.Ю. и др., 2012, с. 111–118; Кирюшин К.Ю. и др., 2013).

11. Большой Яломан-II. Памятник расположен в 2,5 км к северу от устья р. Большой Яломан, на левом берегу р. Катунь, в Онгудайском районе Республики Алтай. Могильник состоит из восьми объектов, большая часть которых относится к раннему железному веку. Исследования на комплексе проводились совместной археологической экспедицией ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛ в 1989 г. Раскопанное погребение тюркской культуры (№4) было совершено под небольшой каменной выкладкой, пристроенной с северо-запада к кургану №3 скифо-сакского времени. Объект представлял собой отдельное захоронение лошади, ориентированной в северном направлении. В состав сопроводительного инвентаря входили только предметы конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 43, рис. 4, 12–15).

12. Боротал. Комплекс археологических памятников расположен в одноименном урочище, в среднем течении р. Чуя, на ее правом берегу, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Пять погребений тюркской культуры раскопаны в составе разных могильников. На некрополе **Боротал-I** курганы раннего средневековья (№6, 50, 51) находились к востоку и югу от объектов скифо-сакского времени. Погребения были совершены под средних размеров каменными насыпями; в одном случае (курган №6) зафиксирована крепида. Кроме того, одно захоронение тюркской культуры «впущено» в насыпь кургана №82 более раннего времени. Все исследованные объекты представляли собой кенотафы, в которых отсутствовало основное погребение, но имелись признаки, свидетельствующие в пользу того, что оно предполагалось – предметы снаряжения человека (курган №6, 51, 82), погребальная камера в виде сруба или каменного ящика (курганы №50, 51). Уникальной деталью обряда являлось наличие в одном из захоронений (курган №50) «сопроводительного» захоронения человека, уложенного поперек погребальной камеры основного

отсутствовавшего погребения. Лошади, находившиеся в кенотафах, ориентированы в западный сектор горизонта. Еще одно захоронение тюркской культуры исследовано в составе могильника **Боротал-II**. Курган раннего средневековья представлял собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. В могиле находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Инвентарь исследованных захоронений представлен предметами вооружения, конского снаряжения, а также изделиями бытового назначения. Материалы раскопок полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1985а, с. 136–148; Кубарев Г.В., 2005, с. 378–379, табл. 105–114).

13. Верх-Еланда-I. Памятник расположен у с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Могильник, состоявший из пяти расположенных без определенного порядка курганов, исследован Алтайской археологической экспедицией АлтГУ в 1988 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №4). Захоронение было совершено под средних размеров каменной насыпью. Могила сильно ограблена. Судя по имеющимся материалам, в ней находилось захоронение человека в сопровождении лошади. Редкой для населения тюркской культуры чертой обряда, зафиксированной по сохранившим первоначальное положение костям, являлось расположение лошади над умершим человеком. Погребальный инвентарь представлен лежавшими в беспорядке предметами вооружения и отдельными элементами конского снаряжения. Материалы раскопок полностью опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233, рис. 1, 8–10).

14. Горно-Алтайск. Памятник расположен на западной окраине г. Горно-Алтайск Республики Алтай. Один из сохранившихся курганов комплекса, находившийся в аварийном состоянии, исследован С.М. Киреевым в 1988 г. Насыпь кургана не сохранилась. Погребение культуры раннесредневековых тюрок находилось в средних размеров могильной яме и представляло собой

захоронение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Инвентарь состоял из предметов костюма, вооружения и конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Киреев С.М., 1993, с. 230–235, рис. 1).

15. Джолин. Археологический комплекс расположен в одноименном урочище, в долине р. Юстыд, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. В составе данного археологического комплекса раскопано четыре погребения тюркской культуры, расположенных в различных курганных группах. На могильнике **Джолин-I** зафиксировано два кургана раннего средневековья (№9 и 10), расположенных с восточной и юго-восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронения тюркской культуры совершены под средних размеров каменными насыпями округлой формы. В могильной яме каждого объекта находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении одной (курган №10) или двух (курган №9) лошадей, направленных в противоположную сторону и отделенных перегородкой в виде деревянных колышков, жердью или камнями. В составе некрополя **Джолин-III** исследовано два кургана тюркской культуры (№1 и 2), расположенных неподалеку от объектов скифо-сакского периода. Захоронения совершены под средних размеров каменными насыпями, к одной из которых (курган №1) с юго-запада пристроена небольшая каменная выкладка. В могильных ямах обоих объектов находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, рядом с которым была положена одна лошадь, направленная в противоположную сторону и отделенная рядом деревянных кольев, в одном случае дополненных каменной перегородкой. Вещевой комплекс исследованных захоронений включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, детали костюма, орудия труда, а также изделия бытового назначения. Материалы

раскопок полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1992, с. 25–36; Кубарев Г.В., 2005, с. 372–373, табл. 57–69; 2011б, с. 228–240, рис. 1–10).

16. Дялян. Курганный могильник расположен на левом берегу р. Катунь, в 2 км к юго-востоку от устья р. Ороктой, в Чемальском районе Республики Алтай. Охранные работы на памятнике проводились Южно-Сибирским отрядом археологической экспедиции НГУ в 1990 г. Раскопано одно погребение тюркской культуры (курган №2). Захоронение, совершенное под небольшой каменной насыпью округлой формы с крепидой, было ограблено. Судя по сохранившимся материалам, в могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в северный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную строну. Оставшиеся в захоронении предметы инвентаря относятся к поясному набору. Материалы раскопок полностью опубликованы (Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1992, с. 85–86, рис. 1, 2).

17. Жана-Аул. Памятник расположен в местности Чатыр, у с. Жана-Аул Кош-Агачского района Республики Алтай. Разрушенное в ходе хозяйственных работ погребение доисследовано В.А. Кочеевым в 1991 г. Судя по сохранившимся материалам, захоронение культуры раннесредневековых тюрок было совершено под курганной насыпью. В могиле находилось мумифицированное в силу естественных причин погребение женщины, уложенной в каменный ящик из вертикально установленных плит и ориентированной на север, в сопровождении лошади, направленной в ту же сторону. Инвентарь захоронения представлен многочисленными элементами конского снаряжения, остатками шелковой одежды, украшениями, деревянной посудой. Вещевой комплекс погребения полностью опубликован (Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 2000, с. 117–126; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 10–18, рис. 1–6; 2000, с. 109–115).

18. Калбак-Таш. Погребально-поминальный комплекс расположен в 3–4 км от известного урочища Калбак-Таш на правом берегу р. Чуя, в ее нижнем течении, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в 1991 г. Раскопано два погребения тюркской культуры. Первое захоронение исследовано под наземной конструкцией кургана №2, представлявшего собой каменную насыпь округлой формы. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в северный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и отделенную рядом деревянных кольев. Инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, а также изделия бытового назначения, в том числе керамический сосуд. Второе захоронение тюркской культуры было «впущено» в насыпь кургана скифо-сакского времени. Объект представлял собой «классический» кенотаф, о чем свидетельствовали отдельные элементы вооружения и воинского снаряжения, обнаруженные рядом с разрозненным костяком лошади. Материалы исследованных погребений полностью опубликованы (Кубарев Г.В., 1992, с. 91–92; 2005, с. 379–380, табл. 113, 115–119).

19. Кальджин-VIII. Курганный могильник расположен на левом берегу р. Ак-Алаха, в 0,45 км к юго-западу от устья р. Кальджин, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в 1993–1994-м гг. Раскопано два погребения тюркской культуры (курганы №1, 3). Объекты представляли собой небольшие каменные насыпи с крепидой по периметру. В стенке могильной ямы погребения кургана №1 был совершен подбой. Умерших людей, ориентированных в северо-восточном (курган №1) или западном (курган №3) направлении, сопровождало захоронение одной лошади, направленной в противоположную сторону. Погребальный инвентарь представлен бытовыми предметами и различными элементами конского снаряжения. Материалы раскопок полностью

опубликованы (Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, с. 71–86, рис. 1–16).

20. Каменный Лог. Скальное погребение обнаружено к юго-востоку от с. Шебалино Шебалинского района Республики Алтай. Находки переданы в районный музей в 2002 г. Какие-либо сведения о деталях погребального обряда отсутствуют. Вещевой комплекс включал конское снаряжение, предметы быта, а также украшения. Находки, обнаруженные в скальном захоронении, опубликованы (Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И., 2002, с. 117–124, рис. 1–3).

21. Кара-Коба. Археологический комплекс расположен на правом берегу р. Урсул близ д. Кара-Коба Онгудайского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1980–1981 гг. На некрополе **Кара-Коба-I** раскопано девять погребений тюркской культуры (курганы №1, 8, 22, 25, 47, 72, 74а, 75, 85). Курганы представляли собой небольшие или средних размеров каменные насыпи, по краю которых в трех случаях зафиксирована крепида. Большая часть захоронений ограблена. В могильной яме всех объектов находилось захоронение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении одной лошади (за исключением кургана №85, в котором обнаружено захоронение двух животных), направленной в противоположную сторону. В шести захоронениях отмечены дополнительные конструкции для помещения лошади в виде приступки и каменной перегородки. К редким характеристикам обряда следует отнести обнаружение в могильной яме кургана №47 рядом с погребением взрослого мужчины захоронения ребенка. Данный объект также отличался тем, что у насыпи кургана с восточной стороны находилось каменное изваяние и две стелы. По степени богатства выделяется погребение кургана №85, включавшего редкие и «престижные» элементы снаряжения человека (меч, серебряный пояс, стек и др.). В целом,

сопроводительный инвентарь исследованных захоронений представлен предметами вооружения, конского снаряжения, деталями костюма, в том числе остатками одежды, а также изделиями бытового назначения. Помимо обозначенных объектов на памятнике Кара-Коба-I раскопаны отдельные захоронения лошадей (курганы №90, 123), в которых обнаружены элементы конского снаряжения. Материалы исследованных комплексов полностью опубликованы (Могильников В.А., 1990, с. 137–185, рис. 1–18, 21; 1994, с. 105–106, рис. 23–28; 1997, с. 187–202, рис. 1–9). Могильник **Кара-Коба-II** состоял из основной цепочки курганов (объекты №1–12), относящейся к раннему железному веку, и серии курганов, расположенных без определенного порядка по обеим сторонам от нее. В ходе раскопок одного из таких объектов, находившегося к западу от цепочки (курган №13), было исследовано погребение тюркской культуры. Захоронение совершено под небольшой насыпью, основу которой составляла крепида из крупных камней. В могильной яме находилось погребение мужчины 40–45 лет, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Специфичной чертой обряда, крайне редко зафиксированной в материалах тюркской культуры, является расположение умершего человека на небольшой приступке, обычно сооружаемой для помещения животного. Погребальный инвентарь представлен предметами одежды, вооружения и конского снаряжения. Материалы раскопок полностью опубликованы (Могильников В.А., 1983а, с. 67–69, рис. 1, 16–19).

22. Катанда. Археологический комплекс находится на правом берегу р. Катанда, неподалеку от одноименного села, в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Работы на некрополе **Катанда-I** были проведены В.В. Радловым в 1965 г. Имеются упоминания о нескольких погребениях тюркской культуры. Результаты раскопок опубликованы лишь частично (Радлов В.В., 1989, с. 448; Захаров А.А., 1926). Наиболее яркий материал получен в ходе исследования кургана №1, расположенного к востоку от объекта раннего

железного века. Погребенного мужчину сопровождало захоронение лошади, а также разнообразный вещевой комплекс, в состав которого входили предметы вооружения, конского снаряжения, фрагменты шелка, а также серебряный сосуд (Захаров А.А., 1926, с. 81, 100–106, табл. VI; Zakharov A., 1925, p. 56, fig. 1–3). Два кургана раннего средневековья вскрыты экспедицией под руководством С.И. Руденко на могильнике **Катанда-II** в 1925 г. Курган №1 представлял собой средних размеров каменную насыпь, под которой находилось погребение юноши в сопровождении одной лошади. Судя по тому, что А.А. Гаврилова включила этот объект в серию типичных комплексов выделенного и охарактеризованного ею «кудыргинского типа», умерший человек был ориентирован в восточном направлении, а лошадь – в противоположную сторону. Погребальный инвентарь состоял из предметов конского снаряжения и костяного орудия. Материалы данного погребения частично опубликованы (Гаврилова А.А., 1965, с. 58, рис. 6). Второе погребение тюркской культуры, исследованное С.И. Руденко в 1925 г. (курган №2), было совершено под средних размеров каменной насыпью и представляло собой захоронение пожилого человека с лошадью. Специфичной чертой обряда данного объекта является западная ориентировка умершего. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения, элементы одежды, орудия труда, конское снаряжение, а также тюргешскую монету. Вещевой комплекс погребения опубликован (Гаврилова А.А., 1965, с. 67–68, рис. 9, 10). Серию курганов, а также три впускных захоронения тюркской культуры на том же памятнике исследовала А.А. Гаврилова в 1954 г. Курган №5 представлял собой средних размеров каменную насыпь, под которой находилось захоронение женщины в сопровождении лошади. Умершая была ориентирована на север-северо-восток, а животное – в противоположном направлении. Погребальный инвентарь включал элементы одежды (в том числе, характерный для мужских захоронений наборный пояс), украшения, предметы быта, а также конское снаряжение. Материалы раскопок данного объекта полностью опубликованы (Гаврилова А.А., 1965, с. 61, рис. 7, 8). Все впускные могилы (№1, 2, 3) в разной степени потревожены, что определило фрагментарность

полученных материалов. Зафиксированы захоронения людей, которых, судя по всему, сопровождала одна лошадь. Сопроводительный инвентарь весьма невыразителен и представлен отдельными предметами конского снаряжения, а также элементами одежды (Гаврилова А.А., 1965, с. 68–69). Десять погребений тюркской культуры (курганы №1–7, 11, 16, 21), а также «ритуальный» курган без могилы (№22) раскопаны в ходе охранных работ археологической экспедиции АлтГУ в 1984 г. на курганном могильнике **Катанда-3**. Все исследованные курганы представляли собой небольшие или средних размеров каменные насыпи. Ряд могил оказались ограбленными. Курганы №1–3, 6, 16 содержали погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта с отклонениями, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и уложенной, чаще всего, на земляную приступку. В могилах курганов №5 и 7 исследованы «одиночные» захоронения умерших людей, с той же восточной ориентировкой. Объекты №4, 11 и 21 представляли собой кенотафы, в материалах которых зафиксированы все характерные элементы обряда при отсутствии скелета человека. Под насыпью «ритуального» кургана №22 следов каких-либо конструкций не обнаружено, но найдены предметы конского снаряжения. Различный по составу сопроводительный инвентарь исследованных погребений и кенотафов включал предметы вооружения, конского снаряжения, элементы костюма, бытовые изделия, украшения. Материалы раскопок опубликованы (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 115–129, рис. 1–10).

23. Кишнег-Увал. Одиночный курган расположен к северу от дороги Чемал–Эдиган, в 0,9 км от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Южно-Сибирским отрядом НГУ под руководством Ю.С. Худякова в 2009 г. Раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Материалы не опубликованы, представлено только краткое описание объекта (Худяков Ю.С., 2009, с. 403).

24. Кок-су-I. Памятник расположен на правой надпойменной террасе одноименной реки, в 6 км от ее слияния с р. Аргут в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на некрополе проводились Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (руководитель С.С. Сорокин) при участии Горно-Алтайского краеведческого музея и Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки в 1964–1966 гг. В ходе раскопок одного из курганов раннего железного века (№27) исследовано впускное погребение культуры раннесредневековых тюрок, расположенное на глубине 0,4–0,9 м. от поверхности. Захоронение было разрушено; сохранились лишь беспорядочно разбросанные кости лошади, а также отдельные предметы сопроводительного инвентаря (стремя, две пряжки, звено удил и серьга). Вещевой комплекс погребения опубликован (Сорокин С.С., 1974, с. 72, рис. 8).

25. Коо-I. Могильник расположен на правом берегу р. Чулышман, близ с. Коо Улаганского района Республики Алтай. В ходе аварийных раскопок на памятнике, проводившихся Алтайским отрядом Южно-Сибирской экспедиции КемГУ в 1983 г., исследовано захоронение лошади, отнесенное к культуре раннесредневековых тюрок. Курган №1 представлял собой небольшую простую каменно-земляную насыпь, под которой находилась могильная яма без дополнительных конструкций. Костяк лошади, рядом с которым были зафиксированы фрагменты черепа человека, ориентирован в западном направлении. Инвентарь представлен бронзовыми поясными бляшками и отдельными элементами конского снаряжения. Материалы раскопок частично опубликованы (Васютин А.С., 1985; Илюшин А.М., 1995, с. 122–123, рис. 1.-4–9).

26. Кудыргэ. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Чулышман, в 15 км выше ее впадения в озеро Телецкое, в Улаганском районе Республики Алтай. Впервые памятник исследовался экспедицией Этнографического отдела Русского музея

под руководством С.И. Руденко (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). В 1948 г. ряд объектов раскопан А.А. Гавриловой (1965). Всего на памятнике исследовано 20 погребений культуры тюрок (курганы №1–13, 15, 18, 22–26). Объекты раннего средневековья представляли собой небольшие каменные насыпи округлой формы с крепидой в основе. Раскопано 9 погребений человека в сопровождении лошади, 7 одиночных погребений (без животного), а также 3 отдельных захоронения лошадей. В погребениях с лошадью умершие были ориентированы в южный сектор горизонта, и животное, в большинстве случаев, направлено в ту же сторону (противоположная ориентировка зафиксирована в могилах №13 и 15). Идентичная ориентировка людей отмечена и в одиночных захоронениях. Интересным показателем является обнаружение в части таких объектов предметов конского снаряжения, при том, что лошадь отсутствовала. В отдельных захоронениях лошадей животное было ориентировано в южном или северном направлении. Внутримогильные конструкции зафиксированы только в трех погребениях и представлены земляной приступкой и камерой в виде гроба из досок. Помимо обозначенных объектов на некрополе исследован один «парный» кенотаф (курган №22), отличительной особенностью которого было наличие захоронения двух лошадей, ориентированных на юг и север, рядом с которыми был положен инвентарь, предназначенный, судя по составу, для двух мужчин-воинов. В целом вещевой комплекс раскопанных погребений представлен предметами вооружения, конского снаряжения, орудиями труда, деталями костюма, украшениями, а также изделиями бытового назначения. Материалы раскопок полностью опубликованы (Гаврилова А.А., 1965, с. 23–28, табл. VII–XXIV). Исследованные комплексы относятся к кудыргинскому этапу культуры раннесредневековых тюрок (2-я половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.).

27. Курай. Комплекс археологических памятников расположен в Курайской степи, в урочище Тадила Кош-Агачского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции

в 1935 г. Имеются сведения об одиннадцати исследованных погребениях тюркской культуры. Объекты относятся к разным хронологическим периодам раннего средневековья и характеризуются вариабельностью показателей обрядовой практики. Большая часть погребений представлена захоронениями человека в сопровождении одной или двух лошадей, находившимися под каменной насыпью диаметром от 5 до 12 м. Ориентировка умерших, преимущественно, восточная или северная; сопровождавшие людей животные направлены в противоположную сторону. В части могил зафиксированы конструкции в виде каменной обкладки, деревянной или грунтовой перегородки, колоды и др. Помимо «рядовых» погребений исследовано несколько «элитных» объектов. Примерами таких захоронений являются курганы №1 и 3 могильника Курай-IV, в которых рядом с умершим были помещены три лошади и «богатый» сопроводительный инвентарь. В целом, вещевой комплекс объектов, исследованных на могильном поле в Курайской степи, включал предметы вооружения и конского снаряжения, украшения, элементы костюма, орудия труда, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 92–113, рис. 13–64).

28. Курган у Тавдинской пещеры. Одиночный курган расположен у Тавдинских пещер, в Алтайском районе Алтайского края. Памятник исследован П.И. Шульгой в 2004 г. Раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Захоронение совершено под небольшой каменной насыпью округлой формы с крепидой по периметру. В могильной яме находилось погребение подростка, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении жеребенка, направленного в противоположную сторону. Инвентарь захоронения включал предметы вооружения, конского снаряжения, изделия бытового назначения, а также детали костюма. Материалы

раскопок опубликованы (Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2013, с. 58, рис. 96).

29. Курота. Памятник расположен на левом берегу р. Курота, в 2 км от ее впадения в р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1937 г. на могильнике **Курота-I** С.В. Киселевым (1951, с. 531) раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №1). В 1977 г. этот же некрополь исследовался Алтайской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. Было вскрыто еще одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №2). Захоронение находилось под небольшой каменной насыпью округлой формы. В могильной яме зафиксировано погребение молодого человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной перегородкой из крупных камней. Предметов инвентаря не обнаружено. Материалы раскопок полностью опубликованы (Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н., 1992, с. 83, рис. 1, 2). На могильнике **Курота-II** исследования проводились в 1979 г. археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ. В ходе работ раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Курган №46 был пристроен с восточной стороны к северному окончанию цепочки курганов скифо-сакского времени. Под небольших размеров насыпью находилось полностью разграбленное погребение, от которого сохранились лишь разрозненные фрагменты костей человека и лошади, а также отдельные предметы инвентаря (металлическое зеркало, деревянный гребень, элементы конского снаряжения). Зафиксированная ситуация позволяет предположить, что умерший человек был ориентирован в восточный сектор горизонта, а сопровождавшая его лошадь – в противоположном направлении. Интересной деталью, выявленной в ходе исследования, стало обнаружение над захоронением полного скелета собаки. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1990, с. 46–47, рис. 22).

30. Кырлык-II. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Катунь, в 4 км к югу-юго-востоку от с. Кырлык Усть-Канского района Республики Алтай. Охранные раскопки на памятнике проводились археологической экспедицией АлтГУ в 1983 г. Исследованные курганы культуры раннесредневековых тюрок (№2–4) располагались к западу от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронения находились под небольшими насыпями округлой формы с крепидой. В двух исследованных могилах находилось захоронение человека, ориентированного головой на восток, в сопровождении лошади или овцы, направленной в противоположную сторону. Третий объект представлял собой кенотаф, в котором часть могилы была оставлена пустой, а в другой половине находился скелет овцы, отделенной каменной перегородкой и ориентированной на запад. Крайне немногочисленный инвентарь исследованных объектов представлен конским снаряжением. Материалы раскопок полностью опубликованы (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 62–64, рис. 7–13).

31. Нижняя Соору. Погребально-поминальный комплекс расположен у одноименного населенного пункта в Онгудайском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ. В 1982 г. исследовано захоронение лошади, относящееся к культуре раннесредневековых тюрок. Костяк лошади, ориентированный в восточном направлении, находился под небольшой каменно-земляной насыпью. Инвентарь представлен немногочисленными предметами конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Илюшин А.М., 1995, с. 122, рис. 1.-А, Б, 1–3).

32. Ороктой. Памятник расположен на левом берегу р. Катунь, в 4 км на восток от с. Ороктой Чемальского района Республики Алтай. Работы на некрополе проводились Катунским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1988 г. Среди прочих объектов исследовано одно

погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №1). Захоронение было совершено под небольшой каменной насыпью. На дне могилы, в погребальной камере в виде деревянной обкладки, находилось одиночное погребение юноши, ориентированного головой в северо-восточном направлении. Немногочисленный сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения и костяную подвеску. Материалы раскопок полностью опубликованы (Худяков Ю.С., Мороз А.В., Скобелев С.Г., 1990, с. 95–99, рис. 1–5).

33. Пазырык. Археологический комплекс расположен в 2 км к северо-востоку от впадения р. Балыктуюль в р. Большой Улаган, в Улаганском районе Республики Алтай. В 1949 г. С.И. Руденко и А.А. Гавриловой исследованы впускные погребения культуры раннесредневековых тюрок в курганах №5 и 6. Имеется информация об одном из объектов, представляющем собой разрушенное захоронение лошади с предметами вооружения и конского снаряжения. Материалы частично опубликованы (Гаврилова А.А., 1965, с. 73, рис. 12).

34. Песчаная-II. Курганный могильник расположен в 2 км к востоку от с. Беш-Озек Шебалинского района Республики Алтай. Памятник исследовался археологическим отрядом ИА АН СССР и ГАГПИ в 1989 г. Раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Курган №2 представлял собой небольшую каменно-земляную насыпь с крепидой. Под наземной конструкцией зафиксировано «одиночное» погребение человека, ориентированного в восточном направлении, без сопроводительного захоронения лошади. Инвентарь представлен предметами одежды, вооружением и конским снаряжением. Опубликовано только описание памятника (Елин В.Н., Могильников В.А., 1993, с. 218–220), что затрудняет определение хронологии комплекса.

35. Сары-Кобы. Памятник расположен в долине Сары-Кобы, к юго-востоку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Погребально-поминальный комплекс исследовался археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1978 г. Раскопан один объект культуры раннесредневековых тюрок – отдельное захоронение лошадей (курган №17). Объект представлял собой средних размеров каменную насыпь, от которой в восточном направлении отходил ряд из 57 балбалов. В могильной яме находилось захоронение двух лошадей, ориентированных в юго-восточном направлении. Сопроводительный инвентарь состоял из немногочисленных предметов конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1982, с. 127, рис. 2.-6–12).

36. Талдуаир-I. Курганный могильник расположен на террасе правого берега р. Талдуаир, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом ИАЭТ СО РАН в 1994 г. Курганы раннесредневековых тюрок (№6 и 7), представлявшие собой средних размеров каменные насыпи округлой формы, располагались с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. В могильных ямах обоих объектов находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной перегородкой из ряда камней или деревянных колышков. Инвентарь захоронений включал предметы вооружения, конского снаряжения, детали костюма, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок исследованных погребений полностью опубликованы (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 1995, с. 281; Кубарев Г.В., 1995, с. 164–180; 2005, с. 376–378, табл. 97–104).

37. Талдура-II. Памятник расположен на левом берегу р. Чуя, в 6 км к западу от д. Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай. Археологический комплекс, представляющий собой три параллельные цепочки курганов, вытянутых с севера на юг, исследовался Алтайским отрядом археологической экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Погребение культуры

раннесредневековых тюрок было совершено в насыпи «ритуального» кургана раннего железного века №2. Умерший человек, ориентированный в восточный сектор горизонта, захоронен в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Оригинальным показателем зафиксированного обряда, весьма редким для тюркской культуры, является расположение животного над человеком. Инвентарь погребения представлен предметами вооружения и конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 137, рис. 4–7).

38. Ташанта. Археологический комплекс находится близ пос. Ташанта Кош-Агачского района Республики Алтай. Памятник исследовался Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На могильнике **Ташанта-I** раскопан один курган культуры раннесредневековых тюрок (№5), расположенный с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронение было совершено под средних размеров каменной насыпью. В могиле обнаружены разрозненные кости лошади, отделенной от отсутствовавшего погребения человека рядом камней. Сохранившиеся элементы предметного комплекса, предназначенные для человека (накладки на лук, нож), свидетельствуют в пользу того, что объект являлся кенотафом. Еще одно захоронение культуры раннесредневековых тюрок исследовано в ходе раскопок кургана №10 могильника **Ташанта-III.** Объект также был расположен с восточной стороны от цепочки курганов скифо-сакского времени. Под средних размеров каменной насыпью обнаружено ограбленное захоронение. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной полосой материкового грунта и несколькими деревянными колышками. Сохранившийся инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, детали костюма, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок обоих комплексов полностью опубликованы (Кубарев Г.В., 2005, с. 367–368, табл. 8–9, 10–13).

39. Туэкта. Археологический комплекс находится близ одноименного населенного пункта, в долине р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. Начало исследований на памятнике относится к 1935 г., когда работы проводились А.П. Марковым и С.М. Сергеевым. В 1937 г. раскопки были продолжены Саяно-Алтайской экспедицией. Имеется упоминание о девяти исследованных погребениях культуры раннесредневековых тюрок, однако детали обряда известны только для двух объектов (курганы №3, 4). Захоронения совершены под довольно крупными каменными насыпями округлой формы. В могилах обоих объектов находилось ограбленное погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении двух лошадей, направленных в противоположную сторону. Интересной деталью обрядовой практики, зафиксированной в ходе исследования кургана №4, являлось устройство специального «тайника», в котором находились ценные вещи. Сохранившийся инвентарь исследованных погребений включал серию редких и «престижных» находок (пояс с золотыми накладками, украшения конского снаряжения, серебряный сосуд, остатки шелковой одежды), а также предметы вооружения и бытового назначения. Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 113–114, рис. 65–68; Киселев С.В., 1951).

40. Тыткескень-VI. Памятник расположен на левом берегу р. Катунь, в устье р. Тыткескень, в 2 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Охранные раскопки на памятнике проводились археологической экспедицией Алтайского государственного университета в 1988–1989 гг. Исследованы три погребения культуры тюрок (курганы №1, 5, 10). Курганы раннего средневековья находились к востоку от погребальных сооружений скифо-сакского времени. Захоронения совершены под средних размеров каменными насыпями. При исследовании курганов №5 и 10 зафиксированы погребения умерших людей, ориентированных в восточном направлении, рядом

с которыми находилась лошадь, направленная в противоположную сторону. Под насыпью кургана №1 обнаружено «одиночное» погребение. Сопроводительный инвентарь исследованных захоронений включал предметы вооружения, конского снаряжения, а также орудия труда. Материалы раскопок опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, с. 165–175, рис. 1–8).

41. Тянгыс-Тыт. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Эдиган, в 0,2 км к западу от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Памятник исследовался Катунским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 1988 г. В ходе работ раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Захоронение было «впущено» в курган №4 скифо-сакского времени и находилось на глубине 0,9 м от поверхности. В могиле обнаружены разбросанные в беспорядке кости человека, расположение которых позволяет предположить изначальную ориентировку умершего в западный сектор горизонта. Захоронение лошади отсутствовало. Погребальный инвентарь представлен предметами одежды, вооружения и конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998, с. 369–373, рис. 1, 2).

42. Узунтал. Археологический комплекс расположен в долине Узунтал, которая тянется к востоку от с. Кокоря до западных отрогов хребта Чихачева, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайским палеоэтнографическим отрядом ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова в 1972 г. Среди прочих объектов раскопаны шесть погребений культуры тюрок, расположенных в разных курганных группах: Узунтал-I (курганы №1, 2), Узунтал-V (курганы №1, 2), Узунтал-VI (курган №1), Узунтал-VIII (курган №1). Объекты раннего средневековья, представлявшие собой небольшие насыпи округлой формы, были сооружены поодиночке с восточной стороны от цепочек курганов раннего железного века. В большей части могил находилось

погребение человека, ориентированного в восточный или северный сектор горизонта, рядом с которым помещена лошадь, направленная, за единственным исключением, в противоположную сторону. Кроме того, исследованы два кенотафа (Узунтал-I, курганы №1 и 2). Наибольшее внимание привлекает «парный» кенотаф, сооруженный под насыпью кургана №2 группы Узунтал-I. В одной части могилы находилось захоронение двух лошадей, а в другой, оформленной в виде приступки, было размещено снаряжение двух мужчин-воинов. Вещевой комплекс погребений раннесредневековых тюрок, исследованных в долине Узунтал, включал предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда, элементы костюма, украшения, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок опубликованы (Савинов Д.Г., 1973, с. 235–236; 1982, с. 102–112, рис. 1–13; 1987а, с. 80–89).

43. Уландрык. Комплекс археологических памятников находится в долине одноименной реки, на обоих ее берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. На некрополе **Уландрык-I** исследован один курган культуры тюрок (№10), расположенный к востоку от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронение раннего средневековья совершено под средних размеров каменной насыпью. В могильной яме находилось ограбленное погребение человека, ориентированного в северный сектор горизонта, в сопровождении двух лошадей, направленных в противоположную сторону. Сохранившийся инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, элементы костюма, изделия бытового назначения. Еще одно захоронение культуры раннесредневековых тюрок было исследовано в ходе раскопок кургана №5 могильника **Уландрык-III**. Данный объект, также расположенный к востоку от цепочки курганов скифо-сакского времени, представлял собой небольшую насыпь округлой формы. В ограбленной могиле находилось погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в

противоположную сторону. Разбросанный в беспорядке инвентарь представлен предметами вооружения, деталями костюма, а также отдельными элементами конского снаряжения. Материалы раскопок обозначенных комплексов полностью опубликованы (Кубарев Г.В., 2005, с. 366–367, табл. 1–7).

44. Урочище Балчикова-III. Археологический комплекс расположен в долине р. Сентелек (левый приток р. Чарыш), между населенными пунктами Сентелек и Покровка Чарышского района Алтайского края. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН, НИИГИ при АлтГУ и БГПУ в 2000 г. Исследован один кенотаф культуры тюрок (курган №7) и несколько объектов раннего средневековья в межкурганном пространстве. Курган №7 находился к востоку от «царского» кургана скифской эпохи и представлял собой средних размеров каменную насыпь с крепидой. Редким элементом обряда являлось то, что вокруг кургана сооружено около десяти поминальных колец, исследование которых показало отсутствие каких-либо материалов. Могила была ограблена. Судя по сохранившимся материалам, там находилось захоронение одной или двух лошадей, ориентированных в северный сектор горизонта. Сопроводительный инвентарь кенотафа включал фрагменты доспеха и роговые накладки на лук. Материалы раскопок полностью опубликованы (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 112–130, рис. 1–12).

45. Усть-Бийке-III. Курганный могильник расположен в 6,5 км на юго-восток от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Памятник частично исследован археологической экспедицией АлтГУ в 1997 г. Среди курганов раннего железного века и средневековья раскопаны два погребения раннесредневековых тюрок (курганы №5 и 6). Могилы второй половины I тыс. н.э. находились под небольшими простыми каменными насыпями. В ходе раскопок кургана №6 зафиксировано одиночное погребение человека, ориентированного на северо-восток. При этом юго-восточная часть могилы была

оформлена в виде приступки, отгороженной линией камней и предназначенной для отсутствовавшего животного. Во второй могиле (курган №5) находилось «стандартное» для раннесредневековых тюрок захоронение человека с лошадью. Сопроводительный инвентарь погребений представлен предметами вооружения, конского снаряжения, а также элементами костюма и бытовыми изделиями. Материалы раскопок полностью опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1998, с. 521–522; 1999, с. 316–318; 2005а, с. 58–70, рис. 22–31).

46. Усть-Ороктой. Одиночный курган расположен на левом берегу р. Катунь в нескольких метрах от впадения в нее р. Ороктой, в Чемальском районе Республики Алтай. Памятник исследован Южно-Сибирским археологическим отрядом НГУ в 1989–1990 гг. Погребение культуры раннесредневековых тюрок находилось под небольшой насыпью, сложенной из речной гальки, с крепидой из крупных камней. Захоронение подверглось сильному разграблению; судя по имеющимся материалам, в могиле находился человек в сопровождении лошади. Из предметов инвентаря сохранились лишь пряжка, железные пластины и орудие в виде короткого треугольного лезвия на костяной рукоятке. Материалы раскопок частично опубликованы (Тетерин Ю.В., 1991б, с. 152–153).

47. Усть-Чоба-I. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Катунь, между населенными пунктами Эдиган и Куюс Чемальского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтае-Сибирским отрядом Алтайской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 1990 г. Раскопаны два погребения культуры раннесредневековых тюрок (курганы №1, 3). Насыпь кургана №1 представляла собой подквадратную каменную ограду. В могиле находилось ограбленное погребение мужчины, ориентированного головой в южный сектор горизонта, рядом с которым были положены две лошади, направленные в разные стороны – на юг и на север. Сохранившийся инвентарь включал элементы костюма, а также предметы конского снаряжения. Второе захоронение (курган №3) совершено под небольшой насыпью округлой формы с

крепидой. В могиле находилось полностью разграбленное одиночное детское погребение. Каких-либо находок не сохранилось. Материалы раскопок исследованных объектов полностью опубликованы (Соловьев А.И., 1999, с. 123–125, рис. 1–5, 8).

48. Усть-Эдиган. Погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, в 3 км от устья р. Эдиган, в Чемальском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией под руководством Ю.С. Худякова в 1988–1991 гг. Имеется упоминание об одном раскопанном погребении культуры раннесредневековых тюрок (Худяков Ю.С., 1992). Материалы не опубликованы.

49. Чоба-VII. Памятник расположен в долине Чоба, на правобережье р. Катунь, в 15 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Работы на некрополе проводились совместной археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ и Центра археологических исследований. Раскопано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №1). Захоронение совершено под средних размеров курганной насыпью округлой формы. В могильной яме находилось ограбленное погребение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении двух лошадей, направленных в противоположную сторону и расположенных на земляной приступке. Редким элементом обряда, зафиксированным при исследовании данного объекта, являлось помещение в могилу шкуры лошади. Инвентарь погребения представлен предметами конского снаряжения, деталями костюма, орудиями труда. Материалы полностью опубликованы (Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с. 86–87, рис. 1–6).

50. Чобурак-I. Погребально-поминальный комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, недалеко от ее притока р. Чобурак. Памятник исследовался археологической экспедицией

под руководством А.П. Бородовского. Раскопаны одно погребение и два кенотафа культуры раннесредневековых тюрок (курганы №1–3). Насыпи объектов имели в основе схожую конструкцию в виде крепиды из крупных блоков, сложенных в один или два ряда. Погребение, исследованное под насыпью кургана №1, было разрушено; на дне могильной ямы сохранились расположенные в беспорядке кости человека, лошади и овцы. Судя по зафиксированной ситуации, умерший человек был ориентирован в юго-восточном направлении. Погребальный инвентарь представлен деталями одежды и отдельными предметами конского снаряжения. Под насыпью кургана №2 находилось захоронение лошади, сопровождаемое предметами вооружения и бытового назначения, предназначенными для отсутствовавшего человека, при полном отсутствии конского снаряжения. Курган №3 также представлял разновидность кенотафа, однако отличался отсутствием каких-либо материалов в небольшой могильной яме. Материалы раскопок опубликованы (Бородовский А.П., 1994, с. 75–86, рис. 1–5).

51. Шибе. Археологический комплекс расположен близ одноименного населенного пункта, на р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. Экспедицией под руководством М.П. Грязнова в 1927 г. на этом памятнике исследовано пять курганов культуры раннесредневековых тюрок. Материалы не опубликованы, информация о раскопках приведена в монографии А.А, Гавриловой (1965, с. 6). Аварийные работы на некрополе **Шибе-II** проводились археологической экспедицией АлтГУ в 1986 г. Раскопаны 10 погребений культуры раннесредневековых тюрок (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993, с. 203, 205). Судя по приведенному авторами раскопок краткому описанию, исследованы захоронения в сопровождении лошади, «одиночные» погребения людей, а также отдельные захоронения лошадей. Общими показателями являются ориентировка умершего в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади, а также дополнительные конструкции, характерные для обрядовой практики населения тюркской культуры (каменная

перегородка, отделявшая умершего человека от лошади, земляная приступка и др.). Материалы раскопок остались не опубликованными. В научный оборот введены лишь отдельные находки (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XXXIII–XXXIV; Горбунов В.В., 2014, рис. 1.-5).

52. Юстыд. Комплекс археологических памятников расположен в долине одноименной реки, на ее обоих берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Десять погребений культуры раннесредневековых тюрок раскопаны на нескольких некрополях данного археологического комплекса. На могильнике **Юстыд-I** курган тюркской культуры (№8) был устроен с западной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Захоронение совершено под средних размеров каменной насыпью округлой формы. В могильной яме находилось погребение человека, ориентированного на восток, рядом с которым находился скелет лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной грунтовой перемычкой. На могильнике **Юстыд-XII** курганы тюрок (№28 и 29) были расположены с восточной стороны от цепочки объектов скифо-сакского времени. Насыпи раннего средневековья представляли собой средних размеров каменные насыпи округлой формы. Редким элементом обряда являлось сооружение к востоку от одной из них (курган №28) линии каменных колец, в которых обнаружены следы кострищ и мелкие кальцинированные кости животных. В могильных ямах находилось погребение человека, ориентированного в северный или восточный сектор горизонта, в сопровождении одной или двух лошадей, направленных в противоположную сторону. Внутримогильные конструкции представлены деревянной или каменной перегородкой. На этом же некрополе было исследовано три впускных захоронения раннесредневековых тюрок, устроенных в насыпях курганов раннего железного века (№3, 12, 14). Объекты в разной степени разрушены и представлены «одиночным» погребением (курган №3), захоронением человека с

лошадью (курган №14), а также бессистемным скоплением предметов раннего средневековья (курган №12). Памятник **Юстыд-XIV**, в составе которого исследовано два культуры тюрок (№1 и 2), представлял собой отдельный погребально-поминальный комплекс. Захоронения находились под насыпями в виде каменной ограды подквадратной формы, весьма редкой для населения рассматриваемой общности. В могильных ямах объектов находилось погребение человека, ориентированного в восточный или северный сектор горизонта, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной каменной перегородкой. В ходе раскопок могильника **Юстыд-XXIV** исследован один курган культуры раннесредневековых тюрок (№13), расположенный к востоку от цепочки объектов скифо-сакского времени. Под небольшой каменной насыпью находилось погребение человека, ориентированного на север, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону и отделенной рядом деревянных колышков. Кроме того, в рамках археологического комплекса Юстыд исследовано одно **скальное погребение**. Детское захоронение находилось в гроте на высоте 30–40 м. Сохранившиеся материалы представлены остатками костей ребенка и мелкого рогатого скота, а также дощечками от колыбели и керамическим сосудом. Сопроводительный инвентарь представленных погребений, различный по качественно-количественному составу для каждого объекта, включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, детали костюма, в том числе остатки шелковой одежды, орудия труда, а также изделия бытового назначения. Материалы раскопок обозначенных комплексов полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1978, с. 242–244; Кубарев Г.В., 1994, с. 67–70; 1995, с. 126–130; 1996, с. 107–111; 2005, с. 368–372, табл. 14–56).

53. Ябоган-I. Одиночный курган расположен в урочище Сары-Коба, в 4 км к востоку от с. Усть-Кан Усть-Канского района Республики Алтай. Памятник исследован экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1990 г. Погребение культуры раннесредневековых тюрок было совершено под небольшой каменно-земляной

насыпью овальной формы, основу которой составляла крепида из крупных камней. Захоронение человека, ориентированного головой на север, сопровождала лошадь, направленная в противоположную сторону и отделенная вертикально поставленными плитами. Погребальный инвентарь представлен предметами быта, вооружения и конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 70–75, рис. 1–7).

54. Яконур. Археологический комплекс расположен неподалеку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова в 1939 г. Исследованы несколько объектов раннего средневековья, в том числе два погребения культуры тюрок (курганы №3, 5). Судя по приведенному описанию, в могиле кургана №3 под деревянным перекрытием находилось захоронение женщины в сопровождении одной лошади. Инвентарь представлен предметами быта, украшениями, а также конским снаряжением. Второе исследованное захоронение археологической культуры тюрок было «впущено» в насыпь кургана №5. В связи с тем, что объект ограблен, информация о погребальном обряде минимальна – понятно лишь, что умершего человека сопровождало две лошади, что весьма редко для впускных могил. Более полная информация имеется о довольно представительном вещевом комплексе данного захоронения, состоявшем из предметов вооружения, конского снаряжения, а также остатков одежды. Опубликовано общее описание раскопанных объектов культуры раннесредневековых тюрок, а также сопроводительный инвентарь впускного погребения кургана №5 (Грязнов М.П., 1940, с. 20; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б, с. 107–117, рис. 1–5).

Свод погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Тувы

1. Аймырлыг. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Чаа-Холь, в 6 км к юго-западу от пос. Старый Чаа-Холь Улуг-Хемского района Республики Тыва. Могильник исследовался в 1968–1982 гг. вторым отрядом СТЭАН под руководством А.М. Мандельштама. Памятники раннего средневековья раскапывались группой Уральского государственного университета под руководством Б.Б. Овчинниковой. Исследованы восемь погребений раннесредневековых тюрок, расположенные в нескольких группах комплекса Аймырлыг (группа V – курганы №2, 3, 5; VIII – курган №52; XIII – курган №1; XX – курган №14; XXI – курган №3; XXV – курган №14). Раскопанные объекты представляли собой невысокие округлые курганные насыпи с крепидой из валунов или хорошо подогнанных каменных блоков по периметру. В могилах в большинстве случаев находились погребения мужчин в сопровождении одной или двух лошадей (в одном случае – шкуры коня). Умершие люди ориентированы в восточный сектор горизонта, а находившиеся рядом животные – в противоположную сторону. Зафиксированный инвентарь включал многочисленные предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Овчинникова Б.Б., 2004; 2013, с. 115–123, табл. I–XI).

2. Ак-Туруг. Некрополь расположен на территории одноименного поселка, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством С.И. Вайнштейна в 1957 г. Исследованы два погребения раннесредневековых тюрок (курганы №1, 5). Объекты представляли собой курганные насыпи средних размеров, под которыми находилось по одной могильной яме. В кургане №1 исследовано захоронение лошади со снаряжением, ориентированной в западном направлении. Умерший человек отсутствовал, однако сохранились элементы костюма, что свидетельствует о сооружении кенотафа. Курган №5 представлял

собой стандартное захоронение человека, ориентированного в северный сектор горизонта, рядом с которым находилась лошадь, направленная в противоположную сторону. Инвентарь включал конское снаряжение, элементы костюма, украшения. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1958, с. 220–221, табл. IV.-121, 124, 128, 135).

3. Аксы-Барлык. Одиночный курган обнаружен у одноименного населенного пункта в Барун-Хемчикском районе Республики Тыва. Объект исследован сотрудниками Тувинского краеведческого музея в 1959 г. Комплекс представлял собой довольно крупную курганную насыпь, под которой выявлено захоронение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Инвентарь включал обломки стремени и остатки наборного пояса. Материалы раскопок частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 189, 191, рис. 148.-1–4).

4. Аргалыкты. Археологический комплекс находится у подножия одноименного хребта, близ пос. Кара-Тал, недалеко от г. Шагонар, на левом берегу р. Енисей, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Раскопки на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1965–1967 гг. На I, VIII, IX, XI группах некрополя исследованы шесть погребений культуры раннесредневековых тюрок. Зафиксированный инвентарь включал многочисленные предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Трифонов Ю.И., 1966; 1967; 1968; 2000; 2013, с. 14–32, 76–78, табл. I – XX, XXX–XXXI).

5. Аржан. Археологический комплекс находится в долине р. Уюк (центр Турано-Уюкской котловины). Рядом с известным «царским» курганом скифской эпохи исследовано погребение культуры раннесредневековых тюрок. Раскопки проводились экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством М.Н. Комаровой в

1971 г. Исследовано захоронение человека, ориентированного на север, в сопровождении лошади, направленной в эту же сторону. Инвентарь включал предметы конского снаряжения, украшения узды, обломок ножа и бронзовую серьгу. Материалы раскопок опубликованы (Комарова М.Н., 1973, с. 207–208, рис. 1–2).

6. Бай-Даг. Могильник расположен близ г. Шагонар в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились С.А. Теплоуховым в 1927 г. Исследованы два погребения, которые могут быть отнесены к культуре раннесредневековых тюрок (курганы №72, 75). Оба комплекса представляли собой средних размеров курганные насыпи округлой формы. Под наземными сооружениями выявлено под одной могильной яме, в которой находилось захоронение человека, ориентированного в восточный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону. Инвентарь включал конское снаряжение, элементы костюма, украшения и бытовые изделия. Материалы раскопок частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 188–189, рис.144–147).

7. Бай-Тайга. Памятник находится в 10 км к юго-западу от пос. Бай-Тал, на левом берегу р. Биче-Шуй, в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1959 г. Исследованы два объекта, относящиеся к культуре раннесредневековых тюрок (59-1, 59-3). Оба комплекса представляли собой небольшие курганные насыпи округлой формы. В первом из обозначенных объектов находилось ограбленное захоронение человека в колоде, ориентированного на север, и лошади, направленной в противоположную сторону. Инвентарь включал украшения конского снаряжения, элементы костюма, китайскую монету и фрагменты шелка. Второй комплекс, судя по зафиксированным характеристикам, представлял собой кенотаф. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1966, с. 96–97 рис. 18–24).

8. Даг-Аразы. Археологический комплекс расположен на левом берегу р. Чаа-Холь, левом притоке Енисея, в 5 км к северу от нового поселка Чаа-Холь, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Исследования объектов памятника проводились отрядом Уральского государственного университета им. А. М. Горького под руководством Б.Б. Овчинниковой, работавшего в составе СТЭАН в 1973–1981 гг. Раскопаны 14 погребений тюрок, локализованные в различных группах комплекса (группа II – восемь захоронений; III – пять курганов; V – одно погребение). Наземные сооружениям раннесредневековых объектов представляли собой невысокие частично задернованные насыпи из обломков горных пород, по периметру которых фиксировалась крепида. В могильной яме каждого из курганов находилось погребение человека, обычно ориентированного на восток и уложенного в подбое, рядом с которым находились одна–две лошади. В двух объектах обнаружены захоронения верблюдов. Зафиксированный инвентарь включал многочисленные предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и бытовые изделия. Материалы раскопок частично опубликованы (Овчинникова Б.Б., 2013, с. 139–150, табл. I, III–XV).

9. Дыттык-Чарык-Аксы. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1974 г. Исследованы три погребения культуры раннесредневековых тюрок (курганы №1–3), расположенные в группе I данного комплекса. Объекты представляли собой округлые курганные насыпи с крепидой или оградой по периметру. В могилах с подбоем находились захоронения людей (в одном случае был устроен кенотаф), ориентированных в восточный сектор горизонта, в сопровождении одной лошади, направленной в противоположную сторону. Зафиксированный инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и бытовые изделия. Материалы

раскопок частично опубликованы (Трифонов Ю.И., 2013, с. 68–74, табл. XXVIII–XXIX).

10. Кара-Тал. Комплекс памятников расположен в 7 км к юго-востоку от поселка Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1966–1968 гг. В группах I, IV исследованы пять погребений раннесредневековых тюрок. Наземные конструкции раскопанных комплексов представлены каменными насыпями средних размеров; по периметру части объектов фиксируется крепида. В могильной яме находился умерший человек, ориентированный в восточный сектор горизонта, с одной или двумя лошадьми, направленными в противоположную сторону. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Трифонов Ю.И., 1967; 1968; 2013, с. 32–39, табл. XXI–XXVII).

11. Кара-Чоога. Памятник находится в урочище Хендерге, в Дзун-Хемчикском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились археологической экспедиций под руководством С.И. Вайнштейна в 1953 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №4). Захоронение совершено под сравнительно небольшой курганной насыпью округлой формы. В могиле находился умерший человек, ориентированный на северо-запад, в сопровождении лошади, отделенной рядом колышков и направленной в эту же сторону. Инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, элементы костюма, бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1954, с. 148, табл. VII–VIII).

12. Кокэль. Памятник расположен у отрогов Западного Саяна на левобережье р. Хемчик, близ поселка Ишкин-Аксы в Сут-Хольском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились вторым отрядом ТКЭАН

под руководством С.И. Вайнштейна в 1959–1960 гг. Исследованы шесть погребений тюркской культуры (курганы №2, 6, 13, 22, 23, 47). Все объекты представляли собой курганные насыпи средних размеров, под которыми совершены захоронения, в ряде случаев перекрытые слоем камней. В каждой могиле был уложен один умерший человек, ориентированный в северный или восточный сектор горизонта, рядом с которым находились одна или две лошади, направленные в противоположную сторону. Инвентарь погребений включал бытовые предметы, вооружение, конское снаряжение, элементы костюма. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1966, с. 294–311, рис. 1–26, табл. I–VIII).

13. Монгун-Тайга. Археологический комплекс находится в нескольких км к западу от пос. Мугур-Аксы, в долине р. Каргы, в Монгун-Тайгинском районе Республики Тыва. Исследования на памятнике проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1957–1958 гг. Раскопаны восемь погребений раннесредневековых тюрок, демонстрирующие вариабельность характеристик обрядовой практики. Материалы опубликованы (Грач А.Д., 1958, 1960а–б).

14. Мугур-Саргол. Памятник находится в долине р. Ортаа-Саргол в Ча-Хольском районе Республики Тыва. Раскопки одиночного кургана культуры раннесредневековых тюрок проводились Первым отрядом СТАЭ ЛОИА АН СССР под руководством Г.В. Длужневской в 1978 г. Наземное сооружение объекта представляло собой курганную насыпь средних размеров с возведенной рядом пристройкой, в центре которой установлена стела. Под основной конструкцией выявлена могильная яма с подбоем, отделенным камнями. В подбое находился умерший человек, ориентированный на восток. Рядом, в основной части могильной ямы, была уложена лошадь, направленная в противоположную сторону. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, в том числе украшения узды, а также

бытовые изделия. Материалы частично опубликованы – представлено общее описание погребения и отдельные иллюстрации (Длужневская Г.В., 2013, с. 174–177, табл. I).

15. Озен-Ала-Белиг. Памятник расположен в одноименном урочище, на правобережье р. Хемчик, в Дзун-Хемчикском районе Республики Тыва. Работы на некрополе проводились вторым отрядом ТКЭАН под руководством С.И. Вайнштейна в 1959–1960 гг. Исследовано одно погребение без лошади, предположительно относящееся к культуре раннесредневековых тюрок. Объект представлял собой небольшую курганную насыпь, под которой была сооружена могила. В ней находился умерший человек, ориентированный в восточный сектор горизонта. Инвентарь «одиночного» захоронения включал конское снаряжение, в том числе украшения узды, бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1966, с. 311–313, рис. 27–28, табл. IX).

16. Саглы-Бажи. Археологический комплекс находится на территории высокогорной Саглынской долины, в Овюрском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились СТЭАН под руководством А.Д. Грача в 1960–1961 гг. Исследованы пять погребений раннесредневековых тюрок (курганы 19, 22, 25, 26, 27), расположенные в разных группах комплекса. Все объекты представляли собой средних размеров курганные насыпи округлой формы. В большей части могил зафиксировано захоронение человека в сопровождении одной или двух лошадей (или шкуры животного), и только одно погребение было «одиночным». Инвентарь комплексов включал предметы вооружения, конского снаряжения, украшения, элементы костюма и бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1968, с. 105 – 108, рис. 48–50).

17. Улуг-Бюк-II. Погребально-поминальный комплекс обнаружен на левом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились первым отрядом СТЭАН под

руководством Г.В. Длужневской в 1974 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №1). Объект представлял собой каменную конструкцию округлой формы. Под ней выявлена могильная яма с подбоем, в которой находилось ограбленное захоронение человека в сопровождении лошади. Судя по имеющимся материалов, умерший был уложен в подбое и ориентирован головой в восточный сектор горизонта, а лошадь направлена в противоположную сторону. Инвентарь погребения включал такие редкие предметы, как китайское зеркало и лаковую чашечку, а также конское снаряжение и бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Длужневская Г.В., 2000, с. 178–183, табл. I–IV; 2013, с. 178–180, табл. II–V).

18. Улуг-Хову. Памятник расположен в одноименном урочище на правом берегу р. Хемчик, в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Два погребения раннесредневековых тюрок раскопаны С.А. Теплоуховым в 1926 г. (курганы №54–55). Оба объекта представляли собой округлые каменные насыпи. Оба комплекса оказались ограблены. Под насыпью кургана №54 выявлена могильная яма, в которой находилось захоронение человека и двух лошадей. Инвентарь погребения включал конское снаряжение, обломки клинкового оружия, тесло. Второй комплекс ограблен сильнее – сохранились лишь разбросанные в беспорядке кости человека, лошади и овцы, а также отдельные предметы конского снаряжения. Материалы раскопок частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 132–133, рис. 92–93).

19. Улуг-Хорум. Археологический комплекс находится в долине р. Саглы, в 7 км к западу от пос. Кызыл-Тей Овюрского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились СТЭАН под руководством А.Д. Грача в 1968 г. Раскопано одно впускное погребение, которое может быть отнесено к культуре раннесредневековых тюрок. Судя по полученным материалам, умерший человек был ориентирован в восточный сектор горизонта. Рядом с ним за каменной перегородкой находилось захоронение лошади, направленной в

противоположную сторону. Специфика комплекса заключалась в том, что конь был уложен не параллельно человеку, а как бы в одну линию. Материалы раскопок опубликованы (Грач В.А., 1982, с. 156–157, рис. 1–2).

20. Успенская. Памятник расположен близ одноименного населенного пункта в Тандинском районе Республики Тыва. Некрополь исследовался в 1926 г. С.А. Теплоуховым. Раскопано одно впускное погребение, относящееся к культуре раннесредневековых тюрок (курган №24-2). Объект представлял собой «одиночное» захоронение мужчины, ориентированного головой на север. Представительный инвентарь включал наборный пояс, два стремени, отдельные предметы вооружения, а также серьга. Материалы раскопок частично опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 191–192, рис. 149–150).

21. Часкал-II. Могильник расположен в 5 км к востоку от г. Шагонар, в Улуг-Хемскоом районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились вторым отрядом СТЭАН под руководством А.М. Мандельштама в 1966 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (курган №4). Захоронение совершено под средних размеров каменной насыпью округлой формы, по периметру которой фиксировалась ограда. В Могиле находился умерший человек, ориентированный на восток, рядом с которым была уложена лошадь, ориентированная в противоположном направлении и отделенная каменной перегородкой. Инвентарь включал предметы вооружения, элементы пояса, конское снаряжение и нож. Материалы раскопок не опубликованы (Мандельштам А.М., 1967).

22. Черби. Могильник расположен на берегу р. Тапсы, в 0,5 км к югу-юго-западу от моста через нее, в Пий-Хемском районе Республики Тыва. Работы проводились экспедицией ТНИИИЯЛИ под руководством С.И. Вайнштейна в 1956–1957 гг. Исследованы два погребения раннесредневековых тюрок (курганы Б-18, Б-23). Данные объекты представляли собой курганные насыпи средних

размеров, под которыми выявлены могильные ямы. В комплексе Б-18 исследовано «одиночное» захоронение женщины 16–18 лет, ориентированной головой на северо-запад. Весьма представительный инвентарь включал два обломка металлического зеркала, крашения, элементы костюма. Объект Б-23 оказался ограблен; в могиле обнаружены лишь отдельные находки. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1958, с. 218–219, табл. IV.-115, 122–123, 126, 130–134).

Свод погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Минусинской котловины

1. Абаканский чаатас. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Абакан, в 49 км от г. Абакан Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились Л.Р. и И.Л. Кызласовыми в 1972, 1982–1983 гг. Имеется краткая информация о нескольких исследованных погребениях раннесредневековых тюрок. Материалы опубликованы лишь частично (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1984; 1985; Худяков Ю.С., 2004, с. 35).

2. Белый Яр-II. Памятник расположен в 4 км от р. Абакан, в 5 км к востоку от с. Белый Яр Республики Хакасия. Работы на археологическом комплексе проводились археологической экспедицией Хакасского государственного университета в 1989–1994 гг. Исследованы семь курганов раннесредневековых тюрок, в которых находилось от одной до семи могил. Материалы раскопок опубликованы (Киргинеков Э.Н., Поселянин А.И., 1993; Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В., 1999, с. 88–95, рис. 1–17).

3. Батеневская пристань. Могильник находится на левом берегу р. Енисей, в районе с. Батени Республики Хакасия. Раскопки на памятнике проводились С.А. Теплоуховым в 1924 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Судя по представленному описанию, нарушенное захоронение №3 совершено под небольшой пологой каменной насыпью. Умерший человек был помещен в могилу с лошадью. Инвентарь включал керамический сосуд, стремя, костяной гребень и бронзовые обкладки. Материалы раскопок опубликованы (Нестеров С.П., 1999, с. 91–92, рис. 1).

4. Георгиевская-III. Памятник расположен на одноименной горе, в долине р. Тубы, у с. Тесь Красноярского края. Работы на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством Э.Б. Вадецкой в

1971 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Захоронение совершено под округлой каменной выкладкой. В могиле зафиксирован подбой, в которой находилось разрушенное погребение человека, ориентированного, судя по имеющимся материалам, в западном направлении. Рядом с умершим изначально находилась лошадь, разрозненные кости которой обнаружены в основной части ямы. Сохранившийся инвентарь включал накладки на лук, фрагменты колчана, а также обломки железных предметов. Материалы не опубликованы (Худяков Ю.С., 2004, с. 30).

5. Ибыргыс-Кисте. Могильник находится на левом берегу р. Ут, на правом берегу р. Абакан, в Республике Хакасия. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией под руководством Ю.С. Худякова в 1983 г. Раскопаны четыре погребения раннесредневековых тюрок (курганы №2–5). Захоронения совершены под средних размеров каменными насыпями округлой формы. В могиле находился умерший человек, ориентированный головой на юго-запад, в сопровождении лошади, помещенной на уступ и направленной в эту же сторону. Сопроводительный инвентарь погребений включал конское снаряжение, предметы вооружения, украшения, остатки одежды, бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., 1998; 2004, с. 34–35).

6. Капчалы-II. Некрополь расположен в окрестностях одноименного поселка Республики Хакасия. Могильник исследован археологической экспедицией под руководством В.П. Левашовой в 1935–1936 гг. Раскопаны 12 погребений раннесредневековых тюрок (курганы №1–3, 8, 10–13, 17, 19, 20, 22). Общей характеристикой объектов была небольшая каменная насыпь округлой формы, под которой совершено захоронение человека в сопровождении лошади или овцы. Материалы частично опубликованы (Евтюхова Л.А., 1948, с. 64–66, рис. 116; Левашова В.П., 1952, с. 129–135, рис. 5–7).

7. Кирбинский Лог. Могильник находится в 4 км к северо-востоку от с. Сабинка, в 2,5 км к северо-западу от с. Новокурское Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились сотрудниками Среднеенисейской экспедиции в 1982 г. Исследованы пять впускных погребений раннесредневековых тюрок (курган №3 – могилы 1–4; курган №5 – могила 4). Материалы раскопок опубликованы (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 97–99, рис. 3–4, 10–12, 14).

8. Красный Яр-V. Памятник расположен на левом берегу р. Енисей, под горой Оглахты, в Республике Хакасия. Работы на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством Э.Б. Вадецкой в 1972 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок. Раскопанный объект представлял собой разграбленное захоронение человека, ориентированного в западном направлении, с двумя лошадьми. Материалы не опубликованы (Худяков Ю.С., 2004, с. 30–31).

9. Маркелов Мыс. Археологический комплекс находится у одноименной горы, в 6–7 км к северу от с. Новоселово Красноярского края. Работы на памятнике Маркелов Мыс-I проводились археологической экспедицией под руководством Ю.В. Тетерина в 1988–1998 гг. Исследованы 28 погребений раннесредневековых тюрок. Материалы раскопок частично опубликованы (Тетерин Ю.В., 1992; 1999; 2000). Работы на некрополе Маркелов Мыс-II осуществлены археологической экспедицией под руководством О.А. Митько в 1988–1998 гг. Исследован ряд погребений культуры раннесредневековых тюрок. Материалы опубликованы лишь частично (Митько О.А., 1992, 1999).

10. Над Поляной. Могильник расположен на левом берегу р. Енисей, к югу от с. Батени Республики Хакасия. Раскопки на некрополе проводились Карасукским отрядом Красноярской экспедиции под руководством А.А. Гавриловой в 1964 г. Исследовано несколько погребений культуры раннесредневековых тюрок, в том числе два – с лошадью (могилы 12, 13).

Обозначенные объекты представляли собой небольшие каменные насыпи, большей частью разрушенные. В могиле 12, разделенной каменной перегородкой на две части, находилось захоронение человека, уложенного на приступку и ориентированного головой на восток, в сопровождении лошади. Подобная конструкция зафиксирована и в могиле 13, в которой находились разрозненные кости двух коней. Инвентарь погребений включал отдельные предметы вооружения, фрагменты керамических сосудов, бытовые изделия. Материалы раскопок частично опубликованы (Нестеров С.П., 1999, с. 92–94, рис. 2–3).

11. Перевозинский чаатас. Памятник находится на левом берегу р. Енисей у с. Абакано-Перевоз Республики Хакасия. Работы на некрополе проводились Копенским отрядом Красноярской экспедиции под руководством Л.П. Зяблина в 1967–1968 гг. (Зяблин Л.П., Кривонос А.А., 1968). Исследованы шесть погребений культуры раннесредневековых тюрок (курганы №79, 80, 82, 93, 94, 122). Объекты представляли собой небольшие каменные выкладки подквадратной и округлой формы. В большинстве комплексов зафиксирован подбой, в которой был уложен умерший человек, ориентированный в северном или восточном направлении. Лошадь или баран находились в основной части могилы. Инвентарь погребений включал конское снаряжение, отдельные предметы вооружения, элементы костюма, украшения и бытовые изделия. Материалы раскопок частично опубликованы (Худяков Ю.С., 2004, с. 28–29).

12. Сабинка-I. Могильник расположен в 3 км к северу от одноименного села, в 1,5 км к северо-западу от с. Новокурское Республики Хакасия. Работы на памятнике проводились сотрудниками Среднеенисейской экспедиции в 1982 г. Исследованы шесть впускных погребений раннесредневековых тюрок (курган №1 – могилы 2–5; курган №2 – могилы 2, 3). Материалы раскопок опубликованы (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, с. 83–96, рис. 1–2, 5–9, 13).

13. Таштык. Памятник расположен на седловине горы, на левом берегу р. Таштык, в 2,1 км от ее устья, в районе с. Батени Республики Хакасия. Одно погребение культуры раннесредневековых тюрок было исследовано С.А. Теплоуховым в 1925 г. Захоронение совершено под небольшой округлой каменной насыпью. В могиле находился умерший человек, ориентированный в северо-западном направлении, рядом с которым была уложена лошадь. Инвентарь включал предметы вооружения, конского снаряжения, элементы костюма, бытовые изделия. Материалы раскопок опубликованы (Нестеров С.П., 1982, с. 95–101, рис. 1–5).

14. Тепсей-III. Могильник находится на правом берегу р. Енисей, под горой Тепсей, на границе Республики Хакасия и Красноярского края. Работы на археологическом комплексе проводились Красноярской экспедицией под руководством М.П. Грязнова в 1966–1969 гг. и Ю.С. Худякова в 1976 г. Исследованы девять погребений раннесредневековых тюрок (курганы №3, 9, 15, 19, 28, 32, 36, 50, 67). Общей характеристикой раскопанных объектов была пологая овальная каменная выкладка, в ряде случаев с западиной в центре. В большинстве могил был захоронен человек по обряду ингумации, в сопровождении животного – лошади или овцы. В одном случае выявлены остатки кремации человека и коня. Материалы раскопок опубликованы (Комплекс археологических…, 1979; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 88–90, рис. 1–2).

15. Терен-Кель. Некрополь расположен в 0,5 км от одноименного сухого озера, в 8 км от с. Когунек Республики Хакасия. Могильник исследовался археологической экспедицией под руководством Ю.С. Худякова в 1978–1987 гг. Раскопаны два погребения раннесредневековых тюрок (курганы №14, 15). Захоронения совершены под пологими округлыми каменными насыпями. В первом из обозначенных комплексов выявлен подбой, в котором находился скелет лошади, ориентированной в западный сектор горизонта. Умерший

человек, уложенный в основной части ямы, направлен в эту же сторону. Вторая могила оказалась сильно ограблена. Инвентарь захоронений включал конское снаряжение, предметы вооружения. Материалы исследований опубликованы (Худяков Ю.С., 1999, с. 22–24, рис. 1–4; 2004, с. 31).

16. Уйбат-II. Археологический комплекс находится в Уйбатской степи, в 1,5 км от Уйбатского чаатаса. Работы на памятнике проводились Саяно-Алтайской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева в 1938 г. Исследованы два погребения раннесредневековых тюрок (курганы №1, 2). Объекты представляли собой небольшие каменные насыпи округлой формы. В ходе раскопок зафиксировано сложное устройство могильных ям, в которых были сооружены подбой, грунтовая перемычка и уступ. Умершие люди были захоронены с лошадью. Инвентарь комплексов включал конское снаряжение, предметы вооружения. Материалы раскопок опубликованы (Евтюхова Л.А., 1948, с. 61–64, рис. 112–115).

17. Усть-Тесь. Памятник расположен на левом берегу протоки р. Туба, к югу от заимки Усть-Тесь в Красноярском крае. Раскопки на могильнике проводились археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева в 1928 г. Исследовано одно погребение культуры раннесредневековых тюрок (кольцо №2). Объект представлял собой небольшую каменную насыпь округлой формы. В могиле находился умерший человек, ориентированный в западный сектор горизонта, в сопровождении лошади, направленной в эту же сторону. Инвентарь погребения включал конское снаряжение, железную пряжку от пояса и керамический сосуд. Материалы раскопок опубликованы (Киселев С.В., 1929; Евтюхова Л.А., 1948, с. 60–61, рис. 108–111).

Свод погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии

1. Арцат Дэл. Скальное погребение расположено у одноименной горы в Бомбогор сомоне Баянхонгорского аймака Монголии. Комплекс был случайно обнаружен местными охотниками в 1997 г., которые нашли остатки деревянной конструкции и череп человека. Позднее сведения об объекте были переданы археологам, которые провели раскопки скального захоронения в 2001 г. В ходе работ был обнаружен деревянный гроб с мумифицированными останками человека, установленный на специально принесенные камни. Рядом с гробом в первоначальном положении находились предметы быта (плеть, берестяной сосуд), вооружение (сабля в деревянных ножнах, лук, берестяной колчан с несколькими железными наконечниками стрел), а также конское снаряжение (седло, два стремени, удила с псалиями). По мнению монгольских археологов, памятник датируется VI–VIII вв. н.э. В результате радиоуглеродного анализа, проведенного в Германии, была получена дата 950 г. н.э. Материалы исследований опубликованы (Хурэлсух С., 2008, т. 297, з. 2, 3, 10).

2. Бурхан-толгой. Памятник расположен в долине р. Эгин-гол, на ее левом берегу (правый приток р. Селенги), под горой Бурхан-толгой, в Булганском аймаке Монголии. Работы на разновременном комплексе проводились сотрудниками Монголо-Французской экспедиции. В 1998 г. в насыпях курганов №25 и 60 обнаружены впускные погребения раннего средневековья. Курган №25 относится к хуннускому времени. В ходе его раскопок на глубине 1,6 м зафиксированы разрозненные остатки погребения пожилого человека (по антропологическим определениям – около 70 лет). Рядом с костями умершего обнаружены немногочисленные находки: костяной кружок 2,5 см в диаметре с отверстием в центре (пряслице?), железный наконечник стрелы, железный крючок, костяная пряжка, железные удила, нож, железная пряжка от пояса. По информации авторов раскопок, человек был похоронен стоя. Второе впускное

погребение раннего средневековья было сооружено в насыпи хуннуского кургана №60 на глубине 1,05 м. Зафиксированные разрозненные остатки костей лошади, положенной первоначально на живот с подогнутыми ногами головой на север–северо-восток, а также отдельные кости человека. Судя по зафиксированной ситуации, можно предположить, что умерший был ориентирован на север–северо-запад и находился на небольшом уступе, выше лошади, помещенной в подбое. Сопроводительный инвентарь включал роговые накладки на лук, железный черешковый нож, две железные поясные бляхи, а также бронзовый наконечник ремня. Материалы раскопок полностью опубликованы (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 107–108, 271; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2004).

3. Гол Мод. Археологический комплекс находится в долине реки Хануйн-гол в Эрденемандал сомоне Архангайского аймака. Исследования на памятнике проводились Ц. Доржсурэном. Одна из могил этого некрополя (№2), в основном, состоявшего из курганов хуннуского времени, относится к тюркскому периоду. Известны находки стремени и железных удил с S-видными псалиями. Каких-либо сведений о зафиксированном обряде погребения нет. Предметы из могилы опубликованы в статье И. Эрдели, Ц. Доржсурена, Д. Навана (Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967, fig. 32).

4. Джаргаланты. Памятник находится в 18 км к юго-востоку от монастыря Эрдени-Цзу, на левом берегу р. Хухшин-Орхон, по дороге в Шанг-Сомон, в двух километрах от него. В ходе работ, осуществленных Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитетом наук МНР в 1948–1949 гг., раскопано несколько погребений, одно из которых (курган №2) достоверно относится к археологической культуре раннесредневековых тюрок. Захоронение было сооружено под средних размеров округлой каменной насыпью. В ходе раскопок обнаружено погребение пожилой женщины, лежавшей в вытянутом положении на спине и ориентированной на восток. Рядом на небольшом уступе

находились костяки двух лошадей, ориентированных в противоположном направлении. Представительный инвентарь включал украшения (две золотые серьги), бытовые изделия (три керамических сосуда, семь монет в шелковом мешочке, черная лаковая чашечка, костяной гребень в шелковом футляре и металлическое зеркало, также в шелковом мешочке), конское снаряжение для двух лошадей (украшения узды в виде одной серебряной налобной бляхи и многочисленных ременных бронзовых бляшек и пряжек; железные удила с псалиями, стремена, железная подпружная пряжка, остатки кожи и шелка от чепрака). Материалы раскопок полностью опубликованы (Евтюхова Л.А., 1957, с. 207–216, рис. 1–10).

5. Дэнслэгийн ам. Археологический комплекс расположен в местности Дэнсэлгийн, в Центральном аймаке Монголии. Работы на памятнике проводились Х. Пэрлээ в 1952 г. В монографии Н. Сэр-Оджава представлена весьма краткая информация о данном погребении. Судя по описанию, в раскопанной могиле находилось одиночное захоронение человека, рядом с которым зафиксированы немногочисленные железные предметы – наконечник стрелы, кольцо и фрагменты лемеха. Материалы не опубликованы (Сэр-Оджав Н., 1970, т. 25).

6. Жаргалант Хайрхан. Скальное погребение расположено в пещере на правом склоне горы Жаргалант Хайрхан, в пади Омнох, на границе Манхан и Чандмань сомонов Ховдского аймака. Захоронение обнаружено и исследовано в 2008 г. в ходе работ совместной экспедиции Института археологии Академии наук Монголии и Института монголо-алтайских исследований под руководством Ц. Турбата. Информация о памятнике получена от школьного учителя Ч. Энхтора, которому в свою очередь о находке сообщил местный пастух. К моменту исследований объект был разграблен, предметы разбросаны по пещере. В ходе раскопок обнаружено погребение человека, положенного в вытянутом положении головой на северо-восток. Предметный комплекс захоронения

включал два железных стремени, деревянное седло хорошей сохранности, железный нож, колчан со стрелами (более 20 экземпляров), лук, 3 железные панцирные пластины, детали пояса «катандинского» типа, бронзовое кольцо, многочисленные фрагменты шелка, а также остатки деревянного музыкального инструмента с рунической надписью. Проведенный AMS-анализ образцов дерева от седла позволил получить дату 770–880 гг. н.э. По определению антропологов умерший был молодым мужчиной 20–25 лет. Материалы раскопок скального погребения опубликованы (Турбат Ц. и др., 2008; Törbat Ts. et al., 2009; Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т., 2010; Талын морьтон …, 2014).

7. Загал. Памятник находится в местности Загал Дарви сомона Ховдского аймака. Исследовался в 1987 г. археологом Х. Лхагвасурэном, работавшим в составе отряда по изучению памятников бронзового и раннего железного веков Института истории АН Монголии, возглавлявшегося Д. Навааном. В публикации представлено краткое описание захоронения. В центре могильной ямы находился умерший человек, а с обеих сторон от него находились две лошади, ориентированные в противоположные стороны. Сопроводительный инвентарь погребения включал вооружении и воинское снаряжение (роговые накладки на лук, костяные накладки на колчан, обломки трех железных панцирных пластин), а также снаряжение лошади (костяные накладки на луку седла, два стремени, роговая подпружная пряжка, а также небольшая железная пластина со шпеньками, вероятно, связанная с креплением седла). Предметный комплекс захоронения опубликован (Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х., 2002).

8. Моностын-хотол. Памятник расположен в долине р. Эгин-гол, на ее левом берегу (правый приток р. Селенги), в Булганском аймаке Монголии. Работы на комплексе проводились сотрудниками Монголо-Французской экспедиции в 1998 г. Погребение раннего средневековья находилось под небольшой каменной насыпью, в процессе разборки которой были обнаружены фрагменты керамики и кости мелкого рогатого скота. Ограбленное погребение

обнаружено на глубине 1,05 м. В могиле находилось захоронение человека, ориентированного на юго-восток, рядом с которым была положена лошадь, направленная в противоположную сторону. Сохранившийся сопроводительный инвентарь включал железное стремя, костяную подпружную пряжку, три застежки от пут, железные удила и нож. Материалы раскопок опубликованы (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 108–109, 272–273).

9. Мухдагийн ам. Памятник расположен в долине р. Эгин-гол, на ее левом берегу (правый приток р. Селенги), в Булганском аймаке Монголии. Работы на комплексе проводились сотрудниками Монголо-Французской экспедиции в 1998 г. Курган №8, относящийся к раннему средневековью, представлял собой средних размеров округлую насыпь (8,1х6,2 м), в центре которой находилась небольшая каменная ограда подквадратной формы. Ограбленное погребение зафиксировано на глубине 1,6 м. На дне могильной ямы, разделенной на две части перегородкой из каменных плит, находилось захоронение человека, уложенного головой на северо-восток, в сопровождении лошади, ориентированной в том же направлении. При этом черепа и человека, и лошади отсутствовали, очевидно, в результате ограбления. Сохранившийся сопроводительный инвентарь захоронения включал роговую накладку на лук, железный наконечник копья, железный наконечник стрелы с костяным свистунком и бронзовый наконечник ремня. Материалы раскопок опубликованы (Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 109–110, 274).

10. Наинтэ-Суме. Археологический комплекс расположен у восточной оконечности кряжа Хайрхан, в среднем течении р. Толы, в 140 км от Улан-Батора. Работы на памятнике проводились Г.И. Боровкой в 1925 г. Объект раннего средневековья представлял собой средних размеров каменную насыпь. На дне могильной ямы на глубине 2,25 м находилось захоронение человека головой на юго-восток в сопровождении двух лошадей, ориентированных в противоположную сторону. Представительный инвентарь погребения включал

конское снаряжение для двух лошадей (удила с псалиями, стремена, подпружные пряжки, костяная застежка от пут, а также украшения узды из подолоченной бронзы), фрагмент металлического зеркала, три костяных свистунка от стрел, фрагменты железного клинкового оружия (ножа или кинжала), фрагменты шелка с орнаментом. Материалы раскопок опубликованы (Боровка Г.И., 1927).

11. Овор Хавцал. Археологический комплекс расположен в местности Овор Хавцал Хотонт сомона Архангайского аймака. Разновременный могильник, состоящий из более чем 35 курганов, находится у подножия горы Дунд хутаг уул, в 17 км на северо-запад от центра Хархорин сомона Оворхангай аймака и в 20 км на юго-восток от центра Хотонт сомона Архангай аймака. Исследования на памятнике проводились экспедицией Монгольского национального исторического музея в 2007 г. Курган раннего средневековья был расположен обособленно, в 50 м к юго-востоку от основной части могильника хуннуского времени. Объект представляет собой небольшую каменную насыпь, в ходе разборки которой зафиксированы фрагменты керамики и отдельные кости мелкого рогатого скота. На дне могилы на глубине 60 см находилось непотревоженное захоронение человека, уложенного в вытянутом положении, на животе, головой на восток. Рядом была положена лошадь, ориентированная в противоположную сторону. Голова человека находилась на своего рода «подушке» в виде небольшой земляной приступки. Немногочисленный сопроводительный инвентарь погребения включал железный нож, костяные прорезные бляхи пояса, а также конское снаряжение (два стремени, удила, фрагменты дерева от седла, железные подпружные пряжки). Материалы раскопок опубликованы (Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б., 2010).

12. Рашаантын Ам. Скальное погребение находится в местности у горы Рашаантын ам, в долине р. Олзийт, в 48 км к северу от Бомбогор сомона Баянхонгорского аймака. Обнаружено в 2003 г. местным жителем Б. Мэндбатом. В 2004 году объект был исследован археологами. К моменту исследования

скальное погребение, находящееся в пещере на высоте 1872 м над уровнем моря, было сильно потревожено местными жителями. Поэтому археологи зафиксировали лишь разрозненные кости человека, лежавшие в беспорядке, а также комплекс предметов, включавший один железный наконечник стрелы, железную поясную пряжку, костяную пряжку, железный предмет непонятного назначения с тремя отверстиями, фрагмент колчана, фрагменты дерева (возможно, составлявшие дно колчана), железный крюк, а также фрагменты горелых костей. Описание скального захоронения, а также найденные вещи, опубликованы (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004, т. 20–22, з. 2).

13. Сыргаль. Археологический комплекс находится в Цэнгэл сомоне Баян-Ульгийского аймака. Памятник исследовался экспедицией под руководством Ц. Турбата в 2010 г. На некрополе раскопаны два погребения раннесредневековых тюрок, находившиеся в разных группах – Сыргаль-II (курган №5), Сыргаль-III (курган №3). Обозначенные объекты расположены к востоку от курганов пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Они представляли собой довольно крупные насыпи округлой формы, под которыми находились могильные ямы с захоронениями человека в сопровождении одной или двух лошадей. Общей характеристикой могил было отделение погребенного от находившегося рядом животного деревянной перегородкой или грунтовой перемычкой. Представительный сопроводительный инвентарь захоронений включал украшения, конское снаряжения, предметы была, элементы костюма. Материалы раскопок опубликованы (Баярхуу Н., Торбат Ц., Жискар П.Х., 2017).

14. Тарималт. Археологический комплекс расположен в местности Тарималт, в Богдо сомоне Уверхангайского аймака. Памятник исследовался Монголо-Итальянской экспедицией в 2005 г. В ходе работ раскопано одно погребение, относящееся к культуре тюрок (курган №2). Под небольшой каменной насыпью на глубине 2,4 м находилось захоронение человека с лошадью. Та половина могилы, в которой находился умерший человек, оказалась

полностью ограбленной. Сохранились лишь остатки деревянной конструкции в виде сруба, в которой находился погребенный. Судя по зафиксированным костям, человек был изначально ориентирован головой на север. Рядом была положена лошадь, направленная головой в противоположную сторону. Сопроводительный инвентарь захоронения включал три железных наконечника стрел, остатки берестяного колчана, нож, удила, роговые псалии, два стремени, бронзовые украшения узды, а также семена растения. Материалы раскопок частично опубликованы (Гунчинсурэн Б. и др., 2005).

15. Тогосийн овдгийн. Памятник расположен на реке Навчит в Хэнтий сомоне Хэнтий аймака Монголии. Несколько объектов данного археологического комплекса исследовано Х. Пэрлээ в 1957 г. В обобщающей монографии Н. Сэр-Оджава приведено описание одного из курганов (№2), относящихся к раннему средневековью. Судя по имеющейся информации, исследовано ограбленное захоронение человека с лошадью. Сохранившийся сопроводительный инвентарь включал семь железных панцирных пластин, фрагменты керамики с крестовым орнаментом, а также астрагал овцы. Материалы раскопок не опубликованы (Сэр-Оджав Н., 1970, т. 25).

16. Увгунт. Погребальный комплекс расположен близ одноименной горы, на левом берегу р. Толы в Бурхангай сомоне Булганского аймака. Памятник исследован в 1983 г. одним из отрядов Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под руководством Д. Навана. Раскопано одно погребение раннего средневековья. Своеобразие наземного сооружения заключалось в каменной пристройке с южной стороны насыпи кургана, в которой, вероятно, первоначально находилась стела или изваяние. Судя по имеющейся информации, в частично разграбленной могиле находилось захоронение человека в сопровождении двух лошадей, ориентированных в северном направлении. Сохранившийся инвентарь погребения представлен, главным образом, конским снаряжением (удила с псалиями, подпружная пряжка,

золотые бляшки-накладки, крупная позолоченная ажурная бляха с подвесными колокольчиками). Наиболее яркой находкой является золотой брактеат византийской монеты. Кроме того, в могиле зафиксированы фрагменты керамики с орнаментом. Материалы раскопок опубликованы (Наван Д., Сумьябаатар Б., 1987; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990, 1999).

17. Угемур. Крупный разновременный могильник расположен в Сант сомоне Селенгинского аймака. Раскопки некрополя проводились в 2006 г. экспедицией Монгольского национального университета под руководством Ш. Уранчимэг и С. Олзийбаяра. Основную массу исследованных объектов составили курганы хуннуского времени. Первоначально курган №2, самый мелкий из объектов некрополя, археологи посчитали детским захоронением. Однако в ходе раскопок выяснилось, что комплекс относится к раннему средневековью. До раскопок размеры кургана составляли 3,7 м в диаметре. Особенность конструкции состояла в том, что в центре насыпи не было камней. После зачистки была выявлена каменная насыпь диаметром 5,4 м и высотой 0,25 м. После разбора насыпи на глубине 80 см зафиксировано могильное пятно размерами 175х210 см. Общая глубина могилы составляла 142 см. На дне находилось непотревоженное захоронение человека в сопровождении лошади. Умерший ориентирован головой точно на север, в том же направлении ориентировано сопровождавшее его животное. Лошадь находилась на 30 см ниже человека, т.е. умерший был положен на земляную приступку. По определению антропологов, захоронение принадлежало пожилому мужчине 55–60 лет. Сопроводительный инвентарь погребения составляли фрагменты керамического сосуда с орнаментом, одно звено железных удил с псалием, одно железное стремя, а также тыльная костяная накладка на лук. Материалы раскопок опубликованы (Олзийбаяр С., 2007).

18. Хана-I. Памятник расположен в долине реки Хануйн-гол в Эрденемандал сомоне Архангайского аймака, в местности Хана. Исследовался

Монголо-Венгерской экспедицией в 1963 г. В ходе работ раскопано одно ограбленное погребение раннего средневековья. В могиле на глубине 245 см зафиксировано захоронение человека, ориентированного головой на восток, в сопровождении двух лошадей, направленных в противоположную сторону. Под головой умершего была положена плоская каменная плита. Костяки животных оказались сильно потревожены и находились большей частью в грабительском лазе. Сохранившийся предметный комплекс захоронения включал немногочисленные бронзовые украшения конского снаряжения, железный наконечник стрелы с костяным свистунком, фрагменты орнаментированной шелковой одежды, а также пояс с бронзовыми бляхами-накладками, наконечниками и подвешенной кожаной сумочкой. В сумочке лежали кремни, огниво и костяной гребень с сохранившимися тремя прядями волос между зубьев. Кроме того, зафиксированы остатки другой, большей по размеру, кожаной сумки, вероятно, притороченной к седлу одной из лошадей. По мнению авторов раскопок, это был бурдюк для хранения кумыса. Материалы раскопок опубликованы (Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D., 1967, 2003; Erdelyi I., 2000).

19. Хар-Ямаатын-гол. Погребально-поминальный комплекс расположен в нижнем течении р. Хаар-Ямаатын-гол, в Баян-Улгийском аймаке. Работы на памятнике проводились совместной российско-монголо-корейской экспедицией в 2007 г. Исследованы два кургана раннего средневековья (№8, 10). Объекты представляли средних размеров каменные насыпи, внутри которых были сооружены кольца из крупных камней, привязанные к могильной яме. С восточной стороны от насыпи кургана №8 зафиксирован ряд из девяти поминальных колец. Могила кургана №8 оказалась потревоженной, о чем свидетельствовало нарушенное положение костей, а также отсутствие черепов человека и лошади. Умерший человек, ориентированный головой на восток-юго-восток, находился на небольшой приступке. Рядом была положена лошадь, направленная в противоположную сторону. Сопроводительный инвентарь погребения включал роговой гребень, роговые наконечники плети,

керамические пряслица, железный кинжал в ножнах, а также отдельные элементы конского снаряжения (остатки седла в виде деревянного тлена, а также железных накладок, роговые подпружные пряжки, железная пряжка). Под насыпью кургана №10 могильная яма и какие-либо следы погребения отсутствовали. В ходе разбора насыпи обнаружен бронзовый перстень, а также придонная часть лепного керамического сосуда. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев Г.В. и др., 2007; Цэвендорж Д. и др., 2008; Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D., 2009; Кубарев Г.В., 2016).

20. Хутаг-Уул. Памятник расположен в горах Хутаг-уул, в 7 км к северу от Хошо-Цайдама, в Хашаат-сомоне Архангайского аймака. Ограбленное погребение, относящееся к археологической культуре раннесредневековых тюрок, исследовано Н. Сэр-Оджавом в 1965 г. Умерший человек был положен на спине в вытянутом положении и ориентирован головой на юго-запад. Рядом находились скелеты двух лошадей, ориентированных в противоположном направлении. Предметный комплекс погребения включал снаряжение лошади (одно стремя, удила, псалии, подпружная пряжка, застежка от пут), украшения и элементы костюма (бронзовые поясные бляхи и пряжки, золотая серьга с подвеской из жемчуга), а также железный нож, остатки берестяного колчана и фрагменты керамики. Материалы опубликованы лишь частично (Сэр-Оджав Н., 1970, т. 24–25, з. 18; Цэвендорж Д. и др., 2008, с. 175–176).

21. Цаган-Хайрхан-Уул. Археологический комплекс разновременных объектов расположен на левом берегу р. Хангилцгийн-гол, у подножия горы Цаган-Хайрхан-Уул, в горном хребте Хан-Хухий в Убсу-Нурском аймаке. Раскопки на памятнике проводились одним из отрядов Биосферной комплексной экспедиции под руководством Ю.С. Худякова в 1987 г. В ходе работ был исследован один курган раннего средневековья (№7). Под средних размеров округлой каменной насыпью обнаружена ограбленная могильная яма. Умерший человек, ориентированный головой на северо-восток, находился в подбое.

Рядом, в основной могиле, была положена лошадь, направленная в противоположную сторону. Сохранившийся предметный комплекс захоронения включал железный нож, каменный оселок, керамическое пряслице, обломки железных стержней, фрагмент деревянной чашки, костяную застежку от пут, а также железные удила. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., Цэвендорж Д., 1997, 1999).

22. Шанаган Хэвийн-2. Археологический комплекс расположен в Бухемурен сомоне Увс аймака. Работы на памятнике проводились экспедицией под руководством Ц. Турбата в 2011 г. Захоронение, судя по совокупности признаков относящееся к культуре раннесредневековых тюрок, раскопано под небольшой насыпью кургана №1. В частично ограбленной могиле находилось погребение человека, слева от которого зафиксированы останки сопровождавшей его лошади, уложенной на небольшой приступке. Сохранились отдельные элементы предметного комплекса, включавшие колчан, наконечники стрел, а также конское снаряжение. Материалы раскопок опубликованы (Турбат Ц., 2014, рис. 3–5; Баярхуу Н., Торбат Ц., 2016).

23. Шивээт Цанхир-I. Скальное погребение находится в местности у горы Рашаантын ам, в долине р. Олзийт, в 43 км к северу от Бомбогор сомона Баянхонгорского аймака. Обнаружено в 2003 г. местным жителем Б. Мэндбатом. В 2004 году объект был исследован археологами. Скальное погребение, расположенное в небольшой пещере на высоте 1930 м над уровнем моря, оказалось сильно нарушенным. В первоначальном состоянии были зафиксированы только ноги умершего человека, расположение которых позволило предположить археологам, что погребенный был ориентирован головой на северо-восток. Среди костей были обнаружены следующие находки: три железных стремени, остатки лука (две роговые накладки и фрагменты деревянной кибити), костяной кочедык, нож с сохранившейся деревянной

рукоятью, железные удила. Описание скального захоронения, а также найденные вещи, опубликованы (Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., 2004, т. 22–23, з. 1).

24. Элст Хутул

Памятник обнаружен на правом берегу р. Эгин-гол, в 30 км вверх от места ее впадения в р. Селенгу, в Булганском аймаке. Одиночный курган №5, был раскопан Селенгинской экспедицией Института истории АН Монголии под руководством Д. Эрдэнэбаатара в 1994 г. Потревоженное погребение раннего средневековья зафиксировано под небольшой каменной насыпью, на глубине 1,2 м. На дне могильной ямы, разделенной на две части перегородкой из вертикально установленных камней, находилось захоронение взрослого человека головой на восток, в сопровождении лошади, ориентированной в противоположную сторону. Инвентарь погребения включал два керамических пряслица, костяной гребень, а также костяную иглу с обломанным ушком. Кроме того, между скелетами человека и лошади зафиксированы отдельные кости овцы. Материалы раскопок опубликованы (Турбат Ц., 1998; Худяков Ю.С., Турбат Ц., 1999; Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003, т. 110, 275–276).

Объекты, предположительно относящиеся к погребальным комплексам

25. Аргаан-гол. Разрушенное погребение», из которого была собрана коллекция железных и бронзовых предметов, было обнаружено в 1961 г. Б. Оттоном. Объект находился в долине р. Аргаан-гол, в 20 км к северу от Ренчинлхумбэ сомона Хубсугульского аймака. В состав комплекса предметов входили наконечник копья, 11 наконечников стрел, три стремени, трое удил с псалиями, четыре пряжки, четыре накладки поясного ремня и железный котел. Находки опубликованы (Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д., 1986).

26. Ваарт. Археологичский комплекс раннего средневековья обнаружен в долине Ваарт Хотонт сомона Архангайского аймака. Исследования проводились Ц. Доржсуреном в 1956 г. Памятник представлял собой цепочку из трех херексуров, вытянутых по линии север – юг. Южный объект выделялся размерами. В ходе его раскопок в южной части насыпи была обнаружена яма, перекрытая двумя каменными плитами, одна над другой. Между плитами фиксировались следы огня. Под плитами находился своего рода деревянный резервуар, украшенный насечками и частично разрушенный. По определению автора раскопок, он был сделан из сандалового дерева. Кроме того, в яме были обнаружены фрагменты черного шелка и 16 золотых украшений различных типов. Некоторые находки опубликованы (Dorjsuren C., 1967).

27. Наймаа-Толгой. Археологический комплекс находится в долине реки Хануйн-гол в Эрденемандал сомоне Архангайского аймака. Памятник исследован Монголо-Венгерской экспедицией в 1963 г. Одиночный курган находился в отдалении от основной массы объектов, относящихся к хуннускому периоду. Диаметр насыпи составил 8х8,5 м., высота 0,3 м. Под каменной кладкой находилась яма 55 см глубиной от древней поверхности. В яме зафиксированы следы огня и каменная плита, под которой обнаружены кости лошади, два стремени, железные удила с S-видными псалиями, железная пряжка и фрагменты наконечника пояса. Какие-либо останки человека отсутствовали. Предметный комплекс кургана опубликован (Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D., 1967, 2003; Erdelyi I., 2000).

Свод «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Алтая

1. Айрыдаш. Археологический комплекс разновременных объектов расположен в одноименной долине на правобережной террасе Катуни, неподалеку от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились в 1980-е гг. экспедицией ГАНИИИЯЛ. На комплексе **Айрыдаш-I** под руководством А.С. Суразакова исследовано более 10 тюркских оградок подквадратной формы. Общей характеристикой объектов было наличие в центре оградок небольшой ямки с остатками деревянного столба, а также небольшой стелы или изваяния у юго-восточной стенки. В ходе раскопок зафиксированы фрагменты керамических сосудов, мелкие кальцинированные кости и металлический наконечник поясного ремня. Материалы исследований не опубликованы, имеется только краткое описание результатов работ (Суразаков А.С., 1990, с. 198–199). В 1988 г. на памятнике **Айрыдаш-II** отдельным отрядом экспедиции ГАНИИИЯЛ под руководством О.В. Ларина раскопаны еще три тюркские оградки – одна отдельно стоящая и две смежные, меньших размеров. Все объекты имели подквадратную форму. В центре первой ограды зафиксирована яма глубиной до 0,6 м, ориентированная по линии север–юг. У восточной стенки объекта исследована небольшая пристройка. В процессе раскопок всех оградок обнаружено значительное количество фрагментов керамических сосудов. Материалы исследований опубликованы (Ларин О.В., 1990, с. 192–197, рис. 1–3).

2. Айтэны. Ритуальный комплекс расположен в 12 км от с. Хабаровка вверх по левому берегу р. Малый Ильгумень, в логу Айтэны, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс включает две небольшие прямоугольные оградки, одна из которых, меньшая по размеру, была пристроена к другой. В центре каждого из объектов зафиксирована ямка

глубиной 0,4 и 0,5 м. В ходе раскопок меньшей пристроенной оградки обнаружены угли. С восточной стороны от первой оградки было вкопано каменное изваяние, ориентированное лицом на восток. Материалы работ на памятнике частично опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, табл. IX.-60).

3. Ак-Кообы. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Барбургазы, в ее нижнем течении, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. В 2008 г. в ходе работ Чуйского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством Г.В. Кубарева на памятнике исследованы шесть тюркских оградок (№4–9). Эти объекты представляли особой часть цепочки из 14 ритуальных сооружений раннего средневековья, имевших смежные стенки или устроенных на небольшом расстоянии друг от друга. Раскопанные оградки характеризовались наличием центральных ямок с остатками лиственничных стволов, а также стелами и балбалами с восточной стороны. У восточной стенки объекта №5 обнаружены плиты с гравированными изображениями. Каких-либо находок при исследовании оградок не зафиксировано. При осмотре не раскопанного объекта №12 обнаружен фрагмент деревянного сосуда с бронзовой накладкой. Материалы раскопок оградок комплекса Ак-Кообы полностью опубликованы (Кубарев Г.В., 2011а, в). Сочетание характерных конструкций позволяет отнести объекты к ранним этапам в развитии тюркской культуры.

4. Барбургазы. Археологический комплекс расположен в долине одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. В 1975 г. на комплексе раскопана одна тюркская оградка. Исследованный объект представлял собой сооружение подквадратной формы, в центре которого установлена стела. В верхней части стелы обнаружен тамгообразный знак. Каких-либо дополнительных конструкций или находок не

зафиксировано. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 144–145, рис. 13).

5. Белый Бом-II. Погребально-поминальный комплекс расположен на левом берегу р. Чуя, в 2,5–3 км к югу–юго-востоку от с. Белый Бом, в 5,5 км к югу от с. Иня, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на памятнике осуществлялись археологическими отрядами под руководством В.Н. Владимирова, Ю.Т. Мамадакова, Г.Д. Глоба в 1980-х гг. Наряду с объектами различных хронологических периодов исследована серия тюркских оградок (№ 11, 15, 16, 46, 57–59). Объекты №57–59 представляли собой рядом стоящие сооружения подквадратной формы. В центре оградок зафиксирована ямка с остатками деревянных столбов, углями и золой. К югу от оградки №58 установлена стела. Объекты №11, 16, 46, также имевшие подквадратную форму, были устроены одиночно. В ходе раскопок оградки №11 выявлена центральная ямка с остатками дерева. У северной стенки оградки №46 обнаружена небольшая стела. Каких-либо находок в ходе исследований обозначенных объектов не зафиксировано. Имеется информация об обнаружении изделия в заполнении центральной ямки оградки №11, однако достоверные сведения об этом отсутствуют. Материалы раскопок тюркских оградок комплекса Белый Бом-II частично опубликованы (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В., 2011).

6. Бертек. Памятник расположен в одноименной долине на плато Укок, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Археологический комплекс исследовался Южно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции в 1991 г. Наряду с объектами различных хронологических периодов раскопана одна тюркская оградка из плит, получившая обозначение **Бертек-2**. Сооружение имело традиционную для подобного рода комплексов подквадратную форму. Каких-либо дополнительных конструктивных элементов

или находок в ходе исследований не выявлено. Материалы раскопок опубликованы (Древние культуры…, 1994, с. 124–127, рис. 118–119).

7. Бике. Памятник находится на правом берегу р. Катунь, в 5 км к юго-востоку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В 1989 г. работы на памятнике **Бике-I** проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР (ныне – ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. В ходе этих исследований наряду с объектами различных хронологических периодов вскрыта одна тюркская оградка подквадратной формы с небольшой стелой в центре. Каких-либо дополнительных конструктивных особенностей или находок не зафиксировано. Материалы работ опубликованы (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 83, рис. 48). В 2008 г. в ходе работ археологической экспедиции ГАГУ под руководством В.И. Соёнова на комплексе **Бике-III** раскопана еще одна прямоугольная тюркская оградка (№15), расположенная к западу от основной цепочки курганов скифо-сакского времени. Конструктивной особенностью объекта являлось сооружение в его центре двух небольших ям, в одной из которых зафиксированы фрагменты древесного угля, а во второй обнаружен железный нож. Кроме того, в разных частях оградки зачищена серия других изделий из железа – стремя, колчанный крюк, семь наконечников стрел, удила, заклепка, а также небольшой фрагмент бронзовой бляшки-накладки. Материалы раскопок полностью опубликованы (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 76; рис. 1–8). Авторами исследований оградка отнесена к раннему кызыл-ташскому этапу (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) в развитии тюркской культуры (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., 2009, с. 80). Характерные формы находок, главным образом, стремени, позволяют датировать объект более поздним временем – кудыргинским этапом (2-я половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.).

8. Бирюзовая Катунь. Погребально-поминальный комплекс расположен в Алтайском районе Алтайского края, в 3–4,5 км от устья р. Тавдушка вверх по течению р. Катунь. Работы на памятнике проводились Нижне-Катунской археологической экспедицией АлтГУ. В 2005 г. на комплексе обнаружена тюркская оградка, получившая обозначение **Бирюзовая Катунь-I**. Объект имел традиционную для ритуальных сооружений раннего средневековья подквадратную форму. С юго-восточной стороны к оградке примыкало скопление камней, часть которого образовывало подобие каменного кольца. Рядом с оградкой обнаружено расколотое каменное изваяние. На нем визуально просматриваются следы выбивки, оформляющие контур лица и головной убор. У одной из внешних стенок оградки найдены два фрагмента керамики. Материалы раскопок опубликованы (Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 41–42, рис. 20, 47, 57.-4).

9. Биченег. Ритуальный комплекс расположен на правом берегу р. Эдиган, к северу от дороги Чемал–Эдиган, в 3 км от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Памятник состоял из 13 подквадратных и одной округлой тюркских оградок, исследованных в 2000–2003 гг. Южно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН и НГУ под руководством Ю.С. Худякова. Объекты представляли собой рядом стоящие сооружения, устроенные рядами, ориентированными с севера на юг. С восточной стороны от наиболее крупных подквадратных оградок и округлой оградки были установлены вертикальные каменные стелы. В ходе раскопок внутри сооружений зафиксированы остатки поминальных тризн и железные предметы быта, вооружения и конского снаряжения. В двух оградках находились ямки, забутованные камнями. В одной из таких ямок обнаружен развал костей лошади. С западной стороны у стенки наиболее крупной оградки находились раздавленные керамические сосуды. Материалы раскопок тюркских оградок комплекса Биченег опубликованы (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000, с. 417–423; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001, с. 146; Худяков Ю.С.,

Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 466; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2002, с. 480; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2003, с. 510–515; Худяков Ю.С., 2009, с. 19).

10. Бойтыгем. Археологический комплекс находится неподалеку от устья одноименной реки, на обоих ее берегах, в Чемальском районе Республики Алтай. Работы на памятнике в разные годы проводились археологическими отрядами Алтайской археологической экспедиции АлтГУ. В 1989 г. две тюркские оградки (№1 и 2) вскрыты на комплексе **Бойтыгем-IV**. Оба сооружения имели подквадратную форму и были устроены рядом, по линии север–юг. В ходе раскопок в углу оградки №1 обнаружена роговая накладка на лук, а в центре объекта №2 зафиксировано железное шило. В 1991 г. в ходе полевых работ на комплексе **Бойтыгем-II** исследована еще одна тюркская оградка (№18). В центре сооружения подквадратной формы, на небольшой глубине зафиксировано скопление древесных углей, а ближе к одной из стенок – фрагмент керамики. С юго-восточной стороны от оградки обнаружено основание стелы, которую ограждали две плиты. Какие-либо находки не зафиксированы. Материалы раскопок тюркских оградок комплекса Бойтыгем опубликованы (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, с. 167–168, рис. 1.-1, 3–5).

11. Боротал. Крупный археологический комплекс расположен в одноименном урочище, в среднем течении р. Чуя, на ее правом берегу, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Наряду с объектами различных хронологических периодов, на комплексе раскопаны три тюркские оградки (№26, 83, 86). Данные сооружения представляли собой округлые насыпи, оконтуренные по периметру массивными поставленными на ребро плитами. В ходе раскопок одной из оградок (№86) зафиксированы фрагменты керамики. Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 145–147, рис. 15, 21–23).

12. Булан-Кобы-IV. Археологический памятник расположен на четвертой надпойменной террасе левого берега р. Катунь, в 5,5 км к югу от с. Иня Онгудайского района Республики Алтай. Представляет собой комплекс разновременных объектов, локализованных на небольшой изолированной площадке, ограниченной с севера, юга и запада отвесными горами, с востока – крутым склоном. Исследование памятника начато в 1981 г Онгудайским отрядом археологической экспедиции АлтГУ под руководством Ю.Т. Мамадакова и продолжалось в течение нескольких полевых сезонов. Наряду с курганами хуннуско-сяньбийско-жужанского времени раскопаны семь подквадратных оградок раннего средневековья (№1, 4–8, 44). Общей конструктивной особенностью большей части объектов являлась небольшая стела, установленная у юго-западной стенки. У оградки №5 две такие стелы были обнаружены с северо-восточной стороны. Кроме того, у ряда сооружений зафиксированы камни-балбалы, установленные в ряд. В центре оградок №6, 7 и 8 обнаружен небольшой каменный ящичек, в котором в одном случае находились предметы инвентаря (костяной и железные наконечники стрел, железная пряжка). Кроме того, в центральной части сооружения №44 находилась довольно крупная яма глубиной до 0,9 м с захоронением лошади. Материалы раскопок опубликованы (Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 58–63, рис. 1–2). По совокупности характеристик оградки, исследованные на комплексе Булан-Кобы-IV, могут быть отнесены к раннему кызыл-ташскому этапу в развитии тюркской культуры (2-я половины V – 1-я половина VI вв.).

13. Верх-Чепош-I. Поминальный комплекс обнаружен к северу от с. Чепош Чемальского района Республики Алтай. Работы на памятнике, насчитывающем более 20 объектов, проводились А.П. Бородовским. В 2001 г. им исследованы две тюркские оградки (№6, 7), расположенные в центральной части комплекса. Объект №6 представлял собой две смежные подквадратные оградки небольших размеров. Раскопки сооружений показали отсутствие каких-либо

дополнительных конструкций и находок. Оградка №7 имела подовальную форму. У восточного края объекта зафиксировано каменное изваяние с изображением лица. Какие-либо находки отсутствовали. Материалы раскопок полностью опубликованы (Бородовский А.П., 2001, с. 176–179, рис. 1).

14. Дьёр-Тебе. Ритуальный комплекс расположен в 10–15 км на север от пос. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай. Работы на памятнике, представлявшем собой четыре рядом стоящие тюркские оградки, проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева в конце 1970-х гг. Общими характеристиками раскопанных объектов являются подквадратная форма сооружения; камни-балбалы, установленные с востока (у оградки II установлено 11 таких камней, ряд которых протянулся на протяжении более 170 м); центральные ямки с остатками деревянных столбов; кости животных во внутреннем пространстве, а также следы кострищ. К востоку от стенки оградки III зафиксирован тлен от деревянного ящичка, в котором найден фрагмент черепа лошади. Похожие следы обнаружены вокруг каменного изваяния, установленного к востоку от оградки II. В ходе раскопок оградки II найден железный нож. Радиоуглеродный анализ материалов из оградки IV позволил получить дату, определяющую хронологию комплекса в рамках середины X в. Материалы раскопок на памятнике Дьёр-Тебе полностью опубликованы (Кубарев В.Д., 1978, с. 86–92, рис. 1–8; Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXVIII.-222).

15. Елангаш. Ритуальный комплекс зафиксирован на левом берегу одноименной реки, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева в конце 1970-х гг. На комплексе раскопана одна тюркская оградка. Сооружение имело подквадратную форму. К востоку от оградки, на небольшом расстоянии, зафиксировано кольцо из четырех валунов. Каких-либо находок в

ходе раскопок не обнаружено. Материалы опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 145, рис. 14).

16. Кальджин-6. Памятник расположен на левом берегу р Ак-Алаха, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на погребально-поминальном комплексе проводились археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством В.И. Молодина в 1-й половине 1990-х гг. На памятнике исследовано значительное количество сооружений различных типов и хронологических периодов, в том числе одна тюркская оградка, раскопанная в 1993 г. Оградке присвоен порядковый №62. Объект представлял собой подквадратную конструкцию, в центре которой выявлена яма с остатками деревянного столбика. С северо-западной стороны от оградки находилась кольцевая выкладка из камней, внутри которой обнаружены кости животных. К юго-восточной стенке пристроено еще одно сооружение овальной формы. Каких-либо находок не обнаружено. Материалы раскопок опубликованы (Молодин В.И. и др., 2004, с. 171–172, рис. 279–280).

17. Каман-Тон. Ритуальный комплекс расположен на одноименно холме, у слияния рек Бугузун и Кокоринка, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представлял собой одиночную оградку подквадратной формы. В центре объекта обнаружена яма, в которой зафиксированы остатки лиственничного столба. К востоку от оградки установлено изваяние. Каких-либо находок не обнаружено. Материалы раскопок частично опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 163, табл. XXXVI.-216).

18. Кара-Коба-I. Археологический комплекс расположен на правом берегу р. Урсул, близ д. Кара-Коба Онгудайского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайской археологической экспедицией ИА АН СССР

под руководством В.А. Могильникова в 1980–1981 гг. В числе прочих объектов изучена представительная серия тюркских оградок. Раскопанные сооружения имели как традиционную подквадратную (№39, 40, 45А–Д, 58, 68, 69, 83, 109, 122), так и округлую или кольцевую форму (№76, 81-II, 74Б-1, 84-III, 86-I–IV, 88-2–4). Изученные подквадратные оградки составляли небольшие группы из рядом стоящих объектов или располагались одиночно. Характерными конструктивными элементами комплексов являются центральные ямы с остатками деревянных столбов или каменными стелами; каменные ящички; стелы и балбалы, установленные с восточной или северо-восточной стороны; пристройки, также расположенные за восточной стенкой. В ходе раскопок оградки №109 обнаружена довольно крупная яма, разделенная на две части перегородкой. В одной части ямы выявлено захоронение лошади, а во второй зафиксирована небольшая деревянная колода, в которой находилась бронзовая поясная пряжка с остатками ремня. В значительной части сооружений обнаружены кости животных, главным образом, лошади и овцы. Кольцевые оградки памятника Кара-Коба-I представляли собой рядом стоящие объекты или были сгруппированы в комплексы, образующие дугу или ряд. В ряде случаев зафиксированы сопроводительные сооружения в виде стел или камней-балбалов, расположенных с западной стороны. В большинстве кольцевых оградок раскопаны захоронения лошадей, с которыми зачастую помещены предметы конского снаряжения (удила, псалии, стремена, застежки от пут, пряжка). Материалы раскопок полностью опубликованы (Могильников В.А., 1992, 1994б). По совокупности характеристик (найденный предметный комплекс, зафиксированные конструкции) оградки памятника Кара-Коба-I могут быть отнесены к раннему кызыл-ташскому этапу в развитии тюркской культуры (2-я половины V – 1-я половина VI вв.).

19. Карасуг. Ритуальный комплекс расположен в среднем течении р. Катунь, в Чемальском районе Республики Алтай. Памятник исследовался в начале 1990-х гг. археологической экспедицией под руководством А.П.

Бородовского. Раскопана одна тюркская оградка подквадратной формы, к юго-востоку от которой зафиксировано каменное изваяние с изображением лица. Каких-либо дополнительных конструкций или находок не обнаружено. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 17–18, рис. 1).

20. Катанда-I. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Малая Катанда – левого притока Катуни, неподалеку от с. Катанда Усть-Коксинского района Республики Алтай. В 1965 г. четыре оградки на данном памятнике раскопаны В.В. Радловым. Судя по имеющейся информации, все объекты имели подквадратную форму. С восточной стороны от оградок зафиксированы камни-балбалы. Какие-либо другие конструкции не выявлены. В ходе исследований двух объектов обнаружены железные удила и нож. Материалы раскопок не опубликованы, представлено лишь краткое описание результатов работ (Радлов В.В., 1996, с. 35–36; Захаров А.А., 1926, с. 76).

21. Кишнег-Атудар. Ритуальный комплекс расположен на правом берегу р. Эдиган, к северу от дороги Чемал–Эдиган, в 1 км от с. Эдиган Чемальского района Республики Алтай. Памятник состоял из шести тюркских оградок, исследованных в 2001 г. Южно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН и НГУ под руководством Ю.С. Худякова. Объекты сооружены в ряд, ориентированный с севера на юг. Одна небольшая оградка пристроена к более крупной оградке с восточной стороны; еще одно сооружение устроено обособлено вне ряда. В ходе раскопок в заполнении большей части объектов обнаружены кости животных, фрагменты керамики, керамический сосуд, предметы быта и вооружения. В одной из оградок выявлено захоронение лошади. У одного объекта с западной стороны установлена вертикальная каменная стела. Материалы раскопок тюркских оградок комплекса Кишнег-Атудар частично опубликованы (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 467–469; Худяков Ю.С., 2009, с. 20).

22. Кок-Паш. Погребально-поминальный комплекс расположен на высокой террасе в месте слияния рек Чулышман и Башкаус, в Улаганском районе Республики Алтай. Памятник включает более 300 объектов, датирующихся в широких хронологических рамках от эпохи энеолита до этнографической современности. Работы на комплексе проводились Алтайским отрядом Южно-Сибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина в 1980-х гг. Помимо погребальных объектов предтюркского времени на памятнике исследовано 17 оградок раннего средневековья (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11). Материалы раскопок не опубликованы. Имеются упоминания о таких конструктивных характеристиках оградок, как подквадратная форма сооружений, традиция устройства каменных ящичков, а также установки балбалов. В научный оборот введены лишь отдельные находки из ритуальных объектов (Васютин А.С., 1994, с. 55–56, рис. 1; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 57.-6–8, 11, 11а, 16, 23, 25). Судя по имеющимся денным, оградки комплекса Кок-Паш относятся к ранним этапам в развитии тюркской культуры.

23. Конурат. Археологический комплекс расположен на левом берегу р. Катунь, в 1 км от впадения в нее р. Ороктой, в Чемальском районе Республики Алтай. Памятник исследовался Южно-Сибирским археологическим отрядом НГУ в 1989–1990 гг. В юго-западной части комплекса раскопаны две тюркские оградки, расположенные вплотную друг к другу. С восточной стороны от каждого сооружения установлена стела. Какие-либо дополнительные конструкции или находки отсутствовали. В публикации, подготовленной по результатам полевых исследований, представлено краткое описание раскопанных объектов (Тетерин Ю.В., 1991, с. 151–152).

24. Коо-I. Археологический комплекс расположен на правом берегу р. Чулышман, близ с. Коо Улаганского района Республики Алтай. Работы на

памятнике проводились Алтайским отрядом Южно-Сибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина. В 1984 г. на комплексе исследованы четыре тюркские оградки. Судя по имеющейся информации, раскопанные объекты представляли собой подквадратные сооружения, в большинстве случаев не имевшие каких-либо дополнительных конструкций. Только ходе исследования одной из оградок зафиксирована центральная ямка, в которой найдены остатки деревянного блюда и железный черешковый нож. В других объектах выявлены только кости животных. Материалы раскопок не опубликованы, представлено лишь краткое описание результатов полевых работ (Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1986, с. 170; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11).

25. Котыр-Тас-I. Ритуальный комплекс расположен в долине р. Чуя, на правом ее берегу, к западу от с. Кош-Агач, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике, состоявшем из более чем двух десятков тюркских оградок, проводились археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова в 1992 г. Всего на комплексе исследовано 22 объекта, расположенных поодиночке или сгруппированных в небольшие цепочки. Общими конструктивными элементами оградок памятника Котыр-Тас-I являлись подквадратная форма сооружения и центральная ямка с остатками деревянного столба. Кроме того, при исследовании большинства объектов (№ 1–9, 17, 19–23) в стороне от центральной столбовой ямки обнаружено по одной дополнительной ямке небольших размеров, перекрытой сланцевыми плитами, в заполнении которой найдены угли, зола, кости животных. В одной такой ямке (оградка №4) обнаружены золотые рельефные пластины. У семи оградок комплекса Котыр-Тас-I выявлены небольшие пристройки и ящички, вплотную примыкавшие снаружи к восточной, северной или западной стенкам. Внутри пристройки у оградки №6 и ящичка у объектов №8 и 17 зафиксированы следы кострищ в виде прокаленной земли и углей. Кроме того, в ящичке у оградки №17 обнаружен фрагмент железного ножа. В ходе раскопок оградок №1 и 2 найдены

панцирные пластины, уложенные возле «дополнительных» ямок. С восточной стороны объектов №1, 4, 18 установлены вертикально стоявшие стелы. Материалы раскопок тюркских оградок на комплексе Котыр-Тас-I полностью опубликованы (Суразаков А.С., 1993б, с. 50–51; Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 35–66, рис. 1–24).

26. Кош-Тал-I. Археологический комплекс находится в одноименном урочище, на правом берегу р. Кызыл-Шин, в 3 км к западу от с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай. Основную часть памятника составляют объекты скифо-сакского времени. К востоку от цепочки курганов зафиксирована тюркская оградка (№34), которая, наряду с другими сооружениями, была раскопана в 1982 археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова. Объект представлял собой конструкцию подквадратной формы из плит. В центре сооружения зафиксирована небольшая ямка, в которой найдены остатки деревянного столба. Какие-либо дополнительные конструкции или находки не обнаружены. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1993а, с. 33, рис. 20).

27. Кудыргэ. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Чулышман, в 15 км выше ее впадения в озеро Телецкое, в Улаганском районе Республики Алтай. Впервые памятник исследовался экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). В 1948 г. ряд объектов раскопан А.А. Гавриловой (1965). На памятнике зафиксировано 60 оградок, из которых 15 исследованы. Раскопанные объекты находились в центральной части комплекса. Зафиксированы как одиночные (V, XII–XV), так и смежные (I–IV, VI–XI) подквадратные оградки. Сооружения отличались вариабельностью. Среди зотмеченных конструкций – ямка в центре оградки, стела, а также каменный ящичек, сооруженный внутри объекта или снаружи за стенкой. В отдельных оградках обнаружены угли и кости животных.

Предметный комплекс представлен железными изделиями (ножи, удила, панцирные пластины, пряжки, предметы неизвестного назначения), а также роговыми накладками на лук. Материалы исследований полностью опубликованы (Гаврилова А.А., 1965, с. 14–18, табл. III–V). В 1983 г. работы на известном комплексе продолжены А.М. Илюшиным и А.П. Бандурой, которые раскопали три тюркские оградки, находившиеся в аварийном состоянии №102–104). Вскрытые объекты оказались схожи с исследованными ранее ритуальными сооружениями. В оградках, имевших подквадратную форму, зафиксирован каменный ящик (в оградке №103 обнаружено две таких конструкции). Достаточно представительным оказался предметный комплекс, включавший изделия из железа и бронзы – конское снаряжение, украшения амуниции лошади, поясную гарнитуру, предметы быта. А также отдельные элементы воинского снаряжения. Результаты работ опубликованы (Илюшин А.М., 1992, с. 213–215, рис. 1–5; 2000, с. 158–160, рис. I–V). Спустя два года, в 1985 г. обследование памятника Кудыргэ осуществлено С.П. Нестеровым и Ю.Б. Плотниковым. В ходе работ раскопаны две тюркские оградки (№13 и 64), находившиеся в аварийном состоянии и частично разрушенные. Особенностью исследованных объектов стало обнаружение в центральных ямках остатков деревянных столбиков. Какие-либо находки в оградках отсутствовали. Материалы раскопок введены в научный оборот (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 161–163, рис. 5, 7). Имеется упоминание о раскопках 12 оградок на памятнике Кудыргэ А.С. Васютиным (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11, 12). По совокупности характеристик (зафиксированные конструкции, период бытования предметов инвентаря) большая часть исследованных оградок комплекса Кудыргэ может быть отнесена к раннему кызыл-ташскому этапу в развитии тюркской культуры (2-я половины V – 1-я половина VI вв.).

28. Кулада. Памятник находится в одноименном урочище, на левом берегу р. Каракол, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на комплексе проводились сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции под руководством

С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой в 1934 г. На памятнике исследованы три тюркские оградки. Судя по имеющейся информации, все объекты имели подквадратную форму. В центре ритуальных сооружений выявлены ямки, в которых зафиксированы угли и остатки деревянных столбов. К востоку от оградок установлены изваяния и балбалы. Каких-либо находок не выявлено. Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114; Киселев С.В., 1951, с. 545; Евтюхова Л.А., 1952, рис. 2.-1–3).

29. Курай. Комплекс археологических памятников расположен в Курайской степи, в урочище Тадила, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой в 1935 г. Имеются сведения о, по меньшей мере, шести исследованных тюркских оградках. Раскопанные объекты имели традиционную для ритуальных сооружений раннего средневековья подквадратную форму. В центре оградок фиксировались ямки с углями и остатками деревянных столбов. К востоку от сооружений находились балбалы. В ходе исследования отдельных оградок обнаружены железные изделия (тесло, удила и др.). Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114–116; Киселев С.В., 1951, с. 545).

30. Кур-Кечу. Археологический комплекс разновременных объектов расположен на левом берегу р. Катунь, в 6 км к югу–юго-востоку от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина. В 1981 г. на комплексе раскопаны две рядом стоящие тюркские оградки (А-1 и А-2). Объекты представляли собой сооружения подквадратной формы. В центральной части оградки А-1 выявлена яма, в которой находились железные наконечники стрел и бронзовые элементы поясного набора. В центре объекта А-2 установлена стела. Кроме того, в западном углу этой оградки обнаружена яма, раскопки которой позволили выявить комплекс находок – два

стремени, удила, наконечники стрел, бляхи наборного пояса и нож. Материалы раскопок опубликованы в ряде статей руководителя работ (Васютин А.С., 1983а, с. 192; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, с. 118–121, рис. 1–3; Васютин А.С., 2009, с. 87–89, рис. 1, 2). Время сооружения оградок комплекса Кур-Кечу по находкам предметов определяется в рамках VIII–IX вв.

31. Курота. Памятник расположен на левом берегу р. Курота, в 2 км от ее впадения в р. Урсул, в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1979 г. в ходе работ археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова на комплексе **Курота-II** раскопаны три тюркские оградки (№23, 25, 26). Объекты представляли собой расположенные одиночно сооружения подквадратной формы. У южной стенки оградки №23 зафиксирована овальная пристройка. С западной стороны объекта №26 обнаружена стела. Какие-либо находки в исследованных оградках комплекса Курота-II отсутствовали. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1990, с. 68–69, рис. 17, 19–20).

32. Кызык-Телань-I. Памятник, насчитывающий более 120 объектов различного времени, расположен в одноименном урочище, в 7 км к югу–юго-востоку от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. Комплекс исследовался на протяжении ряда лет археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова. В 1980 г. на памятнике раскопана одна тюркская оградка (№8). Объект подквадратной формы был пристроен с восточной стороны у скопления курганов. В центре оградки установлена каменная стела с обломанной верхней частью. С внешней стороны юго-восточной стенки находился развал камней, среди которых зафиксированы две плиты, установленные на ребро. Какие-либо находки отсутствовали. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 104–105, рис. 100).

33. Кызыл-Таш. Археологический комплекс расположен близ с. Курай Кош-Агачского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились алтайско-монгольской экспедицией в 1994 г. Исследованы две отдельно стоящие оградки, зафиксированные около курганов скифо-сакского времени. Конструктивными элементами объектов были расположенные с восточной стороны балбалы, ямки, а также небольшой каменный ящик внутри сооружения. В ритуальных комплексах обнаружена серия предметов, включавших конское снаряжение, накладки на лук, а также такие редкие находки, как панцирные пластины, миниатюрные копии меча и копья. Кроме того, зафиксированы следы огня и кости животных. Оградки комплекса Кызыл-Таш, содержавшие показательный для определения хронологии объектов материал, дали название раннему этапу в развитии тюркской культуры Алтая (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.). Материалы раскопок опубликованы (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 115–118, рис. 1–3).

34. Кызыл-Шин. Погребально-поминальный комплекс расположен в устье р. Чаганузун, в 2,5 км от одноименного села, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Чуйским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством Г.В. Кубарева в 2005–2006 гг. В результате раскопаны шесть тюркских оградок (№1, 5, 6, 9, 12, 18). Все объекты, представлявшие собой одиночные (№1, 5, 6, 18) или рядом стоящие (№9, 12) сооружения, имели подквадратную форму. Общими элементами конструкции оградок являлись центральные ямки с остатками лиственничных стволов, стелы или балбалы, установленные с восточной стороны, а также жертвенные ямки, выявленные к западу от центральных. В ходе раскопок таких ямок в ряде объектов обнаружена серия редких находок – железные панцирные пластины, бронзовый ажурный наконечник ремня и деревянная посуда (вотивный сосудик, блюдо и др.). Материалы раскопок на комплексе Кызыл-Шин частично опубликованы (Кубарев Г.В., 2005а, с. 370–371, рис. 3–4; Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю.,

Кубарев В.Д., 2006, с. 392–396, рис. 1–2; Кубарев Г.В., 2007, с. 50–53, рис. 1–5; Кубарев Г.В., 2012а).

35. Макажан. Археологический комплекс расположен на берегу р. Коксу, в юго-западной части степи Макажан, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Объект представлял собой небольшую подквадратную оградку, окруженную валом и рвом. К востоку от оградки находились каменное изваяние и 17 камней-балбалов. При исследовании рва в восточной его части зафиксирован разрыв-проход шириной 2 м. На плитах оградки обнаружены изображения оленя, козлов, тамгообразные знаки. В центре оградки находилась небольшая яма глубиной до 0,7 м, в которой зафиксированы остатки лиственничного столбика. Кроме того, еще четыре ямки с остатками столбиков зафиксированы по углам оградки. С восточной стороны от объекта под обломками изваяния зачищены угли, кости животных (в основном зубы лошади) и раздавленный керамический сосуд. В 10 м на восток от вала исследована небольшая оградка, сложенная из четырех плит, в миниатюре копирующая основную оградку. Материалы раскопок на комплексе Макажан опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXX).

36. Малталу. Археологический комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Бугузун, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Объект представлял собой сложное сооружение, составными элементами которого были подквадратная оградка, окруженная валом и рвом, с изваянием с восточной стороны. Кроме того, на восток от оградки на протяжении 0,3 км зафиксирован ряд балбалов, насчитывающий более 50 камней. Под изваянием обнаружены фрагменты керамического сосуда.

В центре оградки и по углам находились небольшие ямки со следами сгоревших деревянных столбов. Еще одна ямка была сооружена к северу от центральной. В ней обнаружен каменный ящичек, на дне которого находилось деревянное блюдо с костями овцы. В 7 м на юго-восток от вала исследована небольшая кладка подквадратной формы, раскопки которой позволили выявить следы огня и мелкие кальцинированные кости животных. В 0,7 км на запад от обозначенного комплекса исследована еще одна оградка с изваянием, установленным с восточной стороны. В центре объекта выявлены две ямки глубиной до 0,5 м, в одной из которых обнаружен крестец овцы и следы сгоревшего дерева. На восток от оградки отходил ряд из 25 камней-балбалов. Материалы раскопок на обозначенных оградках комплекса Малталу опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 167–169, табл. XLI).

37. Мендур-Соккон-I. Археологический комплекс расположен на левом берегу р. Чарыш, между с. Усть-Кан и Мендур-Соккон Усть-Канского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились участниками археологического отряда научно-исследовательского сектора Горно-Алтайского государственного педагогического института (ныне университета) в 1991 г. В ходе раскопок вскрыто 7 ритуальных сооружений раннего средневековья. Исследованы различные по конструкции объекты, представлявшие собой смежные подквадратные оградки (№1–2), отдельно стоящие подквадратные оградки (№3 и 4), а также оградки округлой формы (№5–7). В ходе исследования одной из смежных оградок (№1) зафиксирован миниатюрный каменный ящик, в котором обнаружена серия предметов (железные пластины, ножи, наконечник стрелы, пряжки; бронзовое изделие Т-образной формы), а также остатки дерева. Во второй оградке (№2) находилось захоронение лошади в специально устроенной яме. В центре одиночных оградок №4 и 5 зафиксированы древесные угли и зольное пятно. Остатки деревянного столбика обнаружены также в центре одного из объектов округлой формы (№5). Какие-либо находки в одиночных оградках отсутствовали. Материалы раскопок на памятнике полностью

опубликованы (Соенов В.И., Соенов М.И., 1992; Соенов В.И. и др., 1992; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 103–115, рис. I–X). Найденные предметы инвентаря, а также зафиксированные характерные конструкции позволяют отнести смежные оградки №1–2 комплекса Мендур-Соккон к раннему кызыл-ташскому этапу в развитии тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.). Остальные объекты датируются в широких рамках 2-й половины I тыс. н.э.

38. Мухор-Тархата. Ритуальный комплекс расположен в 2–3 км на юго-восток от с. Мухор-Тархата, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представлял собой подквадратную оградку с изваянием, установленным с юго-востока. В центре оградки зафиксирована яма глубиной 50 см. Такие же ямки выявлены снаружи, по углам сооружения. В яме из-под изваяния найдены обломки челюсти и трубчатой кости лошади. К востоку от оградки отходил ряд балбалов. Каких-либо находок не обнаружено. Материалы раскопок частично публикованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 159, табл. XXXV.-205).

39. Нижняя Соору. Археологический памятник расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Каракол, в 3 км к юго-востоку от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай. Работы на комплексе проводились Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина в 1980–1981 гг. По сведениям автора раскопок, на памятнике Нижняя Соору исследовано 17 тюркских оградок различных типов. В научный оборот введены материалы шести сооружений (В-1–4, Г-1–2). Комплекс объектов В-1–4 представлял собой четыре рядом стоящие оградки небольших размеров, подквадратной формы. В ходе исследования трех оградок зафиксированы стелы, установленные к востоку (В-2, В-3) или в центре сооружения (В-4). В юго-западном углу объекта В-2 найден железный наконечник стрелы. За стенкой оградки В-3 обнаружены две плиты с

гравированными и выбитыми рисунками. Оградки Г-1–2 находились к северу-северо-востоку от рассмотренного комплекса и представляли собой два рядом стоящих сооружения подквадратной формы. К востоку от объектов были зафиксированы балбалы (Г-1) или стела (Г-2). Кроме того, в юго-западном углу объекта Г-2 найден железный наконечник стрелы. Материалы раскопок частично опубликованы (Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987; Васютин А.С., 2009, с. 89–90, рис. 3–5). Хронология исследованных комплексов определяется в рамках 2-й половины VI – 1-й половины VII вв.

40. Онгудай. Археологический комплекс находится в нескольких километрах к югу от одноименного села, в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1865 г. экспедицией под руководством В.В. Радлова на памятнике раскопаны четыре тюркские оградки (a, d, c, d). Объекты представляли собой подквадратные рядом стоящие сооружения. К востоку от всех оградок зафиксированы камни-балбалы. В ходе раскопок одного из ритуальных объектов (c) обнаружен маленький железный нож. Какие-либо дополнительные конструкции или находки отсутствовали. Материалы раскопок не опубликованы, имеется лишь краткое описание результатов работ (Захаров А.А., 1926, с. 73).

41. Пазырык. Археологический комплекс расположен в 2 км к северо-востоку от впадения р. Балыктуюль в р. Большой Улаган, в Улаганском районе Республики Алтай. В 1980-е гг. работы на памятнике производились участниками отдельной группы Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством А.М. Илюшина. Наряду с объектами различных хронологических периодов исследованы две тюркские оградки. Один такой комплекс раскопан в 1985 г. Судя по краткой информации, представленной в предварительной публикации (Илюшин А.М., 1987, с. 241–242), в оградке был сооружен каменный ящик, в ходе изучения которого обнаружен большой железный нож. Еще одна подквадратная тюркская оградка (№38) раскопана в 1987 г. Отличительной

характеристикой данного объекта являлось сооружение трех каменных ящичков, пристроенных снаружи к северной и южной стенкам. Кроме того, к востоку от оградки зафиксирован балбал. Какие-либо находки не обнаружены. Материалы раскопок опубликованы (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 93–94, рис. 1).

42. Сары-Коба. Археологический комплекс расположен в долине р. Улаган, в Улаганском районе Республики Алтай. Работы на памятниках Сары-Коба-I–III осуществлялись отдельной группой Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством А.М. Илюшина в 1987–1988 гг. На комплексе **Сары-Коба-I** исследованы две тюркские оградки (А–Б). Объекты представляли собой небольшие подквадратные конструкции, без каких-либо дополнительных сооружений и находок. Четыре тюркские оградки (А–Г) раскопаны на памятнике **Сары-Коба-II**. Общими характеристиками сооружений были небольшие размеры подквадратной конструкции, а также стелы, установленные в центре. В заполнении оградки Г зафиксировано скопление вещей, включавшее наконечники стрел, нож, пряжки, поясные бляхи. Еще одна небольшая подквадратная оградка без каких-либо дополнительных конструкций и находок исследована на комплексе **Сары-Коба-III**. Материалы работ на обозначенных объектах опубликованы (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 95–97, рис. 4–6). Предметы, зафиксированные в одной из оградок, позволяют определить время сооружения комплекса в рамках VIII–IX вв..

43. Сары-Кобы. Памятник расположен в одноименной долине, к юго-востоку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Погребально-поминальный комплекс исследовался археологической экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова в 1978 г. Наряду с прочими объектами раскопана одна тюркская оградка (№27). Объект представлял собой одиночное сооружение подквадратной формы. Каких-либо дополнительных конструкций или находок не выявлено. Материалы раскопок опубликованы (Суразаков А.С., 1982, с. 129–131, рис. 4.-1).

44. Сатакулар. Ритуальный комплекс расположен на правом берегу р. Аргут, в 1,5 км выше руч. Сатакулар, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представлял собой одиночную подквадратную оградку, к востоку от которой установлено каменное изваяние. В центре объекта выявлена небольшая ямка. Вокруг изваяния отмечены многочисленные древесные угли, кости лошади и овцы. Какие-либо находки не обнаружены. Материалы раскопок частично опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, табл. XI.-76).

45. Согонолу. Ритуальный комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Бугузун, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Основу комплекса составляла подквадратная оградка, в центре которой выявлена ямка с остатками деревянного столба. К востоку от объекта установлено каменное изваяние и отходил ряд балбалов. Кроме того, далее в восточном направлении была устроена «дополнительная» оградка значительно меньших размеров, в заполнении которой зафиксированы угли и кости животных. В конце ряда балбалов обнаружены шесть каменных колец. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, табл. XL).

46. Табажек. Памятник расположен в Чуйской степи, на р. Табажек, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Четыре тюркские оградки исследованы на данном комплексе В.В. Радловым в 1965 г. Судя по имеющейся информации, все объекты представляли собой сооружения подквадратной формы. В одной из оградок выявлен каменный ящичек, в котором находилось деревянное блюдо с костями овцы. Во всех оградках обнаружены фрагменты

железных изделий. Краткое описание результатов раскопок, а также рисунки отдельных находок представлены в публикации А.А. Захарова (1926, с. 74, табл. I.-1, 3).

47. Тадила. Памятник расположен 0,5 км на север от Чуйского тракта, в урочище Тадила (Курайская степь), в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на комплексе, представлявшем собой подквадратную оградку из плит, к востоку от которой находилось каменное изваяние, проведены В.Д. Кубаревым. В центре объекта зафиксирована яма глубиной до 0,72 м, в которой находились остатки ствола лиственницы. Кроме того, по углам оградки обнаружены еще четыре ямы с обугленными остатками лиственничных столбов. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с., табл. XVIII.-113).

48. Талдура. Археологический комплекс расположен на левом берегу р. Чуя, в 6 км к западу от д. Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай. Памятник исследовался Алтайским отрядом археологической экспедиции ИА АН СССР в начале 1980-х гг. Отдельно стоящие тюркские оградки обнаружены между курганными группами Талдура-I и II. В ходе раскопок исследовано три таких сооружения. Оградки представляли собой конструкции подквадратной формы, две из которых сопровождались каменными изваяниями, установленными с восточной стороны (№1, 3), а в центре третьей (№2) находилась стела. В ходе раскопок оградок с изваяниями зафиксированы центральные ямки, в которых обнаружены угли и кости животных. В объекте со стелой под плитой найдено скопление вещей, включавшее железные наконечники стрел, железный нож, бронзовые поясные накладки, а также серебряную серьгу. Материалы раскопок полностью опубликованы (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 130–132, рис. 10–14). Анализ предметов инвентаря позволяет датировать исследованные оградки в рамках 2-й половины VII – 1-й половины VIII вв.

49. Терс-Акан. Ритуальный комплекс расположен в одноименном урочище, в 26 км от с. Кош-Агач, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представлял собой оградку подквадратной формы, к востоку от которой установлены изваяние и ряд балбалов. Каких-либо находок не зафиксировано. Материалы раскопок частично опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 161, табл. XXXV.-211).

50. Тогусхан-IV. Археологический комплекс расположен в 0,5 км от устья одноименной реки, на ее левом берегу, в Чемальском районе Республики Алтай. Аварийные работы на памятнике, состоявшем из четырех групп объектов, проводились отрядом Алтайской археологической экспедиции АлтГУ в 1989 г. В ходе раскопок вскрыта одна тюркская оградка (№10), находившаяся между двух центральных цепочек курганов. Объект представлял собой сооружение подквадратной формы, небольших размеров. Каких-либо дополнительных конструкций или находок не зафиксировано. Материалы раскопок опубликованы (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, с. 167, рис. 1.-2).

51. Тётё. Памятник расположен в степи Тётё, близ с. Курай, в Онгудайском районе Республики Алтай. В 1935 г. работы на памятнике проводились сотрудниками Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. Исследована одна тюркская оградка подквадратной формы, с восточной стороны от которой установлено реалистичное каменное изваяние, получившее обозначение «Кезер». В центре оградки выявлена ямка, в которой зафиксированы угли и фрагмент деревянного столба. Какие-либо дополнительные конструкции или находки отсутствовали. Материалы исследований частично опубликованы (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114; Киселев С.В., 1951, с. 545; Евтюхова Л.А., 1952, с. 74–75, рис. 3.-2).

52. Туру-Алты. Археологический комплекс обнаружен в одноименном урочище, на правом берегу р. Барбургазы, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике, представлявшем собой ряд подквадратных оградок, проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Раскопано одно из сооружений, с северо-восточной стороны которого обнаружено каменное изваяние. В ходе раскопок оградки выявлены две ямки. В центральной, достигавшей в глубину 0,8 м, найдены обломок зернотерки и фрагменты дерева. Внутри оградки и вокруг нее также обнаружены многочисленные древесные угли и кости животных. Материалы раскопок частично опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 170, табл. XLII).

53. Узун-Язы. Археологический комплекс расположен на левом берегу р. Башкаус, в 2 км к западу от с. Улаган Улаганского района Республики Алтай. Памятник включал серию ритуальных сооружений – каменных оградок с сопровождающими объектами. Работы на комплексе проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Первый объект памятника представлял собой оградку подквадратной формы, к востоку от которой установлено каменное изваяние. В ходе исследований выявлено, что на восток от изваяния на расстояние 20 м отходил ряд из семи продолговатых валунов. В центре оградки зафиксирована яма глубиной до 0,7–0,8 м, в которой находились рог домашнего козла, угли и мелкие кусочки дерева. Кроме того, обнаружены еще четыре дополнительные ямки, расположенные точно по углам сооружения. В них зафиксированы обгоревшие сверху деревянные колья или их остатки. В различных частях оградки найдены отдельные кости лошади, а также угли. В 0,2 км на север от обозначенного комплекса обнаружено еще одно ритуальное сооружение. Общая конструкция объекта сходна с описанным ранее памятником: подквадратная оградка с каменным изваянием, расположенным с востока, а также тремя камнями-балбалами. В центре оградки зафиксирована

небольшая ямка, в которой обнаружены отдельные кости лошади. Материалы раскопок на комплексе Узун-Язы опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 126–127, табл. XVI).

54. Уландрык. Археологический комплекс находится в долине одноименной реки, на обоих ее берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Помимо прочих объектов, в 1975 г. на данном комплексе раскопана одна тюркская оградка. В центре сооружения подквадратной формы находилась стела. С востока к объекту пристроена меньшая по размеру оградка (ящик) с подобием такой же стелы в центре. На восток от основного сооружения отходили камни-балбалы. Каких-либо находок в ходе раскопок не зафиксировано. Материалы исследований опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 143–144, рис. 12).

55. Усть-Карасу. Археологический комплекс находится на левом берегу р. Катунь, к востоку от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Алтайским отрядом Южно-Сибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина в 1983 г. Исследованы две смежные тюркские оградки (А-1–2). В объектах подквадратной формы сооружены каменные ящички, в ходе выборки которых обнаружена серия находок (удила, пряжки, стремена). Материалы раскопок не опубликованы. В научный оборот введены лишь отдельные находки из обозначенных ритуальных объектов (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55, 57). Время бытования предметов позволяет отнести оградки комплекса Усть-Карасу к ранним этапам в развитии тюркской культуры.

56. Чадыр. Ритуальный комплекс расположен в одноименном логу, в междуречье Барбургазы и Юстыда, в Кош-Агачском районе Республики Алтай.

Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представляет собой три рядом стоящие тюркские оградки, одна из которых (центральная и самая большая) была раскопана в 1976 г. В центре объекта зафиксированы остатки кострища, в котором найдены кости животных, а также золотые бляшки и миниатюрная пряжка из этого же материала. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137, рис. 1; 1984, табл. XLVI).

57. Чинета-II. Археологический комплекс расположен около одноименного села, на левом берегу р. Иня, в Краснощековском районе Алтайского края. Работы на памятнике осуществлялись Краснощековской экспедицией АлтГУ. В 2006 г. исследована одна тюркская оградка (№15). Объект, расположенный в западной части комплекса, представлял собой сооружение подквадратной формы. В заполнении оградки встречены зубы лошади. Какие-либо дополнительные конструкции и находки не зафиксированы. Материалы раскопок опубликованы (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2006, с. 317–318; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2008, с. 10).

58. Чобурак-I. Погребально-поминальный комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, недалеко от ее притока р. Чобурак. Памятник исследовался в конце 1980-х – 1990-х гг. археологической экспедицией под руководством А.П. Бородовского. Наряду с другими объектами раннего средневековья раскопана серия тюркских оградок. Четыре таких сооружения исследованы в 1992 г. Все вскрытые оградки имели подквадратную форму. К востоку от некоторых объектов зафиксированы пристройки. В ходе изучения одной из оградок с западной стороны внешней конструкции обнаружено каменное изваяние с изображением лица. Материалы работ частично опубликованы (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 17–20, рис. 2). Еще две небольшие оградки подквадратной формы раскопаны на

комплексе Чобурак-I в 1993 г. В центре первого объекта зафиксирована стела, а в восточной стенке обнаружен «вход» шириной 0,6 м, в районе которого найдены фрагменты костей животных. Вторая оградка представляла собой простую конструкцию, без каких-либо дополнительных сооружений. Материалы раскопок опубликованы (Бородовский А.П., 1994, с. 76, рис. 6). Исследования на комплексе Чобурак-I возобновлены в 2007 г. в связи с охранными работами в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС. В процессе раскопок, осуществляемых Катунской археологической экспедицией АлтГУ, изучена серия тюркских оградок, включавшая шесть объектов подквадратной формы и шесть кольцевых сооружений. Раскопаны одиночные (№№6, 11) и рядом стоящие (№№7–8, 9–10) подквадратные оградки. С восточной стороны от большинства объектов обнаружена небольшая стела или балбал. В центре оградок, как правило, находилась ямка, в которой в одном случае зафиксированы остатки деревянного столба. Кроме того, в ходе исследования отдельных объектов обнаружены фрагменты керамики, угли и кости лошади. Кольцевые оградки комплекса Чобурак-I были локализованы группами по четыре (№№15–18) и два (№№21–22) сооружения. Какие-либо дополнительные конструкции, за исключением балбала с северо-западной стороны от одного из объектов, не обнаружены. Материалы раскопок полностью опубликованы (Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с. 55–63, рис. 3–8). Кольцевые оградки памятника Чобурак-I могут быть датированы ранним этапом в развитии тюркской культуры (2-я половины V – 1-я половина VI вв.). Исследованные подквадратные оградки относятся к наиболее распространенным типам тюркских ритуальных объектов. Учитывая отсутствие датирующих находок, время их сооружения определяется в широких рамках 2-й половины I тыс. н.э.

59. Юстыд. Комплекс археологических памятников расположен в долине одноименной реки, на ее обоих берегах, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под

руководством В.Д. Кубарева. Во 2-й половине 1970-х гг. на комплексе исследована серия тюркских оградок, насчитывающая, по крайней мере, девять объектов с сопроводительными сооружениями. Общими конструктивными характеристиками раскопанных оградок являлись подквадратная форма; центральные ямки с остатками деревянных столбов; такие же ямки за пределами сооружения; каменные изваяния или стелы, установленные с востока (в ряде случаев это были переиспользованные «оленные» камни). В ходе раскопок одного из объектов в каменном ящичке, зафиксированном между оградкой и изваянием, обнаружен серебряный сосуд. В заполнении другой оградки комплекса Юстыд найдены предметы конского снаряжения и верхняя часть серебряного сосуда. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137–143, рис. 2–11; 1984, табл. XLVII–XLVIII).

60. Яконур. Археологический комплекс расположен неподалеку от с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова в 1939 г. Наряду с другими объектами исследованы две тюркские оградки. Суди по краткому описанию и представленной фотографии, они представляли собой смежные конструкции подквадратной формы с балбалами. Какие-либо находки в объектах отсутствовали. Материалы раскопок опубликованы лишь частично (Грязнов М.П., 1940, с. 20, рис. 4).

61. Яломан. Комплекс археологических памятников, включающий объекты различных хронологических периодов, расположен в долине р. Большой Яломан, неподалеку от ее устья, в Онгудайском районе Республики Алтай. Работы по изучению памятников микрорайона проводились Яломанской экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина и В.В. Горбунова. Тюркские ритуальные сооружения исследованы на комплексах Яломан-II, V, VII в 2003 и 2008 гг. На памятнике Яломан-II раскопаны две смежных (№1, 2) и одиночная (№3) оградки. Возле объектов подквадратной формы зафиксированы

изваяния и балбалы, установленные с северной стороны. Четыре рядом стоящих оградки (№4–7) исследованы на комплексе Яломан-VII. Все сооружения данного памятника имели подквадратную форму. В ходе исследования объектов зафиксированы центральная ямка; дополнительная ямка, находившаяся к западу; изваяние с восточной стороны (№4, 5, 7). Кроме того, в заполнении сооружения №7 обнаружены железные удила. Каких-либо других находок не зафиксировано. Материалы раскопок тюркских ритуальных сооружений на территории Яломанского археологического микрорайона частично опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2013). Большая часть исследованных ритуальных объектов относится к ранним этапам развития тюркской культуры.

62. Ян-Гобо. Ритуальный комплекс расположен в Сайлюгемской степи, в 10 км от с. Кокоря, в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на памятнике проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) под руководством В.Д. Кубарева. Комплекс представляет собой одну из самых крупных оградок, исследованных на Алтае (13,5х13,5 м). К востоку от сооружения подквадратной формы находилось изваяние и ряд балбалов. В центральной ямке обнаружено деревянное гробовище. К востоку от оградки выявлены ямки с остатками лиственничных столбов. В ходе исследования сооружения, в его северо-западном углу обнаружены миниатюрные железные удила. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев В.Д., 1984, с. 53–54, табл. XXXIX).

Свод «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Тувы

1. Адыр-Тей. Погребально-поминальный комплекс расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Тайлыг-Хем, в 18 км от с. Чаасуур Овюрского района Республики Алтай. Памятник включает 50 объектов. Работы на комплексе проведены Южносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством Ю.С. Худякова в 1981–1982 гг. Раскопана оградка №1. Объект представляет собой сооружение подквадратной формы из плит. С северо-восточной стороны оградки установлена стела. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченок Г.П., 1988, рис. 8–9).

2. Аймырлыг. Погребально-поминальный комплекс, включающий объекты различных хронологических периодов, находится на левом берегу р. Чаа-Холь, в 6 км к юго-западу от пос. Старый Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тыва. Памятник исследовался в 1968–1982 гг. вторым отрядом СТЭАН под руководством А.М. Мандельштама. Объекты раннего средневековья раскапывались группой Уральского государственного университета под руководством Б.Б. Овчинниковой. В группе Аймырлыг-IX исследованы шесть тюркских оградок. Раскопанные сооружения представляли собой компактную цепочку рядом стоящих оградок, устроенных по линии север – юг. Все объекты четырехугольные, возведены из плит. Общей характеристикой конструкции большинства оградок является стела в центре. Кроме того, в ряде сооружений выявлены жертвенные ямки. Материалы раскопок опубликованы (Овчинникова Б.Б., 2004; 2013, с. 123–124, табл. XII).

3. Ак-Даг. Археологический комплекс расположен в Эрзинском районе Республики Тыва, в 8 км к северу от колхоза Новый путь. Работы на памятнике проводились археологической экспедицией ТНИИЯЛИ М.Х. Маннай-оолом в 1961 г. Раскопаны три оградки, расположенные по линии запад – восток.

Объекты представляли собой рядом стоящие четырехугольные сооружения из врытых на ребро плит, ориентированные по странам света. В западной оградке обнаружена яма, в которой на глубине 0,4 м находился скелет лошади, ориентированной в северном направлении. Рядом с животным зафиксировано одно стремя и остатки удил. В другой оградке находились разрозненные кости человека, по-видимому, представлявшие собой результат более позднего впускного погребения. Какие-либо конструкции в третьей оградке не выявлены. Описание объектов опубликовано (Маннай-оол М.Х., 1963, с. 243–245).

4. Бай-Тайга. Погребально-поминальный комплекс находится в 10 км к юго-западу от пос. Бай-Тал, на левом берегу р. Биче-Шуй, в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1959 г. Наряду с объектами различных типов и хронологических периодов раскопаны две тюркские оградки, обозначенные как Биче-Шуй-IV–V. Исследованные объекты представляли собой четырехугольные сооружения из плит, внутреннее пространство которых заполнено наброской из камней. К востоку от обеих оградок были установлены изваяния и балбалы. В центре объектов выявлены ямки глубиной до 0,79 м, в которых обнаружены остатки деревянных столбов. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1961, рис. 45–48).

5. Даг-Аразы. Археологический комплекс расположен в одноименной местности, на левом берегу реки Чаа-Холь, в 5 км к северу от нового поселка Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тыва. Исследования на памятнике проводились группой Уральского государственного университета под руководством Б.Б. Овчинниковой в течение полевых сезонов 1973–1981 гг. Отдельную группу объектов комплекса составляют тюркские оградки, раскопанные в пунктах I, III, V. Судя по имеющейся информации, раскопано 14 подобных сооружений, демонстрирующих различные вариации «поминального»

обряда раннесредневековых кочевников. Материалы исследований частично опубликованы (Овчинникова Б.Б., 2013, с. 139–150, табл. I–II).

6. Дыттык-Чарык-Аксы. Погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились пятым отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова в 1974 г. Наряду с другими объектами раскопаны три тюркские оградки., получившие обозначение Дыттык-Чарык-Аксы-I-7–9. Исследованные объекты представляли собой четырехугольные сооружения. В центре оградки №9 обнаружен обломок основания каменной стелы. Какие-либо другие конструкции или находки отсутствовали. Краткое описание объектов опубликовано (Трифонов Ю.И., 2013, с. 75–76).

7. Кадыр-Даг. Погребально-поминальный комплекс расположен на левом берегу р. Хам-Дыт, у поворота на пос. Саглы Овюрского района Республики Тыва. Памятник включает три объекта. Работы на комплексе проведены совместным отрядом ТНИИЯЛИ и ИИФФ СО АН СССР в 1982 г. Раскопана одна оградка, получившая порядковый номер 1. Объект представляет собой подквадратное сооружение, сложенное из плит. На северо-восток от оградки отходят семь балбалов. В центре объекта находилась овальная яма без находок. Материалы раскопок опубликованы (Данченок Г.П., Монгуш В.Т., Нестеров С.П., 1988, рис. 3–4).

8. Кара-Холь. Археологический комплекс находится неподалеку от одноименного озера, в долине Кежээлиг-Хову, на правом берегу р. Алаш, в 15 км к западу от пос. Кара-Холь Бай-Тайгинского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1958 г. Осуществлены раскопки двух тюркских оградок, получивших обозначения Кара-Холь-58-III, VII. К востоку от обоих объектов установлены изваяния и балбалы. В центре оградки Кара-Холь-58-III выявлена ямка с

остатками деревянного столба. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1961, рис. 51–55, 57–62).

9. Кокэль. Памятник расположен у отрогов Западного Саяна на левобережье р. Хемчик, близ поселка Ишкин-Аксы в Сут-Хольском районе Республики Тыва. Работы на погребально-поминальном комплексе проводились вторым отрядом ТКЭАН под руководством С.И. Вайнштейна в 1959–1960 гг. Наряду с другими объектами раскопаны четыре тюркские оградки (№18–20, 70). Объекты представляли собой подквадратные сооружения из плит, сооруженные рядом по линии север – юг с небольшими отклонениями. К востоку от оградки №18 установлено изваяние. Так же к востоку от сооружения №70 находилась стела. В центре оградки №19 выявлена жертвенная ямка, на дне которой находились пепел и лопатка овцы. В центральной части объекта №20 установлен валун высотой 0,4 м. Материалы раскопок опубликованы (Вайнштейн С.И., 1966).

10. Красная Горка-3. Погребально-поминальный комплекс расположен в урочище Бай-Булун, на левом берегу Енисея, в 6 км к западу – юго-западу от пос. Усть-Элегест Кызыльского района Республики Тыва. Работы на памятнике проводились Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством М. Е. Килуновской. В 2015 г. наряду с другими сооружениями раскопаны рядом стоящие оградки, обозначенные как объект №9. В ходе исследования одной из оградок выявлено захоронение лошади с инвентарем, включавшим остатки седла, стремя, удила и элементы украшений конского снаряжения. Материалы раскопок опубликованы (Килуновская М.Е. и др., 2017, с. 175, рис. 56–58).

11. Кызыл-Мажалык. Археологический комплекс расположен в 1 км к юго-востоку от скалы Бижиктиг-Хая, неподалеку от пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района Республики Тыва. Раскопки одной оградки на

памятнике осуществлены участниками Тувинской археологической экспедиции исторического факультета МГУ под руководством Л.Р. Кызласова в 1955. Исследованный объект представлял собой подквадратное сооружение из плит, внутренняя площадь которого заполнена землей и галькой. Рядом с оградкой находились два реалистичных изваяния. Каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано. Характеристика результатов раскопок приведено в монографии Л.Р. Кызласова (1979, с. 123). Рисунки и описание изваяний опубликованы Л.А. Евтюховой (1952, с. 89–90, рис. 30–31).

12. Кызыл-Тей. Археологический комплекс расположен на р. Саглы, в 800 м к западу от пос. Кызыл-Тей (Саглы) Овюрского района Республики Тыва. Раскопки двух оградок (I и II) на памятнике осуществлены участниками Тувинской археологической экспедиции исторического факультета МГУ под руководством Л.Р. Кызласова в 1957. Исследованные объекты представляют собой самые южные сооружения группы из восьми оградок, устроенных в линию север – юг. Раскопанные оградки оказались частично разрушены в связи с тем, что их плиты были использованы местными жителями для строительных работ. Судя по зафиксированным элементам конструкции, объекты имели четырехугольную форму и были сооружены из плит; внутреннее пространство заполнено землей и валунами. В ходе раскопок оградки I на горизонте обнаружен железный нож. С восточной стороны от объекта, лицом на восток, стояло изваяние, от которого на восток же отходил ряд из девяти балбалов на протяжении 30 м. От оградки II на восток отходили два ряда балбалов на расстояние до 24 м. У юго-восточной стенки объекта установлено изваяние, на момент раскопок обломанное. Каких-либо конструкций во внутреннем пространстве оградок не зафиксировано. Материалы раскопок опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 123–124, рис. 87.-3, 88).

13. Монгун-Тайга. Археологический комплекс находится в нескольких км к западу от пос. Мугур-Аксы, в долине р. Каргы, в Монгун-Тайгинском районе

Республики Тыва. Исследования на памятнике проводились сотрудниками ТКЭАН под руководством А.Д. Грача в 1957–1958 гг. наряду с объектами различных хронологических периодов раскопаны четыре тюркские оградки (пункты Монгун-Тайга-57-I, IV; Монгун-Тайга-58-XVI, XVII). Объекты Монгун-Тайга-58-XVI, XVII представляли собой подквадратные выкладки из валунов, без вертикально вкопанных плит. К востоку от сооружений установлены изваяния. Какие-либо дополнительные конструкции не выявлены. В ходе раскопок оградки XVII непосредственно под выкладкой обнаружено зольное пятно с углями и три обломка плоских наконечников самострелов. Объекты МТ-57-I, IV представляли собой подквадратные оградку со стелой в центре без каких-либо дополнительных конструкций и находок. Материалы раскопок опубликованы (Грач А.Д., 1960а; 1961, рис. 5–10).

14. Саадак-Терек. Археологический комплекс расположен в одноименном урочище, на правом берегу р. Хемчик, близ пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района Республики Тыва. Работы на памятнике проведены А.С. Теплоуховым в 1926 г. Осуществлены раскопки трех «поминальных» объектов. Оградки №43 и 45 представляли собой крайние сооружения, находящиеся в составе длинного ряда из восьми подобных рядом стоящих конструкций, расположенных друг от друга на расстоянии от 0,3 до 2 м и вытянутых в линию север – юг. Все оградки четырехугольные, возведены из врытых на ребро плит. Каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано. Оградка №44 находилась в другом ряду из семи «поминальных» объектов, также выстроенных в ряд с севера на юг. Все оградки сооружены из длинных плит, а их внутреннее пространство заполнено галькой. В центре раскопанного объекта выявлена ямка глубиной до 0,7 м, которую маркировали две положенные плашмя плиты. На дне ямки, заполненной камнями, найден крестец овцы.

15. Салдам. Археологический комплекс расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Улуг-Хем, близ устья р. Элегест, в Кызыльском районе Республики Тыва. Работы на памятнике осуществил А.В. Адрианов в 1915 г. Наряду с объектами различных хронологических периодов раскопана одна тюркская оградка (№10). Сооружение представляло собой четырехугольную насыпь размерами 2,76х3,07 м из камней и плит, вертикально вкопанных по периметру. Каких-либо дополнительных конструкций и находок не зафиксировано. Краткое описание результатов раскопок впервые введена в научный оборот в монографии Л.Р. Кызласова (1979, с. 132). Информация о полученных материалах приведена также в дневнике А.В. Адрианова, опубликованном О.Б. Беликовой (2014, с. 156, 164, рис. 91–92).

16. Улуг-Бюк-II. Погребально-поминальный комплекс обнаружен на левом берегу р. Хемчик, в 20 км от устья, в Чаа-Хольском районе Республики Тыва. Работы на памятнике проводились первым отрядом СТЭАН под руководством Г.В. Длужневской в 1974 г. Раскопана одна тюркская оградка. Исследованный объект представлял собой подквадратное сооружение, к востоку от которого обнаружена вертикально вкопанная стела с выбитыми на ней тамгой и изображением горного козла. Материалы раскопок опубликованы (Длужневская Г.В., 2000).

17. Халыр. Археологический комплекс расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Тайлыг-Хем, к востоку от дороги Чаасуур-Кызыл-Тайга, в 10 км от с. Чаасуур Овюрского района Республики Алтай. Памятник включает 18 объектов (херексуры, оградки с изваяниями). Работы на комплексе проведены Южносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством Ю.С. Худякова в 1981–1982 гг. Раскопана оградка №5. Объект представляет собой сооружение подквадратной формы из плит, с восточной стороны которого установлено изваяние, переделанное из «оленного» камня. В центре ограды яма

диаметром с остатками деревянного столба. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченок Г.П., 1988, рис. 6–7).

18. Шурмак-Тей. Археологический комплекс расположен у горы Мюрк, на правом берегу р. Шуурмак, в Тес-Хемском районе Республики Тыва. Раскопки одной оградки на памятнике осуществлены участниками Тувинской археологической экспедиции исторического факультета МГУ под руководством Л.Р. Кызласова в 1955. Исследованный объект представлял собой сооружение из плит подквадратной формы, с внутренним заполнением из камней. У восточной стенки оградки была вертикально установлена плита, от которой отходил ряд из 32 балбалов, протянувшийся на 303 м. Во внутреннем пространстве оградки выявлена овальная яма (1,2х0,7 м, глубина 0,26 м), вытянутую с запада на восток в север–северо-западной половине объекта. В яме обнаружены астрагал и зуб лошади, железная пластинчатая накладка с отверстиями (от панциря?) и два наконечника стрел. Материалы раскопок опубликованы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 122–123, рис. 85.-4–6).

19. Элегест. Археологический комплекс расположен в 2 км к юго-востоку от пос. Элегест, неподалеку от хребта Танну-Ола, в Чеди-Хольском районе Республики Тыва. Небольшие работы на данном памятнике проведены А.С. Теплоуховым в 1926 г. Раскопаны две оградки. Объект №16 находился в ряду из трех подобных же сооружений, выстроенных в ряд с севера на юг. Стороны оградки (4х4 м) ориентированы строго по странам света. Внутри она была задернована, лишь кое-где выступали обломки скалы. В центре оградки, в ямке на глубине 0,5 м, обнаружена вторая фаланга лошади. Оградка №17 (3,5х3,5 м) находилась в 60 м к югу от оградки №16. Она также располагалась в ряду из трех поминальных оградок, выстроенных с севера на юг. При раскопках в ямке, на глубине 0,5 м, найдена кость животного. Описание результатов раскопок объектов представлено в монографии Л.Р. Кызласова (1979, с. 132).

Свод «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок Монголии

1. Баян-Булаг-I–II. Погребально-поминальный комплекс расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Буянт, в 24–25 км юго-западнее г. Ховда, в Ховдском аймаке Монголии. Работы на памятнике проводились Буянтской археологической экспедицией АлтГУ и ХГУ в 2009–2010 г. Разрушенное сооружение, раскопанное на комплексе Баян-Булаг-I, представляло собой одиночную подпрямоугольную оградку с изваянием, установленным с восточной стороны. Очевидно, с наличием скульптуры было связано сооружение выкладки округлой формы. Одной из конструктивных характеристик комплекса является яма в центре оградки, в которой зафиксированы остатки деревянного столба. В ходе исследований обнаружен железный нож и фрагменты керамики. На комплексе Баян-Булаг-II раскопаны четыре рядом стоящие оградки (№1–4), устроенные в ряд по линии север – юг. Общей характеристикой сооружений являлось изваяние, установленное у восточной стенки. В центральной жертвенной ямке оградки №2 обнаружены золотые пластинки и железная стамеска. Материалы раскопок опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2016; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2017; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч., 2018).

2. Бийрег. Археологический комплекс расположен в одноименной местности, в Ховдском аймаке Монголии. Работы на разрушенном памятнике проведены участниками Буянтской российско-монгольской экспедиции в 2014 г. Раскопаны две рядом стоящие оградки (№1–2). На плите одной из оградок выявлена руническая надпись. Какие-либо дополнительные конструкции и находки не зафиксированы. Материалы раскопок опубликованы (Тишкин А.А. и др., 2015; Тишин В.В., Серегин Н.Н., 2017).

3. Билуут. Археологический комплекс находится в одноименной местности, к северу от озера Хотон, в Цэнгэл сомоне Баян-Ульгийского аймака Монголии. Работы на памятнике проведены участниками монголо-американской экспедиции под руководством Ж. Баярсайхана и В. Фицью в 2011 г. Пять тюркских оградок раскопано на комплексах Билуут-I, II, III и V. Зафиксированы как одиночные, так и рядом стоящие объекты. Выявлены такие характерные элементы конструкций, как изваяние и стела в центре. В ходе раскопок оградки на комплексе Билуут-V обнаружены фрагменты керамики и железные наконечники стрел. Материалы частично опубликованы (Fitzhugh W., Kortum R., 2012, p. 41–43; Fitzhugh W., Kortum R., Bayarsaikhan J., 2013, p. 102–104, 108–110, 121, 218).

4. Бугатын узуур-I–II. Погребально-поминальные комплексы расположены в одноименном урочище, на левом берегу р. Буянт в Ховдском аймаке Монголии. Работы на памятнике проводились Буянтской археологической экспедицией АлтГУ и ХГУ в 2008 г. На комплексе Бугатын узуур-I раскопаны четыре рядом стоящие четырехугольные оградки, сооруженные из плит. Общей характеристикой объектов являлась стела, установленная в центре оградки. Кроме того, у восточной стенки оградки №1 зафиксировано изваяние. На памятнике Бугатын узуур-II раскопана одна оградка (№1) со столбом-стелой в центре, к северо-востоку от которой выявлен ряд из пяти смежных кольцевых выкладок (объекты №2–6). Материалы раскопок опубликованы (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008).

5. Годон-Гол-IV. Археологический комплекс расположен на левом берегу одноименной реки, в 0,6 км к западу – юго-западу от моста через реку, в Баян-Ульгийской аймаке Монголии. Раскопки одной оградки (№1) данного памятника осуществлены участниками Буянтской экспедиции АлтГУ и ХГУ в 2015 г. Исследованный объект представлял собой одиночное подквадратное сооружение из плит. В центре оградки выявлены две небольшие плитки,

создающие подобие миниатюрного каменного ящичка, и рядом с ними – яма с остатками деревянного столба, в которой также обнаружены фрагменты керамики.

6. Дуганы хутул. Археологический комплекс расположен на седловине невысокой возвышенности, на правом берегу р. Тола, к северу от дороги Улан-Батор – Тариат, в 50 км от Улан-Батора. Памятник включает четыре подквадратные оградки, устроенные в ряд по линии север – юг. Работы на комплексе проведены одним из отрядов Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под руководством Ю.С. Худякова. Раскопаны два объекта (№1–2). Исследованные оградки представляют собой конструкции из плит с двумя ямками во внутреннем пространстве, одна из которых (более глубокая), очевидно, была сооружена для установки центрального столба. Материалы раскопок опубликованы (Худяков Ю.С., 1985, с. 169–170, рис. 1–2).

7. Улаан худаг-I. Погребально-поминальный комплекс, включающий объекты различных хронологических периодов, расположен в одноименном урочище, на террасе левого берега р. Буянт в 10 км к юго-западу от г. Ховда, в Ховдском аймаке Монголии. Работы на памятнике проводились Буянтской археологической экспедицией АлтГУ и ХГУ в 2007 г. Раскопано семь оградок, носивших следы намеренного разрушения. Исследованные объекты представляли собой рядом стоящие (№4–5 и №6–7) и смежные (№8–9) сооружения, а также одну одиночную оградку (№3). Выявлены такие характеристики «поминального» обряда тюрок, как установка изваяния у одной из стенок (№4, 7), стела в центре объекта (№8–9), а также «гнездо» из камней в центре сооружения, которое могло использоваться для установки столба (№3, 6–7). Материалы раскопок опубликованы (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007).

8. Харганат-II. Археологический комплекс находится в известном урочище Хар-Хад, расположенном на территории Эрдэнэбурэн сомона, который находится к северу от г. Ховда. Работы на памятнике проводились Буянтской археологической экспедицией АлтГУ и ХГУ в 2013 г. Осуществлены раскопки двух оградок (№1–2). Исследованные объекты представляли собой одиночные подквадратные сооружения из плит с внутренним заполнением из камней. В центре обеих оградок установлены стелы. Материалы раскопок опубликованы (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч., 2015а–б).

9. Хар узуур-I. Археологический комплекс расположен в долине реки Дунд ус, в урочище Хар узуур, неподалеку от центра Ховд сомона Ховдского аймака Монголии. Работы на памятнике проводились Буянтской археологической экспедицией в 2012 г. Раскопаны пять рядом стоящих оградок (№1–5), устроенных по линии север – юг. Общей характеристикой исследованных объектов являлась установка изваяния у восточной стенки. В двух оградках (№1–2) обнаружены части черепа лошади. В ходе раскопок сооружения №4 найден железный нож. Материалы раскопок опубликованы (Мунхбаяр Б.Ч. и др., 2013).

10. Хар-Ямаатын-гол. Погребально-поминальный комплекс расположен в нижнем течении одноименной реки, в Байн-Ульгийском аймаке Монголии. Работы на памятнике проводились участниками российско-монголо-корейской экспедиции в 2007 г. Исследован один «поминальный» объект, раскопки которого продемонстрировали его сложную конструкцию. Основными элементами сооружения являлись подквадратная оградка из плит, изваяние у юго-восточной стенки, два ряда балбалов, ров и вал, а также вертикально вкопанные деревянные столбики по периметру оградки. В центре объекта под перекрытием из плит зафиксировано мощное зольное пятно. У восточной стенки оградки обнаружено железное кайло на длинной деревянной рукояти. Материалы раскопок опубликованы (Кубарев Г.В., 2015).

11. Хушуун дэнж-04. Археологический комплекс расположен в одноименном урочище, в Батцэнгэл сомоне Архангайского аймака Монголии. Работы на памятнике проведены участниками российско-монгольской Буянтской экспедиции в 2014 г. Комплекс включает четыре крупные оградки, устроенные в ряд по линии север – юг. Осуществлены раскопки объекта №2. Исследованный объект представлял собой четырехугольное сооружение, для возведения стенок которого использованы плиты и переиспользованные «оленные» камни. В центре оградки выявлена крупная яма, перекрытая плитами. Материалы раскопок опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н., 2015).

Типы погребальных сооружений раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Сокращения:

ВМК – внутримогильная конструкция

КВ – кольцевая выкладка

МЯ – простая могильная яма

ОН – округлая насыпь

ПК – погребальная камера

ПН – подквадратная насыпь

Всего учтены 319 погребений (100%): 146 объектов Алтая, 60 – Тувы, 86 – Минусинской котловины, 27 – Монголии.

1. ОН-КВ-ВМК-МЯ-ПК. 2 погребения (0,63%). Аргалыкты-VIII (курган №2), Аргалыкты-IX (курган №1).

2. ОН-КВ-ВМК-МЯ. 8 погребений (2,5%). Ак-Кобы-III (курган №2), Боротал-I (курган №6), Курота-I (курган №2), Кырлык-II (курган №2; 4), Ябоган-I, Аргалыкты-I (курган №4), Мухдагийн ам (курган №8).

3. ОН-КВ-ВМК-Приступка. 5 погребений (1,57%). Балык-Соок-I (курган №10), Бике-IV (курган №1), Кальджин-VIII, (курган №3), Кара-Коба-I (курган №72), Кара-Тал-IV (курган №7).

4. ОН-КВ-ВМК-Подбой-ПК. 1 погребение (0,31%). Аймырлыг XIII-1.

5. ОН-КВ-ВМК-Подбой. 2 погребения (0,63%). Аймырлыг (XXI-3, XXV-14).

6. ОН-КВ-ВМК-Приступка+Подбой-ПК. 1 погребение (0,31%). Улуг-Бюк-II (курган №1).

7. ОН-КВ-ВМК-Приступка+Подбой. 2 погребения (0,63%). Аймырлыг V-1, Перевозинский чаатас (курган №93).

8. ОН-КВ-Перекрытие-МЯ-ПК. 1 погребение (0,31%). Кара-Коба-I (курган №85).

9. ОН-КВ-Перекрытие-МЯ. 2 погребения (0,63%). Тавдинские пещеры-I, Чобурак-I (курган №1).

10. ОН-КВ-МЯ-ПК. 2 погребения (0,63%). Аймырлыг V-3, Кара-Тал-III (курган №2).

11. ОН-КВ-МЯ. 24 погребения (7,52%). Балык-Соок-I (курган №18), Бирюзовая Катунь-1, Бирюзовая Катунь-3, Бирюзовая Катунь-9, Дялян (курган №2), Кара-Коба-I (курган №74а), Песчаная-II (курган №2), Урочище Балчикова-3 (курган №7), Усть-Ороктой, Усть-Чоба-I (курган №3), Чобурак-I (курган №2), Аймырлыг V-5, Аймырлыг XX-14, Аргалыкты-I (курган №11), Кара-Тал-IV (курган №6), Белый Яр-II (курган №1, м. 4; курган №2, м. 3), Маркелов Мыс-II (курган №3; 7; 9; 10; 11; 12; 13).

12. ОН-КВ-Приступка-ПК. 1 погребение (0,31%). Кара-Коба-I (курган №8).

13. ОН-КВ-Приступка. 5 погребений (1,57%). Кара-Коба-II (курган №13), Аргалыкты-I (курган №5), Кара-Тал-IV (курган №1; 2), Хар-Ямаатын-гол (курган №8).

14. ОН-КВ-Подбой-ПК. 2 погребения (0,63%). Аймырлыг (V-2, VIII-52).

15. ОН-КВ-Приступка+Подбой-ПК. 2 погребения (0,63%) Даттык-Чарыг-Аксы (курган №1; 2).

16. ОН-КВ-Приступка+Подбой. 1 погребение (0,31%). Кальджин-VIII (курган №1).

17. ОН-Перекрытие-ВМК-МЯ-ПК. 2 погребения (0,63%). Джолин-III (курган №2), Кокэль (курган №22).

18. ОН-Перекрытие-ВМК-МЯ. 4 погребения (1,25%). Кокэль (курган №6; 23; 47), Тепсей-III (курган №15).

19. ОН-ВМК-МЯ-ПК. 2 погребения (0,63%). Боротал-I (курган №51), Бай-Тайга (курган №59-1).

20. ОН-ВМК-МЯ. 19 погребений (5,95%). Барбургазы-I (курган №20), Барбургазы-II (курган №9), Джолин-I (курган №10), Калбак-Таш (курган №2),

Кара-Коба-I (курган №1; 22), Катанда-III (курган №11), Курай-VI (курган №1), Узунтал-VIII (курган №1), Уландрык-I (курган №10), Аржан, Кара-Чоога (курган №4), Монгун-Тайга-58-IV, Монгун-Тайга-58-VIII, Саглы-Бажи (курган №22), Часкал-II (курган №1), Тепсей-III (курган №36), Сыргаль-III (курган №3), Бишрэлтийн-ам (курган №6).

21. ОН-Перекрытие-ВМК-Приступка-ПК. 1 погребение (0,31%). Курай-IV (курган №1).

22. ОН-Перекрытие-ВМК-Приступка. 2 погребения (0,63%). Юстыд-XII (курган №28; 29).

23. ОН-ВМК-Приступка-ПК. 1 погребение (0,31%). Аргалыкты-I (курган №1, п. 2).

24. ОН-ВМК-Приступка. 20 погребений (6,27%). Джолин-I (курган №9), Кара-Коба-I (курган №75), Катанда-III (курган №3), Кырлык-II (курган №3), Талдуаир-I (курган №6; 7), Ташанта-III (курган №10), Юстыд-I (курган №8), Юстыд-XXIV (курган №13), Аргалыкты-I (курган №3), Кара-Тал-I (курган №2), Ибыргыс-Кисте (курган №4), Над Поляной (курган №12; 13), Перевозинский чаатас (курган №82), Тепсей-III (курган №28; 32; 50), Сыргаль-II (курган №5), Элст Хутул (курган №5).

25. ОН-ВМК-Подбой. 2 погребения (0,63%). Перевозинский чаатас (курган №79; 80).

26. ОН-ВМК-Приступка+Подбой. 4 погребения (1,25%). Перевозинский чаатас (курган №94), Терен-Кель (курган №14), Уйбат-II (курган №1; 2).

27. ОН-Перекрытие-МЯ-ПК. 1 погребение (0,31%). Кокэль (курган №13).

28. ОН-Перекрытие-МЯ. 8 погребений (2,5%). Кудыргэ (курган №1; 9), Тыткескень-VI (курган №10), Монгун-Тайга-57-XXVI, Монгун-Тайга-57-XXVII, Монгун-Тайга-58-X, Черби (курган Б-18), Белый Яр-II (курган №7, м. 5).

29. ОН-МЯ-ПК. 8 погребений (2,5%). Ак-Алаха-I (курган №3), Боротал-I (курган №50), Жана-Аул, Кудыргэ (курган №15), Курай-IV (курган №3), Аргалыкты-I (курган №1, п. 1), Капчалы-II (курган №13), Тарималт (курган №2).

30. ОН-МЯ. 95 погребений (29,8%). Балык-Соок-I (курган №9; 11; 12; 14; 15; 19; 23; 34), Барбургазы-III (курган №7), Бике-III (курган №12), Большой Яломан-II (курган №4), Верх-Еланда-I (курган №4), Горно-Алтайск, Кара-Коба-I (курган №25; 90; 123), Катанда-II (курган №1, 1865), Катанда-II (курган №1; 2, 1925), Катанда-III (курган №5; 6; 7; 21), Коо-II (курган №1), Кудыргэ (курган №2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 12; 13; 18; 22), Курай-III (курган №1), Курота-II (курган №46), Нижняя Соору (курган №1), Ороктой (курган №4), Ташанта-II (курган №5), Туекта (курган №3; 4), Тыткескень-VI (курган №1; 5), Узунтал-I (курган №1), Узунтал-V (курган №1; 2), Узунтал-VI (курган №1), Уландрык-III (курган №5), Ак-Туруг (курган №1; 5), Бай-Даг (курган №84; 90), Кокэль (курган №2), Монгун-Тайга-57-IX, Монгун-Тайга-58-V, Озен-Ала-Белиг (курган №3а), Саглы-Бажи (курган №25; 26; 27), Улуг-Хову (курган №54; 55), Черби (курган Б-23), Батеневская пристань (курган №3), Белый Яр-II (курган №1, м. 5; 2, м. 1; 4, м. 3; 5; 7, м. 1; 7, м. 2; 7, м. 6), Капчалы-II (курган №1; 2; 3; 8; 10; 11; 12; 17; 19; 20; 22), Перевозинский чаатас (курган №122), Таштык, Тепсей-III (курган №19; 67), Терен-Кель (курган №15), Усть-Тесь (курган №2), Дэнслэгийн ам, Загал, Наинтэ-Суме, Овор Хавцал, Увгунт, Хутаг-Уул, Махан толгой (курган №19).

31. ОН-Перекрытие-Приступка-ПК. 3 погребения (0,94%). Белый Яр-II (курган №3, м. 1; курган №6; курган №7, м. 3).

32. ОН-Перекрытие-Приступка. 1 погребение (0,31%). Саглы-Бажи (курган №19).

33. ОН-Приступка. 24 погребения (7,52%). Бажынты (курган №29), Бике-I (курган №9), Боротал-II (курган №2), Кара-Коба-I (курган №47), Катанда-II (курган №5, 1954), Катанда-III (курган №1; 2; 4; 16), Кудыргэ (курган №10; 11), Узунтал-I (курган №2), Усть-Бийке-III (курган №5; 6), Чоба-VII (курган №1), Монгун-Тайга-57-XXXVII, Ибыргыс-Кисте (курган №2; 3; 5), Тепсей-III (курган №3), Джаргаланты (курган №2), Угемур (курган №2), Хана-I, Шанаган Хэвийн-2 (курган №1).

34. ОН-Подбой. 2 погребения (0,63%). Георгиевская-III, Цаган-Хайрхан-Уул (курган №7).

35. ОН-Перекрытие-Приступка+Подбой. 1 погребение (0,31%). Даттык-Чарыг-Аксы (курган №3).

36. ПН-КВ-ВМК-МЯ. 2 погребения (0,63%). Юстыд-XIV (курган №1; 2).

37. ПН-КВ-Перекрытие-ВМК-Приступка. 1 погребение (0,31%). Ак-Кообы (курган у изваяния).

38. ПН-КВ-ВМК-Заплечики. 1 погребение (0,31%). Бертек-34.

39. ПН-КВ-МЯ. 3 погребения (0,94%). Усть-Чоба-I (курган №1), Белый Яр-I (курган №1, м. 2б), Маркелов Мыс-II (курган №34).

40. ПН-КВ-Перекрытие-Приступка. 2 погребения (0,63%). Белый Яр-II (курган №1, м. 1; курган №1, м. 2а).

41. ПН-КВ-Приступка-ПК. 1 погребение (0,31%). Белый Яр-II (курган №1, м. 3).

42. ПН-КВ-Приступка. 4 погребения (1,25%). Маркелов Мыс-I (курган №2; 3; 5; 21).

43. ПН-МЯ. 4 погребения (1,25%). Белый Яр-II (курган №2, м. 4; курган №3, м. 2; курган №4, м. 2), Моностын-хотол.

44. ПН-Перекрытие-Приступка-ПК. 2 погребения (0,63%). Белый Яр-II (курган №7, м. 4, погр. 1 и 2).

45. ПН-Перекрытие-Приступка. 1 погребение (0,31%). Белый Яр-II (курган №4, м. 1).

46. Впускное-ВМК-МЯ. 1 погребение (0,31%). Улуг-Хорум.

47. Впускное-ВМК-Подбой. 5 погребений (1,57%). Кирбинский Лог (курган №3, вп. 1; курган №3, вп. 4; курган №5, вп. 4), Сабинка (курган №1, вп. 2; курган №2, вп. 2).

48. Впускное-МЯ. 21 погребение (6,58%). Бертек-27, Боротал-I (курган №82), Калбак-Таш; Катанда-II (вп. 1; 2; 3), Кок-Су (курган №27), Курай-V (курган №1), Пазырык (курган №5), Талдура-I (курган №2), Тянгыс-Тыт (курган №4), Юстыд-XII (вп. 3; 12; 14), Яконур (курган №5), Кирбинский Лог (курган №3, м. 2), Сабинка (курган №1, м. 3; курган №1, м. 4; курган №1, м. 5; курган №2, м. 3), Бурхан-толгой (курган №25).

49. Впускное-Подбой. 2 погребения (0,63%). Кирбинский Лог (курган №3, вп. 3), Бурхан-толгой (курган №60).

50. Скальное-МЯ-ПК. 2 погребения (0,63%). Каменный Лог, Юстыд.

51. Скальное-МЯ. 6 погребений (1,88%). Балтарган, Арцат Дэл, Жаргалант Хайрхан, Рашаантын Ам, Шивээт Цанхир-I, Узуур-гялан.

Типы «поминальных» комплексов
раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Всего учтены 396 комплексов (100%): 316 объектов Алтая, 48 – Тувы, 31 – Монголии. *

1. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – без внутренних объектов. 45 объектов (11,36%).

2. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 7 объектов (1,76%).

3. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 29 объектов (7,32%).

4. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 3 объекта (0,75%).

5. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25).

6. Четырехугольная одиночная оградка – без внешних объектов – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 9 объектов (2,27%).

7. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – без внутренних объектов. 10 объектов (2,52%).

8. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 6 объектов (1,51%).

9. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 18 объектов (4,54%).

10. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 4 объекта (1,01).

11. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая ямка и каменный ящичек во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

* Перечень объектов, относящихся к каждому типу, приведен в Схеме 2 Приложения II.

12. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – захоронение лошади и столбовая ямка во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

13. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 2 объекта (0,5%).

14. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 2 объекта (0,5%).

15. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – без внутренних объектов. 2 объекта (0,5%).

16. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние с востока – без внутренних объектов. 11 объектов (2,77%).

17. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние с востока – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 3 объекта (0,75%).

18. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние с востока – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 7 объектов (1,76%).

19. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние не с восточной стороны – без внутренних объектов. 5 объектов (0,5%).

20. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с восточной стороны – вал и ров по периметру – столбовая или жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 2 объекта (0,5%).

21. Четырехугольная одиночная оградка – изваяние и балбалы с восточной стороны – вал и ров по периметру –столбовая ямка и каменный ящичек во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

22. Четырехугольная рядом стоящая оградка – без внешних объектов – без внутренних объектов. 34 объекта (8,58%).

23. Четырехугольная рядом стоящая оградка – без внешних объектов – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 11 объектов (2,77%).

24. Четырехугольная рядом стоящая оградка – без внешних объектов – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 5 объектов (1,26%).

25. Четырехугольная рядом стоящая оградка – без внешних объектов – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 23 объекта (5,8%).

26. Четырехугольная рядом стоящая оградка – без внешних объектов – жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 5 объектов (1,26%).

27. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние с востока – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 14 объектов (3,53%).

28. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние с востока – без внутренних объектов. 21 объект (5,3%).

29. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние с востока – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 7 объектов (1,76%).

30. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние с востока – столбовая ямка и каменный ящичек во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

31. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние не с восточной стороны – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

32. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние не с восточной стороны – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

33. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние не с восточной стороны – столбовая и жертвенная ямки во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

34. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы с востока – без внутренних объектов. 9 объектов (2,27%).

35. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 14 объектов (3,53%).

36. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая ямка и каменный ящичек во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

37. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 3 объекта (0,75%).

38. Четырехугольная рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы с востока – ров по периметру – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 2 объекта (0,5%).

39. Четырехугольная смежная оградка – изваяние и балбалы с востока – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 3 объекта (0,75%).

40. Четырехугольная смежная оградка – изваяние и балбалы с востока – жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

41. Четырехугольная смежная оградка – изваяние и балбалы с востока – без внутренних объектов. 1 объект (0,25%).

42. Четырехугольная смежная оградка – изваяние и балбалы на с восточной стороны – без внутренних объектов. 3 объекта (0,75%).

43. Четырехугольная смежная оградка – изваяние и балбалы на с восточной стороны – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 2 объекта (0,5%).

44. Четырехугольная смежная оградка – без внешних объектов – жертвенная ямка во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

45. Четырехугольная смежная оградка – без внешних объектов – каменный ящичек во внутреннем пространстве. 6 объектов (1,51%).

46. Четырехугольная смежная оградка – без внешних объектов – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

47. Четырехугольная смежная оградка – без внешних объектов – столбовая ямка во внутреннем пространстве. 10 объектов (2,52%).

48. Четырехугольная смежная оградка – без внешних объектов – без внутренних объектов. 10 объектов (2,52%).

49. Округлая одиночная оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 1 объект (0,25%).

50. Округлая одиночная оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – без внутренних объектов. 2 объекта (0,5%).

51. Округлая рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – без внутренних объектов. 9 объектов (2,27%).

52. Округлая рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 7 объектов (1,76%).

53. Округлая рядом стоящая оградка – изваяние и балбалы не с восточной стороны – без внутренних объектов. 1 объект (0,25%).

54. Округлая рядом стоящая оградка – без внешних объектов – захоронение лошади во внутреннем пространстве. 3 объекта (0,75%).

55. Округлая рядом стоящая оградка – без внешних объектов – без внутренних объектов. 13 объектов (3,28%).

Социальные модели погребений
раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Мужские погребения – 133 (100%) объекта.

I. 3 (2,25%) погребения. Балык-Соок-I (к. 11); Курай-IV (к. 1); Туекта (к. 3).

II. 7 (5,25%) погребений. Джолин-I (к. 9); Кара-Коба-I (к. 85); Кудыргэ (к. 9); Узунтал-I (к. 2, погр. 1); Узунтал-V (к. 2); Аймырлыг-V-1; Мойгун-Тайга-58-IV.

III. 8 (6,01%) погребений. Ак-Кообы; Барбургазы-II (к. 9); Юстыд-I (к. 8); Юстыд-XII (к. 29); Юстыд-XXIV (к. 13); Бай-Тайга-59-1; Мойгун-Тайга-57-XXVI; Мойгун-Тайга-58-V.

IV. 5 (3,75%) погребений. Аргалыкты-I (к. 11); Балык-Соок-I (к. 10); Барбургазы-III (к. 7); Аржан; Саглы-Бажи-V (к. 27).

V. 12 (9,02%) погребений. Балтарган; Барбургазы-I (к. 20); Катанда-II (к. 1, 1865); Катанда-II (к. 2) 1925); Катанда-III (к. 21); Кудыргэ (к. 12); Уландрык-I к. 10); Усть-Бийке-III (к. 5); Аймырлыг-V-2; Аймырлыг-V-5; Ибыргыс-Кисте (к. 3); Ибыргыс-Кисте (к. 4).

VI. 7 (5,25%) погребений. Балык-Соок-I (к. 23); Калбак-Таш (к. 2); Кудыргэ (к. 22, погр. 1); Ябоган-I; Яконур (к. 5); Аймырлыг-V-3; Тепсей-III (к. 67).

VII. 32 (24,06%) погребения. Бирюзовая Катунь-1; Бирюзовая Катунь-3; Бирюзовая Катунь-9; Боротал-I (к. 6); Боротал-I (к. 50); Боротал-I (к. 51); Боротал-I (к. 82); Горно-Алтайск; Кара-Коба-II (к. 13); Кудыргэ (к. 5); Кудыргэ (к. 11); Талдуаир-I (к. 6); Талдуаир-I (к. 7); Чобурак-I (к. 2); Аргалыкты-I (к. 4); Аргалыкты-IX (к. 1); Бай-Даг (к. 72-13); Бай-Даг (к. 75-16); Кара-Тал-I (к. 3); Кара-Чога (к. 4); Кокэль (к. 6); Мойгун-Тайга-58-X; Улуг-Хову (к. 54); Успенская, к. 24; Часкал-II (к. 4); Капчалы-II (к. 8); Кирбинский лог, к. 3 (вп. 1); Кирбинский лог, к. 5 (вп. 4); Сабинка-I (к. 1, вп. 2); Сабинка (к. 1, вп. 4); Сабинка (к. 2, вп. 2); Таштык.

VIII. 51 (38,34%) погребение. Бажынты (к. 29); Бике-I (к. 9); Калбак-Таш-впуск.; Катанда-III (к. 1); Катанда-III (к. 11); Кудыргэ (к. 2); Кудыргэ (к. 18); Кудыргэ (к. 22); Курай-III (к. 1); Ороктой (к. 1); Тавдинская пещера; Талдура-I (к. 2); Ташанта-II (к. 5); Ташанта-III (к. 10); Тыткескень-VI (к. 1); Тыткескень-VI (к. 5); Тыткескень-VI (к. 10); Тянгыс-Тыт (к. 4, впусное); Усть-Бийке-III (к. 6); Юстыд-XII (вп. 12); Аймырлыг-VIII-52; Аймырлыг-XXI-3; Аргалыкты-I (к. 1-1); Аргалыкты-I (к. 1-2); Аргалыкты-I (к. 3); Аргалыкты-I (к. 5); Кара-Тал-IV (к. 7); Кокэль (к. 13); Кокэль (к. 22); Кокэль (к. 23); Мойгун-Тайга-57-IX; Белый Яр-II (к. 1, м. 1); Белый Яр-II (к. 1, м. 3); Белый Яр-II (к. 4, м. 1); Белый Яр-II (к. 7, м. 3); Белый Яр-II (к. 7, м. 5); Капчалы-II (к. 1); Капчалы-II (к. 2); Капчалы-II (к. 3); Капчалы-II (к. 11); Капчалы-II (к. 13); Капчалы-II (к. 19); Улуг-Хорум (вп. 1); Маркелов Мыс-I (к. 2); Маркелов Мыс-I (к. 5); Над Поляной (к. 12); Перевозинский чаатас (к. 82); Тепсей-III (к. 3); Тепсей-III (к. 28); Терен-Кель (к. 14); Уйбат-II (к. 1).

IX. 8 (6,01%) погребений. Катанда-II (к. 1, 1925); Курота-I (к. 2); Чоба-VII (к. 1); Кокэль (к. 2); МТ-57-XXXVII; Белый Яр-II (к. 3, м. 1); Капчалы-II (к. 20); Кирбинский лог, к. 3 (вп. 2).

Женские погребения – 40 (100%) объектов.

I. 8 (20%) погребений. Бертек-34; Джолин-I (к. 10); Кудыргэ (к. 4); Узунтал-VI (к. 1); Узунтал-VIII (к. 1); Юстыд-XII (к. 28); Юстыд-XIV (к. 2); Улуг-Бюк-II (к. 1).

II. 12 (30%) погребений. Ак-Кобы-III (к. 2); Катанда-II (к. 5); Курай-III (к. 2); Курай-VI (к. 1); Кудыргэ (к. 10); Кудыргэ (к. 13); Курота-II (к. 46); Узунтал-V (к. 1); Аймырлыг-XIII-1; Мойгун-Тайга-58-VIII; Саглы-Бажи (к. 19); Черби (Б-18).

III. 8 (20%) погребений. Жана-Аул (к. 1); Кальджин-8 (к. 1); Белый Яр-II (к. 7, м.4, п. 1); Ибыргыс-Кисте (к. 2); Ибыргыс-Кисте (к. 5); Кирбинский лог, к. 3 (вп. 4); Перевозинский чаатас (к. 93); Сабинка-I (к. 1, м. 5).

IV. 12 (30%) погребений. Кальджин-8 (к. 3); Кара-Коба-I (к. 8); Кара-Коба-I (к. 72); Кара-Коба-I (к. 75); Катанда-II (вп. 1); Кырлык-II (к. 3); Кара-Тал-IV (к. 1); Кара-Тал-IV (к. 2); Белый Яр-II (к. 7, м.4, п. 2); Над Поляной (к. 13); Сабинка-I (к. 1, м. 3); Сабинка-I (к. 2, м. 3).

Детские погребения – 31 (100) объект.

I. 3 (9,67%) погребения. Каменный Лог; Катанда-III (к. 7); Мойгун-Тайга-57-XXXVI.

II. 6 (19,35%) погребений. Джолин-III (к. 2); Аймырлыг-XX-14; Аргалыкты-VIII (к. 2); Кара-Тал-III (к. 3); Белый Яр-II (к. 2, м. 3); Кирбинский лог, к. 3 (вп. 3).

III. 22 (70,96%) погребения. Кырлык-II (к. 2); Кырлык-II (к. 4); Усть-Чоба-I (к. 3); Юстыд-скальное; Кара-Тал-IV (к. 6); Белый Яр-II (к. 2, м. 1); Белый Яр-II (к. 3, м. 2); Белый Яр-II (к. 4, м. 2); Белый Яр-II (к. 4, м. 3); Белый Яр-II (к. 5); Белый Яр-II (к. 7, м. 2); Белый Яр-II (к. 7, м. 6); Капчалы-II (к. 10); Капчалы-II (к. 17); Маркелов Мыс-II (к. 11); Маркелов Мыс-II (к. 12); Перевозинский чаатас (к. 79); Перевозинский чаатас (к. 94); Тепсей-III (к. 15); Тепсей-III (к. 32); Тепсей-III (к. 36); Тепсей-III (к. 50).

Характеристика предметного комплекса из памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая (вторая половина V – первая половина VI вв.)

Снаряжение верховой лошади. Одними из распространенных категорий находок в комплексах кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая являются предметы, относящиеся к конскому снаряжению. Данный показатель отражает не только большое значение лошади в жизни кочевников, но и демонстрирует ее важную роль в ритуальной практике номадов раннего средневековья. В археологических памятниках второй половины V – первой половины VI вв. широко зафиксированы ***удила*** из двух звеньев, каждое из которых заканчивается кольцом, предназначенным для формирования узды (Приложение III, рис. 79.-1–3). В этих кольцах нередко находят псалии и фиксируют дополнительные детали.

Удила с однокольчатыми окончаниями не являются узко датирующими находками, так как они использовались кочевниками Центральной Азии со второй половины I тыс. до н.э. и до VIII–IX вв. н.э. (Савинов Д.Г., 1984, с. 134). В связи с этим, основным показателем для уточнения времени бытования конского снаряжения становится изучение ***псалиев***, обнаруженных в комплекте с удилами. Исследователи уже отмечали, что наиболее архаичными псалиями из археологических комплексов региона второй половины I тыс. н.э. являлись роговые (костяные) изделия (Гаврилова А.А., 1965, рис. 16.-2; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 97). В памятниках кызыл-ташского этапа зафиксировано несколько вариантов оформления подобных предметов. Первый представлен роговыми стержневыми (иногда с несколько загнутыми концами), двухдырчатыми псалиями (Приложение III, рис. 79.-4–7). В ряде случаев один конец изделия слегка заострен. Роговые двухдырчатые псалии появляются и бытуют на Алтае и сопредельных территориях в скифо-сакский и хуннуско-сяньбийско-жужанский периоды (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, рис. 2.-7; 3.-11). Такие находки обнаружены также и в предтюркское время. Они зафиксированы в памятниках второй половины IV – первой половины V вв. (см., например:

Соенов В.И., 1998, рис. 1.-9), ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161; Тишкин А.А., 2007, с. 179). Подобные изделия продолжали использоваться и во второй половине VI – первой половине VII вв., о чем свидетельствуют предметы из исследованных погребальных и «поминальных» комплексов (Киселев С.В., 1927, табл. V.-13; Гаврилова А.А., 1965, табл. VII.-1, XX.-36; Суразаков А.С., 1982, рис. 2.-7; Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 17.-9; Худяков Ю.С., 1999, рис. 2.-2). В памятниках катандинского этапа культуры тюрок подобные изделия уже не встречаются, их сменяют роговые псалии с железными скобами (Гаврилова А.А., 1965, рис. 8.-10; Грач А.Д., 1960б, рис. 95; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 9.-7; и др.).

Другой вариант роговых псалиев, обнаруженных в памятниках кызыл-ташского этапа, представлен находками с одним ровным и другим резко заостренным концом (Приложение III, рис. 79.-8–9). Исследователи обозначают подобные изделия как «карандашевидные» (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 97) или «клыковидные» (Кубарев Г.В., 2005, с. 120). Судя по всему, у всех таких псалиев были проделаны по два отверстия, которые не всегда сохраняются из-за того, что заостренный конец находок был обломан (Кубарев Г.В., 2005, с. 121). Роговые псалии рассматриваемой формы, судя по имеющимся материалам, появились в памятниках кызыл-ташского этапа и продолжали существовать вплоть до середины VIII в. (Могильников В.А., 1983, рис. 19.-3; Грач А.Д., 1960а, рис. 38; Кубарев Г.В., 2005, табл. 60.-1, 3; 102.-1, 3; 106.-4–5; и др.).

Вторая группа псалиев из комплексов Алтая второй половины V – первой половины VI вв. представлена крупными железными кольчатыми витыми (ложновитыми) изделиями (Приложение III, рис. 79.-10–12). Во всех случаях на удилах с такими псалиями имелись восьмерковидные гладкие или витые петли. Похожие обоймы зафиксированы на удилах из памятников Алтая второй половины IV – первой половины V вв. (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 33.-5; Соенов В.И., 1998, рис. 1.-9; 2000, рис. 7.-8; 10.-6; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 491). Большие кольчатые псалии обнаружены в погребениях (Сорокин

С.С., 1969, рис. 23.-1), ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской общности. Такие же, но витые (ложновитые) изделия известны в материалах кокэльской культуры Тувы (Вайнштейн С.И., 1970, рис. 51.-8–9). Судя по имеющимся материалам, наиболее архаичные для раннего средневековья кольчатые псалии обнаружены в «поминальной» оградке хорошо известного комплекса Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. II.-5) (Приложение III, рис. 79.-10), относящейся, по нашему мнению, к кызыл-ташскому этапу. Несколько более поздним временем, но также в рамках второй половины V – первой половины VI вв., датируются находки ложновитых кольчатых псалиев из памятников Кок-Паш (Илюшин А.М., 1990, рис. 1.-5; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14) (Приложение III, рис. 79.-11) и Боротал (Кубарев В.Д., 1985, рис. 5.-2; Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-1) (Приложение III, рис. 79.-12). Подобные находки бытовали вплоть до начала VIII в. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 24; Могильников В.А., 1990, рис. 5.-1; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VI.-24–25; Худяков Ю.С., Цэвендорж Д., 1999, рис. 5.-10; Худяков Ю.С., 2003, рис. 5), и в памятниках катандинского этапа культуры тюрок они встречаются крайне редко.

Основным новационным элементом в материальной культуре населения Центральной Азии в середине I тыс. н.э. стало появление металлических ***стремян***. Их использование серьезным образом повлияло на развитие военного дела, увеличив возможности конного боя (Вайнштейн С.И., 1966, с. 74; Кирпичников А.Н., 1973, с. 43; и мн. др.). В настоящее время вполне определенно рассматривается распространение металлических стремян с IV в., и связывается этот процесс с военно-политической доминантой сяньби (Комиссаров С.А., Худяков Ю.С., 2005, с. 264–266; Комиссаров С.А., 2006, с. 20–21). На территории Алтая ранние находки пока фиксируются только в памятниках кызыл-ташского этапа культуры тюрок.*

* Известны также вотивные пластинчатые стремена раннего типа из памятников таштыкской культуры Среднего Енисея (Тетерин Ю.В., 2007, рис. 19.-9). Миниатюрные изделия с петельчатым ушком из склепов Минусинской котловины относятся к более позднему времени, и являются копиями предметов, датирующихся не ранее второй половины VI в. (Савинов Д.Г., 2005, с. 133; Азбелев П.П., 2008, с. 67).

Первая группа рассматриваемых изделий представлена железными плоскими стременами с «Т-образной» подножкой (Приложение III, рис. 80.-1–6). Такие предметы датируются большинством исследователей второй половиной V – первой половиной VI вв. (Грач В.А., 1982, с. 163; Могильников В.А., 1994, с. 111; Шульга П.И., Горбунов В.В., 1998, с. 101; Гричан Ю.В., Плотников Ю.А., 1999, с. 77). Все подобные находки из комплексов тюрок, за единственным исключением (Грач В.А., 1982, рис. 2.-6–7), обнаружены на территории Алтая и происходят из «поминальных» оградок, сооруженных кочевниками рассматриваемой общности. Верхнюю хронологическую границу существования плоских стремян с «Т-образной» подножкой демонстрируют находки из погребения кургана №7 могильника Кудыргэ, относящегося к середине – второй половине VI в. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XIV.-7).

Ко второй половине V – первой половине VI вв. также относятся пластинчатые стремена из «поминальных» оградок памятников Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9) (Приложение III, рис. 80.-7) и Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1994, рис. 7.-1) (Приложение III, рис. 80.-8). Об этом свидетельствуют сочетания ранних признаков изделий (узкая прямая плоская подножка, высокая узкая «шейка» и высокая вертикальная пластина) (Васютин А.С., 1994, с. 61; Неверов С.В., 1998, с. 148), а также то, что обозначенные находки обнаружены в рамках одного археологического комплекса с рассмотренными выше плоскими стременами с «Т-образной» подножкой.

Вторая группа стремян из памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая представлена изделиями с петельчатым ушком (Приложение III, рис. 80.-9–12). До настоящего времени наиболее распространенной точкой зрения являлось определение периода появления подобных находок рамками VI–VII вв. В свое время эту идею высказал С.И. Вайнштейн (1966, с. 66). По его мнению, стремена впервые начали использоваться алтайскими тюрками, что подтверждалось находками в могильнике Кудыргэ. В таблице, составленной А.К. Амброзом (1973, рис. 2.-19, 42), наиболее ранние петельчатые стремена

датированы VII в. К этому же времени появление подобных находок относят и китайские специалисты (Комиссаров С.А., Худяков Ю.С., 2005, табл. 1.-31). В обозначенных работах в качестве основного примера ранних петельчатых стремян выступают изделия из некрополя Кудыргэ, исследованного на Алтае. Рассмотрение материалов, накопленных к концу 1980-х гг., позволило С.П. Нестерову (1988, с. 177–178) сделать важный вывод о том, что стремена с петельчатым ушком впервые стали использоваться на территории Южной Сибири и произошло это, по его мнению, не ранее VI в. Д.Г. Савинов (1996, с. 20) предположил, что петельчатые стремена появились под влиянием изделий с высоким пластинчатым ушком восточноазиатского происхождения в V–VI вв. В качестве примера стремян этого времени он привел предметы из Минусинской котловины – изделие из памятника Усть-Тесь и случайную находку (Савинов Д.Г., 1996, рис. 1.-2–3). Общую характеристику ранних форм петельчатых стремян отразил в ряде работ А.С. Васютин (1994, с. 59; 2003, с. 59), датировав подобные находки «кудыргинским» временем (VI–VII вв.). Примером наиболее раннего петельчатого стремени исследователь посчитал находку из памятника Усть-Карасу (Васютин А.С., 1994, рис. 1.-12; 3.-15; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 57.-12; 58.-8). Это же стремя, но обозначенное как предмет из комплекса Кок-Паш, П.П. Азбелев (2008, с. 61, рис. 2.-8) отнес к наиболее ранним изделиям с петельчатым ушком. По его мнению, раннесредневековые материалы обозначенного памятника следует датировать первой половиной VII в.

Анализ материалов раскопок на территории Центральной Азии, введенных в оборот в течение двух последних десятилетий, позволяет уточнить обозначенные выше точки зрения. Представляется возможным утверждать, что наиболее ранние из петельчатых стремян датируются второй половиной V – первой половиной VI вв. н.э. Рассматриваемые находки этого времени имеют ряд характерных признаков, сочетание которых позволяет осуществить их довольно точную атрибуцию. Одним из важных показателей является оформление ушка изделия. Петля у стремян – вертикально-вытянутая либо чуть приплюснутая и

несомкнутая в основании. Подножка ранних находок – прямая, узкая и плоская (Васютин А.С., 1994, с. 53; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, с. 166; Неверов С.В., 1998, с. 146; Азбелев П.П., 2008, с. 61). Кроме того, проем, образуемый дужками у таких стремян, в ряде случаев, имеет несколько вытянутые очертания. Подобные находки обнаружены при исследовании памятников Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1994, рис. 2.-1) (Приложение III, рис. 80.-9) и Усть-Карасу (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11) (Приложение III, рис. 80.-10), расположенных в Центральном Алтае. К первой половине – середине VI в. относятся стремена из «поминальной» оградки Кызыл-Таш (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 1.-3) (Приложение III, рис. 80.-11) и кургана №10 могильника Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 4.-7) (Приложение III, рис. 80.-12). В первом случае фиксируется появление такого конструктивного элемента, как ребро жесткости (нервюра) при сохранении небольшого проема петли, вытянутого контура изделия и прямой узкой подножки; во втором отмечается изгиб подножки и расширение петли. Обозначенные показатели получают дальнейшее развитие в форме стремян уже во второй половине VI – первой половине VII вв.

Характерной особенностью памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок является то, что в погребениях и «поминальных» оградках встречено по одному стремени. На последующих этапах развития рассматриваемой общности на территории Алтая подобные случаи редки. Помещение только одного стремени, по мнению В.А. Могильникова (1994, с. 109), может объясняться реализацией ритуальных действий, связанных с порчей вещей перед помещением их в захоронение. На наш взгляд, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах тюркской культуры обусловлена сохранением практики использования стремян в качестве подножки, что отражает особенности первоначального использования данной категории изделий в качестве приспособления для посадки на лошадь. Таким образом, наличие только одного стремени в погребении или «поминальной» оградке

является характерным признаком памятников раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры.

Украшения конского снаряжения в памятниках кызыл-ташского этапа зафиксированы только однажды. К ним относятся круглые бляхи-накладки «с умбоном» из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. II.-4) (Приложение III, рис. 81.-1). Точные аналогии таким изделиям в комплексах тюрок нам пока не известны. Подобная находка имеется в материалах памятника Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-27; 56.-1–3), относящегося к позднему этапу булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161).

Другой группой предметов для снаряжения лошади, встреченной в объектах кызыл-ташского этапа тюркской культуры, являются ***подпружные пряжки***. Подобные изделия с подвижным язычком из рога (кости) использовались на протяжении длительного промежутка времени. Имеющиеся наблюдения об эволюции признаков рассматриваемой группы находок (Савинов Д.Г., 1984, с. 137; Неверов С.В., 1985, с. 200–202; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 117–119) не всегда находят подтверждение на конкретном археологическом материале (Кубарев Г.В., 2005, с. 135). Экземпляры из памятников кызыл-ташского этапа (Приложение III, рис. 81.-2–5) имеют близкие аналогии в поздних булан-кобинских комплексах (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2010, рис. 1.-4, 6; 2.-6–9), и по деталям оформления они могут быть датированы в рамках V–VII вв. (Неверов С.В., 1985, с. 200–202). Также весьма широкой является хронология железных подпружных пряжек. Находки, аналогичные большинству подобных изделий из комплексов Алтая кызыл-ташского этапа (Приложение III, рис. 81.-6–19), использовались раннесредневековыми тюрками с VI по XI вв. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 120–121, рис. 49.-1–18). Необычную форму имеет «восьмеркообразная» пряжка из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. V.-5) (Приложение III, рис. 81.-20). Изделия с вогнутыми сторонами рамки встречены в отдельных объектах тюрок второй половины VI – первой половины VII вв. (Илюшин А.М., 1995, рис. 1.-4;

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 5.-9). Еще более редкими находками для памятников раннего средневековья являются подпружные пряжки с длинным пластинчатым щитком-зажимом и округлой или вытянутой рамкой (Приложение III, рис. 81.-21–23). Изделия, схожие по ряду показателей (система крепления, форма, длина щитка), встречены в серии погребений (Сорокин С.С., 1977, рис. 6.-6–7; Соенов В.И., 2000, рис. 10.-7; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-27, 16.-24, 17.-27; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 491), которые относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161). В памятниках тюрок подобные находки единичны (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. VIII.-5; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1997, рис. 2.-4).

К снаряжению лошади относятся также своеобразные роговые пряжки, обычно обозначаемые как ***блоки для чумбура*** (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 123). Они использовались, судя по всему, для фиксации и регулировки различных ремней. «Блоки для чумбура» с четким оформлением щитка, рамки и наконечника (Приложение III, рис. 81.-24–27) характерны для раннего средневековья и не встречены в памятниках предшествующих хронологических периодов, хотя, очевидно, имеют прототипы в изделиях раннего железного века (Кубарев Г.В., 2005, с. 137). Распространение роговых ***застежек для пут*** (цурок) трапециевидной формы в памятниках Алтая и сопредельных территорий также относится к середине I тыс. н.э. (Приложение III, рис. 81.-28–31). Следует отметить, что подобные изделия найдены в комплексах позднего этапа булан-кобинской культуры, но они отличаются от раннесредневековых экземпляров разомкнутым верхним краем над выемкой для ремня (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 491; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 144). Рассмотренные элементы снаряжения («блоки для чумбура» и застежки от пут) представляют собой достаточно четкие показатели археологических комплексов раннего средневековья.

Снаряжение человека. Редкой группой предметов из памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая являются элементы ***поясной гарнитуры***. Бронзовая пряжка из оградки №104 памятника Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. V.-7) (Приложение III, рис. 82.-1) с округлой рамкой, неподвижным шпеньком и прямоугольным плоским щитком, с обеих сторон которого нанесены поперечные «насечками», относится к изделиям, обычно обозначаемым как «типично таштыкские» (Кызласов Л.Р., 1960, с. 36). Подобные находки получили широкое распространение в склепах Минусинской котловины (Кызласов Л.Р., 1960, рис. 7.-4, 7–8; Грязнов М.П., 1979, рис. 71.-5; Вадецкая Э.Б., 1999, табл. 9.-1; 137.-4; Митько О.А., 2007, рис. 22.-5; Тетерин Ю.В., 2007, рис. 19.-6). Их датировка, согласно современным представлениям, определяется в рамках V–VI вв. (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 122–123). В указанной «поминальной» оградке памятника Кудэргэ обнаружена бронзовая пряжка весьма редкой формы: ее щиток дополнен двумя поперечно расположенными рамками (Илюшин А.М., 2000, рис. V.-10) (Приложение III, рис. 82.-2). Точная аналогия данной находке зафиксирована в одном из таштыкских склепов могильника Маркелов Мыс-I, датированном V–VI вв. (Тетерин Ю.В., 2007, рис. 19.-7). Бронзовые бляхи с рамкой В-образной формы, подобные экземплярам из оградок памятников Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1992, рис.14.-1) (Приложение III, рис. 82.-3) и Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. III.-1) (Приложение III, рис. 82.-4), получили распространение на обширных территориях в V – начале VII вв. (Генинг В.Ф., 1979, табл. 1; Азбелев П.П., 1993, с. 92; Вадецкая Э.Б., 1999, табл. 90). Такие изделия обнаружены и в отдельных комплексах тюрок, относящихся ко второй половине VI – VII вв. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 25, рис. 21.-18–19; Могильников В.А., 1997, рис.4.-11).

Принадлежностью ***стрелкового пояса*** являлись бронзовые бляхи-накладки, обнаруженные в кургане №5 могильника Усть-Бийке-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 24.-3–7) (Приложение III, рис. 82.-5). Они имеют прямоугольную форму и по одному шпеньку в центре для крепления к ремню. Возможно, подобные изделия типологически предшествуют бляхам-накладкам с

прорезями. Судя по всему, к стрелковому поясу относятся крюки-застежки. Колчанные крюки с поперечной планкой, подобные находкам из «поминальных» оградок памятника Кудыргэ (Илюшин А.М., 2000, рис. II.-6; V.-9) (Приложение III, рис. 82.-6–7), характерны для комплексов Южной Сибири сяньбийско-жужанского периода (Грач А.Д., 1966, рис. 30.-1; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10.-27, 32; 15.-16; 16.-41; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 491). Новым элементом стрелкового пояса, не встреченным в памятниках раннего железного века, являются бронзовые крюки-застежки, Г-образный стержень которых заканчивается шаровидным навершием (Кубарев В.Д., 1985, рис. 10.-3; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 24.-3; Кубарев Г.В., табл. 111.-11) (Приложение III, рис. 82.-8–9). Такие изделия обнаружены в памятниках тюрок Алтая, Тувы и Тянь-Шаня, относящихся ко второй половине VI – первой половине VIII вв. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XIX.-6; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 14; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, рис. 21.-5). Колчанный крюк из погребения могильника Яконур (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б, рис. 4.-6) (Приложение III, рис. 82.-10) также имеет аналогии в материалах раскопок некрополей рассматриваемой общности более позднего времени (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 3.-15).

Орудия труда и предметы быта. Универсальными орудиями труда являлись железные черешковые ***ножи*** (Приложение III, рис. 82.-11–16). Подобные изделия обычно маловыразительны в плане хронологии. Экземпляры, обнаруженные в памятниках кызыл-ташского этапа, бытовали в среде кочевников Центральной Азии на протяжении всей второй половины I тыс. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 56). Исключение представляет нож серповидной формы (Гаврилова А.А., 1965, табл. V.-1) (Приложение III, рис. 82.-16), не характерный для раннего средневековья и имеющий аналогии в комплексах жужанского времени (Грач А.Д., 1966, рис. 29.-2; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-19). Костяные ***наконечники стрел***, зафиксированные в памятниках кызыл-ташского этапа, по характеру насада делятся на втульчатые (Приложение III, рис. 82.-17–19) и с раздвоенным насадом

(Приложение III, рис. 82.-20, 21). Подобные изделия встречены в комплексах булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко II–V вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с. 150, рис. 58.-7, 13–14; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 7.-8, 15, 18) и выглядят архаичными для памятников раннесредневековых тюрок второй половины VI – середины VII вв. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXI.-5; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. IX.-11–12; Кубарев Г.В., 2005, табл. 4.-8).

Вооружение. Предметы вооружения, обнаруженные в археологических объектах Алтая второй половины V – первой половины VI вв., подробно изучены В.В. Горбуновым (2003; 2006). Исследователь отметил, что комплекс наступательного и оборонительного вооружения тюрок сформировался на основе традиций, характерных для населения булан-кобинской культуры и при участии сяньбийского импульса (Горбунов В.В., 2003, с. 91; 2006, с. 91). Таким образом, важной тенденцией, фиксирующейся на материалах середины I тыс. н.э., является «доживание» на Алтае прежних форм рассматриваемой категории изделий. Обозначим некоторые наиболее яркие примеры бытования архаичных предметов вооружения, встреченных в памятниках тюрок Алтая кызыл-ташского этапа. Мечи с навершием в виде кольца или несомкнутого крюка, подобные находке из «поминальной» оградки памятника Кызыл-Таш (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-1) (Приложение III, рис. 83.-10), получили распространение в археологических комплексах Центральной Азии II–V вв. н.э. (Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966, табл. VIII.-5; Худяков Ю.С., 1986, рис. 40.-2–3; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 15.-21; Горбунов В.В., 2006, с. 64, рис. 48.-2–3). В обозначенном сооружении встречена также миниатюрная модель копья (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-2) (Приложение III, рис. 83.-11). Помещение вотивных изделий в погребальные и «поминальные» объекты является нетипичной чертой ритуала для населения Алтае-Саянской горной страны раннего средневековья. Данный показатель зафиксирован в обрядовой практике кочевников региона хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (кокэльская и таштыкская культуры). Наиболее массовое использование железных «ярусных» наконечников стрел также является характерным

показателем материальной культуры кочевников обозначенного хронологического периода (Худяков Ю.С., 1986, рис. 26, 36.-7–21), в том числе номадов Алтая (Тетерин Ю.В., 2004, рис. 4.-1–4; Горбунов В.В., 2006, с. 38). В памятниках тюрок второй половины I тыс. н.э. подобные изделия не получили распространения (Худяков Ю.С., 1986, рис. 64; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 12; Горбунов В.В., 2006, рис. 26–28). Вероятно, обнаружение архаичного «ярусного» наконечника стрелы в погребении кызыл-ташского этапа на памятнике Яконур (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б, рис. 2.-3) (Приложение III, рис. 83.-1) определенным образом отражает преемственность традиций в военном деле населения Алтая предшествующего времени и раннего средневековья. Многочисленные аналогии в погребениях позднего этапа булан-кобинской культуры (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 1.-3, 5; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 8.-11, 18.-2; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 4.-14, 15.-11; и др.) имеют небольшие по размеру асимметрично-ромбические наконечники стрел, встреченные в «поминальной» оградке памятника Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т., 1994, рис. 2.-11) (Приложение III, рис. 83.-2).

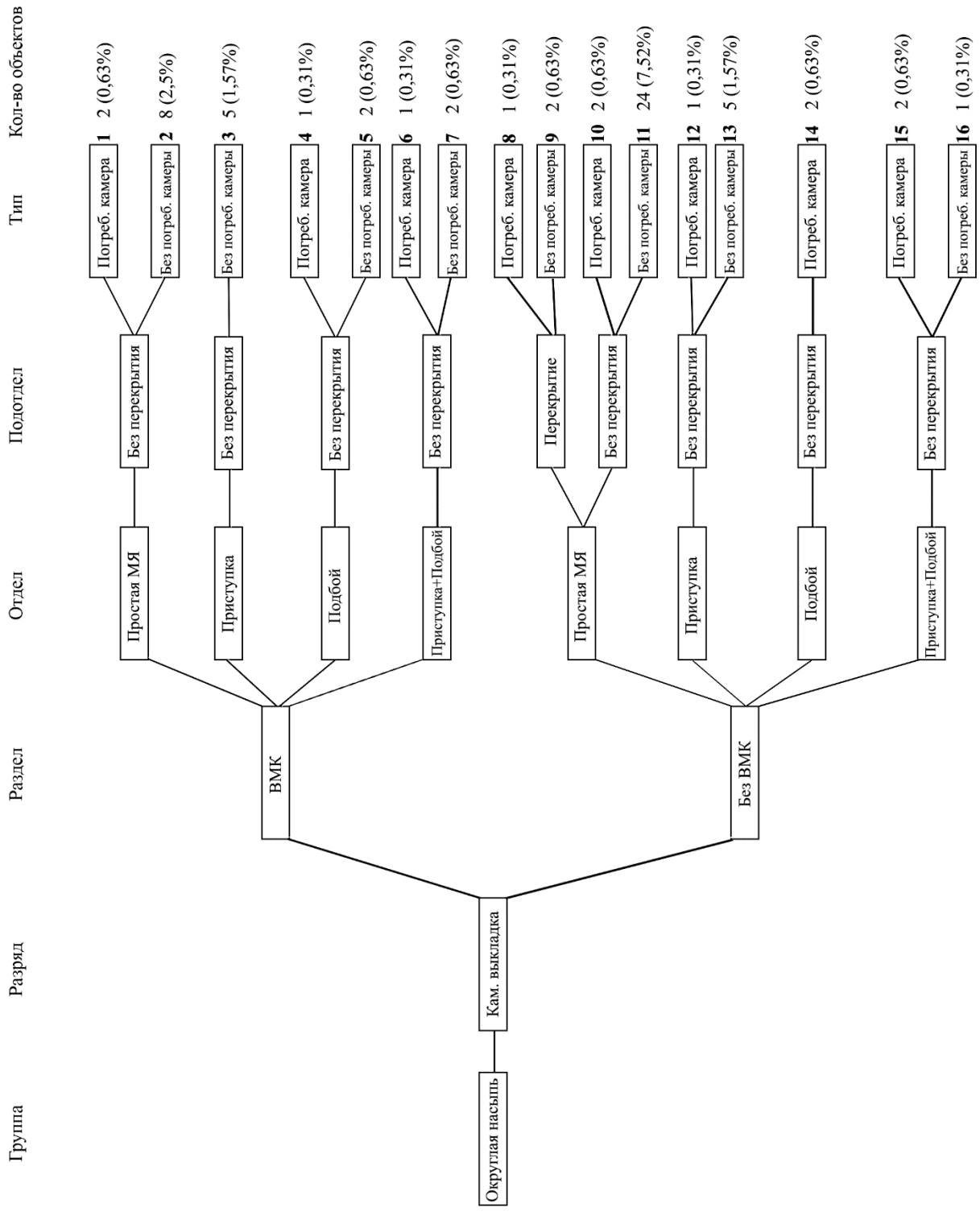
Характерным показателем археологических комплексов кочевников булан-кобинской культуры является обнаружение боевых ножей с череном, наклоненным в сторону лезвия (Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4.-10; 7.-1; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 134, рис. 21.-13; Горбунов В.В., 2006, рис. 63.-2,3,5; и др.). В памятниках тюрок подобный предмет вооружения встречен только однажды в ходе раскопок погребения кызыл-ташского этапа на могильнике Яконур (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б, рис. 4.-1) (Приложение III, рис. 83.-9). Весьма редки боевые ножи обозначенной формы и в раннесредневековых комплексах Центральной Азии в целом (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 30; Худяков Ю.С., 2003, рис. 6.-1). По мнению Г.В. Кубарева (2008, с. 69–72), осуществившего анализ изображений «коленчатых» кинжалов на каменных изваяниях, подобные предметы могут являться хронологическими маркерами археологических памятников VI–VII вв. н.э.

Новации в военной сфере, произошедшие в середине I тыс. н.э. и связанные с формированием и развитием на Алтае культуры тюрок, также получили отражение в формах предметов вооружения. Важной тенденцией является появление в памятниках кызыл-ташского этапа более коротких, по сравнению с предшествующим временем, роговых накладок на лук (Горбунов В.В., 2006, с. 15, 17–18) (Приложение III, рис. 83.-14–16). Во второй половине V – первой половине VI вв. фиксируется укрупнение размеров наконечников стрел, а также распространение их новых форм: четырехугольных, шестиугольных и арочных, с геометрической формой пера (Горбунов В.В., с. 39–40) (Приложение III, рис. 83.-3–8). Особенностью археологических комплексов кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая является сравнительно частое, по сравнению с более поздними объектами данной общности, обнаружение фрагментов доспеха (Гаврилова А.А., 1965, табл. V.-1; Илюшин А.М., 1990, рис. 1.-8; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-5–12; 1997, рис. III.-1; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-20) (Приложение III, рис. 5.-12–13).

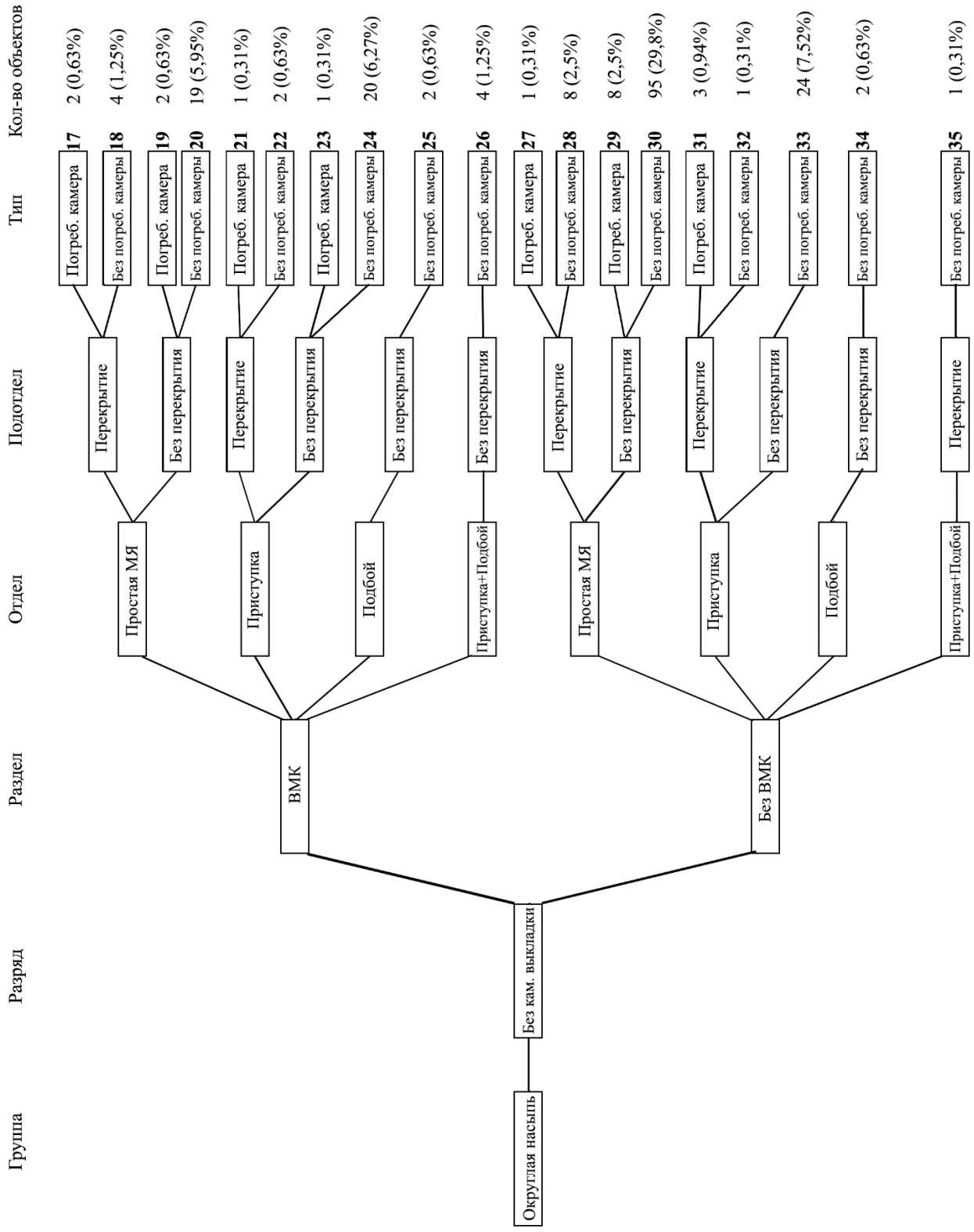
Таким образом, несмотря на сравнительную немногочисленность предметов, зафиксированных в памятниках тюрок Алтая середины I тыс. н.э., изделия достаточно выразительны для определения хронологии рассматриваемых погребальных и «поминальных» комплексов в рамках второй половины V – первой половины VI вв. н.э.

Приложение 2. Таблицы и схемы.

Схема 1. Типы погребальных сооружений тюрок Центральной Азии

Продолжение схемы 1

Окончание схемы 1

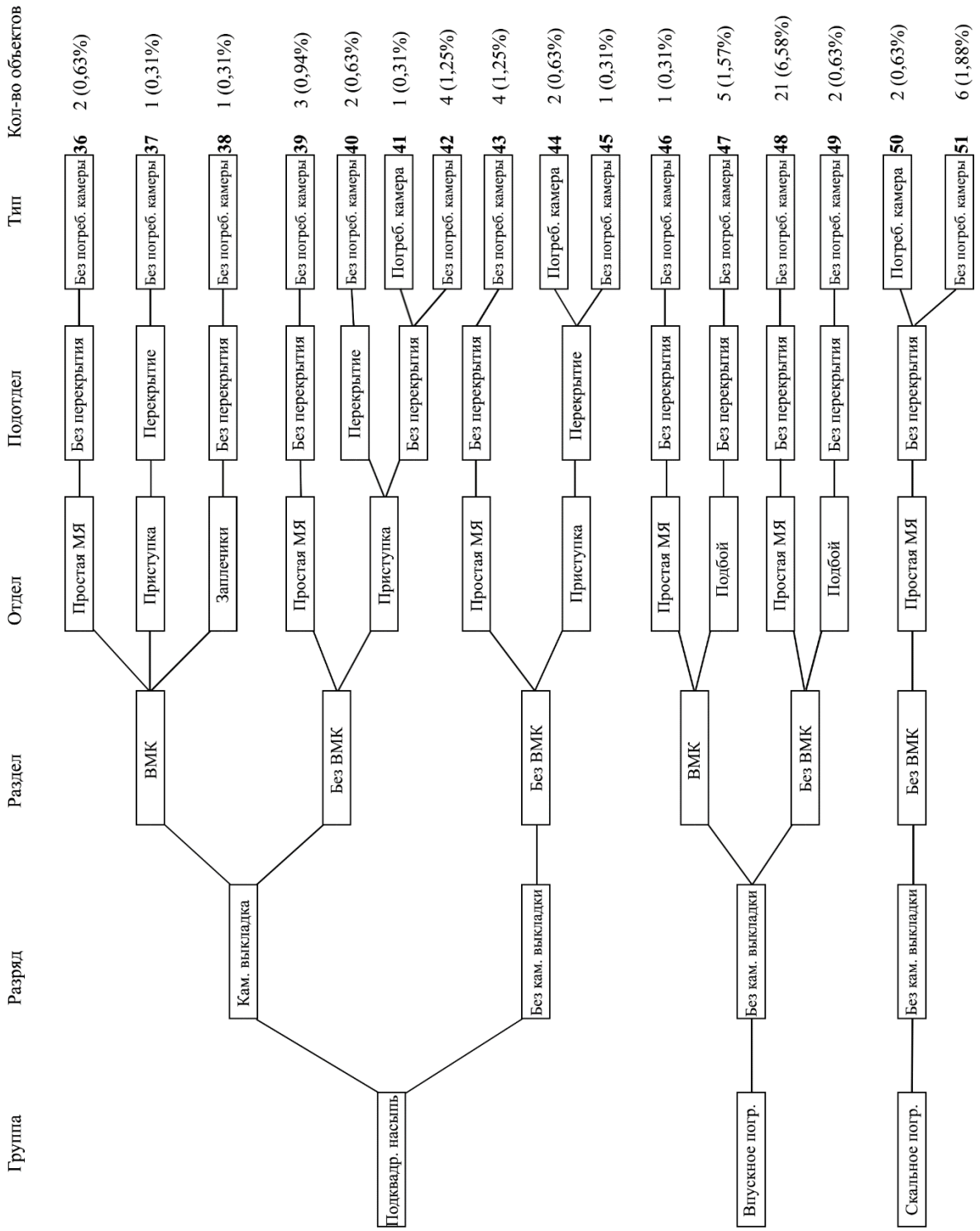
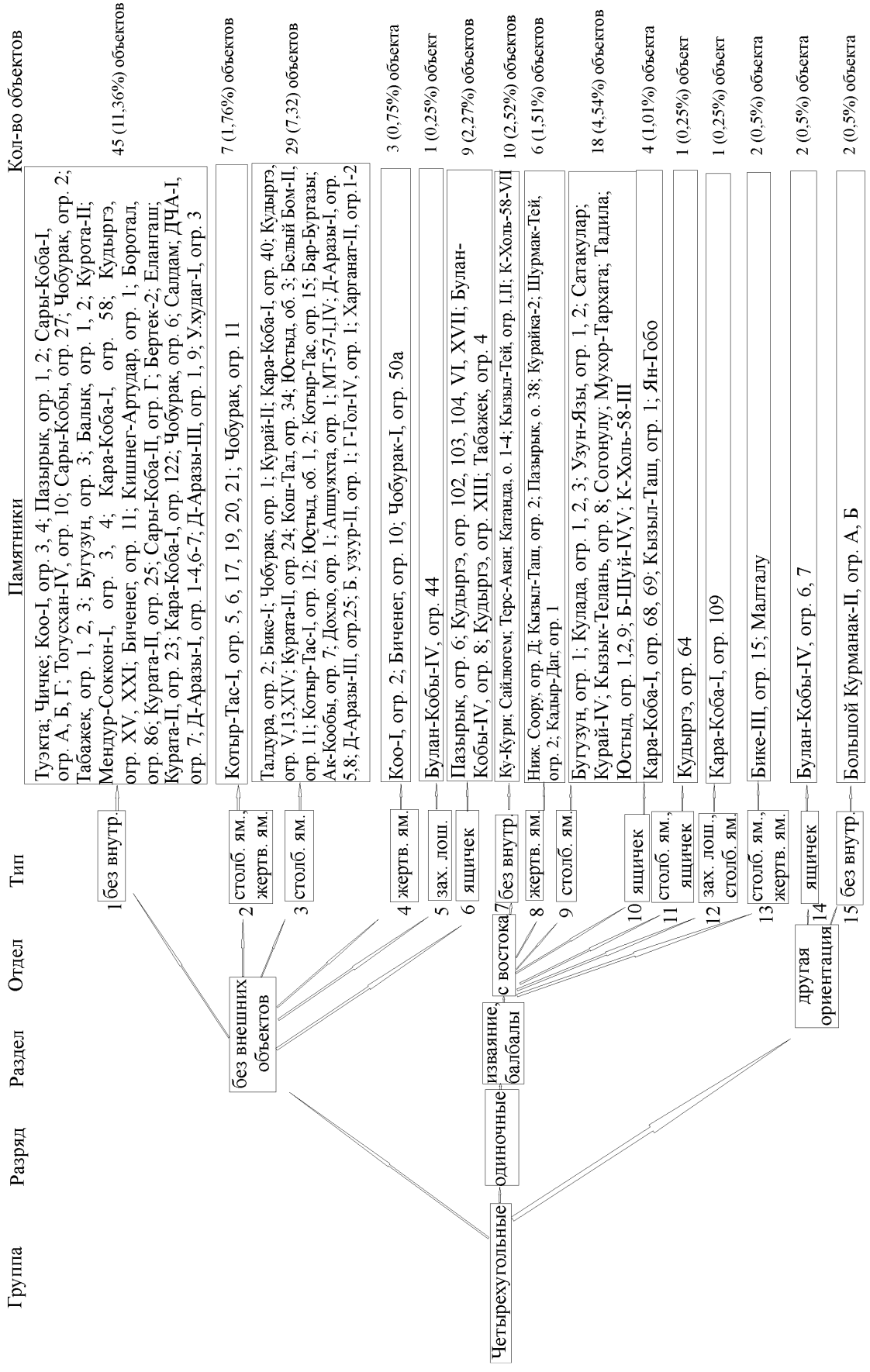
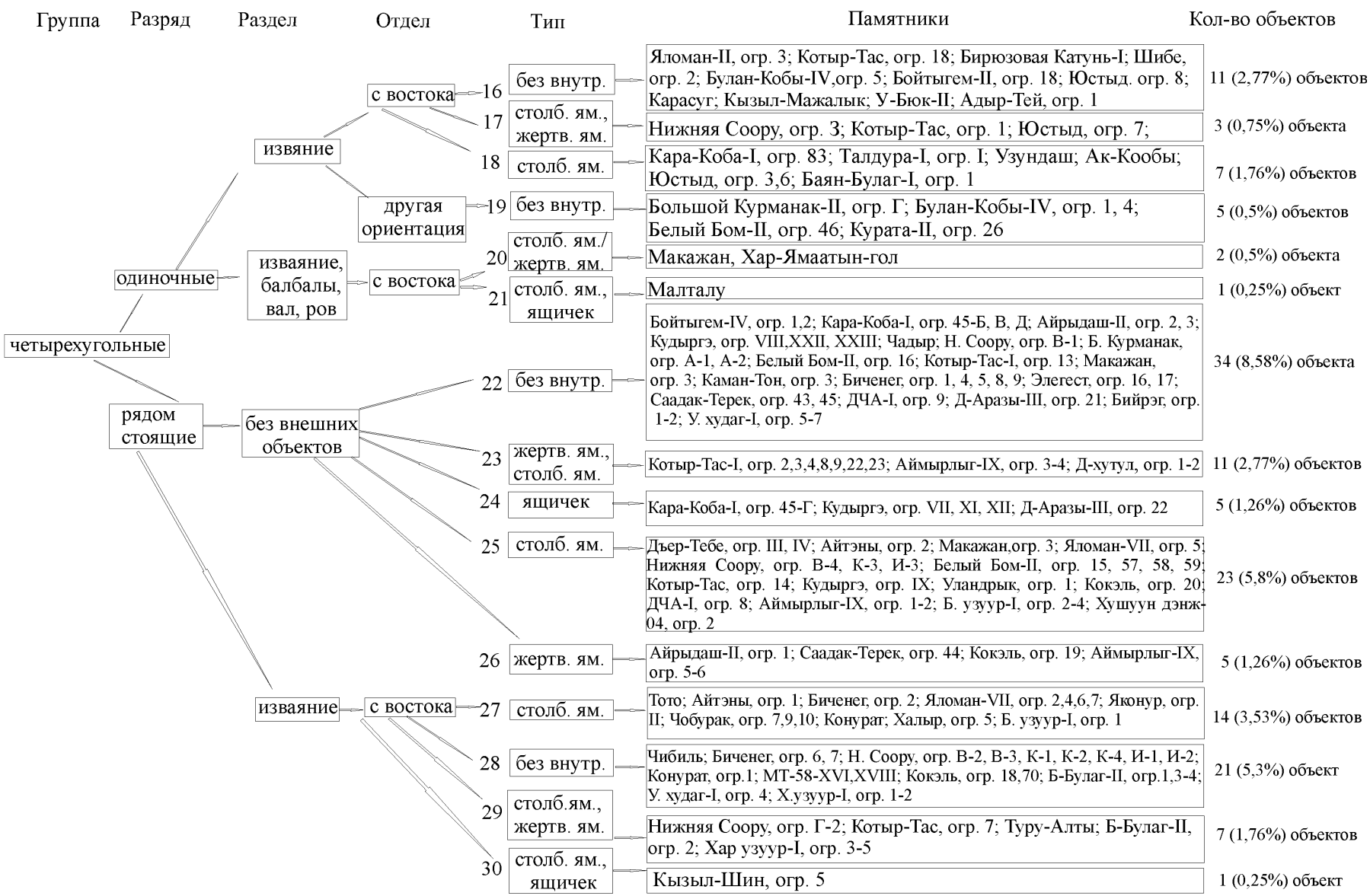

Схема 2. Типы «поминальных» объектов тюрок Центальной Азии

Продолжение схемы 2

Окончание схемы 2

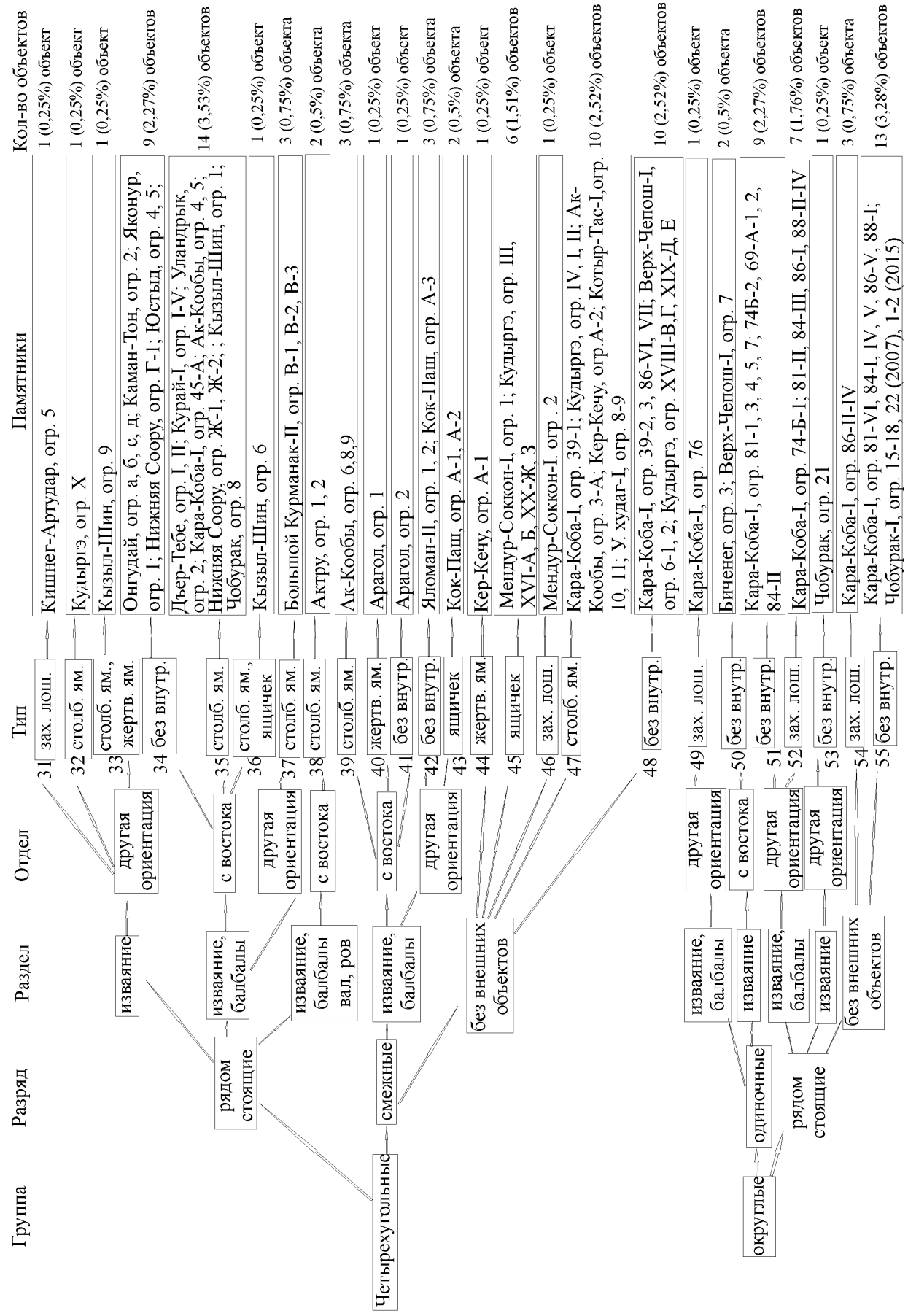

Таблица 1. Элементы погребальных сооружений раннесредневековых тюрок Центральной Азии

ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ	АЛТАЙ 146 объектов (100%)	ТУВА 60 объектов (100%)	МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА 86 объектов (100%)	МОНГОЛИЯ 27 объектов (100%)
Округлая насыпь	123 (84,24%)	59 (98,33%)	60 (69,76%)	20 (74,07%)
Подквадратная насыпь	5 (3,42%)	-	15 (17,44%)	1 (3,7%)
Впускное погребение	15 (10,27)	1 (1,66%)	11 (12,79%)	2 (7,4%)
Скальное погребение	3 (2,05%)	-	-	5 (18,51%)
Кольцевая выкладка	33 (22,6%)	23 (38,33%)	18 (20,93%)	2 (7,4%)
Крепида	22 (15,06%)	12 (20%)	14 (16,27%)	2 (7,4%)
Ограда	11 (7,53%)	11 (18,33%)	4 (4,65%)	-
Перегородка	38 (26,02%)	24 (40%)	21 (24,41%)	5 (18,51%)
Каменная перегородка	19 (13,01%)	18 (30%)	12 (13,95%)	3 (11,11%)
Деревянная перегородка	12 (8,21%)	3 (5%)	5 (5,81%)	1 (3,7%)
Каменно-деревянная перегородка	2 (1,36%)	2 (3,33%)	-	-
Грунтовая перегородка	4 (2,73%)	1 (1,66%)	3 (3,48%)	1 (3,7%)
Грунтово-деревянная перегородка	1 (0,68%)	-	1 (1,16%)	-
Простая могильная яма	109 (74,65%)	46 (76,66%)	57 (66,27%)	19 (70,37%)
Приступка	37 (25,34%)	14 (23,33%)	29 (33,72%)	8 (29,62%)
Приступка для лошади	33 (22,6%)	13 (21,66%)	18 (20,93%)	4 (14,81%)
Приступка для человека	3 (2,05%)	1 (1,66%)	11 (12,79%)	4 (14,81%)
«Заплечики»	1 (0,68%)	-	-	-
Подбой	1 (0,68%)	10 (16,66%)	14 (16,27%)	2 (7,4%)
Перекрытие	12 (8,21%)	12 (20%)	7 (8,13%)	-
Каменное перекрытие	8 (5,47%)	6 (10%)	2 (2,32%)	-
Деревянное перекрытие	3 (2,05%)	4 (6,66%)	6 (6,97%)	-
Каменно-деревянное перекрытие	1 (0,68%)	2 (3,33%)	1 (1,16%)	-
Погребальная камера	15 (10,27%)	17 (28,33%)	14 (16,27%)	2 (7,4%)
Каменный ящик	5 (3,42%)	6 (10%)	-	-
Колода	4 (2,73%)	4 (6,66%)	2 (2,32%)	-
Гроб	1 (0,68%)	1 (1,66%)	5 (5,81%)	2 (7,4%)
Каменная обкладка	1 (0,68%)	2 (3,33%)	-	-
Сруб+каменная обкладка	1 (0,68%)	-	-	-
Каменный ящик+обкладка	-	2 (3,33%)	-	-
Каменная «подушка»	3 (2,05%)	2 (3,33%)	7 (8,13%)	2 (7,4%)

Таблица 2. Специфика погребальных конструкций мужских, женских и детских захоронений раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Элемент конструкции	**Мужские погребения** 133 (100%) погребения	**Женские погребения** 40 (100%) погребений	**Детские погребения** 31 (100%) погребение
Округлая насыпь	112 (84,21%)	31 (77,5%)	26 (83,87%)
Подквадратная насыпь	6 (4,51%)	4 (10%)	2 (6,45%)
Впускное погребение	14 (10,52%)	5 (12,5%)	1 (3,22%)
Скальное погребение	1 (0,75%)	-	2 (6,45%)
Кольцевая выкладка	29 (21,8%)	13 (32,5%)	10 (32,25%)
Крепида	21 (15,78%)	7 (17,5%)	8 (25,8%)
Ограда	8 (6,01%)	6 (15%)	2 (6,45%)
Перегородка	46 (34,58%)	18 (45%)	9 (29%)
Приступка	42 (31,57%)	19 (47,5%)	4 (12,9%)
Подбой	10 (7,51%)	5 (12,5%)	3 (9,67%)
Перекрытие	18 (13,53%)	6 (15%)	4 (12,9%)
Погребальная камера	17 (12,78%)	8 (20%)	4 (12,9%)

Таблица 3. Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Количество и вид животных	**Мужские погребения** 133 (100%) погребения	**Женские погребения** 40 (100%) погребений	**Детские погребения** 31 (100%) погребение
Одна лошадь	95 (71,42%)	32 (80%)	3 (9,67%)
Две лошади	19 (14,28%)	1 (2,5%)	-
Три лошади	4 (3%)	-	-
Четыре лошади	1 (0,75%)	-	-
Лошадь отсутствует	13 (9,77%)	7 (17,5%)	16 (51,64%)
Овца	1 (0,75%)	-	12 (38,7%)

Таблица 4. Предметный комплекс
из мужских, женских и детских погребений
раннесредневековых тюрок Центральной Азии

Категория предметов	**Элемент предметного комплекса**	**Мужские погребения** 133 (100%) погребения	**Женские погребения** 40 (100%) погребений	**Детские погребения** 31 (100%) погребение
Вооружение	Лук	84 (63,15%)	-	-
	Наконечники стрел	105 (78,94%)	-	3 (9,67%)
	Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	-
	Топор	4 (3%)	-	-
	Копье	5 (3,75%)	-	-
	Защитное вооружение	6 (4,5%)	-	-
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12%)	2 (5%)	3 (9,67%)
	Серьги	23 (17,29%)	20 (50%)	2 (6,45%)
	Другие украшения	5 (3,75%)	9 (22,5%)	3 (9,67%)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56%)	8 (20%)	-
	Монеты	8 (6,01%)	1 (2,5%)	-
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3%)	7 (17,5%)	-
	Металлический сосуд	6 (4,5%)	1 (2,5%)	-
	Керамический сосуд	16 (12,3%)	6 (15%)	11 (35,48%)
	Котел	4 (3%)	-	-
	Игольник	-	5 (12,5%)	-
Орудия труда	Нож	77 (57,89%)	21 (52,5%)	7 (22,58%)
	Пряслица	-	7 (17,5%)	1 (3,22%)
	Тесло	41 (30,82%)	-	1 (3,22%)
	Оселок	7 (5,26%)	1 (2,5%)	-
	Кочедык	8 (6,01%)	-	-
	Плеть/стек	13 (9,77%)	4 (10%)	-
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18%)	25 (62,5%)	3 (9,67%)
	Стремена	93 (69,92%)	22 (55%)	3 (9,67%)
	Украшения узды	17 (12,78%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)

Рис. 1. Карта-схема распространения
погребальных комплексов тюрок на Алтае.

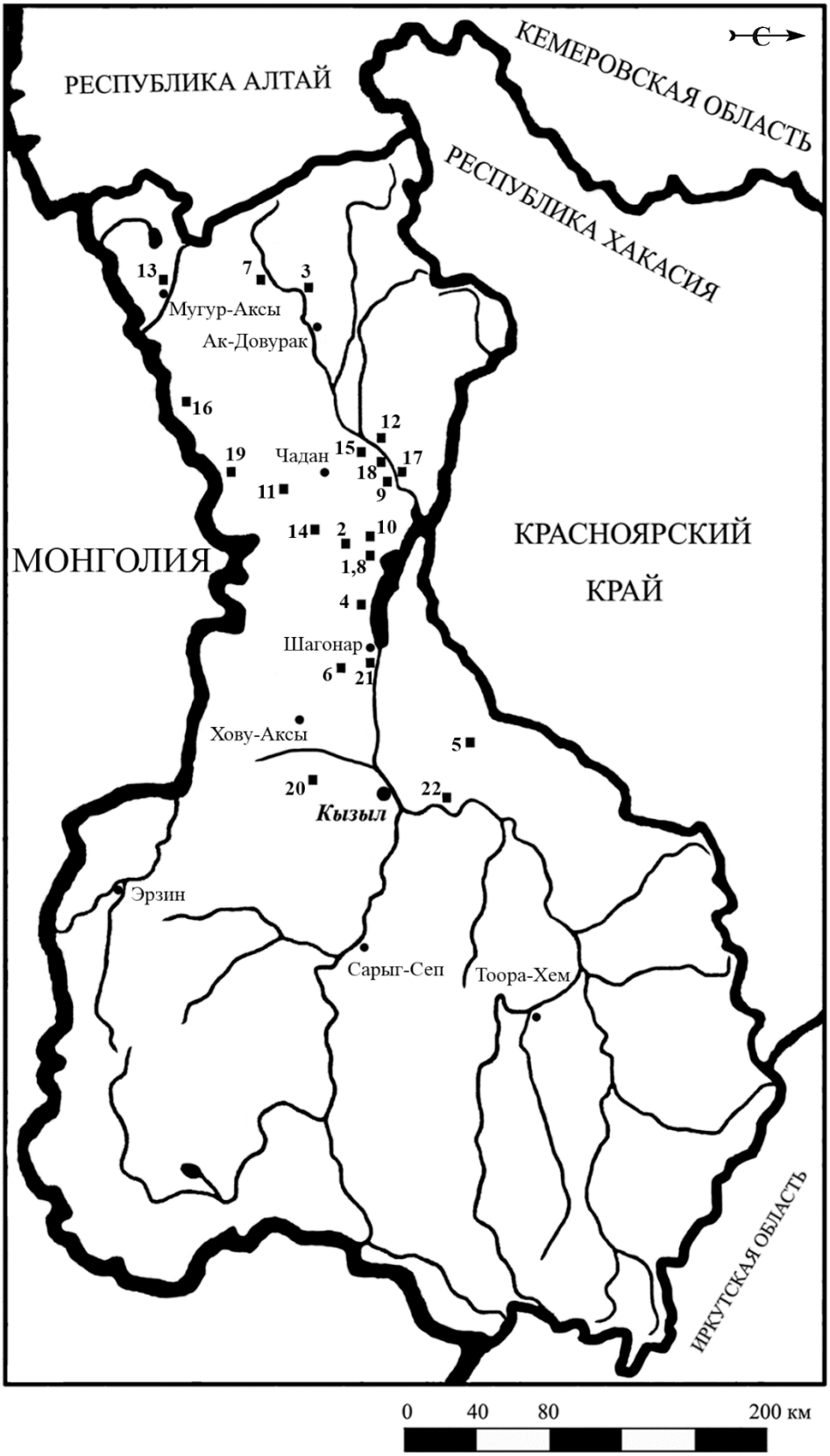

Рис. 2. Карта-схема распространения погребальных комплексов тюрок в Туве.

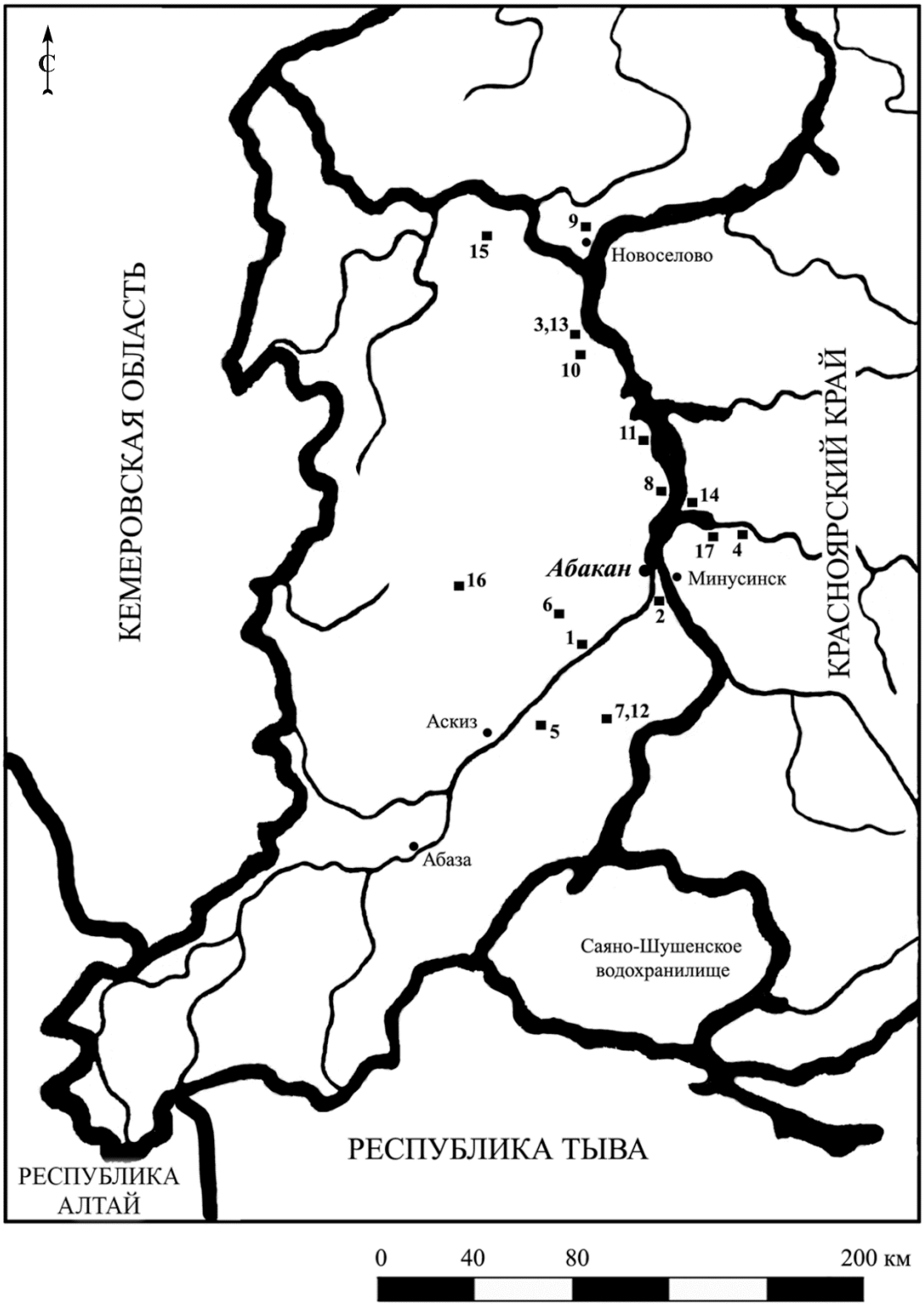

Рис. 3. Карта-схема распространения
погребальных комплексов тюрок в Минусинской котловине.

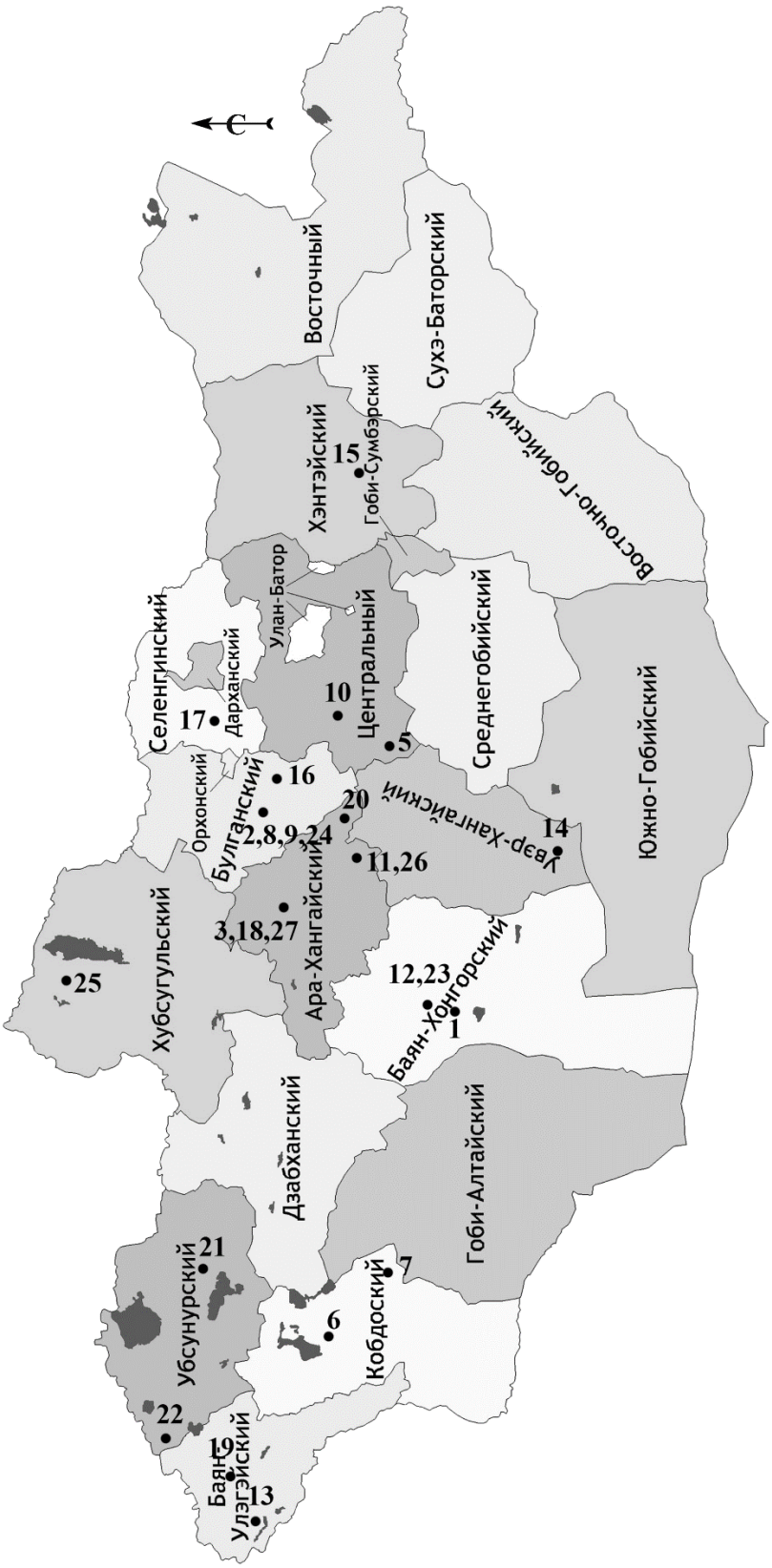

Рис. 4. Карта-схема распространения
погребальных комплексов тюрок в Монголии.

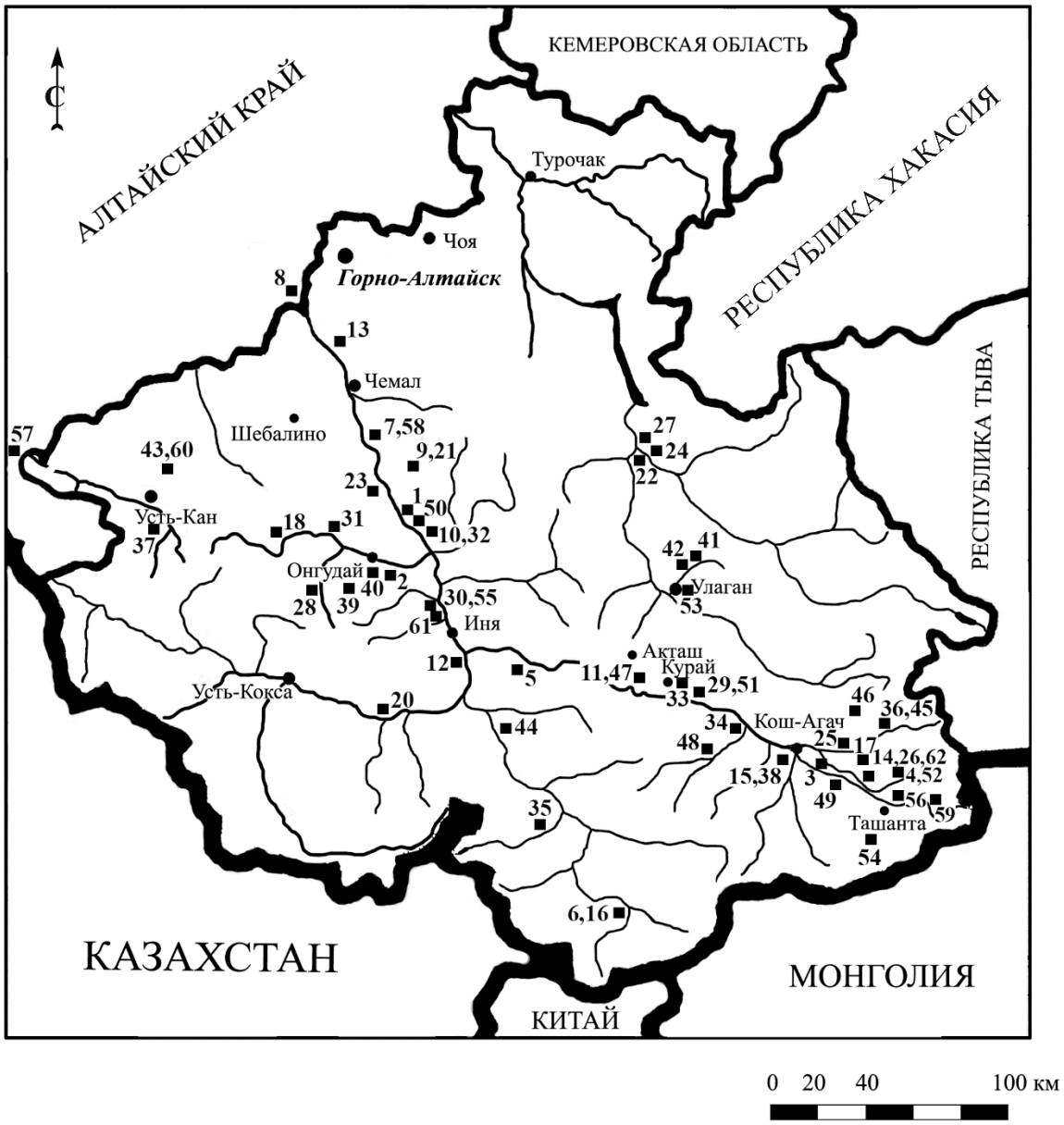

Рис. 5. Карта-схема распространения
«поминальных» комплексов тюрок на Алтае
(по: Серегин Н.Н., Шелепова Е.В., 2015, с. 139)

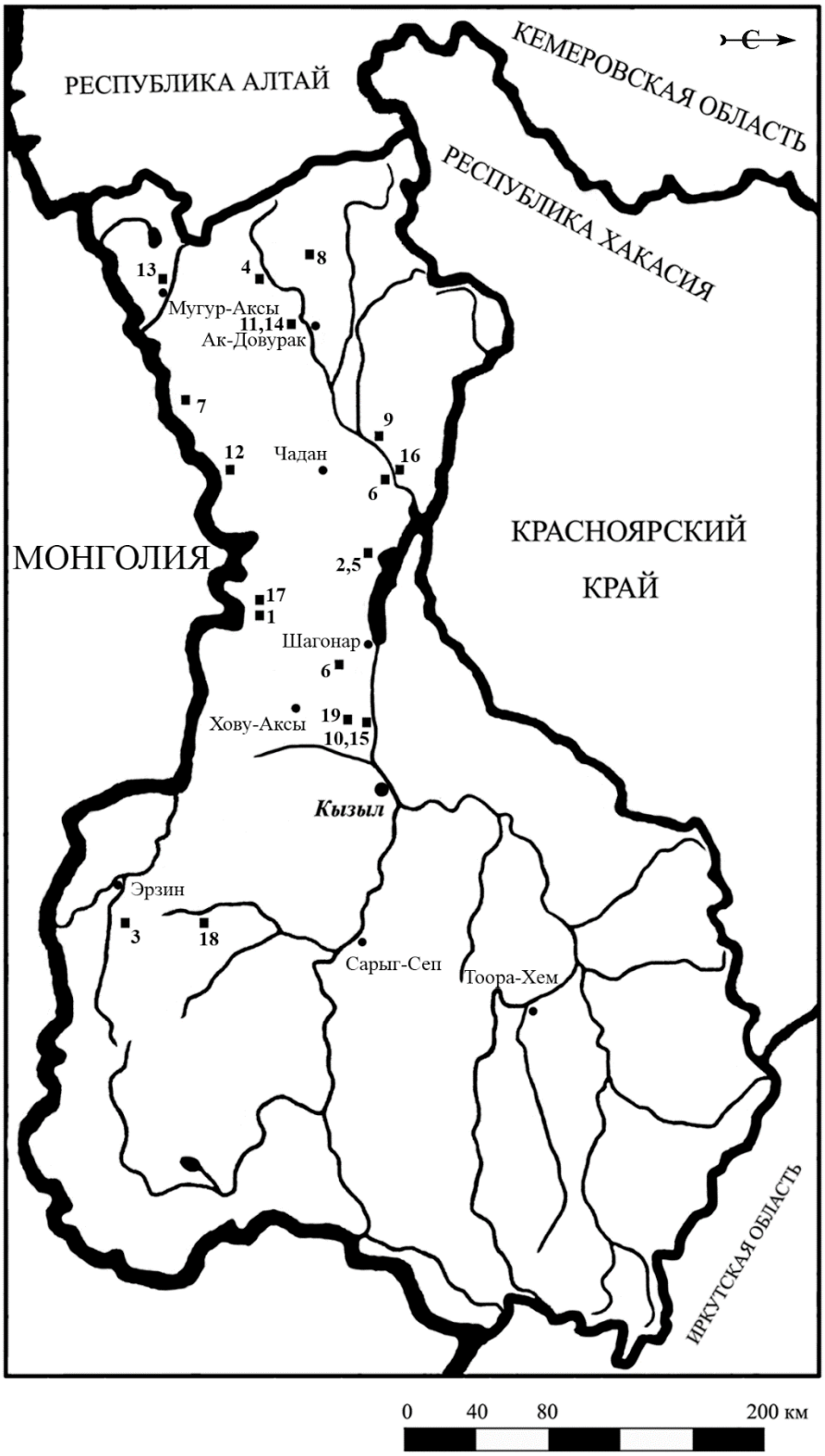

Рис. 6. Карта-схема распространения «поминальных» комплексов тюрок в Туве.

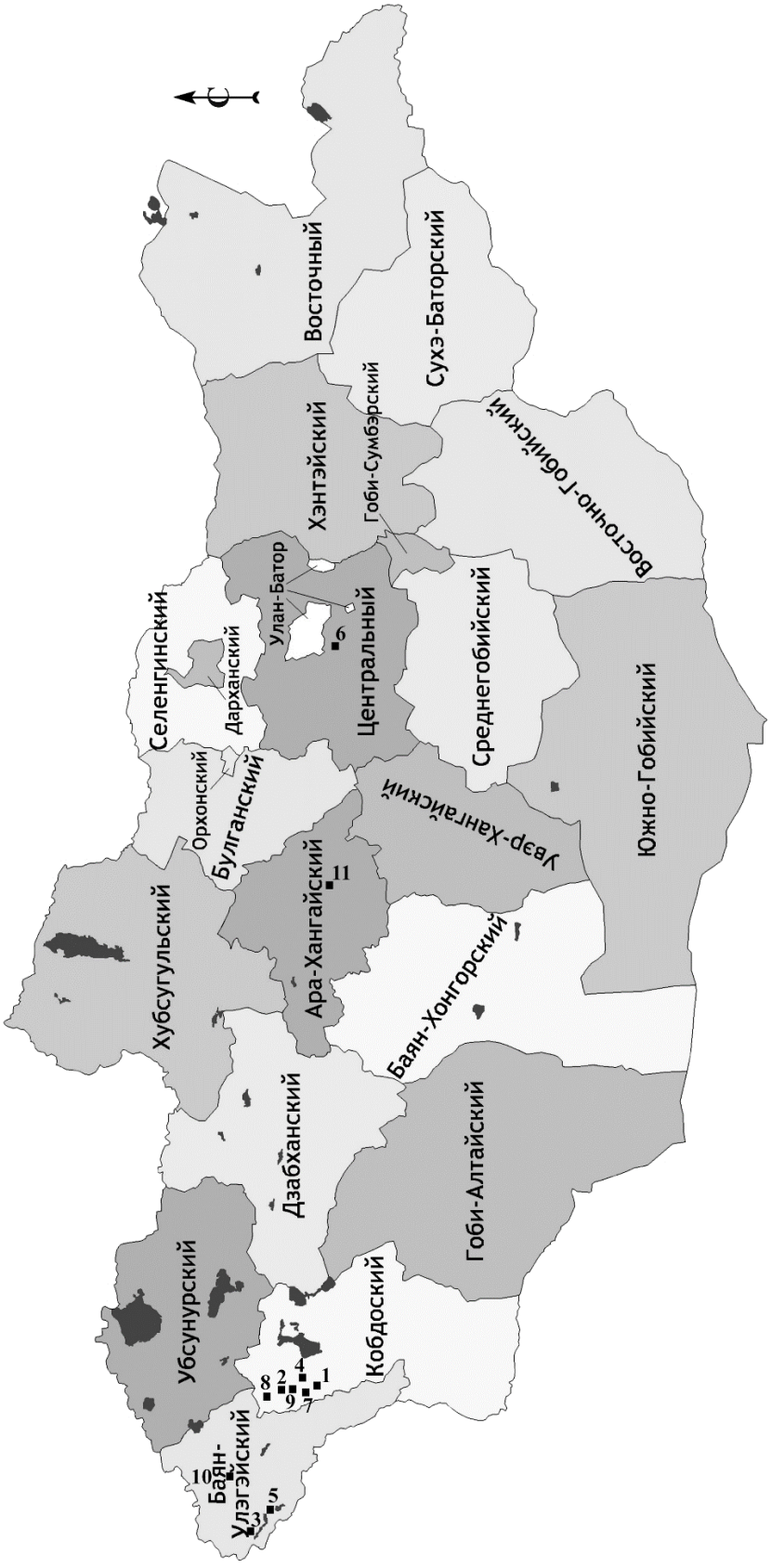

Рис. 7. Карта-схема распространения
«поминальных» комплексов тюрок в Монголии.

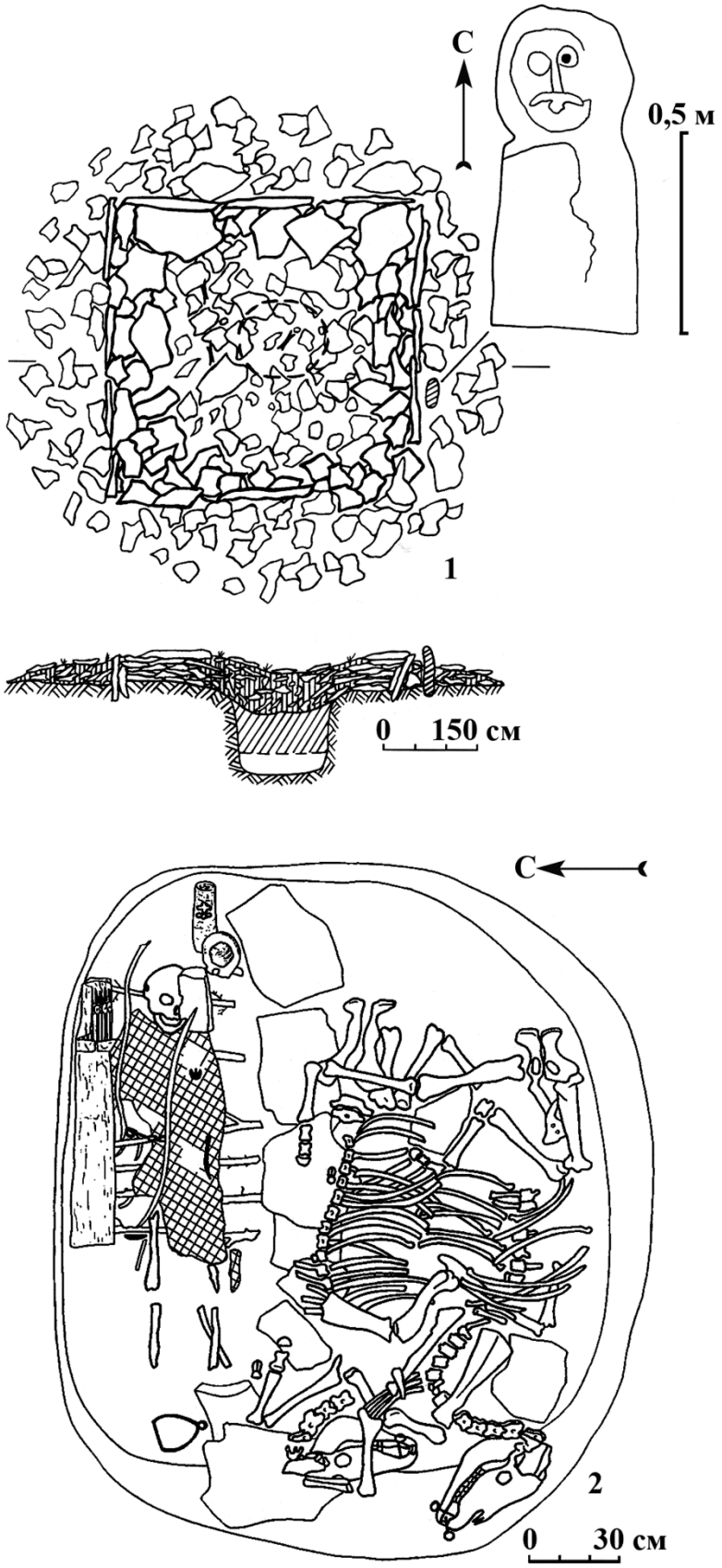

Рис. 8. Ак-Кобы, курган с изваянием. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 87–88)

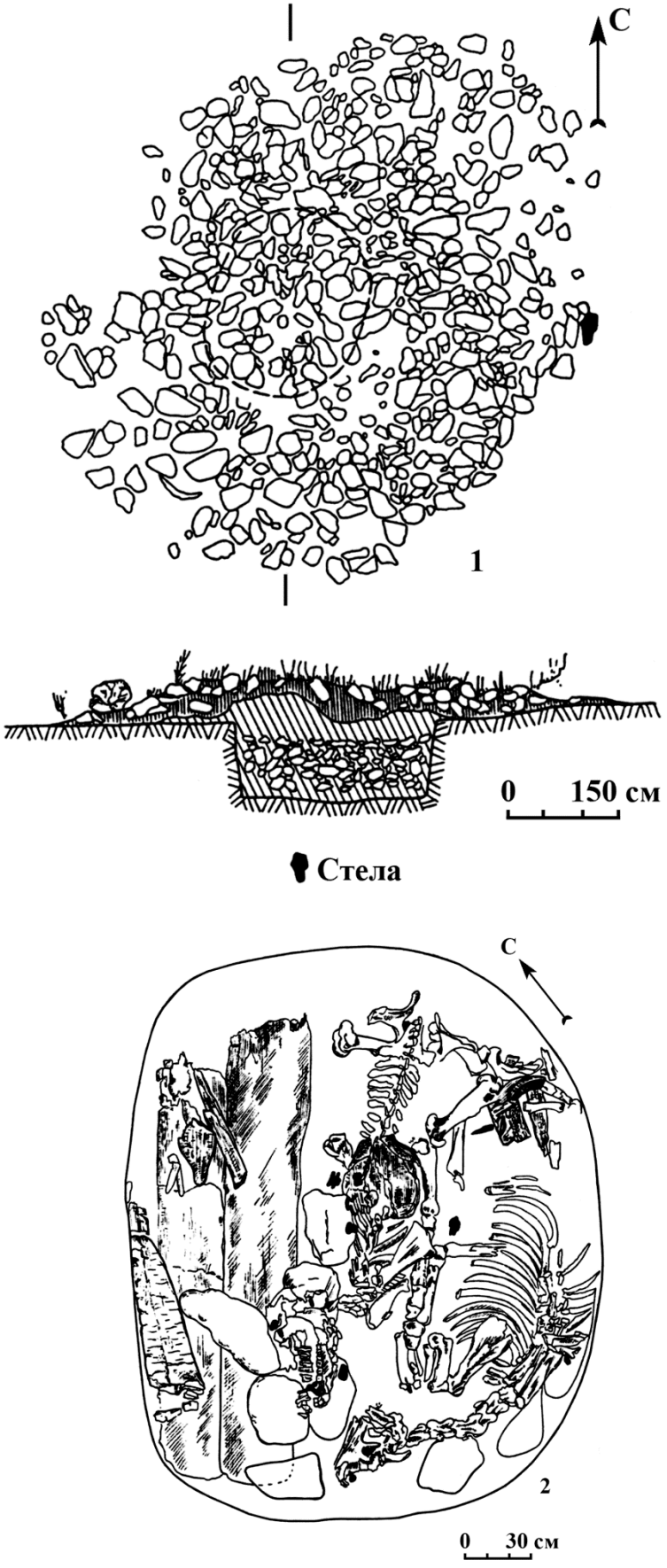

Рис. 9. Кокэль, курган №23. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Вайнштейн С.И., 1966, рис. 19, 21)

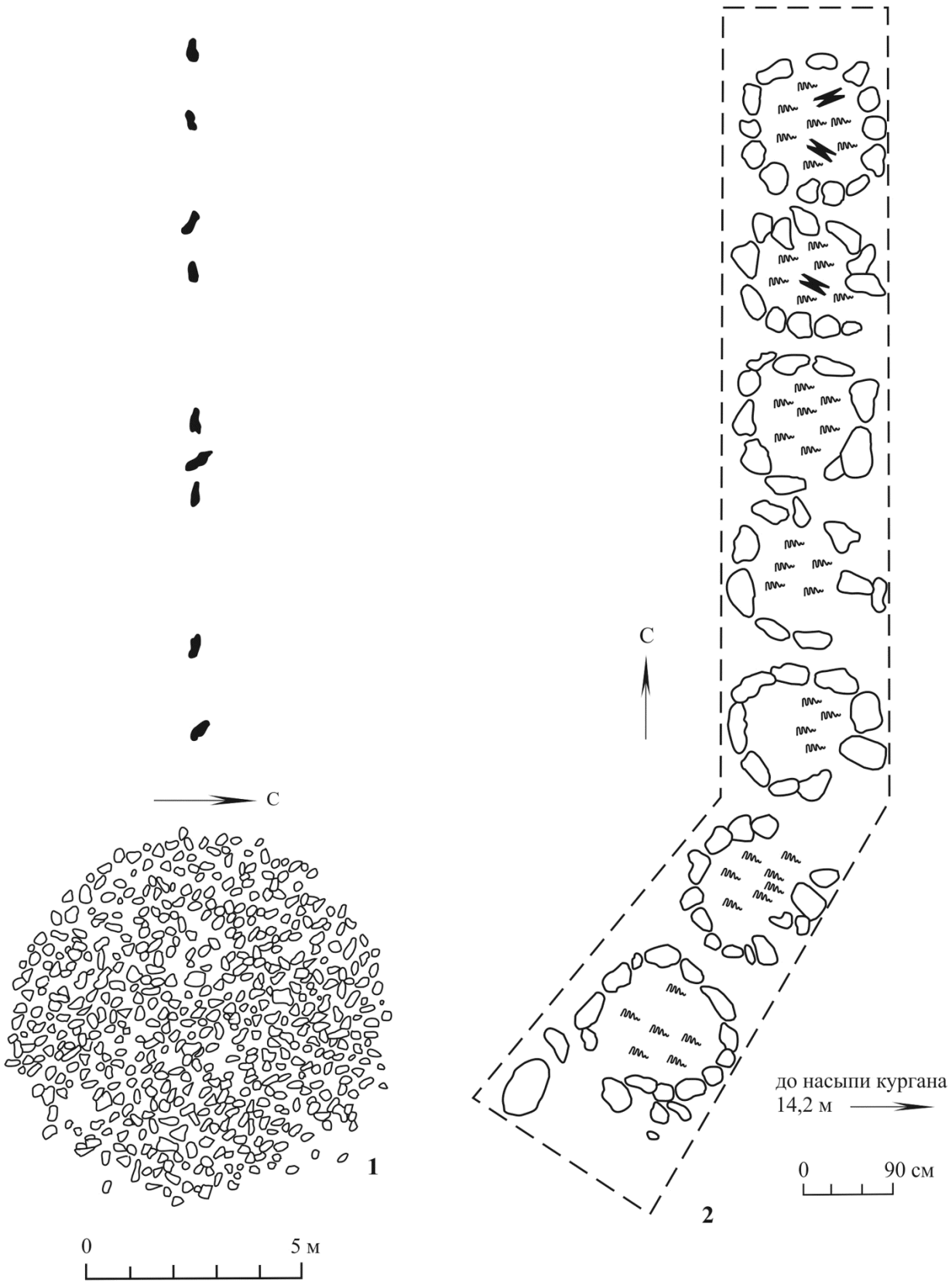

Рис. 10. Балык-Соок-I, курган №23 с рядом балбалов *(1)*; ряд каменных «колец» у насыпи кургана №28 комплекса Юстыд-XII *(2)*
(по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 25, 144)

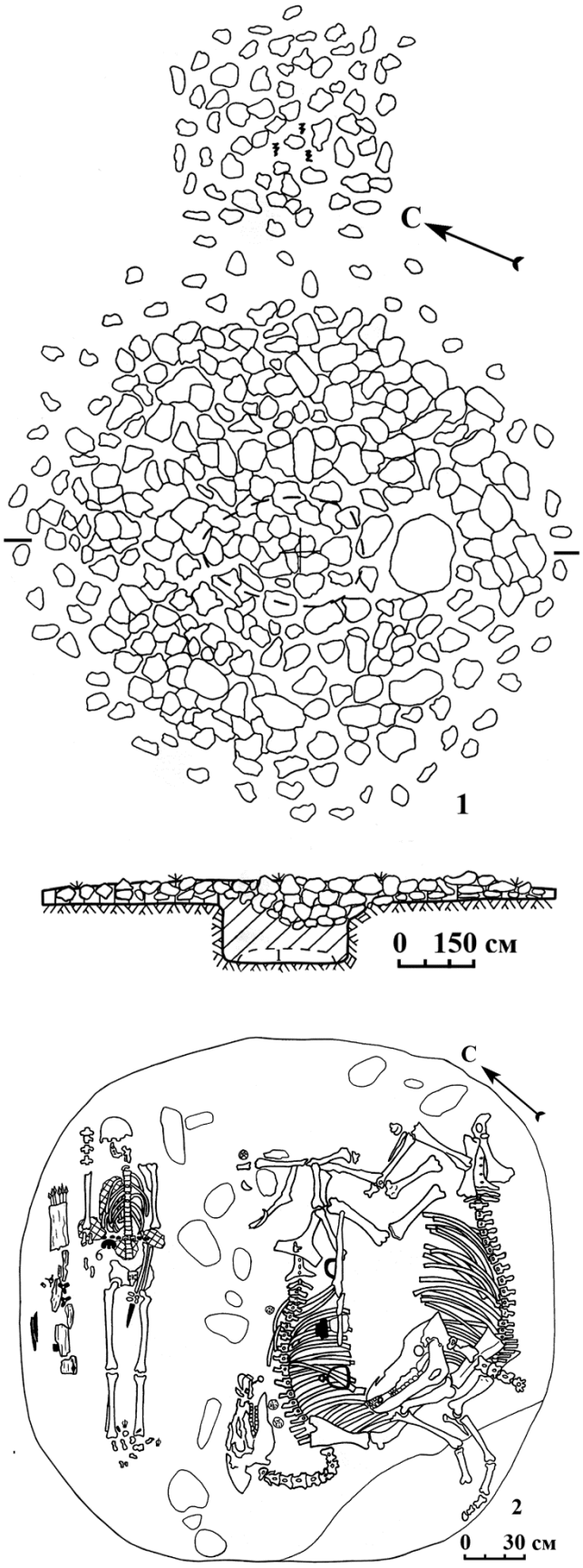

Рис. 11. Барбургазы-II, курган №9. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 78–79)

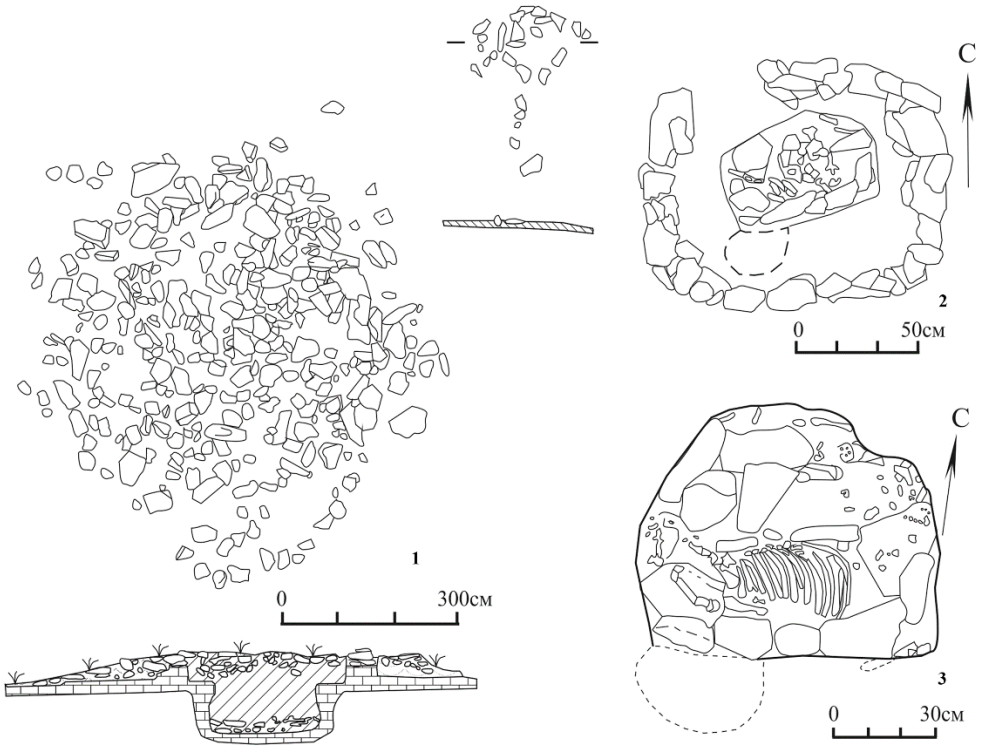

Рис. 12. Улуг-Бюк-II, курган №1. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план наземной конструкции и погребения; *3* – план погребения (по: Длужневская Г.В., 2000, рис. I)

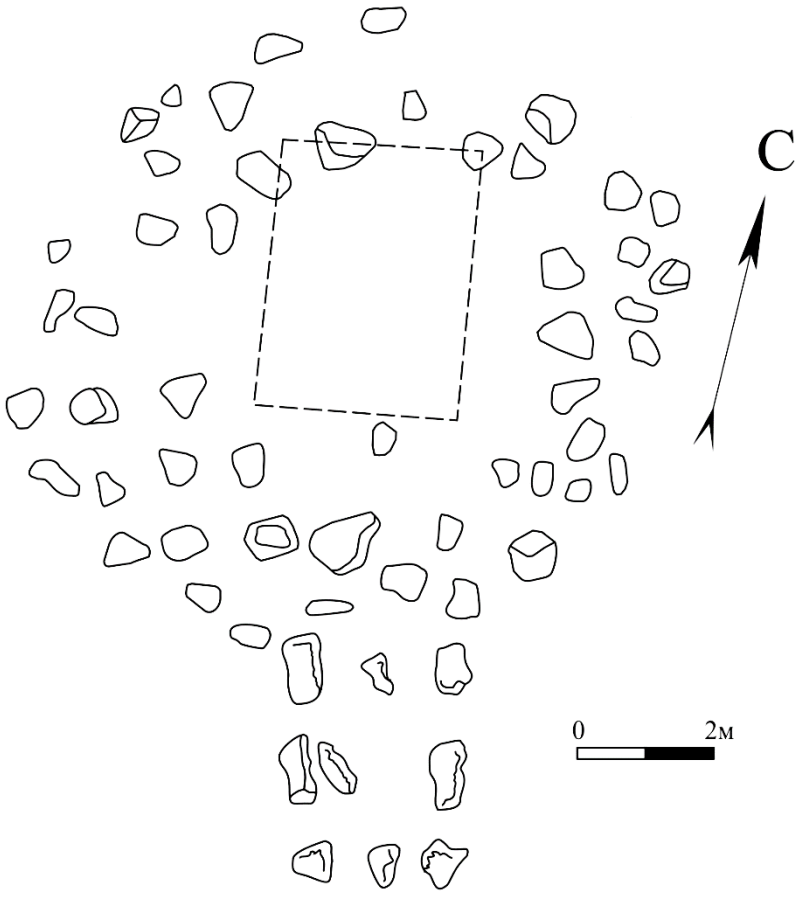

Рис. 13. Увгунт. План насыпи (по: Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г., 1990, с. 7

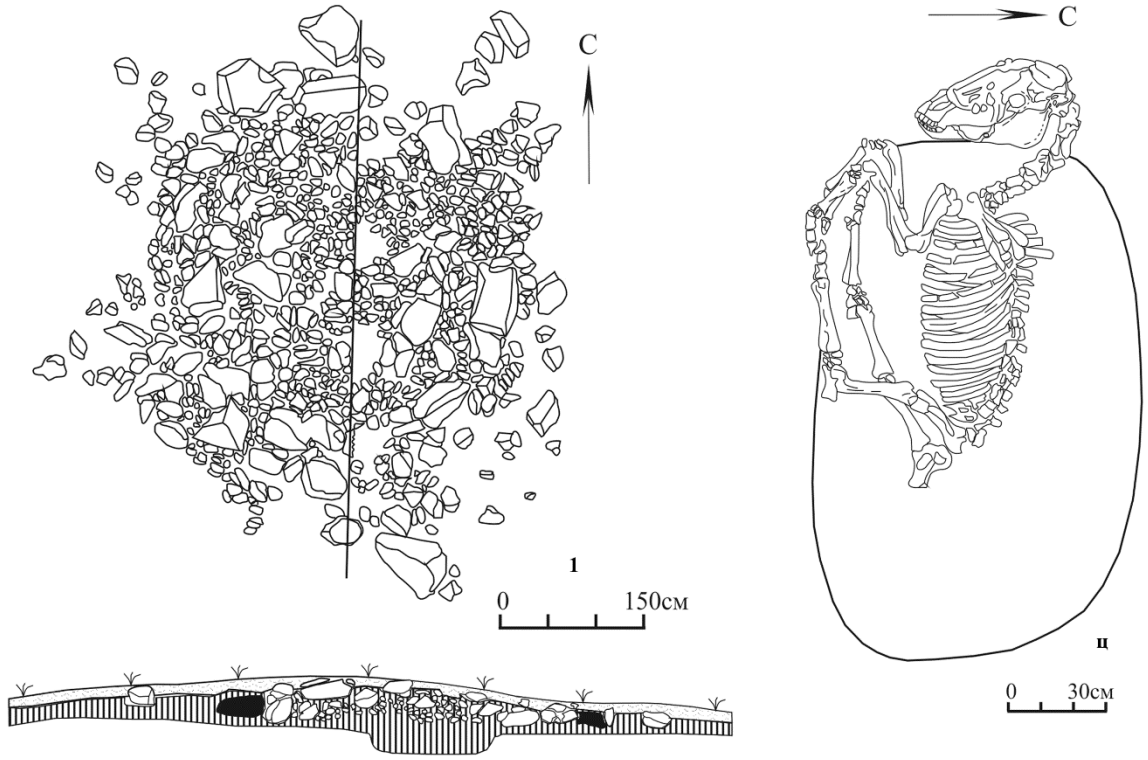

Рис. 14. Чобурак-I, курган №2. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план кенотафа (по: Бородовский А.П., 1994, рис. 3.-2, 5; 5.-1)

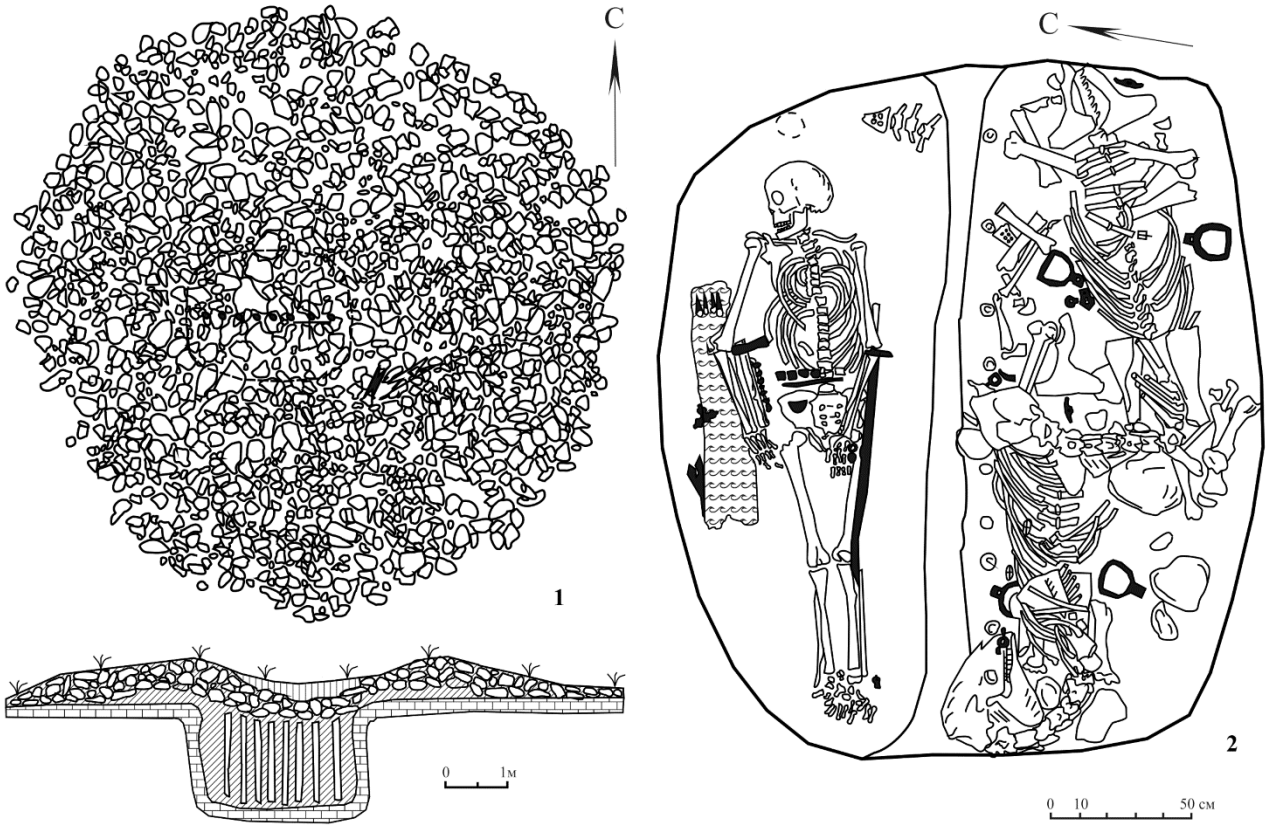

Рис. 15. Джолин-I, курган №9. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 58–59)

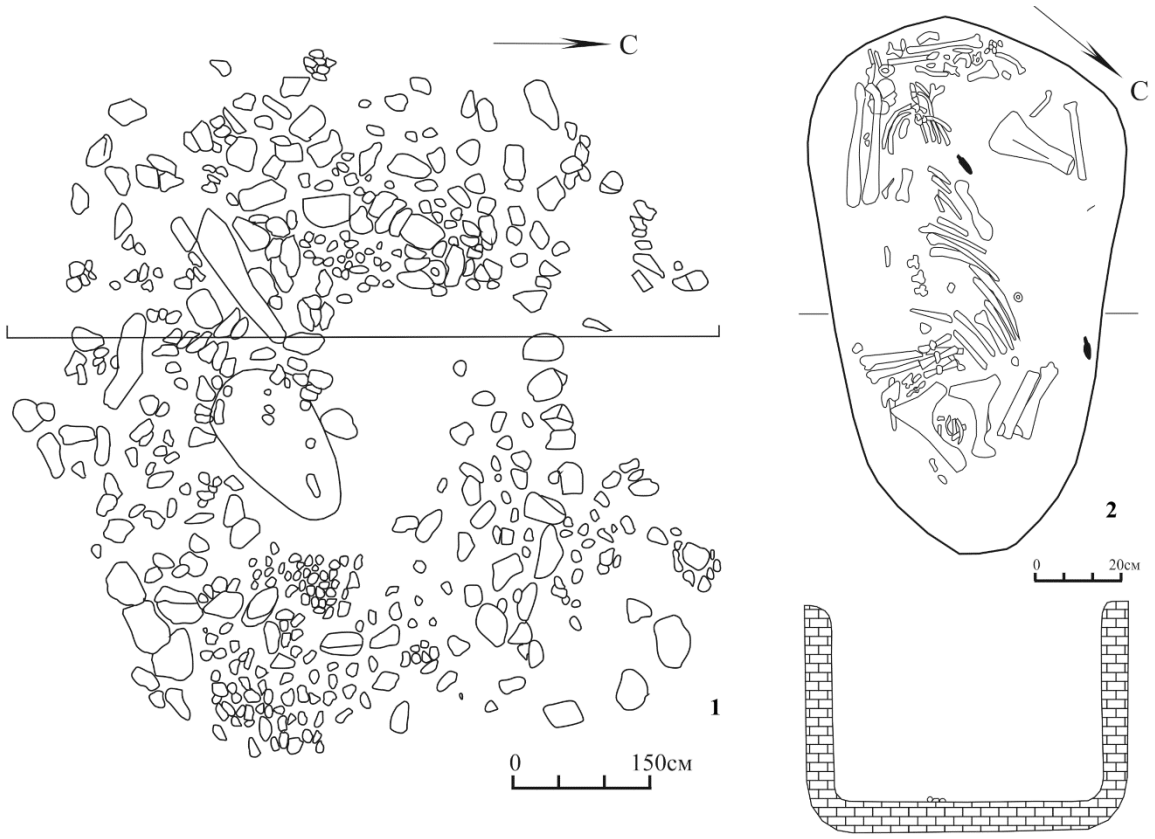

Рис. 16. Верх-Еланда-I, курган №4.
1 – план насыпи; *2* – план погребения и разреза могильной ямы
(по: Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 8–9)

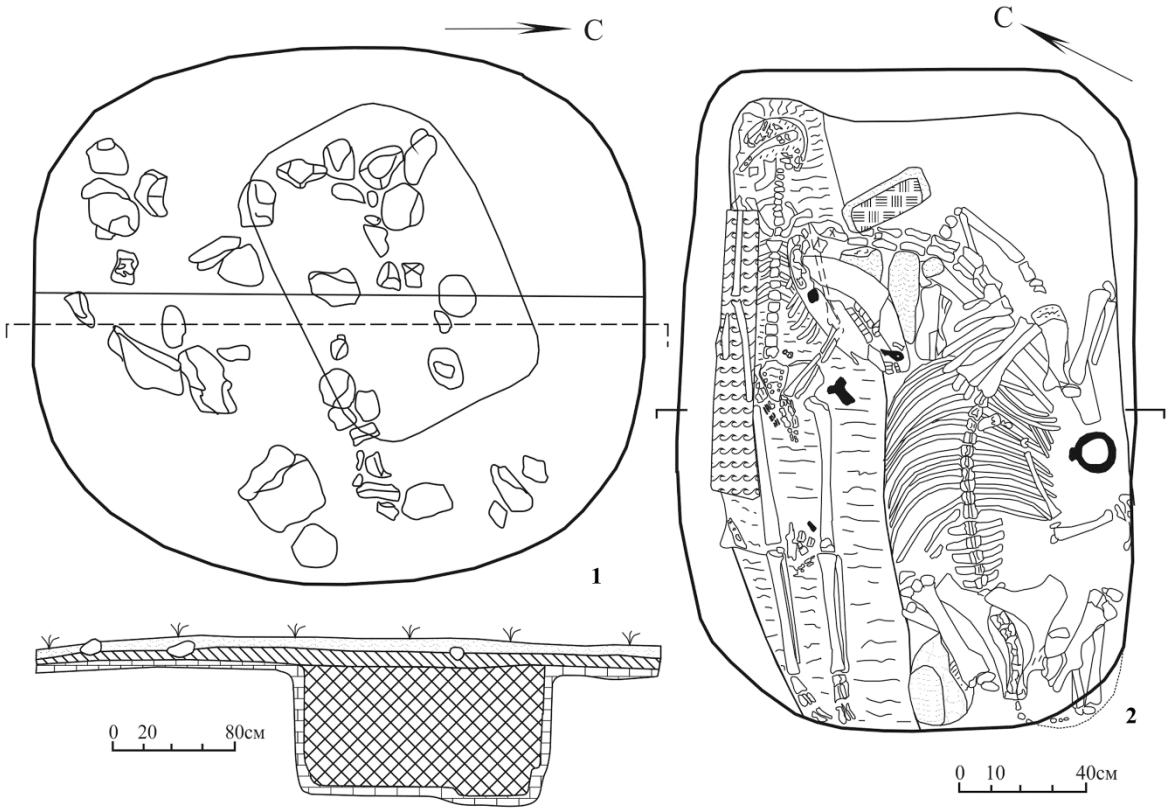

Рис. 17. Усть-Бийке-III, курган №5. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план погребения (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 22–23)

Рис. 18. Калбак-Таш, план впускного погребения
(по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 118)

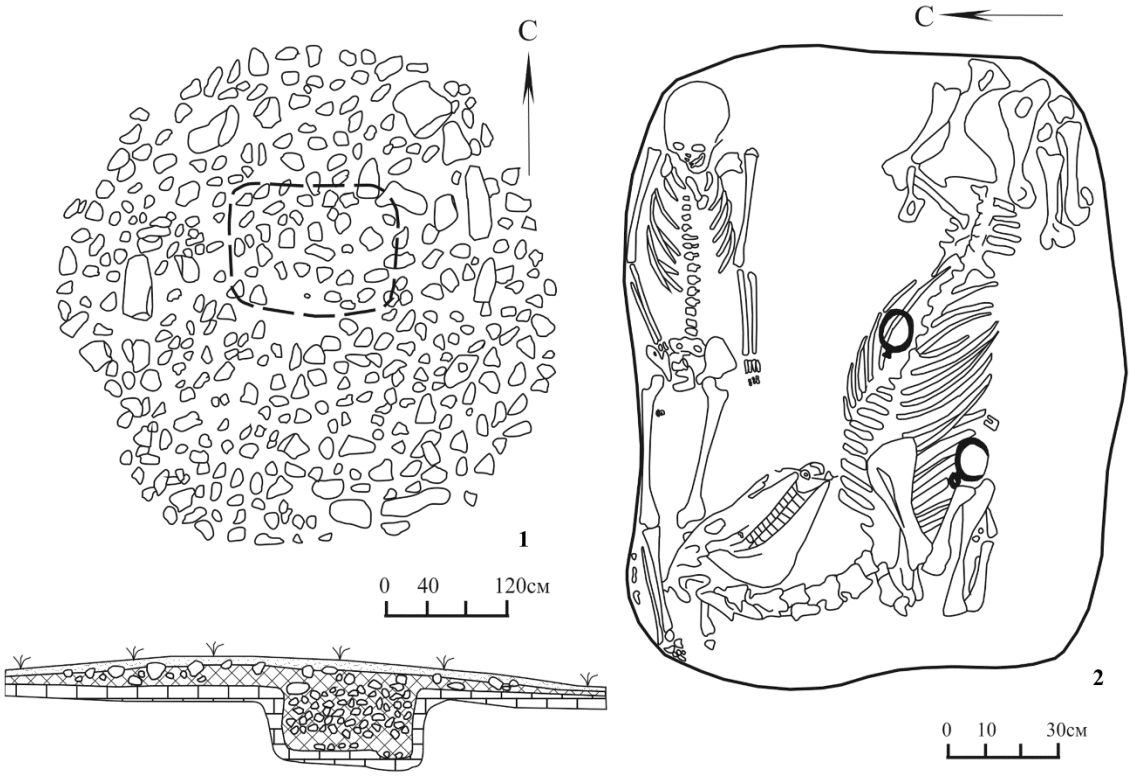

Рис. 19. Кырлык-II, курган №3. *1* – план и разрез насыпи; *2* –
план погребения (по: Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 10–11)

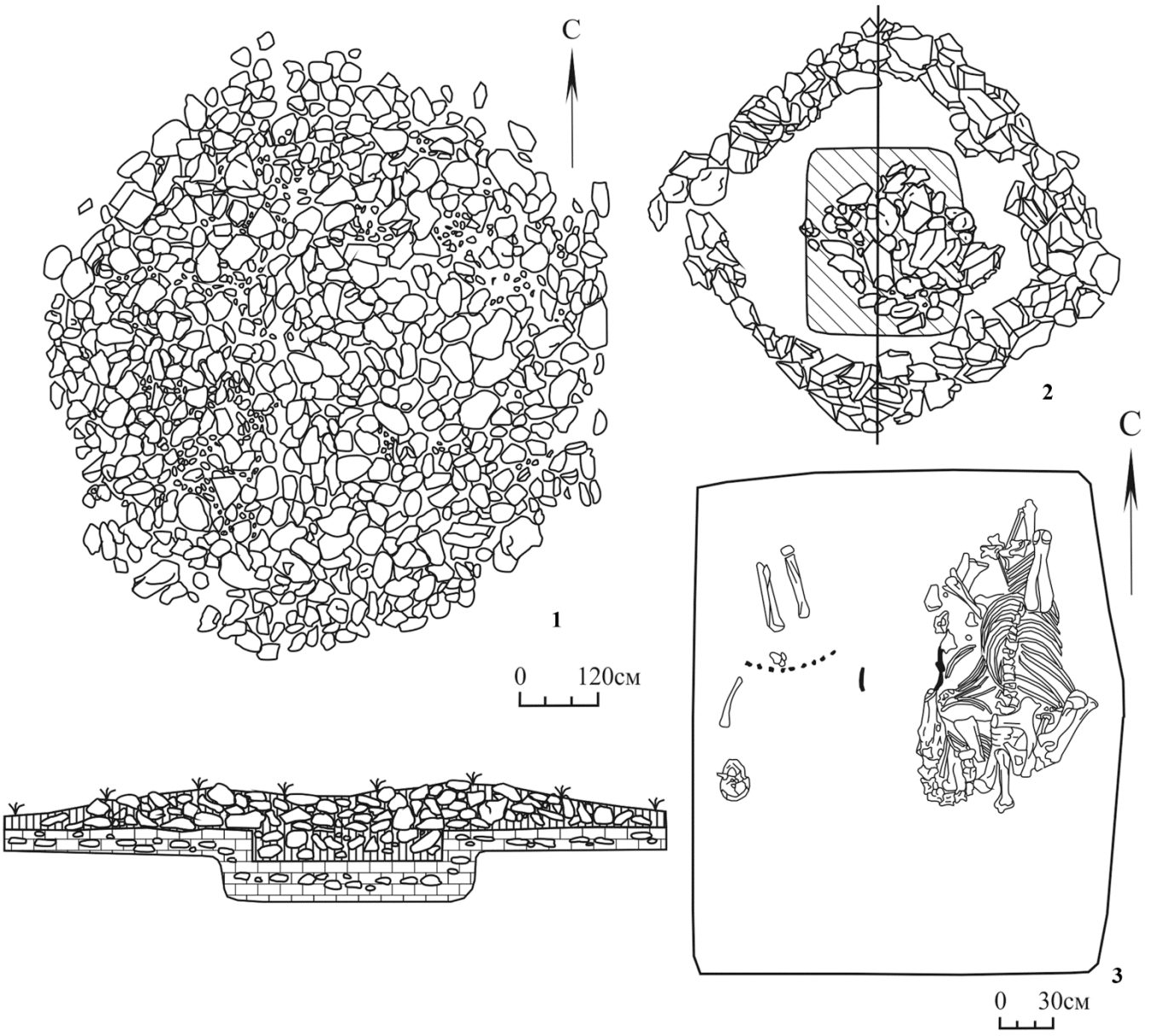

Рис. 20. Усть-Чоба-I, курган №1. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план наземной конструкции; 3 – план погребения
(по: Соловьев А.И., 1999, рис. 2.-1; 3; 4.-2)

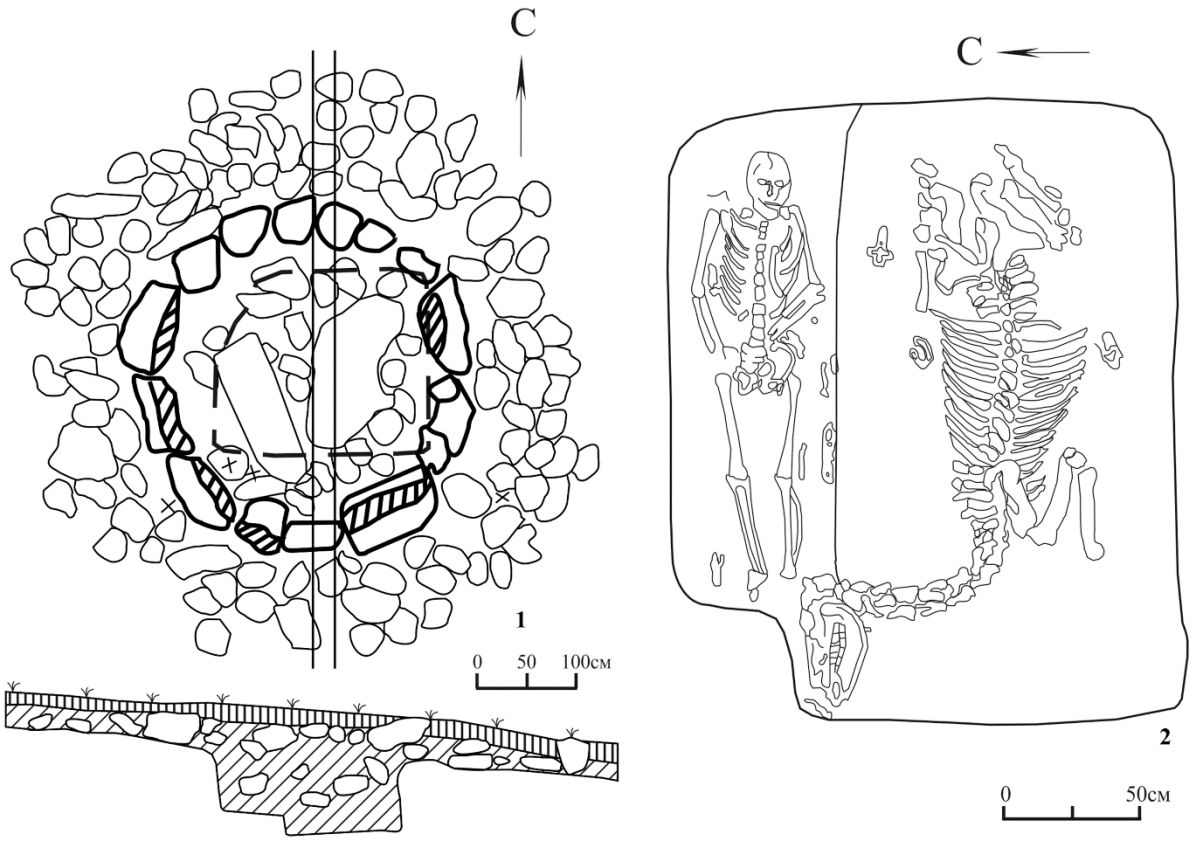

Рис. 21. Кара-Коба-II, курган №13. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Могильников В.А., 1983, рис. 16, 18)

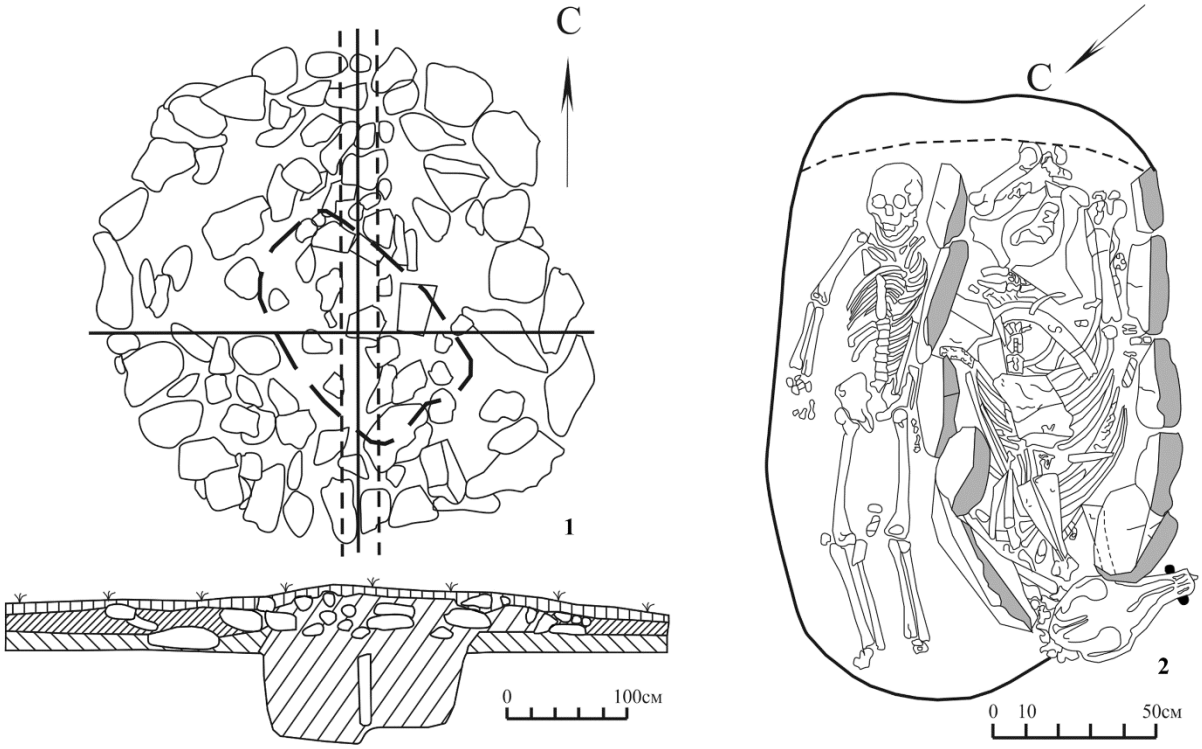

Рис. 22. Кара-Коба-I, курган №8. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения (по: Могильников В.А., 1990, рис. 2–4)

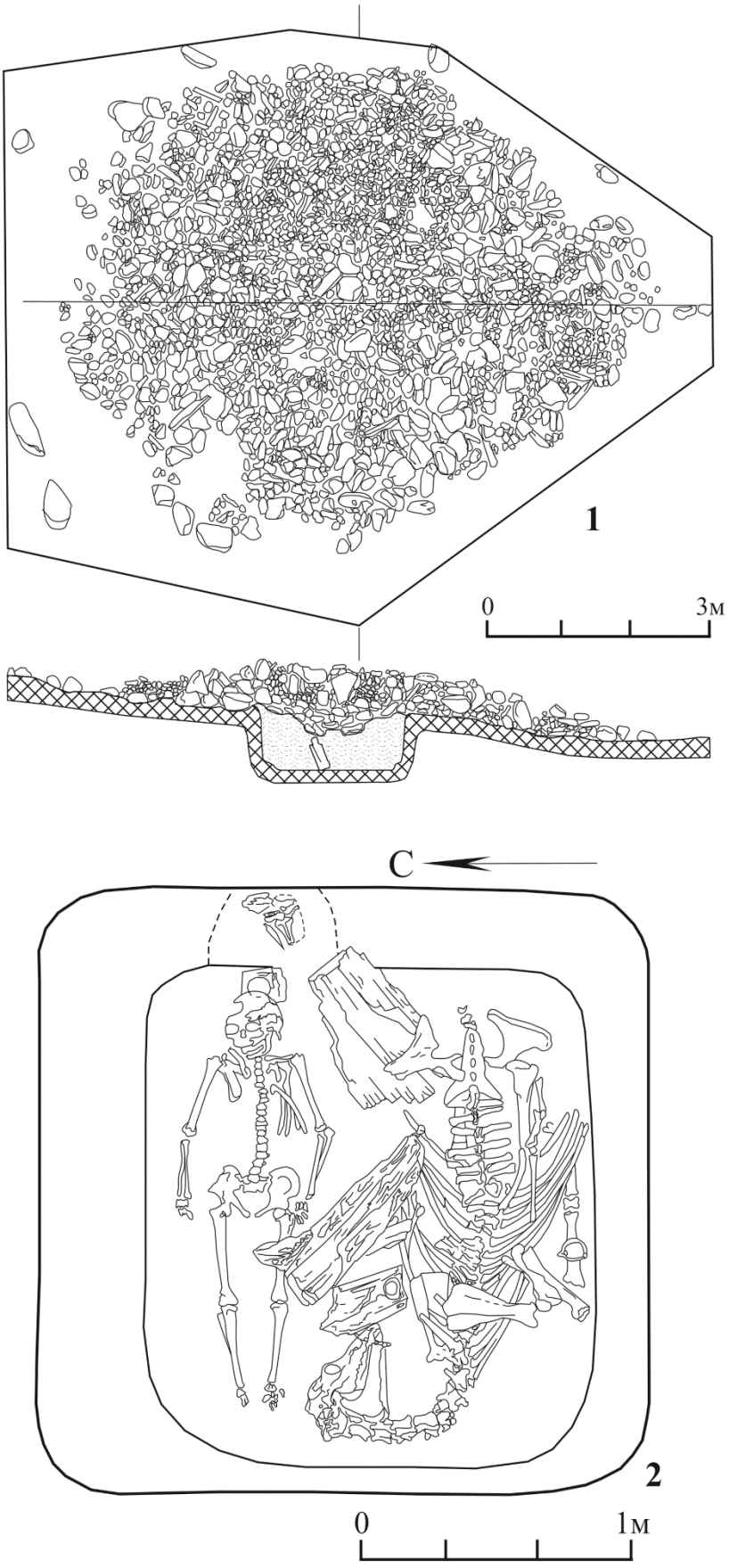

Рис. 23. Бертек-34, курган №1. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план погребения (по: Савинов Д.Г., 1994, рис. 96–97, 102)

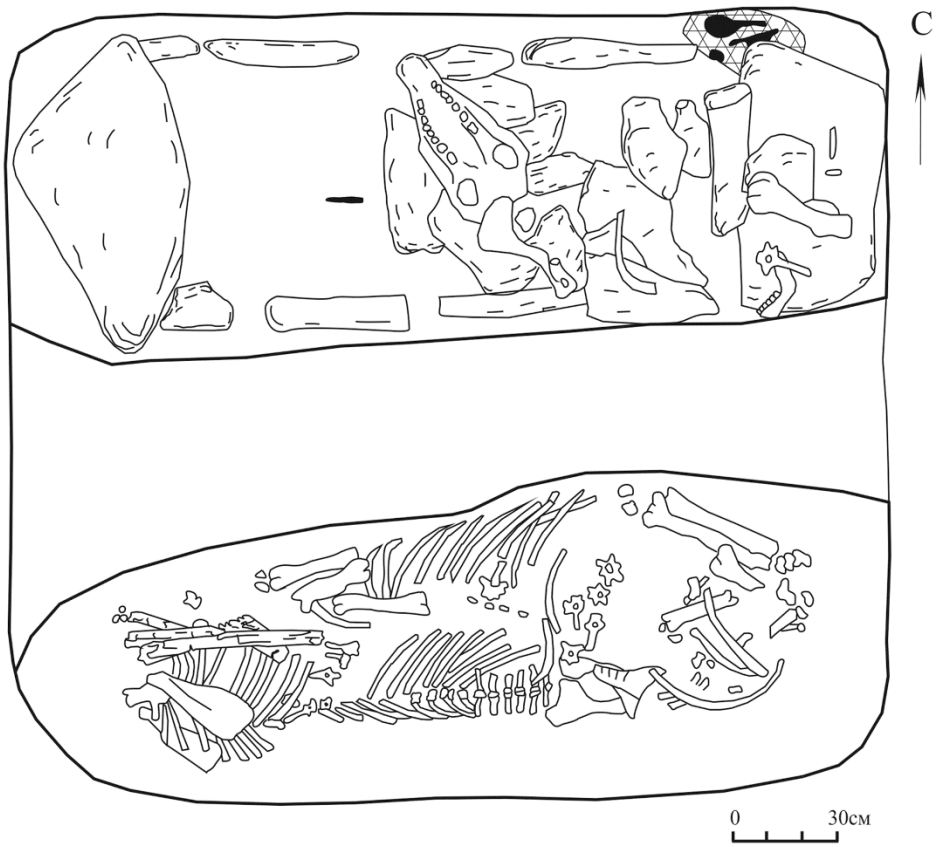

Рис. 24. Боротал-I, курган №51. План кенотафа
(по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 109)

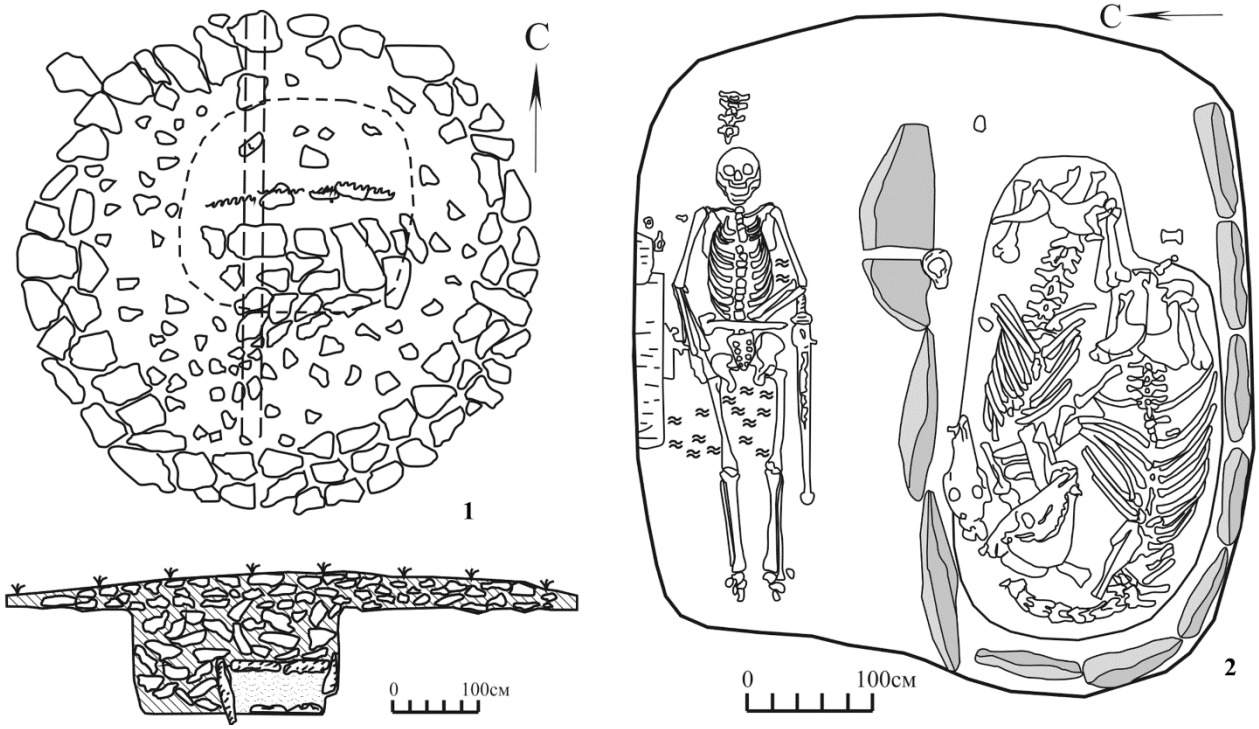

Рис. 25. Кара-Коба-I, курган №85. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план погребения (по: Могильников В.А., 1997, рис. 1–2)

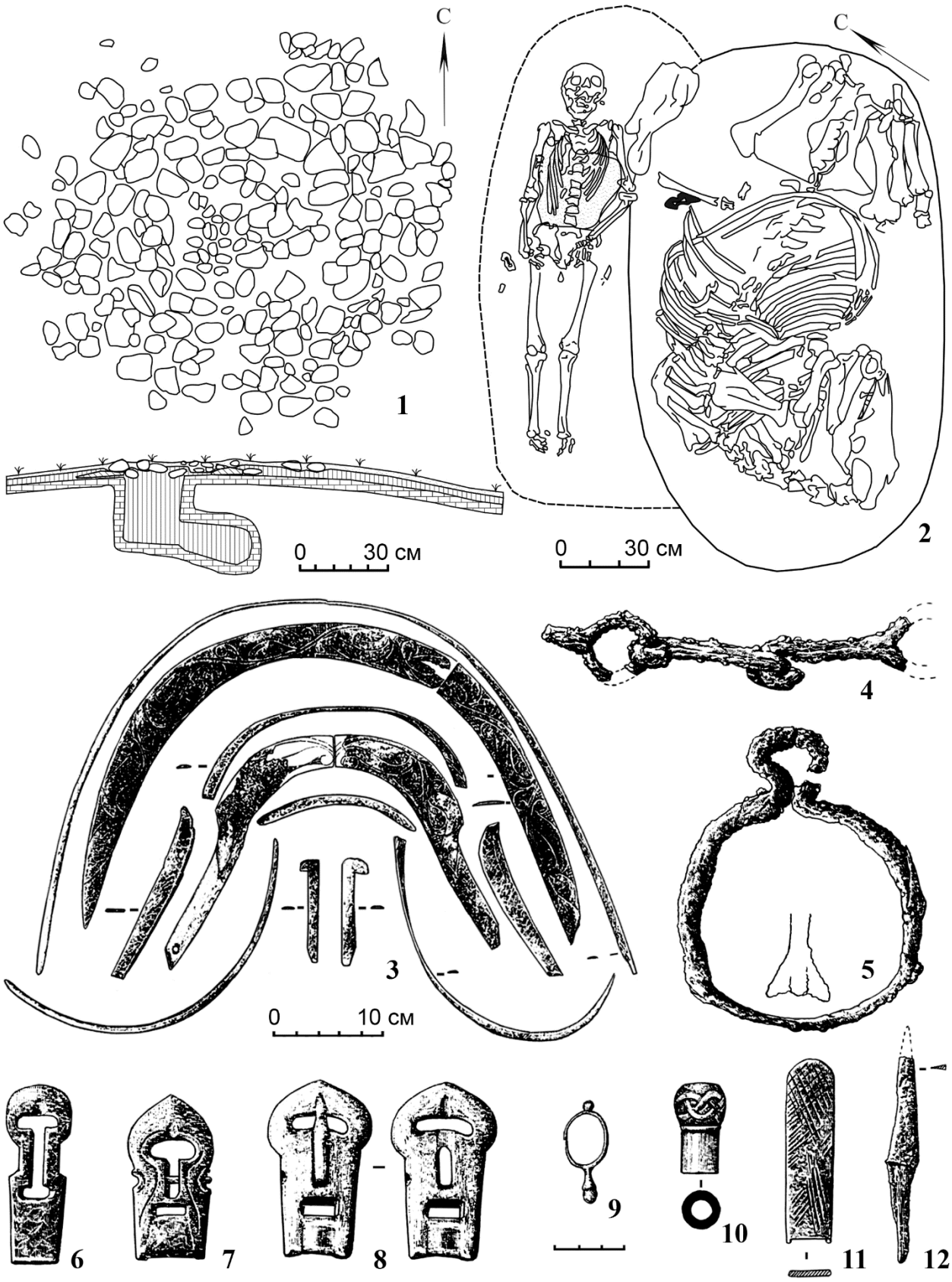

Рис. 26. Кальджин-8, курган №1. *1–2* – план насыпи и погребения; *3–12* – предметный комплекс (по: Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И., 2003, рис. 5–6, 8, 10–11)

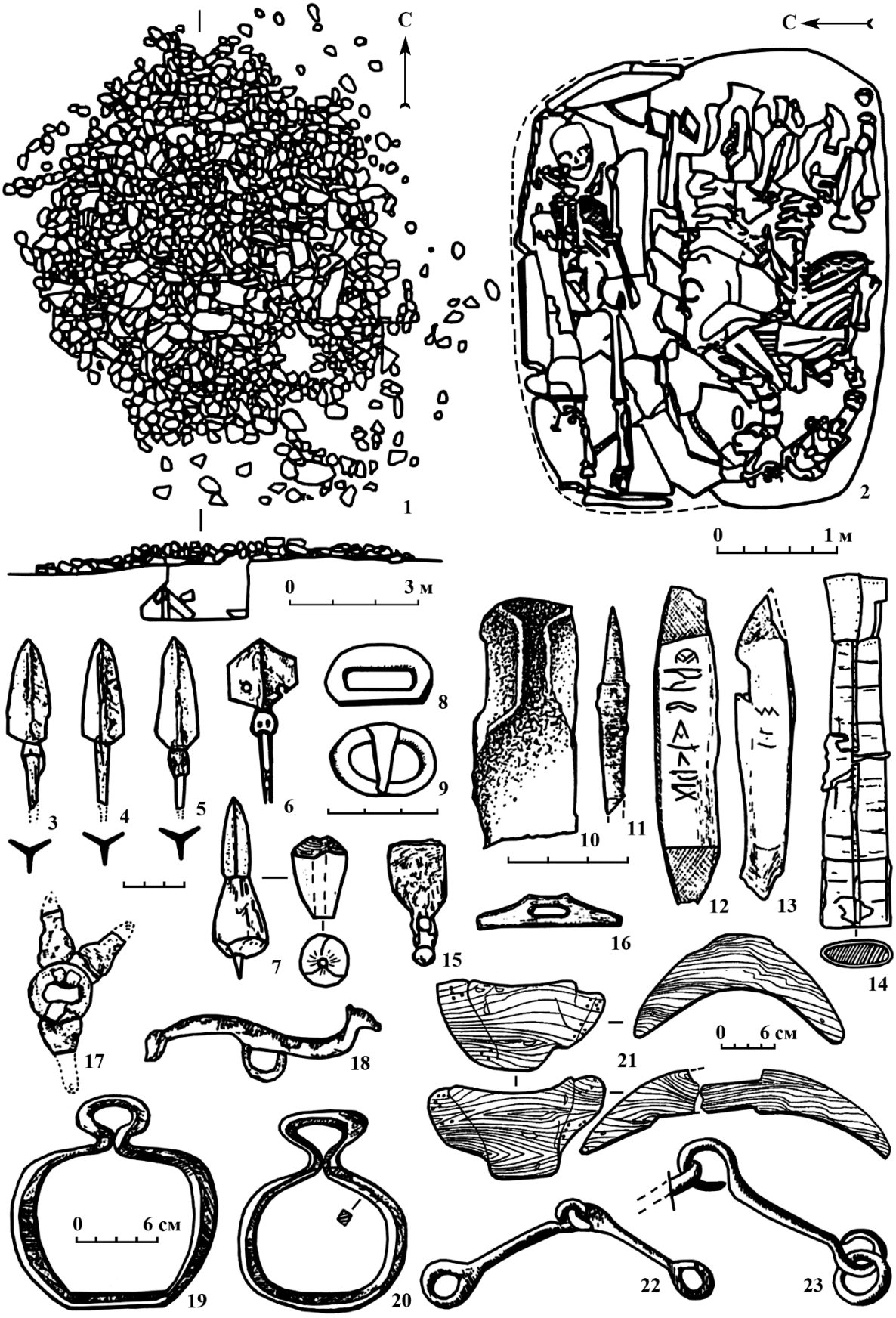

Рис. 27. Аймырлыг-VIII, курган №52.
1–2 – план насыпи и погребения; *3–23* – предметный комплекс (по: Овчинникова Б.Б., 2004, рис. 9.-1, 2, 5; 10).

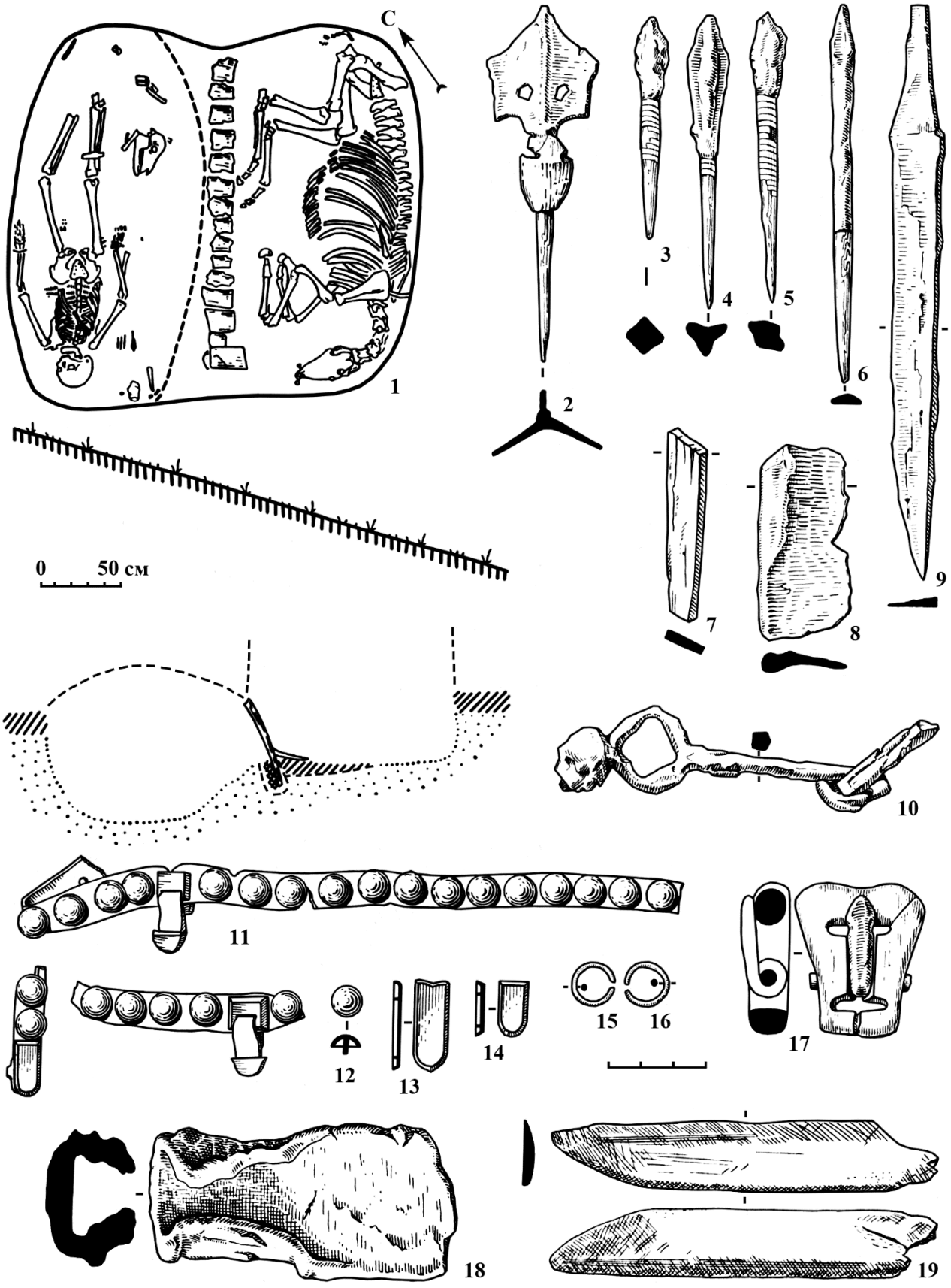

Рис. 28. Сабинка-I, курган №2, могила 2.
1 – план погребения; *2–19* – предметный комплекс
(по: Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 2.-2; 8).

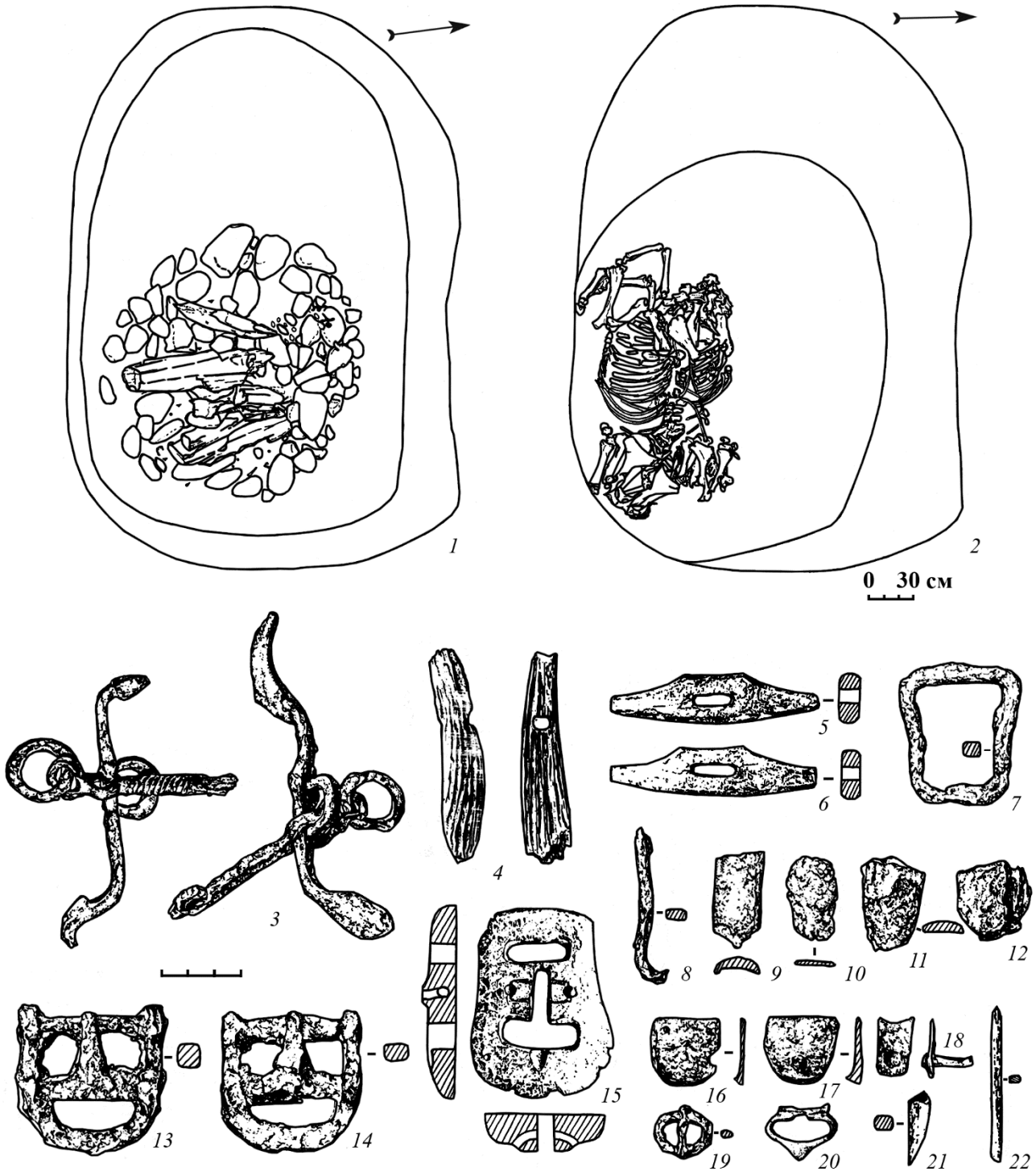

Рис. 29. Бертек-27, курган №1 (впускное захоронение).
1–2 – план могилы; *3–22* – предметный комплекс
(по: Савинов Д.Г., 1994, рис. 112, 114, 116–117)

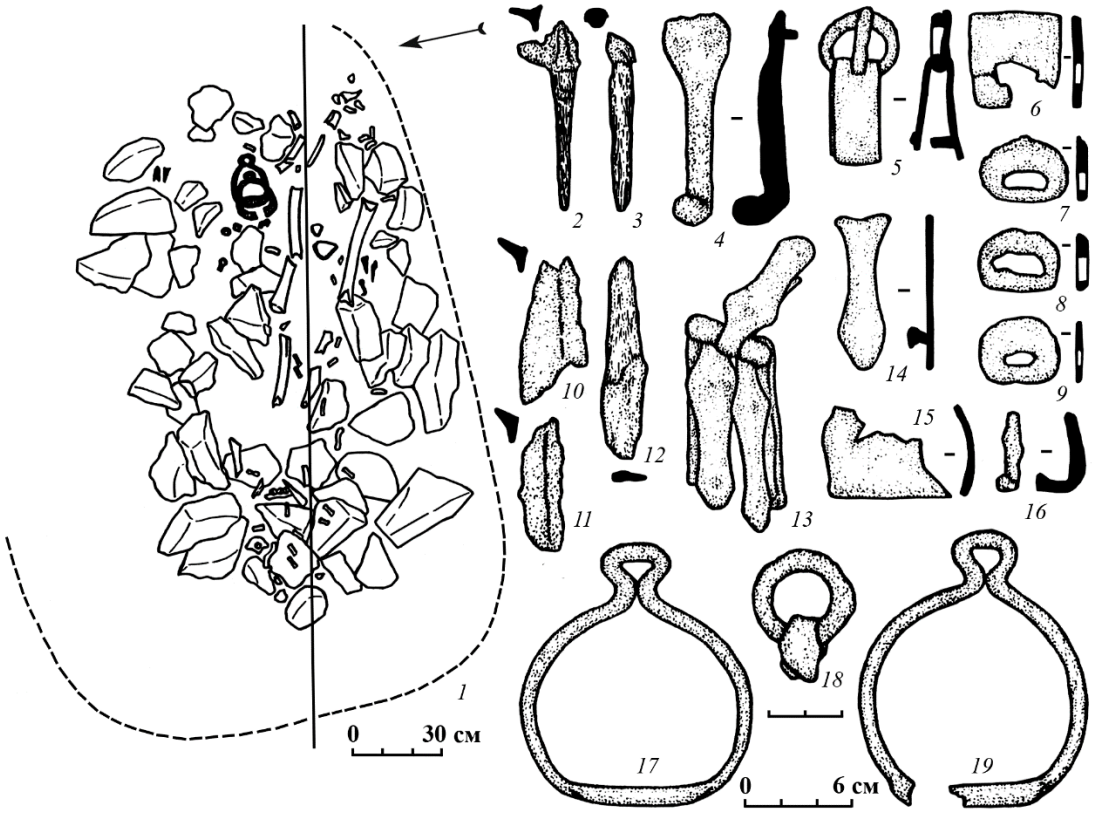

Рис. 30. Тянгыс-Тыт, курган №4 (впускное погребение).
1 – план могилы; *2–19* – предметный комплекс
(по: Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1997, рис. 1, 2).

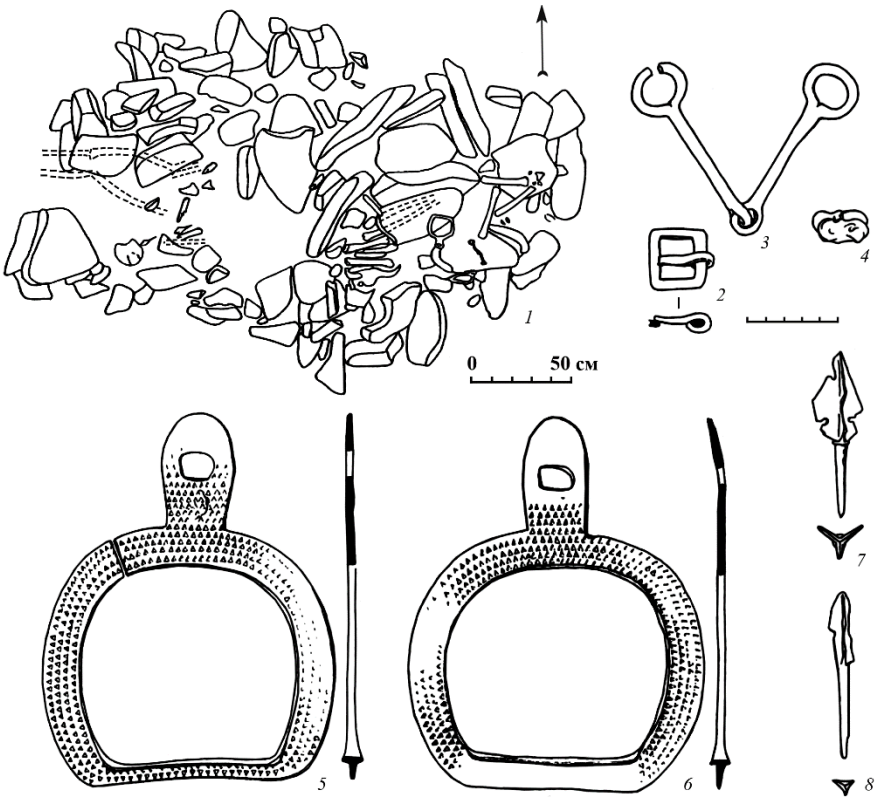

Рис. 31. Улуг-Хорум, объект №1. *1* – план могилы;
2–8 – предметный комплекс (по: Грач В.А., 1982, рис. 1–2)

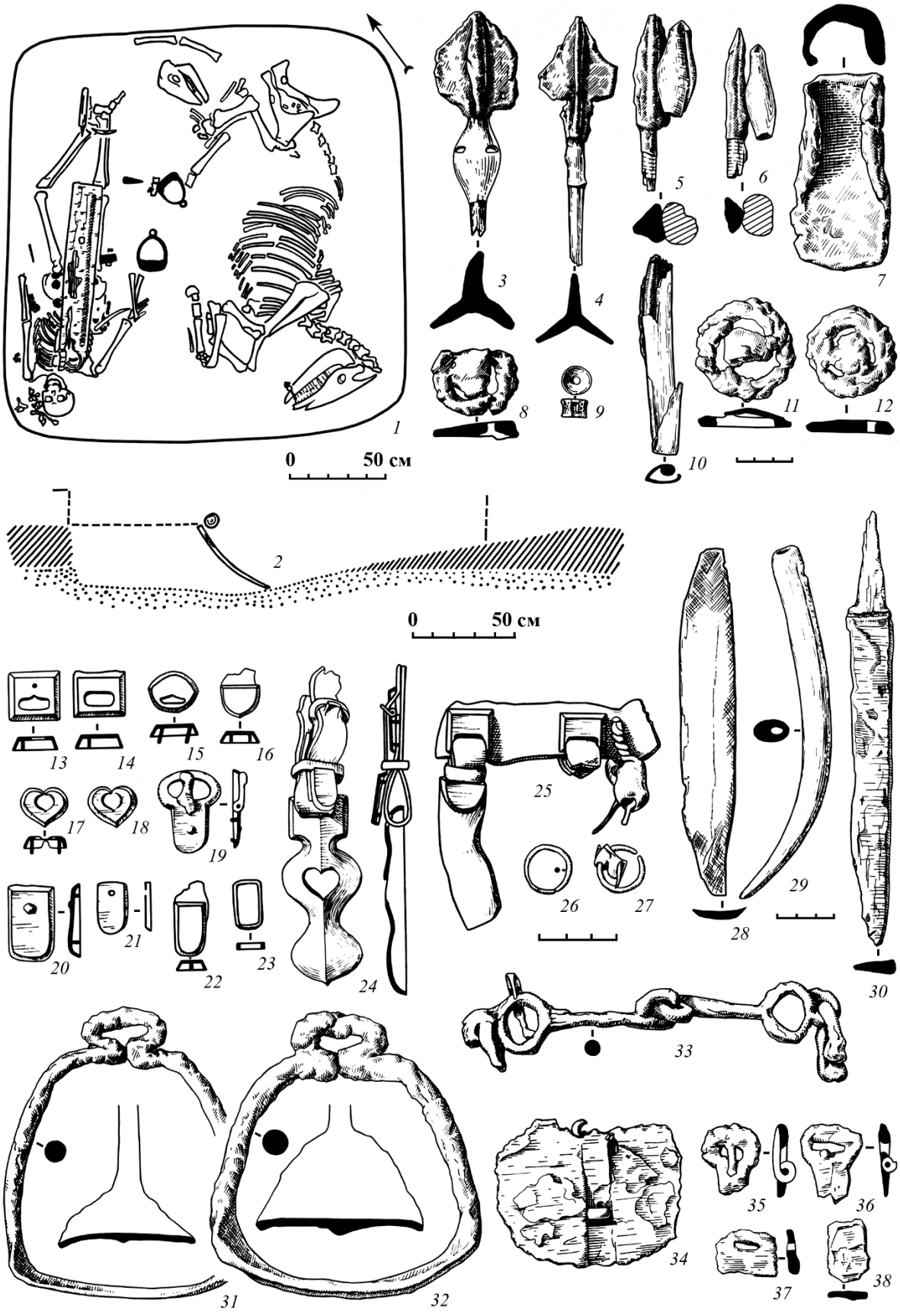

Рис. 32. Сабинка-I, курган №1, впускная могила 2.
1, 2 – план и разрез могилы; *3–38* – предметный комплекс
(по: Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988, рис. 1.-1–2; 5–6)

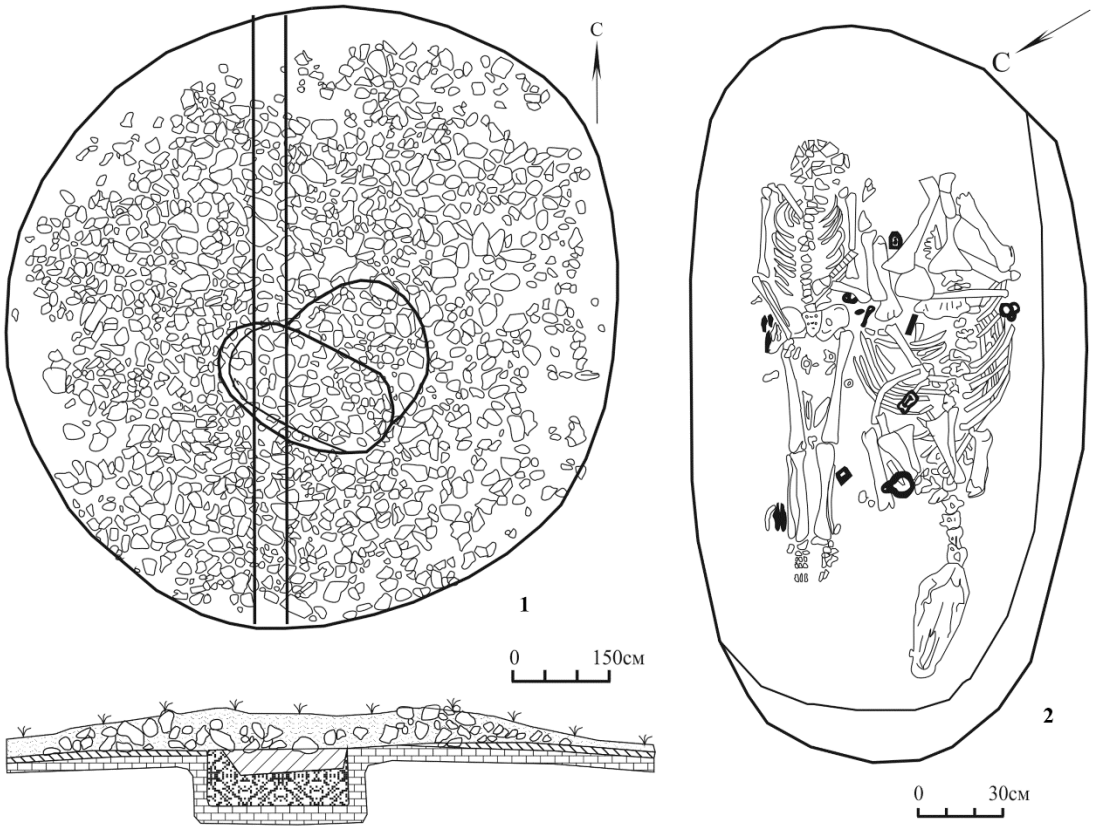

Рис. 33. Тыткескень-VI, курган №10. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план погребения (по: Кирющин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 5)

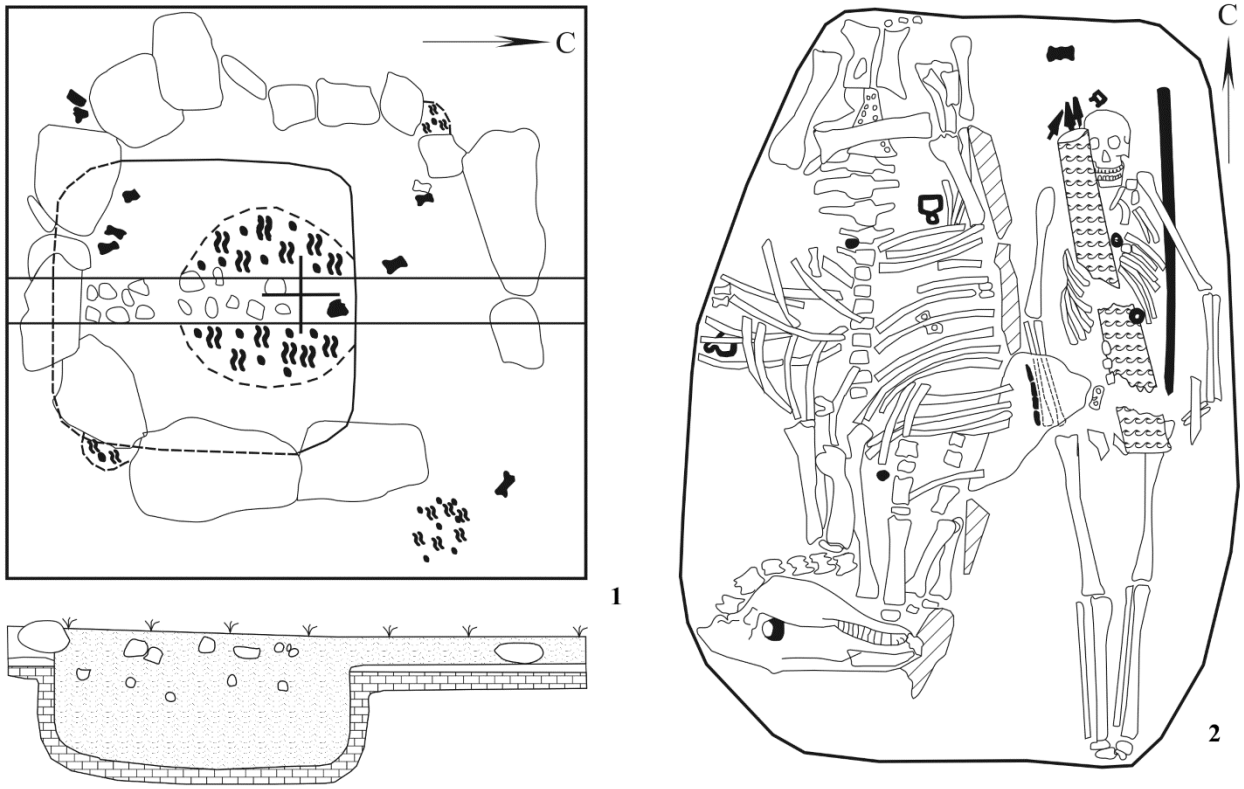

Рис. 34. Ябоган-I, одиночный курган. *1* – план и разрез насыпи;
2 – план погребения (по: Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 1.-2; 2)

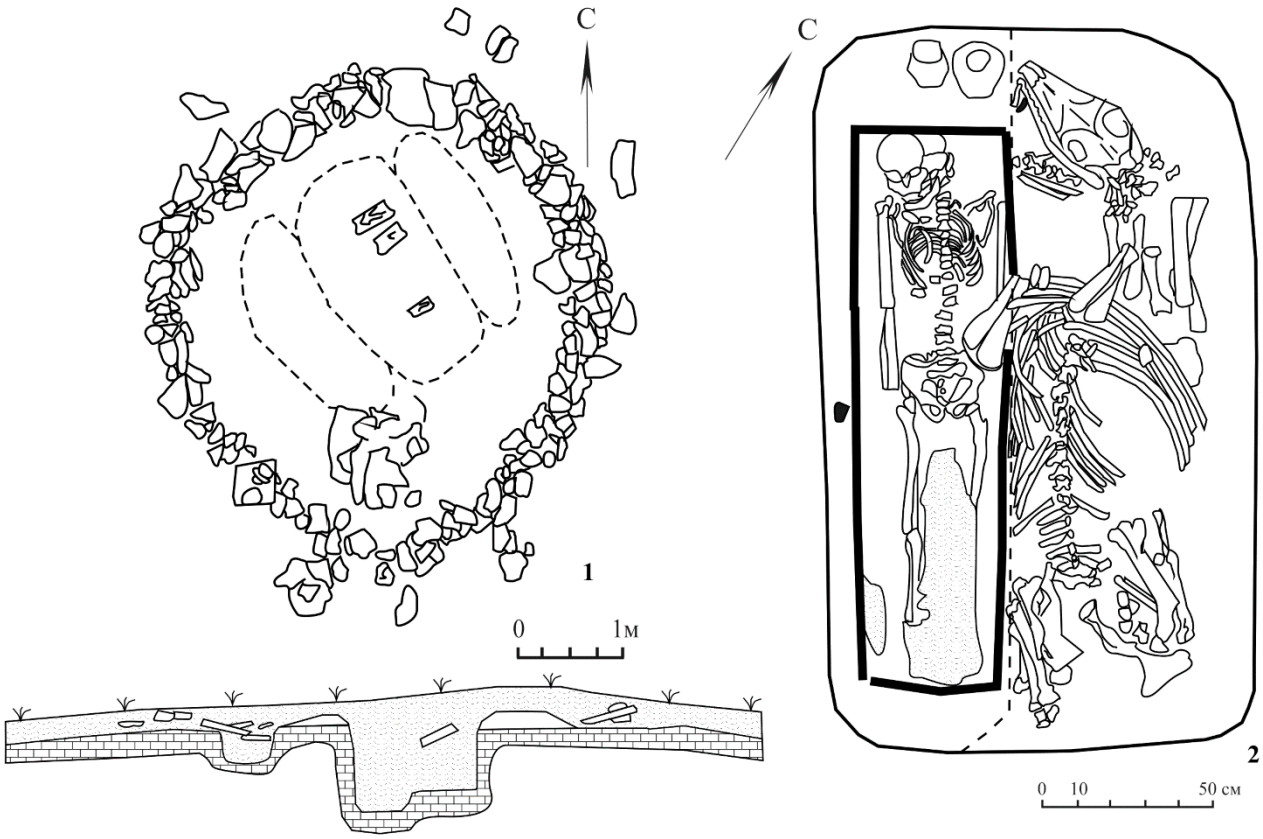

Рис. 35. Белый Яр-II, курган №3, могила 1.
1 – план и разрез насыпи; *2* – план погребения
(по: Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 7.-1–2)

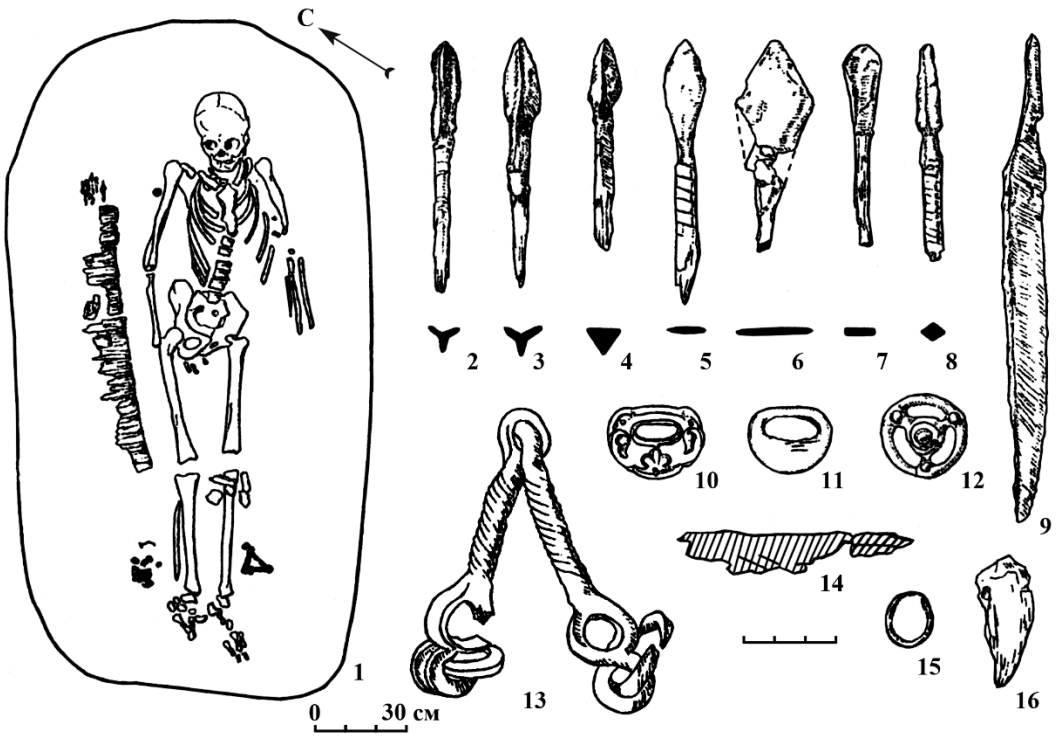

Рис. 36. Саглы-Бажи, курган №27.
1 – план погребения; *2–16* – предметный комплекс
(по: Грач А.Д., 1968, рис. 49, 50.-7, 11, 14–19, 21–27).

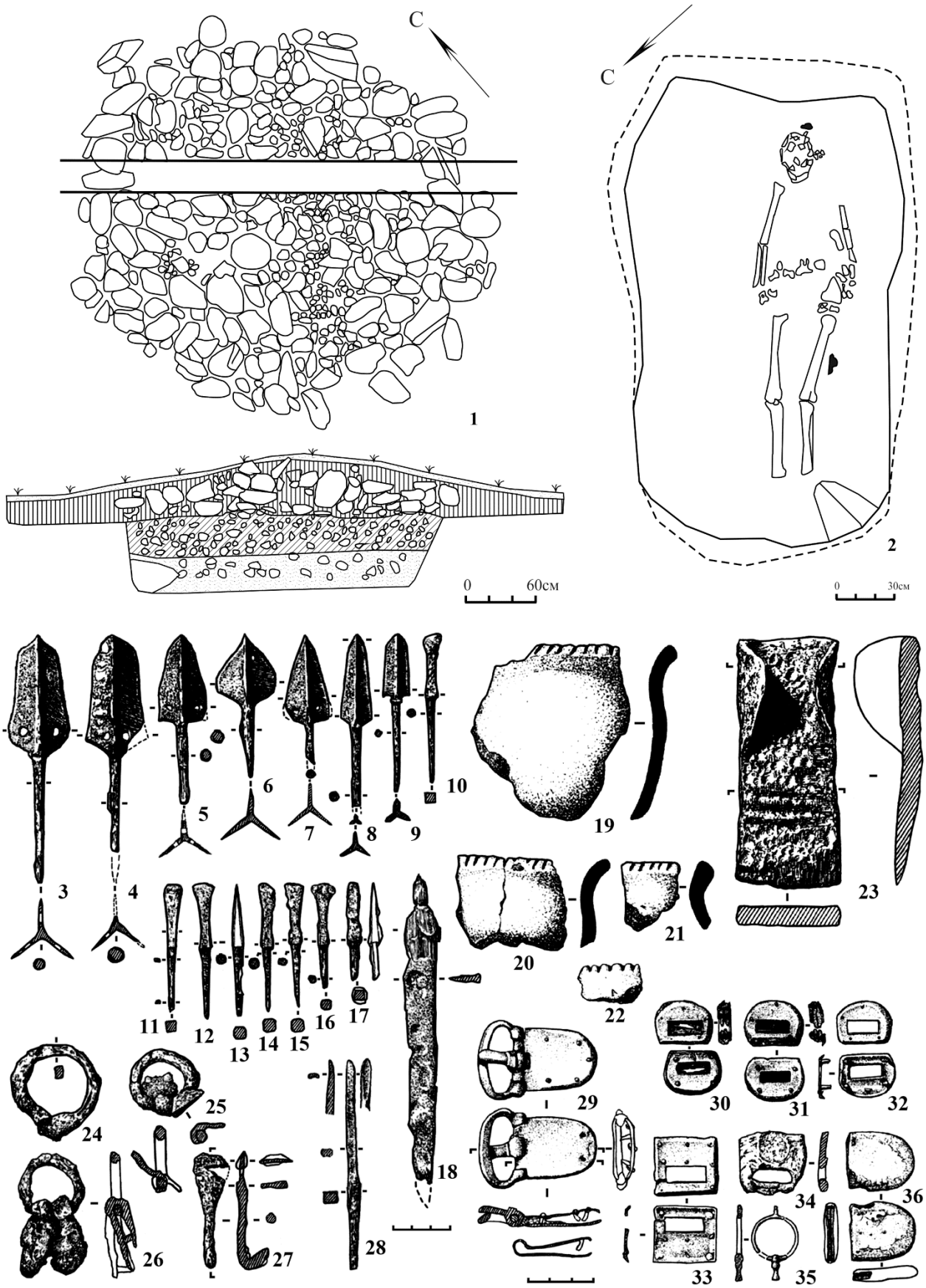

Рис. 37. Бирюзовая Катунь-3. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения; *3–35* – предметный комплекс (по: Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009, рис. 1–4)

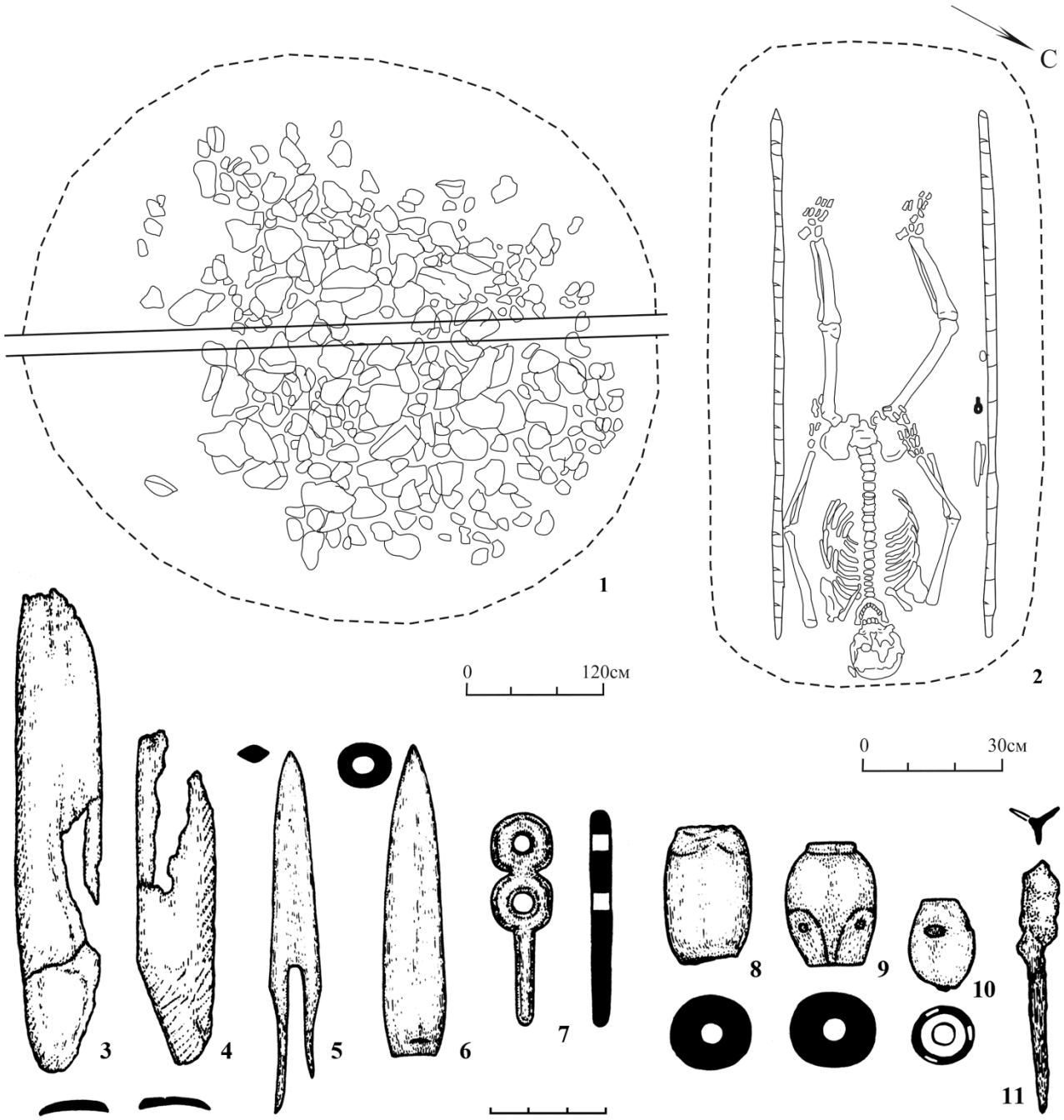

Рис. 38. Ороктой, курган №1. *1* – план насыпи;
2 – план погребения; 3–11 – предметный комплекс
(по: Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 3–5)

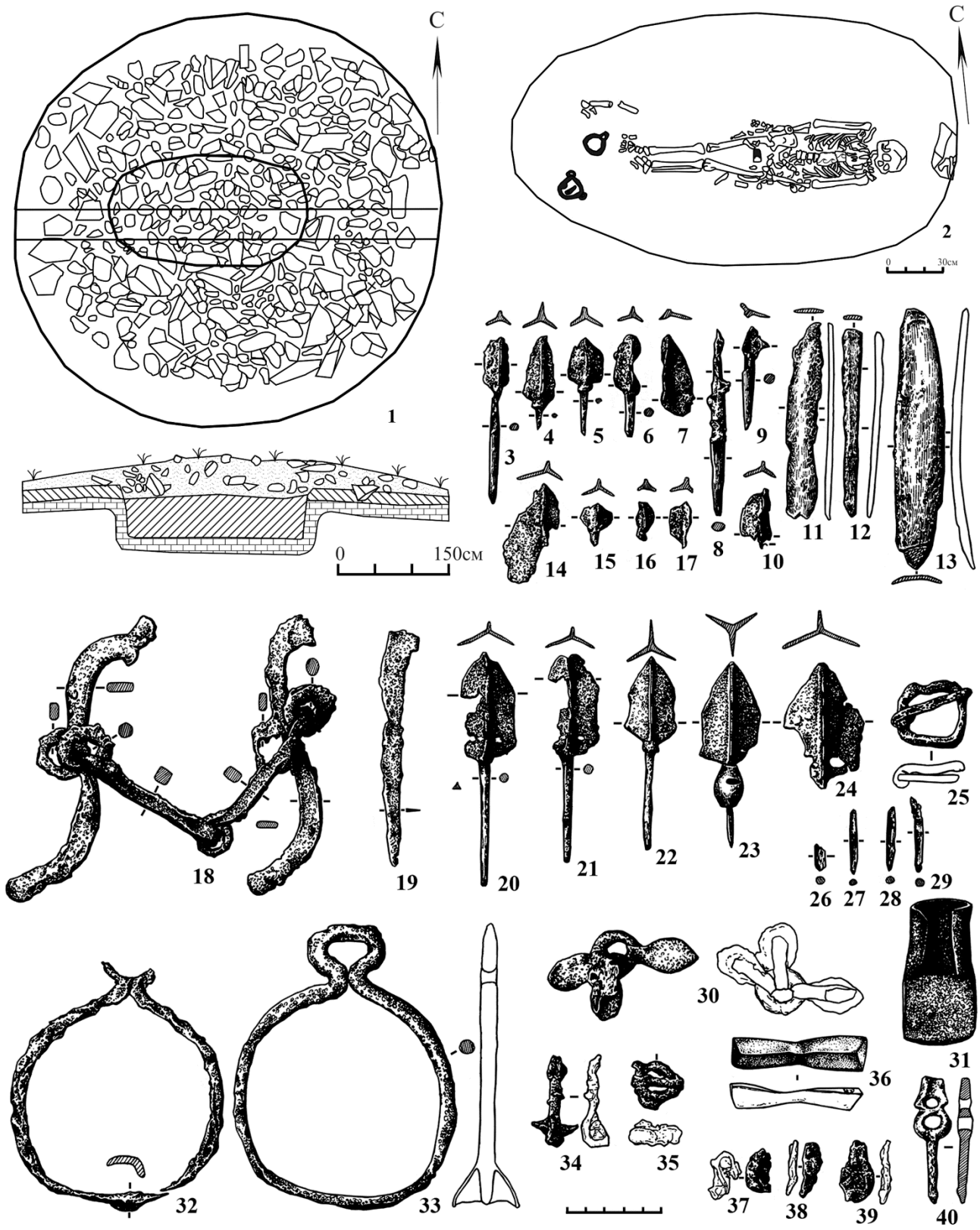

Рис. 39. Тыткескень-VI, курган №1. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения; *3–40* – предметный комплекс (по: Кирющин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 2–3)

Рис. 42. Катанда-III, курган №11.
1 – план кенотафа; *2–19* – предметный комплекс
(по: Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. IX)

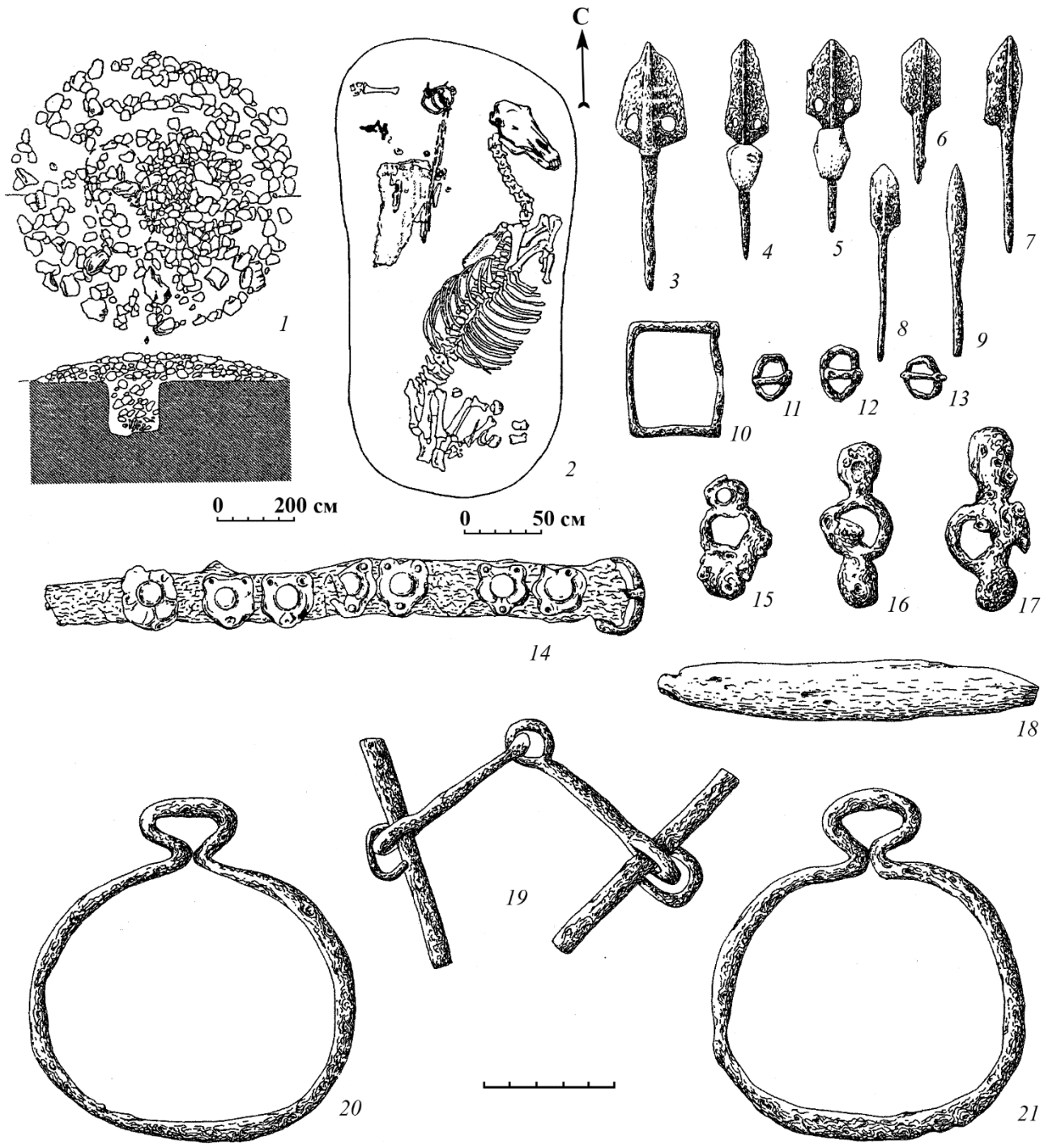

Рис. 41. Мойгун-Тайга-58-V. *1* – план насыпи; *2* – план кенотафа; *3–21* – предметный комплекс (по Kenk R., 1982, abb. 16).

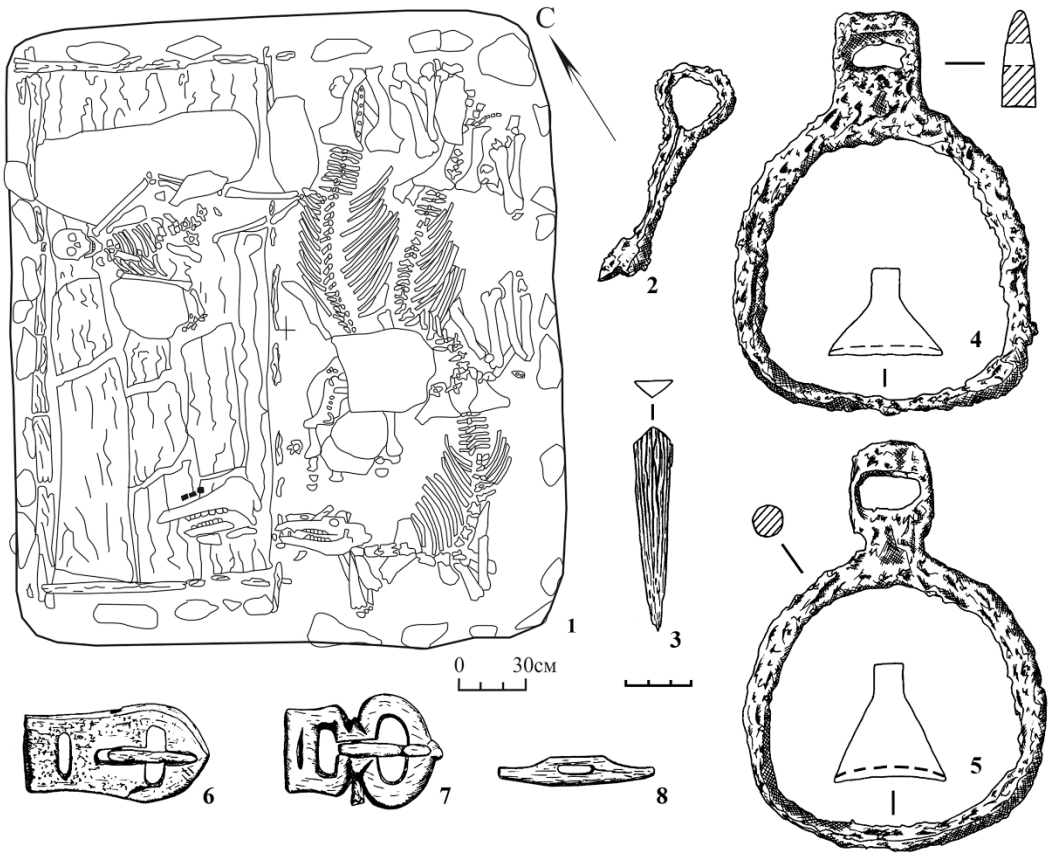

Рис. 42. Боротал-I, курган №50. *1* – план кенотафа; *2–8* – предметный комплекс (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 107–108)

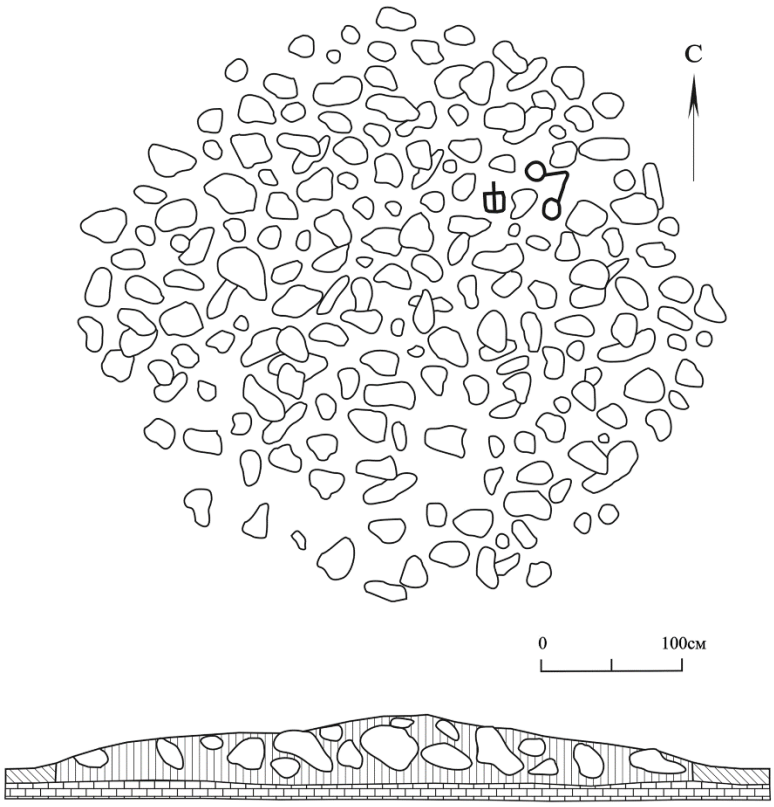

Рис. 43. Боротал-I, курган №81 (по: Кубарев В.Д., 1979, рис. 19)

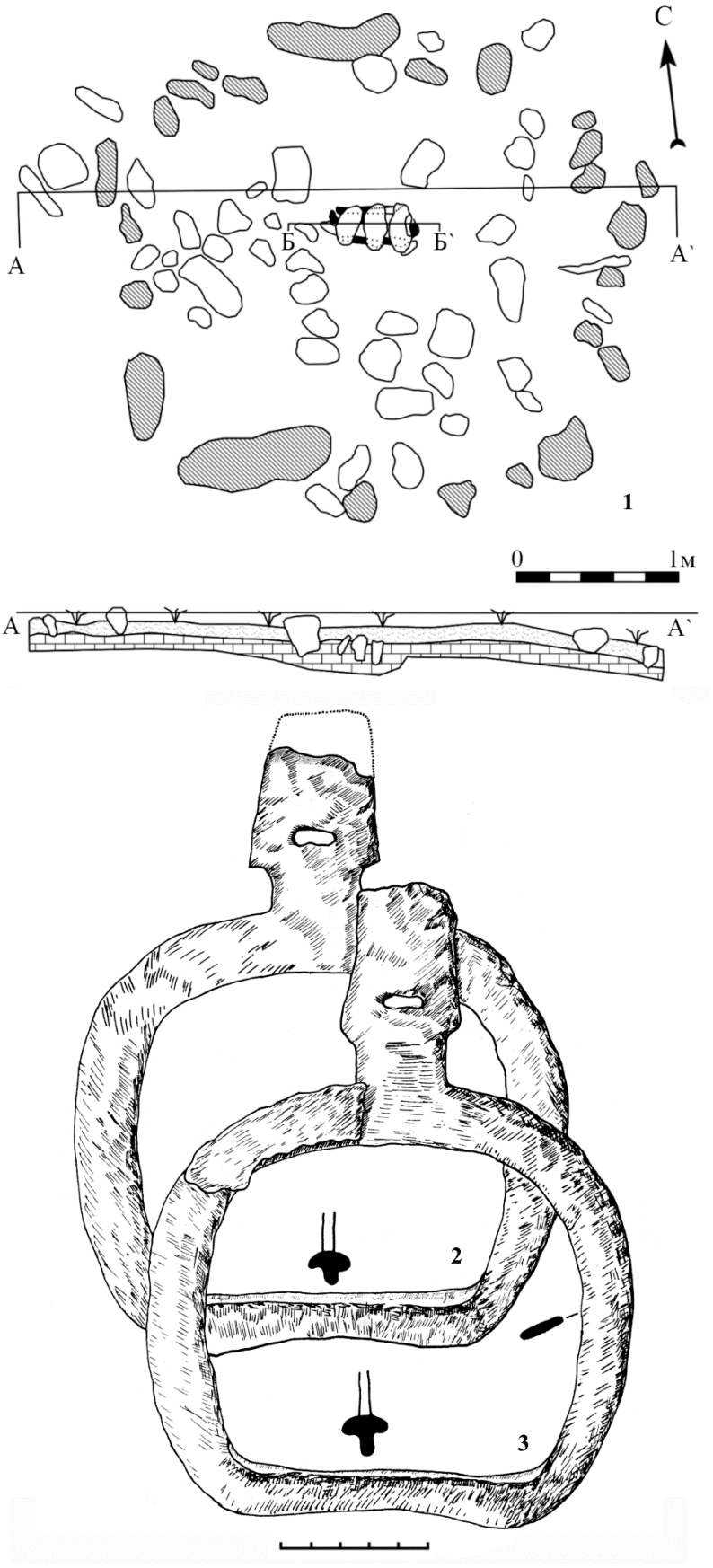

Рис. 44. Усть-Карасу, объект №1. *1* – план насыпи; *2–3* – предметный комплекс (по: Васютин А.С., 1983)

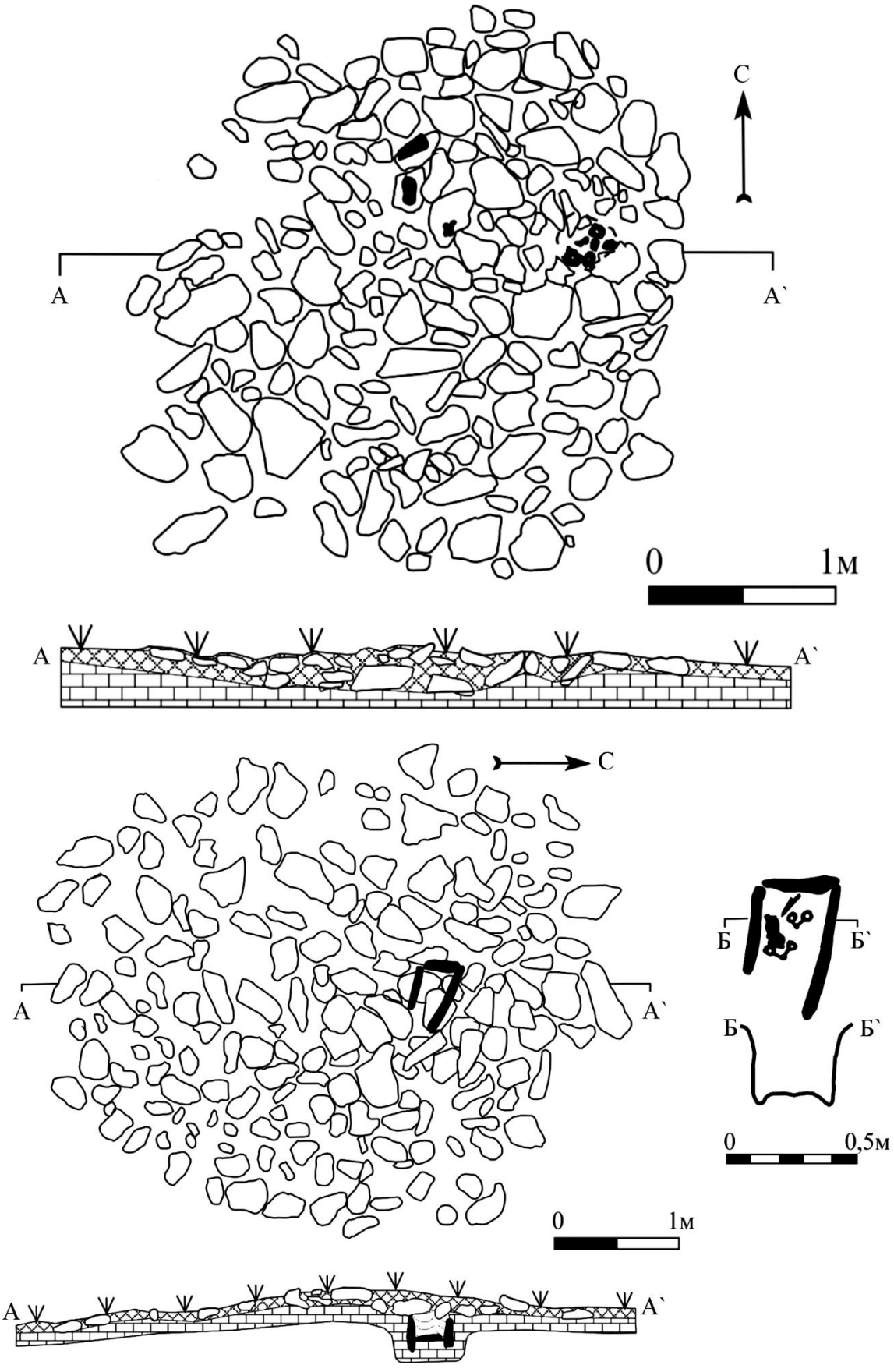

Рис. 45. Кок-Паш. Планы курганов №1–2 (по: Васютин А.С., 1984)

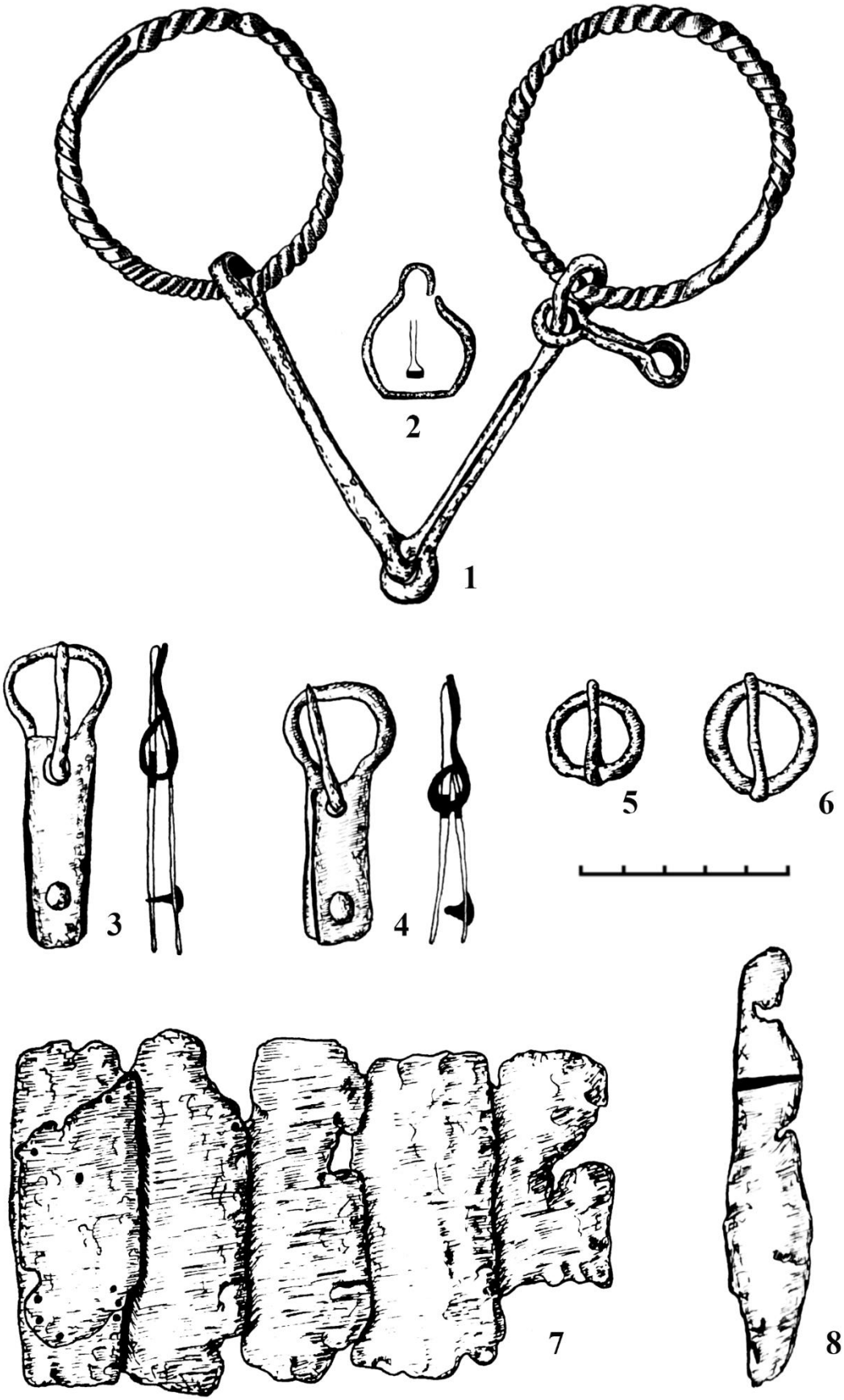

Рис. 46. Кок-Паш. Находки из курганов №1–2 (по: Васютин А.С., 1984)

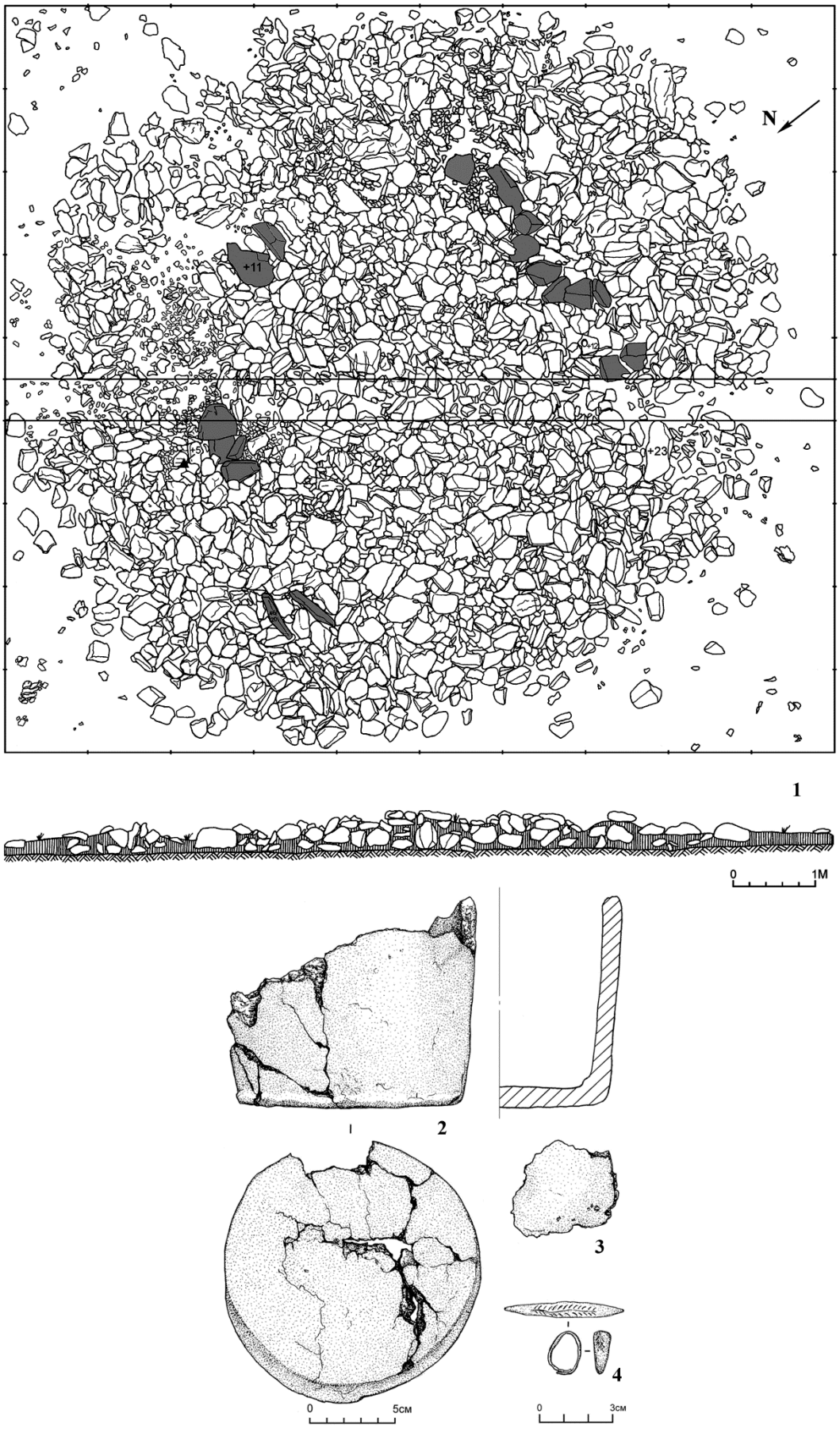

Рис. 47. Хар-Ямаатын-Гол, курган №8. *1* – план и разрез насыпи; *2–4* – предметный комплекс (по: Цэвендорж Д. и др. 2008, з. 18–19)

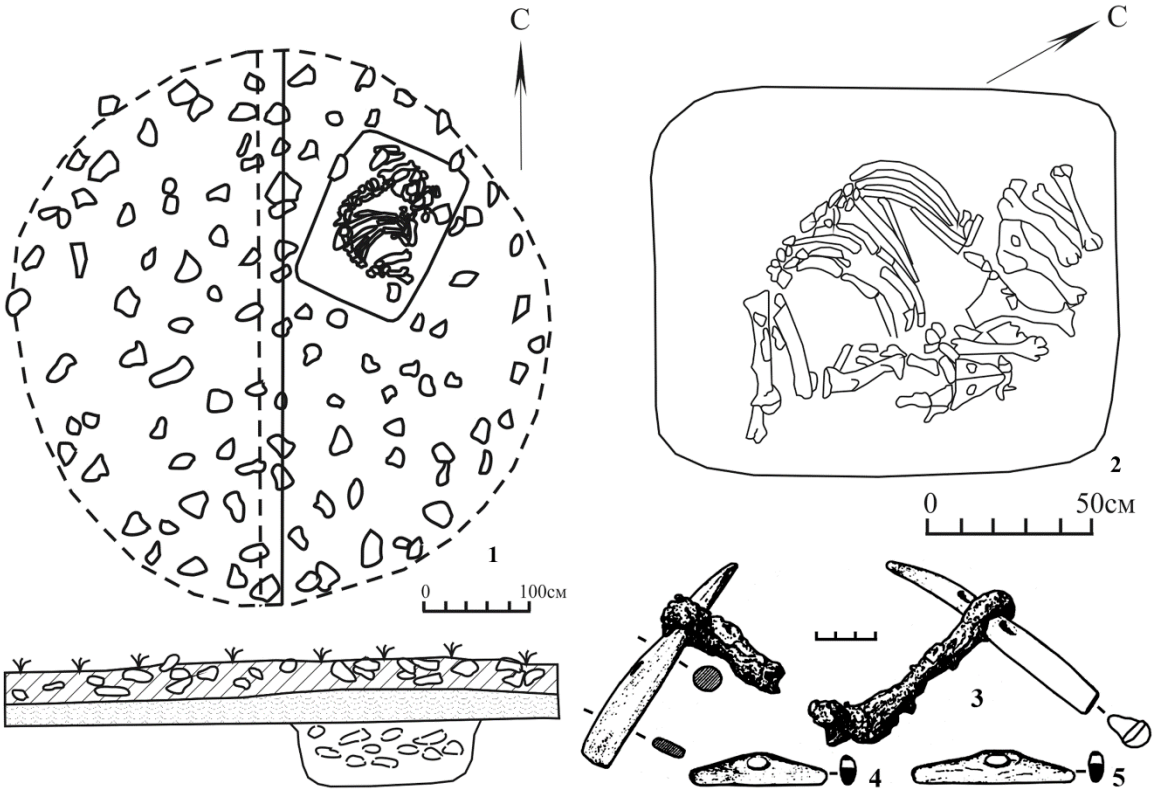

Рис. 48. Кара-Коба-I, курган №90. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план захоронения лошадей; *3–5* – предметный комплекс (по: Могильников В.А., 1994, рис. 23–25)

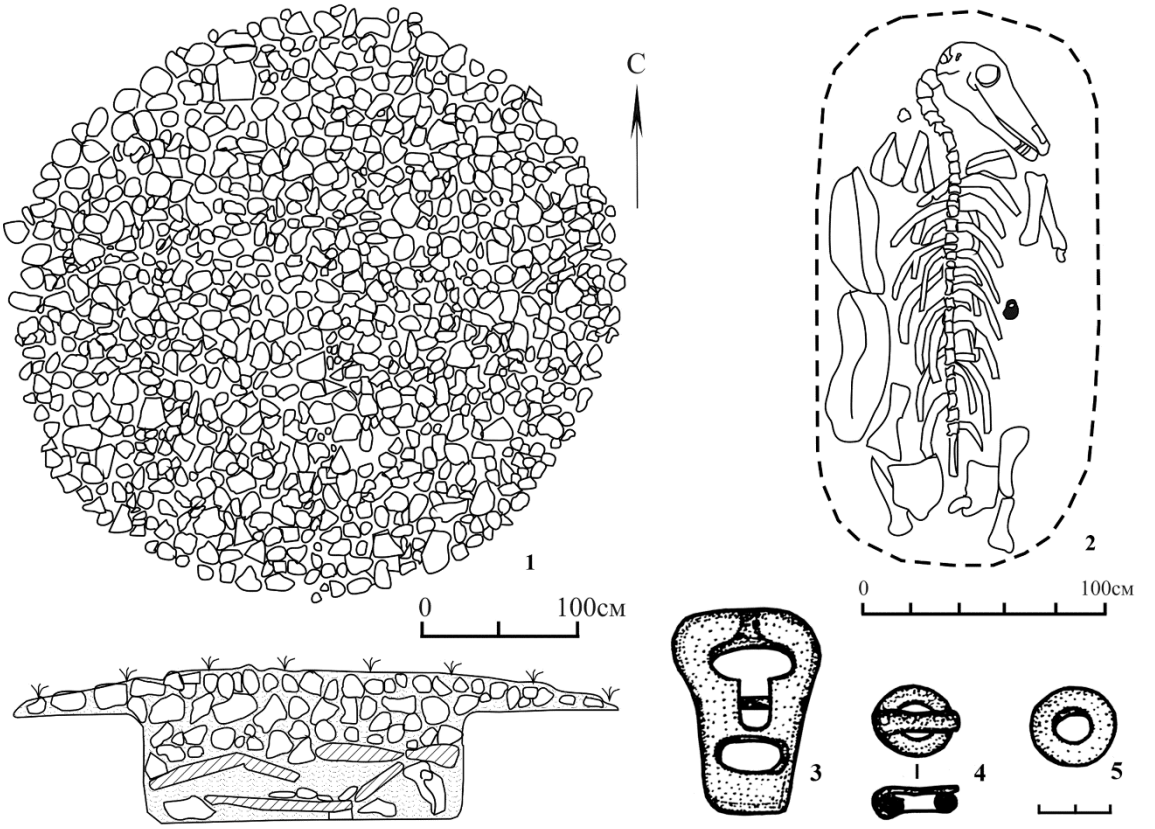

Рис. 49. Нижняя Соору. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план захоронения лошади; *3–5* – предметный комплекс (по: Илюшин А.М., 1995, рис. 1)

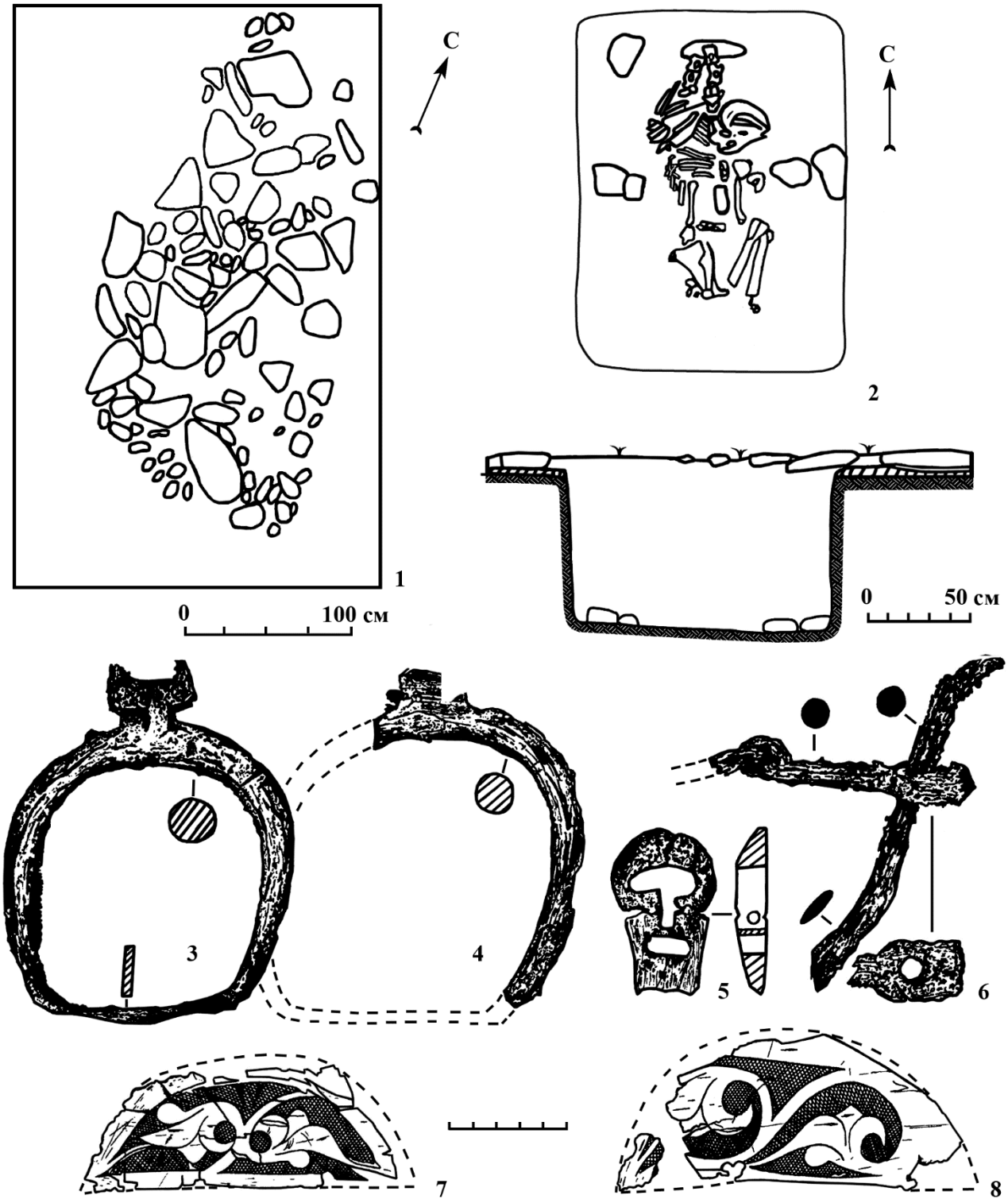

Рис. 50. Большой Яломан-II, курган №4.
1–2 – план насыпи и погребения; *3–8* – предметный комплекс
(по: Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 12–15).

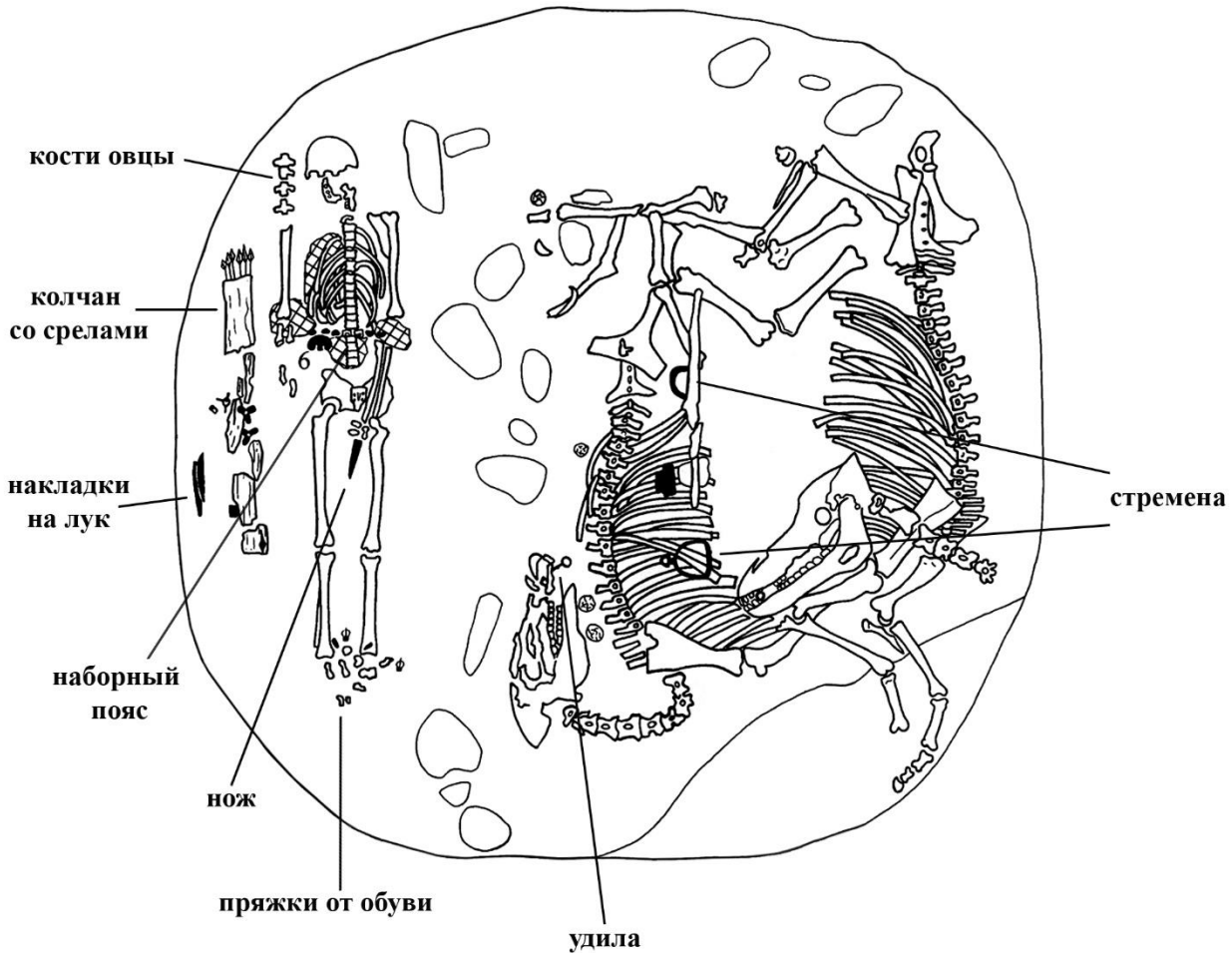

Рис. 51. Барбургазы-II, курган №9 (по: Кубарев Г.В., 2005, табл. 79)

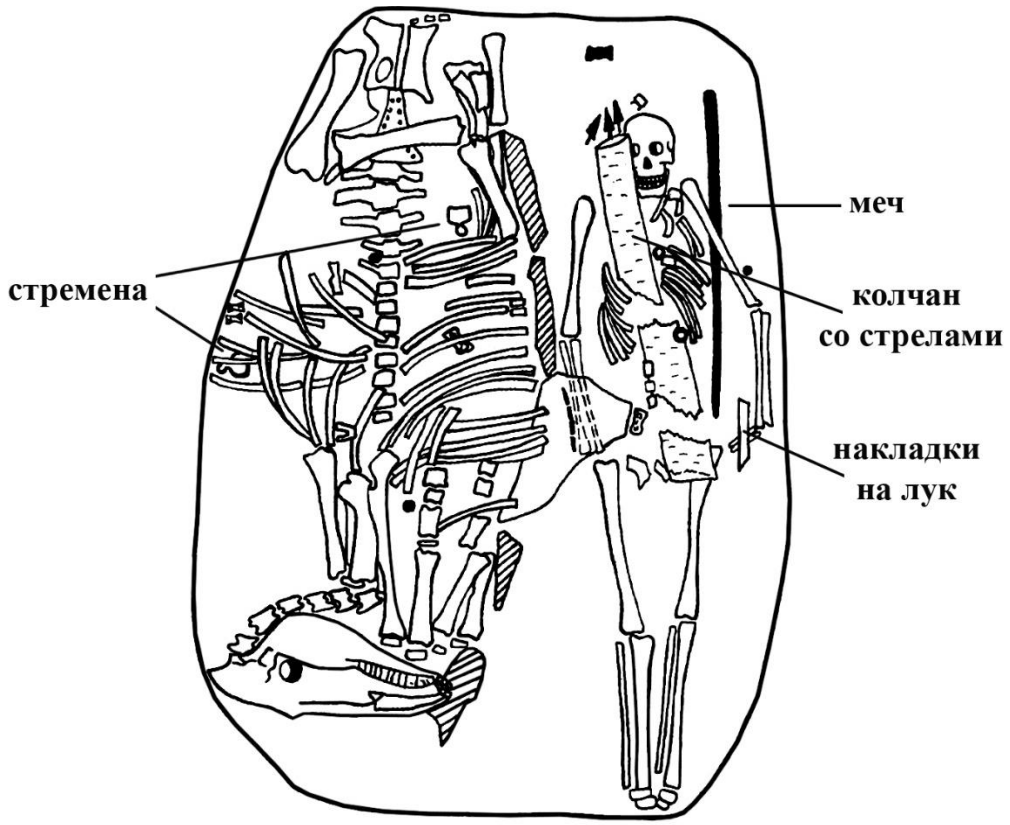

Рис. 52. Ябоган-I (по: Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 2).

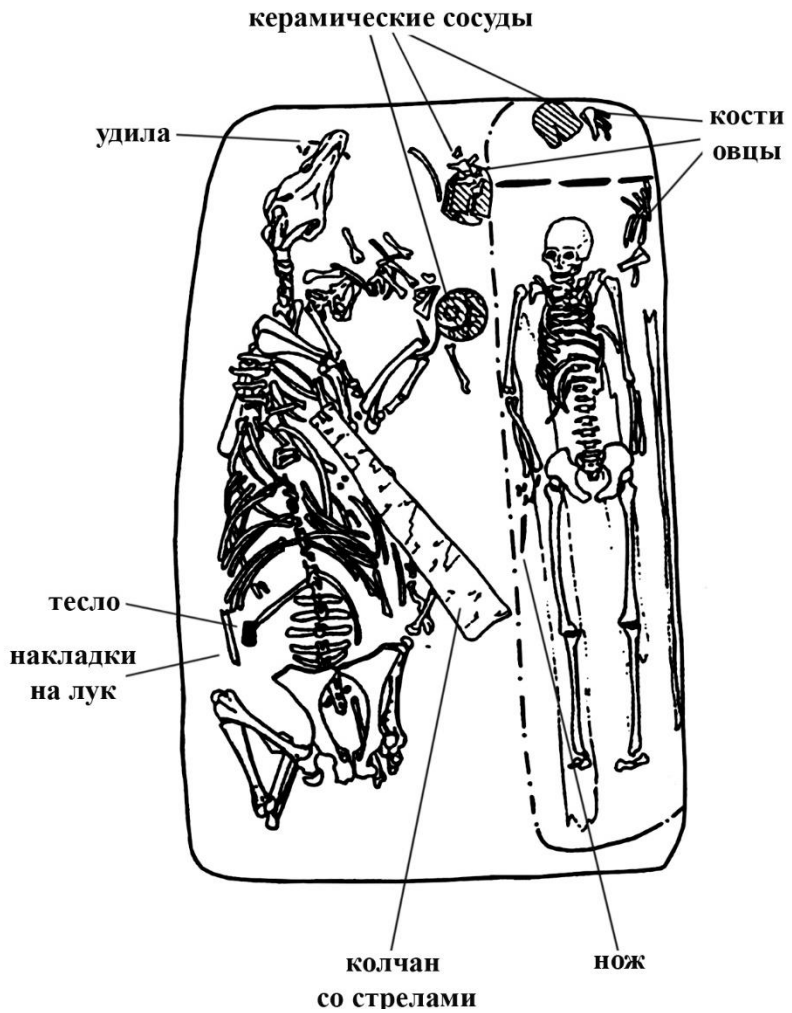

Рис. 53. Белый Яр-II, курган №1, могила 3
(по: Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 4.-4).

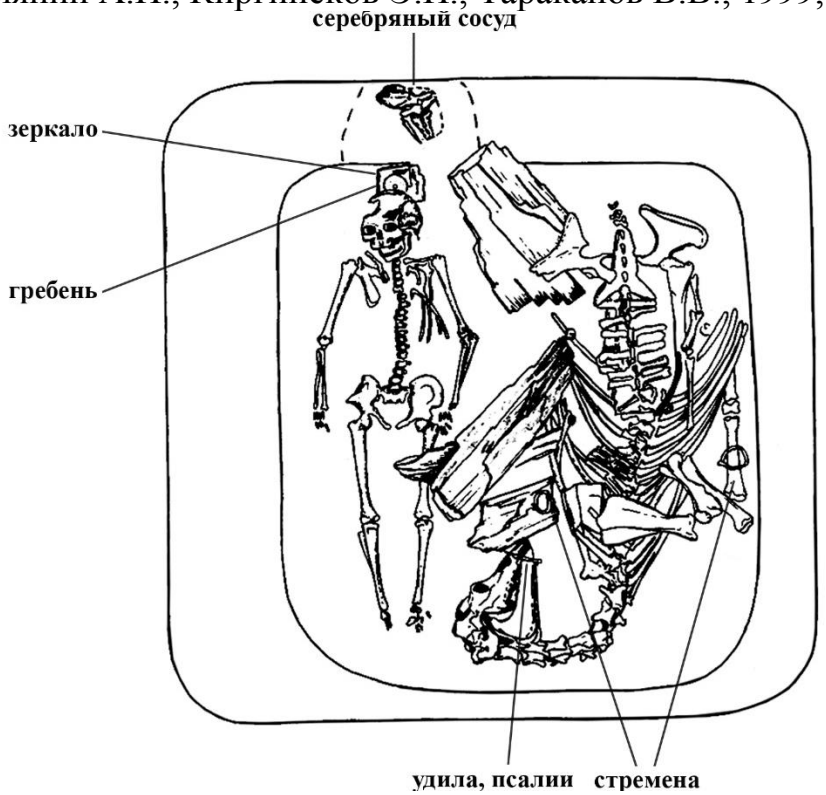

Рис. 54. Бертек-34, курган №1 (по: Савинов Д.Г., 1994, рис. 102)

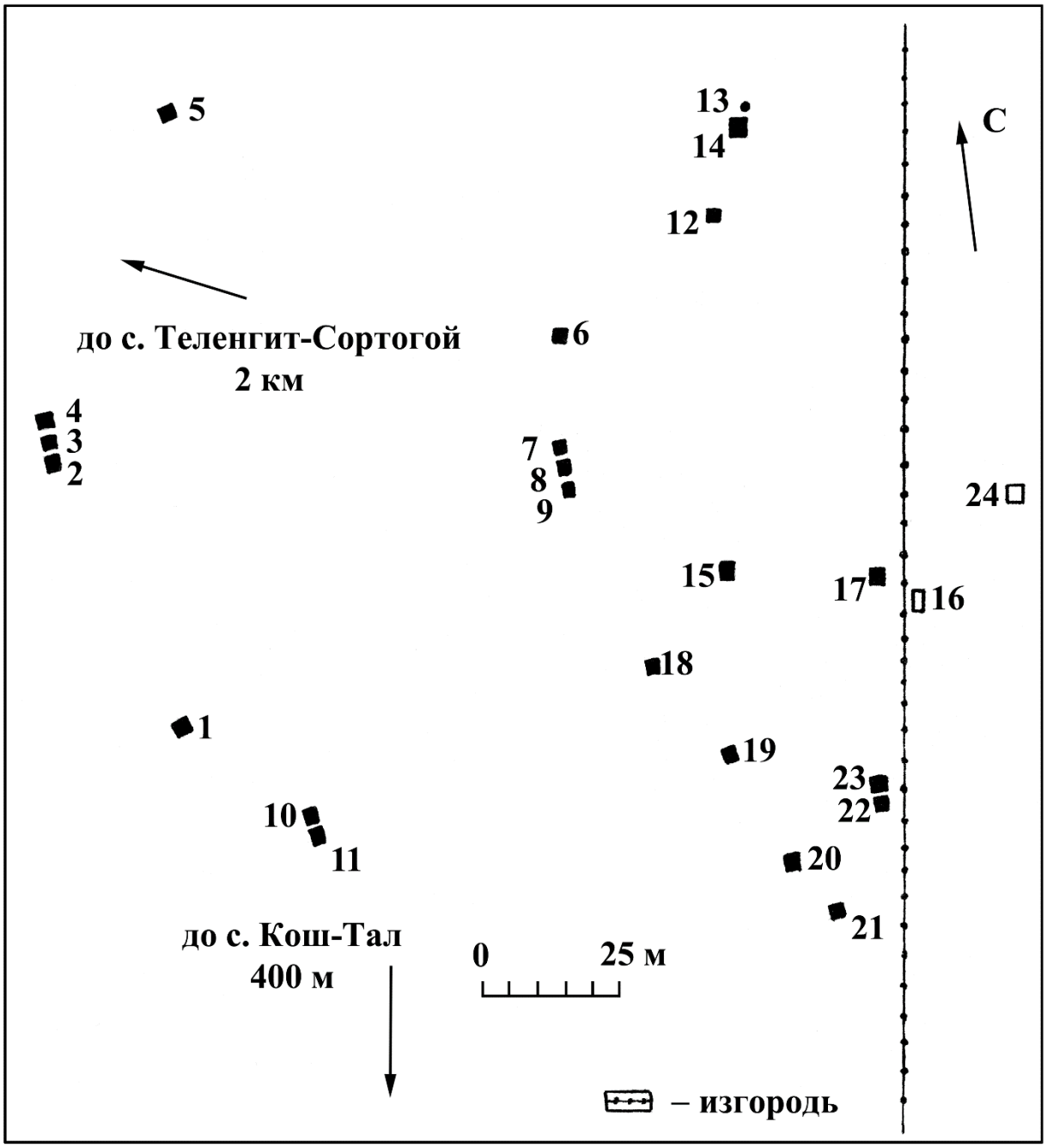

Рис. 55. Котыр-Тас-I, план комплекса
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 2)

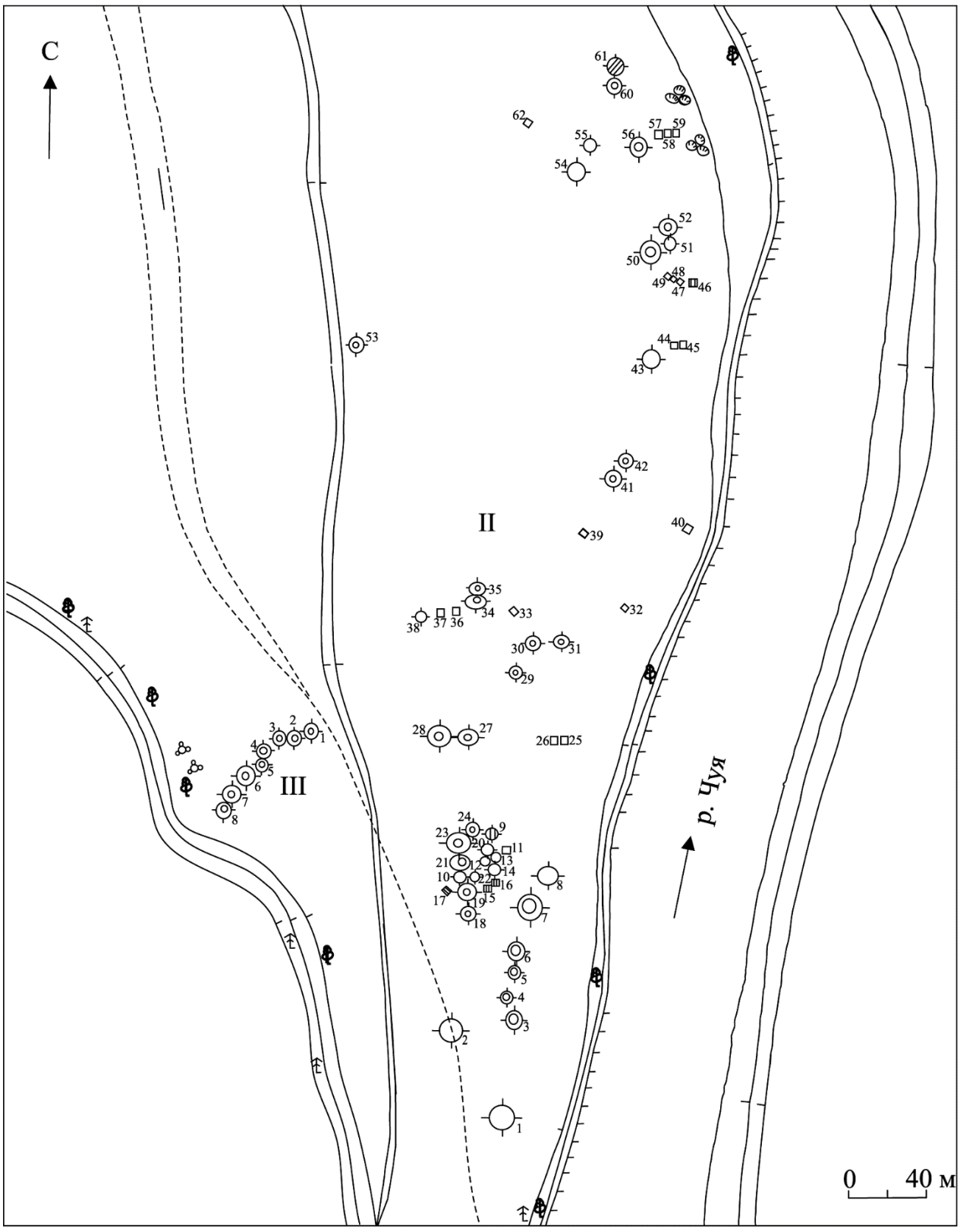

Рис. 56. Белый Бом-II, план комплекса
(по: Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Шелепова Е.В., 2011, рис. 1)

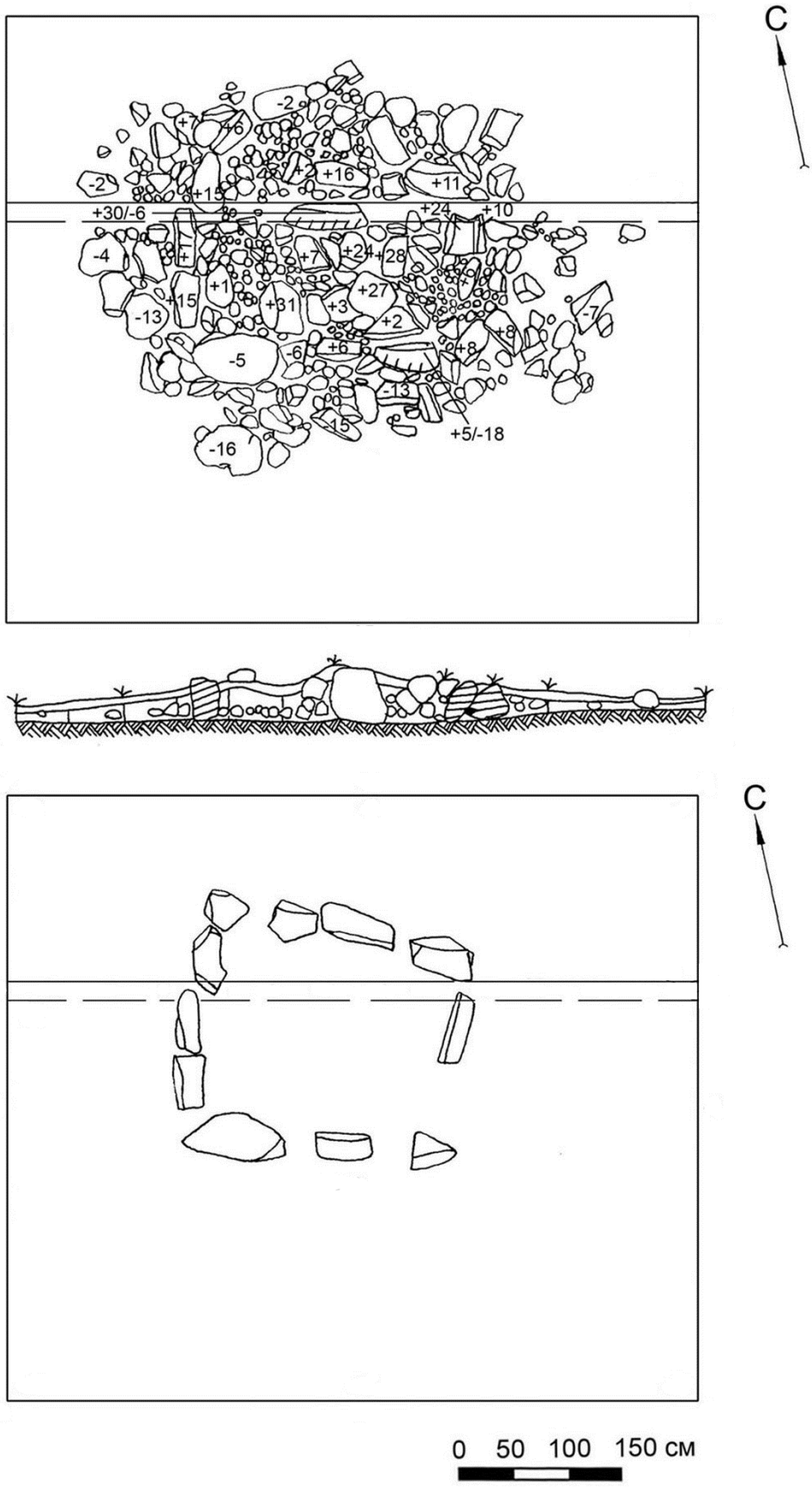

Рис. 57. Чобурак-I, оградка №6
(по: Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, рис. 3)

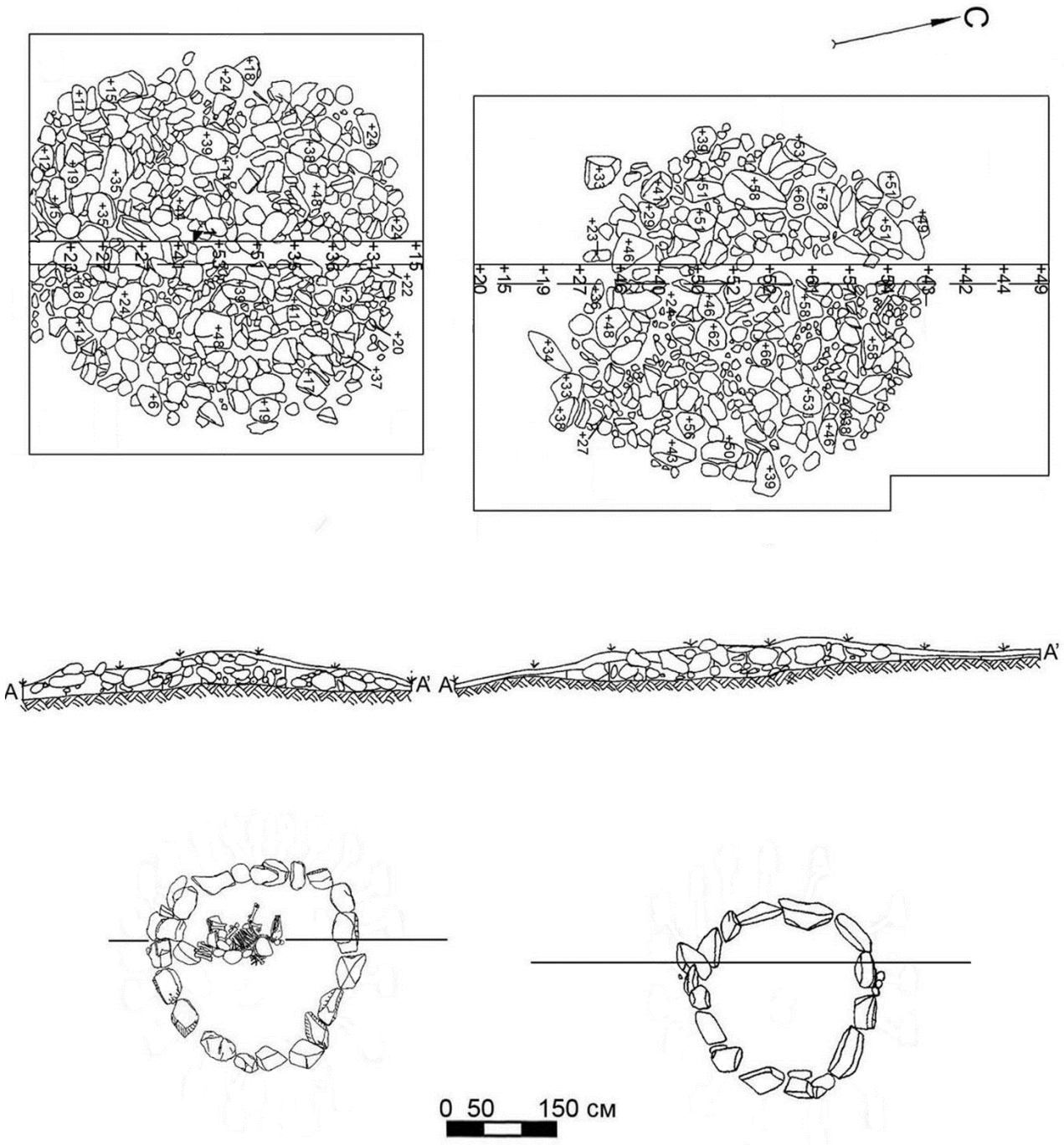

Рис. 58. Чобурак-I, оградки №15–16
(по: Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, рис. 7)

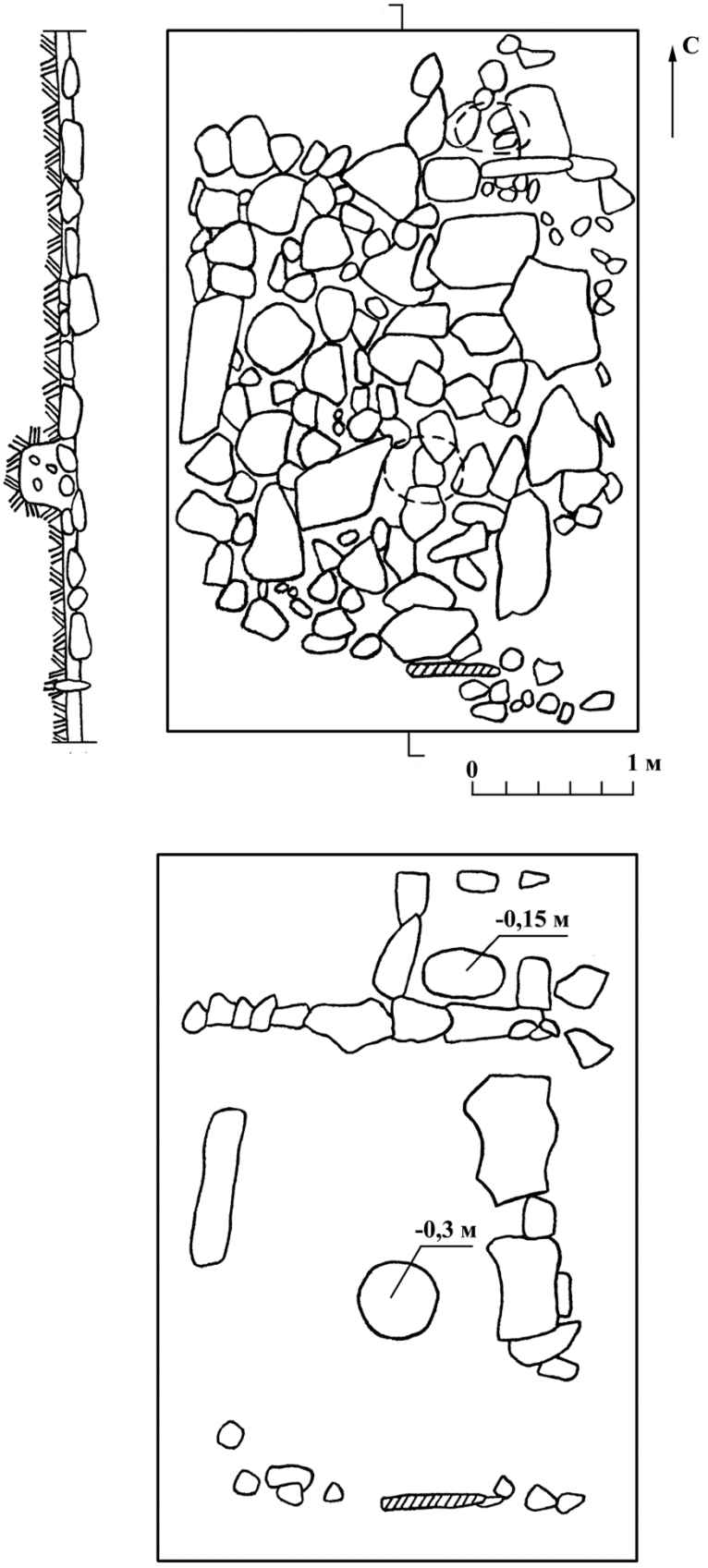

Рис. 59. Котыр-Тас-I, градка №15
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 20–21)

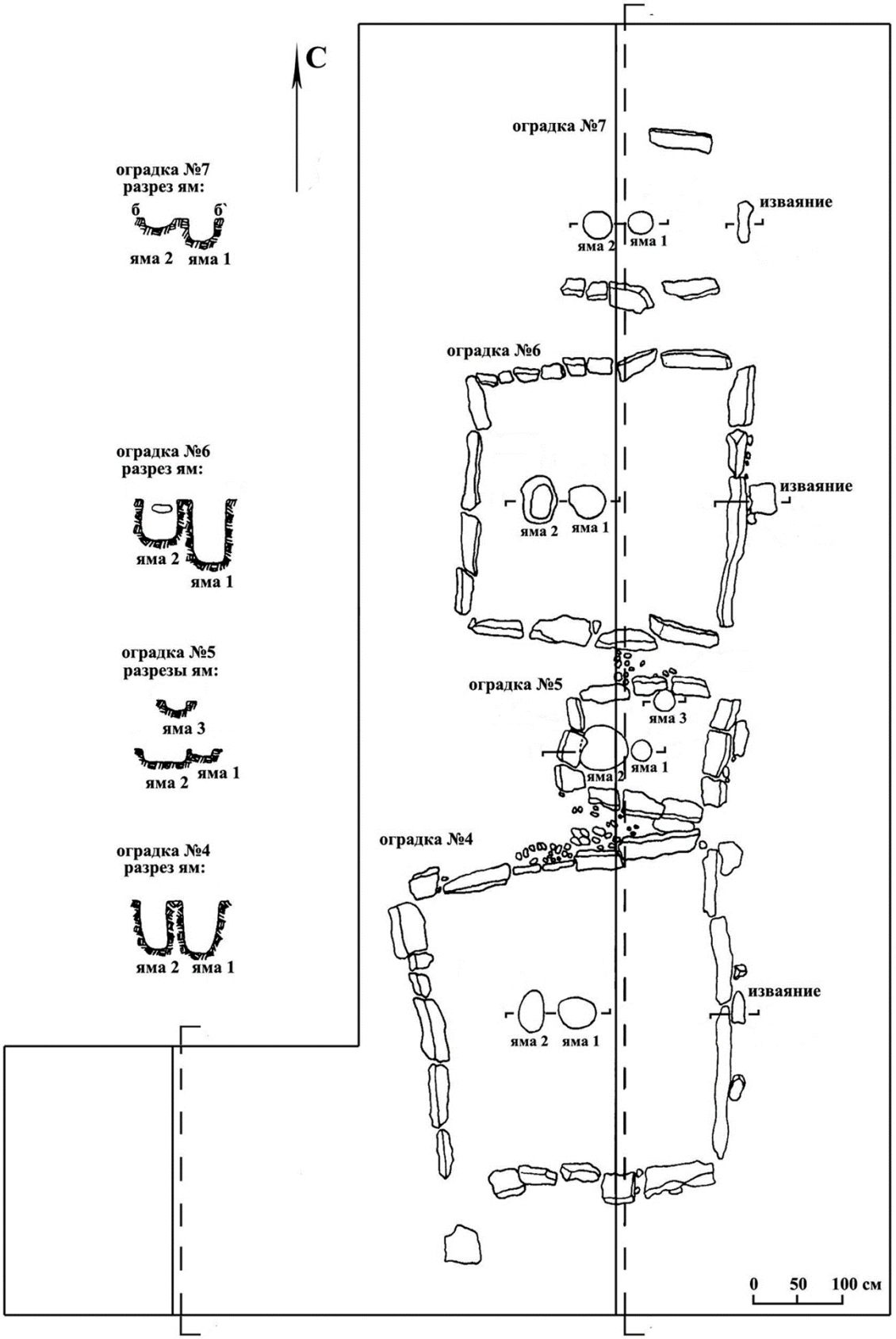

Рис. 60. Яломан-VII, оградки №4–7
(по: Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2013, рис. 2)

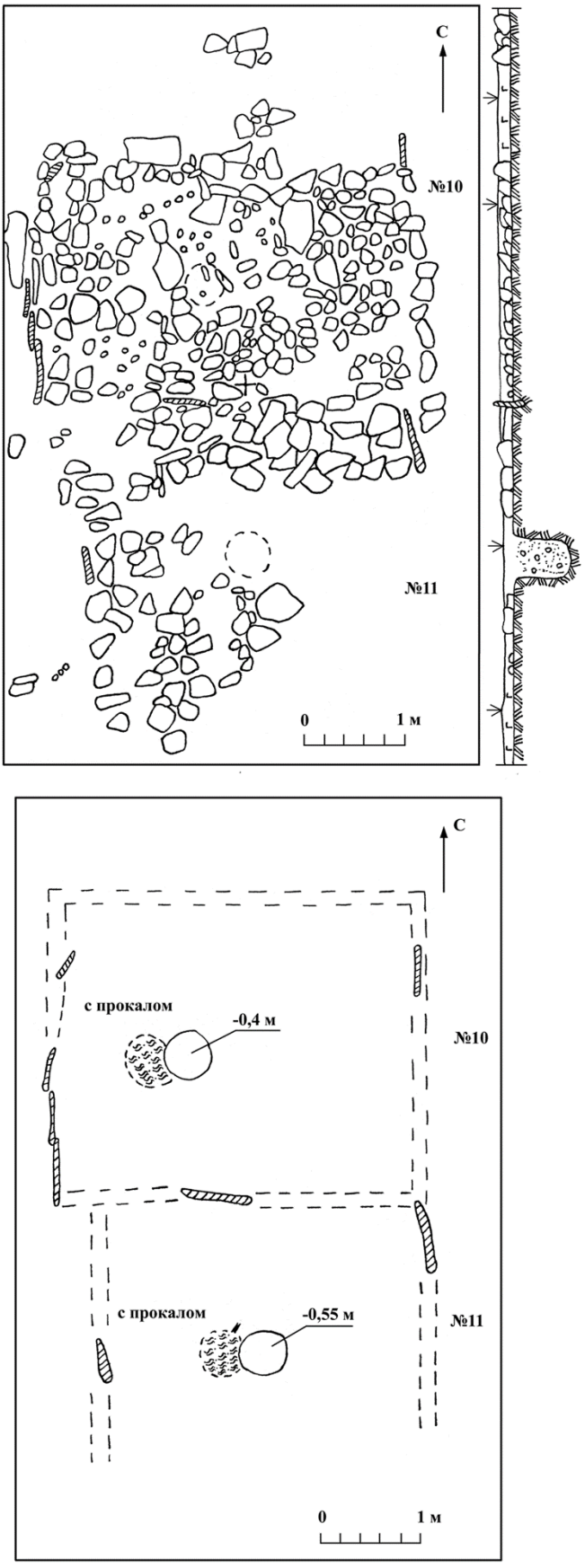

Рис. 61. Котыр-Тас-I, оградки №10–11
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 16–17)

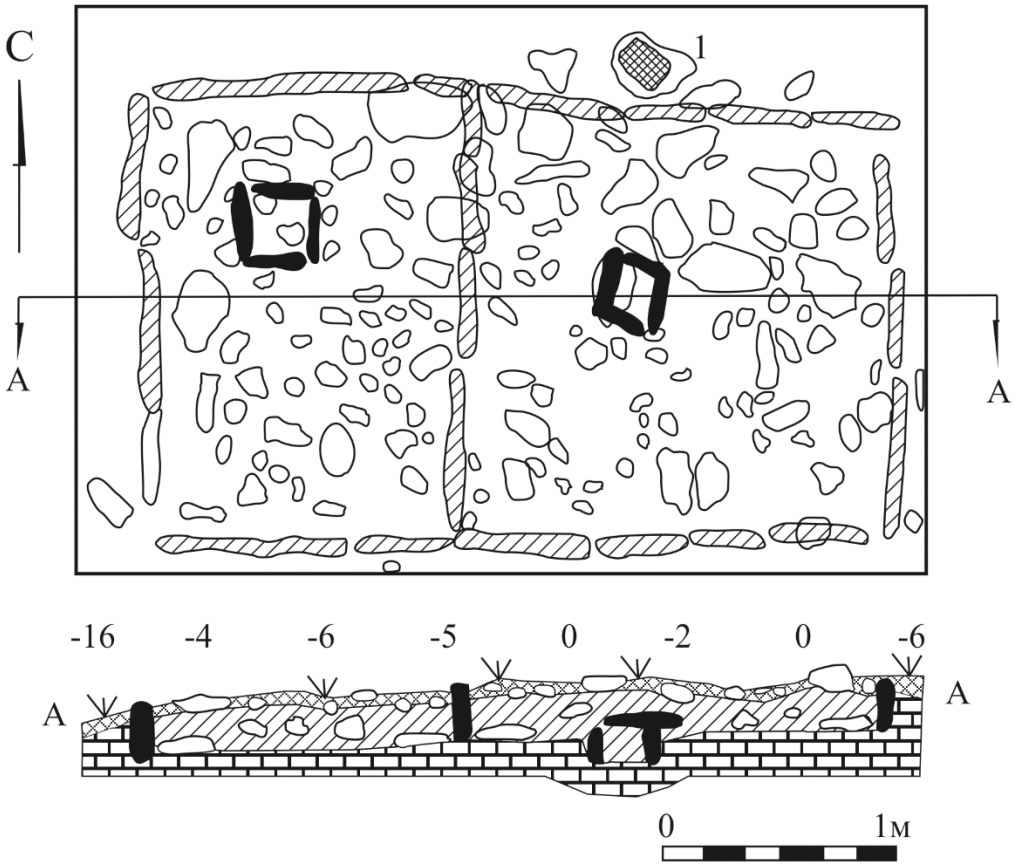

Рис. 62. Кок-Паш, оградки Г-1–2 (по: Васютин А.С., 1984)

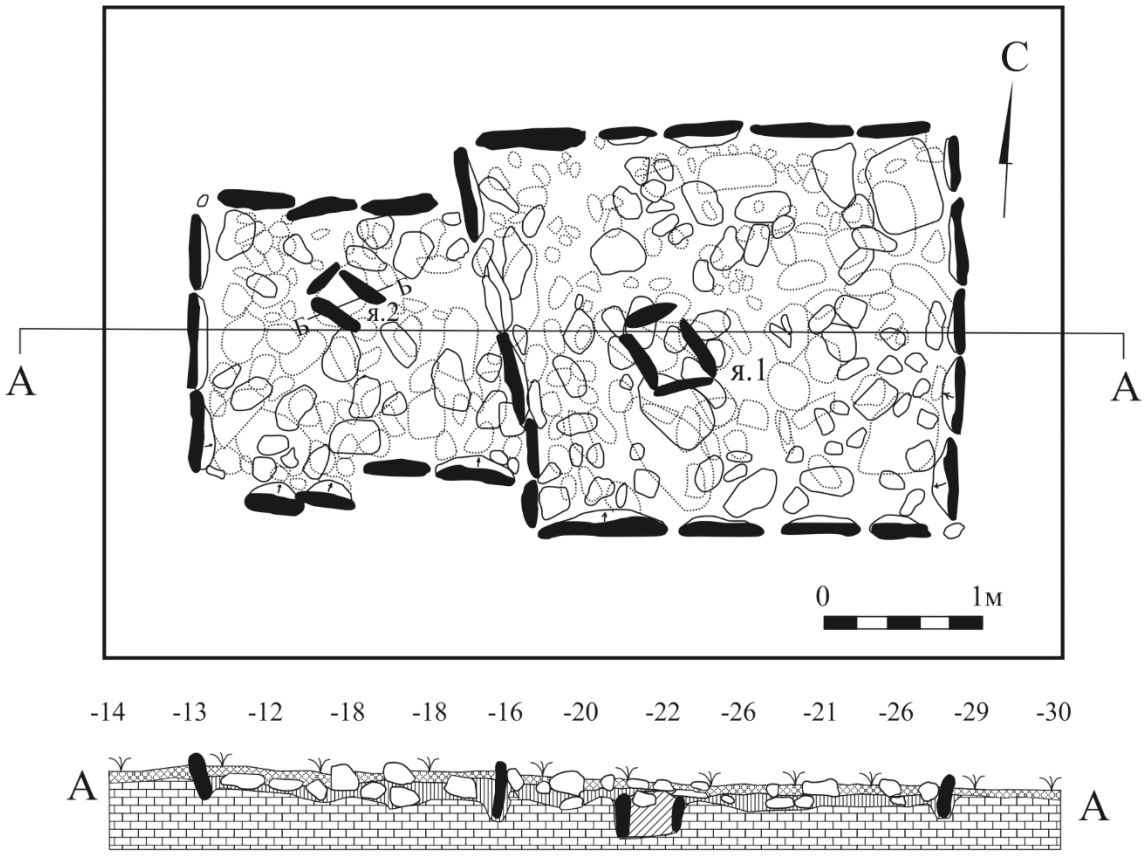

Рис. 63. Кок-Паш, оградки И-1–2 (по: Васютин А.С., 1985)

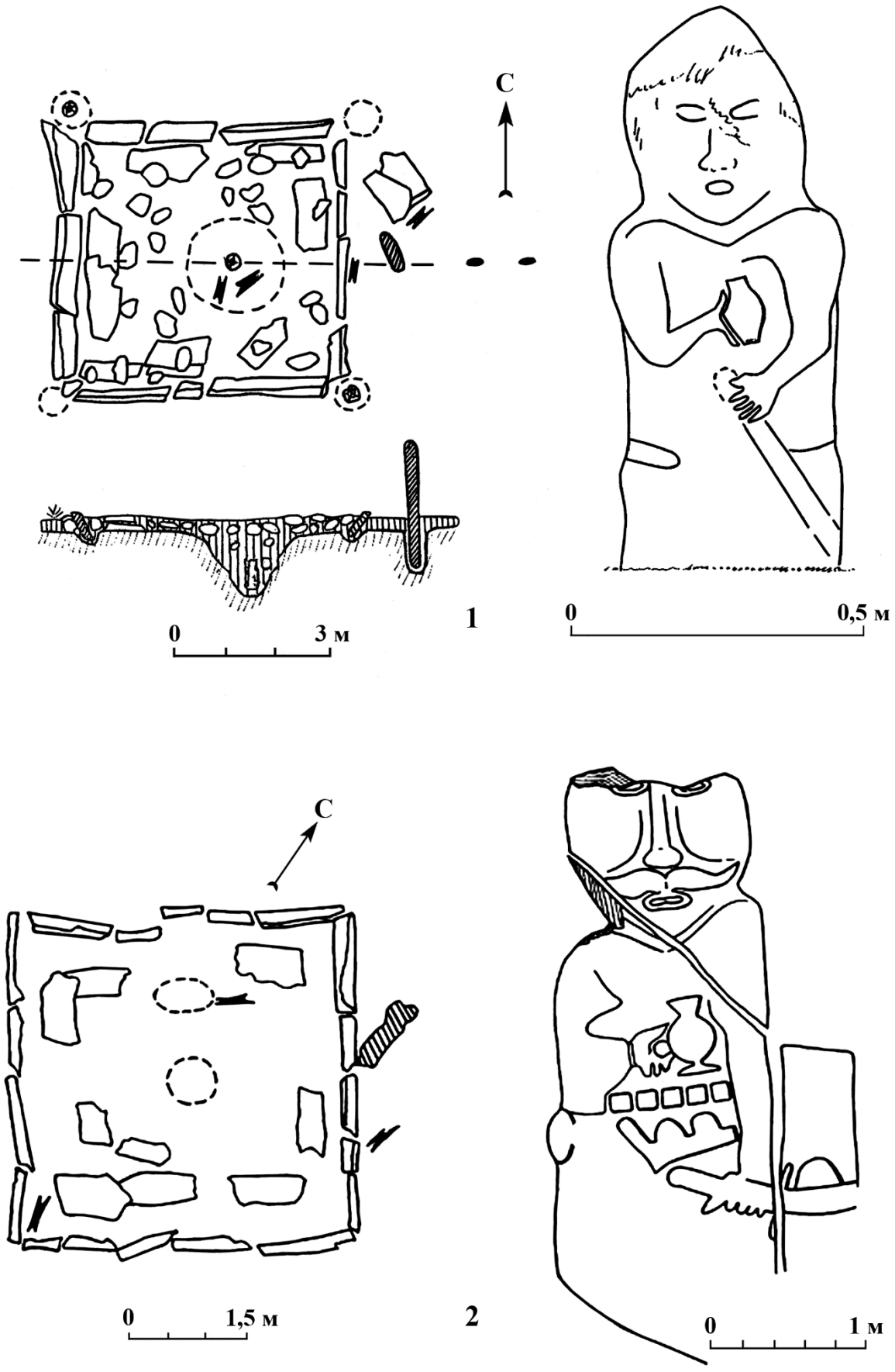

Рис. 64. Узун-Язы и Туру-Алты, оградки с изваяниями
(по: Кубарев В.Д., 1984, табл. XVI.-99, XLII-233)

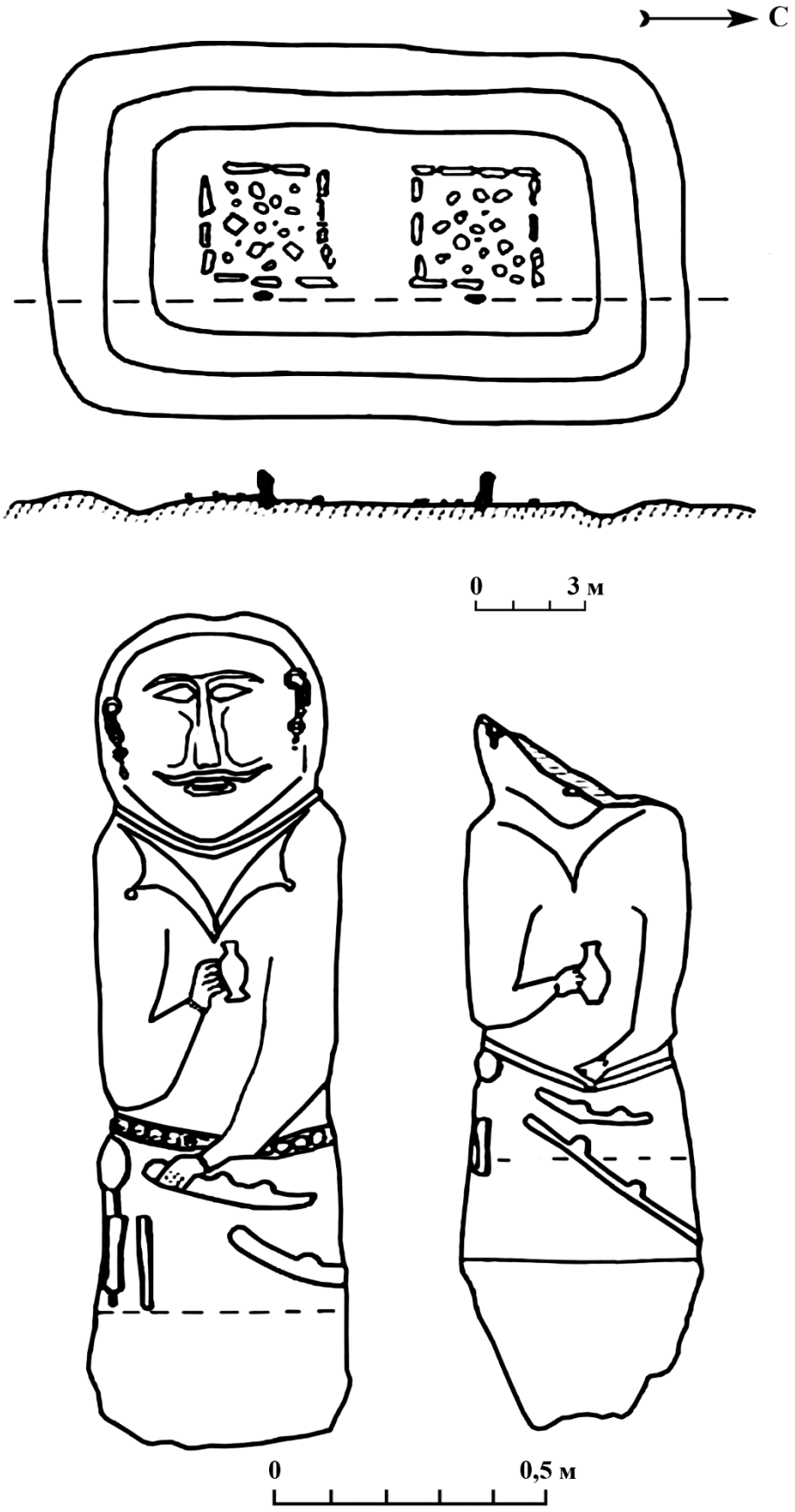

Рис. 65. Малталу, оградка с изваяниями
(по: Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIII)

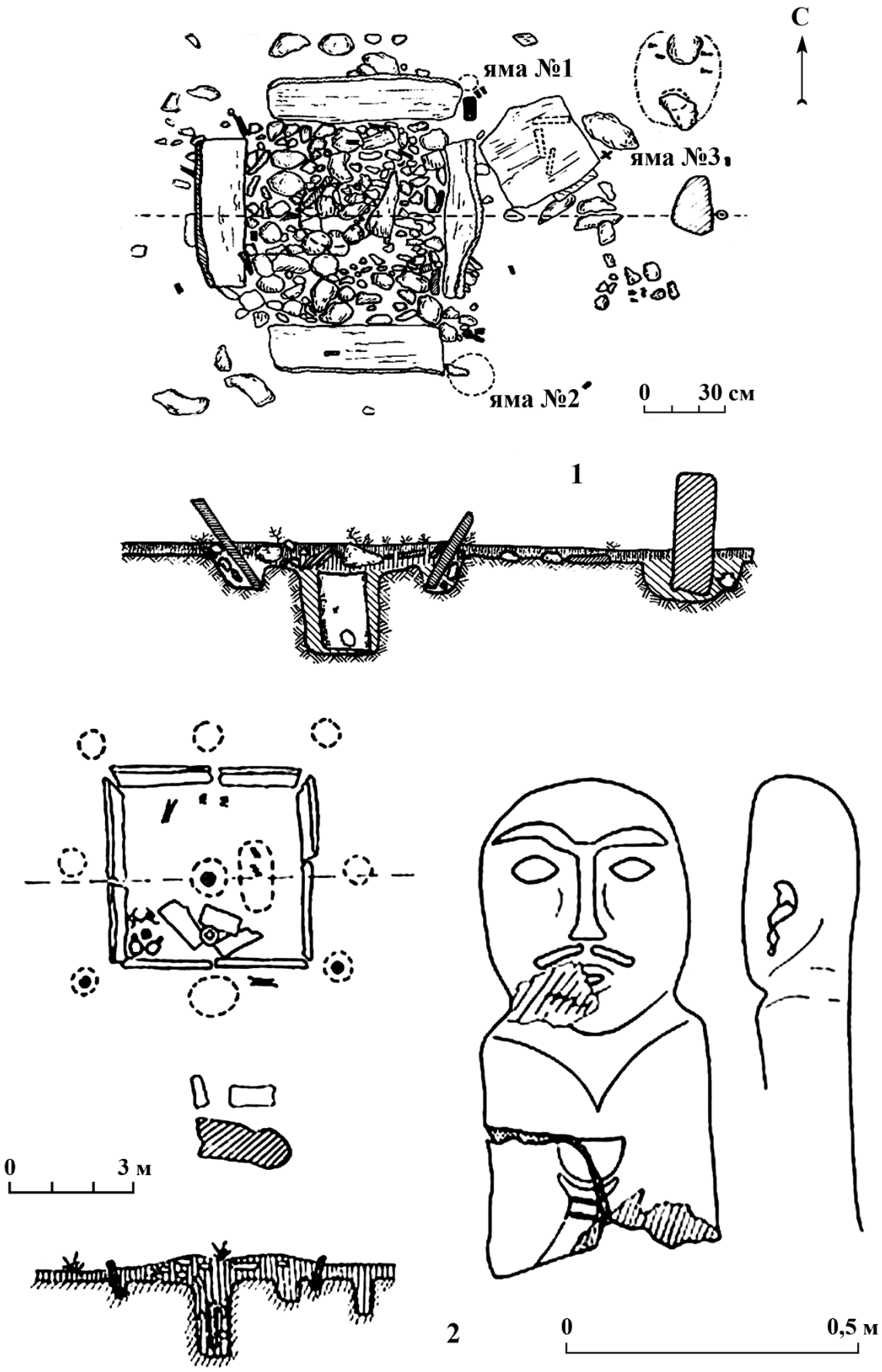

Рис. 66. Оградки комплекса Юстыд (по: Кубарев В.Д., 1979, рис. 3; Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVIII)

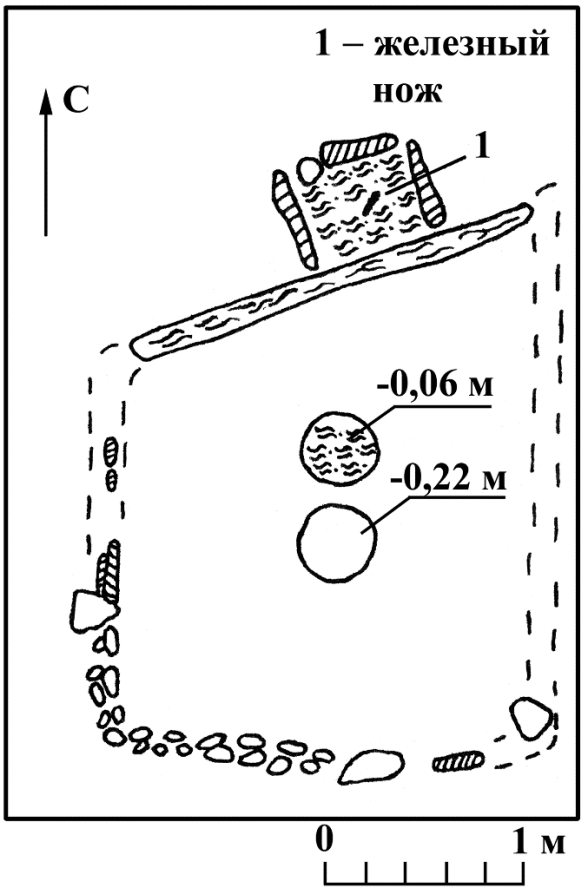

Рис. 67. Котыр-Тас-I, оградка №17
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 23)

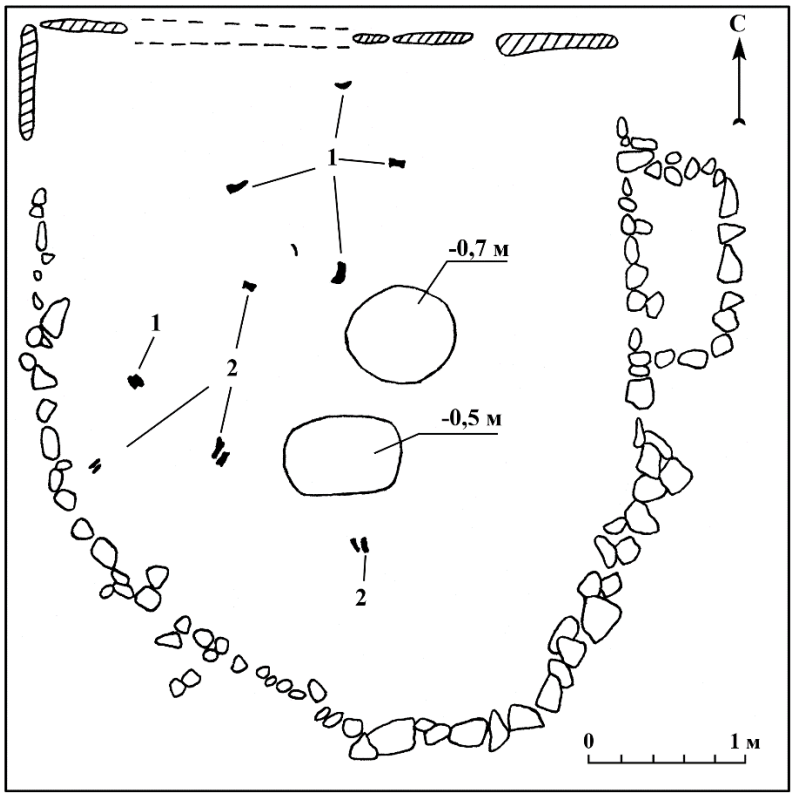

Рис. 68. Котыр-Тас-I, оградка №5
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 10)

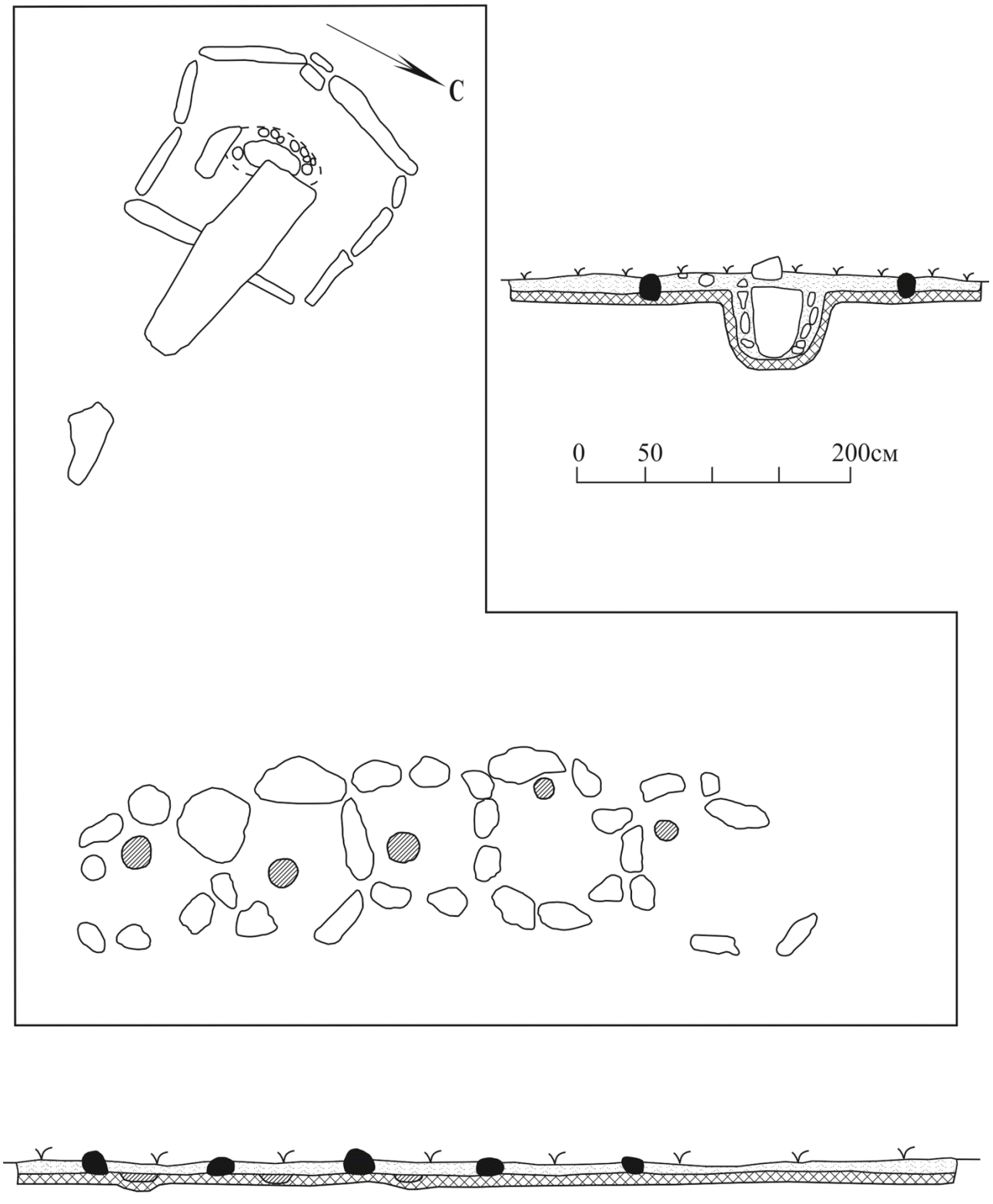

Рис. 69. Бугатын узуур-I, оградка №1
(по: Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 3)

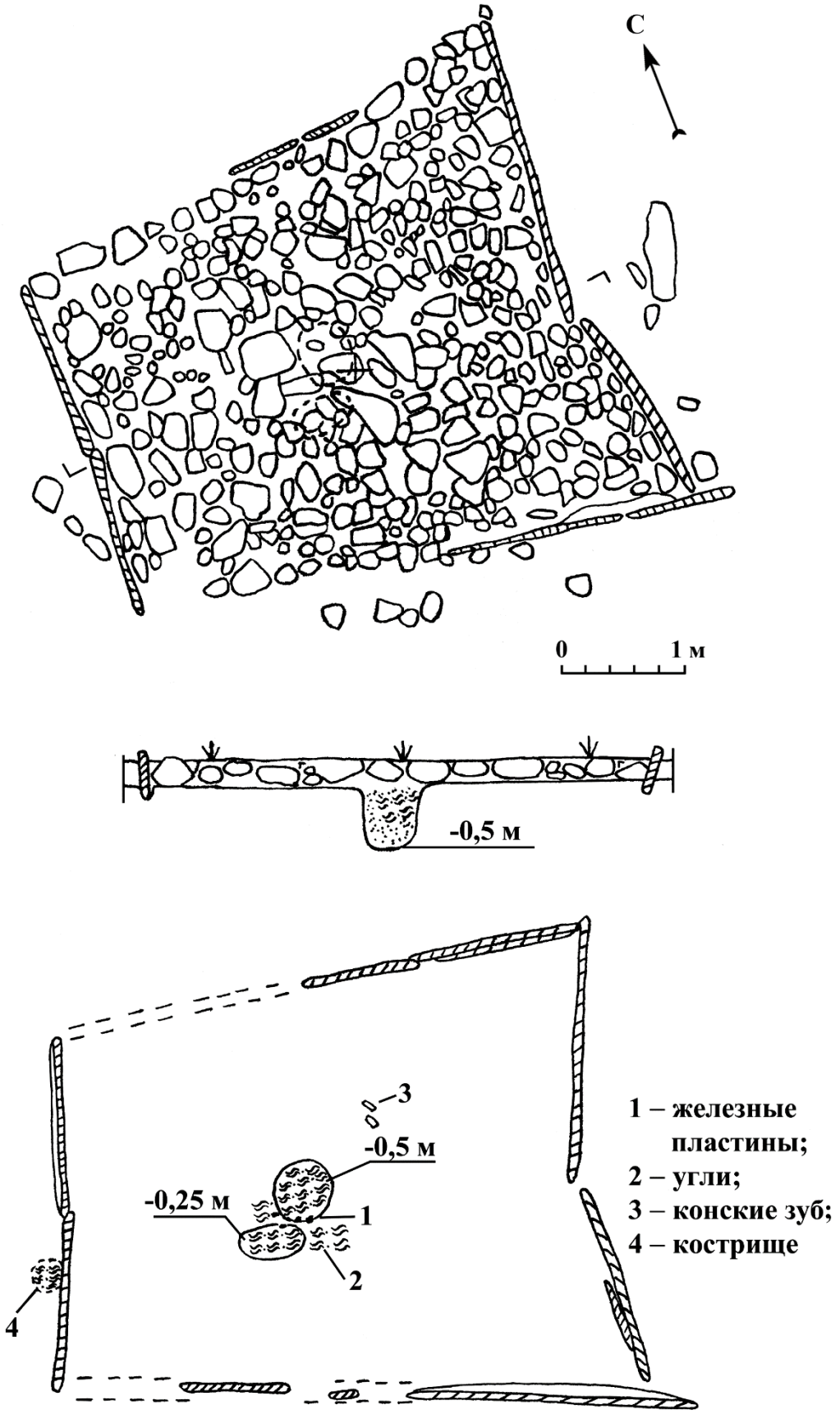

Рис. 70. Котыр-Тас-I, оградка №1
(по: Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, рис. 3)

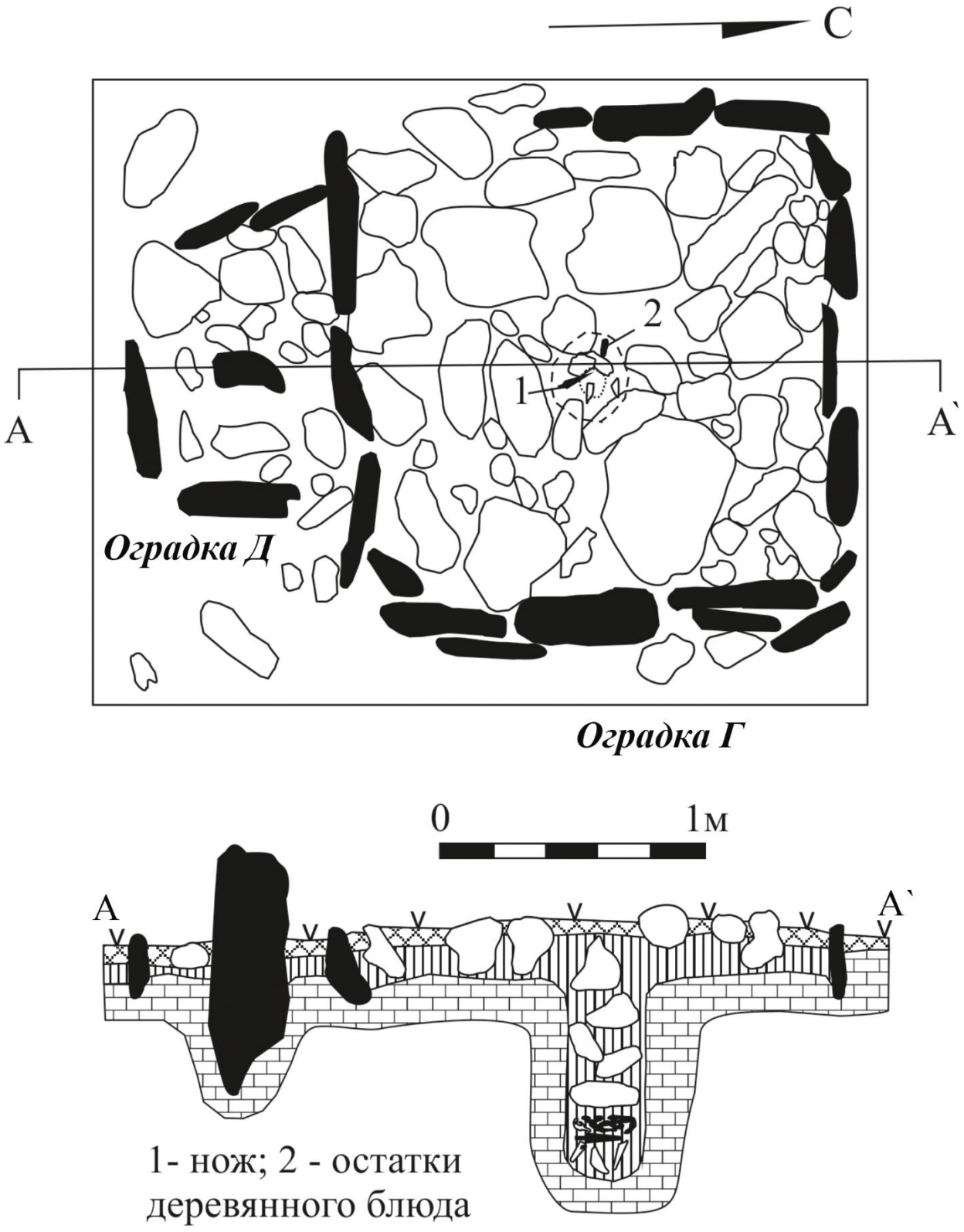

Рис. 71. Коо-I, оградки Г–Д (по: Васютин А.С., 1985)

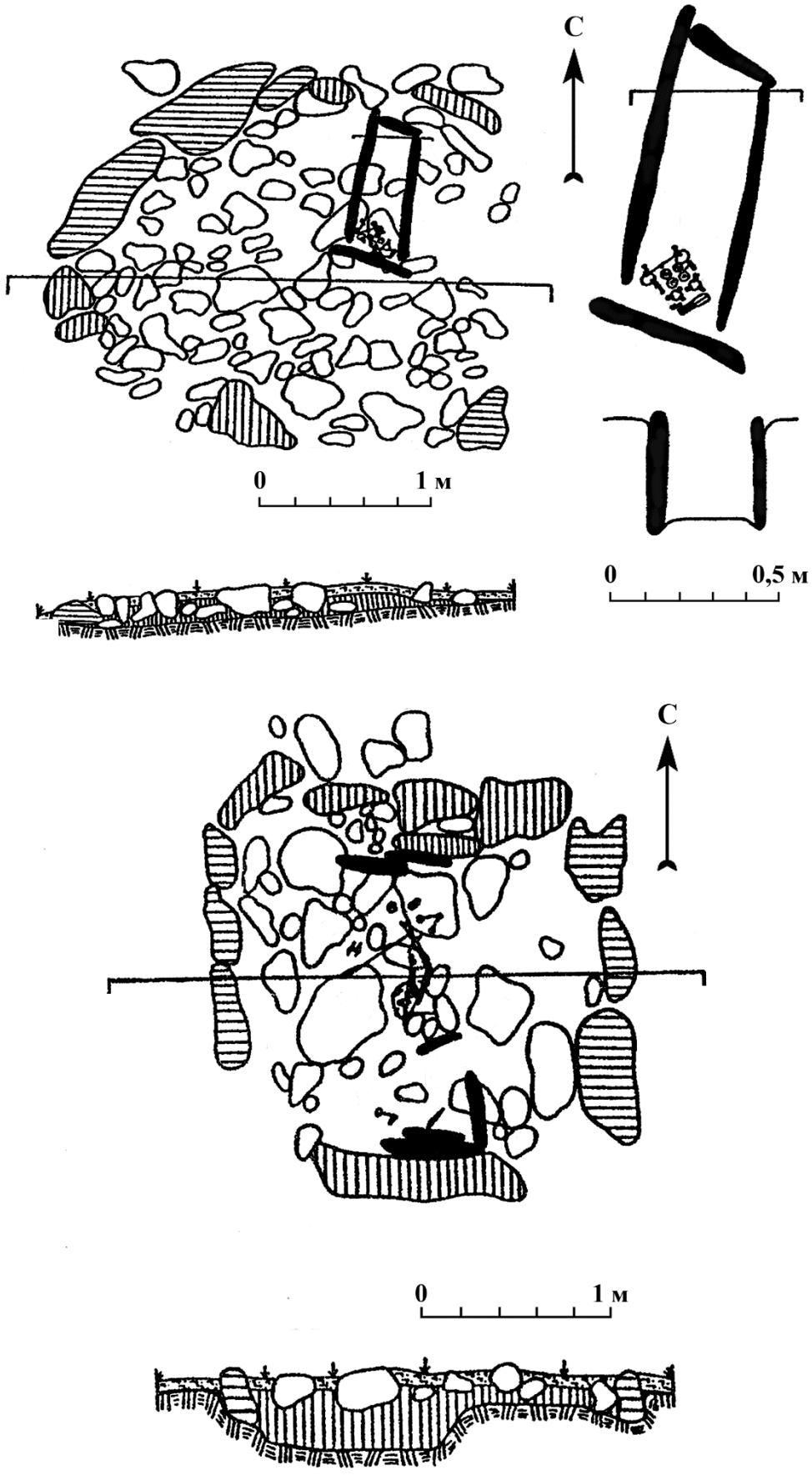

Рис. 72. Кудыргэ, оградки №102 и 104
(по: Илюшин А.М., 2000, рис. I, IV)

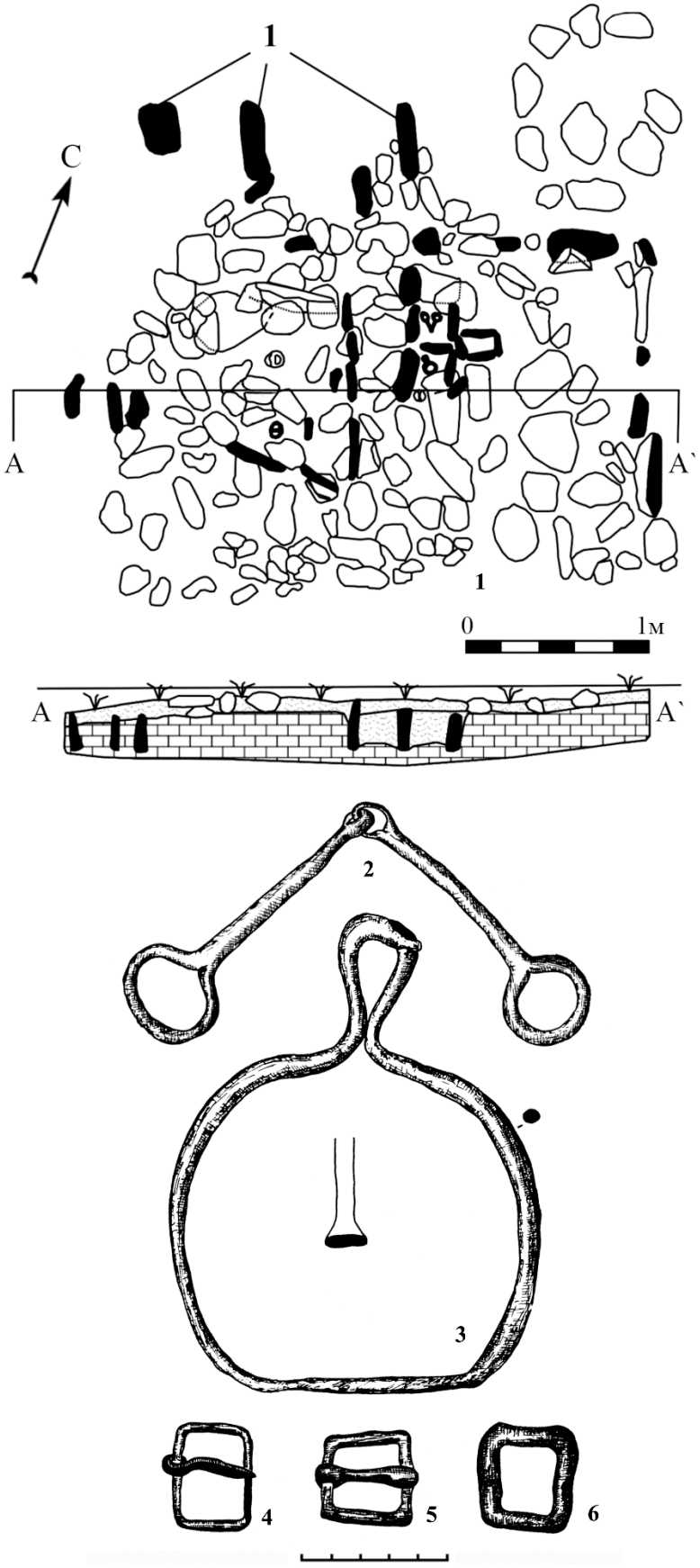

Рис. 73. Усть-Карасу, оградки А-1–2. *1* – план оградок; *2–6* – находки (по: Васютин А.С., 1984)

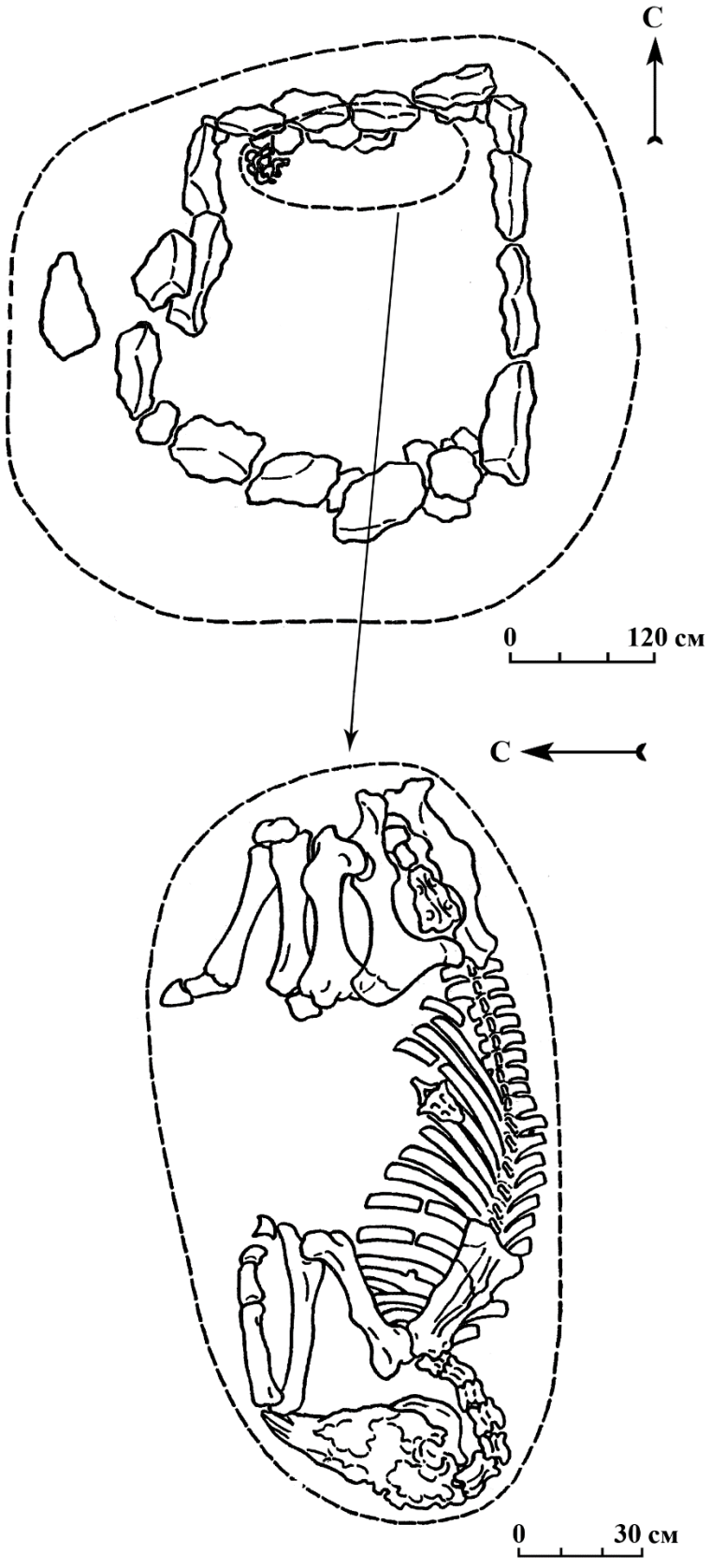

Рис. 74. Кишнег-Артудар, оградка №5
(по: Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, рис. 1)

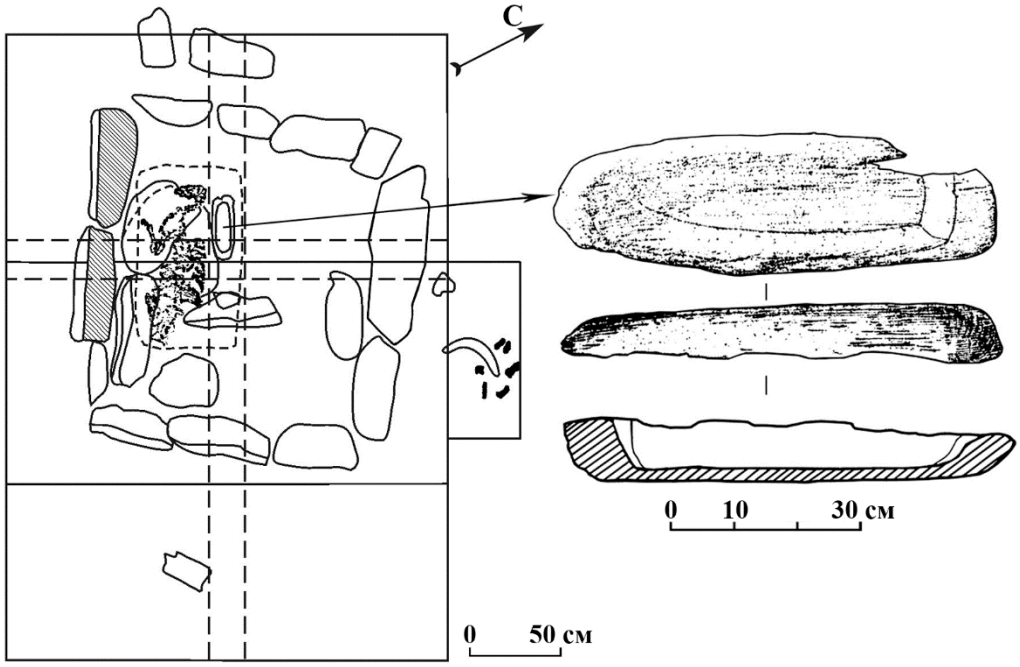

Рис. 75. Кара-Коба-I, оградка №109
(по: Могильников В.А., 1992, рис. 13–14)

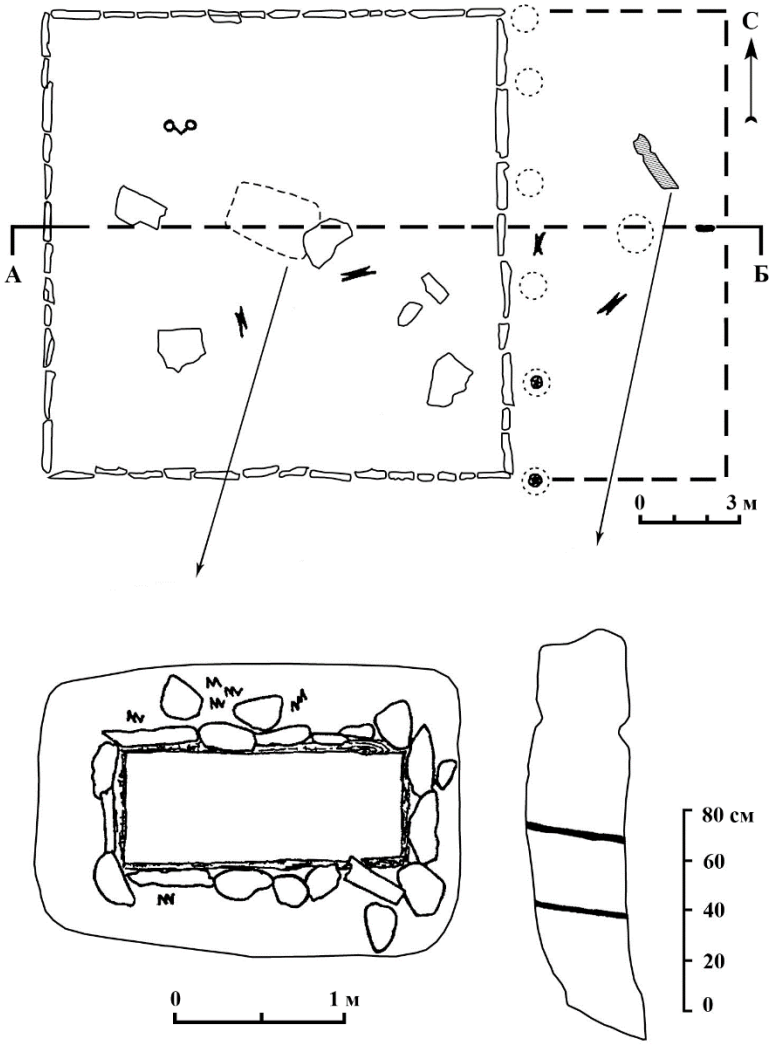

Рис. 76. Комплекс Ян-Гобо (по: Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX)

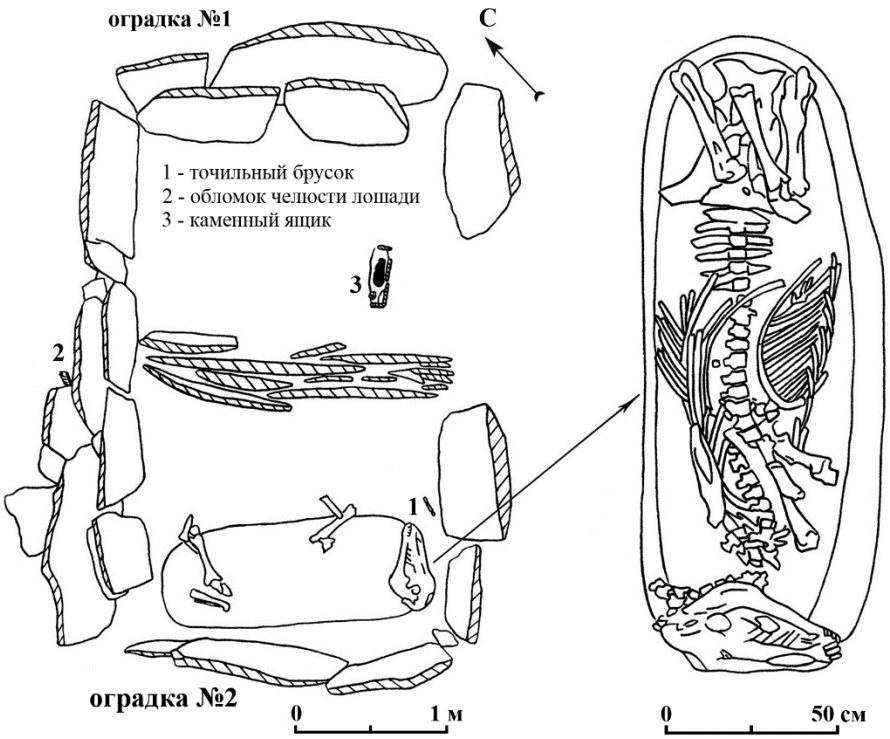

Рис. 77. Мендур-Соккон-I, оградки №1–2
(по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис. II, IV)

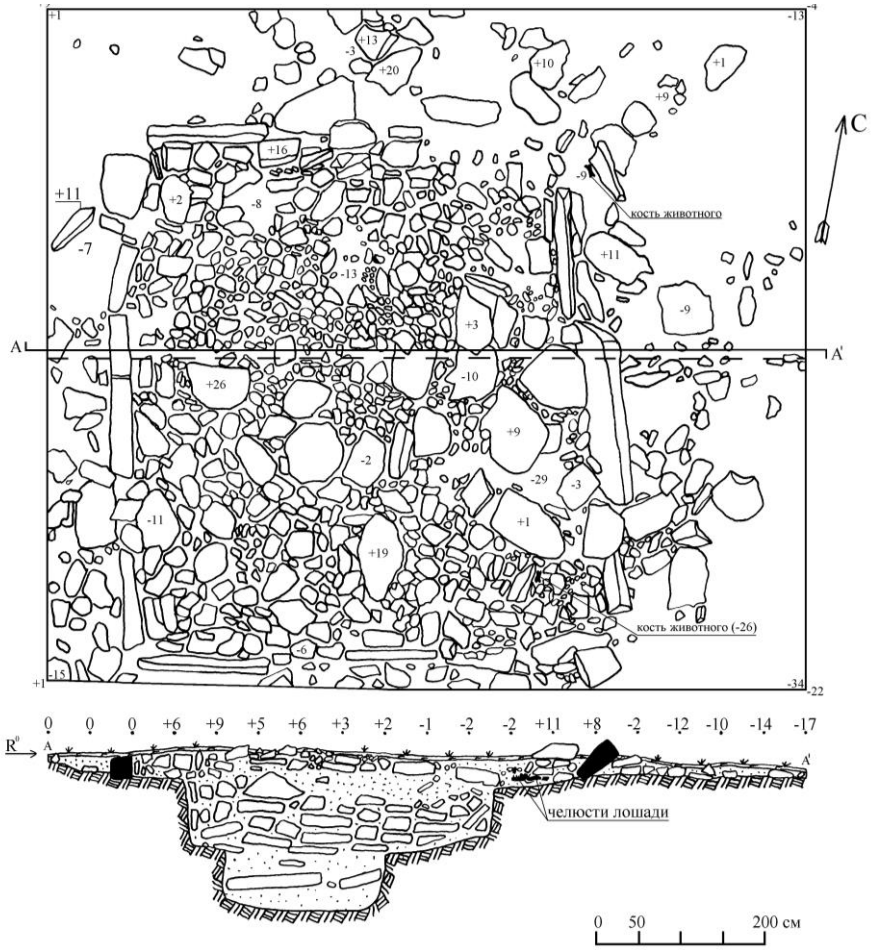

Рис. 78. Хушуун дэнж-04 (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н., 2014, рис. 5)

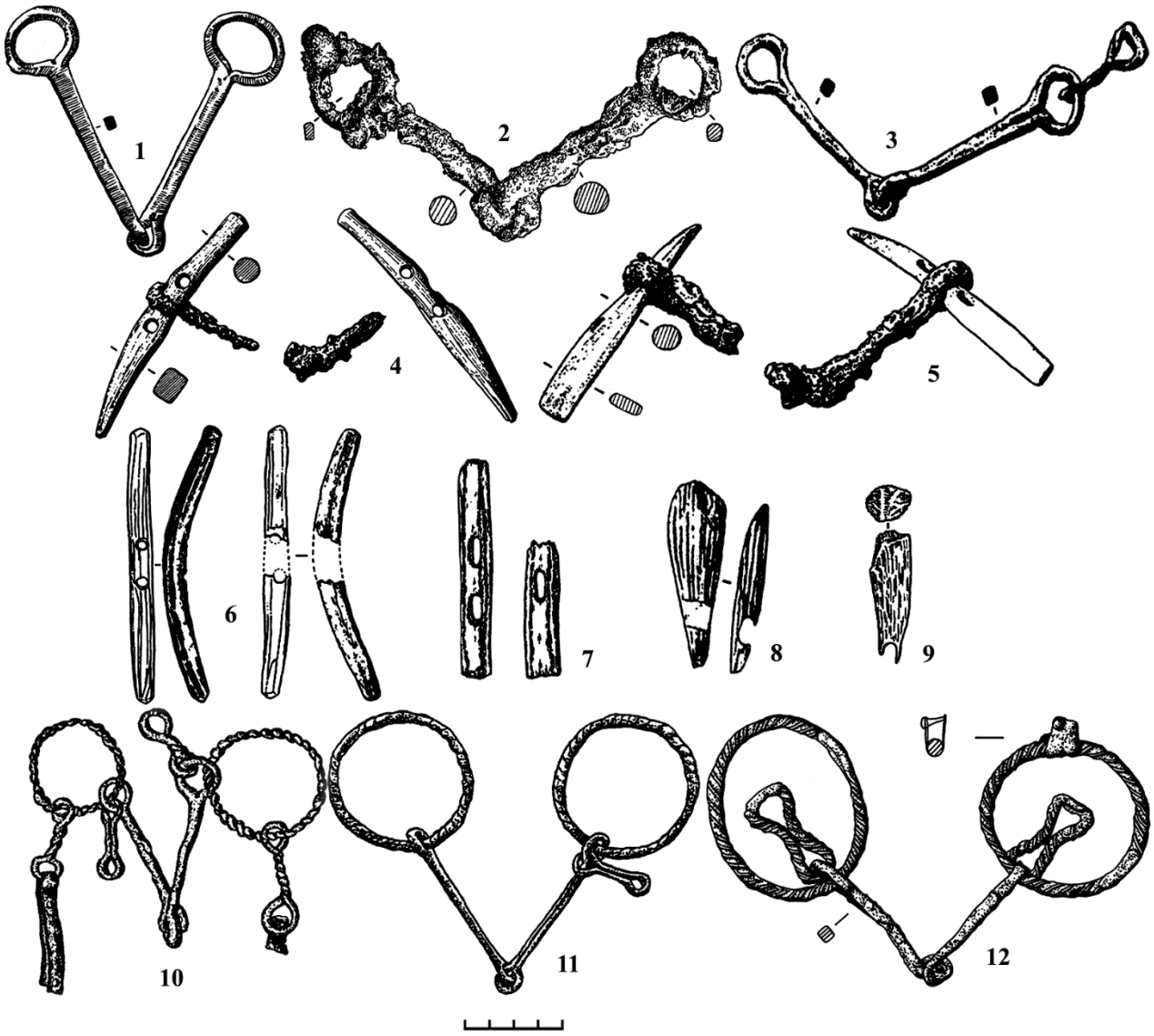

Рис. 79. Удила и псалии из памятников кызыл-ташского этапа
(по: Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1982; Могильников В.А., 1994;
Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Илюшин А.М., 2000;
Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003;
Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005)

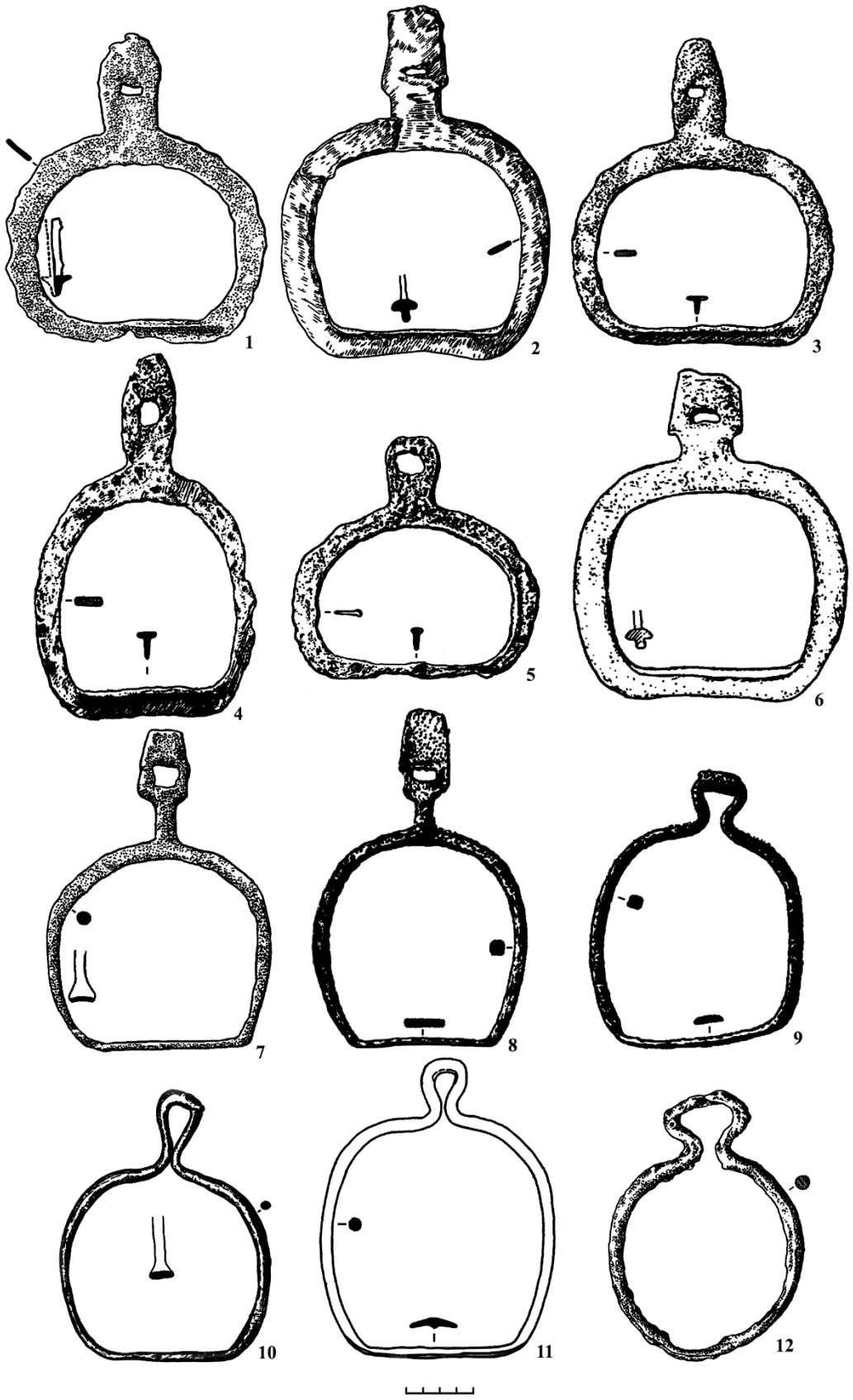

Рис. 80. Стремена из памятников кызыл-ташского этапа
(по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1996; Могильников В.А., 1994;
Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Бобров В.В.,
Васютин А.С., Васютин С.А., 2003)

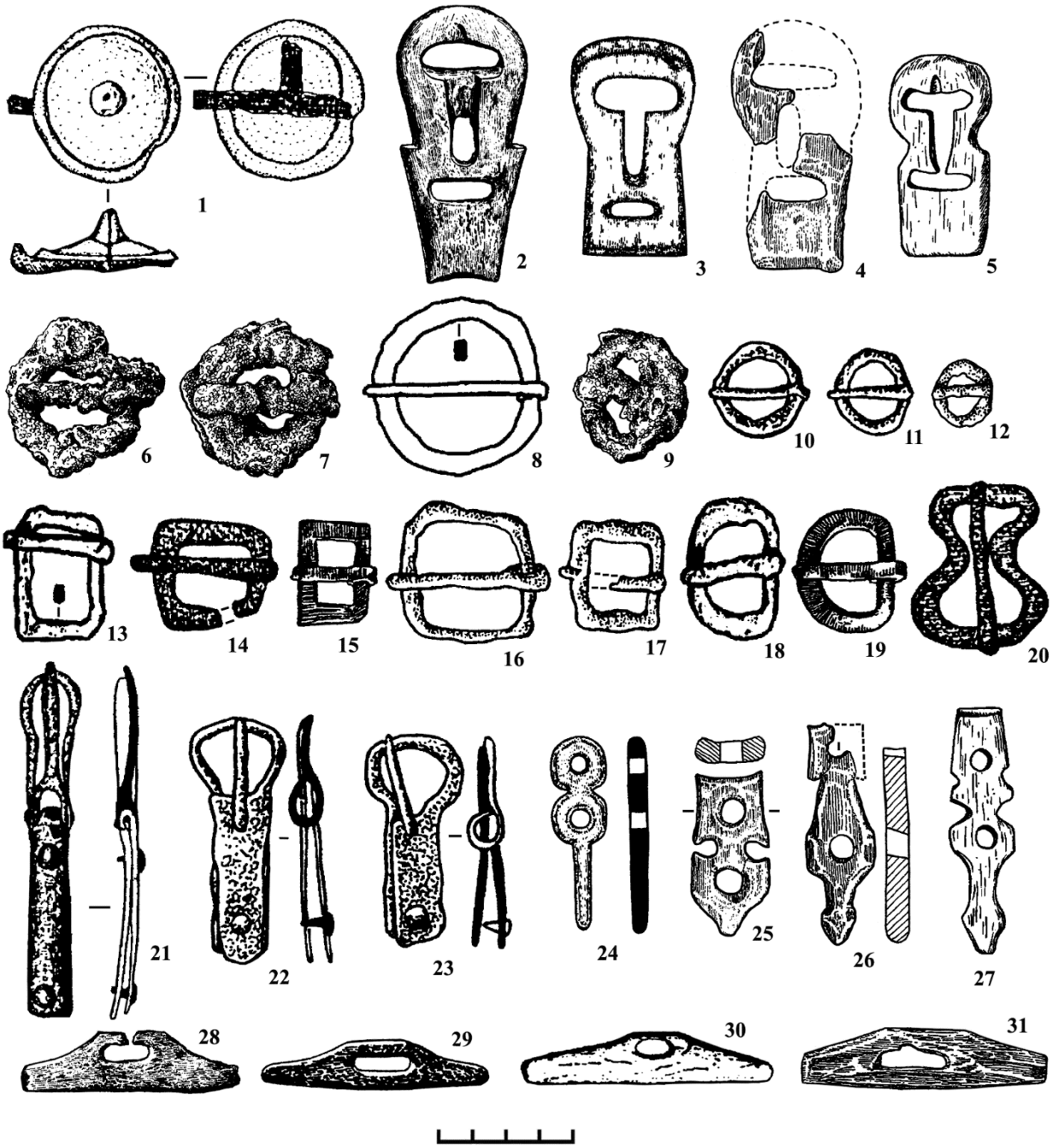

Рис. 81. Предметы конского снаряжения из памятников кызыл-ташского этапа (по: Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1982; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Могильников В.А., 1994; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998; Илюшин А.М., 2000; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005)

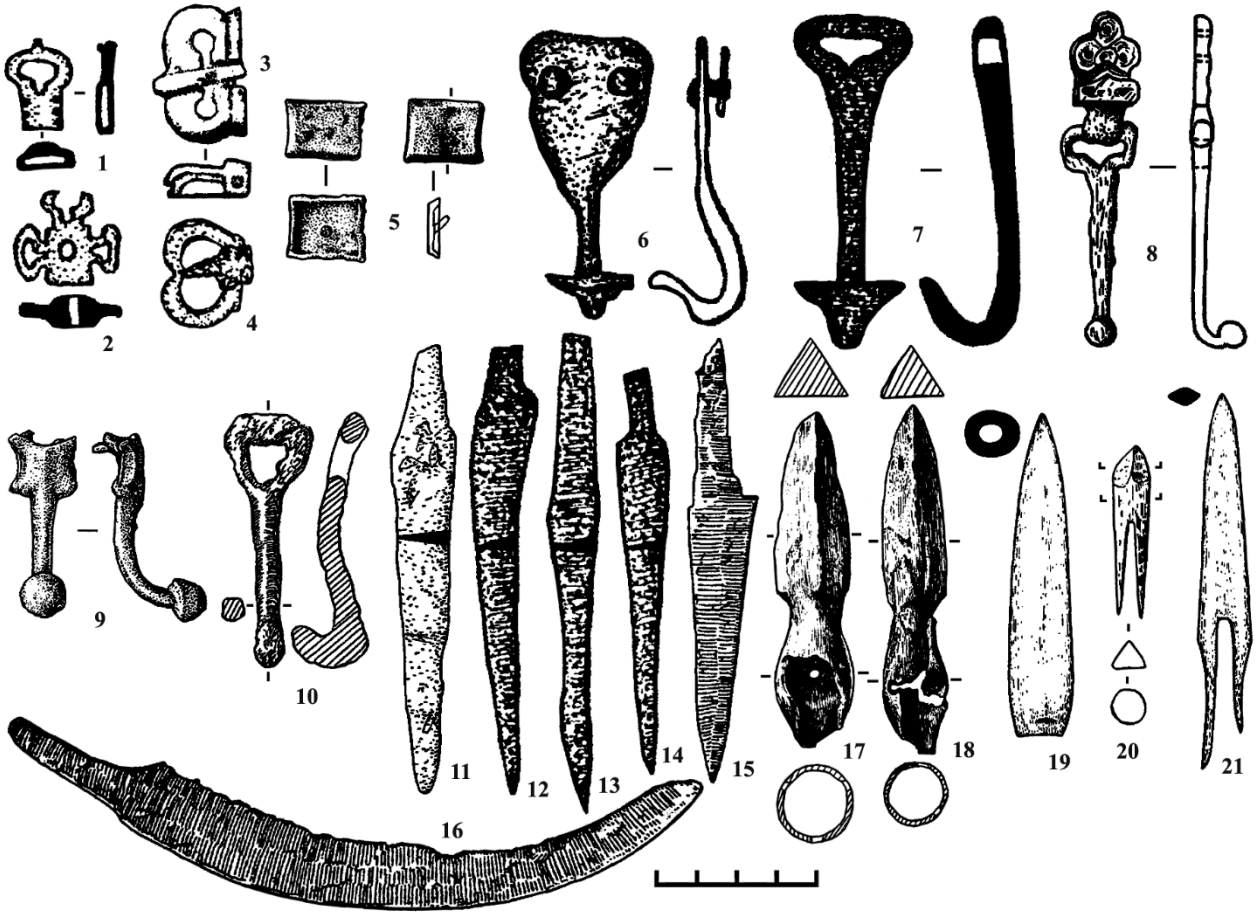

Рис. 82. Поясная гарнитура, предметы быта и орудия труда
из памятников кызыл-ташского этапа (по: Гаврилова А.А., 1965;
Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990;
Мамадаков Ю.Т., 1994; Могильников В.А., 1994; Илюшин А.М.,
2000; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005)

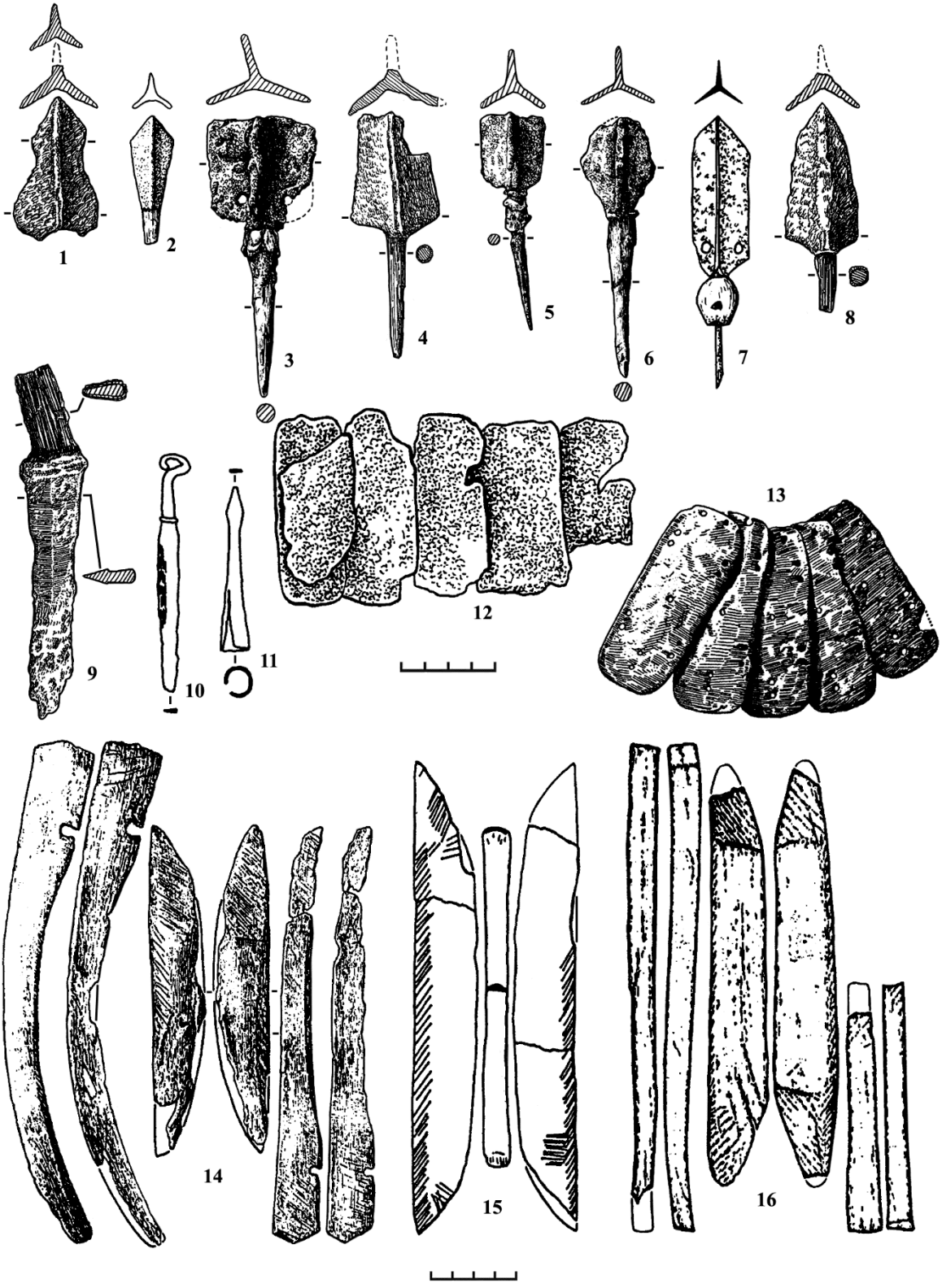

Рис. 83. Предметы вооружения из памятников кызыл-ташского этапа (по: Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1982; Мамадаков Ю.Т., 1994; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005)

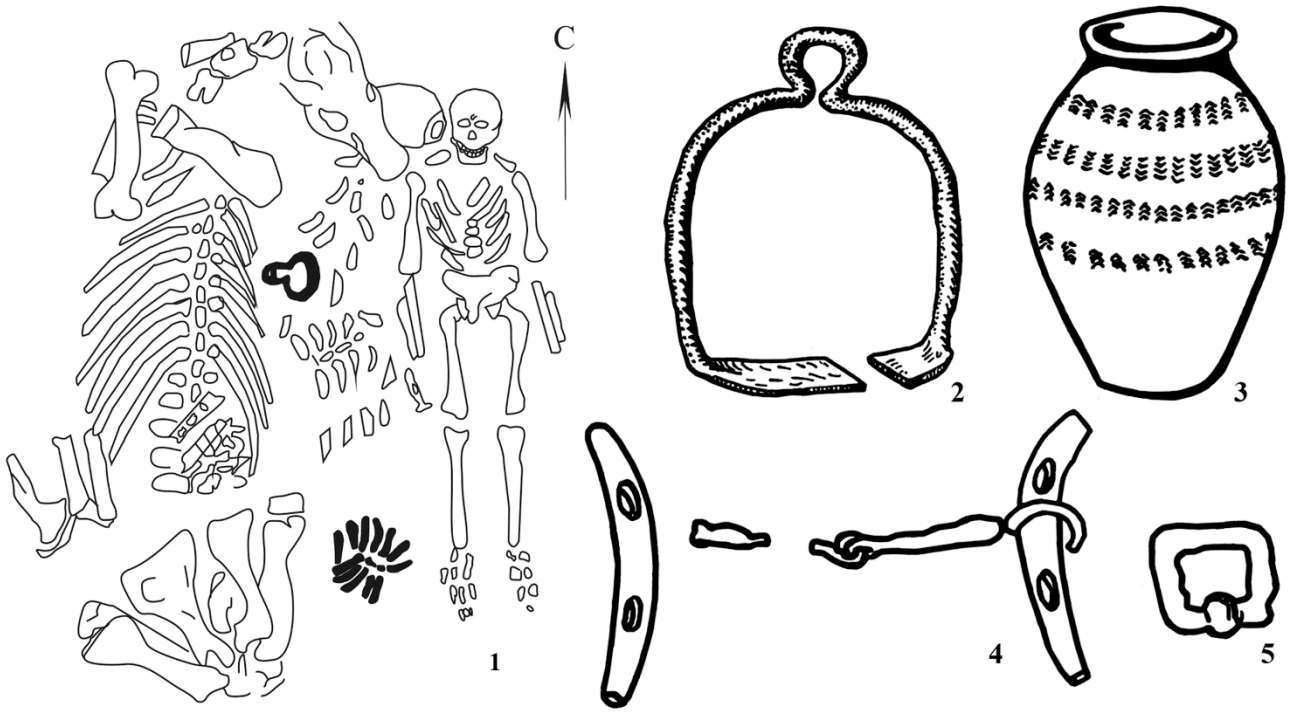

Рис. 84. Усть-Тесь, курган №2. 1 – план погребения; 2–5 – предметный комплекс (по: Евтюхова Л.А., 1948, рис. 108–111)

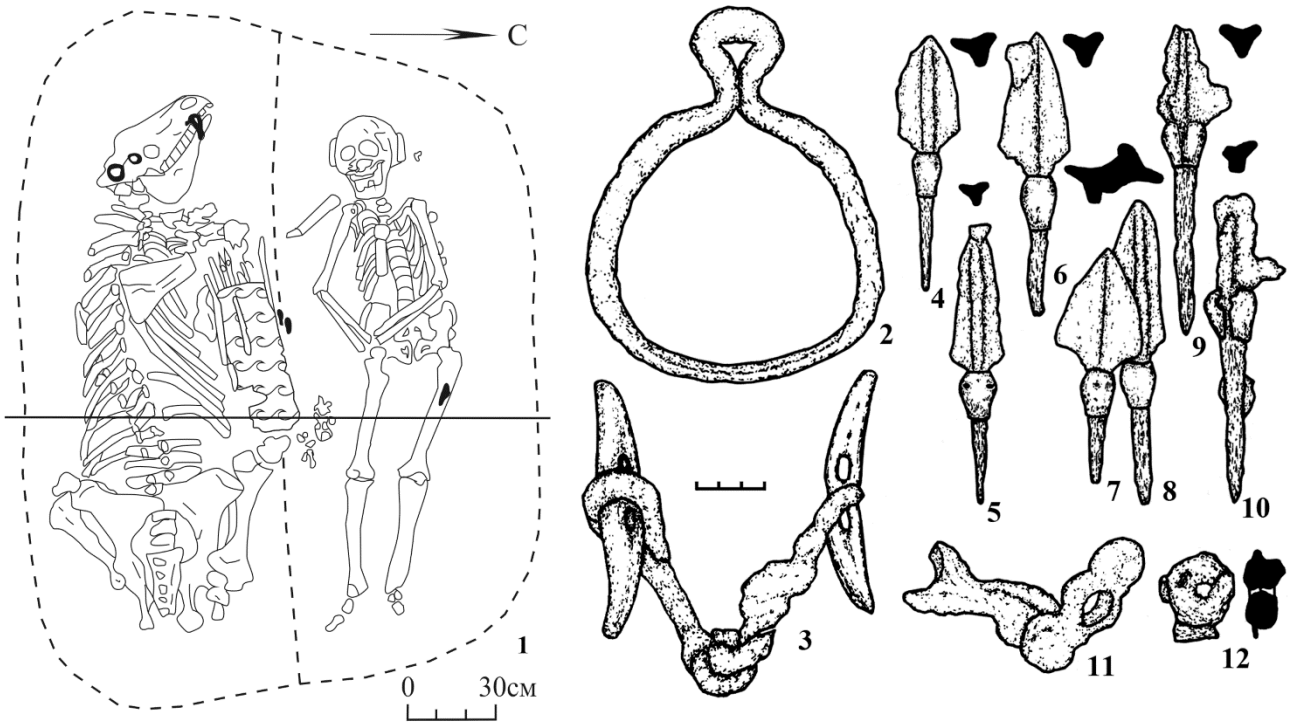

Рис. 85. Терен-Кель, курган №14. *1* – план погребения; *2–12* – предметный комплекс (по: Худяков Ю.С., 1999, рис. 1–4)

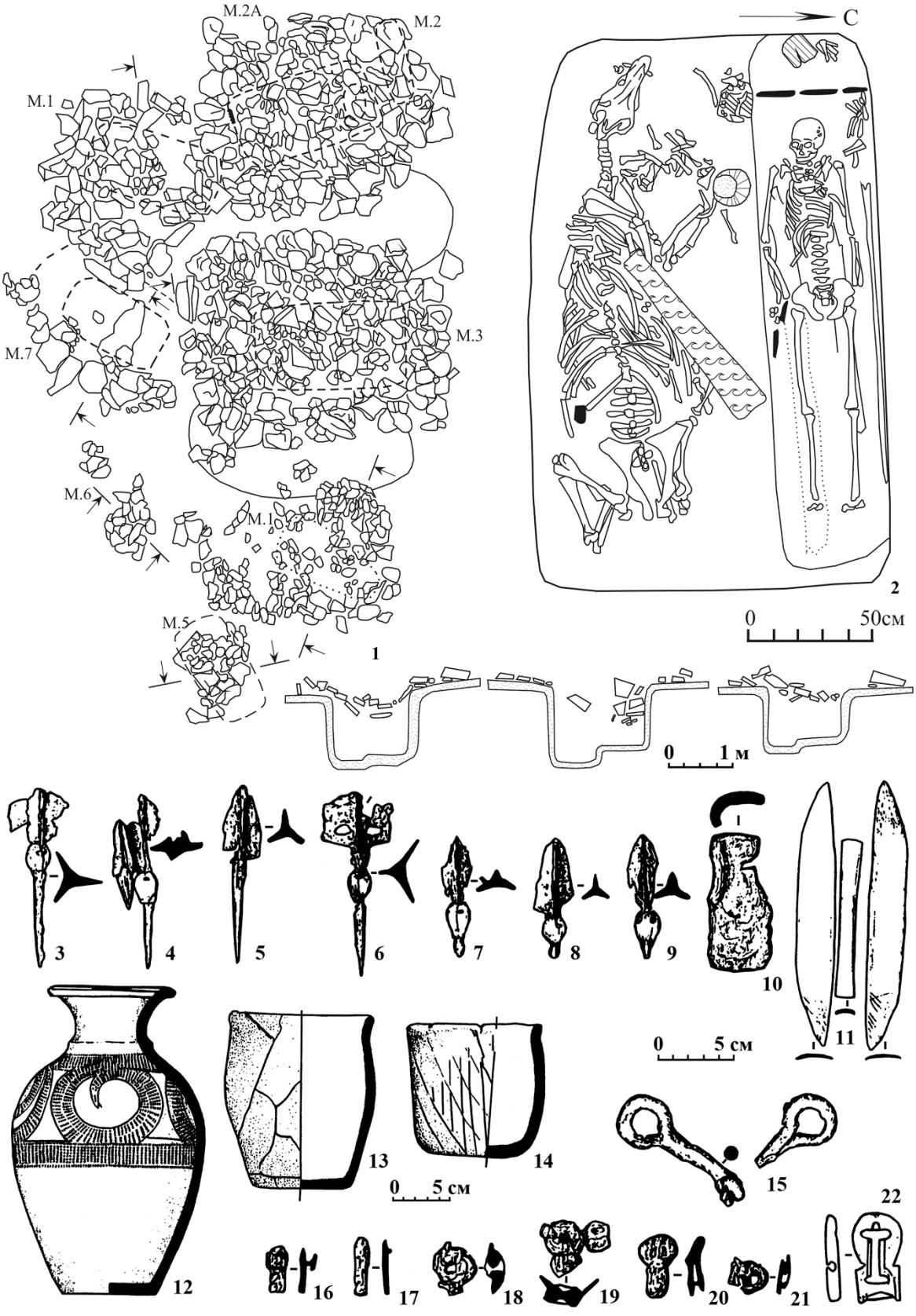

Рис. 86. Белый Яр-II, курган №1, могила 3. *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребения; *3–22* – предметный комплекс (по: Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, рис. 1; 2.-4; 4.-8–9; 16.-3, 5–6, 10–16, 18, 24–29; 17.-22)